Р.С.Белкин

ИСТОРИЯ отечественной криминалистики

От автора

Чуть более ста лет отделяют наше время от того памятного для криминалистов дня, когда на прилавках книжных магазинов появился фундаментальный труд малоизвестного доселе провинциального австрийского профессора из Граца Ганса Гросса "Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции", которому было суждено сделать своего автора мировой знаменитостью. А еще через пять лет в научный обиход вошел предложенный им термин "криминалистика", обозначивший необычную для юристов того времени, еще только появившуюся из чрева своей родительницы -- уголовно-процессуальной науки, область прикладных знаний, призванную найти кратчайшие пути ответов на древнюю семичленную формулу римских юристов: Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando? — кто? что? где? с чьей помощью? для чего? каким образом? когда?

Спустя пятьдесят лет молодой капитан-фронтовик, второкурсник существовавшей в те годы Военно-юридической академии, поклонник Эдгара По, Герберта Честертона и Конан Доила, случайно оказался на заседании студенческого кружка по криминалистике, да так и остался в этом "кружке" на всю жизнь. Как, наверное, читатель догадался, это был автор этих строк.

В последующие пятьдесят лет автор был свидетелем и участником всех значительных событий, штилей и штормов, потрясавших ставшую ему родной криминалистическую науку. Ему довелось быть близко знакомым со многими выдающимися учеными-криминалистами, не раз "скрещивать копья" в дискуссиях по кардинальным проблемам науки и практики и много лет лелеять надежду, что наступит день, когда он наберется смелости описать историю развития этого удивительного феномена — отечественной криминалистики: глазами историка и глазами очевидца-участника.

Время неумолимо, и стало ясно, что если не приступить немедленно к реализации этого по-своему дерзкого замысла, то в силу банальных биологических причин автору не удастся его воплотить в жизнь уже никогда. И, набравшись духу, он сел за пишу-щую машинку... Естественно, что он не всегда был бесстрастным наблюдателем происходящего, но и активно участвовал в научной жизни. Это была и его жизнь, и поэтому в книге встречаются чисто биографические страницы, без которых читателю будет неясен "механизм" тех или иных событий.

Историография криминалистики, в особенности отечественной, весьма небогата: всего несколько работ И. Ф. Крылова, А. В. Дулова, А. И. Винберга и автора этих строк, брошюра и несколько статей А. И. Миронова о формировании и развитии научно-технических, экспертных подразделений милиции. Лишь в немногих из этих работ речь шла об истории собственно науки, чаще она подменялась историей экспертных учреждений. Изредка публиковались и исторические очерки развития таких учреждений в бывших союзных республиках: Украине, Белоруссии, Казахстане, Азербайджане. Их приурочивали обычно к государственным годовщинам и изредка к "круглым датам" в истории того или иного экспертного учреждения. Систематизированного научного изложения истории отечественной криминалистики не существует.

Едва ли есть необходимость доказывать необходимость подобного исторического исследования. Зыбкость человеческой памяти не позволяет донести до вступающих в науку поколений бесценный опыт прошлого, ошибки и находки предшественников, их триумфы и поражения. Разрывается связь времен и только запечатленное на бумаге слово способно воспрепятствовать этому.

Понятие "отечественная криминалистка" • - весьма значимое и емкое. Оно возвращает нас к тем временам, когда слово "отечество" имело одинаковый смысл для всех живущих на пространстве от Балтики до Тихого океана. Талантом, умом и трудом граждан всего этого отечества и формировалась и развивалась наша криминалистика. Возникшие государственные границы разделили нас на граждан России, Украины, Белоруссии и других независимых государств, центробежные силы ослабили, а то и разорвали связи между коллегами, "мастеровыми криминалистического цеха"; "отечественной" для автора стала лишь российская криминалистика и возник вопрос: каково теперь должно быть изложение ее истории? Следует ли теперь, например, упоминать в ней кабинеты научно-судебной экспертизы, организованные в 1913—1914 гг. в Киеве и Одессе или только петербургский и московский кабинеты? А как быть с упоминанием имен таких заметных украинских ученых, как Н. П. Макаренко, С. И. Тихенко, В. П. Колмаков или белорусских, азербайджанских и прочих, у которых теперь иное, не общее, а свое отечество? И совсем уж неразрешимой становится задача, в истории какой "отечественной" криминалистики должна быть описана деятельность, например, С, М Потапова, который стал криминалистом в Москве, набирал опыта в Киеве, а знаменитым стал снова в Москве, или В. Ф. Червакова, организатора криминалистической экспертизы в Белоруссии, а завершившего свой жизненный путь и научную деятельность в Москве, или А. В. Дулова, начинавшего в Ленинграде, а потом ставшего во главе белорусских криминалистов.

Напрашивается единственно верное решение: отечественная криминалистика — это та наука, которая развивалась коллективными усилиями всех ученых существовавшего до 1991 г. Союза. Именно такой она должна предстать и перед россиянами, и перед украинцами, и перед белорусами,

грузинами и гражданами всех других стран Содружества. И если сейчас кто-то задумает писать свою историю своей отечественной криминалистики, то попытки начать ее с чистого листа, с 1991 г., заранее обречены на провал: не в этом году возникла криминалистика в этих странах, ее история по-прежнему остается общей для всех нас, на каком бы государственном языке мы ни пересказывали бы эту историю.

Этим и руководствовался автор предлагаемой книги.

* * *

Я выражаю глубокую признательность Эдуарду Ивановичу Мачульскому и Лидии Александровне Кузнецовой за одобрение и поддержку идеи этой книги, Александру Михайловичу Качуру, чья решающая помощь позволила эту идею реализовать, и Юрию Александровичу Сулимову, руками которого книга приобрела тот вид, в котором она представлена читателю.

Глава 1. У истоков науки

1.1. Первые попытки открытия новых путей к истине в правосудии

Возникнув вместе с государством, уголовная юстиция сразу же вынуждена была решать проблему путей, ведущих к установлению истины в правосудии. Уже в священных книгах иудеев, христиан, мусульман — Торе (Пятикнижии), Библии, Коране можно встретить описание приемов открытия такой истины: допроса, обыска и др[1]. Они упоминаются и в памятниках древнего права Рима, Греции, Руси, Германии, Китая и иных стран[2]. Это были чисто эмпирические рекомендации и установления, основанные на житейском опыте и используемые в рамках существовавших процессуальных процедур обычного или писаного права.

Начиная с XVII в. в работах по уголовному судопроизводству встречаются рекомендации по использованию при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел сведущих в сличении почерков, в распознавании ядов и обладающих медицинскими познаниями лиц, объединявшихся порой в своеобразные корпорации "мастеров-письмоведов" и т. п. Во Франции и Италии выходят в свет первые работы, посвященные исследованию почерка, — Ф. Демеля, К. Бальди, К. Равено; Мальпигием (1687 г.), Альбинусом (1764 г.) и Пуркинье (1823 г.) проводятся научные исследования в области изучения папиллярных узоров[3].

Как и в других странах, в России становлению криминалистики способствовало развитие уголовно-процессуальной науки. Уже в одном из ранних сочинений по уголовному судопроизводству — "Опыте краткого руководства для произведения следствий" Н. Орлова — указывается, что "производить следствие надлежит по горячим следам с особенным вниманием и крайней осмотрительностью, дабы ни малейших обстоятельств, особенно при начале не было выпущено из виду"[4]. В «Опыте» содержались некоторые рекомендации по тактике допроса свидетелей, очной ставке между ними, предъявлению свидетелям тех лиц, "о ком они долженствуют свидетельствовать, дабы признали их лично"[5]. В "Основаниях уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству" Я. Баршева подчеркивалось, что "из самого предмета уголовного судопроизводства видно, что, изучая его, должно будет иметь дело с различными формами, средствами (разрядка моя. — Р. Б.) и образом исследования и раскрытия преступления и суда над ним"[6]. ячестве вспомогательных средств при изучении этого предмета автор называл изучение "лучших уголовно-судебных актов и ознакомление с образом исследования и разрешения важнейших уголовных случаев", а также — судебной медицины и судебной психологии, которая "может руководить следователя в наблюдении над подсудимым, в составлении плана следствия и в измерении и определении вины подсудимого"[7]. Весьма детально излагались автором "Оснований" тактические приемы производства обыска, осмотра, допроса. "Относительно образа производства обыска, — писал Баршев, __ необходимо соблюдать следующее основное правило: потому, что та цель, для которой производится обыск, может быть достигнута только посредством предварительной неизвестности его и особенного искусства, проворства и замечательности следователя, то домашний обыск должен быть производим неожиданно, со всею внимательностью и наблюдением над действиями лиц, живущих в обыскиваемом доме"[8].

Рассматривая вопросы тактики допроса обвиняемого, Баршев указывал, что "наилучшим должно почесть тот образ допроса, в котором делается постепенный переход от более общих вопросов к наиболее частным, чтобы таким образом дать повод обвиняемому самому высказать себя и обстоятельства преступления, также, когда материал следующих вопросов заимствуется от ближайших ответов... В случае наклонности допрашиваемого к признанию, благоразумие советует выслушивать его не прерывая, и после уже искусно выспрашивать у него объяснения на то, что представляется неясным и чего недостает еще для полного

признания"[9].

Баршев сформулировал правила "личного осмотра преступления и следов его":

1) личный осмотр необходим во всех случаях, когда имеются "наружные признаки" и следы преступления;

2) он должен производиться "со всей скоростью, какая только нужна для того, чтобы устранить всякое возможное изменение в предмете осмотра";

3) осмотру подлежат как "главный предмет исследования", так и все то, что с ним связано ("инструменты, вещи и предметы, близкие к осматриваемому предмету");

4) нужно детально исследовать и зафиксировать "произведенные уже или происшедшие перемены с предметом осмотра";

5} описание хода и результатов осмотра должно быть настолько подробным и точным, "чтобы те, которые должны воспользоваться этим актом, могли получить посредством него столь ясное и полное представление о предмете осмотра, как будто б они сами производили *его"*[10]. Столь же подробно излагаются и приемы проведения очной ставки [11].

Небезынтересно, что у Баршева мы встречаем не только тактические, но и методические рекомендации. Глава 4 его книги называется "Образ исследования и осмотра особенных родов преступлений". Здесь идет речь о последовательности и содержании действий следователя при расследовании убийств, краж, подлогов, банкротства. Так, например, при расследовании убийства путем отравления необходимы:

"1) подробное исследование болезни и тех припадков и симптомов, в которых умер вероятно отравленный <...>;

2) наружный осмотр тела, чтобы открыть на нем действие и следы яда;

3) осмотр и проба всех кушаний, питья, лекарств и даже посуды, найденных у умершего;

4) вскрытие тела с целью, не найдутся ли на нем следы яда »[12].

Аналогичные рекомендации содержатся и в других процессуальных руководствах, например, в книге Е. Колоколова "Правила и формы о производстве следствий, составленные по своду законов" (М., 1850).

При императоре Николае I в 30-х гг. XIX в. знания подобных рекомендаций стали требовать от квартальных полицейских надзирателей, унтер-офицеров столичной полиции при сдаче экзамена на первый классный чин {чиновника 14-го разряда). А. В. Борисов и Л. М. Колодкин пишут, что "экзаменующийся должен был показать знание... инструкций, определявших права и задачи квартального надзирателя, правил ведения служебной переписки, статистического учета правонарушений, а также "порядка, соблюдаемого при отыскании людей, укрывающихся от полиции" и "правил первоначальных следственных действий"[13]. Знанию таких рекомендаций обучали и на курсах Корпуса жандармов.

Дореформенное русское уголовное судопроизводство отводило косвенным доказательствам — уликам — весьма незначительную роль, что было характерно для процесса, носившего по существу инквизиционный характер, когда "царицей доказательств" считалось лишь признание вины. Однако к середине XIX в. несовершенство лежащей в основе судопроизводства теории формальных доказательств становилось все более очевидным, чему в немалой степени способствовала и развивающаяся практика использования вещественных доказательств, в том числе методами судебной медицины и химии. В одной из лекций по теории судебных доказательств, прочитанной в 1860 г. в Петербургском университете, В. Д, Спасович говорил: "... для преобразования нашей современной системы доказательств, очевидно не удовлетворяющей требованиям охранения общественного порядка, необходимо выдвинуть вперед доказательство посредством улик, предоставив судьям право приговаривать к наказанию по их совокупности”[14]. В качестве улик все чаще стали фигурировать вещественные доказательства, чему в немалой степени способствовали примеры их успешного исследования. В России такие исследования нередко осуществляли ведущие ученые — химики Ю. Ф. Фрицше, Ю. К. Трапп, Д. И. Менделеев, Н. Н. Зинин, Е. В. Пеликан и др[15]. Значительных успехов к этому времени добились и судебная медицина, и судебная психиатрия. Но эти успехи неожиданно привели к тупиковой ситуации.

Обосновывая необходимость реформы теории доказательств, доказывая, что

существующая теория формальных доказательств должна уступить теории их свободной оценки, которая к этому времени уже стала господствующей на Западе, В. Д. Спасович утверждал, что такая реформа возможна лишь при условии реформы всей системы судопроизводства. И такая реформа, как известно, была осуществлена в России в 1864 г. В принятом новом Уставе уголовного судопроизводства неоднократно указывалось, что все решения судебных властей должны приниматься по внутреннему убеждению, основанному на исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности, т. е. на основе свободной, ничем не регламентированной оценки доказательств[16]. Закон породил проблему: как оценить мнение, заключение сведущих лиц, если ни судьи, ни присяжные не обладают теми специальными познаниями, на основе которых сведущие лица и дают свое заключение?

Впервые эта проблема возникла в судопроизводстве, когда при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел все чаще стали использоваться специальные сведения из области судебной медицины, психиатрии и судебной химии. Было очевидно, что эксперт — не обычный свидетель, а его мнение по специальному вопросу не может оцениваться по правилам оценки свидетельских показаний. Не решило проблемы и разделение российским Уставом уголовного судопроизводства сведущих лиц на две категории: экспертов, которые дают заключения, основанные на специальных познаниях в области науки и т. п., и справочных свидетелей, сообщающих суду те или иные данные научного характера, что не требует проведения каких-либо исследований. Но если оценка показаний последних трудностей не вызывает, поскольку эти данные могут быть судом перепроверены через других справочных свидетелей, то правильность заключения первых такой оценке обычно не поддается.

Немецкий процессуалист К. Миттермайер разрубил этот гордиев узел, объявив заключение эксперта — "научного судьи факта" — не подлежащим оценке следователем и судом. Доступной для судьи является оценка не самого заключения по существу, а через оценку личности эксперта: "есть ли ручательства за правильность мнения эксперта:

а) в его личности;

б) в его желании говорить истину, без обращения внимания на последствия его мнения для кого бы то ни было, самостоятельно, вне всяких влияний;

в) в его свойствах, ручающихся за правильность сделанного наблюдения и правдивую передачу результатов последнего;

г) в его знаниях и опыте;

д) в самом способе изложения экспертизы, укрепляющем в слушателях убеждение, что она — результат спокойного, беспристрастного и основательного исследования"[17].

С некоторыми оговорками эту концепцию в России поддержал известный процессуалист Л. Е. Владимиров.

Отечественная процессуальная наука обошла эту теорию эксперта — научного судьи молчанием: с одной стороны, она вступала в противоречие с утвердившейся теорией свободной оценки, но, с другой, не было достаточно веских реальных аргументов для ее опровержения. Попутно заметим, что это молчание сохраняется и в каше время, хотя оснований для того, чтобы его нарушить, стало неизмеримо больше: если раньше все сводилось к недоступности для понимания суда и присяжных заключений судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз и в природе еще не существовало не менее сложных экспертиз других родов и видов, то с подобной ситуацией можно столкнуться при оценке современных сложных криминалистических и иных исследований.

Теория свободной оценки доказательств наряду со стремлением найти решение новых для судопроизводства вопросов, порожденных ею, вызвала растущий интерес к расширению круга доказательств, к проблеме их собирания и исследования. В послереформенных работах процессуалистов рекомендациям, которые впоследствии будут названы криминалистическими, стало отводиться гораздо большее место.

Так, А. А. Квачевский детально описывал способы полицейского дознания и признаки, характеризующие различные способы совершения преступлений и личность преступника. Эти признаки он именовал "указаниями вещественными", раскрывал их разнообразие и значение. "Одним из лучших указателей на известное лицо, — писал Квачевский, — служат

следы его пребывания на месте преступления, они бывают весьма разнообразны: следы ног, рук, пальцев, сапог, башмаков, лошадиных копыт, разных мелких вещей, принадлежащих известному лицу; следы бывают тем лучше, чем более дают определенных указаний, чем отличительнее они, чем более в них чего-либо особенного, например, отпечатков разного сорта гвоздей на подошвах, след копыта лошади, кованной на одну ногу; здесь точное измерение, то есть определение тождественности вещей с тождественностью лица, может повести ко многим указаниям"[18]. Примечательно, что у этого автора уже встречается упоминание приемов раскрытия преступления и установления виновного, причем он специально подчеркивает, "что качества их (приемов. — Р. Б.) должны быть таковы, чтобы ими не нарушался закон"[19].

Работа А. А. Квачевского имела подзаголовок "Теоретическое и практическое руководство", и это обусловило его стремление как можно подробнее изложить приемы производства отдельных следственных действий, среди которых он впервые в отечественной литературе выделил группу первоначальных следственных действий: осмотр, освидетельствование, "разыскание внешних предметов преступления посредством обыска, выемки и собрания вещественных доказательств"[20]. Рекомендации автора к составлению протокола осмотра напоминают современные: здесь и требование детального описания всего осмотренного в той последовательности, в какой производился осмотр, и пожелание составлять протокол на месте осмотра "для того, чтобы все замеченное и найденное было внесено в протокол таким, каким оно есть на самом деле, чтобы можно было легко припомнить и проверить забытое при осмотре..."[21]. Столь же подробно рассматриваются приемы обыска, упаковки вещественных доказательств, допроса, исследования документов и пр.

УП.В.Макалинского мы находим уже не только описание тех или иных криминалистических приемов и рекомендаций по работе с доказательствами, но и обстоятельную аргументацию в пользу их применения. Так, он писал об использовании фотосъемки при осмотре места происшествия: "В особенности большую пользу могла бы приносить фотография в осмотрах по делам об убийствах, виновные в которых еще неизвестны :здесь каждая мелочь может иметь значение, а между тем часто при осмотре довольно трудно угадать, на какие именно мелочи следует обратить преимущественное внимание; фотография же передаст все без упущений. Притом, как бы ни был добросовестен и тщателен осмотр, как бы он ни был ясно, последовательно, картинно и даже художественно изложен, описание никогда не может дать того представления, как фотография"[22]. Несколькими строчками далее П. В. Макалинский подробно изложил приемы получения гипсовых копий со следов ног по методике Борхмана, а затем описал возможности экспертизы документов[23]. Руководство содержит и другие криминалистические рекомендации, приводимые по ходу описания различных следственных действий.

С начала XX в. криминалистические рекомендации начинают постепенно исчезать из процессуальных работ либо просто упоминаться без описания их содержания. Так, в учебнике С. В. Познышева по уголовному процессу говорится лишь о целесообразности фотосъемки места происшествия, о важности обнаружения следов рук, полезности антропометрического измерения и дактилоскопирования обвиняемого. Сами же приемы этих действий автором не раскрываются, так как он рекомендует следователю для их осуществления обращаться к помощи специалиста[24]. Пожалуй это одно из первых упоминаний в отечественной процессуальной литературе о специалисте-криминалисте, хотя так он тогда еще не именовался.

Исключение из уголовно-процессуальных работ криминалистических рекомендаций объясняется, как представляется, несколькими причинами.

Конец XIX и начало XX в. ознаменовались прорывом в деле формирования подлинно научных средств и методов борьбы с преступностью, существенно изменившейся к этому времени и количественно и качественно. Промышленные революции в развитых странах Европы и Америки породили профессиональную и организованную преступность, вооруженную техническими достижениями последнего времени, средствами связи и

сообщения. В борьбе с этой качественно и количественно изменившейся преступностью оказались беспомощными здравый смысл и житейский опыт полицейских и судебных чиновников, бессильны изменить ситуацию были и отдельные поражающие воображение удачи детективов-интеллектуалов, подражавших гениальным литературным героям — Шерлоку Холмсу Конан Доила, Дюпену Эдгара По, Лекоку Эмиля Габорио и им подобным. Возник своеобразный социальный заказ общества и государства науке: вооружить сыщика и следователя таким оружием их ремесла, которое позволило бы укротить этот поистине "девятый вал" преступности.

Ответом на этот социальный заказ стали антропометрия, словесный портрет, сигналетическая и метрическая фотосъемки Бертильона во Франции, дактилоскопия Гершеля, Фолдса, Гальтона, Генри и многих других ее "отцов-основателей", фундаментальные исследования и труды Ганса Гросса, Рудольфа Арчибальда Рейсса, Эдмона Локара и десятков других подвижников зарождающейся криминалистической науки. Едва ли, разумеется, в глазах русских ученых-юристов того времени все эти и подобные новации расценивались как возникновение самостоятельной области научного знания, отличной от уголовно-процессуальной науки, что вызывало у их преемников сомнения и в более поздние времена, о чем речь еще впереди. Но во всяком случае с появлением на Западе работ, явно отличающихся по своему содержанию от традиционных руководств по процессуальным процедурам, отпала необходимость приводить в последних криминалистические рекомендации. Характерным в этом отношении является руководство С. А. Алякринского "Схема предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства", отсылающее читателя к журнальным статьям по технико-криминалистическим вопросам или циркулярам департамента полиции и министерства юстиции по применению технико-криминалистических средств[25]. Упоминание полицейских циркуляров как источника этих сведений было отнюдь не случайным. Дело в том, что на ранней стадии своего развития зарождающаяся криминалистическая наука стремилась решить задачи чисто полицейского характера: розыска и идентификации задержанных преступников. Антропометрия, дактилоскопия, словесный портрет, сигналетическая и метрическая фотосъемка, альбомы фотографий разыскиваемых преступников и изучение способов совершения и сокрытия преступлений — все это и многое подобное "работало" в первую очередь на нужды полиции и уже потом на предварительное следствие. Поэтому и первым названием нарождающейся науки было "полицейская техника" или "научная полиция", причем это название в некоторых странах бытует и до сих пор, его не смог вытеснить из обихода термин "криминалистика".

Именно полиция в ту пору была основным "потребителем" данных зарождающейся науки. В течение XIX в. в полицейских учреждениях разных стран возникает и развивается специальная сыскная часть, получившая название сыскной, или уголовной, полиции. В России сыскная полиция была создана впервые в Санкт-Петербурге в 1866 г., вскоре после судебной реформы 1864 г., а затем в 1881 г. в Москве, позже в Варшаве и Риге. 6 июля 1908 г. был принят закон "Об организации сыскной части", в соответствии с которым в 89 губернских и самых значительных уездных городах России в составе полицейских управлений были созданы сыскные отделения. Небезынтересно, что осенью 1908 г. по распоряжению министра внутренних дел П. А. Столыпина все кандидаты на должности начальников сыскных отделений были командированы в Санкт-Петербург для слушания лекций на подготовительных курсах уголовного сыска, учрежденных при департаменте полиции. На этих курсах программа предусматривала изучение практики сыска и "такого необходимого для будущих деятелей судебной полиции и прокуратуры предмета, как введенная уже несколько лет в некоторых иностранных университетах наука, носящая название "криминалистики" в Австро-Венгрии и Германии и "научной полиции" — в Швейцарии, Бельгии, Франции и Италии"[26], Данные научной полиции" весьма оперативно внедрялись и в российскую практику борьбы с преступностью: в 1890 г. в России вводится антропометрический метод уголовной регистрации, в декабре 1906 г. во всех тюрьмах вводится дактилоскопирование заключенных, а законом от 6 июля 1908 г. предписано дактилоскопировать в сыскных отделениях всех задержанных по подозрению в совершении

уголовных преступлений.

Начиная с 90-х гг. XIX в. русский читатель получил возможность ознакомиться в переводах с некоторыми трудами западноевропейских криминалистов, в первую очередь с работами Ганса Гросса, чье "Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции" было издано в переводе на русский язык в Смоленске тремя выпусками в 1895—1897 гг. В 1908 г, в Санкт-Петербурге выходит полный перевод 4-го немецкого издания этой книги под измененным автором названием: "Руководство для судебных следователей как система криминалистики". В 1899 г. журнал "Право" в нескольких номерах опубликовал перевод статьи Гросса "Новые данные из области криминалистики"[27]. В 1911— 1912 гг. в переводе на русский язык издаются работы Р. А. Рейсса "Словесный портрет" и "Научная техника расследования преступлений" и А. Вейнгардта "Уголовная тактика". С 80-х гг. XIX в. журналы "Вестник полиции", "Журнал министерства юстиции", "Право", "Журнал гражданского и уголовного права", "Юридическая летопись", а также "Юридическая газета" и "Судебная газета" периодически публикуют статьи зарубежных криминалистов. Это, разумеется, способствовало распространению криминалистических знаний среди судебных следователей, чинов судебного ведомства, жандармерии и полиции, но отнюдь не означало, что и в России появилась самостоятельная новая область научных знаний, как бы ее ни называли на Западе.

Комментируя статьи, популяризирующие достижения зарубежных ученых, российские авторы ограничивались обычно описанием случаев из отечественной практики, где были успешно применены эти достижения. Если же затрагивались теоретические аспекты, то комментаторы чаще всего ограничивались изложением позиции признанных авторитетов, не высказывая своего к ним отношения. Скажем, в статье "Что такое криминалистика" автор, подписавшийся инициалами "А. Л. [28]",излагает взгляды Г.Гросса на преимущественное значение вещественных доказательств и затем указывает, что к такой его позиции некоторые отнеслись довольно скептически. Так, например, профессор уголовного права Венского университета Карл Штосе[29] «остерегает против придания вещественным доказательствам решающего значения в уголовном деле и указывает на то, что они не всегда дают ясные, верные и непреложные указания, благодаря которым можно было бы отыскать истину. В подтверждение своих слов Штосе ссылается на "два самых крупных уголовных дела за последнее время, вызвавших массу противоречивых толков и оставшихся неразъясненными, несмотря на то, что в этих делах наибольшее значение имели вещественные доказательства. Дела эти — дело Дрейфуса и процесс в Польне". А. Л. отметил, что Штосе отказывается признавать криминалистику особой наукой на том основании, что "у нее нет самостоятельного содержания: изучение личности преступника, его быта и обстановки — предмет криминальной антропологии и криминальной социологии; изучение техники совершения преступлений — задача уголовной полиции; главнейшая же часть содержания криминалистики, — писал Штосе, — относится к области науки уголовного судопроизводства". {Забегая вперед, замечу, что эти аргументы, чуть ли не слово в слово, можно было впоследствии встретить в работах некоторых советских процессуалистов, отрицавших самостоятельный характер криминалистики.) Собственного мнения по поводу самостоятельного характера криминалистической науки А. Л. в статье не выразил.

Иногда в комментариях выражался призыв организовать изучение криминалистики в целом или отдельных ее рекомендаций. Так, некто Б. Р. в статье "Двадцатилетие криминалистики"[30], Посвященной двадцатилетию со дня выхода в свет книги Г. Гросса и содержавшей изложение одноименной статьи Густава Грегера из польского журнала "Обзор судебный и административный" (1913, № 9), писал: "С того момента, как будущее поколение юристов уже на университетской скамье начнет знакомиться с принципами криминалистики, начнется новая эра в истории расследования преступлений, новая эра уголовного процесса, опирающегося не на свидетельские показания и не на сознание обвиняемого, а на материальные следы преступления, на реалии уголовного процесса",

Этот призыв был поддержан Л. Таубером, который в статье по поводу книги С. Н. Трегубова указывал, что необходимо организовать преподавание уголовной техники (только по книге не научишься!) путем факультативных курсов с практическими занятиями на

юридических факультетах, организации специальных занятий с кандидатами на судебные должности в кабинетах научно-судебной экспертизы, а также с присяжными поверенными и преподавателями уголовного права, уголовного судопроизводства, судебной медицины и химии в вузах[31]. Популяризации криминалистических знаний служила и работа В. И. Лебедева, впоследствии одного из первых российских экспертов-криминалистов, "Искусство раскрытия преступлений", изданная в 1909 г. тремя выпусками[32]. Вот, например, каково было содержание второго выпуска.

После небольшого введения следовал обзор организации полицейской антропометрии и затем детальное изложение системы Бертильона. Давалось описание устройства антропометрических учреждений Германии и Австро-Венгрии и приводились примеры установления личности при помощи антропометрических данных и описания примет по указанной системе.

Разумеется, помимо переводных публиковались и отечественные статьи и заметки, посвященные средствам и приемам работы с доказательствами чисто эмпирического характера. Они послужили своеобразным фундаментом здания отечественной криминалистики, первые этажи которого заложили книги Е. Ф. Буринского, С. Н. Трегубова и Б. Л. Бразоля.

1.2. Предвестники современной науки

Современную криминалистическую науку России нельзя представить себе без имени Евгения Федоровича Буринского.

Евгений Федорович Буринский родился в 1849 г. в Рязани. Детство его прошло в Нижнем Новгороде, где отец был губернским почтмейстером.

После неудачной попытки получить военное образование Е. Ф. Буринский поступил вольнослушателем на физико-математический факультет Петербургского университета, однако вынужден был оставить учебу и поступить на службу в железнодорожное ведомство. В 1876 г. он занялся литературной деятельностью сначала в редакции журнала "Всемирная иллюстрация", а затем в качестве главного редактора в новом журнале "Российская библиография", где увлекся фотографией. Впоследствии он писал об этом: "Библиограф не может быть графологом, а занятия графологией (не психо-, а физиографологией) неизбежно привели меня к изучению фотографии. Поэтому я фотограф, потому что графолог, а не наоборот"[33].

Появление на Лейпцигской книжной ярмарке в 60-х гг. многочисленных поддельных рукописей, выдаваемых за древности, а также автографов знаменитых ученых побудило Буринского заняться проблемой выявления невидимых текстов путем фотографического цветоделения и усиления контрастов. После пятнадцатилетних исследований Буринскому удалось решить эту задачу. Блестящим подтверждением полученных им результатов стало восстановление им по заданию Академии наук текстов обнаруженных в 1843 г. при ремонтных работах в Кремле пергаментов времен княжения Дмитрия Донского.

После неудачных попыток прочесть угасшие тексты, пергаменты были сданы в архив Министерства иностранных дел, и вспомнили о них лишь через 50 лет по инициативе академика Н. П. Лихачева. Уповая на достижения химии, он ходатайствовал перед Академией наук о повторном исследовании пергаментов. Академия согласилась с предложением Лихачева и в 1894 г. истребовала пергаменты из архива. Однако все попытки Лихачева и других ученых восстановить содержание рукописей вновь не увенчались успехом. С просьбой решить эту задачу академия обратилась к Е. Ф. Буринскому, который к тому времени был известен уже как специалист в области восстановления текстов с помощью фотографических методов. Буринский согласился решить эту задачу.

Е. Ф. Буринский

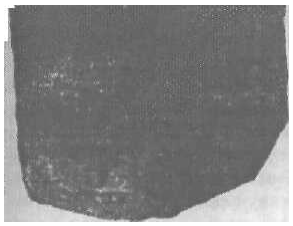
Е. Ф. Буринский в кругу семьи у своего дома на Лесном проспекте Петербурга.

Труды Буринского увенчались поистине блестящим успехом: тексты пергаментов были им восстановлены и прочитаны. Открытие Буринским метода цветоделения Академия наук приравняла к изобретению микроскопа. В отчете академии указывалось: "Непрерывными трудами и настойчивостью г. Буринский достиг того, что наука получила новое орудие исследования, столь же могущественное, как микроскоп, и обещающее ввести естествоиспытателя в новый мир, доселе ему совершенно неизвестный и недоступный”[34]. Академия наградила Буринского премией *Ж.* В. Ломоносова — своей высшей наградой.

Метод Буринского получил применение в различных областях науки того времени: медицине, ветеринарии, археографии и др. Но особую роль он сыграл в судебном исследовании документов, положив начало новому направлению экспертизы документов — научно-исследовательской фотографии.

Исследования Буринского послужили серьезной основой для формирования криминалистики уже на отечественной, российской почве. Он оставил свой заметный след в науке не только разработанными им фотографическими методами экспертизы документов, но сформулированными им основами судебного почерковедения, своими прогнозами развития криминалистической науки. По мнению А. И.

Фрагмент пергамента до восстановления текста.



Тот же фрагмент с восстановленным текстом.

Винберга, посвятившего изучению научного наследия Буринского одну из своих лучших работ, Буринский первым определил главенствующую для криминалистики роль принципа трансформации — активного, творческого использования криминалистикой для целей правосудия достижений иных наук. Наряду с этим он подчеркивал необходимость детального изучения способов и средств совершения преступлений для последующей разработки мер противодействия преступной деятельности. По мнению А. И. Винберга, это было

предвидением магистрального пути развития криминалистики[35].

Много внимания Буринский уделял статусу и положению эксперта в судопроизводстве, его обязанности не высказывать мнение, а давать заключение по поставленным перед ним вопросам, обеспечению его независимости в процессе[36].

Итоги своей многолетней судебно-экспертной деятельности Е. Ф. Буринский подвел в фундаментальном труде "Судебная экспертиза документов", вышедшем в свет в 1903 г[37]. Это была первая оригинальная отечественная монография по кардинальным проблемам зарождавшейся криминалистической науки.

Другой важной работой этого этапа становления отечественной криминалистики стала книга С. Н. Трегубова "Основы уголовной техники. Научные приемы расследования преступлений" (Петроград, 1915) [38].Эту книгу нельзя считать оригинальным трудом: в ее основе лежат лекции А. Р. Рейсса, прочитанные им в 1911 г. в Лозанне чинам русского судебного ведомства. Изданию этой книги предшествовала публикация их, по словам Трегубова, "сжатого очерка" в 1912 г.[39]

В 1911 г. министр юстиции командировал под руководством Трегубова в Лозанну к Рейссу 16 лиц судебного ведомства из разных судебных округов России. Среди них был и будущий известный криминалист С. М. Потапов. Используя свое свободное вакантное время, "в течение двух с половиной месяцев ежедневно проф. Рейсе занимался с этой судебной аудиторией, знакомя ее в своих талантливых лекциях и интересных лабораторных опытах с недавно народившейся и продолжающей свое дальнейшее развитие любопытной отраслью уголовного права, знать которую необходимо каждому судебному деятелю, посвятившему себя служению обществу и государству на многотрудном и ответственном поприще борьбы с преступностью"[40].

С. Н. Трегубов, бывший в те годы старшим юрисконсультом Министерства юстиции и профессором уголовного права Александровской Военно-Юридической Академии и Императорского Училища правоведения — самых элитарных учебных заведений России, — наряду с другими конспектировал лекции Рейсса, а затем, "обработав и соединив их в одно целое", предложил их читателю — криминалисту-практику.

Через три года этот курс лекций был переиздан уже под фамилией Трегубова как "Основы уголовной техники" (Пг., 1915}. В предисловии Трегубов не отрицал, что книга является переизданием курса Рейсса, но в то же время указывал, что им исправлены некоторые ошибки и недочеты, допущенные в предыдущем издании, а также внесены "довольно значительные дополнения и новые отделы".

В книге 16 глав (отделов): следственные действия на месте преступления; следы крови; следы ног человека; следы пальцев; следы разного рода; расследование пожаров и поджогов; расследование железнодорожных крушений; подлоги документов; вскрытие писем и подделка печатей; подделка ценных бумаг и денежных знаков; восстановление сгоревших документов; производство обысков; тайные сношения преступников; применение ультрафиолетовых лучей; установление личности (идентификация) преступника; приемы хранения вещественных доказательств и доставления их на исследование. Перу Трегубова принадлежат три последних отдела и глава о расследовании крушений.

В подзаголовке книги значилось: "Практическое руководство для судебных деятелей". Эта предназначенность книги не осталась пустым звуком: книга Трегубова действительно стала первым русским практическим руководством подобного рода и знакомила читателя с широким кругом криминалистических средств, приемов и рекомендаций на уровне науки того времени. Был сделан еще один важный шаг на пути формирования отечественной криминалистической науки.

Заметное место в этом процессе заняла еще одна оригинальная работа — книга Б.Л. Бразоля "Очерки по следственной части. История. Практика"[41]. Если труд Трегубова был посвящен в основном вопросам техники, в том числе исследованию вещественных доказательств, то работа Бразоля содержит рассмотрение некоторых вопросов тактики следственных действий.

Книга, по выражению автора, "распадается на две существенно-различные части": в

первой содержится очерк развития института предварительного следствия с момента его реформирования законом 8 июня 1860 г., которым в 44 губерниях следственная часть была отделена от полиции и учреждались особые чиновники для "производства следствий о всех преступлениях и проступках, подлежащих ведению судебных мест" — судебные следователи; полиция оставалась органом дознания. Во второй части излагалась "методология" осмотра и обыска и давались рекомендации по действиям следователя на месте железнодорожного крушения.

По словам автора, "главное внимание было нами уделено осмотру, т. е. тому следственному действию, которое нередко ведет к раскрытию преступления и обнаружению материальной истины. Исключительно важное значение осмотра, к сожалению, не всегда и далеко не в полной мере оценивается нашими юристами-практиками... Но даже и тогда, когда осмотры производятся судебными следователями лично, цель следственного действия оказывается не всегда достигнутой в силу того, что в русской следственной практике замечается какая-то боязнь детального осмотра, неправильно отождествляемого с понятием экспертизы. Через это некоторые следователи, предпринимая тот или иной осмотр, не столько заботятся о том, чтоб обнаружить в данной вещи все еле уловимые следы и признаки преступления, сколько том, чтобы ни под каким видом, хотя бы невзначай, не превратиться в экспертов. Через это, далее, такие следователи сознательно не хотят смотреть на то, что несомненно видно и видят то, на что смотреть совсем не стоит"[42].

Рассматривая тактику осмотра, Бразоль не ограничивается указанием приемов его проведения. Он подробно характеризует необходимые для продуктивного осмотра психологические качества следователя, его способности логически мыслить, выдвигая версии о случившемся: "Только гармоническое сочетание таланта и техники приводит к прочным положительным результатам"[43]. Обращает он внимание и на необходимость ответственного отношения к осмотру, поскольку суд практически лишен возможности восполнить осмотром же пробелы, допущенные следователем. Специальная часть этого раздела посвящена осмотру подложных документов, получению образцов для сравнительного исследования почерка у заподозренного лица и передаче материалов для исследования эксперту. Кратко характеризуются методы почерковедческого исследования, описываются распространенные способы подлога документов, приемы их выявления.

Столь же детально Бразоль описывает и технологию обыска, отвечая на вопросы; что искать, где искать, у кого искать и как искать?

Оценивая значение работы Б. Л. Бразоля, не будет преувеличением заключить, что ее роль в становлении отечественной криминалистики была весьма существенной, поскольку он впервые наглядно связал достижение успеха в расследовании с личными качествами следователя и владением им именно научными методами расследования.

Помимо этих оригинальных, но весьма немногочисленных работ в периодической печати того времени можно встретить краткие заметки и сообщения об отдельных технических новинках или приемах расследования и т.п[44]. Пробовали себя на этом поприще и любители, никак не связанные по роду своей деятельности и профессии с правоохранительной деятельностью. Так, инспектор по делам печати в Одессе, некий Вл. Фром, издал в 1906 г. книгу "Новейшие методы антропометрической фотографии для полицейских целей по системе А. Бертильона" в качестве "руководства для высших чинов полиции", Побывав в бюро идентификации Бертильона в парижской полицейской префектуре, он пожелал сделать общим достоянием свои впечатления от увиденного.

В первое десятилетие XX в. было выпущено довольно много справочных изданий, содержащих различные криминалистические рекомендации. Это "Настольный полицейский словарь" Л. А. Добкевича (Одесса, 1904), "Участие полиции в производстве уголовных дел. Руководство для чинов полиции" В. Долопчева (Варшава, 1901), "Энциклопедия современной криминалистики" ("Вестник полиции", 1911, № 27, 40, 43), "Пособие для чинов полиции по уголовным делам" (Кишинев, 1907) и др. Обычно подобные издания содержали краткие указания о тактике производства обыска, осмотра, ареста, некоторые рекомендации технико-криминалистического характера, а иногда и методические указания по отдельным категориям уголовных дел.

Обзор дореволюционной специальной литературы позволяет заключить, что на рубеже XIX и XX вв. возникли определенные предпосылки формирования криминалистики в России как самостоятельной области научного знания. Эти предпосылки упрочились с организацией в нашей стране первых криминалистических экспертных учреждений.

1.3. Создание и деятельность первых криминалистических судебно-экспертных учреждений в России

Первым криминалистическим судебно-экспертным учреждением в России стала судебно-фотографическая лаборатория, организованная в 1889 г. Е. Ф. Буринским на собственные средства. Лаборатория ютилась в коридоре третьего этажа здания судебных установлений в Петербурге, где размещались судебные следователи. Оборудование лаборатории, приобретенное Буринским, было весьма скудным: не было аппаратуры для микрофотографирования, спектрографа и других необходимых приборов, что, правда, не повлияло на плодотворную деятельность лаборатории.

За первый год своего существования лаборатория провела 8 различных исследований. Лаборатория выполняла поручения не только Петербургского, но и других окружных судов. Но на втором году существования лаборатории Буринский вынужден был отказаться от производства экспертиз для иногородних судебных следователей в силу того, что количество экспертиз превысило возможности лаборатории. Вскоре он стал принимать только те экспертизы, которые представляли технический интерес.

Будучи весьма стесненным в средствах, Буринский неоднократно обращался в правительственные инстанции с просьбой принять содержание лаборатории на казенный счет, но просьбы эти удовлетворены не были. Тогда он попытался ввести такой порядок, согласно которому суд должен был вносить вперед плату за поручаемые лаборатории исследования.

Подобные требования вызвали неудовольствие судебного ведомства и побудили его принять меры к организации государственной судебно-фотографической лаборатории. По этому вопросу прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты обратился в 1892 г. к министру юстиции, представив обстоятельный доклад с необходимыми расчетами затрат на создание лаборатории. На основании доклада прокурора был разработан законопроект об учреждении судебно-фотографической лаборатории, одобренный Государственным Советом и утвержденный императором 9 ноября 1892 г. В новую редакцию Судебных уставов были внесены две статьи:

"159. В ведении прокуроров судебных палат, там, где положено по штатам, состоят лаборатории для производства судебно-фотографических исследований по гражданским и уголовным делам.

160. Заведывание означенными в предстоящей статье лабораториями для производства в них судебно-фотографических исследований возлагается на присяжных фотографов и их помощников".

Заведовать правительственной лабораторией было предложено Буринскому, но он отказался, сославшись на желание остаться независимым исследователем. Но мотивы такого решения были более серьезными. Как он писал впоследствии, он не мог мириться со служебным подчинением эксперта прокурорскому надзору, с неправильным определением функций лабораторий, поскольку недопустимо смешивать роль судебного фотографа с ролью эксперта[45].

Письменных свидетельств деятельности лаборатории не сохранилось. Известно, что, несмотря на значительное число выполняемых лабораторией поручений (до 200 в год), она не справлялась с растущим количеством заданий судебных органов, в ее работе не использовались новейшие достижения науки того времени. И. Ф. Крылов приводит мнение И. А. Громова, который, описывая деятельность лаборатории, считал, что она не прогрессировала, а постепенно шла к умиранию[46]. В 1912 г. с организацией кабинета научно-судебной экспертизы лаборатория прекратила свое существование.

19 января 1912 г, Министерство юстиции внесло представление в Государственную думу

об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты. В объяснительной записке к законопроекту говорилось: "Неудовлетворительность постановки уголовного розыска, не только у нас, но, до последнего времени, и на Западе, а также значительное развитие преступности и притом не только в смысле количественном, но и в отношении возрастающей утонченности способов совершения преступлений, побудили искать иных, кроме улучшения состава и увеличения количества органов розыскной деятельности, способов раскрытия преступлений и обнаружения виновных. Взамен технически несовершенных осмотров и ненадежных свидетельских показаний, доказательственное значение которых ныне подвергнуто наукой основательному сомнению (работы Штерна, Врешнера, Борста, Листа и др.), к осуществлению наиболее практической и основной задачи отправления уголовного правосудия — к расследованию преступных деяний и обнаружению виновных — стали применяться методы биологических и физических наук. Методы эти, при достигнутых уже в настоящее время результатах, составили предмет новой отрасли уголовной науки — криминалистики, задачу которой итальянский профессор Ничефоро определяет как применение научного знания в деле установления личности преступника, а также выяснения участия его в совершении преступления и орудий, при помощи коих оно было выполнено. Профессор Лозаннского университета Рейсе относит сюда и ознакомление с приемами преступной деятельности различных категорий злоумышленников, путем изучения мира преступников... Такая, в высокой степени важная, роль в деле успешного отправления уголовного правосудия, изъясненных технических приемов следственных действий и судебной экспертизы, побуждает Министра Юстиции признать весьма желательным скорейшее применение их в России путем создания специальных установлений в целях предоставления органам следственной и судебной власти возможности пользоваться научными данными криминалистики и соприкасающихся с ней областей знания, как для раскрытия преступлений и изобличения виновных, так и вообще для наиболее успешного выяснения материальной истины в судебных решениях и притом не только по уголовным, но и по гражданским делам"[47]. Далее в записке предлагалось иметь в составе кабинета лабораторию и музей. В структуре лаборатории предполагается три отдела, возглавляемых помощниками управляющего кабинетом:

1) фотографический и каллиграфический;

2) технических исследований;

3)дактилоскопический.

В музей следует направлять предметы, "могущие служить для научного исследования преступлений, как-то: разрушенные орудием преступления кости, препараты частей тела; микроскопические препараты крови, волос, пыли и т. п.; яды, орудия преступления, в частности пули, с наглядным изображением их действия; сравнительные таблицы следов крови, ног, папиллярных оттисков и других следов, а также формы самих оттисков; поддельные документы и деньги; предметы антикварного оборота и т. д." [48]. В штате кабинета предлагалось иметь управляющего, трех его помощников и трех техников для технических работ.

Законопроект был представлен в Государственную думу и 30 января 1912 г. по ее постановлению был передан для рассмотрения в комиссию по судебным реформам. 23 февраля комиссия с участием докладчика от бюджетной комиссии Думы рассмотрела законопроект. Министерство юстиции на заседании представлял старший юрисконсульт министерства С. Н. Трегубов.

По результатам обсуждения законопроекта "комиссия пришла к заключению, что едва ли можно ограничиться учреждением лишь одного кабинета научно-судебной экспертизы, предназначенного удовлетворять нужды судебных установлений всей Империи. По мнению комиссии, столь полезные учреждения надлежало бы образовать в каждом судебном округе, тем более, что расход на этот предмет государственного казначейства в значительной мере восполнился бы сокращением тех, огромных в общем, сумм, которые затрачиваются ныне судебными местами на оплату различного рода экспертиз"[49]. Комиссия одобрила и представила законопроект на рассмотрение Думы. Закон был принят и 28 июня 1912 г.

утвержден царем. Кабинет начал функционировать 1 января 1913 г.

В Инструкции управляющему кабинетом и его помощникам, утвержденной министром юстиции 3 ноября 1912 г., было определено, что "деятельность управляющего кабинетом и его помощников заключается:

1) в производстве различного рода исследований по уголовным и гражданским делам посредством фотографии, микро фото графии, дактилоскопии, химии, микрохимии и иных приемов, за исключением судебно-медицинских исследований;

2) в даче заключений по поводу произведенных экспертиз и по иным техническим вопросам в судебных заседаниях по уголовным и гражданским делам,

3) в выезде на место совершения или обнаружения преступлений для производства фотографических снимков и участия в осмотрах местности, трупов, взломов и всевозможного рода следов, могущих служить к восстановлению картины преступления, к обнаружению личности преступника и его изобличению или к установлению невиновности подозреваемого. Кроме того, на них возлагается обязанность оказывать содействие следственной власти, а в период дознания — полиции при производстве действий, требующих особого технического опыта и средств, находящихся в распоряжении кабинета"[50].

Управляющим кабинетом был назначен А. Н. Попов, одним из его помощников — С. М. Потапов. 21 марта 1913 г. в развитие пожеланий комиссии Думы, высказанных при решении вопроса об открытии кабинета научно-судебной экспертизы в Петербурге, Министерство юстиции вносит законопроект об открытии аналогичных кабинетов в Москве, Киеве и Одессе. Закон был принят, и кабинеты в этих городах начали функционировать с 1 января 1914 г.[51] - *киевский* кабинет возглавил "С. М. Потапов, одесский — Н. П. Макаренко, московский — Н. М. Шабловский.

Кабинеты стремились оснастить современным европейским оборудованием. Имелось оборудование для репродукционной, проекционной и микрофотографии, для фотосъемки в ультрафиолетовых лучах, спектрографы и др. Кабинеты сразу же резко активизировали производство судебных экспертиз. Так, сотрудники петербургского кабинета за первый год его существования выполнили 365 различных исследований: 272 по уголовным и 93 по гражданским делам.

Успехи в развитии судебных экспертиз во многом определялись тем, что сотрудники кабинетов активно вели научно-исследовательскую работу. Большую работу, например, проводил помощник управляющего московским кабинетом В. Л. Русецкий. Так, им была разработана фотограмметрическая линейка, предназначенная для повышения точности планов мест происшествия. Он существенно улучшил дактилоскопическую пленку венского криминалиста Шнейдера, продлив сроки ее годности. Помощник управляющего киевским кабинетом В. И. Фаворский разработал метод прочтения залитого чернилами текста с помощью ультрафиолетовых лучей. Значительную роль в развитии криминалистической экспертизы сыграл I съезд экспертов-криминалистов, проходивший 1—9 июля 1916 г. в Петрограде. В нем приняли участие все управляющие кабинетами научно-судебной экспертизы, их помощники, а также судебные следователи, физики, биологи, химики, судебные медики. Все сделанные на съезде доклады явились следствием проведенной экспертной и научно-исследовательской работы сотрудников кабинетов.

Съезд явился убедительным свидетельством возросшего научного уровня экспертных исследований в России. Вопрос о возникновении на российской почве самостоятельной криминалистической науки получил бесспорное практическое обоснование. На повестку дня встали проблемы теоретического обоснования содержания этой науки и ее места в системе научного знания. Но волею судьбы их решения пришлось ждать не один год; драматические события последующих лет отодвинули на задний план проблемы нашей науки.

Примечания:

[1] См.: Библия, Бытие, гл. 4, 44 и др.; Коран, сура 12 и т. п.; Тора, кн. Ваикра и др.

[2] Римские Законы XII таблиц, греческие Законы Солона, "Русская правда", "Псковская Судная Грамота", русские "Судебник" 1497 г. и "Соборное уложение" 1649 г. и др.

[3] См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 331.

[4] Орлов II. - Опыт краткого руководства для произведения следствий. М., 1833. С. 46-47.

[5] Там же. С.51,59 и др.

[6] Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 51.

[7] Там же. С. 55 – 56.

[8] Там же. С. 99.

[9] Баршев Я.Указ.соч. С.143,145.

[10] Там же. С. 149 – 150.

[11] Там же. С. 172 – 173.

[12] Там же. С. 128 – 133.

[13] Борисов А. В., Колодкин Л. М. Становление и развитие юридического образования в дореволюционной России.М.,1994.С.43.

[14] Спасович В.Д. О Теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб.,1861.С.97.

[15] О судебно-экспертной деятельности выдающихся русских учёных-химиков см.: Дулов А. В., Крылов И. Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. М., 1960.

[16] Ст. 119, 766, 804 и др. Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

[17] Цит. по кн.: Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 227.

[18] Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. П. СПб.,1867.С. 201.

[19] Там же. С. 233.

[20] Квачевскии А. А. Указ. соч. Ч. III. СПб., 1869. С. 240.

[21] Там же. С.251—253.

[22] Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. II. Вып. 1. СПб., 1901. С. 256—257.

[23] Макалинский П. В. Указ. соч. С. 257, 269 и далее.

[24] Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 253.

[25] Алякринский С. А. Схема предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства // Практическое пособие для судебных следователей и кандидатов на судебные должности. М., 1912. С. 57 и др.

[26] Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия.СПб.,1909 С., IX.

[27] Право. 1899. С. 37—39, 179—184, 919—923.

[28] Журнал Министерства юстиции. 1900. № 9. С. 114—124. М. Н. Гернет приписывает авторство этой статьи А. Люблинскому (см.: Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике. Минск, 1936. С.7.).

[29] Штосс К. Что такое криминалистика? // Швейцарский журнал уголовного права. 1900. Тетради 1 и 2 (на нем. языке).

[30] Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 4. С. 75 - 78

[31] Таубер Л. К вопросу об усовершенствовании способов исследования преступлений (по поводу книги С. Н. Трегубова "Основы уголовной техники".Петроград, 1915)//Вестник права. 1915. С.1132 – 1134.

[32] Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. (I. Дактилоскопия, II. Антропометрия, Ш. Судебно-полицейская фотография). СПб., 1909.

[33] Буринский Е. Ф. Опасное недоразумение // Юридическая газета. 1897. № 59.

[34] Отчет академии наук о присуждении премии им. М. В Ломоносова, читанный в торжественном заседании академии 29 декабря 1898 г. // Известия Академии наук. 1899, № 2. Т. X. С. 205.

[35] Винберг А. И. Роль учения Буринского Е Ф. в формировании отечественной криминалистики. Волгоград, 1981.С. 7.

[36] Винберг А.И. Указ. Соч. С. 20.

[37] Буринский Е. Ф Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею // Пособие для гг. судей, судебных следователей, лиц прокурорского надзора, поверенных, защитников, судебных врачей и графических экспертов. СПб., 1903.

[38] Трегубое С. И. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Пг., 1915.

[39] Рейс Р. А. Научная техника расследования преступлений. СПб., 1912.

[40] Предисловие С. Н. Трегубова к книге Р. А. Рейсса. С. 11.

[41] Бразолъ Б. Л. Очерки по следственной части. История. Практика. Пг., 1916.

[42] Бразоль Б. Л. Указ. соч. С. 5.

[43] Там же. С. 88.

[44] См., например: Буринский Е. Современное состояние судебно-фотографической экспертизы // Юридическая газета. 1895. № 72, 81, 90 и др.; Козлов И. А К вопросу о производстве экспертизы в суде // Судебная газета. 1894. № 39, Раценщкий С. В Гипсовые слепки со следов // Вестник полиции. 1911. № 18, Сергеевский Н Немые свидетели (практика осмотров) // Вестник полиции. 1907. № 1; Попов А. Осмотр места преступления // Вестник полиции. 1913. № 18; Дактилоскопия и антропометрия // Вестник полиции. 1908. № 42 и др.

[45] Буринский Е. Ф.Судебная экспертиза документов. СПб., 1903. С. 339, 344

[46] Громов И. А. Кабинеты научно-судебной экспертизы в гг. Москве, Киеве, Одессе. СПб., 1913; Цит. по кн.: Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963. С. 68.

[47] Громов И. А. Кабинет научно-судебной экспертизы по закону 28 июня 1912 г. СПб., 1913. С. 8—9.

[48] Там же. С. 11.

[49] Там же. С. 20.

[50] Громов И. А. Указ. соч. С. 39.

[51] Там же. С. 46—49.

Глава 2. Становление отечественной криминалистики

2.1. Первые шаги пионеров науки

Грандиозные социальные катаклизмы, потрясавшие Россию, — первая мировая война, революции, война гражданская, разруха, голод подняли со дна общества неизбежно сопутствующую им социальную пену — преступность, разгул которой принял поистине угрожающие размеры. Борьба с преступностью осложнялась отсутствием опыта, сил и средств у новых карательных органов, старые мастера следствия и сыска либо ушли в небытие, эмигрировали или просто бойкотировали новую власть, либо вызывали подозрения как "классово чуждые элементы", и только отдельные из них допускались к занятиям своим профессиональным ремеслом. Не лучше обстояли дела и в науке. Скудный багаж дореволюционной российской криминалистики был явно недостаточен для того, чтобы она могла заявить о своем самостоятельном существовании. Предстояло начинать с формирования основ, накопления необходимого эмпирического материала для научного осмысливания, анализа и обобщения и одновременно создавать, а затем совершенствовать свою, отечественную, оперативную, следственную и экспертную практику — источник этого эмпирического материала, базу развития науки. Только увлеченность и энтузиазм, решительность и высокое сознание своего гражданского долга тех, кто стоял у колыбели отечественной криминалистики в трудные годы революций, гражданской войны и в последующие годы, их творческое горение и беспредельное трудолюбие позволили решить эти задачи.

Начальный период становления отечественной криминалистики характерен ярко выраженным практическим уклоном, решением самых неотложных задач борьбы с преступностью, всемерным содействием налаживанию работы оперативных и следственных аппаратов, сотрудники которых в подавляющем большинстве не обладали ни необходимыми знаниями, ни достаточным практическим опытом. Чтобы как-то удовлетворить потребности практики в самых насущных криминалистических знаниях, на первых порах пришлось прибегнуть к изданию переводной западной методической литературы.

Пик издания переводной литературы пришелся на 20-е годы. Публиковали преимущественно немецких авторов, причем в отборе материалов трудно усмотреть какую-либо систему, если не считать того, что в большинстве они представляли практические руководства для работников уголовного розыска, следствия и экспертов-криминалистов. Редакторы переводов комментировали их редко, предоставляя самому читателю решать вопрос о приемлемости для наших условий тех или иных содержащихся в руководствах рекомендаций. Весьма характерным в этом отношении является предисловие редакции к русскому переводу "Практического руководства для работников уголовного розыска" В. Штибера и Г. Шнейкерта (М., 1925). "Предлагаемая книга, — говорится в предисловии, — содержит отдельные главы, не имеющие прямого руководственного значения для русского читателя, которые можно было бы опустить без ущерба для перевода. Однако редакция решила сохранить весь перевод полностью, без всяких изменений. Изучающие будут иметь, таким образом, возможность ознакомиться и учесть действительную практику полиции в капиталистических государствах — практику, если не соответствующую советским условиям, то все же богатую опытом. Читатель уже сам сумеет без труда разобраться в даваемом ему книгой материале, учтя для себя лишь полезные данные и опыт в уголовных делах немецкой полиции и ознакомившись попутно с теми формами борьбы, которые приняты полицией в буржуазных странах против политических организаций и, в частности, против коммунистических". Однако далеко не каждый читатель был в состоянии "разобраться" и нередко именно "классово чуждые" приемы и рекомендации принимались неопытными работниками на вооружение: если там унижают и бьют арестованных коммунистов, то почему бы не делать то же самое в отношении наших недобитых буржуазных элементов и прочих врагов трудового народа?

Редакторы более поздних переводов все-таки стали предупреждать читателя о неприемлемости для наших условий тех или иных высказываний авторов. Но и такие предупреждения носили обычно общий, неконкретный характер. Например, И. Н. Якимов в предисловии к переводу сокращенного варианта "Руководства" Ганса Гросса (М., 1930), получившего в обиходе наименование "Малого Гросса", отмечал, что "содержание книги не вполне соответствует нашей русской действительности, но не надо забывать, что она написана буржуазным автором, писавшим ее тридцать лет назад в глубоко буржуазных политических, экономических и общественных условиях жизни своей страны. Где было допустимо, мы старались ориентировать в этом смысле книгу на нашу социалистическую действительность, однако по возможности сохраняя текст автора, чтобы его труд не стал вместо точного перевода произвольным изложением его содержания на чужом языке. Ввиду этого пришлось оставить многие отделы книги в том виде, как они изложены у автора, хотя они могли бы быть, соответственно условиям нашего теперешнего общественного устройства и быта, во многом переработаны. Поскольку труд Гросса является практическим руководством и не затрагивает общих вопросов уголовной политики и уголовного судопроизводства, это не является особенно важным".

Бывало, что редакторские предупреждения читателю носили не столько деловой, сколько отчетливо выраженный идеологический характер. Редактор перевода книги А. С. Осборна "Техника исследования документов" (М., 1932) С. М. Потапов писал в предисловии: "Наряду с теми техническими приемами по исследованию разного рода документов и почерков, которые Осборном в достаточной степени систематизированы, при использовании этой книги необходимо иметь в виду, что методологическая установка автора основана на буржуазной идеологии и пронизана интересами защиты частной собственности, охраны документов "в интересах заинтересованных лиц и противной стороны". Трактовка документа как фактора и выражения интересов индивидуума, понятие письма как целого ряда очень сложных действий, представляющих в целом комбинацию форм, являющихся видимым результатом психических и физических привычек, — основное понятие почерка, даваемое Осборном. Такая методологическая установка не имеет ничего общего с марксистско-ленинским пониманием письма как результата социально-классового процесса, истории воздействия среды и отношений человека к орудиям средств производства".

Едва ли такой опытный эксперт-почерковед, как С. М. Потапов, писал то, что думал в действительности. Цитата, которую пользовал редактор для своей филиппики, выглядела следующим образом: "Наиболее важные особенности почерка пишущего лица основаны на первоначальных формах и способах письма, которые он усвоил себе в юности, а также на тех, которыми он пользовался в продолжение периода обучения. С течением времени обстановка, физические и психические особенности постепенно влияют на способ письма и изменяют его. Однако оригинальная система письма, подобно чужестранному акценту в произношении, ярко выступает во всех этих изменениях"[1]. Фактически то же самое писал Потапов о процессе формирования почерка, его относительной неизменяемости и индивидуальности в своих более поздних работах по судебному почерковедению, где требовались не "классовые оценки", а действительно научные определения понятий.

Насколько мы могли установить, лишь одна работа, изданная в эти годы, — "Предупреждение преступлений" Вилли Гая (М.,1927) — была снабжена предисловием С. М. Потапова и Н. А. Николаевского, содержащим более или менее конкретные постраничные критические замечания и комментарии. Но и они, разумеется, носят тенденциозный характер. Так, в качестве примера того,"как не должна действовать власть в советском государстве", осуждаются обыск и задержание по усмотрению органов дознания и охраны наружной, "что соответствовало бы в наших условиях действиям милиции и уголовного розыска. В таком же роде предложения имеются в разделах о "планомерном наблюдении за преступниками", "надзоре за иностранцами" и т. п."[2].

с позиций сегодняшнего дня несправедливо упрекать авторов предисловия и напоминать о том, что уже в те годы и милиция и уголовный розыск без всякой подсказки Запада делали то же самое, но не пропагандировали это в своих книгах. Мы упоминаем все это лишь с целью демонстрации того, что даже в нашей сугубо земной, прикладной науке нельзя было по

условиям того времени обойтись без подобных идеологически выдержанных сентенций.

Подготовка и выпуск переводных криминалистических работ в те годы осуществлялись четырьмя издательствами. Первое — "Право и жизнь" — подготовило книжную серию "Криминалистика" под общей редакцией М. Н. Гернета, П. И. Люблинского и А. Н. Трайнина. Сюда вошли работы А. Гельвига "Современная криминалистика (методы расследования преступлений)" (1925), Г. Шнейкерта "Тайна преступника и пути к ее раскрытию" (1925), Р. Гейндля "Уголовная техника. Из мастерской уголовного розыска" (1925), Э. Аннушата "Искусство раскрытия преступлений и законы логики" (1927).

С. Семеновский Н. П. Макаренко Н. С. Бокариус

Государственное техническое издательство стало издавать книги по криминалистике с 1925 г. Им были выпущены в свет работы В. Штибера и Г. Шнейкерта "Практическое руководство для работников уголовного розыска" (1925), Г. Шнейкерта "Учение о приметах для опознавания" (1925), его же "Введение в уголовную технику" (1926), Р. Гейндля "Дактилоскопия и другие методы уголовной техники в деле расследования преступлений" (1927). Издательство НКВД РСФСР выпустило в свет книгу С. Оттоленги "Экспертиза почерка и графическая идентификация" (1926) и уже упоминавшиеся работы В. Гая и Г. Гросса. Книга А. Осборна была выпущена издательством "Советское законодательство". Тиражи этих изданий колебались от 3 до 5 тысяч экземпляров.

Разумеется, переводная литература не могла удовлетворить потребностей российских читателей ни качественно, ни количественно. Она могла служить лишь известным дополнением к работам отечественных авторов, появление которых свидетельствовало об интенсивном процессе формирования отечественной криминалистической науки.

Первой российской монографической работой в области криминалистики по праву считают книгу П. С. Семеновского "Дактилоскопия как метод регистрации" (М., 1923).

Характеризуя книгу Семеновского, И. Ф. Крылов подчеркивает его заслуги в разработке системы уголовной регистрации, которая в модифицированном виде сохраняет свое значение и сейчас, указывает на оригинальность разработанных им типологии пальцевых узоров и методики идентификации личности по рисунку этих Узоров, основанной на классификации их общих и частных признаков[3]. И хотя сам автор назвал свои труд кратким руководством заведующих дактилоскопическими бюро, судебных деятелей и врачей, по своему содержанию и теоретическому уровню она носила несомненно монографический характер.

После выхода в свет этой работы П. С. Семеновский не прекращает исследований в области дактилоскопии. Он публикует серию статей о возможности определения различных основных дробей в дактилоскопических формулах при нескольких неизвестных отпечатках в журналах "Рабоче-крестьянская милиция" (1923—1924) и "Административный вестник" (1926), раздел о наследственности тактильных узоров в книге "Судебно-медицинская экспертиза" (1926) и статью о закономерностях их распределения на пальцах рук человека в "Русском антропометрическом журнале" (т. 16, вып. 1—2, 1927).

Жизненный путь Петра Сергеевича Семеновского (1883— 1959 гг.) типичен для своего времени. Он родился в Москве в семье псаломщика Ново-Девичьего монастыря, учился в Донском духовном училище, затем в Московской духовной семинарии, готовясь к посвящению в священнический сан, но в 1904 г. оставил богословие и поступил на медицинский факультет Юрьевского (ныне Тартусского) университета, который окончил с отличием в 1910 г., получив степень лекаря. С 1910 по 1918 г. работает ассистентом и помощником прозектора на кафедре судебной медицины, где он был оставлен после

окончания университета.

В 1918 г., когда часть Юрьевского университета была эвакуирована в Воронеж, П. С. Семеновский вступает добровольцем в Красную Армию, становится ординатором 12-го сводного эвакогоспиталя. С марта 1919 г. он заведует кабинетом судебной экспертизы и Регистрационным бюро Центророзыска, а с мая 1919 г. работает и прозектором Лефортовского морга.

С 1921 г. он снова работает в уголовном розыске — субинспектором. В мае 1922 г. его назначают начальником дактилоскопического подотдела НТО.

С 1930 г. Петр Сергеевич полностью посвящает себя судебно-медицинской деятельности. Он занимается производством судебно-медицинских экспертиз, преподает судебную медицину на различных курсах и в 3-м мединституте. В 1927 г. его избирают почетным членом Международного Антропологического института в Париже, в 1930—1932 гг. Петр Сергеевич — председатель Московского судебно-медицинского общества.

В годы Великой Отечественной войны Семеновский работает консультантом по судебной медицине при 1072-м эвакогоспитале, участвует в работе Всероссийской чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний. В 1957 г. уходит на пенсию.

Работы Семеновского в области дактилоскопии стимулировали развитие этого раздела криминалистики. В 1934 г. Всеукраинский институт изучения преступности издаёт работу Г. Данилевского "Дактилоскопия" (Киев), а несколько позже выходит в свет практическое руководство Б. М. Комаринца — тогда старшего эксперта отдела уголовного розыска Главного управления милиции — "Дактилоскопическая идентификация на расстоянии" (М-, 1937), содержащее детальные указания по описанию папиллярных узоров с целью идентификации по ним личности посредством передачи такого описания по телефону или телеграфу.

В 1924—1929 гг. выходят многоплановые работы по всем разделам криминалистики С. М. Потапова, И. Н. Якимова, В. И. Громова, о которых речь впереди.

В 1925 г. Юридическое издательство НКЮ Украины выпустив свет книгу заведующего Одесским кабинетом научно-судебной экспертизы Н. П. Макаренко "Техника расследования преступлений". Автор знакомит читателя с функциями кабинетов научно-судебной экспертизы, с порядком осмотра места происшествия, рассматривает средства и приемы обнаружения и исследования следов крови, волос, семенных пятен, научные основы дактилоскопии и ее применение при расследовании преступлений, приводит основные сведения о работе со следами ног, зубов, с поддельными документами и деньгами. Эта книга принесла автору широкую известность не только на Украине, но и в России.

Профессор Николай Прокофьевич Макаренко (1874—1945 гг.) родился в Москве, в 1902 г. окончил юридический факультет Московского университета, получил предложение остаться в университете для научной работы, но из-за материальных затруднений был вынужден пойти на практическую работу — судебным следователем в один из уездов Московской губернии. Через 10 лет он вернулся в университет для работы в области научно-судебной экспертизы[4].

В 1913 г. Макаренко был прикомандирован к открывшемуся в Петербурге кабинету научно-судебной экспертизы, где прослушал специальный курс криминалистики и научно-судебной экспертизы. Когда был принят закон о создании аналогичных кабинетов в Москве, Киеве и Одессе, Макаренко был направлен в Одессу для организации кабинета, открывшегося в апреле 1914 г. при прокуроре Одесской судебной палаты. Он становится его первым управляющим. Благодаря его усилиям, несмотря на сложную обстановку гражданской войны, удалось сохранить кадры и научно-техническую базу кабинета. Когда в 1925 г. кабинет был преобразован в Одесский институт научно-судебной экспертизы, Н. П. Макаренко назначается его директором, а с 1938 г. и до конца жизни — заместителем директора по научной и научно-оперативной работе. В 1939 г. он был утвержден в ученом звании профессора по кафедре криминалистики.

В Великую Отечественную войну деятельность института прекратилась. Его имущество и аппаратура в значительной части погибли при пожаре, возникшем в результате вражеской бомбардировки в ночь на 22 сентября 1941 г. Н. П. Макаренко ввиду болезни не смог вовремя

эвакуироваться и вынужден был остаться в оккупированной врагом Одессе. В эти годы он делал все возможное, чтобы сохранить уцелевшую часть оборудования института и документацию. После освобождения Одессы в 1944 г. Макаренко возглавил восстановление института. Но его здоровье за годы оккупации было непоправимо подорвано, и 25 июня 1945 г. Николай Прокофьевич скончался.

Наряду с дактилоскопией в рассматриваемый период начали разрабатываться научные основы и других разделов криминалистической техники — судебной фотографии, трасологии и др. Издается целый ряд популярных работ, рассчитанных на широкий круг работников милиции и уголовного розыска, таких, например, как "Криминалистика. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы в вопросах и ответах" П. П. Михеева и Н. Н. Семенова (М., 1926), "Немые свидетели в уголовном процессе" И. И. Белоусова и А. П. Паскевича (М.—Л., 1930) и др.

Важную роль в распространении криминалистических знаний среди практических работников играли в те годы различные ведомственные руководства, инструкции и методические указания. В 1924 г. ОУР НКВД Украины своим приказом от 12 августа № 160 издает "Руководство регистрационно-дактилоскопическим бюро милиции и уголовного розыска УССР", подготовленное начальником научно-технического подотдела ОУР Александром Акимовичем Елисеевым, о котором речь впереди.

В подготовке названного руководства деятельное участие принимал кроме Елисеева консультант уголовного розыска республики известный судебный медик Николай Сергеевич Бокариус (1869—1930 гг.), которого БСЭ именует одним из создателей отечественной судебной медицины и криминалистики (2-е изд., т. 5, с. 386—387). В 1925 г. вышел в свет его капитальный труд "Первоначальный наружный осмотр трупа при милицейском и уголовно-розыскном дознании", а в 1930 г. он публикует фундаментальное пособие "Судебная медицина для медиков и юристов". Бокариус вместе со следователем по особо важным делам С. С. Савченко выступил с инициативой создания в Харькове в 1923 г. кабинета научно-судебной экспертизы, который вскоре после создания был преобразован в институт, работавший под руководством Н. С. Бокариуса. После его смерти имя Н. С. Бокариуса было присвоено этому институту.

Возвращаясь к упомянутому "Руководству", следует заметить, то в нем содержались сведения не только по дактилоскопии и технике дактилоскопирования, но и по организации письменного розыска, розыска документов, вещей и животных, правила фотографирования преступников в регистрационных и розыскных целях.

В 1924 г. распоряжением народных комиссаров юстиции и внутренних дел в России вводится "Инструкция органам милиции о порядке производства дознаний", содержащая указания о тактике задержания и допроса обвиняемого (подозреваемого) и свидетелей, проведения обысков, выемок, осмотров и освидетельствования. Инструкция содержала также правила назначения эксперти-допроса эксперта, краткие методические рекомендации по расследованию преступлений против порядка управления, убийств, половых преступлений, поджогов и некоторых других преступлений.

В 1932 г. Прокуратура России издала серию методических писем, составленных М. С. Строговичем, в которых обобщался и анализировался накопленный к тому времени следственный опыт борьбы с должностными и хозяйственными преступлениями в области капитального строительства, оценки показаний обвиняемого, потерпевшего, свидетелей. Это был прообраз будущих сборников "Следственной практики".

В 1935 г. Отдел уголовного розыска Главного управления Р. К. милиции НКВД СССР выпустил "Краткое пособие для экспертов". В предисловии к нему говорилось: "Настоящее краткое пособие ставит целью заполнить пробелы в подготовке экспертов о отдельным видам исследований, особенно по исследованию пуль, гильз, оружия, шрифта пишущих машинок, выявлению текста, т. е. тех видов исследовании, которые не полностью освоены и не стали повседневным делом научно-технических отделений. Вместе е тем уделяется внимание и технике подбора материала для исследования как решающему фактору в работе. Пособие составлено как на опыте работы НТО Центра и периферии, так и проверенной нами заграничной практики. Издание настоящего пособия преследует вместе с тем цель дальнейшей разработки методики исследования и расширения круга вещественных

доказательств, практически используемых в розыскной работе Р. К. милиции". Насколько нам известно, это было первое пособие подобного рода адресованное именно экспертам-криминалистам. В том же году выходит отдельно "Пособие по дактилоскопии", также адресованное криминалистам органов милиции.

Существенную роль в становлении отечественной криминалистики сыграли публикации в журналах, издаваемых органами НКВД: "Административном вестнике", "Бюллетене Центрального административного управления НКВД", "Рабоче-крестьянской милиции", "Бюллетене Оперода Управления милиции Москвы", а также в журналах "Вестник советской юстиции" и "Социалистическая законность". Это были преимущественно краткие статьи и информации о технико-криминалистических методах и средствах работы с доказательствами, расследовании конкретных уголовных дел. Криминалистические материалы публиковались и в "Архиве криминологии и судебной медицины", издававшемся по инициативе и под редакцией Н. С. Бокариуса в Харькове в 1926—1927 гг.

2.2. Зерна криминалистической теории

Хотя подавляющая часть криминалистических работ этого периода имела четко выраженную практическую направленность и в целом целью рассматриваемого периода развития криминалистики служил сбор, аккумуляция эмпирического материала, в ряде публикаций встречались оригинальные теоретические положения. Пока они еще были разрозненны, не систематизированы, не образовывали четко выраженных теорий, но тем не менее уже несли определенную методологическую нагрузку, способствуя становлению криминалистической науки. Подобные положения встречаются в работах И. Н. Якимова, Г. Ю. Маннса, В. И. Громова, П. С. Семеновского и др. И. Н. Якимов в своем первом руководстве к расследованию преступлений излагает некоторые теоретические основы осмотра и предпринимает попытку конструирования общего метода расследования по косвенным уликам[5]. Теоретические основы дактилоскопии рассматривает в своем пособии Н. П. Макаренко[6]. Даже в таком сугубо справочном пособии, каким является брошюра П. П. Михеева и Н. Н. Семенова "Криминалистика. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы в вопросах и ответах" (М., 1926), можно встретить теоретические положения, содержащие характеристику предмета криминалистики, целей, задач, системы этой науки, ее основных частей. Так, в качестве предмета криминалистики они называли "изучение способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника"[7]. Цель криминалистики - помощь правосудию в раскрытии материальной истины по делу, а необходимость ее изучения вытекает из использования преступниками "последних научных открытий и изобретений в области технических и естественных наук для своих преступных целей", что требует применения в борьбе с преступностью научных способов и приемов раскрытия преступлений. Состоит же криминалистика из уголовной техники, уголовной тактики и методологии[8].

Наиболее сложной и в то же время наиболее важной для становления отечественной криминалистики в эти годы была задача определения ее предмета и содержания.

Одним из первых это попытался сделать профессор Иркутского университета Герберт Юльевич Манне. В 1921 г. он писал, что предметом криминалистики являются "во-первых, способы совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников (их жаргон, их суеверия и т. п.) и, во-вторых, приемы расследования преступлений, включая идентификацию преступников"[9]. Эта формула предмета была принята многими авторами более поздних работ. Более развернутое определение предмета предложил в 1925 г. И. Н. Якимов, указавший, что криминалистика "имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной

личности преступника"[10]. В определениях отчетливо отразились идеи Ганса Гросса и их русского популяризатора С. Н. Трегубова.

В предисловии к третьему изданию книги "Руководство для судебных следователей как система криминалистики" (1908 г.) Гросс писал:

"Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания. Формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, каковы были мотивы в совершении такового, какие имелись в виду цели — обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики"[11]. ные положения, Трегубов отмечал, что предметом криминалистики является "изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных наук и технических знаний к исследованию преступлений и установлению личности преступника"[12].

Г. Ю. Манне, И. Н. Якимов, В. М. Натансон оценивали криминалистику как прикладную, вспомогательную дисциплину. По мнению последнего, ее предметом, в частности, служат способы собирания и закрепления доказательств, а целью — изучение способов раскрытия преступлений. В технику расследования преступлений, как называл криминалистику Натансон, или, по немецкой терминологии — практическую криминалистику, "вошли данные из области логики и психологии, медицины, химии, физики и других прикладных наук, поскольку они могли быть применены к отдельным моментам в расследовании преступлений"[13]. в качестве предмета этой науки называл способы регистрации преступников, технику производства осмотров и методы исследования материальных улик[14].

Влияние этих взглядов было частично преодолено в первом коллективном советском учебнике по криминалистике для юридических вузов 1935 г. "Советская криминалистика, — говорилось во введении,— представляет собой науку о расследовании преступлений" [15]. Из дальнейшего изложения становилось ясным, что авторы учебника понимали ее как науку о способах применения данных естественных наук к расследованию преступлений, о наилучших приемах проведения отдельных следственных действий и наиболее целесообразной очередности их производства планировании процесса расследования, о специфических приёмах расследования отдельных видов преступлений. Таким образом к приемам применения методов естественных наук в целях борьбы с преступностью добавлялись приемы собственно расследования — его организации, планирования и проведения.

Для этапа становления отечественной криминалистики характерен был взгляд на нее как на техническую или естественно-техническую науку. Как нам представляется, причиной подобных воззрений являлось стремление отмежеваться от классической правовой уголовно-процессуальной науки. Сторонники этой концепции тем самым стремились доказать невозможность существования и развития криминалистических и процессуальных знаний в рамках одной науки и необходимость их размежевания. С таких позиций данная концепция в рассматриваемый период играла, по нашему мнению, прогрессивную роль.

Подобной точки зрения придерживался Г. Ю. Манне. Рассматривая криминалистику как прикладную техническую дисциплину, он подчеркивал в то же время ее происхождение от уголовно-процессуальной науки и связь с уголовно-процессуальным правом[16]. Позднее М. С. Строгович утверждал, что криминалистика — это неправовая дисциплина, изучающая научно-технические приемы собирания и исследования доказательств, "криминалистика сводится к техническим приемам следствия и не носит правового характера... Расширение сферы применения научно-технических методов в расследовании и разрешении уголовных дел не означает замены уголовного процесса криминалистикой: она остается подсобным техническим средством для расследования уголовных дел"[17].

В литературе иногда к сторонникам аналогичных взглядов безоговорочно причисляли И. Н. Якимова[18]. Это едва ли справедливо. Еще в 1923 г. И. Н. Якимов писал: "...она (криминалистика. — Р. Б.) меньше всего техника или какая-то судебно-техническая эн-

циклопедия, а является родственной и близкой по своему содержанию к науке уголовного права"[19].

Этой же, правда, не очень четкой точки зрения он придерживался и в последующих работах 1924—1929 гг.

Формировались представления и о системе криминалистики. И. Н. Якимов полагал, что эта система слагается из двух частей: УГОЛОВНОЙ техники и уголовной тактики. Правда, в составе последней он различал общую часть, по содержанию напоминающую криминалистическую тактику более позднего времени, и особенную часть, или научный метод расследования преступлений, совпадающую в основном с современными представлениями о криминалистической методике[20].

В 1929 г. было опубликовано руководство для органов милиции и уголовного розыска В. И. Громова, которое он назвал "Методика расследования преступлений". В введении автор писал: "...уголовно-судебная практика и опыт прошлого дают возможность сделать обобщающие практические выводы о доступных для каждого человека, имеющего некоторую подготовку, методах работы, использование которых может облегчить работу по расследованию преступлений каждому среднему работнику, без отношения к его личным, индивидуальным качествам и способностям... Такие выводы, содержащие практические указания или проверенные на опыте правила, относящиеся к наиболее рациональному использованию всех допустимых законом методов работы в процессе расследования преступлений, изложенные в определенной системе, естественно, могут в значительной степени облегчить работу по расследованию преступлений. Едва ли нужно доказывать то значение, которое может иметь для работников милиции и уголовного розыска знание тех элементарных сведений, которые я подвожу под общее наименование "методики расследования"... Успех расследования уголовных дел почти всегда зависит от умения методически правильно построить и провести работу, конечной целью которой является раскрытие преступлений"[21].

Так в отечественной криминалистике появился термин "методика расследования преступлений", наряду с которым впоследствии стал употребляться термин "частная методика". Правда, Громов в той же работе нередко смешивал методику с методологией расследования, употребляя эти понятия как равнозначные. Но существо дела от этого не менялось: в любом случае он писал именно о методических рекомендациях.

Появление термина "методика расследования преступлений" способствовало изменению взглядов на систему криминалистики. Уже в учебнике 1935 г. методика расследования стала рассматриваться как самостоятельный раздел криминалистики — один из трех, составляющих ее систему. Трехчленная система получила закрепление и во второй книге того же учебника, специально посвященной методике расследования преступлений[22].

Особую роль в становлении отечественной криминалистики

И. Н. Якимов

сыграли работы этого периода двух выдающихся ученых криминалистов — И. Н. Якимова и В. И. Громова, на творчестве которых полагаю необходимым остановиться подробнее.

2.3 И. Н. Якимов

Иван Николаевич Якимов, с чьим именем неразрывно связано становление отечественной криминалистической науки, родился в 1884 г. в Новгороде, в семье отставного армейского

офицера. По окончании гимназии в 1904 г. он в течение двух лет отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся саперного батальона, а в 1906 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, по окончании которого в 1911 г. был зачислен кандидатом на судебные должности в окружном суде, а потом помощником присяжного поверенного в Варшаве.

В 1914 г. офицера запаса Якимова призвали в армию, однако через два года его демобилизуют по болезни и он возвращается в адвокатуру в качестве присяжного поверенного при Московской судебной палате.

После революции Иван Николаевич с 1917 г. работает в органах Наркомпрода. В 1919 г. его призывают в Красную Армию как военного специалиста. В течение пяти лет он ведет преподавательскую работу в высших военных учебных заведениях: в Высшей школе связи, в Высшей химической школе, в Академии воздушного флота им. Жуковского. Касаясь последующего периода жизни Якимова, автор биографического очерка о нем, М. В. Шевцов, пишет: "Дальнейшая деятельность Ивана Николаевича Якимова в течение 13 лет проходила в двух направлениях: первое их них — практическая работа в органах НКВД; второе — преподавание в различных юридических учебных заведениях страны и напряженная научно-исследовательская работа в области криминалистики"[23].

В 1924—1937 гг. Якимов работает старшим инспектором, а затем консультантом в Московском уголовном розыске и в Центральном управлении уголовного розыска НКВД. За безупречную службу в 1927 г. был награжден НКВД почетным оружием и почетным знаком НКВД, а в 1932 г. — золотыми часами.

Практическую работу в уголовном розыске Якимов сочетает с педагогической деятельностью: преподает криминалистику в Высшей милицейской школе НКВД и в Московском государственном университете — на факультете общественных наук и на правовом факультете, а после закрытия последнего — в Правовой академии. В 1935—1941 гг. он доцент, а затем профессор Московского юридического института.

В период Великой Отечественной войны Иван Николаевич работает старшим военным следователем Военной прокуратуры Московского гарнизона. В 1942 г. его приглашают читать лекции по криминалистике на юридическом факультете МГУ в должности профессора.

В 1947 г. Якимов защищает докторскую диссертацию по теме "Следственный осмотр". Он становится вторым после Н. В. Терзиева доктором наук — криминалистом в истории отечественной криминалистики. Когда в 1950 г. на юридическом факультете МГУ открывается кафедра криминалистики, ее первым заведующим 26 декабря был утвержден И. Н. Якимов. Он оставался им до конца жизни. Умер Иван Николаевич 10 января 1954 г.

Творческий путь Ивана Николаевича Якимова как ученого отмечен созданием ряда капитальных трудов по широкому кругу проблем криминалистики. Им предшествовали многочисленные журнальные публикации в 1923—1924 гг. в "Административном вестнике", "Криминалисте", "Рабоче-крестьянской милиции" (статьи "Опыт уголовного розыска"[24], "Техника производства обысков"[25], "Техника осмотров"[26], "Современное положение регистрации преступников"[27]," Искусство и техника допроса"[28], “Вспомогательная система регистрации преступников и преступлений"[29], "Новости уголовной техники"[30] и др.).

Многие положения, содержащиеся в этих статьях, были включены затем Якимовым в его первое фундаментальное "Практическое руководство к расследованию преступлений"[31]. В предисловии к этой работе автор писал, что книга "отнюдь не претендует быть самостоятельным научным трудом", что он лишь "задался целью дать в систематическом и популярном изложении сведения по уголовной технике и тактике, необходимые при производстве дознаний, разбросанные по многочисленным трудам по данному вопросу, а посему недоступные большинству работников угрозыска и милиции". Однако ознакомление с содержанием книги позволяет убедиться, что автор излишне скромен: его труд носит несомненно научный характер и представляет собой отнюдь не исключи-

тельно систематизированное изложение сведений, почерпнутых из других источников, а имеет свое оригинальное лицо, выражает взгляды самого автора, его выводы и рекомендации.

В книге три части: уголовная техника, уголовная тактика и раздел, именуемый "Применение научных методов уголовной техники и тактики к расследованию преступлений". В свою очередь уголовная техника подразделялась на три отдела.

В первом — "Технические способы регистрации преступников" — излагались основы сигналетической фотографии, словесного портрета, дактилоскопии и письменной регистрации.

Во втором — "Технические методы производства отдельных розыскных действий" — речь шла о технике производства осмотров и обысков.

В третьем — "Технические методы обнаружения и закрепления следов преступления" — приводились данные об обнаружении, фиксации, изъятии и исследовании следов человека и иных следов (ног животных, колес, орудий взлома, оружия, подделок и подлогов, горючих веществ и зажигательных приборов при поджогах), а также давались рекомендации по хранению предметов со следами преступления.

Уголовная тактика тоже подразделялась Якимовым на четыре отдела:

1) преступник; 2) средства борьбы с преступниками; 3) преследование преступника; 4) применение к розыску преступников собак. Здесь шла речь о типах преступников и их классификации по роду совершенных деяний, об их поведении на воле и при задержании, о способах тайных сношений между собой, давался перечень качеств, необходимых для агента уголовного розыска, описывались приемы, к которым прибегают сотрудники при наблюдении за преступниками и их задержании. По существу уголовной тактикой автор называл оперативно-розыскную деятельность органов дознания. В те годы власть еще не только не отрицала существования в стране профессиональной преступности, но всячески подчеркивала наличие этого наследия "проклятого прошлого". Не засекречивались и приемы оперативной работы уголовного розыска, поскольку они были хорошо известны его “клиентуре", но зато мало известны молодым розыскникам. Направленность криминалистических рекомендаций не только на область расследования, но и на оперативно-розыскную практику представлялась вполне закономерной, поскольку общепризнанным было единство этих двух сфер борьбы с преступностью и обслуживание их единой "полицейской наукой" — криминалистикой. Формирование самостоятельной теории оперативно-розыскной деятельности было еще в далеком будущем.

Третья часть книги подразделялась на два отдела: 1 — общий метод расследования преступлений по косвенным доказательствам (уликам) и 2 — его приложение к расследованию отдельных преступлений: против личности, имущественных преступлений, преступлений против общества (подделка денег, подлог), К книге прилагалась общая схема расследования.

Сразу же после выхода в свет "Руководства", тираж которого (3000 экз.) не мог удовлетворить потребности практических работников и, видимо, самого автора, Якимов приступил к переработке издания. Вскоре оно вышло вдвое большим тиражом под названием "Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике" (М., 1925).

Изменения коснулись прежде всего структуры книги. Техника производства осмотров была выделена в самостоятельный третий раздел уголовной техники. Обыск же стал рассматриваться в уголовной тактике, из которой автор исключил все касающееся оперативно-розыскной деятельности, кроме главы о задержании преступников, включив вместо этого главу о допросе. Часть третья получила название "Методологии". Число преступлений, по расследованию которых давались рекомендации, увеличилось.

Как в "Руководстве", так и в этой книге Якимов делил все следы на месте преступления на две группы: следы человека и другие следы. Позже он несколько изменил эту классификацию, разделив "другие следы" на две группы: оставляемые животными, а также орудиями и средствами преступления.

Следы человека были пополнены им еще тремя подгруппами (следы отделения; паразиты, живущие на человеческом теле и в нем; следы от носимой одежды). Кроме того, из этих следов он исключил те, которые связаны с подделками и подлогами, но добавил сюда следы пыли, грязи, остатков пищи, свечи, жиров, красок, ржавчины, пепла[32]. Заметим попутно,

что тогда же Якимов сформулировал первое в отечественной литературе понятие следа: "Следом называется отпечаток на чем-нибудь предмета, позволяющий судить об его форме или об его назначении"[33]. От следа он отличал пятно, которое "позволяет судить только об оставившем его веществе, так как оно само является частицей этого вещества"[34].

В "Криминалистике" автор продолжает разработку научных основ уголовной регистрации. Ее методы или способы он разделил на основные (дактилоскопию, сигналетическую фотографию и словесный портрет) и вспомогательные (или вспомогательную систему регистрации). В числе последних рассматривались способы:

а) устанавливающие преступное прошлое личности (биографию);

б)дающие возможность установить личность преступника, совершившего данное деяние;

в)содействующие активному розыску преступника и установлению за ним наблюдения (учет и розыск). Сюда Якимов относил регистрацию справок о судимости; регистрацию преступников по характеру криминальной деятельности; по кличкам и прозвищам, татуировкам и физическим приметам; по почерку (это касалось вымогателей, подделывателей, шантажистов); регистрацию лиц, близких к преступникам и оказывающих им помощь, виновность которых трудно установить и которые "остаются только под подозрением" (скупщиков краденого, притоносодержателей, укрывателей и др.) [35].

Весьма характерна для этапа эмпирического развития отечественной криминалистики попытка Якимова сформулировать научные основы уголовной регистрации. Он считал, "что каждому человеку свойственна физическая индивидуальность, благодаря коей его всегда можно отличить от других, хотя бы на первый взгляд и очень похожих на него людей. Кроме свойственной ему индивидуальности, человек в течение своей жизни приобретает еще ряд навыков и привычек, свойственных только ему одному, по коим его легко узнать (походка, манеры, жесты, почерк, автоматические движения, голос, взгляд и т. д.). В результате все методы регистрации верны и безошибочны, поскольку не доказана возможность полного физического тождества двух людей, чего для практических целей более, чем достаточно"[36].

В "Криминалистике" были пополнены положения об осмотре и обыске, разработаны некоторые вопросы тактики допроса. В эти годы научная общественность еще не избавилась от эйфории, связанной с успехами криминалистических исследований вещественных доказательств, этих "немых свидетелей". Эти успехи породили и скептическое отношение к свидетельским показаниям. Неверие в свидетельства очевидцев подпитывалось результатами экспериментов некоторых университетских профессоров (Лист, Клапаред и др.), которые во время чтения лекций инсценировали различные "происшествия" с целью определения полноты их запоминания и последующего воспроизведения присутствующими. И хотя эти опыты были далеки от условий формирования подлинных свидетельских показаний, а критерии оценки их результатов чрезмерно строги, они сыграли известную роль в принижении значения показаний по уголовным делам. Не чужд этим взглядам оказался и Якимов, о чем можно судить по его утверждению о том, что "будущее за осмотром и за экспертизой обнаруженного при осмотре, допрос же сделается субсидиарным, вспомогательным способом установления материальной истины в уголовном деле, ввиду свойственных ему органических, неустранимых недостатков, так как при допросе приходится всецело полагаться на людей, а люди далеки от совершенства... Здоровый, основанный на научном знании и житейском опыте, не переходящий за грани дозволенного законом скептицизм — вот наиболее правильное отношение к свидетельским показаниям"[37].

Еще в середине 20-х гг. Якимов задумал создать научный труд, охватывающий всю систему криминалистики, как он себе ее представлял, т. е. и уголовную технику и уголовную тактику. Однако ограничился почему-то изданием лишь второго тома этого труда, который увидел свет в 1929 г. под названием "Криминалистика. Уголовная тактика". В предисловии он писал: "Система криминалистики слагается из двух самостоятельных крупных отделов уголовной техники и уголовной тактики... Хотя оба эти отдела криминалистики внутренне связаны единством исследовательских целей и научного материала, они могут излагаться и изучаться самостоятельно, в виде отдельных дисциплин. Предлагаемый читателю научный труд и является таким самостоятельным изложением уголовной тактики, ставящим себе целью научное изложение способов расследования всех наиболее важных уголовных

преступлений, и в то же время развитием, в смысле научной разработки, уголовной тактики..." [38].

Тактику автор разделил на две части: общую и особенную. В общую он включил три отдела:

1)современный преступник, совершаемые им деяния и борьба с ними;

2)работник уголовного розыска и его деятельность по борьбе с преступниками (в издании 1925 г. этот раздел был опущен);

3)тактика следственно-розыскных действий.

Новыми по сравнению с предыдущими изданиями были таблица распределения преступников по роду деяний, весь второй отдел, включая главу 2 "Деятельность розыскных работников по предупреждению и пресечению преступлений", раздел "Психология допроса" в главе о допросе.

Можно констатировать, что Якимов первым из отечественных криминалистов обратился к проблеме предупреждения и пресечения преступлений. То же можно сказать и об основах психологии допроса [39].

К заслугам Якимова следует отнести также и то, что он сформулировал основы криминалистического учения о розыске. В рассматриваемой книге он отмечал, что решение вопросов, где и как искать преступника, как осуществлять его преследование и задержание, розыск похищенного имущества относится к числу проблем уголовной тактики[40]. Понятие розыска Якимов трактовал широко, включая в него всю деятельность по раскрытию преступлений — от обнаружения его признаков до установления личности виновного. "Розыскное искусство, — писал он, — должно быть отнесено к числу труднейших искусств, так как оно своим объектом имеет не мертвый материал, как, например, живопись, скульптура, музыка, а человека. В этом отношении оно ближе к военному искусству, так как и то и другое имеют дело с живым человеком и опираются на психологию как отдельной личности, так и масс. Как всякое искусство, розыскное искусство имеет свою теорию, может быть еще не достаточно глубоко разработанную и свою литературу»[41]. Розыск, отмечалось далее в работе, должен осуществляться как гласными, так и негласными средствами, причем их применение целесообразно сосредоточить в одних руках — работника уголовного розыска, который "за своею ответственностью ведет по принятому им к своему производству делу всю работу от начала до конца, вся она — дело его рук, и он ею, как творец и организатор, более заинтересован, чем как исполнитель поручений и директив, диктуемых чужой волей”[42].

Особенная часть книги состояла из двух разделов: 1. Научное следствие (научный метод расследования преступлений) и 2. Расследование отдельных преступлений. Причем в первом разделе имелся исторический очерк, в котором критически рассматривались методы следствия, предложенные западными криминалистами А. Вейнгардтом, А. Ницефоро и Э. Аннушатом. Якимов, в частности, писал: "...относительно метода Вейнгардта должно сказать, что он настолько расчленен на мельчайшие составные части, в нем столько отдельных рубрик и классификаций уголовных доказательств, что за ними не видна общая конструктивная мысль автора. Метод Ницефоро, в ущерб чисто материальным приемам расследования, выдвигает психологию следственного процесса, придавая излишне большое значение изучению цели и мотива преступления (логика процесса) и личности преступника (психология процесса). Метод Аннушата явно искусственно упрощен сведением следствия к логическому выведению заключения из посылок, взятых из материалов данного уголовного дела"[43]. Однако, икуя этих ученых, Якимов в то же время не смог полностью преодолеть их влияния. Его схема расследования весьма напоминает рекомендации Вейнгардта и Ницефоро, а комментарий к ней — высказывания Аннушата.

Книги Якимова сыграли важную роль в становлении отечественной криминалистики, в распространении криминалистических знаний среди работников розыскных, следственных и экспертных подразделений. Вплоть до 1935 г. эти пособия по существу играли роль учебников по криминалистике, пользуясь большой популярностью и, несмотря на некоторые недостатки, являлись проводниками научных методов расследования преступлений, первыми опытами обобщения формирующейся практики борьбы с преступностью. Вот почему нельзя

разделить мнение А. Н. Васильева, считавшего, что первый учебник криминалистики, вышедший в 1925 г., "...не стоял на уровне советских учебников, так как автор его, И. Н. Якимов, многое некритически воспринял от буржуазных криминалистов"[44]. Подобная оценка не учитывает, во-первых, оригинальных положений работы Якимова и, во-вторых, того, что это был первый опыт, первая попытка теоретически обобщить и передать небогатый еще опыт научного расследования уголовных дел в нашей стране.

В последующие годы Якимов детально разрабатывает проблемы всех видов следственного осмотра. В 1935 г. выходит его работа "Осмотр", он пишет главы об осмотре в учебниках криминалистики 1935-го, 1938-го, 1950 гг. Этой проблематике посвящена и его докторская диссертация. Одним из первых он разрабатывает тактику опознания[45]. И. Ф. Крылов справедливо заметил, что "даже беглый биографический очерк И.Н. Якимова говорит о всесторонности его научных интересов"[46]. Именно разносторонним ученым, великолепно знающим потребности практики борьбы с преступностью предстает перед нами со страниц своих книг И. Н. Якимов — дин из пионеров отечественной криминалистики.

Судьба не подарила автору этих заметок личного знакомства с Иваном Николаевичем Якимовым. Мне довелось видеть его лишь однажды, в начале 50-х гг., когда я, приехав в Москву сдавать очередной кандидатский экзамен, случайно попал на собрание московских криминалистов, посвященное встрече с приехавшим в Союз видным польским криминалистом проф. Павлом Хорошевским, автором первого послевоенного польского учебника по криминалистике.

Гость восседал за столом президиума, вальяжный, вылощенный, модно одетый. Ему явно проигрывал своим внешним видом сидевший рядом проф. Н. В. Терзиев.

Собрание уже началось, уже были произнесены дежурные приветствия, когда по проходу аудитории юридического факультета, тогда еще на улице Герцена, грузно прошествовал к президиуму пожилой мужчина, а по рядам пронесся шепоток: "Якимов пришел!"

Он не выступал, но внимательно слушал хвастливые разглагольствования Хорошевского, который с гордостью поведал о своем знакомстве с новой западной литературой и о том, что он обладает "самым последним", пятым томом знаменитого "Трактата о криминалистике" Локара. Когда в ответном слове Николай Владимирович Терзиев как бы между прочим заметил, что он получил Действительно последний, шестой, том Локара и перечислил по французски его главы, Якимов во все горло смеялся вместе с залом над конфузом Хорошевского, а тот сидел с багровым лицом, пряча глаза.

В. И. Громов

О лекциях Якимова среди студентов ходили легенды. Рассказывали, что в присущей ему грубоватой манере он буквально завораживал аудиторию, зал, где он читал, всегда был набит битком, приходили его послушать студенты других факультетов, аспиранты, преподаватели. Таким он и остался в памяти своих учеников — большой, громкий, грубоватый, но отзывчивый и добрый, готовый всегда бескорыстно прийти на помощь нуждавшимся в ней людям.

2.4. В. И. Громов

Имя Владимира Иустиновича Громова — ученого, внесшего значительный вклад в становление и развитие отечественной криминалистики, в течение многих лет было незаслуженно забыто. Между тем его с полным основанием можно поставить в один ряд с такими учеными того времени, как И. Н. Якимов, Н. П. Макаренко, С. М. Потапов.

Громов родился в 1869 г. в г. Семенове Нижегородской губернии в семье учителя. Окончив гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета, по окончании которого в 1894 г. пять лет числился кандидатом на судебные должности с исполнением обязанностей секретаря Нижегородского окружного суда. С 1900 по 1917 г. он — судебный следователь сначала Сергачевского и Балахнинского уездов, а затем Ярославского, Смоленского и Московского окружных судов. После Октябрьской революции работает инспектором-ревизором Военно-хозяйственного совета Наркомвоена и Наркомпрода. В 1918 г. им был организован Отдел расследования должностных преступлений в Госконтроле, затем в течение пяти лет он был главным юрисконсультом и управляющим юридическим отделом Рабкрина. В последующие несколько лет он — следователь по важнейшим делам Прокуратуры РСФСР, позже тяжело заболел и был признан инвалидом труда.

С 1926 по 1935 г. Громов целиком посвящает себя научным исследованиям в области криминалистики, уголовного процесса в Институте советского права, Институте по изучению преступника и преступности, Институте уголовной политики. В 1935 г. он возвращается ненадолго на практическую работу в Прокуратуру РСФСР, а потом в Прокуратуру СССР.

С 1938 г. Громов — на преподавательской работе: сначала в Московском юридическом институте, где в 1940 г. ему было присвоено звание доцента, а затем в Московском государственном университете. Любопытно, что в университете он сначала работал на кафедре уголовного процесса, а затем на кафедре классической филологии, древних языков, хотя и не имел филологического образования. Очевидно, что дореволюционная классическая гимназия давала такую фундаментальную подготовку в области латыни и древнегреческого, что ее было достаточно для преподавания древних языков в университете будущим филологам.

В сентябре 1950 г., будучи уже в преклонном возрасте, Владимир Иустинович уходит на пенсию, а через полтора года, И марта 1952 г., он скончался.

Первые труды Громова вышли еще до революции[47], настоящему талант ученого проявился в 20-е гг. Первой крупной работой, принесшей ему широкую известность в юридических кругах, была книга "Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступления)", которая вышла в 1925 г. под редакцией и с предисловием Н. В. Крыленко[48].И.Ф. Крылов писал об этой работе: "Популярность ее была необычайно большой, в течение десяти лет она выдержала шесть изданий. Хотя книга в целом носит процессуальную направленность, вопросам криминалистики в ней уделено значительное место. Автор попытался отразить в ней основные положения советской криминалистики в том виде, как они сложились в первые годы ее научного развития"[49].

В предисловии к книге Крыленко писал: "Предлагаемое руководство представляет собой, пожалуй, первый опыт дать не только практические указания нашим следователям и представителям других учреждений, которым по роду их деятельности приходится заниматься следственной работой, как и что нужно делать при производстве расследования преступлений, но и опыт теоретически осмыслить весь следственный процесс в целом и увязать отдельные его акты общими проникающими в наш процессуальный кодекс основными идеями. Другими словами, это руководство представляет собой попытку дать не только технику, но и "философию" следственной работы. В этом — ценность предлагаемого руководства". В предисловии ко второму изданию Крыленко констатировал, что "успех первого издания настоящей книги оправдал наши предположения о том, что эта книга может

оказаться для наших работников следственного отдела полезным руководством в их практической работе" (язык и стиль предисловия мною сохранены. — Р. Б.).

Пособие подразделялось на две части. В первой шла речь о компетенции и методах работы следственных органов, общих условиях и основных задачах дознания и предварительного следствия. Во второй части автор анализировал отдельные следственные действия и их технику, организацию и внутренний распорядок работ по производству следственных действий, описывал научную технику уголовных расследований и особенности производства расследования некоторых преступлений в зависимости от их характера и рода.

Вслед за Якимовым Громов обращается к понятию розыска, считая, что "под розыском, в специальном значении этого слова, следует понимать такие действия органов дознания, которые или направлены к нахождению преступника по обнаруженному и уже в достаточной мере выясненному преступному факту, или же к отысканию предметов, добытых путем преступления, или, наконец, орудий преступления, которые могут иметь значение вещественных доказательств и дадут возможность найти и изобличить действительного виновника преступления... Розыск есть не только составная часть дознания, но и отдельный самостоятельный акт этого дознания, с присущими ему особыми приемами расследования: негласным сыском, слежкой и наблюдением" (с. 15—16). Анализируя следственную и розыскную работу, автор акцентирует внимание на их творческом характере. Он пишет: "Работа по расследованию преступлений, в особенности по наиболее сложным делам, является несомненно актом творчества, который разлагается на три основных творческих акта:

1) объективное исследование и наблюдение отдельных моментов преступного события, собирание их и описание в протокольных актах;

2) субъективная оценка и объяснение следователем значения отдельных фактов, предметов, моментов и их связи между собой в общем процессе совершения преступления;

3) логические выводы, неизбежно вытекающие из всех установленных и проверенных материалами следствия фактических данных" (с. 47—48).

Заслуга Громова в том, что он начал разрабатывать учение о криминалистической версии и планировании расследования. В книге, о которой идет речь, впервые в отечественной литературе были даны рекомендации по планированию расследования и построению умозаключений при работе с доказательствами.

Подчеркивая значение планирования как существенного элемента научной организации труда следователя, Громов писал, что если составление плана расследования (он именует его "памяткой") "не имеет особого значения по мелким и несложным делам, то по делам с большими и неразработанными материалами дознания это представляется безусловно необходимым, так как надеяться на свою память без записей по таким делам весьма рискованно" (с. 65). Помимо письменных планов расследования по конкретным делам он рекомендовал следователю вести календарный месячный дневник, отражающий последовательность и содержание его работы по всем делам, находящимся у него в производстве (с. 67).

Описывая логическую сторону процесса расследования, автор указывал, что следователь пользуется индуктивным и дедуктивным методами суждений. Причем индуктивный вывод принимается им за несомненную истину. Дедуктивный же позволяет выдвинуть предположение, "высказывая общее более или менее вероятное суждение, которое при дальнейшем исследовании, по нашему мнению, должно подтвердиться на обследуемом факте" (с. 53).

Громов весьма невысоко оценивал роль вероятных умозаключений в доказывании, ставя их на одну доску с догадками. Он писал: "Строить заключение или предпринимать те или другие меры эй расследовании, исходя из вероятных предположений и догадок, возможно лишь в тех случаях, когда нет возможности построить выводы из точно установленных фактов и когда для этих предположений имеются какие-нибудь косвенные реальные данные... Но во всех этих случаях, проверяя возникшее предположение, особенно направленное к изобличению какого-либо только предполагаемого, "возможного" виновника, следователь не должен отходить и закрывать глаза на факты и моменты, которые.Уже точно установлены дознанием или следствием и которые не Должны отрицаться новыми фактами и им

противоречить" (с. 55).

Внутреннюю противоречивость этих рассуждений, из которых при желании можно было сделать вывод, что он считает версию не предположением, а умозаключением об истине, Громов практически преодолел в последующей работе — "Методика расследования преступлений" (М., 1929). В ней, в частности, он пришел к выводу что гипотеза может быть построена и индуктивным методом и что, кроме того, всякая гипотеза, выдвинутая при расследовании уголовного дела:

1)Должна основываться на хотя бы и недостаточных фактических данных;

2) Не может противоречить соображениям о фактах, логически допустимых и возможных в данных условиях;

3)должна допускать возможность проверки.

"Построение такой гипотезы, которая противоречит логике вещей или вообще является нелепой л не нуждается в проверке, или даже по существу не допускает возможности проверки, — конечно, было бы напрасной потерей времени, а в иных случаях могло бы только отвлечь внимание лица, производящего расследование, от конкретных фактов, анализ и оценка которых могли бы привести его ненадежными путями к установлению достоверных доказательств" (с. 80). По смыслу рассуждений автора можно сделать вывод, что он считал упоминаемые им гипотезы логической основой планирования расследования.

Возвращаясь к анализу работы "Дознание и предварительное следствие", следует упомянуть, что в ней содержатся подробные рекомендации по проведению допроса обвиняемого и свидетелей, назначению экспертизы и допросу эксперта, производству осмотров, обысков и выемок, освидетельствования, предъявления для опознания. Не избежал автор и типичной для его времени оценки свидетельских показаний: "Свидетельские показания являются в смысле их точности и полного соответствия с действительностью крайне несовершенным материалом, доказательность которого является сомнительной" (с. 94). Ошибочными были и его взгляды и на тактику опознания: он считал, что опознаваемого не следует предъявлять опознающему в группе посторонних лиц (с. 136). Однако большинство тактических рекомендаций, содержащихся в книге, можно признать верными и сегодня.

Весьма интересен раздел книги, посвященный научной организации труда следователя. Предметом рассмотрения был широкий круг вопросов: от оборудования кабинета следователя до распределения времени работы при производстве расследования. В последних разделах книги приводились некоторые сведения из области уголовной техники и методики расследования некоторых видов преступлений.

На основе второго издания этой книги ее автор разрабатывает своеобразное пособие, составленное в форме вопросов и ответов, — "Производство дознаний и предварительных следствий", где в конспективном виде излагает самые необходимые для работника уголовного розыска и следователя сведения по уголовно-процессуальному праву и криминалистике[50]. Такая форма подачи учебного материала была весьма популярна в те годы: низкий в массе общеобразовательный уровень читателя требовал максимальной популяризации предлагаемого материала.

В 1928 г. в соавторстве с Н. Лаговиером В. И. Громов издает книгу "Расследование хозяйственных и должностных преступлений" [51]. Фактически это было первое в отечественной литературе полноценное, именно методическое, пособие. Оно содержало не только общие замечания о расследовании обозначенных в заглавии деяний, но и конкретные частные методики по девяти составам преступлений, изложение особенностей тактики следственных действий при их расследовании, вопросов назначения экспертиз и, что было особенно важным в то время, указание на основные недочеты, допускаемые при расследовании хозяйственных и должностных преступлений, и меры к их устранению. Это был глубокий анализ следственной практики, сопровождаемый рекомендациями по повышению эффективности расследования.

В 1929 г. выходит в свет труд Громова "Методика расследования преступлений" [52]. Ранее отмечалось, какое значение имела эта книга для совершенствования системы криминалистики, разработки ее заключительной

части — криминалистической методики. Но ее роль этим не ограничивалась. Конструируя свою "методику расследования", автор стремился превратить искусство расследования в науку. Разумеется, с высоты современного уровня развития криминалистики многое в этой работе выглядит наивным и примитивным. Но не следует забывать, что она была написана тогда, когда о методике расследования в науке не было четких представлений, когда в литературе господствовали догматические схемы процесса расследования и делались еще только первые шаги по их приближению к условиям реальной действительности.

Были в книге и некоторые ошибки, подмеченные еще современниками Громова. Он, например, проводил аналогию между следственным процессом и процессом промышленного производства: "Производственный процесс предприятия (фабрики, завода и т. п.) слагается из взаимодействия трех основных факторов: рабочей силы, орудий производства (машин) и обрабатываемого материала (сырья). Трудовой процесс аппарата органов расследования состоит из взаимодействия тех же основных элементов. Рабочей силой здесь является персонал работников органа расследования. Орудиями производства здесь служат все предметы, приспособления и принадлежности, при помощи которых работает каждый такой работник... Обрабатываемым материалом (сырьем) в этой работе служат как вещественные образования и предметы, которые осматривает и исследует орган расследования (место преступления, труп, вещественные доказательства, документы), так и люди (допрашиваемые или подвергаемые освидетельствованию обвиняемые, свидетели, эксперты и т. п.)... В результате трудовых процессов органов расследования также получается продукция, но в виде законченного расследованием дела, фиксирующего на бумаге полную картину преступления" (с. 23).Касаясь приведенных здесь рассуждений, авторы учебника 1935 г. отмечали, что "эта аналогия абсолютно неправильна как теоретически, ввиду ее крайне механистического характера, так и практически... ибо... при расследовании преступлений мы имеем дело с общественными отношениями, которые никак не укладываются в рамки механических процессов. Схема Громова приводит к выхолащиванию политического содержания расследования..." [53].Громову явно повезло, что этот вывод был сделан не двумя годами позднее, когда он наверняка повлек бы "включение" его в "производственный процесс" некоего предприятия а/я... Но упрек в вульгаризаторстве можно признать справедливым, хотя следовало бы все же иметь в виду ту цель, которую преследовал своей аналогией ученый. А потребовалась эта аналогия для того, чтобы сформулировать практические выводы, под которыми и сейчас может подписаться любой криминалист:

“1. Всякая работа органов расследования, как и работа отдельных работников милиции и уголовного розыска по расследованию каждого преступления, должна производиться в порядке п л а н о в о г о м е т о д а с предварительным и последующим точным учетом всех процессуальных действий, которые необходимо произвести в процессе расследования данного уголовного дела" (с. 26).

2. Все действия по расследованию уголовных дел должны быть рациональными и эффективными, "должны подчиняться общему режиму экономии и сопровождаться наименьшей затратой времени, средств и живой силы при одновременном ускорении темпа расследования" (с. 26).

В "Методике расследования преступлений" автор акцентировал внимание на том, что изучение практики и опыта прошлого лает возможность сделать обобщающие практические выводы о методах расследования преступлений, обозначил важнейшие стадии процесса расследования и сформулировал общие положения тактики различных следственных действий (осмотра, обыска, освидетельствования и т. д.).

В 1930 г. Владимир Иустинович обращается к вопросам криминалистической техники. Он пишет книгу "Материальная истина и научно-уголовная техника"[54], к которой, как он сам отмечал, стремился осветить процесс исследования материальной истины в уголовных делах — тот сложный процесс установления доказательств методами научно-технического исследования, который все более и более входит в практику расследования, — а вместе с тем иллюстрировать примерами практическое значение тех достижений современной научно-

уголовной техники, которые имеют широкое применение в деле борьбы розыскных и судебно-следственных органов с многообразными видами общественно опасных деяний" (с. 5). Это была научно-популярная работа, написанная на высоком научном уровне, способствовавшая распространению технико-криминалистических знаний среди оперативных и следственных работников.

Круг научных интересов Громова чрезвычайно широк, его творческая активность поражает и вызывает глубокое уважение. Достаточно сказать, что помимо названных трудов, которые сами по себе могли составить ему имя в науке, в 1929 г. совместно с Н. Лаговиером он выпускает книгу "Уголовно-судебные доказательства» [55] в 1931 г. выходят сразу две его работы — “Осмотр места преступления"[56] и "Техника расследования отдельных видов преступлений» [57], в 1932 г. — книга "Новые формы и методы расследования должностных и хозяйственных преступлений"[58], соавторстве с П. И. Тарасовым-Родионовым он издает работу "Расследование хищений и злоупотреблений в торговом аппарате"[59].

Наконец, в 1937 г. выходит в свет его книга совершенно необычного характера — "Следственная практика в примерах" (М.), о которой ее редактор писал: "Черпая материал из повседневной практики следственной работы, автор стремился на примере самых обычных следственных дел дать не только анализ следственных действий по каждому излагаемому им делу, но и сделать соответствующие выводы и обобщения методического характера, которые приложимы вообще к расследованию тех или иных категорий уголовных дел... Сообщаемые автором сведения из области криминалистики уже звучат по-иному: это уже не параграфы из учебника, а неопровержимо доказанная на конкретном примере техническая целесообразность" (с. 4). Уже в возрасте 80 лет, в 1949 г. Громов принимает деятельное участие в подготовке "Настольной книги следователя".

Таков творческий путь выдающегося ученого и популяризатора криминалистических знаний, одного из основоположников отечественной криминалистики Владимира Иустиновича Громова. Оценивая в целом значение этапа накопления эмпирического материала и роль первых отечественных ученых-криминалистов в I становлении криминалистической науки, следует исходить из следующих положений.

Возникновению и становлению криминалистики способствовало то, что в распоряжении науки оказался необходимый для теоретических обобщений огромный эмпирический материал, как положительный, так и отрицательный опыт применения в борьбе с преступностью криминалистических средств и методов. Именно благодаря этому возникли эмпирические предпосылки формирования криминалистической теории в виде отдельных данных опыта и некоторых выявленных объективных закономерностей. Ученые-криминалисты этого периода были основоположниками криминалистической науки и самоотверженными ее пропагандистами. Совершенно правильно отмечали Г. Кочаров и Н. Селиванов, что произведения этих ученых "имели важное значение для научной организации борьбы с преступностью, они прививали вкус к научным методам расследования, вырабатывали практические навыки"[60].

Главная задача того времени была решена — отечественная криминалистика заявила о своем существовании.

Примечания:

[1] Осборн Альберт С. Техника исследования документов. М., 1932. С. 85 – 86.

[2] Гай Вили. Предупреждение преступлений. М., 1927.С. 4.

[3] Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975. С. 126 – 127.

[4] Шаркова Т. Ф. Профессор Н. П. Макаренко — организатор и руководитель экспертного учреждения в Одессе // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 2.Киев, 1975.

[5] Якимов И.НП. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924.

[6] Макаренко Н. П. Техника расследования преступлений. Харьков, 1925.

[7] Макаренко Н. П. Указ. соч. С. 5.

[8] Там же.

[9] Маннс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Труды Иркутского госуниверситета. Отдел 1. Вып. 2. Иркутск, 1921.

[10] Якимов И.Н. Криминалистика. М.,1925. С.3

[11] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики.СПб., 1908. С. 8.

[12] Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Пг., 1916. С. 14.

[13] Натансон Б. М. Основы техники расследования преступлений в конспективном изложении. Вып. 1.Харьков,1925.С. 6 – 7.

[14] Вороновский Н. Д. Уголовная техника. Начальный курс.Практическое руководство для работников органов расследования. М., 1931.С.5.

[15] Криминалистика. Книга 1. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. С.6.

[16] Маннс Г. Ю. Указ. соч. С. 148.

[17] Строгович М. С. Уголовный процесс. Краткий учебник. М., 1938. С. 18.

[18] Митричев С. П. Предмет, метод и система советской криминалистики. М., 1956. С. 11.

[19] Якимов И. Н. Наука раскрытия преступлений // Рабоче-крестьянская Милиция. 1923. № 2/3. С. 46.

[20] Якимов И. Н.Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929.

[21] Громов Вл. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. М., 1929. С. 6.

[22] Криминалистика. Книга 2. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1936.

[23] Швецов М. В. Иван Николаевич Якимов — выдающийся советский криминалист // Труды Высшей школы МВД. М., 1972. № 34. С. 214.

[24] Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 5, 6, 7.

[25] Там же. № 11, 12.

[26] Криминалист. 1923. № 1.

[27] Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 9/10.

[28] Там же. 1924. № 6, 7, 8, 9, 10.

[29] Там же. № 6.

[30] Там же. № 10..

[31] Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924.

[32] Якимов И. Н. Осмотр. М., 1935. С. 47.

[33] Якимов И. Н. Указ. соч. С. 44.

[34] Там же. С. 44.

[35] Криминалистика. М., 1925. С. 29, 97, 98.

[36] Там же. С. 30 - 31.

[37] Криминалистика М 1925. С. 21.

[38] Якимов И. Н Криминалистика Уголовная тактика. М., 1929. С. 3.

[39] Помимо рассматриваемой книги, эти вопросы подробно рассматривались Якимовым и в другой его работе тех лет — Искусство допроса. Практическое пособие для допрашивающих. М., 1928.

[40] Якимов И. Н. Указ. соч. С. 3.

[41] Там же. С. 46.

[42] Там же. С. 50.

[43] Якимов И. Н. Указ. соч. С. 50.

[44] См.: Васильев А. Н. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962. С. 2—4; его же. Криминалистика. М.: Изд-во МГУ, 1963. С. 16.

[45] Якимов И. Н. Опознавание преступников. М., 1928.

[46] Крылов И. Ф. Очерк истории криминалистики и криминалистических учреждений. Л., 1975. С.160.

[47] См., например: Громов В. И. Судебный следователь. Бытовые и юридические обоснования деятельности судебного следователя // Журнал министерства юстиции. 1912. № 9.

[48] Громов В. И. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений). Руководство для органов дознания и народных следователей. М., 1925. Последующие издания этой книги вышли в свет в 1926, 1928, 1930, 1931, 1935 гг.

[49] Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975. С. 162. В отличие от И. Ф. Крылова, я полагаю, что работа Громова как раз носит преимущественно криминалистический характер, ибо даже при рассмотрении процессуальных вопросов он выявляет и детально исследует их криминалистический аспект. Большую же часть содержания книги составляют криминалистические рекомендации

[50] Громов Вл. Производство дознаний и предварительных следствий. В вопросах и ответах. Практическое пособие и комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу. М., 1927.

[51] Громов Вл., Лаговиер Н. Расследование хозяйственных и должностных преступлений. Практическое пособие для органов дознания и следствия. Р., 1928.

[52] Громов Вл. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. М., Изд. 1-ое. 1929; Изд. 2-ое. 1930.

[53] Криминалистика. Книга 1. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. С. 134.

[54] Громов Вл. Материальная истина и научно-уголовная техника. Пособие для органов расследования. М., 1930. Второе издание этой книги вышло под названием "Вещественные улики и научно-уголовная техника". М., 1932.

[55] Громов Вл., Лаговиер Н. Уголовно-судебные доказательства. Теория доказательств и практика применения норм доказательственного права. М., 1929.

[56] Громов Вл. Осмотр места преступления. М., 1931.

[57] Громов Вл. Техника расследования отдельных видов преступлений. М., 1931.

[58] Громов Вл., Лаговиер Н. Новые формы и методы расследования должностных и хозяйственных преступлений. М., 1932.

[59] Громов Вл., Тарасов-Родионов П. Расследование хищений и злоупотреблений в торговом аппарате. М.. 1934.

[60] Кочаров Г., Селиванов Н. Развитие советской криминалистики и ее задачи на современном этапе // Соц. законность. 1968. № 1. С. 32.

Глава 3. На подступах к формированию частных теорий

3.1. Первые вузовские учебники

Практические руководства для работников розыска и следствия И. Н. Якимова, В. И. Громова, Н. П. Макаренко и других несомненно сыграли положительную роль в распространении криминалистических знаний, однако они не могли удовлетворять требования систематического криминалистического образования, необходимость которого с каждым годом становилась все очевиднее, После выступления Г. Ю. Маннса в обоснование преподавания криминалистики в юридических вузах университетские программы подготовки юристов, особенно будущих работников органов расследования и суда, стали предусматривать чтение курса криминалистики.

Как известно, впервые курс криминалистики ("уголовной техники", "научно-технических приемов расследования преступлений") был прочитан С. Н. Трегубовым в Императорской Военно-Юридической академии и Училище правоведения в 1912—1913 гг.; читал там этот курс и С. М. Потапов. После революции вплоть до 1925 г. система юридического образования в стране подвергалась непрерывным реорганизациям, на факультетах, где преподавались отдельные правовые курсы, в частности, по уголовному судопроизводству, вопросы криминалистики затрагивались лишь от случая к случаю; специальный курс криминалистики ни в одном из высшихI учебных заведений не читался, уголовную технику преподавали лишь на курсах и в профессиональных школах НКВД. В 1925 г. льготы общественных наук вузов были преобразованы решением правительства в факультеты советского права. Пионером становления специализированного курса криминалистики выступил Московский государственный университет в лице И. Н. Якимова. В 1925 г, он приступил к работе в МГУ в качестве доцента и читал курс криминалистики сначала на факультете общественных наук, а затем на правовом факультете.

В 1931—1935 гг. система высшего юридического образования вновь подверглась реорганизации. Факультеты советского права выделялись из университетов в самостоятельные юридические институты — в Москве, Ленинграде, Казани, Свердловске, Минске, а затем в Харькове и Ташкенте. Повсеместно вводилась судебно-прокурорская специализация выпускников институтов, потребовавшая и необходимого дидактического обеспечения. Криминалистика откликнулась на это требование выходом в свет первого отечественного учебника по криминалистике в двух книгах 1935 – 1936 гг.[1] В аннотации к кн. 1 говорилось: учебник по криминалистике, подготовленный Научно-исследовательским институтом уголовной политики, является основным учебным пособием по курсу криминалистики для слушателей правовых вузов и школ и практическим пособием для органов расследования и судебно-прокурорских работников". В создании учебника приняли участие все ведущие ученые-криминалисты того времени: В. Громов, С. Голунский, Е. Зицер, С. Потапов, П. Тарасов-Родионов, И. Якимов. Указывалось, что "общая редакционная обработка материалов учебника проведена А. Я. Вышинским (титульный редактор), Б. С. Ошеровичем и М. С. Строговичем".

Структурно учебник выглядел следующим образом.

Книга 1: часть 1 — Основные принципы криминалистики (введение, история развития криминалистики); часть 2 — Уголовная техника (регистрация и опознание преступников; исследование вещественных доказательств и следов; исследование документов); часть 3 — Уголовная тактика (типовая схема расследования, обыск и выемка; осмотр места преступления; допрос; производство экспертизы; опознание личности и очная ставка; окончание расследования и внешнее оформление дела).

Книга 2: часть 1 — Методика расследования убийств и отдельных общеуголовных преступлений (расследование бытовых убийств и террористических актов, грабежей и разбоев, половых преступлений, дел о поджогах); часть 2 — Методика расследования хищений социалистической собственности, должностных и хозяйственных преступлений (расследование дел о хищениях социалистической собственности, о должностных растратах, о выпуске недоброкачественной продукции).

Автор введения Е. У. Зицер, формулируя понятие с о в е т с к о го и криминалистики, отмечал, что она призвана "помочь делу социалистического строительства, делу очищения нашего общества от гниющих остатков капитализма, призванная к активной борьбе за укрепление советского строя и советского правопорядка" {С- 6). Ее задачами являются вооружение практических работников всеми необходимыми для борьбы с преступностью техническими сведениями и разработка таких методов, которые обеспечили бы максимальную быстроту и меткость расследования и в то же время "такую его организацию, которая имела бы наибольший массово-политический эффект в смысле воздействия на широчайшие массы трудящихся, вовлекаемые в активную борьбу с преступностью. Только в условиях диктатуры пролетариата, когда интересы, защищаемые государственной властью, полностью совпадают с интересами самых широких масс трудящихся, стала возможной такая постановка вопроса, какая дается в советской криминалистике" (с. 6).

Не надо, читатель, относиться к изложенным тирадам снисходительно иронически. Они — дань своему времени, господствующим взглядам о классовости науки и классовом подходе к ее служебной роли, о безусловно прогрессивной роли диктатуры пролетариата. У меня нет сомнений в искренности автора этих строк: время диктовало свои законы, В то же время конкретное содержание кн. 1 учебника само свидетельствовало о бесплодности попыток "классового подхода" к дактилоскопии или трасологии и редкие упоминания по тексту об "интересах трудящихся масс" ничего в этом содержании не меняли по существу. Как уже отмечалось, в учебнике дана трехчленная система криминалистики. Определения ее составных частей — уголовной техники, уголовной тактики (названия сохранялись старые) и частной методики носили описательный характер: указывалось, что изучают эти разделы науки. Например, об уголовной технике говорилось, что она изучает способы применения естественных наук (физики, химии, биологии и др.) к расследованию преступлений.

На этом фактически и заканчивалось рассмотрение в учебнике теоретических вопросов, имеющих общенаучное значение. В учебнике ничего не говорилось о природе науки и ее месте в теме научного знания, о принципах криминалистики (хотя именно и именовалась первая часть первой книги), о методах криминалистической науки. Все эти вопросы еще ждали своего решения.

С позиции господствовавших в те годы политических взглядов ред. принята Е. У. Зицером и попытка изложить вкратце историю криминалистики. Он показывает развитие научных методов расследования на примере уголовной регистрации, исследования документов, учения о следах, допроса. Анализируя практику зарубежных государств, автор стремится показать, как различные криминалистические институты используются преимущественно в борьбе с революционным движением, нередко смешивая положения науки с полицейской практикой их применения. Эта ошибка вообще типична и для более поздних работ, грешил ею и автор настоящей книги. Объясняется она двумя причинами: во-первых, жесткой идеологической установкой — "все буржуазное хуже советского" и, во-вторых, практически мизерными знаниями отечественных ученых о состоянии криминалистической науки на Западе, отсутствием действенных контактов с учеными США, Англии, Германии (ФРГ), Франции и других стран. Берлинская стена была символом не только изоляции двух частей Берлина, но и в целом Востока от Запада.

В кн. 1 авторы раздела "Регистрация и опознание преступников" И. Н. Якимов и Н. А. Бобров указывали, что основой классификации регистрационных систем являются элементы состава преступления: субъект, объект и преступное действие. Поэтому они подразделили эти системы на три основные группы. К первой (системы, относящиеся к личности преступника) отнесли дактилоскопию, словесный портрет, сигналетическую фотографию, а также "мало практикуемые виды регистрации": особые приметы, отпечатки ладоней, пофамильный учет судимых, вновь привлекаемых к уголовной ответственности, разыскиваемых, отбывающих наказание и подвергаемых приводу, регистрация кличек и прозвищ. Ко второй группе (по признакам объекта преступления) были отнесены "парные" системы: похищенные предметы и потерпевшие от кражи; без вести пропавшие и неопознанные трупы. В число систем третьей группы (по признакам преступного действия) вошли регистрации преступлений по их роду, по способам и приемам совершения, по почерку (с. 29—30).

Хотя эту классификацию вряд ли можно признать безупречной, она, несомненно,

способствовала упорядочению системы регистрации. Заметим, что ее придерживались и авторы учебника 1938 г.

В учебнике впервые в криминалистической литературе был употреблен термин "учение о следах" (с. 23). Автор раздела "Исследование вещественных доказательств и следов" И. Н. Якимов разделил следы на пять групп: следы человека (ног, пальцев рук, зубов, пятна крови, спермы, волосы); следы действия огнестрельного оружия, следы орудий взлома; следы транспортных средств; другие следы {одежды, пыль, грязь, табачный пепел, окурки, пятна от различных веществ). Он, таким образом, детализировал свою классификацию следов, приводившуюся в работах 1924— 1929 гг. и книге "Осмотр". В этом разделе учебника даются не только характеристики различных видов следов, но и рекомендации по их изъятию и последующему экспертному исследованию. Гораздо подробнее, чем в более позднем учебнике (1938 г.), описываются следы транспортных средств и излагаются возможности их следственного и экспертного исследования.

Раздел "Исследование документов" был написан С. М. Потаповым. Еще в своей "Судебной фотографии" он определил почерк как "систему привычных движений, выраженную в письменных знаках» [2], и из этого исходил при изложении материала раздела знаках учебника.

Подвергнув критическому рассмотрению существовавшие методы исследования почерка (каллиграфический, приметоописатель-графологический и графометрический}, автор аргументировал необходимость осуществлять исследование почерка "в порядок изучения общих признаков и особенностей, притом не изолированно, а в их взаимной связи и взаимоотношении со всей системой движений в данном почерке" (с. 119). Затем он дал подробную характеристику общих признаков почерка и его особенностей. Фактически эти положения легли в основу отечественной графической экспертизы. Именно особенности почерка — "рефлекторные движения, оставляющие в штрихах свои следы помимо воли автора" "мелкие привычки письма, обычно не замечаемые пишущим и потому стойко сохраняющиеся в почерке при всяких его изменениях" — играют существенную роль при установлении личности потерпевшего (с. 126). Оценивая вклад С. М. Потапова в криминалистику. В. Терзиев писал: "Он предложил оригинальную методику криминалистической экспертизы письма, оказавшуюся на практике весьма эффективной и ныне принятую во всех криминалистических лабораториях СССР. Он разработал систему регистрации по почерку"[3].

В разделе "Типовая схема расследования" его автор С. А. Гой подверг убедительной критике схемы расследований Вейнгардта, Аннушата, Ницефоро, как, впрочем, Акимова и Громова, и сделал вывод, что "говорить о схеме расследования можно лишь условно, во-первых, как о некоторой обычно применимой в большинстве случаев последовательности следственных действий, во-вторых, как о перечне тех вопросов, которые должны быть выяснены при расследовании. В последнем смысле схема расследования может быть дана лишь применительно к отдельным видам преступлений, что и делают частные методики расследования. В типовой схеме можно дать только перечень общих приемов расследования" (с. 135).

В целом это был правильный для того времени вывод, особенно если учесть, что еще не были разработаны общие положения криминалистической методики.

Все преступления Голунский разделил на три группы; оставляющие материальные следы (расследование начинается с исследования этих следов), непосредственно материальных следов не оставляющие (расследование ведется на основе анализа действий лиц исходя из письменных документов, показаний свидетелей и пр.) и промежуточные виды преступлений, при расследовании которых одинаково важную роль играют как осмотр места или объекта преступления и т. п., так и письменные документы (расследование нарушений правил техники безопасности и др.). Такая классификация страдала известными погрешностями, ибо основывалась на предпочтительном отношении к тому или иному виду доказательств или следственных действий. Но все-таки это был уже некоторый ориентир на то, с каких следственных действий в каждом случае предпочтительнее начинать расследование.

Последующее содержание раздела составляли типовые схемы расследования по каждой из

указанных трех групп преступлений.

Насколько удалось установить, термин "версия" в нашей литературе был впервые употреблен в этом разделе учебника. С. А. Голунский не рассматривал логическую природу версий и ограничился указанием на то, что они лежат в основе плана расследования и выдвигаются на втором этапе работы по делу — после проведения первоначальных следственных действий, если с их помощью следователь "все же не получает определенных указаний о личности и местонахождении преступника" (с. 141). Область использования версий, таким образом, весьма сужалась.

Последовательность работы следователя при составлении плана расследования Голунский определил таким образом:

а) оценка собранного материала с обязательным выяснением и учетом социально-политической обстановки, в которой совершалось преступление;

б) определение возможных версий расследования;

в) наметка вопросов, которые надо выяснить, чтобы проверить каждую из этих версий;

г) наметка следственных действий, которые надо произвести, чтобы выяснить эти вопросы;

д) определение сроков совершения следственных действий, необходимых для проверки версий" (с. 143).

Разумеется, все эти положения еще не составляли частной криминалистической теории. Но это уже была сумма практических рекомендаций, основывающихся на известном обобщении накопленного к тому времени опыта следственной работы.

Разделы, посвященные обыску и выемке, осмотру и допросу, написал И. Н. Якимов. Они представляют собой существенно дополненные и переработанные главы его предшествующих работ.

В разделе о производстве экспертизы (автор — С. А. Голунский) весьма важной была постановка вопроса об оценке следователем заключения эксперта. Здесь были сформулированы критерии такой оценки и возможные решения следователя в случае его несогласия с выводами эксперта (с. 223 — Раздел "Опознание личности и очная ставка" был написал В. И. Громовым. Он, как отмечал И. Ф. Крылов, отказался "от данной ранее отрицательной оценки способа предъявления опознаваемого в группе с другими, непричастными к делу лицами. Отметив, что этот способ иногда осложняет следствие, автор признал, что он является серьезной гарантией правильности опознания"[4].

Этот раздел интересен еще и тем, что здесь Громов развил свои взгляды на нежелательность повторного опознания тем же опознающим (с. 230), на целесообразность создания условий, аналогичных тем, в которых воспринимался объект опознания опознающим (с. 232), и, наконец, на необходимость организации процедуры опознания для проведения следственного эксперимента.

Последний раздел книги — "Окончание расследования и внешнее оформление дела" — носит процессуально-организационный характер и в общем-то выпадает из структуры учебника.

Книга 2-я учебника начинается с изложения конкретных частных методик. Ее авторы — С. А. Голунский, В. И. Громов и И. Тарасов-Родионов — очевидно, не ставили перед собой цели описать их единообразно. Поэтому излагаемые в первой части книги методики расследования убийств, грабежей и разбоев, половых преступлений и поджогов объединяет структурно, пожалуй, только то, что в них идет речь фактически лишь о первоначальных следственных действиях, причем в большинстве случаев отчетливотчетли-1 просматривается рекомендация С. А.Голунского из первой книге. Учебника: составлять план расследования лишь после проведения. Указывается:" Первым, основным и важнейшим условием методически правильной установки процесса расследования по делам об убийствах является

В баллистической лаборатории НТО Москвы

составление ориентировочного плана расследования. Однако здесь следует оговориться относительно момента времени, когда возможно бывает составить план расследования... Чтобы наметить план расследования, надо сначала осмотреть место нахождения трупа, самый труп, обстановку, среди которой он найден, и опросить некоторых лиц, и только после этого можно определить существо и признаки подлежащего расследованию преступления, разрешить вопрос о дальнейшем направлении розысков и расследования и наметить общий план следственных действий" (с. 6).

В методике расследования убийства особенно подробно и излагались вопросы осмотра места происшествия, причем после общих положений авторы останавливались на особенностях осмотров в зависимости от способов совершения преступления.

Весьма примитивно, даже для своего времени, описаны методики расследования грабежей, разбоев, половых преступлений. Приводя некоторые рекомендации по допросу потерпевших и подозреваемых, авторы лишь вскользь упоминают об освидетельствовании потерпевших и осмотре одежды потерпевших и подозреваемых. О расследовании поджогов говорится в целом по той же схеме, что и о расследовании убийств.

В ином ключе даются методики расследования хищений государственного и общественного имущества, должностных и *хозяй*ственных преступлений. Здесь внимание читателя акцентируется на установлении способов их совершения, возможностях некоторых видов судебных экспертиз, необходимости принимать меры устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. В разделе III, где излагается методика расследования дел о выпуске недоброкачественной продукции, имеется даже специальный параграф, посвященный профилактической работе следователя.

К оценке второй книги учебника необходимо подходить двояко. Сам факт ее издания бесспорно положителен, ибо благодаря этому учебник охватил все разделы криминалистической науки. Однако научный и методический уровень изложенного материала (особенно первой части) был невысок даже для того времени. Между тем уже был издан ряд работ И. Н. Якимова. В. И. Громова, Н. Лаговиера и других авторов, которые я упоминал, где вопросы методики излагались и более квалифицированно и более детально. Но все это не снижает оценки учебника в целом — это был первый отечественный вузовский учебник, и этим все сказано. Через три года вышел в свет второй отечественный учебник по криминалистике для юридических вузов и правовых школ, который адресовался в качестве практического пособия и следственно-прокурорским работникам[5]. В подготовке учебника принимали участие помимо авторов первого учебника В. Ф. Черваков, И. Винберг, Б. М. Шавер. Учебник был издан под грифом Всесоюзного института юридических наук. Вторая его часть, посвященная методике расследования отдельных видов преступлений, была написана С. А. Голунским и Б. *М.* Шавероми издана Институтом права АН СССР в 1939 г. [6] Редактором обеих книг значился А. Я. Вышинский.

Прошедшие три года многое изменили в представлениях учения о криминалистической науке. В первой части введения уже *идет* речь о предмете, методе и системе криминалистики. Его автор, Е. У. Зицер, пишет о криминалистике как о науке техническо-прикладной, родственной науке уголовного процесса, определяя ее как науку "о технике, тактике и

методике расследования преступлений" (с. 3), как о наиболее гибком орудии уголовной политики. Дается и определение метода криминалистики, которым «обобщение опыта следственной работы, приспособление к делу расследования преступлений данных естественных и технических наук, изучение способов совершения преступлений” (с. 3). , что это определение можно было встретить вплоть до начала 70-х гг. Зицер говорит уже о трансакции данных этих наук в данные криминалистики: "Освоенные криминалистикой, они приобретают новое качество . Три основные части криминалистики определялись следующим образом: "Техника расследования преступлений есть система приемов исследования вещественных доказательств и физических признаков в целях розыска, опознания и идентификации лиц и предметов, фигурирующих в следственных делах. Тактика расследования преступлений определяется как система приемов предварительного следствия, дающих возможность на основе изучения особенностей обстановки каждого конкретного следственного дела наиболее эффективно и с наименьшей затратой сил и средств реализовать в этом деле требования уголовного материального и процессуального права. Частная методика представляет собою особенную часть техники и тактики расследования преступлений" (с. 4—5). Если определение техники, хоть и с натяжкой, еще давало какое-то представление о её содержании, то определения тактики и особенно методики в сущности ничего не определяли.

Весьма характерной для того времени была политическая установка, определяющая цели криминалистики: "Агентура международного фашизма - иностранные и троцкистско-бухаринско-рыковские шпионы, террористы, убийцы, диверсанты и вредители в борьбе с государством рабочих и крестьян используют все средства, в том числе и усовершенствованные технические приемы профессионалов-уголовников капиталистических стран... Сложные задачи, стоящие перед советскими следственными органами, успешнее могут разрешаться при использовании приемов криминалистики. Само собой разумеется, что мы имеем в виду криминалистику, основанную на нашей теории и практике, т. е. криминалистику советскую" (с. 6—7). Так же в духе времени были объяснены причины отставания криминалистики от потребностей практики. Отставание "объясняется вредительской деятельностью врагов народа, орудовавших в области права. Эти преступники, пытавшиеся с контрреволюционными целями ликвидировать советское право, такую же "установку" проводили и в отношении криминалистики — ее загоняли на задворки. Юридические журналы статей по криминалистике не печатали, новые научные кадры криминалистов исследовательскими и учебными юридическими *институтами* не выращивались, а в течение нескольких лет курс криминалистики был даже исключен из учебных планов юридических институтов" (с. 9). Но теперь, по мнению автора, определился резкий перелом к лучшему: издан учебник криминалистики для вузов, вышли монографии по баллистике, судебной фотографии, исследованию документов, криминалистика вернулась в учебные планы вузов и юридических школ...

Заявление о "резком переломе" отражало скорее желаемое, чем действительное, хотя некоторая тенденция свидетельствовала об оживлении научных исследований в области криминалистики. Правда, эти исследования велись отнюдь не на декларированных направлениях борьбы с внешними и внутренними "классовыми врагами", а в областях, более существенных для борьбы с уголовной преступностью. За период с 1938 по 1941 г. была защищена докторская диссертация Н. В. Терзиевым по "внеклассовой теме" — "Судебная экспертиза в делах о спорном отцовстве" (1939 г.) и 7 кандидатских диссертаций; А. И. Винбергом (1938 г.) и С. П. Митри-чевым (1939 г.) — по вопросам криминалистической экспертизы, А. И. Князевым и Д. П. Рассейкиным — по вопросам уголовной регистрации, В. П. Колмаковым — по методике расследования убийств, С. Г. Кривицким — по тактике допроса на предварительном следствии (все — в 1941 г., накануне Великой Отечественной войны). В 1938 г. Е. У. Зицер защитил диссертацию "Возникновение основные этапы развития буржуазной криминалистики", содержащую ценный исторический материал, практически неизвестный российскому читателю. Естественно, он не мог обойтись и без некоторых идеологических сентенций, подменяя подчас анализ реального положения дел в науке примерами полицейских беззаконий. Очень содержательные фрагменты исторического

характера из этой диссертации он включил во введение рассматриваемого учебника. Раздел I части 1 "Регистрация и опознание" написал И. Н. Якимов. Значительная часть раздела посвящена дактилоскопии и дактилоскопической регистрации. Впервые даются краткие сведения о пороскопии.

Якимов считал, что если люди "при всем их внешнем сходстве физически индивидуальны, то эта индивидуальность еще более проявляется в области их психики и отражается на всей их деятельности. Опыт показывает, что это отражение психической индивидуальности на деятельность человека настолько велико, что он многое совершает по раз и навсегда избранному способу или приему, причем в некоторых случаях эта привычная, излюбленная повторяемость действий доходит до их "автоматизма"... Таким образом, регистрация отдельных преступлений по признакам, относящимся к личности их совершителя, дает возможность объединить эти преступления, с достаточной вероятностью приписать их решение одному и тому же лицу и начать его розыск в определённом направлении — среди не только той или иной преступной категории профессионалов, но даже среди незначительной групп их совершающей в точности таким же способом этого рода преступления" (ст.112 – 113). Кратко описав зарубежные системы регистрации по способу преступления, он поместил в учебнике описание регистрационных карт этого вида учета, рассчитанного на установление причастности к преступлению именно преступников-профессионалов.

И. Н. Якимовым написан и раздел 2 той же части — "Вещественные доказательства и следы". Очень подробно излагаются приемы обнаружения и сохранения следов, собирания материалов, необходимых для экспертизы, приводятся данные об экспертном исследовании различных видов следов. Говоря об исследовании пыли, Якимов упоминает работы Локара и Гейндля в этой области, не боясь упрека в уважительном отношении к зарубежным криминалистам.

Подраздел 2-го раздела — "Экспертиза огнестрельного оружия и огнестрельных повреждений" написан В. Ф. Черваковым — судебным медиком и криминалистом, возглавившем в 1929 г. созданный в Минске Научно-исследовательский институт криминалистики и судебной экспертизы.

К этому времени В. Ф. Черваков приобрел широкую известность своими работами в области судебной баллистики. В 1932 г. выходит в свет его первая работа в этой области — "О криминалистическом изучении оружия террористических актов" (Минск), а в 1937 г. монография "Судебная баллистика", положившая начало научной разработке этой проблематики.

Этот раздел учебника выгодно отличается от изложения сходных вопросов в учебнике 1935 г. не только по объему, превосходя тот в четыре раза, но и по содержанию. Очень подробно Черваков описывает признаки выстрела с различных дистанций, сочетая криминалистические и судебно-медицинские данные. Вообще следует заметить, что все содержание раздела носит комплексный медико-криминалистический характер, что и обеспечило его полноту и практическую значимость сформулированных рекомендаций не только по работе следователя, но и по методике баллистической экспертизы. Такое комплексное рассмотрение позволило автору даже выделить специальный подраздел — "Техника расследования случаев убийства, самоубийства и самоповреждений из огнестрельного оружия", в котором им разработаны методики решения соответствующих диагностических задач.

Подраздел "Исследование документов" написан С. М. Потаповым и А. И. Винбергом ("Исследование машинописи"). Потапов в этом учебнике фактически предпринял попытку разработки научных основ отечественного судебного почерковедения, которые он в систематизированном виде позже изложил в статье "Научное почерковедение" в журнале "Советское государство и право" (1940, № 12). Здесь же описываются различные способы подделки документов и методы их выявления. Он не делает различий между исполнителем и автором письма, хотя и уделяет внимание признакам письма, главным образом топографического характера. Впервые в учебнике представлены и задачи исследования машинописных текстов.

Из других разделов учебника следует упомянуть раздел X части второй — "Следственный

эксперимент", написанный П. И. Тарасовым-Родионовым.

Впервые о следственном эксперименте П. И. Тарасов-Родионов сделал доклад на учебной конференции следователей в Прокуратуре СССР в 1937 г. [7] В разделе учебника он сформулировал основы условий и тактики его проведения. Он писал: "Следственным экспериментом принято называть искусственное воспроизведение следователем или судом тех или иных обстоятельств преступления, происшествия или отдельных элементов его, организуемое для проверки улик и наилучшего уяснения отдельных обстоятельств дела" (с. 509). Это тактический прием расследования, незаменимое средство проверки технической возможности совершения того или иного действия и показаний свидетелей и обвиняемых. Из числа условий проведения эксперимента он называет его проведение на месте исследуемого события, в то же самое время, с участием очевидцев и соответствующих специалистов, с учетом изменившейся обстановки. Опыты рекомендуется повторять несколько раз. Не избежал он и некоторых ошибок. Так, в качестве эксперимента он рассматривал предъявление опознания по голосу, правда, называя это не экспериментом, а воспроизведением отдельных моментов происшествия (с. 512).

Вышедшая через год вторая книга учебника открывалась глава "Предмет, метод и задачи методики расследования отдельных. В главе нашли свое выражение взгляды видов преступлении”[8]. В главе нашли своё выражение взгляды Б. М. Шавера, выраженные им в концептуальных статьях "Об основных принципах частной методики" (Соц. законность. 1938. № 1) и Предмет и метод советской криминалистики" (Там же. № 6), получивших в те годы широкую известность. Об этих статьях речь еще впереди.

Методика в главе определяется следующим образом: "Часть науки криминалистики, обобщающая опыт расследования отдельных видов преступлений, определяющая соответственно специфическим особенностям данной категории дел наиболее целесообразные приемы и методы их расследования, называется методикой расследования отдельных видов преступлений" (с. 3). Методика расследования отдельных видов преступлений, или, как ее принято называть, частная методика, "есть особенная часть криминалистики" (с. 4).

Вот уж где в полный голос заявил о себе "классовый подход" к криминалистике! Научная разработка методики возможна только в условиях диктатуры пролетариата, обеспечивающей раскрытие социально-классовой сущности анализируемой категории дел. Буржуазные криминалисты, не будучи в состоянии идти дальше идеологии своего класса, вынуждены ограничивать разработку частной методики изложением отдельных технических приемов, применяемых преступниками, и "сообщением некоторых технических знаний, необходимых для расследования отдельных видов преступлений. Дальше этого они пойти не могли и не пошли" (с. 5). Буржуазный криминалист вынужден обходить вопрос о причинах преступности и, руководствуясь политическими соображениями, не может вскрывать подлинной сущности зверских преступлений против личности, "порождаемых эксплуатацией, являющихся неизбежными в условиях капиталистического строя" (с. 6), и т. п.

Наряду с этими идеологическими шаблонами глава содержит и ряд важных положений, сыгравших определяющую роль в развитии криминалистической методики. Именно здесь проводится мысль о том, что при разработке частных методик следует скрупулезно изучать способы совершения преступлений, следует руководствоваться принципом "от метода совершения преступления — к методу его раскрытия" (с. 11). Впервые говорится о том, что "на основе изучения конкретных данных о расследовании отдельных категорий преступлений можно определить еще не раскрытые, но возможные способы и приемы совершения преступлений" (с. 12), т. е. выражена идея одного из видов криминалистического прогнозирования.

Автор главы довольно критично отнесся к пропаганде учета по способу совершения преступления. В его утверждениях просматривается будущее официальное отрицание наличия в нашей стране профессиональной преступности. Он писал: "В наших условиях преступники-профессионалы, пользующиеся стандартными, усвоенными только ими, способами и приемами совершения преступлений, встречаются все реже и реже. Профессиональная уголовная преступность у нас исчезает, хотя отдельные преступники

такого рода еще имеются. Советский криминалист меньше всего должен рассчитывать на повторяемость стандартных способов совершения преступлений" (с. 13). Он сформулировал и задачи частной методики:

— с наибольшей точностью устанавливать, где обычно остается следы преступлений данного вида;

— с наибольшей точностью определять круг лиц, среди которых следует искать преступника по делам данной категории; — определять круг лиц, среди которых вероятнее всего могут быть свидетели;

— определять специфику применения средств и приемов техники и тактики при расследовании преступлений определенного вида. Он решительно выступил против формирования некоей "криминалистической" логики, подвергнув, правда, не очень обоснованно, критике книгу В. И. Громова "Методика расследования преступлений", справедливо заключив, что "никаких особых, специально криминалистических логических понятий, никаких специальных логических законов, посредством которых можно было бы скрывать тайны преступлений, не существует. Только общие законы диалектической логики, применяемые во всех областях науки, могут и должны применяться и при расследовании преступлений" (с. 15).

Еще одной особенностью этой главы является акцентирование внимания читателя на важности оперативно-розыскных мер раскрытия преступлений, на необходимости при разработке частных методик указывать формы и методы сочетания следственных оперативно-розыскных действий (с. 25).

Последующие семь глав учебника посвящены методикам расследования хищений и растрат социалистической собственности, должностных преступлений, выпуска недоброкачественной продукции, нарушений техники безопасности, убийств, изнасилований и преступлений несовершеннолетних. Последняя глава впервые представлена в учебной литературе.

Характерным для глав о частных методиках было то, что они написаны не по единой схеме. Так, например, если глава о расследовании хищений начиналась с изложения основных принципов методики, то глава о расследовании должностных преступлений — с понятия должностного преступления, а главы об убийствах и изнасилованиях — непосредственно с какого-то первоначального следственного действия и т. п.

Выход в свет учебника 1938—1939 гг. был несомненно важным событием не только для криминалистической науки и правоохранительной практики, но и для дела подготовки кадров профессионалов. Вплоть до *1950* г. он был основным учебным подобием по курсу криминалистики. Для юридических школ, где велась подготовка специалистов со среднепрофессиональным образованием, в

В.Ф.Черпаков

1940 г. был издан учебник Б. М. Шавера и А. И. Винберга "Криминалистика" в одной книге[9]. Структура учебника соответствовала предложению Шавера разделить криминалистику на две части — общую, включающую вопросы техники и тактики, и особенную, содержащую изложение частных методик. Им написана и первая глава учебника — "Предмет, метод и система криминалистики".

Криминалистика определялась как "наука о приемах и методах обнаружения и исследования доказательств, используемых в целях раскрытия преступления, обнаружения и опознания преступника" (с. 3).

Применение общих законов диалектического метода познания к следственной и судебной практике образует метод криминалистики. Конкретно это означает, что "методом науки криминалистики является обобщение опыта следственной и судебной работы, изучение

способов совершения преступлений и активное приспособление данных естественных и технических наук к расследованию и судебному разрешению уголовных дел" (с. 5).

Специальный параграф первой главы был посвящен различиям между советской и буржуазной криминалистикой. Они были выражены в первых двух фразах: "Буржуазная криминалистика является одним из орудий буржуазии для укрепления ее классового господства и охраны частной собственности. Советская криминалистика является одним из орудий, используемых в целях разоблачения преступных посягательств, направленных против социалистического государства, социалистической собственности, прав советских граждан" (с. 5). Далее упор делался на то, что в буржуазной криминалистике, идущей в своем развитии по реакционному пути, предпринимаются попытки "вытеснения свидетельских показаний как доказательств в уголовном деле, разработки лженаучных приемов, применяемых в целях фальсификации доказательств", тогда как "в противовес буржуазной криминалистике, советская криминалистика идет по пути усовершенствования подлинно научных методов обнаружения и исследования доказательств, так как единственной целью советского предварительного и судебного следствия является установление по делу объективной истины" (с 7). С позиций сегодняшнего дня следует признать, что ничего иного автор сказать и не мог, даже если в глубине души он и

П. И. Тарасов-Родионов

понимал всю предвзятость своих суждений. Но как человек своего времени, он мог искренне верить в то, что писал: судить об этом нам не дано.

Общая часть учебника состояла из девяти глав: уголовная регистрация (Б. М. Шавер), следы, исследование документов, судебная фотография (все — А. И. Бинберг), планирование расследования, осмотр места происшествия, обыск, допрос (все — Б. М. Шавер), экспертиза (А. И. Винберг). Вся Особенная часть написана Б. М Шавер. Она включала, помимо введения, пять глав, посвященных методикам расследования хищений социалистической собственности должностных преступлений, нарушений правил техники безопасности, убийств, изнасилований.

В главе "Следы" очень скупо описывались следы применения огнестрельного оружия В главе "Документы" давалась классификация документов:

а) документ как средство совершения преступлений.

б) документ как средство сокрытия преступлений.

в) документ как средство, способствующее опознанию личности.

Излагалась методика получения образца письма для графической экспертизы. В главе "Планирование расследования" содержится одно из первых определений следственной версии: "Под версией понимается основанное на материалах дела предположение следователя а характере расследуемого преступления, мотивах, в силу которых оно совершено, и лицах, которые могли совершить преступление" (с. 76).

Автор называет методы осмотра места происшествия (объективный и субъективный) и два варианта последовательности осмотра объектов (от периферии места происшествия к его центру и наоборот) (с. 88), а также стадии осмотра (статическую и динамическую). В главе "Допрос" специальный раздел посвящен психологии свидетельских показаний. В этой же главе говорится о "допросе при при этом имеется в виду не только собственно. Допрос опознающего, но и весь акт предъявления для опознания, е Регламентированного в то время УПК.

В главе "Экспертиза" автор рекомендует следователю совместно с экспертом "разрабатывать формулировку вопросов эксперту" (с 129)

Структура глав Особенной части неодинакова. В одних случаях изложение начинается с

характеристики первоначальных следственных действий, в других — с предмета доказывания, изложения особенностей расследования и т. п. Определенное внимание уделяется возможностям судебных экспертиз по различным категориям дел.

Принципиально нового в учебнике было немного, но краткость, простота и доступность изложения материала обусловили его популярность у студентов не только юридических школ, но и вузов.

3.2. Б. М. Шавер: «Вызволить криминалистику из буржуазного плена!»

С середины 30-х гг. в криминалистической литературе все чаще стало встречаться имя Б. М. Шавера, который после совместного издания в 1939 г. с С. А. Голунским второй книги учебника для вузов встал в ряд ведущих отечественных криминалистов того времени.

Борис Матвеевич Шавер родился 3 марта 1908 г. в Чите в семье приказчика. В пятнадцать лет он пошел работать на чугунолитейный завод, был учеником мастера, потом мастером; учился в вечерней школе. В 1926 г. Шавер поступил на отделение советского строительства и права экономического факультета Иркутского государственного университета. Учебу ему пришлось сочетать с работой корреспондентом газеты "Советская Сибирь", а затем с преподаванием общественных дисциплин в рабочем университете и индустриальном техникуме Иркутска.

После окончания университета в 1930 г. Шавер назначается членом окружного суда в Иркутске, потом старшим народным судьей в Черемхово и, наконец, членом Восточносибирского краевого суда. Однако судебная работа не давала ему полного удовлетворения, его кипучая энергия требовала иного приложения сил. Он ходатайствовал о переводе в органы прокуратуры, работа в которых привлекала Шавера своей оперативностью и самостоятельностью в проявлении инициативы. Просьба была удовлетворена, и с 1933 г. до конца жизни Шавер — сотрудник прокуратуры. До 1934 г. он работает помощником прокурора Восточносибирского края в Иркутске, а с 1934 по 1936 г. помощником и старшим помощником прокурора Саратовского края, возглавлял следственный отдел краевой прокуратуры.

В 1936 г. Шавер был переведен в Москву на должность следователя по важнейшим делам Прокуратуры РСФСР. В 1937 г. его переводят в Прокуратуру СССР, где он последовательно работает на должностях следователя по важнейшим делам, прокурора следственного отдела. Когда в декабре 1937 г. в следственном отделе Прокуратуры СССР была создана методическая группа, он вошел в ее первый состав вместе с С. А. Голунским и В. И. Громовым; позже к ним присоединился М. С. Строгович. В 1938 г. Шавер назначается заместителем начальника следственного отдела Прокуратуры СССР по методической части. Это было первое подобное подразделение в органах прокуратуры, его сотрудники и лично Борис Матвеевич внесли значительный вклад в развитие криминалистики и особенно в такой ее раздел, как частная методика, эти годы им самим и в соавторстве с А. П. Егоровым, Е. А. Долицим, М. Е. Саниным и др. подготовлен ряд методических пособий по актуальным проблемам следственной практики, он стал автором учебников по криминалистике[10].

Бориса Матвеевича всегда привлекала преподавательская деятельность, правда, приходилось заниматься ею лишь по совместительству. В 1930—1933 гг. он преподавал в Иркутском правовом институте, в 1934—1936 гг. — в Саратовском правовом институте, 1936—1941 гг. — во Всесоюзной правовой академии и Институте прокуратуры СССР. В 1938 г. ему было присвоено звание доцента, а в 1939 он защитил кандидатскую диссертацию.

В июле 1941 г. Шавер обратился в ЦК ВКП(б) с ходатайством о направлении его в действующую армию. Его назначают заместителем военного прокурора 30-й армии, а в период обороны Москвы переводят на должность заместителя военного прокурора Западного фронта. В 1942 г. он был отозван в аппарат Главной военной прокуратуры, но уже в 1943 г. вновь направляется на фронт - военным прокурором сначала Воронежского, а затем 1-го Украинского фронта.

Человек большого личного мужества, Борис Матвеевич в годы войны был дважды ранен.

26 ноября 1944 г. ему было присвоено звание генерал-майора юстиции, он был награжден орденом Ленина двумя орденами красного Знамени, орденами Отечественной воины I степени, Богдана Хмельницкого, многими медалями, польскими и чехословацкими орденами и медалями.

После войны Шавер возглавил военную прокуратуру Центральной группы войск в Вене, а затем военную прокуратуру Группы советских оккупационных войск в Германии. В 1950 г. он обратился с просьбой о переводе в Союз с тем, чтобы иметь возможность заниматься научной работой. Просьба была удовлетворена, и его назначили военным прокурором Московского гарнизона. Но на этом посту ему довелось проработать недолго: он скоропостижно скончался от болезни сердца 29 июля 1951 г.

В послевоенной аттестации Б. М. Шавера говорилось: "Является прокурором большой профессиональной культуры. Умеет обобщать и принципиально решать большие и серьезные вопросы. В работе энергичен, инициативен, всегда ищет новое, стремится, чтобы и подчиненные не успокаивались на достигнутом. Сам лично принимает участие в расследовании дел"[11]. Комментируя аттестацию, И. Ф Крылов писал: "Может быть, последнее и было самым важным качеством Б. М. Шавера. Являясь военным прокурором крупного масштаба, он не переставал любить следственную работу, оставался крупным мастером следствия"[12].

Среди значительного научного наследия Б. М. Шавера особое место занимают две журнальные статьи 1938 г., опубликованные в "Социалистической законности": "Об основных принципах частной методики расследования преступлений" *(№* 1) и "Предмет и метод советской криминалистики" (№ 6). Но если первая касалась хотя и важной, но узко специальной проблематики криминалистики, то вторая носила концептуальный характер и имела значение для всей этой науки, да, пожалуй, и для многих ее ведущих представителей.

В статье о принципах частной методики констатировался факт выделения методики в самостоятельный раздел криминалистической науки. Он писал: "Если при определении понятия криминалистики как науки идет спор, должна ли быть включена в нее "уголовная тактика" или техника — это часть уголовного процесса, то совершенно бесспорным и общепризнанным является то положение, что частная методика, т. е. методика расследования отдельных видов преступлений, включает в себя как тактику, так и технику — является особенной частью и тактики и техники, отражая конкретное применение ее к расследованию отдельных видов преступлений" [13]. Он считал возможным разработку некоторых общих принципов в качестве руководства при разработке частных методик, имея при этом в виду, что не существует единых для всех дел методов или способов расследования, поскольку не только каждая конкретная частная методика, но и каждое конкретное дело индивидуальны. Статья, как говорится, "была принята к сведению" научной общественностью, но особенного резонанса не вызвала: взгляды Шавера уже были известны, а ничего принципиально нового в статье не содержалось. Совсем иное значение приобрела вторая статья, которая, учитывая ситуацию в стране, приобрела чуть ли не директивный характер и весьма существенно отразилась на авторитете "олимпийцев" от криминалистики.

В первом разделе статьи — "Обстоятельства, обусловливающие постановку вопроса и требующие немедленного его разрешения" — ставился вопрос о предмете и методе криминалистики, все дальнейшее изложение и было подчинено задаче решения этого вопроса с обращением для сравнения к буржуазной и даже фашистской криминалистике.

Шавер начинает с того, что констатирует: "Вопрос о предмете и методе советской криминалистики до сих пор не только в достаточной степени не разрешен, но и с достаточной принципиальностью не поставлен советскими криминалистами" (с. 56). Это не случайно, поскольку криминалистика в значительной части была отдана на откуп буржуазным ученым — "людям, не владеющим марксистской методологией, не способным или умышленно не желающим понять реакционную сущность буржуазной криминалистики, выявить реакционную линию этой криминалистики и противопоставить ей свою линию в советской криминалистике" (с. 57). Эти люди "находятся в плену буржуазных криминалистов, занимаются пересказом работ буржуазных криминалистов, перекрашивая их "под марксизм" (там же).

Первым из "этих людей" Шавер называет И. Н. Якимова, которого он обвинил в оголтелом ломброзианстве и заклеймил как Докатившегося до явно антимарксистских утверждений. Он усмотрел у Якимова извращенное представление о сущности следственной работы, "а целиком заимствуя схему расследования Ницефоро, Якимов не оставляет и тени сомнения в том, на каких позициях он стоит" (с. 58). Читатель, очевидно, представляет, насколько опасны для критикуемого были в те годы подобные обвинения. я только удивляться, как Якимов после таких "замечаний" остался в стороне от всяческих "блоков" и "контрреволюционных центров", к которым его вполне могли присоединить, если НКВД внимательно читали юридические журналы.

В пылу критики Якимова Шавер обронил и дельную мысль. Якимов, как известно, считал, что одним из элементов предмета криминалистики

Б М Шавер

служат "сообщения правовых, медицинских, естественных научных и технических сведений". На это Шавер резонно возражает: "Понятно, что "наука", «сообщающая" сведения из других наук, - не есть наука» (с. 57). Но об этом мы ещё поговорим.

В. И. Громова автор обвинил в механическом, формальном определении криминалистики, как вспомогательной отрасли уголовно-процессуальной науки, в формально-механическом подходе к разрешению вопроса о методе расследования и методе криминалистики, что он усмотрел в рекомендациях Громова о применении законов и категорий формальной логики. Сполна досталось и другим авторам. Г. Ю. Маннса, этого "ныне разоблаченного врага народа", он обвинил в попытке свести криминалистику к чисто технической, прикладной дисциплине, Н. П. Макаренко и Н. Д. Вороневского — в том, что они просто обошли вопрос о предмете науки, авторов вузовской программы по криминалистике — в сумбурном, путанном определении ее предмета.

Доказав читателю, что вопрос о предмете криминалистики не решен, Шавер в следующем разделе статьи сам пытается это сделать.

По Шаверу, основной довод реакционности буржуазной криминалистики заключается "в стремлении изжить живых людей из процесса и ограничить предмет криминалистики только изучением способов установления материальной истины при помощи вещей или при помощи антрополого-психологического обследования обвиняемого, тем самым расчистить дорогу для фальсификации доказательств" (с 65) Советская криминалистика строится на принципиально иных основаниях. Чтобы в этом убедиться, следует прежде всего решить вопрос о ее самостоятельности. Шавер приводит аргументы противников признания криминалистики самостоятельной наукой:

1) у нее нет самостоятельного предмета, отличного от предмета процессуальной науки;
2) у нее нет собственных задач, она преследует те же цели, что и уголовный процесс;
3) все содержание криминалистики заимствовано из других наук;
4) это не наука, поскольку "она не имеет своих закономерностей, тогда как цель каждой науки — найти закономерности изучаемых явлений";
5) она не имеет своей теории, следовательно, ее нельзя считать наукой (с. 65).

Первый аргумент, по мнению Шавера, содержится в высказываниях С. А. Голунского, считающего, что уголовный процесс и криминалистика имеют дело с одними и теми же предметами, но подходят к ним с разных точек зрения. Шавер считает, что речь идет не о "разных точках зрения"[14], а о том, что "криминалистика изучает неправовые явления, в то время, как уголовный процесс занимается изучением правовых вопросов, связанных с расследованием уголовных дел" (с. 66). Поэтому неправильно относить к криминалистике тактику проведения процессуальных действий - это уголовный процесс. Задача криминалистики зак-

лючается в разработке приемов и методов обнаружения и исследования доказательств путем приспособления к нуждам расследования данных естественных и технических наук и результатов изучения деятельности преступника. Решение этой задачи осуществляется в пределах уголовно-процессуальных норм, в чем и заключается связь криминалистики с уголовным процессом (с. 68). Надо учитывать также и то, что криминалистика может существовать до начала процесса, например, при негласной проверке органом дознания фактов, могущих служить основанием для возбуждения уголовного дела (говоря современным языком, при осуществлении оперативно-розыскной деятельности).

Против второго аргумента Шавер выдвигает контраргумент: общность задач не означает общности предмета науки. Он пишет: "Задачей всех общественных наук является в конечном счете познание закономерностей общественного развития — общества, однако каждая из общественных наук существует самостоятельно, каждая из них имеет свою конкретную цель, свою конкретную задачу, которая заключается в том, чтобы изучить ту или иную форму общественных отношений" (с. 70).

Третий аргумент опровергается, по мнению Шавера, тем, что криминалистика не просто "сообщает" сведения из других наук, а активно их приспосабливает для решения своих задач, в результате чего эти сведения приобретают совершенно иной характер: они становятся частью криминалистики, как это произошло с дактилоскопией, судебной фотографией и др. Это и есть тот самый принцип трансформации, о котором впоследствии писал А. И. Винберг.

По поводу двух последних аргументов Шавер пишет, что закономерности, которые должна изучать криминалистика, реально существуют , их предстоит выявить: "Только потому, что у некоторых криминалистов не хватает терпения для глубоких исследований, для глубоких обобщений, основанных на использовании громаднейшего опыта, они, не найдя в кратчайший срок общих, отвлеченных "закономерностей", отказываются от криминалистики как науки" (с. 73).

Шавер решительно выступил против отнесения криминалистики к числу прикладных технических дисциплин. По его мнению, прикладных наук не существует, а есть прикладные дисциплины, под которыми понимается "совокупность знаний, определяющих порядок практического применения теоретических принципов той или иной науки" (с. 75), Данные криминалистики не вытекают из принципов уголовно-процессуальной науки, почему и нельзя считать ее прикладной по отношению к последней.

Из всего сказанного Шавером о предмете криминалистики следовало: а) криминалистика — самостоятельная наука, обладающая своими теоретической и прикладной частями; б) криминалистика тесно связана наукой уголовного процесса, не являясь в то же время ее прикладной частью; в) предмет криминалистики — объективные закономерности обнаружения и исследования доказательств, исследование которых должно составить содержание теории криминалистики. Кроме того, из высказываний относительно того, что криминалистика изучает неправовые явления, можно сделать вывод, что Шавер считал ее неправовой наукой, хотя прямо об этом он не писал. К сожалению, вплоть до конца 60-х гг. важнейшая его мысль о содержании предмета криминалистики так и не получила своей реализации, пока не было сформулировано новое определение предмета криминалистики. Игнорировалась фактически и мысль о том, что прикладной является лишь та сторона криминалистики, которая обращена к практике, что в целом неправильно считать ее прикладной наукой, поскольку подобных наук просто не существует, если речь идет о науке.

Содержание второй части статьи, посвященное методу криминалистики, можно выразить кратко: методом криминалистики служит материалистическая диалектика, приспособленная для целей следствия, что и выражается "в обобщении опыта следственной работы, изучении способов совершения преступлений и активном приспособлении научных данных к задачам обнаружения доказательств и исследования их" (с. 77).

В заключительной части статьи автор призвал отказаться от деления криминалистики на технику, тактику и методику, а принять разделение на общую и особенную части. К общей в системе курса криминалистики он отнес предмет и метод науки, историю буржуазной криминалистики и отдельно советской криминалистики, уголовную регистрацию, идентификацию личности преступника, судебно-оперативную фотографию, учение о следах, исследование документов, приемы и методы обнаружения скрытых предметов, использование

данных психологии при допросе и методику построения версий, к особенной — методику расследования отдельных видов преступлений (с. 82). Весьма туманными были рассуждения об уголовной тактике, смысл которых в конечном счете заключался в том, что никакой криминалистической тактики не существует: тактика следственных действий — это уголовный процесс, криминалистика же должна "поставлять" для этой тактики лишь приемы обнаружения и исследования доказательств. Конструкция эта была явно нежизненной, сам автор фактически вынужден был нее отказаться в учебнике для юридических школ 1940 г.

Статья во многом была воспринята как директивное указание соответствующих "инстанций": вплоть до 60-х гг. криминалисты придерживались деления науки на общую и особенную части, а единственно подлинно научным методом криминалистики объявлялся марксистский диалектический метод в трактовке Шавера — через обобщение следственной практики и т. д. А его действительно ценные высказывания о предмете науки как группе специфических закономерностей, о наличии прикладной части у любой науки в том числе о необходимости разработки теории криминалистики, не привлекли должного внимания ученых. Очевидно, для разработки всех этих проблем условия тогда еще не созрели.

3.3. От эмпирии — к теории. С. М. Потапов

Я уже имел возможность неоднократно говорить о том, что этапы развития науки невозможно строго отграничивать друг от Друга. В криминалистике за этапом накопления эмпирического материала следует этап формирования частных криминалистических теорий, но ростки этого этапа появляются на предшествующем этапе развития науки. Еще активно шел процесс масштабного обобщения и анализа правоохранительной практики, процесс становления криминалистики как самостоятельной области научного знания, но параллельно с этим предпринимались первые формулирования некоторых теоретических концепций и положений, которые впоследствии будут развернуты в оригинальные частные теории. Такие концепции *к* отдельные теоретические построения содержались в работах С. М. Потапова по судебной фотографии и судебному почерковедению, в кандидатской диссертации А. И. Винберга и его монографии "Криминалистическая экспертиза письма" (М., 1940}, в работах В. И. Громова по криминалистической методике и, наконец, в примечательной статье С. М. Потапова в журнале "Советское государство и право" (1940, № 1) "Принципы криминалистической идентификации".

Сергей Михайлович Потапов родился 17 (30) сентября 1873 г. в с. Ляхове Духовщинского уезда Смоленской губернии в семье служащего губернской канцелярии. После окончания с золотой медалью в 1891 г. смоленской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета, завершив обучение на котором, еще в течение года продолжал учебу на филологическом факультете, как он указывал впоследствии, "для пополнения необходимых юристу знаний, не преподававшихся на юридическом факультете" (психология, логика, история)[15].В1896г. сдал государственный экзамен и получил диплом 1-й степени[16].

Почти четыре года после окончания университета С. М. Потапов был кандидатом на судебные должности, исполняя обязанности помощника секретаря уголовного и гражданского отделений Новгородского окружного суда, следователя, городского судьи и защитника. С 1900 по 1912 г. он судебный следователь Новгородского, затем Петербургского окружных судов в городах Крестцы, Новгороде, Кронштадте и Петербурге. В 1908 г. состоялась его "проба пера" в науке; выходит в свет первая часть задуманной им монографии "Научные основы права" [17]. Книгу *Потапов издал на свои* средства, на издание второй части монографии денег достать не сумел, и работа осталась неоконченной. А вскоре произошли события, кардинально изменившие его научные интересы.

Собственный следственный опыт Потапова привел его к убеждению, что ни так называемый здравый смысл, ни профессиональная смекалка не являются достаточно действенными средствами противодействия растущей преступности. Только научные методы расследования могут решить проблему установления истины по уголовным делам, о чем убедительно свидетельствовала зарубежная следственная практика. Интерес Потапова к научным методам расследования был замечен, и, когда в 1911 г. Министерство юстиции

формировало группу судебных чиновников для командирования в Лозанну, где профессор Р. А. Рейсе читал свой курс научной техники расследования преступлений, Потапов был включен в эту группу. Два с половиной месяца он слушает лекции Рейсса[18], знакомится с методами исследования вещественных доказательств, а затем отправляется в Париж, к Альфонсу Бертильону, где знакомится с возглавляемой им службой судебной идентификации.

Вернувшись из Парижа, Потапов принимает предложение прочесть в 1911/12 учебном году курс "Научная техника расследования преступлений" в Училище правоведения и Военно-юридической Академии.

В январе 1912 г. Министерство юстиции внесло в Государственную думу законопроект об организации в Петербурге кабинета научно-судебной экспертизы. Юрисконсульту министерства профессору С. Н. Трегубову было поручено подбирать для проектируемого кабинета кадры, и он сделал предложение Потапову стать сотрудником кабинета. Потапов предложение принял с условием, что ему будет предоставлена повторная командировка к Рейссу в Лозанну. Получив на это согласие, он отправляется в Лозанну, а затем вновь в Париж, в Бюро идентификации Бертильона.

Потапов очень серьезно готовился к работе в кабинете. Он поступает на курсы научной фотографии при. Пятом отделе Русского технического общества в Петербурге, детально изучает работы Е. Ф. Буринского по судебной экспертизе документов, знакомится со взглядами процессуалистов на статус судебного эксперта. После принятия Думой закона об открытии кабинета в Петербурге Потапов назначается на должность помощника управляющего кабинетом, а в январе 1914 г. становится управляющим Киевским кабинетом научно-судебной экспертизы. В этой должности он состоял до октября 1919 г. В Киеве же он подготовил свою первую публикацию — уже по криминалистике — статью "Основания защиты документов"[19].

В 1919 г. Потапов уезжает в Одессу, работает сначала старшим техником в кабинете научно-судебной экспертизы, которым заведовал в те годы Н. П. Макаренко, затем в службе контроля Южного округа путей сообщения. В сентябре 1922 г. его вызывают и предлагают работу в научно-техническом отделе НКВД. Так началась его служба в милиции.

Потапов назначается начальником существующего пока на бумаге экспертного подотдела НТО. Ценой больших усилий ему удалось укомплектовать подотдел мало-мальски подготовленными сотрудниками; его попытки привлечь на работу в подотделе С. Н. Матвеева из Одессы оказались безрезультатными: в своем письме в ответ на предложение Потапова тот писал: "Многоуважаемый Сергей Михайлович[1] в письме от 13 сего января предлагаете мне высказать принципиальное согласие на занятие должности эксперта во вверенном Вам подотделе.

Будучи одним из фактических устроителей Одесского кабинета научно-судебной экспертизы и проработавши в нем около 9 лет, я сделался частью этого учреждения. Не желая в настоящее время нарушить его цельности, я должен отказаться от Вашего лестного предложения.

Во всяком случае я очень признателен Вам, так как в Вашем ко мне обращении я усматриваю оценку моих специальных познаний со стороны такого выдающегося специалиста в области уголовной техники, каким являетесь Вы"[20].

В связи с уходом по болезни из НКВД начальника НТО профессора В. Л. Русецкого на его место 1 июня 1923 г. назначается С. М. Потапов. Последующее десятилетие его жизни было посвящено поистине титаническим усилиям по созданию системы научно-технических подразделений милиции, внедрению научных методов в деятельность следственных и оперативных работников.

Как отмечает А.И.Миронов, "перед Научно-техническим отделом стояло много важных и неотложных задач. Первая из них — производство всех видов экспертиз для органов внутренних дел. Немалую работу приходилось выполнять и по заданиям судебных органов, так как других экспертных учреждений в Москве в то время не было. Аналогично экспертное подразделение функционировало только в Петрограде, выполняя поручения своего уголовного розыска[21]. Стараниями Потапова в июне 1927 г. открываются в Москве курсы подготовки научно-технических экспертов, он руководил их работой и в течение двух лет вел

преподавание курса научно-технических методов исследования доказательств; осуществлял общее руководство организацией и деятельностью создаваемых на местах научно-технических отделений.

Несмотря на огромную организационную и методическую работу, Потапов находил время и для занятий наукой. В 1923 г. он обосновывает необходимость создания уголовных музеев[22], уделяет самое пристальное внимание организации действенной системы регистрации и розыска преступников[23]. В 1924 г. статья "Место судебной фотографии в уголовной технике" положила начало его многолетним исследованиям в этой области[24]. В 1926 г. выходит книга Потапова "Судебная фотография"[25]. Во введении Потапов формулирует определение судебной фотографии: "Судебной фотографией называется система научно выработанных способов фотографической съемки, применяемой в целях раскрытия преступлений и представления суду наглядного доказательного материала"[26]. Судебная фотография подразделяется

на два самостоятельных отдела: судебно-розыскную фотографию и судебно-фотографическую экспертизу. Отрасли судебно-розыскной фотографии — сигналетическая, метрическая, масштабная, репродукционная, проекционная и детективная фотография. Судебно-фотографическая экспертиза заключается в применении фотографических методов для идентификации, установления недоступных обычному зрению деталей и для выявления невидимого. В 1936 1948 гг. эта работа была переиздана с рядом дополнений и изменений.

Серьезно занимался С. М. Потапов и проблемами судебного почерковедения. Еще до революции он пытался разработать метод почерковедческих исследований путем сравнительного исследования соотношений между штрихами в сходных комбинациях[27]. В судебной фотографии" им предложено определение почерка как системы движений, выраженной в письменных знаках[28]. Эта система движений выражается тремя видами особенностей почерка:

С. М. Потапов —студент университета

—общими признаками, определяющимися в порядке расположения письменных знаков (размер, наклон, выработанностъ и др.);

—признаками движения и состояния письменно-двигательного аппарата (направление движения, сила нажима, связанность и др.);

—привычными признаками, относящимися к привычкам письма и представляющими собой особенности штрихов[29].

Эти взгляды он развивал и в главах вузовских учебников 1935 и 1938 гг. В статье "Научное почерковедение он определил в качестве первоначального момента почерковедческого исследования определение условий выполнения рукописи: "...общий вид рукописи, ее размер и занимаемое пространство, расположение текста по отношению к полям, разделам, расстановка строк и отдельных слов в связи с содержанием и целевым назначением письма — все это служит первым основанием для некоторых выводов относительно условий, влиявших на почерк данной рукописи"[30].

Оценивая вклад Потапова в судебное почерковедение, В.Ф. Орлова пишет: "С. М. Потапов был первым криминалистом, сформулировавшим основные положения теории судебного почерковедения. Вместе с тем его взгляды на природу почерка и исследование последнего страдали некоторой односторонностью...

С. М. Потапов, концентрируя основное внимание на взаимоотношениях отдельных, главным образом, общих признаков, имеющих, по его мнению, определяющее значение в идентификационном исследовании, недооценивал значение частных. Как показала в пос-

ледующем теория и практика судебно-почерковедческой экспертизы, именно им принадлежит основная роль в идентификационных исследованиях"[31].

В сентябре 1933 г. Сергею Михайловичу исполнилось 60 лет и 15 января 1934 г. он был уволен на пенсию.

С 1925 г. Потапов работал по совместительству научным сотрудником в Институте по изучению преступности и преступника, позднее преобразованном в Институт уголовной политики, а затем во Всесоюзный институт юридических наук. После ухода на пенсию из НТО он избрал этот институт местом основной работы в должности эксперта-криминалиста, а с 1937 г. — старшего научного сотрудника. В 1935 г. по поручению руководства института он организовал в помещении Прокуратуры СССР криминалистическую лабораторию, находившуюся в совместном ведении института, Прокуратуры и Верховного суда СССР. 1 июля 1938 г. лаборатория в полном составе была передана в Институт права АН, Потапов назначается на должность старшего научного сотрудника Института права, а с конца 1939 г. заведует этой лабораторией. Руководство лабораторией он сочетает с преподаванием криминалистики в Московском юридическом институте и в воссозданной в 1939 г. Военно-юридической академии. В 1938 г. ему присваивается ученое звание профессора, а 2 апреля 1949 г. ученая степень доктора юридических наук без защиты диссертации.

В 1940 г. Сергей Михайлович публикует статью "Принципы криминалистической идентификации" [32], которой было суждено. В 1940 г. Сергей Михайлович публикует статью " рать важнейшую роль в отечественной криминалистике.

Основные положения этой статьи были продублированы автором в подготовленной им в 1943 г., но так и не увидевшей свет монографии[33], и в окончательном виде представлены в брошюре «Введение в криминалистику"[34]. Концепция криминалистической идентификации С. М. Потапова подробно рассматривается в следующей главе.

В феврале 1951 г. криминалистическая лаборатория Института права была переведена во Всесоюзный НИИ криминалистики Прокуратуры СССР, С. М. Потапов стал сотрудником этого института. 10 ноября 1957 г. в возрасте 84 лет он скончался.

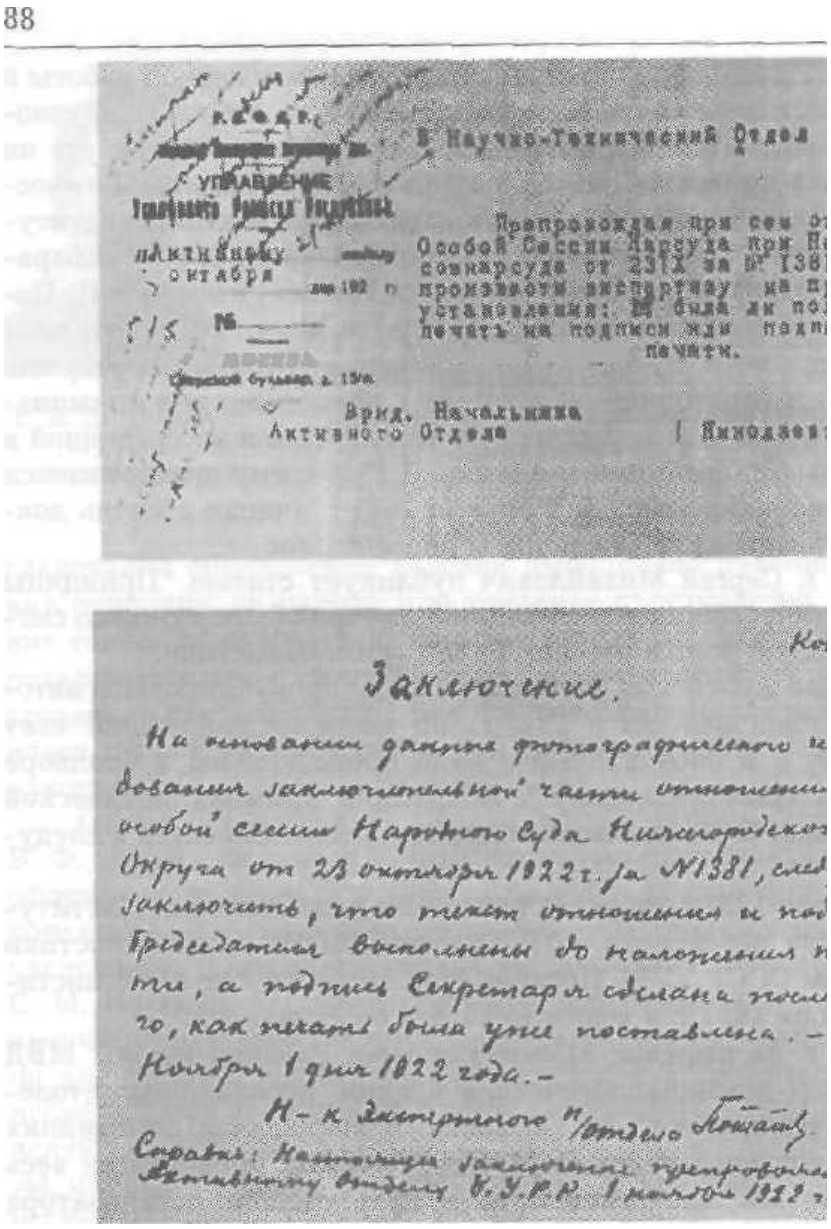
В 1973 г. на кафедре криминалистики Высшей школы МВД *ZP* прошли криминалистические чтения, посвященные столетию со дня рождения С. М. Потапова. В докладах и сообщениях учеников и последователей С. М. Потапова был представлен весь его многогранный творческий путь — путь ученого, организатора науки и основателя экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел.

В октябре 1998 г. мы еще раз почтили память С. М. Потапова. Кафедра управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России — преемница светлой памяти кафедры криминалистики Высшей школы МВД — вместе с Центральным музеем МВД России провела XXVII криминалистические чтения, посвященные 125-летию со дня рождения Сергея Михайловича. Вместе с нами в зале были и потомки Потапова — его внуки и правнуки и думаю, что наши восторженные оценки их деда и прадеда — человека и ученого — должны были наполнить их сердца гордостью за своего предка.

Существенным вкладом в развитие отечественной криминалистики в предвоенные годы стали кандидатская диссертация А И_ Винберга "Криминалистическая экспертиза письма" и одноименная монография[35].В этих работах автор критически рассмотрел существовавшие в графической экспертизе школы и направления: каллиграфическое, графологическое, приметоописательное, графометрическое, взгляды Г. Гросса на исследование письма. В деталях рассмотрена отечественная методика исследования письма и почерка. Читателю предложен и очерк развития экспертных учреждений в дореволюционной России и в СССР.

Оценивая монографию А. М. Винберга, В. Ф. Орлова считает, что ему "принадлежат первые ощутимые результаты в разработке методики экспертизы почерка... Эти методические положения выражены в виде общей методики идентификационной экспертизы, разработанной А. И. Винбергом в последующих работах, посвященных теоретическому обоснованию криминалистической экспертизы"[36].

С.М. Потапов



88

Р.С.Ф.С.Р.
УПРАВЛЕНИЕ
Уголовного Розыска Республики
Активному отделу
октября дня 192 г.
№ 515
Москва
Сверской бульвар, д. 15/а

В Научно-Технический Отдел

Препровождая при сем от
Особой Сессии Нарсуда при Н
совнарсуда от 23/X за № 138
произвести экспертизу на п
установления: не была ли по
печать на подписи или подп
печати.

Врид. Начальника
Активного Отдела | Николаев

Заключение.

На основании данных фотографического и
дования заключительной части отношени
особой сессии Народного Суда Нижегородско
Округа от 23 октября 1922 г. за №1381, след
заключить, что текст отношения и по
Председателя выполнены до наложения п
ти, а подпись Секретаря сделана посл
го, как печать была уже поставлена. –
Ноября 1 дня 1922 года. –

Н-к Экспертного п/отдела Потапов

Справка: Настоящее заключение препровожд
Активному отделу К.У.Р.Р. 1 ноября 1922 г.

Одна из первых экспертиз С. М. Потапова

Следует сказать, что взгляды, созвучные концепции А. И. Винберга, в эти же годы высказывал старейший украинский криминалист А. А. Елисеев. Ему принадлежит и определение общих и частных признаков почерка[37].

Александр Акимович Елисеев, один из пионеров отечественной криминалистики, родился 23 августа 1887 г. в Твери. После гражданской войны, в которой он принимал участие в качестве политработника Юго-Западного и Южного фронтов, он поступает на работу в милицию и в 1923 г. назначается первым начальником научно-технического отделения Главного управления милиции и розыска Украины.

С 1924 г. Елисеев начинает сотрудничать с Харьковским кабинетом научно-судебной

экспертизы, где заведует секцией идентификации. С 1929 по 1934 г. А. А. Елисеев на педагогической работе, 1934 г. он возвращается к экспертной деятельности в качестве заведующего секцией идентификации Харьковского НИИ судебных экспертиз, а в мае 1941 г. назначается заместителем директора этого института.

СЕРГЕЙ МИХАИЛОВИЧ ПОТАПОВ (ТО—1973)

В 1942—1944 гг. Елисеев работает прокурором следственного отдела Пензенской областной прокуратуры. После освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков Елисеев вновь работает в ХНИ-ИСЭ — заведующим отделом идентификации, старшим научным сотрудником. Связи с институтом он не прерывал и после ухода на пенсию, до самой смерти в 1968 г.

3_4. Экспертные учреждения между двумя войнами

Формирование системы экспертных учреждений в России завершилось в канун первой мировой войны созданием четырех кабинетов научно-судебной экспертизы — в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. В дни Февральской революции был уничтожен Петроградский кабинет: он сгорел при пожаре здания суда, где размещался со дня своего создания; Московский кабинет прекратил существование; Киевский и Одесский кабинеты кое-как "держались на плаву" благодаря энтузиазму сотрудников.

Для возрождения экспертных учреждений прежде всего следовало позаботиться о кадрах специалистов. В 1918 г. по инициативе группы ученых в Петрограде создается Высший институт фотографии и фототехники. "Наряду с другими специалистами программа института предусматривала подготовку всесторонне образованных экспертов-криминалистов. Для этой цели в институте была организована первая в СССР криминалистическая кафедра, носившая название кафедры судебно-фотографической энциклопедии. В момент организации института указанную кафедру возглавил Владимир Львович Русецкий, 18 июня 1918 г. избранный профессором института... После перехода В. Л. Русецкого на работу в органы милиции и переезда в связи с этим в Москву заведование кафедрой перешло к Александру Александровичу Захарьину, преподававшему в институте экспертизу документов. 25 октября I г. А. А. Захарьин избран профессором института"[37].

В. Л. Русецкий по праву входит в плеяду пионеров отечественной криминалистики как организатор судебно-экспертной деятельности и выдающийся специалист в области исследования документов и ценных бумаг. Он родился 19 апреля 1880 года в Одессе в семье морского инженера Одесского порта, окончил Киевскую гимназию, а затем математический и юридический факультеты Киевского университета. В 1908—1913 гг. состоял кандидатом на судебныt должности при Киевском окружном суде. После создания кабинетов научно-судебной экспертизы был назначен в 1913 г. помощником управляющего Московским кабинетом.

После революции Русецкии переезжает в Петроград, активно занимается организацией подготовки экспертов-криминалистов в Институте фотографии и фототехники. 15 августа 1918 г. совет института, отмечая его заслуги в области судебно-фотографических исследований, присвоил Русецкому степень доктора фотографии и фототехники.

В те годы основную работу по производству экспертиз для уголовного розыска выполняли эксперты-консультанты, работавшие по конкретным делам. В мае 1920 г. таким экспертом-

консультантом и стал В. Л. Русецкии. В январе 1922 г. его назначают начальником Научно-технического подотдела Центророзыска. В мае того же года подотдел был преобразован в отдел и Русецкии становится его начальником. С присущей ему энергией Русецкии взялся за материальное оснащение отдела, добился создания в нем библиотеки, подобрал квалифицированные кадры. По его инициативе начальником экспертного подотдела приглашается С. М. Потапов, а начальником фотохимического подотдела Борис Александрович Малиновский, бывший помощником управляющего Одесским кабинетом научно-судебной экспертизы и переехавший в связи с семейными обстоятельствами в августе 1922 г. в Москву.

В 1923 г. Русецкии тяжело заболел и вынужден был оставить работу в милиции. В 1925 г. в возрасте 45 лет он скончался.

Криминалистические чтения в Высшей школе МВД,
посвященные столетию со дня рождения С М Потапова
президиуме (слева направо) С П. Митричев. А Р Шляхов. **П** Т **Скорченко,**
писатель И Л Андроников. В А Снетков, Р С Белкин,
дочь Потапова Мария Сергеевна, Л П Рассказов

А. А. Елисеев

Преемник Русецкого по кафедре судебно-фотографической энциклопедии Александр Александрович Захарьин родился в 1868 г. в Нижнем Новгороде в семье адвоката. По окончании юридического факультета Петербургского университета, он пошел по стопам отца и поступил в адвокатуру. Однако его привлекала не столько адвокатская, сколько экспертная деятельность. Он серьезно увлекся фотографией, был избран в 1908 г. действительным членом Русского технического общества по пятому (фотографическому) отделу и приобрел широкую известность как специалист в области исследования документов. К сожалению, в институте он проработал недолго, в 1923 г. он скоропостижно скончался.

Своим сохранением Киевский кабинет научно-судебной экспертизы обязан самоотверженным усилиям его управляющего С. М. Потапова и сотрудников кабинета В. И. Фаворского, Н. А. Петрова, Н. Н. Туманова и В. А Франковского. Несмотря на отсутствие нормальных условий, С. М. Потапов сумел сохранить научную базу кабинета и кадры экспертов.

В. Л. Русецкий

Но во время оккупации Киева поляками (с 6 мая по 12 июня 1920 г.) значительная часть имущества кабинета была разграблена, что затруднило, но не прекратило деятельности кабинета, После отъезда С. М. Потапова в Одессу кабинет возглавил видный ученый в области исследовательской и судебной фотографии профессор Василий Иванович Фаворский. Сотрудникам удалось восстановить кабинет и возобновить производство дактилоскопических, трасологических, судебно-химических экспертиз, а так экспертиз по исследованию документов. Достаточно сказать, что за период с февраля 1920-го по июнь 1921 г. по заданиям органов юстиции Украины Киевский и Одесский кабинеты выполнили 2658 экспертиз[39].

Бессменным управляющим Одесским кабинетом научно-судебной экспертизы со дня его основания был Николай Прокофьевич Макаренко.

Как и Петербургский, Одесский кабинет состоял при прокуроре судебной палаты. После революции кабинет в 1925 г. был преобразован в Институт научно-судебной экспертизы и Макаренко назначается его директором, а с 1938 г. и до конца жизни — заместителем директора института по научной и научно-оперативной работе.

Работавшая много лет заведующей Одесской НИЛ судебной экспертизы (ныне Одесский НИИ судебных экспертиз) Т. 'Ф. Шаркова пишет: "Н. П. Макаренко, будучи прекрасным организатором, человеком большой эрудиции и инициативы, сумел привлечь к работе в институте (кабинете) видных специалистов различных отраслей науки, заинтересовать своими начинаниями в области криминалистики и судебной экспертизы. Под его руководством работали известные ученые-криминалисты; профессора С. Н. Матвеев, В. П. Малицкий, В. Э. Озецкий, Д. Д. Хмыров и другие... Сам П. Макаренко был одним из наиболее активных сотрудников та, он выезжал на места происшествия и оказывал работам следствия практическую помощь на месте"[40].

С началом Великой Отечественной войны деятельность института прекратилась. Часть его оборудования и аппаратуры была

В.И.Фаворский Н. А. Петров

вывезена в Новороссийск, остальное же имущество, научная библиотека и экспонаты большого музея погибли при пожаре от вражеской бомбардировки 22 сентября 1941 г. Деятельность института возобновилась 14 апреля 1944 г. после освобождения Одессы.

В 1919 г. Одесский кабинет находился в ведении НКЮ Украины, а его управляющий утверждался губревкомом. После создания прокуратуры в 1922 г. кабинет переходит в подчинение губпрокуратуры. Сразу же резко возрастает количество проводимых кабинетом экспертиз; если за четыре месяца 1921 г. было выполнено лишь 17 экспертиз, то за 1922 г. количество экспертиз достигло 687, в том числе судебно-фотографических и по исследованию документов — 132, по идентификации личности (по почерку и пальцевым отпечаткам) — 164. В том же году сотрудники кабинета восемь раз выезжали на места происшествий для фотографирования и сбора вещественных доказательств[41].

Украинские кабинеты стали не только центрами экспертной деятельности в республике,

но и центрами научной работы в области криминалистики и судебной экспертизы, базой для повышения квалификации работников дознания и следствия.

В начале 1923 г. следователь по особо важным делам при НКЮ Украины С. С. Савченко обратился к известному судебному медику профессору Н. С. Бокариусу с предложением проявить инициативу в создании в Харькове кабинета научно-судебной экспертизы, аналогичного кабинетам в Киеве и Одессе.

Николай Сергеевич Бокариус в эти годы был уже широко признанным ученым в области судебной медицины и уголовной техники, организатором научной и практической экспертной деятельности. Он руководил созданным им в 1913 г. Институтом судебной медицины, заведовал кафедрой судебной медицины в Женском медицинском институте, возглавлял отдел высшего медицинского образования Наркомпроса УССР, читал лекции в ряде учебных заведений по судебной медицине и уголовной технике, стоял во главе практической судебно-медицинской работы на Украине: с 1920 г. заведовал судебно-медицинским

С. Н. Матвеев

отделом НКЗ УССР, а с 1923 г. был главным государственным судебно-медицинским экспертом УССР. В эти же годы Николай Сергеевич руководит научно-техническим кабинетом уголовного розыска г. Харькова и является консультантом Главного управления милиции и уголовного розыска Украины.

Инициатива Бокариуса и Савченко была одобрена, и постановлением СНК УССР от 10 июля 1923 г. создается Харьковский кабинет научно-судебной экспертизы, а существовавшим Киевскому и Одесскому кабинетам придается государственный статус. Этим же постановлением было утверждено Положение о кабинетах, ставшее для них правовой и организационной основой.

В Положении о кабинетах указывалось, что они учреждаются "для производства различного рода научно-технических исследований по судебным делам". Структура Киевского и Одесского кабинетов была однотипной. Они состояли из четырех секций; химических и физико-химических исследований; судебно-фотографических исследований; судебно-медицинских макро- и микроскопических исследований; идентификации личности. Для ускорения работы Харьковского кабинета было решено открыть на его базе кафедру судебной медицины Харьковского мединститута, и 1 ноября 1923 г. кабинет начал функционировать в составе двух секций: судебно-фотографических и химических и физико-химических исследований. Заведующими кабинетами утверждались В. И. Фаворский, Н. П. Макаренко и Н С. Бокариус.

30 ноября 1923 г. НКЮ УССР издал Инструкцию для областных кабинетов научно-судебной экспертизы, как они стали называться. В инструкции речь шла преимущественно об оперативном обслуживании органов расследования и суда, а о научно-исследовательской работе сотрудников кабинетов не упоминалось[42].

Такое сужение сферы деятельности кабинетов противоречило практики, нуждавшейся в разработке широкого спектра проблем использования научных методов и методик исследования вещественных доказательств. 25 апреля 1925 г. Совет народных комиссаров УССР утверждает новое Положение о кабинете научно-судебной экспертизы, в котором предусматривалось уже не только производство ими экспертиз, но и проведение "научных работ и экспериментальных исследований по вопросам уголовной техники и методологии исследований преступлений и исследования личности преступника"[43]. В кабинетах предписывалось создать секцию исследования личности преступника[1].В том же году расширение функций кабинетов повлекло за собой их преобразование в институты научно-судебной экспертизы, что нашло свое законодательное закрепление в Положении о

судоустройстве УССР, принятом 23 октября 1925 года[44]. По положению структура институтов насчитывала уже 6 секций: помимо существовавших четырех создавались еще две — биологических исследований и криминально-психологических и психопатологических исследований.

Создание институтов научно-судебной экспертизы благотворно повлияло на развитие научных основ судебной экспертизы, расширение ее возможностей и совершенствование экспертной практики. Качественно укреплялся состав сотрудников институтов.

Директор Киевского института профессор В. И. Фаворский привлек к сотрудничеству в институте видных специалистов -криминалистов, физиков, биологов, химиков, медиков. Секцию судебной химии возглавил доцент В. А. Франковский, а впоследствии В. Л. Павлов, секцию судебной фотографии — профессор Н. А. Петров. В 1926 г. в должности техника начал свою работу в институте Н. М. Зюскин, впоследствии бессменный руководитель судебно-фотографического подразделения института. Судебно-медицинской секцией руководил доктор медицины Н. Н. Труфанов, а после его смерти — профессор Г. А. Шепель. После слияния этой секции с биологической ее руководителем стал проф. М. М. Маевский, впоследствии лауреат Государственной премии. Секцию криминальной психологии и психопатологии возглавил профессор В. М. Гаккебуш, секцию индивидуальной идентификации — Н, П. Недешев. В 1928 г. при институте была создана научно-исследовательская кафедра криминологии, в работе которой принимал участие известный процессуалист профессор М. А. Чельцов-Бебутов.

К работе в Харьковском институте научно-судебной экспертизы директор Н. С. Бокариус привлек своего сына проф. Н. Н. Бокариуса — видного специалиста в области судебной медицины и криминалистики. В 1924 г. на работу в институт пришел упоминавшийся мною А. А. Елисеев. В 20-х гг. в институте работают С. С. Савченко, С. Д. Каплан, В. А. Розвадовский, Р. М. Розенберг и другие талантливые молодые научные сотрудники и эксперты. В 1926 г. В Харьковском институте были созданы сывороточное отделение, рентгеновский кабинет и мастерская по изготовлению муляжей для институтского музея. Изменилась структура и других институтов. Я уже называл ученых, которых привлек к работе Одесского института Н. П. Макаренко. Их функции распределились следующим образом: профессор С. Н. Матвеев заведовал секцией криминалистической идентификации; профессор В. П. Малицкий, а после него профессор В. Э. Озецкий возглавляли химическую секцию; фотосекцией ведал профессор Д. Д. Хмыров, а биологической секцией — профессор Э. Ю. Ген[45].

В сентябре 1929 г. вводится в действие новое Положение о судоустройстве УССР[46]. По этому положению число секций в институтах сокращалось до четырех: упразднялись секции судебно-медицинских исследований и секции криминально-психологических и психопатологических исследований. В 1930 г. была упразднена кафедра криминологии Киевского института, а в 1932 г. в Харьковском институте организовали новую ботаническую секцию, основной задачей которой было исследование различных кормов, проходивших в качестве вещественных доказательств по делам об участившихся случаях гибели скота.

23 декабря 1931 г. умер Н. С. Бокариус. Учитывая его заслуги перед наукой, достижения в области организаторской и судебно-экспертной деятельности, его имя было присвоено Харьковскому институту научно-судебной экспертизы. Руководителем института стал Н. Н. Бокариус.

В 1938 г. доцент М. А. Кравцов сменил на посту директора Одесского института Н. П. Макаренко, который стал его заместителем по научной и научно-оперативной работе. С 1934 г. секцией судебной фотографии стал заведовать Н. М. Зюскин, впоследствии кандидат юридических и кандидат технических наук, признанный авторитет в этой области. Он заведовал этой секцией вплоть до войны. В эти же годы на работу в институт пришел Борис Романович Киричинский, исследования которого в области использования в экспертной практике лучей невидимой части спектра приобрели впоследствии широкую известность. С 1935 г. в Киевском институте заведующим секцией идентификации работал Сергей Иванович Тихенко, о котором речь еще впереди.

Создание институтов научно-судебной экспертизы незамедлительно сказалось на уровне

использования специальных познаний в следственной и судебной практике. Стало быстро расти число выполняемых институтами экспертиз. В 1930г. Киевским институтом было выполнено уже более 600 экспертиз, а в 1936г. только секция индивидуальной идентификации этого института про

извела 400 экспертиз; за 1940г. институтом было выполнено 1000 экспертиз[47]. Если в первый год существования Харьковского института была проведена 81 экспертиза, то через15 лет, в 1938 г., институт выполнил уже 900 экспертиз, а в 1940 г. — свыше 1000.К моменту прекращения работы институт а в связи с временной оккупацией Харькова немецко-фашистскими захватчиками в сентябре 1941 г.число проведенных в том году экспертиз превысило13тысяч[48]. По сохранившимся неполным Архивным данным, за пять последних предвоенных лет в Одесском институте было произведено 2666 экспертиз[49], а значительное место среди объектов экспертного исследования занимали документы, огнестрельное и холодное оружие, пятна крови, волокна и др. Довольно часто приходилось исследовать внутренние органы трупов людей и животных, пока эти экспертизы не были изъяты из компетенции институтов.

В соответствии с Положением сотрудники институтов помимо экспертной работы давали заключения и разъяснения в судебных заседаниях по поводу произведенных исследований, разъясняли обстоятельства, установленные при выездах на места происшествий, и иные технические вопросы, а также выезжали на места происшествий в особо важных случаях. Кроме того, сотрудники институтов вели методическую работу среди оперативных работников и следователей, читали лекции, проводили семинары, популяризовали возможности судебной экспертизы.

До 1929 г. в Советском Союзе других судебно-экспертных криминалистических учреждений органов юстиции, кроме украинских институтов, не существовало, хотя потребность в них ощущалась повсеместно. 16 августа 1929 г. Постановлением СНК Белорусской ССР при НКЮ республики был образован Институт научно-судебной экспертизы в Минске. В институте создавались секции: судебно-фотографических исследований и идентификации, физико-химических исследований, судебно-медицинских и биологических исследований. Был организован научно-показательный музей. Директором института стал один из инициаторов его создания, видный судебный медик и специалист в области судебной баллистики, профессор Василий Федорович Черваков.

В 1931 г. в связи с организацией Центральной судебно-медицинской лаборатории НКЗ БССР институт был освобожден от производства судебно-медицинских экспертиз, а 3 февраля 1932 г. переименован постановлением СНК БССР в Белорусский государственный институт криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. В Положении об институте, утвержденном постановлением коллегии НКЮ БССР 28 марта 1932 г., ему вменялись в обязанность разработка вопросов уголовно-судебной политики БССР, осуществление методического и научно-практического руководства деятельностью всех органов судебной экспертизы на территории БССР и повышение квалификации судебных экспертов. В институте должны были также изучать и разрабатывать методику и технику расследования преступлений, а также теорию и практику судебной экспертизы, участвовать в разработке кодексов и отдельных законодательных актов, относящихся к борьбе с преступностью, проводить первичные и повторные экспертизы и консультировать практических работников следствия, суда и прокуратуры, экспертов, студентов и курсантов по вопросам криминологии и судебной экспертизы.

Новая структура института предусматривала три отдела: криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. В состав последнего входили лаборатории судебно-фотографических, судебно-химических и судебно-биологических исследований и кабинет идентификации.

Вскоре после переименования института в Белорусский государственный НИИ криминалистики и судебной экспертизы вновь изменилась его структура. Были образованы отделы: экспертизы Документов (почерковедческие и технико-криминалистические исследования); судебно-фотографических, баллистических и траслогических исследований (лаборатория судебной фотографии, кафедра судебной баллистики); физико-химических исследований (лаборатория судебной химии и рентгеновский кабинет); судебно-

биологических исследований (лаборатория судебной биологии и судебной ботаники). При институте функционировали научная библиотека реферативное бюро и научно-показательный музей. Вопросами криминологии институт заниматься перестал. [50]

М. С. Штейнгауз

Существенную роль в распространении криминалистических знаний и повышении квалификации работников следствия, суда и экспертов играл научно-показательный музей института. В целях пополнения его фондов НКЮ БССР издал 14 декабря 1930 г. циркуляр № 52, в котором указывалось, что "для организации коллекций музея института научно-судебной экспертизы органы суда, прокуратуры и следствия, **ГПУ,** милиции и уголовного розыска должны передавать институту все вещественные доказательства, которые имеют интерес и значение для научно-судебной экспертизы. Кроме того, институт научно-судебной экспертизы имеет право оставлять для музея объекты исследований и их части, которые представляют научный интерес и ценность"[51].

Уже в конце 30-х гг. в институте сформировался коллектив высококвалифицированных специалистов, с успехом решавший задачу широкого использования возможностей криминалистической экспертизы в борьбе с преступностью.

В отличие от Украины и Белоруссии Российская Федерация до войны не имела в системе органов юстиции экспертных криминалистических учреждений, хотя вопрос об их создании неоднократно ставился и учеными-криминалистами и практическими работниками органов расследования и суда. Можно полагать, что столь пассивное отношение Наркомюста России к организации экспертных криминалистических учреждений в республике объяснялось в известной степени тем, что к концу 20-х гг. в РСФСР уже имелась разветвленная сеть научно-технических подразделений милиции, в основном удовлетворявших потребности судебно-следственной практики в производстве криминалистических экспертиз. К тому же начиная с 1930 г. стали создаваться криминалистические лаборатории юридических вузов — по замыслу как специальные криминалистические "полигоны" для студентов, а на практике ставшие экспертными учреждениями, которые выполняли задания органов следствия и суда.

История создания вузовских криминалистических лабораторий неразрывно связана с судьбой вузовского курса криминалистики.

В первые годы после революции отношение к изучению криминалистики в высших юридических учебных заведениях страны было негативным. Считалось, что ее следует преподавать лишь на курсах повышения квалификации практикам, уже имеющим опыт розыскной и следственной работы. Классическая университетская юридическая наука восставала против криминалистики, и лишь отдельные ее представители поднимали свой голос в ее защиту. С большой решимостью одним из первых высказался профессор Иркутского университета Герберт Юльевич Манне: "Отрицательное отношение к преподаванию криминалистики в университетах представляется в корне неправильным. Желательно, чтобы ее изучение предшествовало, а не только сопутствовало практической деятельности. Не следует забывать, что следователь, который учит во время практики или на практике, учится всегда за ее счет, т. е. за счет людей, которые имеют несчастье попасть в сферу его неумелой деятельности, или за счет интересов общества, которые он, терпя неудачу при раскрытии преступлений, не в состоянии в должной мере оградить". При этом Манне считал, что криминалистику следует преподавать не всем студентам-юристам, а лишь 1 из них, кто специализируется по судебно-следственному профилю[52]. Развития этой темы в последующих работах Маннса мне обнаружить не удалось, что в общем-то и неудивительно, поскольку специально вопросами криминалистики он не занимался.

Занимаясь своеобразными биографическими исследованиями жизни и деятельности

пионеров отечественной криминалистической науки, я попытался навести справки и о Г. Ю. Маннсе. В Иркутском университете архивного личного дела Маннса не оказалось, оно исчезло при неясных обстоятельствах. Из скупых данных нескольких листков личного дела студентки университета — дочери Маннса — удалось установить, что в начале 30-х гг. семья переехала в Саратов, где Манне стал работать в юридическом институте. Однако и там никаких его следов обнаружить не удалось. Косвенным путем выяснилось, что вскоре он уехал в Москву ,где и пропал без вести . Только сейчас, перечитывая статью о предмете и методе криминалистики, я обнаружил упоминание о Маннсе как о "ныне разоблаченном враге народа", на ранее я как-то не обратил внимания. Предположение о трагической судьбе этого ученого у меня возникало и ранее, теперь же все стало ясно.

Я не располагаю сведениями, удалось ли Маннсу или кому-либо из его единомышленников, если они имелись, реализовать его идею преподавания криминалистики. Зато точно известно, что с 1925 г. на факультете советского права в МГУ И. Н. Якимов начал читать курс криминалистики, преподавал ее в 30-е гг. в Правовой академии, а с 1935 г. — в Московском юридическом институте[53]. В конце 20-х и в 30-х гг. курс криминалистики был включен в учебную программу Саратовского юридического института, а затем и других юридических вузов.

Включение в программу подготовки юристов курса криминалистики потребовало обеспечения его необходимой учебно-методической базой. В этих целях сначала в Саратовском юридическом институте в 1930 г., а затем в Московском правовом институте им. П. И. Стучки (1935 г.), Ленинградском юридическом институте (1936 г.) и Ташкентском юридическом институте (1940 г.) создаются учебные криминалистические лаборатории.

По замыслу доцента Е. У. Зицера, инициатора создания лаборатории в Московском правовом институте, лаборатория должна была служить учебно-технической базой, помогающей студентам овладеть курсом криминалистики. "Эта лаборатория наряду с выполнением работы, связанной с обучением студентов, изучающих курс криминалистики, в целях связи с судебной практикой и для лучшего обеспечения учебных занятий современными материалами стала производить криминалистические экспертизы, главным образом графические исследования. В этой лаборатории сотрудничали по совместительству эксперты-криминалисты, научные работники, занятые на работе в других криминалистических учреждениях. Лаборатория служила базой и для подготовки научных работников, аспирантов по криминалистике. Наряду с учебной, научно-исследовательской и экспертной работой лаборатория вела научно-популяризаторскую работу среди следственно-судебных кадров" [54]. В лаборатории не было штатных сотрудников, она существовала на хозрасчете, взимала за производство экспертиз шла по специальной таксе.

Очень скоро учебные функции лаборатории отошли на второй план под натиском той массы экспертиз, которая буквально обрушилась на лабораторию из-за отсутствия в России других экспертных учреждений подобного профиля. Как писал А. И. Винберг, жизнь захлестнула скромные начинания лаборатории. "Органы прокуратуры, суда, арбитража и другие стали направлять со всех концов Республики требования о производстве экспертизы. За 2,5 года работы лаборатория, даже с небольшим количеством штатных единиц, сумела дать заключение свыше, чем по тысяче уголовных и гражданских дел, из коих 90% падает на исследование документов[55]. Лаборатория превратилась в некое подобие Республиканского экспертного центра. К производству экспертиз в ней привлекались А. И. Винберг, Н. В. Терзиев, И. Н. Якимов, Л. П. Рассказов, Б. И. Шевченко, позднее Д. Я. Мирский и другие квалифицированные специалисты.

Как уже упоминалось, в начале 1936 г. в составе Института уголовной политики была организована лаборатория научно-судебной экспертизы. Инициатором ее создания и руководителем был. Потапов. В обязанности лаборатории помимо научно-исследовательской работы в области криминалистики входило производство "проверочных экспертиз" по требованиям Прокуратуры СССР НКЮ РСФСР. В конце 1936 г. лаборатория была передана в ведение Прокуратуры СССР и в январе 1937 г. переименована в лабораторию по научно-следственной работе, утратив свои экспертные функции. В 1938 г. лаборатория была ликвидирована, а ее палаты и аппаратура переданы в Институт права Академии наук, где на

их базе организовали криминалистическую лабораторию в ставе секции судебного права. Задачи лаборатории были определены следующим образом:

1. Теоретическая разработка вопросов криминалистики: роль место криминалистики в системе советского судебного права; основные принципы криминалистической идентификации; научные основы графической экспертизы.
2. Экспериментальная разработка вопросов криминалистики.
3. Усовершенствование аппаратуры, создание новых ее моделей для различных криминалистических исследований.
4. Производство наиболее сложных криминалистических экспертиз.

В штат лаборатории входили научные сотрудники-криминалисты, судебные химики, физик, судебный фотограф и технический персонал: лаборанты и препараторы[56].

Явная недостаточность имеющихся в России экспертных криминалистических учреждений, отсутствие методического и научного центра, который бы координировал и направлял их

Д Я. Мирский

деятельность, тормозили внедрение достижений науки и техники в экспертную практику. На это обращал внимание научной общественности С. П. Митричев[57]. Он считал, "что назревает необходимость в создании Всесоюзного института криминалистической экспертизы, который мог бы собрать в своих секциях лучшие силы криминалистов... служил бы методическим центром и, тем самым, положил бы конец тому разнобою в методической работе, который наблюдается в каждом институте и лаборатории"[58]. Однако предложения о расширении в Союзе сети криминалистических экспертных учреждений были реализованы лишь в Азербайджане, а идея создания единого научного и методического экспертного центра была воплощена в жизнь гораздо позднее.

В августе 1938 г. в Баку при НКЮ Азербайджанской ССР был организован криминалистический кабинет. В штате кабинета насчитывалось лишь три человека, располагал он и некоторым оборудованием — репродукционной горизонтальной установкой, вертикальной фотокамерой, микроскопами. Кабинет выполнял отдельные графические исследования и некоторые другие экспертизы. С 1939 г. кабинетом руководил по совместительству профессор-медик В. А. Рожановский, позже — И. М. Лоренц, 3. С. Брыскин, главный судебно-медицинский эксперт республики Ю. Н. Семенов, А. Г. Парсаданов. Кабинет просуществовал до 1951 г. Разумеется, потребности в экспертных исследованиях органов следствия и суда полностью удовлетворять он не мог[59].

Гораздо интенсивнее, чем в органах юстиции, развивался процесс формирования криминалистических экспертных подразделений органов милиции.

Становление экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел связано с развитием службы уголовного розыска, кровно заинтересованной в использовании научных методов выявления и раскрытия преступлений. В конце 1918 г. было создано Центральное управление уголовного розыска России (Центророзыск). Уже в начале 1919 г. Центророзыск поставил вопрос об организации в уголовном розыске научно-технической службы. Актуальность вопроса была настолько очевидной, что 15 февраля 1919 г. Коллегия НКВД принимает решение о создании при Центророзыске Кабинета судебной экспертизы, Регистрационного и дактилоскопического бюро и Уголовного музея. 1 марта 1919 г. заведующим кабинетом назначается П. С. Семеновский. Он проработал в этой должности до 2 июля 1920 г., когда был уволен из органов милиции по его просьбе, поскольку не мог далее совмещать эту работу с работой прозектора Лефортовского морга.

Как уже отмечалось, кабинет не имел штатных экспертов и для решения экспертных задач привлекал экспертов-консультантов, первым из которых был В. Л. Русецкий.

Очередная реорганизация Центророзыска в 1921 г. выразилась, в частности, в том, что Регистрационно-справочное бюро было переименовано в справочный подотдел в составе трех бюро: регистрационно-дактилоскопического, научно-технической экспертизы и уголовно-статистического. Штат бюро научно-технической экспертизы насчитывал 6 единиц: начальник, 3 эксперта-консультанта, фотограф и его помощник. 20 июля 1921 г справочный подотдел был переименован в научно-технический, а бюро научно-технической экспертизы стало именоваться отделением технических поручений.

В последние дни 1921 г. в научно-технический подотдел возвращается П. С. Семеновский и возглавляет регистрационно-дактилоскопическое отделение, а в начале 1922 г. начальником Научно-технического подотдела становится В. Л. Русецкий. Его усилиями увеличивается штат подотдела, а сам подотдел в мае 1922 г. реорганизуется в научно-технический отдел. В сентябре 1922 г. после новой реорганизации в составе НТО наконец-то появляется экспертный (его именовали экспериментальным) подотдел — начальник и три эксперта. По ходатайству Русецкого на должность его начальника 1 октября 1922 г. назначается С. М. Потапов.

Потапов пришел на работу в экспертный подотдел в трудное время: должности экспертов замещены не были, необходимое оборудование отсутствовало, фотографическая работа в губернских уголовных розысках велась скверно, съемка мест происшествий и преступников из-за нехватки аппаратуры и материалов производилась редко. Требовались значительные организаторские усилия. Для налаживания уголовной регистрации и фотодела на местах. Всем этим и пришлось заниматься Сергею Михайловичу.

Я опускаю изложение всех многочисленных реорганизаций, потрясавших уголовный розыск чуть ли не ежемесячно. В 1925 г. в техническом подотделе помимо заведующего были три эксперта, три фотографа, два лаборанта и переводчик. "Он стал чи-[0] экспертным подразделением Отдела уголовного розыска. В его составе сохранились Кабинет научно-технической экспертизы, химическая и фотографическая лаборатории и Центральный уголовный музей. В задачу основной структурной единицы — Кабинета научно-технической экспертизы — входили:

— производство экспертиз по уголовным делам;

— разработка научных методов раскрытия преступлений;

—подготовка руководств и пособий для обучения работников уголовного розыска криминалистике;

— выезд в губернские уголовные розыски для постановки на месте научно-технической работы;

— наблюдение за развитием уголовной техники за рубежом, перевод и редактирование важнейших статей;

— пополнение экспонатами Центрального уголовного музея и оказание помощи по организации музеев на местах"[60].

В начале 20-х гг. научно-технические подразделения стали организовываться в периферийных органах уголовного розыска. Первые такие подразделения были сформированы в Петрограде, Самаре, на Украине. Подразделения эти носили различные названия, но выполняли одни и те же функции — регистрационные и экспертные. В Петрограде это было сначала справочно-регистрационное и дактилоскопическое отделение, а с 1922 г. научно-технический кабинет, их руководителем с самого начала являлся Алексей Андреевич Сальков. В том же 1922 г. справочно-регистрационное отделение вместе с этим кабинетом и музеем стало называться научным отделом.

Алексей Андреевич Сальков родился 29 декабря 1869 г. в Полтаве в семье армейского офицера. В 1888 г. окончил Оренбургскую военную гимназию и поступил на юридический факультет Казанского университета, но через год вынужден был оставить учебу по причине материальных затруднений и болезни. В 1890 г. он уезжает в Петербург, работает на железной дороге, учится на двухгодичных курсах лекарских помощников, увлекается фотографией, По рекомендации С. Н. Трегубова его принимают на должность судебного фотографа уголовно-регистрационного отделения департамента полиции. После революции Сальков с первых же дней организации уголовного розыска в Петрограде поступает на

должность заведующего регистрационным бюро. С этого момента начинается и его активная экспертная деятельность.

Благодаря архивным изысканиям И. Ф. Крылова стали известны примеры сложнейших экспертных исследований, осуществленных Сальковым[61].

Но Сальков не только практически доказывал значение криминалистических экспертных исследований, но и научно обосновывал правомерность криминалистической экспертизы.
В 1978 г. сотрудник ВНИИ Прокуратуры СССР доктор юридических наук М. Ю. Рогинский, ныне, к сожалению, покойный, передал мне стенограмму доклада А. А. Салькова в Криминологическом кабинете Ленинградского института советского права в 1927 г. В те годы Марк Юрьевич был доцентом кафедры уголовного права и несколько лет читал курс криминалистики. Он присутствовал на докладе Салькова и хорошо знал докладчика.

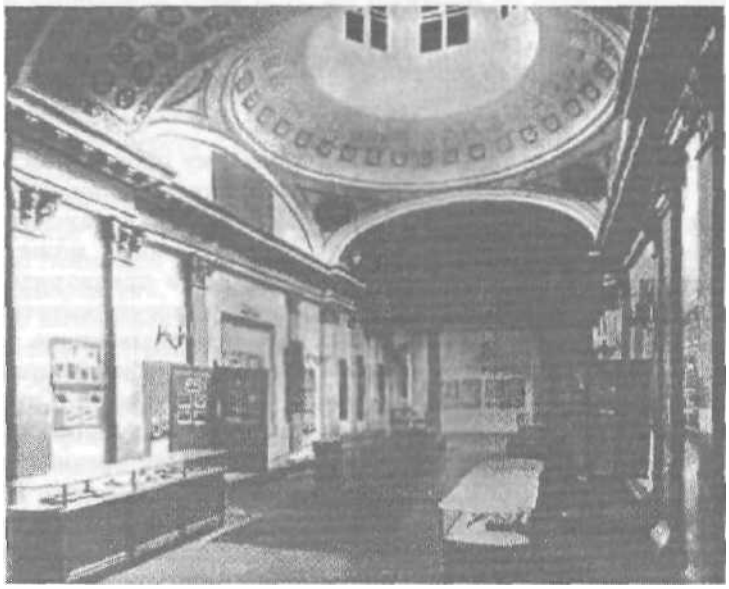
Тема доклада была сформулирована так: "Вопросы немедицинской экспертизы". Такое наименование доклада было обусловлено тем, что в кругах судебных работников того времени термин "криминалистическая экспертиза" еще не завоевал общего признания, да к тому же не было еще и четких представлений о содержании криминалистики, о том, какие экспертизы следует относить к этой области знаний. Подобно тому, как впоследствии криминалистические экспертизы стали подразделять на идентификационные и неидентификационные, в те годы нередко экспертизы разделяли на медицинские и немедицинские, проводимые различными сведущими лицами. Иногда немедицинские именовали техническими экспертизами. Именно им и был посвящен доклад Салькова.

Сальков начал с того, что описал практику проведения технических экспертиз, для производства которых приглашаются так называемые сведущие люди. "Всякий сведущий в каком-нибудь месте или же в какой-нибудь профессии человек может быть экспертом на суде, может быть и экспертом на предварительном следствии и на дознании. Но эти эксперты не могут считаться такими экспертами, которые могли бы дать исчерпывающие заключения по своей экспертизе, потому что для судебно-технической экспертизы совершенно недостаточно знать только тот предмет, на котором он работает. Такая экспертиза этих сведущих лиц зачастую ничего не дает ни следователю, ни суду, ни органам дознания.

Для того, чтобы эксперт умел подойти к экспертизе, необходимо, чтобы он имел понятие об уголовной технике расследования преступлений. Если этого не будет, то он, конечно, ограничится при даче заключения только своей областью, своими знаниями того ремесла, той профессии, которой он занимается". В подтверждение этого суждения он привел ряд примеров из своей экспертной практики.

"Вот возьмем первый пример, — продолжал докладчик. — Кража в помещении. Замок оказался цел, не сломан, а между тем украдена из кладовой масса товаров. Для того, чтобы установить,

в Москве



в Ленинграде

каким путем проникли воры, нужно замок подвергнуть экспертизе. Б этих случаях думают, что лучшим экспертом может быть кто? — слесарь, который замки чинит, который замки открывает, — это и есть сведущее лицо, в крайнем случае мастер завода, где делают замки, наконец инженер-технолог, который руководит работой по конструированию замков. Если такого эксперта-слесаря пригласить, он разберет замок, посмотрит и скажет, что никаких поломок нет в замке, он открывается и закрывается, никаких признаков царапанья и повреждения в замке не имеется. Но когда его спросят, каким же образом замок был открыт, отмычкой или подобранным ключом, то этот эксперт не может дать объяснения, но может только сказать: по всей вероятности открыт, раз повреждений нет, этим самым ключом, который к этому замку. Таким образом получается, что замок открыл кто-нибудь из администрации этой кладовой.

Но если обратиться к эксперту-криминалисту, то он поступит совершенно иначе (и далее Сальков приводит пример из своей практики). Когда мне предъявили такой замок, я его разобрал, нашел никаких повреждений. Тогда я с помощью магнита просеивают мусор около дверей в кладовую. К магниту пристали мелкие частицы металлической пыли.

Конечно, эксперту-слесарю совершенно не придет в голову сделать такие изыскания, он только будет самый замок разбирать. Если он не найдет ничего, дальше он уже ничего делать не будет, эксперт-криминалист, эксперт, знакомый с уголовной техникой, поступит иначе. Почему? Да потому, что мы знаем, каким образом открывают замки отмычками, подобранными ключами. В данном случае я почти категорически могу сказать, что замок открыт подобранным ключом. Мы знаем прекрасно, что когда воры подбирают ключи к замку, то они обычно предварительно делают слепок гнезда, куда вкладывается ключ, или же подбирают ключ на те, и так как ключ невозможно заранее подобрать так, чтобы подошел к

каждому замку свободно, у них всегда имеется с собой маленький напильник и они тут же, на месте, около двери подпиливают этот ключ; до замка они не дотрагиваются, ничего они там не ковыряют, так что никаких следов на внутренних частях замка не остается. Это делается быстро, и замок открывается очень хорошо, и потому его можно закрыть снова. Следов в замке не остается, а следы остаются на земле. Вот вам пример того, что так называемый эксперт — сведущее лицо не в состоянии произвести ту специальную экспертизу, которая может действительно выяснить истину.

Сальков привел аудитории многочисленные примеры из области исследования угасших и сгоревших документов, волокон, штампов и других объектов, экспертного установления способов совершения карманных краж и других преступлений. Все примеры подкрепляли заключительный вывод докладчика: - технические экспертизы необходимо поручать только экспертам, знакомым

Н Д. Вороновский

с уголовной техникой расследования преступлений, именно экспертам-криминалистам, но никак не экспертам — сведущим людям, которые как раз в этих случаях никакими сведущими специалистами никак не являются". Этот принцип выбора эксперта Сальков настойчиво пропагандировал среди практических работников уголовного розыска, следствия и суда. О нем же он говорил и на занятиях по криминалистике в самых разных аудиториях.

Систематически преподавательской деятельностью Сальков начал заниматься с 1929 г., после ухода с экспертной работы в уголовном розыске. С 1930 г. он ведет курс криминалистики в Ленинградском юридическом институте до своей смерти в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

С начала 1920 г. стала развиваться научно-техническая служба на Украине. В сентябре 1923 г. был образован в Главном управлении милиции республики научно-технический кабинет, заведовать которым стал А. А. Елисеев, а научным консультантом Н. С. Бокариус. В Самаре в том же году в структуре уголовного розыска выделяется научно-техническая часть. В конце 1924 г. создается научно-технический подотдел при Центророзыске Казахской ССР. В 1924—1927 гг. аналогичные научно-технические подразделения создаются в органах милиции и уголовного розыска, Симферополя, где руководителем НТО стал Н. Д. Вороновский, Ростова-на-Дону, Орла, Новосибирска, Сталинграда, Воронежа и других городов, в Армении, Узбекистане, Белоруссии.

Развивающаяся система научно-технических подразделений органов внутренних дел испытывала острую нужду в квалифицированных кадрах экспертов. В январе 1928 г. в Москве открываются курсы по подготовке научно-технических экспертов на 40 слушателей при НТО центра. "С. М. Потапов был душой этих курсов. Он организует их работу, сам читает лекции, устанавливает контакты с ведущими учеными и привлекает их для чтения лекций. Профессор А. В. Степанов читает лекции по судебной химии, профессор С. В. Познышев — по криминальной психологии, доцент Н. П. Брюхановский - по судебной психиатрии, профессор П. В. Верховский ведет курс по организации, методологии и делопроизводству кабинетов экспертизы и уголовного розыска; П. С. Семеновский — по судебной медицине и дактилоскопии; ст. инспектор Центророзыска И. Н. Якимов читал уголовную тактику. Сам С. М. Потапов ведет занятия по основам уголовной техники и судебной экспертизы и судебной фотографии. [62]

Я М. Яковлев ,30-е г.

Второй набор курсов состоялся в 1929 г., третий — в 1930 г., после чего курсы перестали функционировать. С 1931 г. подготовка экспертов производилась в Центральной школе милиции.

В марте 1932 г. создается общесоюзное научно-техническое отделение в составе оперативного отдела Главной инспекции милиции ОГПУ. Его начальником назначается Яков Михаилович **Яковлев,** а заместителем С. М. Потапов, который вскоре увольняется на пенсию.

Яков Михайлович Яковлев родился в 1902 г., участвовал в гражданской войне, был ранен и контужен. 1921 г. он работает в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД на различных должностях в милиции и уголовном розыске, а с 1931 г. — в научно-технической службе. В мае 1933 г. Яковлев направляется на работу в Среднюю Азию, руководит оперативным отделом НКВД Узбекистана В 1940 г по состоянию здоровья увольняется из органов НКВД. С 1934 г. он совмещал практическую работу с преподавательской деятельностью, заведовал кафедрой судебного права в Ташкентском юридическом институте, впоследствии работал в Латвийском и Таджикском университетах, в 1970 г. защитил докторскую диссертацию и с 1971 г. был научным сотрудником ВНИИ судебных экспертиз МЮ СССР, занимаясь проблемами судебной экспертизы. Умер Яков Михайлович в возрасте 86 лет в 1988 г.

В составе НТО центра в те годы работали такие известные эксперты, как А. Д. Хананин, Б. М. Комаринец, Б. И. Шевченко. 1940 г. научно-техническое отделение центра возглавил Б. М. Комаринец, получивший к этому времени широкую известность среди практических работников своими работами в области уголовной техники. По данным А. И. Миронова, в 1940 г. в составе НКВД успешно функционировало 30 НТО—НТГ, в каждом из которых (кроме Москвы и Ленинграда) было от двух до пяти экспертов. В 1941 г. таких НТО—**НТГ** стало уже 35, к концу 1944 г. — 1960, в 1945 г. — 1984 (в том числе три отдела) [63].

Сотрудники украинских и белорусского НИИ судебных экспертиз по долгу службы занимались не только экспертной, но и научно-исследовательской деятельностью. Из наиболее значимых работ, вышедших из-под их пера в эти годы, следует указать уповавшиеся руководство Н. П. Макаренко, книги Н. С. Бокариуса,

Регистрационное дактилоскопическое бюро НТО Москвы Пешком на место происшествия

первую монографию В. Ф. Червакова по судебной баллистике, многочисленные статьи А. А. Елисеева, А, Х Левина, М. С. Штейнгауза, С. Н. Матвеева, В. И. Фаворского, В. Л. Русецкого и многих других.

У сотрудников научно-технических подразделений милиции в силу широкого круга

обязанностей возможности для научной работы было значительно меньше. Тем не менее их вклад в "копилку" криминалистической литературы трудно переоценить. Это первая советская монография по дактилоскопии П. С. Семеновского, книги С. М. Потапова по судебной фотографии, руководство Н. Д. Вороновского, начальника НТО Крыма, "Уголовная техника. Практическое руководство для работников органов расследования" (М., 1931), брошюра Б. М. Комаринца "Дактилоскопическая идентификация на расстоянии" (М., 1937), его и Б. И. Шевченко фундаментальное "Руководство по осмотру места преступления" (М., 1938) и др., а также буквально бессчетные статьи С. М. Потапова по различным вопросам и техники и тактики, статьи А. А. Салькова, А. Д. Хананина, М. Д. Швайковой, А. Н. Попова и многих других.

Резюмируя вкратце результаты развития отечественной криминалистики за первые два послереволюционных десятилетия, можно констатировать, что криминалистика в нашей стране сделала значительный шаг вперед: начала формироваться отечественная научная школа криминалистов, был накоплен обширный эмпирический материал и положено начало разработке ряда частных криминалистических теорий. Криминалистика получила признание в системе высшего юридического образования. Возникли прочные — теоретические и эмпирические — предпосылки для ее дальнейшего развития на следующем этапе - этапе формирования частных криминалистических теорий.

Примечания:

[1]Криминалистика. Кн.1.Техника и тактика расследования преступлений. М, 1935; Кн.2. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1936.

[2]Потапов С.М.Судебная фотография. М., 1926. С.102

[3] Терзиев Н. В., Эйсман А. А. Введение в криминалистическое исследование документов. Ч. I. М., 1949. С. 89.

[4]Крылов И. Ф. Указ. соч. С. 165.

[5]Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1938.

[6]Голунский С. А., Шавер Б. М. Криминалистика Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939.

[7]Тарасов-Радионов П. И. Следственный эксперимент // Материалы учебной конференции следователей в Прокуратуре СССР / Под ред. Л. Я. Вышинского. М, 1937.

[8]В учебнике не указывается, кем из авторов написана та или иная глава, однако содержание гл. 1 позволяет считать её автором Б.М.Шавера.

[9]Шавер Б. М., Винберг А. И Криминалистика. Учебник для юридических школ и курсов. М., 1940 После войны вышли еще три издания учебника: в 1945-м, 1949-м и 1950 гг.

[10]Шавер Б. М. Техника и методика расследования растрат и хищений в органах связи. М., 1937; Егоров А. П., Долицкий Е. А., Шавер Б. М. Расследование дел о крушениях и авариях на ж/д транспорте. М., 1938; Санин М. Е., Шавер Б. М. Методика расследования дел об авариях флота. М., 1939; Флоренский Х. А., Шавер Б.М. Методика расследования дел о хищениях в колхозах. М., 1940 и др.

[11]Архив ГВП. Личное дело генерал-майора юстиции Б. М. Шавера.

[12]Крылов И. Ф.. Очерхи истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975. С. 169.

[13]Шавер Б.М. Указ. статья. С. 56.

[14]Юридический минимум. Вып. 3. Методика и техника расследования. М., 1937. С. 62.

[15]Здесь и далее приводятся данные из личного дела С. М. Потапова (Архив Института государства и права РАН) по статье В. В. Ануфриева "Выдающийся советский криминалист С М Потапов". Труды ВШ МВД. Вып. 34. М., 1972.

[16]Там же.

[17]Потапов С. М. Научные основы права. 1. Формула права как действительности. СПб., 1908.

[18]Материалы этих лекций легли в основу книги Р. А. Рейсса "Научная техника расследования преступлений" (СПб., 1912) и книги С Н Трегубова “Основы уголовной техники" (Петроград, 1915).

[19]Потапов С. М. Основания защиты документов // Журнал Министерства юстиции. 1916. N° 6.

[20]Миронов А. И, Возникновение и развитие криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 1979. С. 26.

[21]Там же. С. 27.

[22]Потапов С. М. Уголовный музей // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 12.

[23]См. статьи Потапова С. М.: Установление личности неопознанных трупов //Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 9; Розыск обвиняемых // Административный вестник. 1925. № 1, Система графологической регистрации // Административный вестник. 1926. № 1; Регистрационный метод раскрытия преступлений по индивидуальным признакам преступных действий. // Адми-ивный вестник. 1927. № 7 – 8; Введение словесного портрета как обязательного метода уголовно-розыскной работы // Административный вестник. 1928. № 3, Установление личности, активный и письменный розыск // Административный вестник. 1928. № 4.

[24]Потапов С. М Место судебной фотографии в уголовной технике // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 3—4.

[25]Потапов С. М. Судебная фотография. Краткое систематическое руководство для органов дознания, следствия, суда, прокуратуры, правозаступников и экспертов. М., 1926.

[26]Там же. С. 5.

[27]Потапов С. М. Основания защиты документов // Журнал Министерства юстиции. 1916 №6.

[28]Потапов С. М. Судебная фотография. М.. 1926. С. 102.

[29]Потапов С. М. Указ. соч. С. 102 – 103.

[30]Потапов С. М. Научное почерковедение // Сов. государство и право.1940. № 12. С.84.

[31]Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // Труды ВНИИСЭ. Вып 6. М., 1973. С. 54.

[32]Потапов С. М. Принципы криминалистической идентификации // Сов. государство и право. 1940. № 1.

[33]Потапов С. М. Роль методов криминалистики в доказательственном праве.// Рукопись из архива семьи Потаповых. 1943.

[34]Потапов С. М. Введение в криминалистику. М., 1946.

[35]Винберг А. И Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940.

[36]Орлова В. Ф. Указ соч. С. 57.

[37]Елисеев А. А. Преступление и экспертиза почерка // Вестник советской юстиции. Харьков, 1928. № 3; его же. Криминалистическая экспертиза подписей // Проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Харь-48; его же. Подпись как почерковое начертание // Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб.М., 1958. № 3.

[38]Крылов И.Ф. Пути развития советских криминалистических учреждений // Вопросы судебной экспертизы. Баку, 1967. № 4. С. 83.

[39]Елисеев А. А. К истории экспертных учреждений Украинской ССР // — Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1969. №5. С. 101 – 102.

[40]Шаркова Т.Ф. Профессор Н. П. Макаренко - организатор и руководитель экспертного учреждения в Одессе // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 11, Киев, 1975.

[41]Елисеев А. А. К истории экспертных учреждений Украинской ССР // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1968. Вып. 5. С. 102.

[42]Инструкция областным кабинетам научно-судебной экспертизы // Бюллетень НКЮ

УССР . 1923.. №47—48.

[43]Постановление СНК УССР от 25 апреля 1925 г. // Собр. Узак. И распор. Р.-К. Правительства Украины . Отдел 1. № 23. Ст.169.

[44]Там же. №92 – 93. Ст. 522..

[45]Шаркова Т. Ф. Работы Одесской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы за 50 лет // Кримиалистика и судебная экспертиза. Киев, 1967. №4. С. 64.

[46]Собр. и. узак. и распор. Р.-К Правительства Украины. 1929. Отдел 1. № 26. Ст. 205.

[47]Лисиченко В. К. Об экспертной и научной деятельности Киевского НИИСЭ // Материалы третьей расширенной научной конференции. Киев, 1958. С. 146.

[48]Бокариус. Н. Н. 25 лет Работы Харьковского НИИ Судебной экспертизы им. засл. проф. Н. С. Бокариуса // Проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Харьков, 1948.С.18.

[49]Шаркова Т. Ф. Указ. соч. С.66.

[50]Иванов В.П., Штейнгауз М. С. Состояние и перспективы развития судебной экспертизы в Белорусской ССР. Минск, 1983. С. 37 – 42.

[51]УПК БССР. Минск, 1932. С. 98.

[52]Маннс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Сб. трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Отд 1. Вып. 2. Иркутск, 1921. С. 162—163.

[53]Самошина З. Г. Исторический очерк развития криминалистики на юридическом факультете МГУ. М., 1982. С. 43.

[54]Винберг А. И. К истории криминалистических учреждений // Труды Военно-юридической академии. Вып. VIII. М., 1948. С. 88.

[55]Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940. С. 151.

[56]Винберг А И. К истории криминалистических учреждений. С. 88.

[57]Митричев С. П. Экспертиза как судебное доказательство // Проблемы социалистического права. Вып. 6. М., 1938. С. 79.

[58]Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза письма. С 152.

[59]Давудов Ф. Э. Из истории развития и организации судебной экспертизы в Азербайджане за 50 лет советской власти // Вопросы судебной экспертизы. Вып. б. Баку, 1968. С. 11.

[60]Миронов А. И. Возникновение и развитие криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 1979. С. 35.

[61]Крылов И. Ф. Очерки криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975. С. 137—145.

[62]Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М., 1994 С. 84.

[63]Миронов А И Указ соч. С. 59.

Глава 4. Первое послевоенное десятилетие (1945—1955 гг.)

4.1. Кое-что из автобиографии автора

Помните слова Пушкина: "В те дни, когда в садах Лицея Я безмятежно расцветал, Читал охотно Апулея, А Цицерона не читал..."?

В те дни, которыми я закончил повествование предыдущей главы, я "безмятежно расцветал" на пыльном дворе нашего дома окраинной в то время московской улицы в Марьиной Роще и охотно читал рассказы о Шерлоке Холмсе и Дюпене, патере Брауне и Пинкертоне, не имея никакого представления ни о Буринском, ни о Потапове или Якимове. Читал я и "Золотого осла" Апулея, для чего по отцовскому читательскому билету проникал в Ленинку, поскольку в других местах подобные раритеты не водились. А вот Цицерона не читал, хотя и был о нем наслышан. И было это в те годы, когда криминалистика еще не срослась с моей биографией и мне даже в самом радужном сне не могло присниться, что я смогу когда-нибудь предпочесть Апулею скрытого в тумане моего будущего Абрама Ильича Винберга.

На дворе был 1940 год, осенью я ушел в армию, девятнадцать суток трясся в теплушке на Дальний Восток, откуда в октябре 1941-го, тоже в теплушках, но уже на трое суток быстрее нашу 415-ю стрелковую дивизию привезли как раз к началу немецкого наступления на столицу. Все последующее, как не трудно догадаться, тоже не имело еще отношения к криминалистике: бои под Москвой, подо Ржевом, на Смоленщине, на Курской дуге, в Прибалтике, под Варшавой и Берлином... 9-е мая 1945 г. я встретил на Эльбе с ярко выраженным похмельным синдромом после импровизированного празднования Победы накануне,

Год с небольшим службы в оккупационных войсках в Германии, 1-е сентября 1946 года, списки зачисленных на учебу в Военно-юридическую академию Советской Армии, и я есть в этих списках... Вот тогда-то и начался мой путь в криминалистику, хотя еще добрых два года я и сам не подозревал об этом, но уже прилежно зубрил латынь и читал Цицерона,

В те годы по уровню профессорского состава едва ли какой-либо другой юридический вуз мог сравниться с Военно-юридической академией. Все "олимпийцы" юридической науки, мобилизованные в начале войны, волею армейского провидения оказались в ее стенах. Вот далеко не полный их "списочный состав": М. С. Строгович, А. К. Стальгевич, А. А. Герцензон, В. М. Меныпа-гин, В. М. Чхиквадзе, С. С. Студеникин, С. Н. Братусь, М. И. Авдеев, А. И. Винберг, Н. П. Фарберов, С. В. Юшков, А. Ф. Клейнман, И. Ф. Побежимов, Д. С. Карев, Е. А. Скрипилев и много других светлых имен.

Где-то в конце второго курса, зайдя из любопытства на заседание кружка криминалистики (а я тогда увлекался гражданским правом и даже опубликовал пару статей в сборнике научных работ слушателей академии), я в перерыв не ушел, но уже досидел до конца. Потом пришел еще раз и еще,.. Мышеловка захлопнулась.

Сейчас не помню, кто руководил нашим слушательским научным кружком, помню только, что было интересно и хотелось попробовать свои силы. У меня были некоторые познания в области полиграфии, приобретенные в армейской печати, и мне пришло в голову попытаться разработать основы неизвестной тогда экспертизы полиграфических документов. Доклад, видно, получился удачным, поскольку Абрам Ильич Винберг рекомендовал его на готовящуюся в это время Всесоюзную конференцию криминалистов. Честно говоря, не поверил глазам, когда увидел свою фамилию в программе конференции, да еще рядом с такими именами! Думаю, что сейчас, спустя без малого пятьдесят лет, читателю будет любопытно познакомиться с этой программой. Приведу самые интересные ее пункты.

15 ноября 1949 г., пленарное заседание. Доклад А. И. Винберга "Партийность в советской науке криминалистике". Содержания доклада не помню, но есть печатные тезисы, а в них, естественно, говорится, что "советские криминалисты должны беспощадно разоблачать классовую реакционную сущность буржуазной криминалистики. Нетерпимым для советских криминалистов является проявление низкопоклонства перед буржуазной криминалистикой (в стране как раз развертывалась кампания борьбы с "низкопоклонством перед Западом" и "космополитизмом". — Р. Б.), восхваление мнимых ее достижений, изложение вопросов криминалистики вне конкретных исторических условий, вне классовой борьбы, вне

политики". Далее — в том же духе. Не берусь судить, насколько все это соответствовало истинным взглядам докладчика и аудитории, но так следовало говорить и писать в то время, только так, а не иначе.

Второй день, 16 ноября, сообщения и доклады И. Н. Якимова "Следственная работа и советский следователь", кандидата юридических наук В. И. Попова "Розыск на предварительном следствии", Н. В. Терзиева "К вопросу о научных предпосылках графической идентификации", кандидата юридических наук Б. И. Шевченко "Некоторые принципы трасологии в советской криминалистике".

Третий день, 17 ноября, сообщения и доклады доцента С. П. Фортинского "Проблемы судебной бухгалтерии", доцента В. М. Никифорова "К вопросу о системе советской науки криминалистики", кандидата юридических наук А. А. Эйсмана "К вопросу о системе судебной (криминалистической) фотографии".

Четвертый день, 18 ноября, посвящен применению фотографических методов. Сообщения эксперта А. И. Манцветовой "Применение цветной фотографии в криминалистике", научного сотрудника КНИИСЭ Е. Ю. Брайчевской "Цветная фотография в ультрафиолетовых лучах", кандидата юридических наук Б. Р. Киричинс-кого (КНИИСЭ) "Фотоэлектронография при исследовании вещественных доказательств", капитана медслужбы И. И. Сафронова, нашего преподавателя, "Новый метод исследования пересекающихся штрихов".

И, наконец, пятый день, 19 ноября, сообщения старшего научного сотрудника Харьковского НИИСЭ М. В. Салтевского "О некоторых случаях использования люминесцирующих составов для прочтения залитых текстов" и - ура! - мое - "Криминалистическая экспертиза документов, исполненных типографским способом". Как выступал — не помню.

Сейчас, когда я пишу эти строки, пришла мысль посмотреть, как были связаны все эти выступления с будущими научными планами выступавших. И вот что оказалось.

Тема В. И. Попова стала темой его докторской диссертации, как и тема С. П. Фортинского; выступление А. А. Эйсмана легло в основу его будущей, написанной с Н, А. Селивановым книги "Судебная фотография" (М., 1965) и других его работ; сообщения Манцветовой, Брайчевской, Сафронова нашли свое место в их кандидатских диссертациях. Что же касается моего сообщения, то оно стало основой двух статей — в сборнике научных работ слушателей академии и сборнике материалов конференции "Вопросы советской криминалистики" (М., 1951).

В начале 1950 г. меня избрали председателем научного общества слушателей академии, я сменил на этом "высоком посту" Владимира Николаевича Кудрявцева (тогда — просто Володю), да-да, того самого, который нынче действительно на высоком посту вице-президента Российской академии наук. Будущее представлялось ясным: диплом, а затем — адъюнктура. Но человек располагает...

Весна 1951-го. Я окончил академию с учрежденной в том же году золотой медалью. Нас, медалистов, в выпуске оказалось двое — я и А. С. Кобликов, будущий профессор Военного университета. Его-то зачислили в адъюнктуру, а меня... Меня пригласил к себе начальник академии Виктор Михайлович Чхиквадзе. Извиняющимся тоном он сказал: "Сам понимаешь, не могу я зачислить тебя в адъюнктуру по известным причинам... Единственное, что могу сделать, — зачислить тебя в заочную адъюнктуру без экзаменов". По каким причинам — догадаться было не трудно: кровь-то у меня того же сорта, что и у "безродных космополитов". А вот в адъюнктуру, пусть заочную, без экзаменов даже медалиста зачислять он не имел права. Но — зачислил. В тот момент, признаюсь, никакой благодарности к нему за это беззаконие я не испытывал, уж больно тяжел был удар, смешавший все мои жизненные планы, а вот потом через всю последующую жизнь я пронес это чувство признательности к нему за то, что он вовсе не обязан был делать, да и не имел на это права, но — сделал.

На меня были заявки из московских органов военной юстиции, но, видимо, я не только для адъюнктуры, но и вообще для Москвы был нежелательной персоной: я получил направление на самую низшую в нашей иерархии должность — военного следователя Военной прокуратуры армии Бакинского округа ПВО. В тот момент все происшедшее воспринималось как трагедия, и только потом я возблагодарил за случившееся судьбу: не

испытав на своей шкуре все радости и тяготы следственной работы, не поработав с "живыми" уголовными делами, никогда не стал бы криминалистом.

Итак, я — следователь и адъюнкт-заочник. А жизнь трудная: части армии разбросаны по пяти республикам — все Закавказье, Туркмения до Ашхабада, Россия до Астрахани, бесконечные командировки дней по 15—20 ежемесячно, да ведь еще и семья, дочка маленькая. Но, как известно, нет таких крепостей... За два с половиной года я сдал все кандидатские экзамены, и написал диссертацию, и представил ее в совет академии. С работой тоже, видимо, было все в порядке: стал старшим военным следователем, а потом и помощником военного прокурора армии по руководству следствием и дознанием.

Весной 1954 г. я стоял с диссертацией в руках около дверей в зал совета и ждал своей очереди: первым защищал диссертацию мой однокашник и друг Николай Алексеевич Стручков, моя очередь была второй. И тут моя диссертация буквально рассыпается в руках — страшная примета! Бегом в академическую типографию, где ее сшивают на живую нитку (переплетал ее будучи в очередной командировке в Кировабаде, Гяндже по-нынешнему), бегом обратно, успел!

Защиты совершенно не помню. Пришел в себя в кабинете ресторана "Арагви", что на Пушкинской площади, позади Долгорукого. За столом мой руководитель А. И. Винберг, оппоненты — Михаил Иванович Авдеев и Борис Максимович Комаринец, Иван Иванович Сафронов и еще кто-то с кафедры.

И еще два года работы в Баку, бесплодные попытки перейти на научную или преподавательскую работу. Летом 1955 г., когда был в отпуске в Москве, приятель познакомил меня с начальником Высшей школы МВД Аркадием Павловичем Логвиным. Школа испытывала острую нужду в кадрах: в 1952 г. она получила статус вуза, в 1955 г. состоялся первый выпуск.

Поговорили, рассказал о себе; Аркадий Павлович посетовал, что перевод из армии в МВД почти невозможен, и заключил: "Вы увольняйтесь и сразу приходите к нам, возьмем". Историю с моим увольнением из армии описывать не буду, достаточно сказать, что на два моих рапорта я получил отказы и только с третьей попытки я попал в приказ на увольнение. Самым комичным в этой драматической истории было то, что в это время армию сокращали более чем на миллион человек, рапорта мои, не читая их, видимо, посчитали просьбами оставить в армии и отреагировали соответственно. 14 ноября я был уволен, а 1 декабря зачислен в штат Высшей школы МВД. Но от кафедры криминалистики меня еще отделяло более полугода.

4.2. Наступая по всему фронту

Первое послевоенное десятилетие ознаменовалось заметными успехами в области формирования частных криминалистических теорий. Этому в решающей степени способствовали важные организационные мероприятия, принятые на правительственном уровне в целях активизации борьбы с преступностью. В 1944 г. создается Центральная криминалистическая лаборатория МЮ СССР, которая в 1946 г. была включена в структуру Всесоюзного института юридических наук МЮ на правах самостоятельного сектора. Лабораторию возглавил известный уже в то время ученый профессор Николай Владимирович Терзиев.

В декабре 1945 г. в составе НТО Главного управления милиции был образован Научно-исследовательский институт криминалистики, начальником которого стал Борис Максимович Комаринец. В 1950 г. после ликвидации НТО ГУМ институт был непосредственно подчинен Главному управлению милиции МВД СССР.

Наконец, в 1949 г. решением правительства был образован Всесоюзный НИИ криминалистики Прокуратуры СССР. До назначения директором института Степана Петровича Митричева в 1950 г. обязанности директора исполнял утвержденный его заместителем Петр Игнатьевич Тарасов-Родионов.

Сферы деятельности этих научных и методических центров сложились, можно сказать, стихийно. ЦКЛ возглавила научную и методическую работу в области криминалистической экспертизы, ее сотрудники занимались и практической экспертной деятельностью. В последующие годы в лаборатории работали такие специалисты, как А.И. Винберг, Б.И.

Шевченко, Б.Л. Зотов, А, А. Эйсман, здесь начинали вою научную деятельность В. Ф. Орлова, А.И. Манцветова, Н. П. Яблоков, В. С. Митричев.

НИИ криминалистики ГУМ стал центром решения проблем технико-криминалистического обеспечения деятельности оперативных аппаратов милиции, проводились его сотрудниками и наиболее сложные и повторные экспертизы. В 1950 г. после ликвидации НТО ГУМ институт возглавил всю систему научно-технических подразделений милиции, для руководства которыми в нем был образован методический отдел. В разное время здесь работали такие профессионалы, как А. П. Моисеев, Е. Ф. Толмачев, М. В. Кисин, Е. И. Зуев, А. Д. Хананин, Г, И. Рыбников, А. И. Пуртов, В. Д, Зуев, В.А. Андрианова, А. Н. Вакуловский, А. И. Миронов, В. А. Снетков и др., многие из которых впоследствии стали известными учеными и педагогами.

В своей исследовательской деятельности НИИ криминалистики ГУМ опирался на многочисленных энтузиастов криминалистики в периферийных научно-технических подразделениях милиции. Одним из таких подвижников был широко известный в научных и экспертных кругах начальник НТО УМ Москвы Леонид Петрович Рассказов.

Леонид Петрович прожил большую, сложную жизнь. Он родился в 1899 году в семье железнодорожника, окончил реальное училище и в 1919 г. поступил в Институт путей сообщения, проучился там три года ив 1921 г. был "мобилизован" на работу в научно-технический подотдел Центророзыска НКВД РСФСР. Здесь под руководством П. С. Семеновского и С. М. Потапова изучал средства и методы уголовной регистрации, участвовал в создании первого криминалистического музея. В 1923—1924 гг. Рассказова направляют в Крым и Азербайджан для постановки дела уголовной регистрации. По возвращении он пять лет на оперативной работе в московской милиции. В 1928 г. он среди первых выпускников курсов по подготовке научно-технических экспертов при Центророзыске.

Два последующих года Рассказов провел в Костроме в должности заведующего кабинетом экспертизы уголовного розыска. В 1931 г. он возвращается в Москву, занимается организацией кабинета экспертизы и созданием нового криминалистического музея МУРа. Он — первый заведующий этим кабинетом, а с 1941 г. — начальник первого в милиции научно-технического отдела, который был реорганизован из отделения. В 1941—1944 гг. Рассказов возглавлял Московский уголовный розыск, руководя одновременно и НТО. С 1944 г. он вновь начальник НТО УМ Москвы и на этой должности остается до отставки по возрасту в 1952 г.

Л. П. Рассказов стремился укрепить связи НТО с учеными-криминалистами. При нем в качестве консультантов НТО выступали Н. В. Терзиев, А. А. Эйсман, Ю. М. Кубицкий и другие ученые.

Рассказов остался в нашей памяти как неутомимый изобретатель и рационализатор, приложивший немало сил к совершенствованию технической базы МВД, как историк милиции, чьи публикации позволили вернуть из небытия многих милиционеров — героев революции и гражданской войны.

Он избирался членом правления Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов, его Московского отделения, с 1962 г. руководил научно-технической секцией совета ветеранов милиции, с 1972 г. — криминалистическим сектором Центрального музея МВД. Много лет активно сотрудничал с кафедрой криминалистики Высшей школы МВД. С начала 30-х гг. преподавал криминалистику в Московской средней специальной школе милиции, в Центральной высшей школе милиции, на отделении подготовки экспертов-криминалистов. Скончался он в 1988 г., немного не дожив до своего девяностолетия.

Одним из наиболее перспективных сотрудников НИИМ был Евгений Иванович Зуев. Он пришел в институт в мае 1953 г. с оперативной работы в УБХСС ГУМ, куда был направлен после окончания в 1952 г. Московского юридического института. Работал сначала лаборантом, а в 1955 г. стал младшим научным сотрудником и поступил в заочную аспирантуру в ВЮЗИ к профессору Н. В. Терзиеву. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию "Использование следов ног и обуви в оперативной и следственной практике"; в 1966 г. был утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника. Его работа в институте была весьма плодотворной. Помимо исследования следов ног и обуви (в этой области трасологии он стал признанным авторитетом) Евгений Иванович занимался и

другими проблемами трасологии а также вопросами организации деятельности криминалистических подразделений органов внутренних дел. В 1972 г. вместе с коллегами он подготовил брошюру "Программирование действий участников оперативной группы на месте происшествия" - первый опыт программирования при расследовании преступлений.

С П Митричев Н В Терзиев

В 1981 г. Евгений Иванович защищает докторскую диссертацию и переходит на работу в Академию МВД. На кафедре организации расследования преступлений он возглавляет криминалистическое направление, публикует ряд статей по общим вопросам криминалистики. Скоропостижная смерть в 1988 г. унесла его в расцвете творческих сил, не дав осуществить многие интересные замыслы.

ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР с самого начала был нацелен на оказание научной и методической помощи следственным работникам, поэтому основным направлением его деятельности была разработка проблем криминалистической тактики и методики расследование отдельных видов преступлений. Существовавший в институте отдел криминалистической техники занимался вопросами технического обеспечения следователей (следственный чемодан, передвижная криминалистическая лаборатория, оснащение прокурора-криминалиста и т. п.). В первые же годы в институте сложился великолепный коллектив молодых ученых, в прошлом преимущественно следственных работников, а в будущем видных деятелей криминалистической науки. Это были А. Р, Ратинов, Н. А. Селиванов, Г. И. Кочаров, С. С. Степичев, Л. М. Карнеева, В. В. Братковская, Н. П. Косоплечее, Г. М. Миньковский, В. Г. Танасевич, М. С. Брайнин, Л. А. Соя-Серко, Н. А. Якубович и др. Свой вклад в развитие института внес и известный ученый-юрист член-корреспондент АН С. А. Голунский, недолго руководивший институтом в середине 50-х гг.

Е Ф Толмачев А Д Хананин А П Моисеев Г И Рыбников

С М Потапов и А И Винберг в Центральной криминалистической лаборатории ВИЮН (конец 1940-х гг)

О большинстве из них речь впереди, здесь же вкратце расскажу о двух "стариках", заметно отличавшихся возрастом от институтской молодежи.

В 1951 г. на работу во ВНИИК пришел в качестве старшего научного сотрудника (потом он стал заведующим сектором) Валериан Григорьевич Танасевич. Ему было 43 года,

за плечами у него был уже двадцатилетний с лишним стаж следственной и прокурорской работы, фронт "от звонка до звонка". Пришел он в институт с должности начальника следственного отдела Прокуратуры Москвы, это его питомцы составили костяк института при его создании.

Танасевич был известен в следственных кругах как мастер расследования сложных хозяйственных дел. Его кандидатская диссертация "Теория и практика проведения ревизии и бухгалтерской экспертизы при расследовании хищений государственного и общественного имущества", защищенная в 1958 г., была результатом обобщения огромного личного опыта, а написанная по материалам диссертации книжка с аналогичным названием стала практическим руководством для следователей, специализирующихся на расследовании таких дел.

А И Пуртов А Н Вакуловгкий А. И Миронов Л. П. Рассказов

Проблемы борьбы с хищениями стали главным направлением научной деятельности Валериана Григорьевича. В 1967 г. он защищает докторскую диссертацию "Проблемы борьбы с хищениями государственного и общественного имущества" — работу на стыке криминалистики и криминологии. В 1968 г. ему присваивают звание профессора и он удостаивается почетного звания заслуженного юриста РСФСР. Все чаще дает о себе знать возраст, и в 1980 г. он переходит на должность профессора-консультанта. В 1988 г. Валериан Григорьевич скончался.

Другой ветеран ВНИИК — Михаил Семенович Брайнин — был на два года моложе Танасевича, он родился в 1910 г. Детдомовец Работал учеником токаря, токарем на заводах Смоленска и Ленинграда В конце 1930 г. после окончания краткосрочных курсов "Профтысячи" по подготовке рабочих в вузы его направляют в Московский институт административного строительства, реорганизованный в 1931 г. в Центральную высшую школу милиции ГУРКМ НКВД. Учился Брайнин на отделении научно-технических экспертов и по его окончании был направлен на работу в органы милиции Казахстана, в Алма-Ату. Здесь до 1937 г. он работал экспертом НТО.

В 1937 г. переводится на работу в Москву, в войну и до марта 1946 г. служил на различных должностях в военных трибуналах, окончил ВЮЗИ. С 1946 по 1949 г. был на судебной работе, учился в аспирантуре ВИГОН. В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию "Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе".
С 1953 по 1965 г. Михаил Семенович — старший научный сотрудник НИИ прокуратуры. Здесь он издает свои основные работы по частным криминалистическим
методикам: "Расследование дел о пожарах" (1956 г.), "Расследование преступных нарушений правил техники безопасности" (1961 г.), "Расследование преступлений, связанных с пережитками местных обычаев" (в соавт.,1962г.), другие работы по проблемам расследования хищений В 1965 г, у Михаила Семеновича возник конфликт с руководством института, он принимает приглашение ректората Туркменского университета и уезжает в Ашхабад доцентом кафедры правоведения. Там он работает над докторской диссертацией "Борьба с преступлениями в области охраны безопасности условий труда в СССР", которую защищает в ноябре 1967 г. в Москве.

В июле 1969 г. Брайнин возвращается в Москву и в феврале 1970 г. поступает на работу старшим научным сотрудником во ВНИИ судебных экспертиз, где и трудится до ухода на пенсию. Последние годы жизни Михаил Семенович болел. Скончался он в 1997 г. восьмидесяти семи лет от роду

Значительную лепту в развитие криминалистики стали вносить и вузовские криминалисты.

13 сентября 1950 г. по приказу министра высшего образования СССР была создана

кафедра криминалистики юридического факультета МГУ. Ее возглавил И. Н. Якимов. Еще раньше, в сентябре 1948 г., аналогичная кафедра была создана в Московском юридическом институте. Руководил ею до декабря 1951 г. П И. Тарасов-Родионов, а затем до июня 1954 г. — В. Я. Колдин. В июле 1954 г. юридический факультет МГУ был объединен с МЮИ, соответственно были объединены и одноименные кафедры. Заведующим кафедрой криминалистики стал С. А. Голунский, а с 1960 г. — А. Н. Васильев

В 1939 г. на базе военно-юридического факультета Всесоюзной правовой академии была создана Военно-юридическая академия Красной Армии. В ее составе была кафедра судебного права, начальником которой в 1940 г. стал полковник юстиции С. А. Голунский. На кафедре читались курсы уголовного процесса, криминалистики, судебной медицины и судебной психиатрии. С октября 1941 по конец 1943 г. академия находилась в эвакуации в Ашхабаде. В 1944 г из кафедры судебного права выделилась кафедра криминалистики и судебной медицины, начальником которой стал М. И. Авдеев Но читаемый на кафедре курс криминалистики состоял только из двух разделов -техники и тактики, методика расследования отдельных видов преступлений оставалась на кафедре судебного права, которой после Голунского заведовал М.С.Строгович.

С А Голунский В. Г. Танасевич М С Браинин Н П. Косоплечев

В Харьковском юридическом институте самостоятельная кафедра криминалистики была создана в 1952 г. Заведующим кафедрой стал по совместительству директор Харьковского НИИ судебных экспертиз В. П. Колмаков, а с 1957 г. заведующим стал А. Н Колесниченко.

В Киевском университете с 1947 г. существовала кафедра уголовного права и криминалистики, руководителем которой был С. И. Тихенко, а после его смерти в 1971 г. кафедрой руководил В.К. Лисиченко.

В Саратовском юридическом институте кафедра криминалистики была создана в 1958 г., возглавил ее И. Г. Маландин, а затем до своей кончины в 1973 г. Д. П. Рассейкин. Аналогичная кафедра в Свердловском юридическом институте создается в 1954 г., до 1962 г. ею заведует Д. Я. Мирский, а последние 30 лет, до 1996 г., — И. Ф. Герасимов.

В Ленинградском университете криминалистика традиционно "сосуществует" с уголовным процессом на общей кафедре, которой много лет заведовал Н. С. Алексеев, а преподаванием криминалистики руководил И. Ф. Крылов

Создание всесоюзных криминалистических исследовательских и экспертных центров, самостоятельных вузовских кафедр криминалистики существенно повлияло на развертывание научных исследований во всех областях криминалистической науки. Этому также способствовали усилия по консолидации деятельности криминалистов-ученых и практиков-экспертов.

Вопрос о создании научного общества криминалистов и судебных медиков возникал еще в 1926 г. В 20-х гг. в некоторых городах (Москве, Ленинграде, Харькове, Ростове-на-Дону) даже существовали небольшие научные общества судебных медиков и криминалистов, но архивы их не сохранились. Идея создания такого общества возродилась после войны, и 15 августа 1946 г. в Одессе состоялось торжественное открытие 1-го Всесоюзного съезда судебно-медицинских экспертов и одновременно учредительной сессии по организации научного общества судебных медиков и криминалистов. Председательствовал старейший судебный медик, заслуженный деятель науки России, профессор М. И. Райский. В президиум съезда избрали ряд криминалистов: А. И Винберга, Л. П. Рассказова, Е. У. Зицера, Б. И. Шевченко, Б. М. Комаринца.

По проблемам криминалистики были прочитаны доклады Ю. М. Кубицким "О степени

доказательной достоверности идентификации по использованным боеприпасам", Б. Р. Киричинским "О применении рентгеновских лучей при исследовании вещественных доказательств", А. И. Винбергом "О фототелеграфии и звукозаписи в криминалистике" и др.

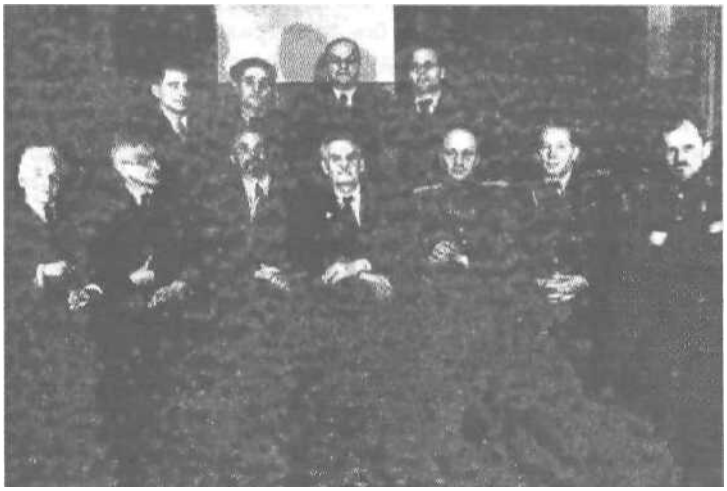
Учредительная сессия приняла решение о создании Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Был утвержден устав общества и избрано правление во главе с председателем — известным судебным медиком профессором В И. Прозоровским и его заместителем С. М. Потаповым. В состав правления вошли криминалисты Винберг, Комаринец, Рассказов, Зицер и Шевченко.

Согласно уставу общество ставило перед собой научные, практические и просветительские цели, в том числе и научную разработку теоретических и практических вопросов судебной медицины, судебной химии и криминалистики, оказание научно-методической помощи органам здравоохранения, юстиции и дознания, внедрение в их практику новейших достижений науки, содействие в повышении квалификации и подготовке специалистов в области судебной экспертизы и следствия[1].

В 1952 г. общество было реорганизовано: медики отделились от криминалистов, и общество стало называться Всесоюзным научным обществом судебных медиков. Однако не все периферийные организации согласились с таким решением. Так, например, сессия общества Украины приняла решение о сохранении прежнего статуса общества, которое плодотворно работало много лет[2].

Укреплению научных связей между криминалистами, координации их исследований способствовали проводимые довольно часто различного уровня научные и научно-практические конференции. Первые два научных совещания по криминалистике состоялись при Всесоюзном институте юридических наук (ВИЮН} еще до войны, три были проведены Московским юридическим институтом в 1944—1946 гг. Наконец, в июле 1946 г. в связи с двадцатилетием ВИЮН было проведено шестое, на котором также обсуждались и вопросы криминалистики. Седьмое научное совещание по криминалистике, созванное ВИЮН, состоялось 1—5 июля 1947 г. в Москве.

В П Колмаков И. Г Маландин В К. Лисиченко



Профессора юридического факультета МГУ
1 ряд (слева направо} Б И Громов, Н Н Полянский, М Н Гернет, М В Кожевников (зав кафедрой уголовного процесса, декан),М С Строгович, А Н Васильев, П Н Галанза, 2 ряд — Б И Шевченко, 3-й слева — И Н Якимов

Первым на совещании с докладом "Физико-технические методы исследования в криминалистике" выступил Н. В. Терзиев. Приведя примеры использования в

криминалистике и судебной экспертизе физических и физико-химических методов, он заявил, что "в свете этих фактов представляется вполне своевременным поставить вопрос о создании судебной физики, подобно тому как развитие химических методов исследования привело к выделению специальной прикладной дисциплины — судебной химии„[3]. Доклад он завершил рядом организационных предложении: о создании в союзных республиках институтов судебной экспертизы, подобных украинским, об организации в Москве Центрального криминалистического научно-исследовательского института союзного значения, о надлежащем планировании научно-исследовательской работы всех криминалистических учреждений и расширении подготовки кадров специалистов по всем отраслям криминалистики путем аспирантуры[4].

Принципиальное значение для криминалистики и особенно для криминалистической экспертизы имел доклад А. И. Винберга "Логика в криминалистической экспертизе". В первой части доклада рассматриваются законы логического мышления и их практические приложения к процессу экспертного исследования. Особенно подробно докладчик останавливается на законе тождества, связывая его рассмотрение с предложенными С. М. Потаповым принципами криминалистической идентификации. Во второй части доклада идет речь об умозаключениях в работе эксперта, о вероятности и достоверности его выводов[5] . Это было одно из первых исследований подобного уровня важнейших методологических проблем криминалистики.

Криминалисты — участники Всесоюзной Одесской конференции 1946 г. справа налево — А. И Винберг, С М. Потапов, Б И Шевченко, Л П Рассказов, Б. М Комаривец, Е У Зицер

С докладами по частным вопросам криминалистики и судебной экспертизы выступили Е.У. Зицер, Ю.М. Кубицкий, Н.М, Зюскин, В.П. Колмаков, М.Г. Богатырев и др.

Следующее масштабное совещание проходило в ноябре 1949 г., но о нем я уже писал в начале этой главы. Практика подобных совещаний несомненно способствовала установлению творческих контактов как между отдельными учеными и экспертами, так и между их коллективами.

Однако при всем положительном значении таких совещаний и конференций на них, выражаясь современным языком, наука не "делалась", а лишь осуществлялась ее презентация, демонстрация имеющихся результатов. Само же научное творчество олицетворялось публикациями различного уровня и масштабности. Наиболее значительными криминалистическими работами этого периода, по моему мнению, были "Введение в

криминалистику" С. М. Потапова, "Научные основы современной трасеологии" Б. И. Шевченко, "Основные принципы советской криминалистической экспертизы" А. И. Винберга, "Введение в криминалистическое исследование документов", часть 1, Н. В. Терзиева, "Предмет, метод и система советской криминалистики" С. П. Митричева. Именно эти работы легли в основу ряда формирующихся частных криминалистических теорий и в фундамент будущей общей теории криминалистики.

В предыдущей главе мы упомянули статью С. М. Потапова "Принципы криминалистической идентификации". Она представляла собой набросок будущей теории криминалистической идентификации, которую в полном, с его точки зрения, виде он изложил в брошюре "Введение в криминалистику".

Термин "идентификация"(отождествление),употреблявшийся еще Бертильоном[6], встречается уже в первых работах отечественных криминалистов. И. Н. Якимов в работах 1924—1925гг, пишет об идентификации преступников, охотнее, правда, пользуясь термином "опознавание". Но Якимов в своих работах ограничивался лишь сугубо практическими рекомендациями по процедуре "опознавания" и не формулировал никаких теоретических положений. Е. У. Зицер считал идентификацию одной из целей техники расследования преступлений[7]. Проблемы идентификации живо интересовали Е. У. Зицера, поскольку ее практических приложений он касался во многих своих работах[8]. Пожалуй, здесь уместно сделать отступление от повествования о теории идентификации и хотя бы коротко рассказать читателю об одном из видных представителей плеяды пионеров отечественной криминалистики — Е. У. Зицере, тем более что в дальнейшем, увы, о нем говорить не придется—в 1955 г. в расцвете творческих сил он скончался.

Емельян Ушерович Зицер родился в 1905 г. в Вене, где отец его учился на медицинском факультете и откуда семья вернулась в Россию в 1906 г. С 15 лет он сотрудничает в губернских газетах Царицына, а в 1925 г. поступает на правовое отделение факультета права и хозяйства Саратовского университета, которое окончил в 1929 г. Учебу в университете он совмещает с работой в саратовском уголовном розыске — сотрудником регистрационно-дактилоскопического отделения, а с 1928 по 1931 г. — начальником научно-технического отделения. Работая в НТО, занимался и преподавательской деятельностью в качестве ассистента, а затем доцента Саратовского университета. В 1931 г. он переводится в Москву преподавателем криминалистики Центральной школы милиции НКВД. По причинам, о которых теперь можно только гадать, в школе он проработал недолго, увольняется из милиции, некоторое время работает в Кабинете по изучению преступности, а в 1934 г. возвращается на преподавательскую работу доцентом кафедры судебного права Московского юридического института. Здесь он организует одну из первых вузовских криминалистических лабораторий, позднее ставшую фактически экспертным учреждением. Он руководит ее работой, сам выполняет сложные экспертизы для органов прокуратуры, МВД, МГБ. Его привлекают вопросы истории криминалистики, небезопасная тема для конца 30-х годов! Готовит большой исторический раздел введения в учебник 1938 г. и в том же году защищает кандидатскую диссертацию "Возникновение и основные этапы развития буржуазной криминалистики". Сама диссертация не сохранилась, известно лишь ее оглавление: гл. 1 — Предмет, система и метод криминалистики; гл. 2 — Причины возникновения криминалистики; гл. 3 — Уголовная регистрация, гл. 4 — Исследование документов; гл. 5 — Учение о следах; гл. 6 — Допрос; гл. 7 — Признаки деградации и разложения буржуазной криминалистики; гл. 8 — Криминалистика советская, криминалистика буржуазная. Надо полагать, что последние главы отразили должный "классовый" подход к загнивающей буржуазной науке и прикрыли от критики остальное содержание диссертации, видимо, весьма интересное, о чем можно судить по его очерку в учебнике.

Он принимает самое активное участие в подготовке "Настольной книги следователя", изданной в 1949 г. Им написаны разделы учения о следах и экспертизы этих следов.

С 1950 г. Зицер руководил криминалистической лабораторией ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. Незадолго до смерти он представил к защите докторскую диссертацию "Судебно-графическая экспертиза", но защитить ее не успел. Научное наследие Е У. Зицера, может быть, и не столь велико, но он был первым, кто пытался научно обосновать

определение предмета криминалистики и ее систему, показать связь отечественной криминалистики с зарубежным научным наследием. Его имя по праву не должно быть забыто в истории отечественной криминалистики.

Но вернемся к теории идентификации. И Якимов, а следом за ним Н, П. Макаренко, Б. М. Комаринец, Б. И. Шевченко и др. в работах 20—30-х годов описывали приемы и стадии идентификации различных объектов. Но это был чисто эмпирический путь решения проблемы, центральной для криминалистики с первых дней ее существования как науки. И именно благодаря успехам, достигнутым на этом пути, обилию накопленного эмпирического материала, наблюдений и практических выводов из повседневно осуществляемых процедур отождествления стало возможным возникновение теории идентификации.

Концепция С. М. Потапова в том виде, в котором она была представлена в статье 1940 г. и брошюре "Введение в криминалистику", заключалась в следующем.

1.Главную задачу и основную цель всех методов криминалистики составляет получение судебного доказательства тождества в результате исследования, называемого идентификацией. Термин "идентификация" по своему содержанию шире термина "отождествление". Последний обычно означает уже установленное тождество, "идентичность", тогда как первый — определенный процесс исследования, который может привести к выводу как о наличии, так и об отсутствии тождества.

2.Метод идентификации является способом точного узнавания предметов и явлений; он объединяет в систему частные криминалистические методы и в различных видах и формах его применения представляет собой саму методологию криминалистического исследования.

3.Основанием метода идентификации служит возможность мысленного отделения признаков от вещей и изучения их как самостоятельного материала. Идентификации могут подлежать все возможные материальные предметы и явления, их роды и виды, количества и качества, участки пространства и моменты времени,
человеческая личность в целом, ее отдельные признаки, физические свойства, умственные способности, внешние действия человека и его психические акты.

Сотрудники криминалистической лаборатории Московского юридического института (1949). В первом ряду слева — Е. У Зицер, во втором ряду слева — Д. Я. Мирский

Е. У. Зицер

4.С точки зрения субъекта и способов идентификации в практике встречаются объекты троякого рода:

а)объекты, по отношению к которым вопрос о тождестве или отсутствии тождества решается непосредственно следователем или судом;

б)объекты, по отношению к которым тот же вопрос решается при помощи каких-либо систем регистрации;

в)объекты, по отношению к которым решение того же вопроса достигается экспертным путем.

5.Принципами идентификации являются:

а)строгое разделение объектов, участвующих в процессе идентификации, на идентифицируемые и идентифицирующие;

б)разделение объектов идентификации на изменяемые и относительно неизменяемые;

в)применение наиболее глубокого и детального, объединенного с синтезом анализа объектов идентификации;

г)исследование каждого признака, сравниваемого в движении, т. е. установление зависимости наблюдаемого состояния данного свойства от предшествующих и сопутствующих условий.

6.Существуют четыре формы применения единого метода криминалистической идентификации: приметоописательная (сигналетическая), аналитическая, экспериментальная, гипотетическая[9].

С серьезной критикой концепции С. М. Потапова выступил Н, В. Терзиев. Отметив заслуги С. М. Потапова, он выразил свое несогласие с его трактовкой понятия идентификации, согласно которой "рамки идентификации раздвигаются так далеко, что понятие идентификации охватывает все познавательные акты. Получается, что всякое суждение, всякое исследование представляет собой идентификацию. Это построение представляется нам искусственным и ненужным. Понятие идентификации теряет присущий ему ясный смысл и становится весьма расплывчатым"[10].

Н. В. Терзиев отверг утверждение Потапова о том, что идентификация является специальным методом криминалистики, поскольку она является не методом, а задачей исследования. Оспорив некоторые положения концепции Потапова, Терзиев в то же время дополнил ее характеристикой значения групповой (родовой и видовой) идентификации, указанием на варианты наличия идентифицируемого объекта при осуществлении акта идентификации, дал определение образцов для сравнения и описал предъявляемые к ним требования, обосновал наличие идентификации трех родов: по мысленному образу, по описанию или изображению, по следам или иным общественным проявлениям, отображающим свойства идентифицируемого объекта[11].

А. И. Винберг в своей докторской диссертации и изданной по ее материалам монографии "Основные принципы советской криминалистической экспертизы"[12] дополнил концепцию Потапова описанием стадий процесса идентификации в криминалистической экспертизе, дал детальную характеристику видов криминалистической идентификации и подчеркнул, что "неподвижного тождества не существует, в свойствах объектов происходят изменения, которые путем анализа могут быть обнаружены и затем исследованы с точки зрения закономерности их образования и развития при помощи наблюдения и эксперимента"[13].

Эти работы С. М. Потапова, Н. В. Терзиева и А. И. Винберга и положили начало формированию такой частной криминалистической теории, как теория криминалистической идентификации.

Но значение названной монографии А. И. Винберга не ограничивается сказанным. Ее положения легли в основу другой частной криминалистической теории — учения о криминалистической экспертизе.

В этой книге А. И. Винберг детально исследовал основания выводов эксперта-криминалиста, рассмотрел содержание стадий экспертного исследования — экспертного осмотра, экспертного эксперимента, аналитического и сравнительного исследования объектов экспертизы. Специальные главы посвящены заключению эксперта и процессуальным вопросам криминалистической экспертизы, в том числе оценке заключения эксперта следователем и судом. Вырисовывалась стройная концепция не только криминалистической, но и экспертизы вообще.

Столь же важное значение для формирования еще одной частной теории — криминалистического учения о следах — имела работа Б. И. Шевченко "Научные основы

современной трасеологии."[14]

В теоретическом плане работа Б. И. Шевченко представляет собой практическое приложение теории идентификации к учению о следах в криминалистике. При разработке научных основ трасологии, которую он тогда именовал трасеологией, Шевченко исходил из понимания следа как отображения внешнего строения объекта. Положения, которые он сформулировал, вкратце сводились к следующему.

1. В следообразовании участвуют два объекта: образующий, т. е. вызывающий свое отображение на другом, и воспринимающий, т. е. получающий отображение.

2. В следе отображается только часть поверхности образующего объекта, которая вошла в соприкосновение, а при расположении объекта на расстоянии — была обращена к воспринимающему объекту. Эту часть поверхности образующего объекта и противостоящую ей поверхность воспринимающего объекта автор предложил называть контактными поверхностями.

3. Изменения на воспринимающем объекте могут возникать в пределах его контактной поверхности и за ее пределами. Следы, образующиеся в первом случае, Шевченко назвал следами локального воздействия, во втором — следами периферического воздействия.

4. Шевченко ввел понятие следового контакта — статического и динамического. Как разновидность статического контакта он рассматривал контакт качения.

5. Следовой контакт приводит к изменениям воспринимающего объекта двух видов — объемному и поверхностному[15].

С учетом всех указанных факторов, влияющих на механизм следообразования, Б. И. Шевченко и построил классификацию следов, уделив особое внимание следам локального механического воздействия, с которыми чаще всего сталкивается практика. Объемные следы такого воздействия он разделил на оттиски (статические и динамические; последние — на одиночные, линейные и плоскостные; особо выделены следы качения), разрезы и пробоины. Поверхностные следы локального механического воздействия также подразделялись на статические и динамические, а обе эти группы — на отпечатки (наслоения) и отслоения[16].

Сформулированные Б. И. Шевченко положения не только легли в основу трасологии как научной теории и оказали решающее влияние на ее развитие, но и дали толчок к формированию аналогичных положений в области судебной баллистики, о чем речь будет идти далее.

Еще одной, "судьбоносной" для криминалистики этого периода, книгой стала монография Н. В. Терзиеза "Введение в криминалистическое исследование документов"[17].

Книга Терзиева состоит из четырех глав. В первой главе речь идет о предмете и системе криминалистического исследования документов. Это основная теоретическая часть работы. Автор определяет документ в "криминалистическом смысле" как письменное вещественное доказательство. На первый взгляд, это определение противоречиво: в нем как будто объединены два вида доказательств — вещественные и письменные документы. Однако это противоречие мнимое, поскольку автор разъясняет, что в криминалистике под документом понимается лишь такой письменный акт, который является вещественным доказательством. В то же время понятие "документ" в криминалистике обозначает отнюдь не только рукописные акты: это и машинописные акты, и акты, исполненные полиграфическими способами, причем материалом документа могут служить наряду с бумагой картон, дерево, ткань и т. п.

Терзиев выделил шесть основных задач криминалистического исследования документов: восстановление поврежденных документов и выявление записей в них; определение способа нанесения письменных знаков и установление материалов и орудий, применявшихся при составлении документа; прочтение тайнописи; определение возраста документов и записей в них; установление наличия и способа подделки; графическая идентификация, т. е. установление лица, выполнившего документ, по признакам письма. Решение первых пяти задач составляет содержание такого раздела исследования документов, который Терзиев назвал технической экспертизой документов. Впоследствии этот термин был уточнен и вошел в научный и экспертный обиход как технико-криминалистическое исследование документов.

Вторая и третья главы книги содержат обширный материал по истории исследования документов, анализируются существовавшие в почерковедении школы. В четвертой главе даются рекомендации по осмотру документов различными участниками процесса. Книга Терзиева в известном смысле дополняла монографию А. И. Винберга "Криминалистическая экспертиза письма", вместе они и статья С. М. Потапова "Судебное почерковедение" составили научные основы исследования документов как раздела криминалистической техники.

В области общетеоретических проблем криминалистики заслуживает быть отмеченным довоенный цикл статей С.П.Митричева [18] и работы первых послевоенных лет[19] . В концентрированном виде он выразил свои взгляды в брошюре "Предмет, метод и система советской криминалистики" (М., 1956). Они заключались в следующем.

1.Советская криминалистика является специальной юридической дисциплиной о технических средствах, тактических приемах и методах, применяемых для выполнения предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий судебных и следствен- ных органов по обнаружению, собиранию, фиксации и исследованию доказательств в целях расследования преступлений.

2.Советская криминалистика коренным образом отличается от криминалистики буржуазной, использующей достижения науки зачастую для фальсификации доказательств, особенно в политических процессах.

3.Советская криминалистика исходит из того, что применять при расследовании можно только такие средства и методы, которые разрешены законом и не нарушают гарантированных Конституцией прав граждан.

4.Представление о советской криминалистике как о технической вспомогательной дисциплине (И. Н. Якимов, Е. У. Зицер) ошибочно. Ошибку допускал и Б. М. Шавер в своей статье о предмете и методе криминалистики, противопоставляя криминалистические приемы правовым методам расследования. На самом деле применение следователем любых приемов носит правовой характер. Шавер неправильно относил следственную тактику к уголовно-процессуальной науке, тогда как это часть криминалистики.

5.Советская криминалистика использует достижения естественных и технических наук не механически, а путем переработки и приспособления их для целей расследования преступлений.

6.Система криминалистической науки состоит из двух частей — общей и особенной.

7.Методом советской криминалистики является марксистский диалектический метод, его нельзя подменять идентификацией.

Идентификация — это лишь одна из областей использования сравнительного метода исследования.

Вклад Степана Петровича Митричева в криминалистическую науку трудно переоценить. Вся его жизнь прошла под знаком служения ей, где бы и кем бы он ни работал.

Степан Петрович родился в 1904 г. в с. Тарханове Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне Мордовская республика). Свою трудовую деятельность он начал в 1923 г. в качестве заведующего избой-читальней в родном селе. После окончания в 1928 г. юридического факультета МГУ он длительное время работал в органах прокуратуры, а затем на ответственной работе в Управлении делами Совета Министров СССР. С 1950 по 1954 г. С. П. Митричев — первый директор ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, одновременно ведет педагогическую работу во Всесоюзном юридическом заочном институте. В 1954 г. защищает докторскую диссертацию по проблемам предмета, метода и системы криминалистики.

С 1951 г. Степан Петрович заведует кафедрой криминалистики ВЮЗИ, сначала в качестве совместителя, а с 1954 по 1972 г. в качестве штатного сотрудника института. В 1955 г. ему присваивают звание профессора, а в 1964 г. — почетное звание заслуженного деятеля науки России. В сентябре 1972 г. Степан Петрович перешел на должность профессора-консультанта той же кафедры и в этом качестве работал до своей кончины в 1977 г. До последних дней он не прекращал активной научной работы. В последние годы жизни увидели свет две его важные работы: "Методика расследования отдельных видов преступлений" (М.,

1973) и "Следственная тактика" (М., 1975).

Мне посчастливилось быть знакомым со Степаном Петровичем, неоднократно встречаться с ним на кафедре ВЮЗИ, пару раз побывать у него дома. Он был удивительно душевным, мягким и доброжелательным человеком, всегда готовым помочь делом и словом, пользовавшимся всеобщей любовью, уважением и непререкаемым авторитетом. Добрые отношения были у него и с моим учителем — Абрамом Ильичей Винбергом, всегда очень тепло отзывавшимся о Степане Петровиче. Может быть, поэтому он относился очень тепло и ко мне и охотно согласился выступить официальным оппонентом по моей докторской диссертации в ноябре 1961 г. Об этой защите, имевшей в те годы принципиальное значение для нашей науки, я еще расскажу, здесь же замечу, что сам факт выступления Степана Петровича официальным оппонентом несомненно сыграл важную роль.

Пример отца увлек и его сыновей, оба они стали криминалистами — учеными и практиками. Старший, Виталий, очень быстро достиг высот в науке, о нем еще речь впереди. Младший, Леонид, многие годы работал в системе экспертных подразделений МВД, под моим научным руководством написал и успешно защитил интересную диссертацию. Работа с ним была для меня своеобразной "платой по долгам" его отцу, чувство признательности к которому я сохранил на всю жизнь и чей уход из жизни был большим горем и для меня лично, и я долго не мог поверить, что не стало этого доброго и мудрого человека, так много сделавшего для всех нас, криминалистов.

Еще два события этих лет определили пути развития криминалистики на долгие годы. Это были дискуссии, проведенные ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР в 1952 и 1955 гг. Первая из них была посвящена предмету криминалистики и ее месту в системе юридических наук, вторая — системе криминалистики и месту в ней следственной (криминалистической) тактики.

Участники первой дискуссии С. П. Митричев, А. И. Винберг, Г. Б. Карнович, В, Г. Танасевич выступили с обоснованием юридической природы криминалистики[20]. Во время второй дискуссии эту концепцию поддержали А. Н. Васильев, А. А. Пионтковский, Г. Н. Александров, Н. В. Терзиев, С. А. Голунский и другие участники дискуссии. Содержание этой концепции в обобщенном виде сводилось к следующему.

1.Криминалистика является правовой наукой, ибо ее предмет и объекты познания лежат в сфере правовых явлений.

2.Криминалистика является правовой наукой, так как ее служебная функция, решаемые ею задачи относятся к правовой сфере деятельности государственных органов, к правовым процессам (расследование, судебное разбирательство).

3.Все рекомендации, разрабатываемые криминалистикой для практики, носят строго выраженный правовой характер, основаны на законе, соответствуют его духу и букве.

4.Криминалистика связана со многими науками — как общественными, так и естественными и техническими, но связи эти носят преимущественно частный и локальный характер, тогда как основной "питательной средой" для криминалистики служат право, правовые науки, следственная, судебная, экспертная практика; наконец, исторически криминалистика зародилась в рамках правовой — уголовно-процессуальной науки.

Концепция юридической природы криминалистики прочно утвердилась в науке и господствовала вплоть до начала 90-х гг., хотя иногда раздавались робкие намеки на необходимость ее пересмотра.

В дискуссии 1955 г. были подняты многие кардинальные вопросы науки. По своему содержанию выступления участников дискуссии вышли далеко за рамки обозначенной в ее названии проблемы.

Предметом обсуждения были два основных доклада: А. И. Винберга "О системе науки советской криминалистики" и А. Н. Васильева "Тактика следствия, ее содержание и место в системе науки советской криминалистики"[21].

А. И. Винберг начал доклад с обзора различных мнений о системе криминалистики. Он вспомнил деление криминалистики на уголовную технику, уголовную тактику и частную методику, позже — на общую и особенную части и представил систему криминалистики в следующем виде.

На первом месте — введение в науку. Здесь идет речь о предмете, методе и системе науки, об истории развития советской криминалистики и разоблачении реакционной сущности криминалистики буржуазной. Дальше во введении излагаются основные принципы и понятия криминалистической техники, криминалистической тактики и основ методики расследования отдельных видов преступлений, а также основы исследования вещественных доказательств. А. И. Винберг особенно подробно остановился на содержании раздела криминалистической техники, показал вредность деления ее ка "технику для следователя" и "технику для эксперта" и подчеркнул ее правовой характер[22].

А. Н. Васильев отнес к содержанию тактики определение объема и пределов расследования; следственные версии; планирование расследования; тактику отдельных следственных действий. Он предложил свое определение тактики следствия, охарактеризовав ее как часть криминалистики, посвященную задачам и системе приемов расследования, общих для раскрытия преступлений всех видов, безотносительно к их характеру, и служащих основой для разработки методики расследования отдельных видов преступлений[23].

Б. И. Шевченко возражал против возвращения к трехчленной системе криминалистики. Он предложил подразделять ее на общую тактику, криминалистическую технику, тактику следственных действий и тактику расследования отдельных видов преступлений. Кроме этих разделов следует иметь вводный раздел (предмет, метод, система, история криминалистики и др.).

А. А. Пионтковский посчитал, что на первом месте в системе криминалистики должны быть версии, затем пути их проверки, планирования и др. Это общая тактика или общая теория криминалистики, ее общая часть. Здесь же должны освещаться вопросы криминалистической техники. Особенная часть — методика расследования.

По мнению Г. Н. Александрова, в системе криминалистики должен быть самостоятельный раздел — следственная версия и планирование расследования, который должен возглавить всю систему. Второй раздел — методика расследования, обеспечивающая выполнение тех замыслов, которые содержатся в следственной версии и планировании расследования. Третий раздел — тактика, разрабатывающая производство следственных действий, и четвертый — техника, играющая подчиненную роль.

Принявшие участие в дискуссии судебные медики В. И. Прозоровский, М. А. Бронникова, Ю. М. Кубицкий в своих выступлениях возражали против выделения в самостоятельный вид криминалистической экспертизы, считая, что такой экспертизы просто не существует, что решаемые ею сейчас вопросы относятся к компетенции судебных медиков. Через несколько лет эта точка зрения получила свое развитие в статьях сборника "Вопросы криминалистики и судебной экспертизы" (Алма-Ата, 1959), правда, в измененном виде, о чем речь впереди.

Заключая дискуссию, С. А. Голунский заметил, что тактика только тогда станет самостоятельным разделом криминалистики, когда будет разработана ее общая часть наподобие общих вопросов методики. Он высказался против передачи криминалистической экспертизы судебным медикам, против деления криминалистической техники на технику для следователей и для экспертов.

Дискуссии несомненно укрепили положение криминалистики в системе юридических наук и способствовали активизации научных исследований по ряду актуальных для практики направлений.

Первый послевоенный учебник по криминалистике для юридических вузов вышел в двух книгах: часть 1, включавшая вводные главы, технику и тактику, была подготовлена ВИЮН (М., 1950), ее редакторами были А. И. Винберг и С. П. Митричев; часть 2, посвященная методике расследования, вышла под грифом ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР под редакцией С. П. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова. Учебник отражал принятое деление криминалистики на общую и особенную части.

Автор первой главы о предмете и методе советской криминалистики А. И. Винберг сформулировал в учебнике свое определение предмета этой науки: "Криминалистика является наукой о технических и тактических приемах и средствах обнаружения, собирания, фиксации и исследования судебных доказательств, применяемых для раскрытия преступлений,

направленных против советского строя и установленного Советским государством правопорядка, выявления виновных и изыскания способов предупреждения преступлений" (с. 4). Это определение надолго стало традиционным и с незначительными вариациями фигурировало в работах других авторов. У определения была еще одна отличительная черта: впервые в качестве задачи криминалистики указывалась разработка способов предупреждения преступлений. Замечу, что это было сделано за 10 лет до принятия нового УПК, когда среди юристов началось буквально повальное увлечение вопросами предупреждения преступлений.

Вторая глава — "Развитие советской криминалистики и разоблачение реакционной сущности буржуазной криминалистики" была также написана А. И. Винбергом --по принятым канонам того времени: большая часть главы была посвящена вкладу Ленина и Сталина в правовую науку и практику борьбы с врагами революции, врагами народа, многократно цитировались работы Сталина об обострении классовой борьбы, о происках империалистов против нашей страны и т. п. Далее в главе содержался краткий очерк развития советской криминалистики и криминалистических научных и экспертных учреждений и специальный параграф о реакционности буржуазной криминалистики. Говорю все это вовсе не в упрек автору, доведись мне тогда быть на его месте — писал бы то же самое и так же. "Се ля ви", как сказал бы Эдмон Локар на своем родном французском...

В учебнике нашли свое отражение все известные в то время разделы криминалистической техники и к тому же специальная глава о криминалистической экспертизе. Среди глав по тактике отсутствовала глава о версиях и планировании расследования, она перекочевала во вторую книгу учебника, но была глава о следственном эксперименте, который ее автором рассматривался как разновидность следственного осмотра.

Глава 1 книги 2-й учебника была написана Б. М. Шавером незадолго до смерти. Она называлась "Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений" и стала прообразом будущих общих положений методики. Здесь Шавер сформулировал и определение методики: "часть науки советской криминалистики, обобщающая опыт расследования отдельных видов преступлений, определяющая в строгом соответствии с требованиями советского уголовного процессуального закона и специфическими особенностями каждой категории дел научные приемы и методы раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений, называется методикой расследования отдельных видов преступлений, или частной методикой" (с. 4).

Набор излагаемых в учебнике частных методик был довольно широким — излагались методики расследования хищений государственного, общественного и личного имущества, спекуляции, злоупотребления властью и халатности, взяточничества, выпуска недоброкачественной продукции, нарушений правил техники безопасности, убийств, поджогов и преступного несоблюдения противопожарной безопасности. Методики излагались по единой схеме; задачи расследования; первоначальные следственные действия; особенности предмета доказывания; основные приемы и методы обнаружения и фиксации доказательств; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В некоторых методиках содержались указания на особенности расследования разновидностей данного вида преступлений. Это был добротный для того времени и полезный для практики учебник.

В 1945—1950 гг. вышли еще три издания довоенного учебника по криминалистике для юридических школ А. И, Винберга и Б. М. Шавера. Материал подразделялся на общую и особенную части, из вопросов тактики рассматривались лишь планирование расследования, обыск, выемка, осмотр места происшествия и допрос.

После выхода 4-го издания учебника с пространной рецензией на него выступил постоянный оппонент А, И. Винберга доцент Ю. М. Кубицкий[24], в свою очередь неоднократно подвергавшийся Винбергом довольно резкой критике. Надо сказать, что при всей явно просматривавшейся предвзятости рецензента он указал на значительное количество действительных ошибок, допущенных преимущественно в главах по технике. Их количество, по мнению рецензента, с которым трудно не согласиться, было просто критическим. Он уклонился от напрашивавшейся отрицательной оценки учебника, ограничившись выводом о том, что "необходимо расширить круг авторов, выступающих в печати с работами по кри-

миналистике, смелее продвигать вперед молодые силы, организовать конкурс на новый учебник" (с. 86).

В этом же номере журнала помещена информация о расширенном заседании Совета ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза 21 декабря 1951 г., на котором обсуждался тот же учебник. Обсуждение носило несколько иной характер, нежели рецензия Кубицкого. Выступавшие прежде всего сошлись во мнении, что учебник для юридических школ не должен копировать по структуре и содержанию учебник для вузов. В нем следует делать упор на практическое приложение криминалистических рекомендаций, на привитие обучающимся практических навыков и умений работы с доказательствами. Говорилось, что некоторые разделы обсуждаемого учебника далеки от действительности, упоминаются устаревшие технические средства и методы, Было признано, что учебник не должен содержать дискуссионных или непроверенных положений. Выступил и Ю. М. Кубицкий с замечаниями, которые впоследствии изложил в своей рецензии. Указав на несколько существенных просчетов, с присущей ему язвительностью выступил еще один недоброжелатель Винберга — профессор Н. В. Терзиев. В свое время Е берг сменил Терзиева на должности заведующего ЦКЛ, причем подлинные обстоятельства этой замены остались неизвестны для окружающих. Терзиев весьма болезненно переживал свое смещение к до конца жизни никаких отношений с Винбергом не поддерживал. Истинные причины этой неприязни остались тайной и для меня, хотя мне довелось в конце 50-х гг. несколько раз встречаться с Николаем Владимировичем Терзиевым, даже бывать у него дома, в занимаемых им с женой двух маленьких комнатах коммунальной квартиры в одном из арбатских переулков.

Не помню, что было поводом для первой встречи, но состоялась она по инициативе Николая Владимировича. Он был хорошо осведомлен о моих отношениях с А. И. Винбергом, о том, что я работаю у него на кафедре, но ни тогда, ни впоследствии не касался этих отношений и вообще не упоминал Абрама Ильича. Я же испытывал к Николаю Владимировичу глубокое уважение, и он, по-видимому, это чувствовал. Ряд ценных советов я получил от него и во время работы над докторской диссертацией. Кстати, Винберг знал от меня о моих встречах с Терзиевым, никаких возражений не высказывал и вообще никакого интереса к ним не проявлял. Никаких отрицательных высказываний о Терзиеве я не слышал. Теперь, пожалуй, самое время подробнее рассказать о Николае Владимировиче Терзиеве.

Он родился 10 августа 1890 г. Учился в орловской гимназии, затем на юридическом факультете Московского университета. В первую мировую войну он служил в медико-санитарных частях и учреждениях Западного и Румынского фронтов, а в годы гражданской войны был на инспекторской работе в различных государственных экономических органах.

В 1921 г. ему наконец удалось перейти на научную работу. В течение четырех лет, до 1925 г. он состоял научным сотрудником отделения криминальной психологии Московского государственного психоневрологического института. В 1926 г. Николай Владимирович переходит на работу в Институт по изучению преступности и преступника, реорганизованный затем в Институт уголовной политики, а потом во Всесоюзный институт юридических наук. В 1937 г. переходит старшим научным сотрудником в Лабораторию научно-следственной работы Прокуратуры СССР. С 1938 по 1950 гг. работал в Институте права АН и ВИЮН в качестве старшего научного сотрудника и заведующего ЦКЛ, после чего переходит на преподавательскую работу в ВЮЗИ, с которым он сотрудничал с 1942 г. В годы Великой Отечественной войны он был консультантом НТО УМ Москвы. В ВЮЗИ, на кафедре криминалистики, он работал до своей кончины 21 сентября 1962 г.

Научное наследие Н. В. Терзиева сравнительно невелико: чуть более пятидесяти работ, но многие из них весьма значимы для криминалистики. Это монографии "Физические исследования в криминалистике" (в соавторстве, М., 1948); "Введение в технико-криминалистическое исследование документов" (М., 1949); "Технико-криминалистическое исследование документов" (М., 1952), "Некоторые вопросы следственного осмотра места преступления" (М. , 1955), "Идентификация и определение родовой/групповой принадлежности" (М., 1961), ряд учебных и практических пособий, статьи по актуальным вопросам криминалистической техники. Был соавтором нескольких вузовских учебников по криминалистике.

Николай Владимирович был человеком широкой культуры, высокообразованным

интеллигентом. Он свободно владел французским языком, я был свидетелем, как он легко изъяснялся по-французски, пересказывая содержание полученного им последнего тома трактата Локара на упоминавшейся мною встрече с профессором Хорошевским. Вместе с профессором С. В. Познышевымв 1941 г. он перевел на русский язык "Руководство по криминалистика" Э. Локара. Первым из советских криминалистов он защитил в 1939 г. докторскую диссертацию об экспертизе по делам о спорном отцовстве, правда, утвержден он был в ученой степени лишь в 1942 г. В сентябре 1944 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В I960 г. научная общественность торжественно отметила 70-летие Николая Владимировича, но через два года его, увы, не стало.

Я снова отвлекся. Вернусь к обсуждению учебника для юридических школ во ВНИИ криминалистики. Помимо Кубицкого и Терзиева критические замечания высказали Н. А. Селиванов, В. Ф- Черваков и некоторые другие участники обсуждения. Однако решение Совета, видимо, разочаровало противников Винберга: Совет отметил, что несмотря на имеющиеся в учебнике недостатки и ошибки, "этот учебник не может быть характеризован как непригодный для использования в качестве учебника для юридических школ, учебник должен быть в ближайшее время переиздан, и все отмеченные в нем недостатки и ошибки должны быть устранены" (с 88) Этому пожеланию не суждено было сбыться: учебник больше не переиздавался.

На полгода раньше в том же журнале была опубликована рецензия Г. Миньковского и Н. Яблокова на часть 1 учебника для 1950 г.[25] Рецензенты очень подробно проанализировали содержание каждой главы учебника и сделали множество весьма дельных замечаний.

Как водится, рецензия начинается с перечисления достоинств учебника: он проникнут "духом большевистской партийности", "убедительно разоблачена реакционная политическая сущность буржуазной криминалистики", обращено внимание на использование криминалистики для предупреждения преступлений, авторы правильно отказались от заимствования из буржуазной криминалистики противопоставления "немых" и живых свидетелей, что выражается в делении криминалистики на технику и тактику, и приняли ее деление на общую и особенную части, содержание большинства глав и разделов учебника находится на современном научном уровне. Общим же недостатком учебника является то, что, раскрывая те или иные приемы и рекомендации криминалистики, авторы не делают акцента на том, как их применять на практике. "В целом же, — заключают рецензенты, — несмотря на недочеты, учебник принесет пользу не только студентам высших учебных заведений, для которых он предназначен, но и практическим работникам органов юстиции"

Многочисленные конкретные замечания по всем главам учебника имели определенную направленность (их следовало учесть при переиздании учебника) и не претендовали на общенаучное значение. Но одно из них сыграло именно такую роль. Анализируя главу Н. В. Терзиева "Идентификация в советской криминалистике", наряду с упреком, что автор "не счел даже нужным привести хотя бы одно из указаний классиков марксизма по вопросам тождества и различия", рецензенты совершенно справедливо указали, что "неправилен термин "групповая идентификация", так как марксистская философия учит, что объект может быть тождественен только самому себе. В данном случае речь идет о принадлежности объекта к определенной группе, т. е. его сходстве с некоторыми другими объектами. Поэтому надо говорить об "установлении групповой принадлежности" (подобия, сходства)". Это замечание было принято большинством криминалистов, в том числе и автором главы профессором Н. В. Терзиевым[26]. Разговор об этой рецензии на этом можно было бы и закончить, но хочется упомянуть еще об одном, показательном, на мой взгляд, обстоятельстве. С дельной и смелой критикой маститых авторов учебника выступили отнюдь не равные им авторитеты, а аспирант ВИЮН Миньковский и эксперт ЦКЛ Яблоков: они не только проявили недюжинную в их положении отвагу, но и достаточно корректно "утерли нос" олимпийцам.

Среди учебной литературы того времени упомяну еще об одной работе. В 1950—1951 гг. вышли три выпуска лекций по криминалистике А. И. Винберга[27]. Выпуск I был посвящен предмету, методу, системе курса и истории советской криминалистики, выпуск II — осмотру

места происшествия, обыску и выемке, выпуск III — советской криминалистической экспертизе и судебной экспертизе документов. Редактором всех выпусков был Б. М. Комаринец.

Предмет криминалистики определен в лекциях аналогично определению учебника 1950 г. Оригинальна трактовка метода криминалистики: ее метод — материалистическая диалектика, которая для своего применения требует обобщать практику, изучать способы совершения преступлений и активно использовать достижения смежных наук. Помимо диалектики применяется ряд частных методов, заимствованных из физики, химии, биологии, фотографии и других наук для обнаружения, фиксации доказательств. Однако эти "частные методы других наук, применяемые в криминалистике, имеют вспомогательное значение по отношению к специальному методу криминалистического исследования судебных доказательств — методу криминалистического отождествления" (с, 20).

Специальная лекция посвящена криминалистическому отождествлению, которое подразделяется автором на родовое, видовое и индивидуальное. Процесс отождествления последовательно устанавливает родовое тождество, затем видовое и, наконец, индивидуальное.

Оригинальна и предлагаемая Винбергом система курса. Отметив порочность деления его на технику, тактику и методику (влияние Шавера!), придерживаясь подразделения курса на общую и особенную части, Винберг посчитал, что в основу деления курса должно быть "положено содержание предмета криминалистики как науки о приемах и методах обнаружения, собирания, фиксации и исследования судебных доказательств".Система курса приобрела следующий вид:

1. Введение {предмет, метод, система, соотношение с науками уголовно-право- вого цикла, история криминалистики);
2. Обнаружение, собирание и фиксация судебных доказательств (научно-техни- ческие и тактические приемы и методы следственной работы с доказательствами);
3. Исследование судебных доказательств (идентификация, судебная экспертиза);
4. Уголовная регистрация и розыск преступников — вспомогательный раздел.

Во втором выпуске подробно рассматриваются приемы осмотра места происшествия, наружного осмотра трупа, излагаются приемы обнаружения и фиксации различных следов, упаковки предметов со следами, правила составления протокола осмотра, плана и фотографирования места происшествия. Здесь же автор пишет о следственном эксперименте, который он, как и П. И. Тарасов-Родионов, считает разновидностью следственного осмотра. Заключительная лекция выпуска посвящена методике обыска и выемки.

Выпуск III содержит две лекции, в основу которых, как указывает автор, "положена часть материала монографии "Основные принципы советской криминалистической экспертизы".

Помню, что выпуски лекций Винберга были популярны среди слушателей академии, были для нас более доступны, чем учебники, которых тогда никогда не хватало на каждого слушателя. Положительно отзывался и ссылался на них в своих лекциях читавший у нас курс судебной медицины начальник кафедры криминалистики и судебной медицины академии доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук (единственный из судебных медиков страны) Михаил Иванович Авдеев.

Михаил Иванович Авдеев родился в 1901 г. После окончания медицинского факультета МГУ он был оставлен на кафедре судебной медицины научным сотрудником, но вскоре был призван в Красную Армию и в 1924—1925 гг. в качестве полкового врача участвовал в боях с басмачами в Туркестане. До 1940г. он находился на практической судебно-медицинской работе и одновременно был ассистентом кафедры патологической анатомии 1-го Московского медицинского института, возглавляемой академиком А, И. Абрикосовым. Здесь он защитил докторскую диссертацию, а в 1940 г. получил звание профессора.

М.И. Авдеев

В 1940 г. Михаил Иванович вновь призывается в армию и назначается начальником кафедры криминалистики и судебной медицины Военно-юридической академии, В 1942 г. его назначают Главным судебно-медицинским экспертом Советской Армии и по должности начальником Центральной судебно-медицинской лаборатории. В течение 27 лет он руководил созданной при его самом непосредственном участии системой военной судебно-медицинской службы. Штат судебно-медицинских военных лабораторий был невелик, и поэтому, учитывая потребность органов военной юстиции в производстве криминалистических экспертиз, один из врачей - сотрудников лаборатории проходил специальную криминалистичес- кую подготовку и получал право производства некоторых, наиболее распространенных криминалистических экспертиз. В самой же ЦСМЛ было организовано специальное криминалистическое отделение, комплектуемое экспертами-криминалистами.

Михаил Иванович принимал живое участие в подготовке новых УК и УПК, ряд лет был председателем Московского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов, членом ученых советов ряда юридических вузов, членом Академии судебной и социальной медицины в Вене, во время войны работал в государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний.

Перу Михаила Ивановича принадлежит свыше 100 научных работ, в том числе учебник по судебной медицине, выдержавший пять изданий и переведенный на иностранные языки, такие фундаментальные труды, как "Курс судебной медицины" (М., 1959), "Судебно-медицинская экспертиза трупа" (М., 1976), "Руководство по судебно-медицинской экспертизе живых лиц" и др. Особенностью трудов М. И. Авдеева было детальное рассмотрение в них вопросов материального и процессуального права, относящихся к судебно-медицинской экспертизе. Он был одним из редакторов "Энциклопедического словаря военной медицины" и "Юридического словаря". За большие заслуги в области судебной медицины и многолетнюю педагогическую деятельность в 1962 г. Михаилу Ивановичу было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Лекции Михаил Иванович читал удивительно интересно, с многочисленными примерами из своей обширной практики, с тонким юмором, причем шутил он всегда с совершенно невозмутимым видом, сам никогда не смеялся, лишь слегка усмехался, глядя, как аудитория буквально покатывается от хохота. Сказать, что он был демократичен, — ничего не сказать. Он был одинаково доступен и ровен в обращении и с коллегами, и с нами, слушателями академии. Когда встал вопрос о моих официальных оппонентах по кандидатской диссертации, охотно согласился быть первым из них (тогда не запрещалось начальнику кафедры выступать оппонентом по диссертации адъюнкта той же кафедры). К сожалению, я ничего не могу сказать о выступлении его на этой защите: я уже говорил, что самой защиты не помню. Зато очень хорошо помню его выступление в качестве неофициального оппонента на защите мною докторской диссертации: это было нечто совершенно исключительное как по оригинальности и содержательности, так и по манере изложения.

В 1976 г. Михаил Иванович тяжело, неизлечимо заболел. В госпитале он никого из знакомых и друзей к себе не допускал, не хотел, чтобы его видели умирающим. Скончался он 15 марта 1978 г. на 78-м году жизни.

Первые послевоенные учебники и упомянутые статьи ведущих криминалистов отнюдь не исчерпывают всего того, что было сделано в отечественной криминалистике за десять послевоенных лет. Процесс формирования частных криминалистических теорий набирал силу.

В 1948 г. вышло 3-е издание книги С. М. Потапова "Судебная фотография",

подводившей итоги его многолетним исследованиям в этой области. Публикуются статьи И. И. Сафронова по стереофотографии, А. И. Манцветовой по цветной фотографии, А. И. Винберга и А. А. Эйсмана о фототелеграфии и звукозаписи.

По проблемам криминалистической техники защищается ряд кандидатских диссертаций: Б. И. Шевченко "Криминалистическая экспертиза следов при расследовании краж, совершенных с применением технических средств" (М., 1946); М. В. Салтевским "Криминалистическая экспертиза замков и пломб" (Харьков, 1955); В, Я. Колдиным "Основные вопросы теории и практики идентификации в советской криминалистике" (М., 1951); П. С. Данисявичусом "Следы как вещественные доказательства в советской криминалистике" (М., 1954); Б. Р. Киричинским "Криминалистическое Исследование документов в инфракрасных лучах" (Киев, 1946); Е. В. Брайчевской "Судебно-фотографические методы изменения Контрастов в криминалистике" (Киев, 1948); И. И. Сафроновым "Стереоскопия и измерительная фотография в криминалистике и судебной медицине" (М., 1949); Х. М. Тахо-Годи "Стереофотография в криминалистике" (М,, 1950); Г. Л. Грановским "Основные положения советской криминалистической экспертизы следов папиллярных узоров" (Харьков, 1955); Б. М. Комаринцем "Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам" (М., 1945) и др.

В эти годы почти одновременно вышли три руководства по судебной баллистике, написанные судебными медиками: "Очерки судебной баллистики" В. Ф, Червакова (М, 1953), "Судебная баллистика" Ю. М. Кубицкого (М., 1956) и "Судебная баллистика" С. Д. Кустановича (М., 1956).

В области криминалистической тактики и частной методики упор делался на методические и практические руководства, большая часть которых принадлежала перу сотрудников ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза. Это были работы А. Н. Васильева, Т. М. Арзуманяна, А. П. Егорова, Г. Б. Карновича, С. Я. Розенблита[28] и др., многочисленные статьи В. И. Теребилова, В. Е, Коноваловой, Г. Н. Мудьюгина, Г. Р. Гольста и др. Помимо докторской диссертации И. Н. Якимова были защищены кандидатские диссертации А. Н. Колесниченко "Планирование советского предварительного следствия" (Харьков, 1952); Р. С. Белкиным "Осмотр места происшествия" (М., 1954); О. В. Некренц "Судебная версия как разновидность гипотезы" (М., 1954); В. Е. Коноваловой "Тактика допроса свидетелей в советских органах расследования" (Харьков, 1953); С. Г. Кривицким "Основные вопросы тактики допроса в стадии предварительного следствия" (М., 1941); Е. М. Лифшицем "Тактика и техника производства обыска на предварительном- следствии" (М., 1954); Г. Б. Карновичем "Следственный осмотр и судебная экспертиза по делам об авариях на речном транспорте" (М., 1950); Л. Е. Ароцкером "Следственный эксперимент в советской криминалистике" (Харьков, 1951); Р. И. Цирульниковой "Допрос несовершеннолетних на предварительном следствии" (М., 1955); Б. Л. Зотовым "Производство и оценка достоверности криминалистической экспертизы на предварительном следствии" (М., 1953); В. И. Поповым "Процессуальные и тактические вопросы розыска скрывшихся преступников следственным аппаратом прокуратуры" {М., 1948); В. И. Теребиловым "Расследование хищений в учреждениях банка" (М., 1953); В. П. Томилиной "Методика расследования криминальных абортов" (Свердловск, 1950) и др.

Вышел в свет ряд справочных пособий и методических руководств общего характера: "Настольная книга следователя" (М., 1949), "Предварительное следствие" П. И. Тарасова-Родионова (М., 1948, 1955); стали систематически издаваться методический сборник "Следственная практика" и научно-практический сборник "Советская криминалистика на службе следствия".

4.3. Криминалистика «прирастает» не только центром...

Возрождение уничтоженных войной старейших отечественных экспертных учреждений — украинских институтов судебной экспертизы началось вскоре после изгнания оккупантов. В августе 1943 г. был освобожден Харьков, через два с половиной месяца, б ноября, — Киев, а в апреле 1944 г. — Одесса.

Деятельность Киевского института была возобновлена постановлением СНК Украины

от 11 марта 1944 г. Институт разместился в одном здании с юридической школой и соседствовал с ней до 1954 г. После освобождения Киева в институт вернулись многие сотрудники. Их усилиями были восстановлены фотографическая, химическая и биологическая лаборатории, что позволило в сравнительно короткие сроки возобновить экспертную работу института. Уже в 1944 г. по заданиям органов военной юстиции, прокуратуры и судов было выполнено 130 экспертиз, а в 1945 г. — 4701. К 1950 г. количество экспертиз достигло довоенного уровня.

Фактически сохранилась прежняя структура института; его подразделения, которые раньше именовались секциями, стали называться отделами: криминалистических исследований, фотографических и физических исследований, судебно-химических исследований и судебно-биологических исследований. Руководил институтом с 1944 по 1946 г. видный судебный медик Ю. С. Сапожников, затем Б. И. Вахлис, а с 1951 по 1962 г. В. К. Лисиченко[29].

Биография Виталия Константиновича проста, как и у большинства моих ровесников. Родился он в г. Богуславе Киевской области в 1922 г., в 1939 г. окончил среднюю школу, поступил в юридический институт — и война. В 1941 г. Виталий Константинович ушел на фронт, был трижды ранен, демобилизован, поступил на юридический факультет Киевского университета и успешно окончил его в 1947 г. Два года молодой юрист работал старшим консультантом юридического отдела Президиума Верховного Совета Украины, но работа эта его не привлекала, и в 1949 г. он поступает на работу в КНИИСЭ сначала научным сотрудником, чуть позже — заведующим отделом, а с 1951 по 1962 г. — директором института.

Принципиальность и честность Лисиченко не способствовали приобретению им друзей среди высоких чиновников Министерства юстиции, неудобным для них он оказался директором "придворного" института. В 1962 г. Виталий Константинович переходит на работу в Киевский университет, сначала на кафедру уголовного права и криминалистики, где заведующим был Сергей Иванович Тихенко, а после ее разделения возглавляет кафедру криминалистики.

В 1974 г. он защищает докторскую диссертацию "Криминалистическое исследование документов (правовые и методологические проблемы)". Эта была первая работа, в которой в комплексе исследовались и проблемы судебного почерковедения, и проблемы технико-криминалистического исследования документов. К этому времени Виталий Константинович был уже широко известен своими работами в области криминалистического исследования документов; только по теме диссертации он опубликовал 40 работ.

Я хорошо помню докторскую защиту Лисиченко. Вместе со мной официальными оппонентами выступали профессора Михаил Павлович Шаламов и Михаил Васильевич Салтевский. Виталий Константинович в своих ответах оппонентам был корректен, но несгибаем и вопреки традиции нам особенно не "кланялся", хотя и благодарил. Что же касается "неофициальной" части защиты, то в памяти осталось необыкновенное по широте и хлебосольству гостеприимство хозяина, было и великолепное украинское сало...

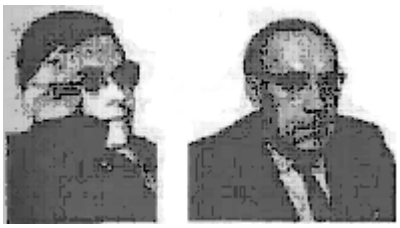
Когда пришел срок, Виталий Константинович оставил заведование кафедрой и перешел на должность профессора, он и теперь признанный патриарх украинских криминалистов.

В конце 40-х и в 50-х гг. в Киевском НИИСЭ работали многие талантливые ученые-эксперты. Расскажу лишь об одном из них, человеке разносторонних знаний и непростой биографии — Николае Михайловиче Зюскине.

Он родился в 1903 г, в Киеве. В 1920 г. окончил гимназию, а в 1924 г. — промышленный факультет Института народного хозяйства, получив диплом инженера-химика. Работы по специальности не было, и он до 1926 г. преподавал стенографию в профтехучилище.

В 1926 г. Зюскин поступил на работу в Киевский НИИСЭ, был техником, ученым лаборантом, научным сотрудником 1 разряда, консультантом, старшим научным сотрудником, заведующим фотографическим отделом. В 30-е гг. по совместительству он работал в Институте химии АН, преподавал в киноинституте, заведовал лабораторией Облхимпрома. В 1941—1946 гг. работал на разных киностудиях начальни- ком цеха, техноруком, начальником

техотдела. В 1944 г. вернулся на работу в КНИИСЭ, где заведовал отделом фотографических исследований. В 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию "Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по пулям", став кандидатом юридических наук. В 1952 г. он защищает другую кандидатскую диссертацию — по техническим наукам и получает вторую ученую степень.



Б Р. Киричинский Н.М Зюскин

Зюскин был широко образованным специалистом. Он свободно владел немецким, французским, английским, украинским и русским языками, блестяще знал теорию и технологию фотографических процессов, большинство его статей (крупных работ он не оставил) относилось именно к области судебной фотографии, фотографическим методам исследования вещественных доказательств.

В те же годы в КНИИСЭ работал еще один "естественник" — Борис Романович Киричинский (1908—1984) — выпускник физического факультета Киевского физико-химико-математического института. Он начал работать в КНИИСЭ в 1934 г., был младшим, затем старшим научным сотрудником, в 1941—1945 гг. воевал, а после демобилизации вновь работал в КНИИСЭ. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию "Криминалистическое исследование Документов в инфракрасных лучах". Приобрел широкую известность трудами в области применения различных физических методов исследования вещественных доказательств (инфракрасные и рентгеновские лучи, радиология и др.). В последние годы жизни работал в Академии наук Украины, а затем в Киевском рентгено-радиологическом и онкологическом институте.

Постановлением СНК Украины от 4 ноября 1943 г. была возобновлена деятельность Харьковского института в составе тех же отделов, которые существовали до войны. Руководитель института профессор Н. Н. Бокариус приложил много сил и энергии для восстановления института, материальная основа которого была уничтожена оккупантами. В ноябре 1946 г. директором института был назначен Виктор Павлович Колмаков, работавший в этой должности до февраля 1967 г., которому институт обязан существенными успехами как в экспертной, так и в научно-исследовательской деятельности.

Виктор Павлович Колмаков родился в 1913 г. Высшее юридическое образование он получил в Ленинградском и Свердловском юридических институтах. С 1935 г. начинается его трудовой путь в органах прокуратуры в качестве следователя Юргинского района Новосибирской области, а затем прокуратуры г. Томска. Он работает прокурором Маслянинского района Новосибирской области, следователем Сибирского военного округа, помощником прокурора Новороссийска.

В 1938 г. Виктор Павлович поступает в аспирантуру по кафедре криминалистики и судебной медицины Харьковского юридического института. Под научным руководством Н. Н. Бокариуса он успешно работает над кандидатской диссертацией по методике расследования дел об убийствах, сопряженных с расчленением трупа, и блестяще защищает ее в первый день войны — 23 июня 1941 г.

В годы Великой Отечественной войны Колмаков в действующей армии — прокурором дивизии, следователем прокуратуры фронта.

С декабря 1945 г. Виктор Павлович — старший научный сотрудник Харьковского НИИСЭ, а в октябре 1946 г. становится его директором. Одновременно с 1952 по 1957 г. он заведует кафедрой криминалистики Харьковского юридического института. Об этом периоде жизни и деятельности Виктора Павловича в некрологе по случаю его смерти говорилось: "За

двадцать лет работы в Харьковском НИИСЭ В. П. Колмаков проявил себя как крупный ученый, блестящий организатор научной и экспертной работы. Это период бурного расцвета его способностей и таланта. Благодаря его неиссякаемой творческой энергии и огромному трудолюбию в институте активизируется научная работа, начинается подготовка диссертаций, совершенствуются старые и внедряются в экспертную практику новые методики исследования, устанавливается тесная связь с органами суда, следствия и прокуратуры"[30].

В 1962 г. Виктор Павлович успешно защитил докторскую диссертацию по проблемам раскрытия и расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности. Это была первая работа подобного уровня по важной и актуальной для практики проблематике.

Усилиями В. П. Колмакова в Харькове начинает складываться своя научная школа криминалистов. Во многом этому способствует его работа с начинающими учеными: под его научным руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации 23 человека, он консультировал по шести докторским диссертациям своих учеников. О его заботливом отношении к молодым ученым свидетельствует, например, такой факт.

В 1951 г. младший научный сотрудник ХНИИСЭ Лев Ефимович Ароцкер, будущий известный ученый-криминалист, защитил кандидатскую диссертацию на редкую по тем временам тему: "Следственный эксперимент в советской криминалистике". По этой теме, кроме нескольких статей и выступлений П. И. Тарасова-Родионова, работ не было, и диссертация Ароцкера была первым фундаментальным ее исследованием. Ситуация усугублялась еще и тем, что Ароцкер очень аргументировано доказал, что следственный эксперимент — самостоятельное следственное действие, со своей оригинальной процессуальной процедурой и тактикой проведения, а в действующем УПК такое следственное действие не упоминалось. Как водится, диссертация после успешной защиты в совете Харьковского юридического института была направлена в Высшую аттестационную комиссию, которая тогда функционировала при Министерстве высшего образования СССР.

Прошло около года, а о диссертации Ароцкера не было ни слуха, ни духа. Возникли опасения, что добром дело не кончится, и тогда Виктор Павлович поехал в Москву, в ВАК. Как и чем он смог убедить ваковских чиновников в достоинствах диссертации, осталось тайной, но в 1952 г. Ароцкер был утвержден в ученой степени кандидата наук.

С февраля 1967 г. начинается новый этап жизни Виктора Павловича — он переезжает в Одессу и становится сначала заведующим кафедрой криминалистики, уголовного права и профессором Одесского университета, а с июня того же года и деканом юридического факультета. Большую организаторскую и педагогическую работу он сочетал с активной научной деятельностью. В 1969 г. выходит его монография "Следственный осмотр" (М., Юрид. литература), он начинает работу над проблемой идентификационных действий следователя. Задуманная книга должна была завершить его многолетние исследования в области практических приложений криминалистической идентификации не только в экспертной, но и в следственной практике[31]. Стараниями друзей и единомышленников Виктора Павловича — Л. Е. Ароцкера, М. Я. Сегая и В. К. Лисиченко книга была издана, но, увы, уже после смерти автора[32].

З.М. Соколовский Т.Ф.Шаркова

Перу В.П. Колмакова принадлежит около 140 работ, ряд из них переведен на иностранные языки, в том числе и в Китае, где он провел несколько лет в качестве вузовского советника. Он много публиковался в журналах "Советское государство и право", "Радянське право", "Социалистическая законность", "Правоведение", был соавтором шести вузовских учебников по криминалистике, изданных в Москве, ответственным редактором и руководителем авторского коллектива первого украинского учебника "Радянська криминалистика" (Киев,

1973), одним из инициаторов и бессменным ответственным редактором межведомственного украинского сборника "Криминалистика и судебная экспертиза",первый выпуск которого увидел свет в 1964 г

Среди коллег В. П. Колмакова по институту следует упомянуть известного специалиста в области теории экспертизы и судебного почерковедения Зиновия Моисеевича Соколовского.

Он родился в 1917 г. в Харькове. В 1939 г. окончил Харьковский юридический институт и был оставлен в аспирантуре у профессора М. М. Гродзинского по кафедре уголовного процесса. В июле 1941 г. добровольцем ушел на фронт. После демобилизации в 1946 г. вернулся в аспирантуру, в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию и был направлен на преподавательскую работу в Среднюю Азию, где читал курс уголовного процесса в Ташкентском юридическом институте и Средне-Азиатском госуниверситете.

Вернувшись в 1952 г. в Харьков, к семье, поступил на работу в Харьковский НИИСЭ, где и работал до конца жизни (он умер в октябре 1975 г. скоропостижно от болезни сердца) — старшим научным сотрудником, а с 1968 г. — заведующим лабораторией почерковедческих исследований. В октябре 1968 г. защитил докторскую диссертацию "Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений".

Среди работ Соколовского особый интерес представляют исследования в области оценки заключений криминалистической экспертизы письма (1959 г.), использования экспертом материалов дела (1964 г.) и экспертного исследования причинной связи (1970 г.). Он одним из первых изучил возможности использования математических методов в почерковедении, сформулировал понятие специальных знаний, дал классификацию образцов для сравнительного исследования.

После войны институтскую зону экспертного обслуживания составляли Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Сумская и Харьковская области Украины, Воронежская, Курская и Орловская области России. Только в 1958 г. эти зоны были пересмотрены, поскольку появились российские лаборатории судебной экспертизы. В 1967 г. институт обслуживал кроме названных областей еще и Луганскую, Полтавскую и Крымскую области Украины. В областях с 1963 г. работали внештатные группы экспертов-автотехников, численность которых превышала 150 человек. Одним из первых институт начал заниматься экспертной профилактикой[33].

Деятельность Одесского института возобновилась вскоре после освобождения Одессы. Руководил институтом вплоть до 1950 г. о-прежнему М. А. Кравцов. В декабре 1950 г. Одесский институт по неизвестным мне причинам был упразднен и вместо него создана научно-исследовательская криминалистическая лаборатория, впоследствии в связи с расширением профиля переименованная в 1963 г. НИЛ судебных экспертиз. В 1952 г. заведующей лабораторией назначается Т. Ф. Шаркова, работавшая в этой должности много лет. Уже через 10 лет после возобновления деятельности экспертная нагрузка лаборатории возросла в полтора раза, а количество исследованных объектов более чем в пять раз. Как и в других экспертных учреждениях, основную массу исследованных объектов составляли документы.

27 декабря 1950 г. министр юстиции Украины утвердил новое Положение об экспертных учреждениях, в котором предписывалось вести методическую и исследовательскую работу не только в области методов исследования вещественных доказательств, но и в области теории криминалистической экспертизы и обобщения опыта следственных и судебных органов по использованию возможностей судебной экспертизы. Впоследствии было прекращено химическое исследование внутренних органов трупов, производство экспертиз крови, волос и спермы. Эти виды исследований отошли к компетенции судебно-медицинских учреждений.

Несколько иначе сложилась судьба Белорусского института судебных экспертиз. Буквально на развалинах после войны была организована Минская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория, которая в таком качестве выполняла роль единственного криминалистического экспертного центра республики. Базой для создания этой лаборатории

стала учебная криминалистическая лаборатория Минского юридического института, созданная в 1947 г. для практических занятий
студентов. Сотрудники этой лаборатории и составили ядро НИКЛ. К концу 50-х гг. лаборатория уже имела сформировавшийся коллектив
экспертов-криминалистов и опыт организации экспертной работы в республике. Создались условия преобразования лаборатории в научно-исследовательский институт судебных экспертиз[34].

Ш.М. Мажитов

В 50-х гг. начался процесс формирования экспертных криминалистических учреждений и в других союзных республиках, где их либо не было вовсе, либо существовали только вузовские лаборатории. В Казахстане такая учебная криминалистическая лаборатория была создана при кафедре уголовного права и процесса Алма-Атинского юридического института в 1939 г. Лаборатория выполняла и криминалистические экспертизы по заданиям следственных и судебных органов. Руководили ее работой В. А. Хван и Д. Я. Мирский. В 1948 г. на эту лабораторию, все еще считавшуюся учебной, приказом министра юстиции СССР было возложено производство экспертиз для органов следствия и суда Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Алтайского края России.

К 1951 г. поток экспертиз настолько увеличился, что возникла потребность в создании самостоятельного экспертного криминалистического учреждения. И такая лаборатория криминалистического профиля была создана в апреле 1951 г. в системе МЮ Казахстана. Возглавлял ее сначала А. И. Прокопьев, а с 1956 г. Шакен Мажитович Мажитов.

Несмотря на небольшой штат сотрудников (всего 6 экспертов), лаборатория оказывала существенную помощь органам следствия и суда. Достаточно сказать, что за шесть лет своего существования лаборатория выполнила более 3200 экспертиз[35]. Однако с течением времени возможности лаборатории оказались уже явно недостаточными для удовлетворения потребностей следственно-судебной практики в производстве криминалистических экспертиз. Возникли предпосылки для создания учреждения более высокого уровня — института. Аналогичная ситуация сложилась и в Узбекистане. В 1940 г. при кафедре уголовного процесса Ташкентского юридического института была создана учебная криминалистическая лаборатория, которой руководил доцент Т. С. Мошкович. Начиная с 1949 г,, когда руководителем лаборатории стал доцент (впоследствии доктор юридических наук, профессор) Д. П. Рассейкин, лаборатория стала выполнять графические экспертизы по поручениям судебно-след-ственных органов. В мае 1951 г. в соответствии с решением СМ СССР от 30 декабря 1950 г. была организована Ташкентская науч-но-исследовательская криминалистическая лаборатория. Первым заведующим лабораторией был Миновар Умаров, после смерти которого в 1953 г. руководителем лаборатории стал В. У. Умаров.

В штате лаборатории было всего 7 экспертов, а помещалась она в небольшом помещении и использовала в своей работе оборудование кафедры юридического института, хотя и обслуживала огромную зону: Узбекистан, Таджикистан, Туркмению, Ошскую и Джелалабадскую области Киргизии, Средне-Азиатский железнодорожный округ. Б. И. Пинхасов вспоминает, что в первое время лаборатория производила лишь судебно-почерковедческие и технико-криминалистические экспертизы, что объяснялось отсутствием необходимого опыта работы для производства других видов экспертиз, соответствующего оборудования и приборов. Систематическое повышение квалификации, обучение на курсах повышения квалификации в Москве, стажировка ряда научных сотрудников в Центральной криминалистической лаборатории, Киевском и Харьковском научно-исследовательских институтах судебной экспертизы — все это способствовало освоению производства баллистических, трасологических и дактилоскопических экспертиз[36].

В 1948 г. при кафедре уголовного права юридического факультета Азербайджанского государственного университета был создан кабинет криминалистики, и с октября 1949 г. по декабрь 1950 г. старший лаборант кафедры К. Г. Сариджалинская, которая получила специальную экспертную подготовку, проводила почерковедческие и трасологические экспертизы. Но этот кабинет ни в какой мере не мог заменить специализированного экспертного криминалистического учреждения.

В начале 50-х гг. стали создаваться республиканские криминалистические лаборатории в Тбилиси и Риге. Тбилисская лаборатория начала функционировать в 1951 г. Первоначально оперативный состав лаборатории насчитывал четырех сотрудников, трое из которых — начальник лаборатории Г. А. Цимакуридзе, эксперты О. М. Мгеладзе и О. В. Жгенти сыграли впоследствии большую роль в становлении и дальнейшем развитии лаборатории.

Создание Рижской лаборатории имело свою предысторию. До войны в Латвии имелось специализированное экспертное криминалистическое учреждение — институт, возглавляемый профессором Кангером, эмигрировавшим в 1940 г. в Германию, когда институт прекратил свою деятельность. Первые попытки организовать криминалистическую экспертную лабораторию предпринял Д. Жуковский на юридическом факультете Латвийского университета в 1946 г., но из-за отсутствия материальной базы и квалифицированных кадров он потерпел неудачу. Судебно-следственные органы вынуждены были направлять материалы на экспертизу в криминалистическую лабораторию Ленинградского юридического института. В начале 1948 г. при Рижской юридической школе была организована криминалистическая лаборатория, сумевшая обеспечить производство основных видов криминалистических экспертиз. В начале 1950 г. на ее базе создается криминалистическая лаборатория при юридическом факультете Латвийского университета. Организатором и заведующим лабораторией был доцент (впоследствии доктор юридических наук, профессор) Я. М. Яковлев, а экспертом работал Л. В. Франк. Активное участие в работе лаборатории принимали Л. В. Станиславский и Л. М. Ванцевич. Лаборатория была на хозрасчете. Несмотря на примитивное оборудование и незначительный штат, в лаборатории выполняли и сложные экспертизы; в месяц проводилось 30—40 экспертиз[37].

Первым межобластным экспертным учреждением Министерства юстиции России была созданная в 1948 г. Ленинградская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория, которая обслуживала помимо Ленинграда и Ленинградской области Мурманскую, Псковскую, Новгородскую, Архангельскую, Калининградскую, Вологодскую, Ярославскую, Костромскую области и Карельскую АССР.

В соответствии с распоряжением СМ СССР от 30 декабря 1950 г. Министерство юстиции СССР организовало научно-исследовательские криминалистические лаборатории судебной экспертизы в Казани, Ростове-на-Дону, Саратове, Свердловске, Новосибирске и Хабаровске. Штат лабораторий был незначителен — 5—6 человек оперативного состава. Как правило, эксперты проходили специальную подготовку в Москве. Техническое оснащение на первых порах было примитивным. Так, на вооружении Ростовской лаборатории находились два бинокулярных микроскопа, вертикальная репродукционная установка и фотоувеличитель. В первое время лаборатории могли выполнять только почерковедческие, технико-криминалистические исследования документов, некоторые трасологические экспертизы.

Пик развития криминалистических экспертных учреждений приходится в основном на последующее десятилетие.

Примечания

[1] Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. М., 1976. С. 119-120.

[2] См. Гамбург А.М. 15 лет деятельности Киевского научного общества судебных медиков и криминалистов // Материалы пятой расширенной научной конференции. Киев, 1964. С. 3—4.

[3] Проблемы криминалистики // Материалы научного совещания по криминалистике при Всесоюзном институте юридических наук. М., 1947. С. 8.

[4] Там же. С. 9.

[5] Проблемы криминалистики // Материалы научного совещания по криминалистике при Всесоюзном институте юридических наук. С. 10—30.

[6] Характеризуя роль А. Бертильона в области разработки проблем идентификации, С. М, Потапов писал: "Именно Бертильону принадлежит открытие и некоторое теоретическое обоснование общего метода криминалистики — метода идентификации, роль которого во всех его видоизменении - в зависимости от свойств исследуемых объектов состоит в судебном доказательстве тождества. Бертильон впервые применил его к установлению личности рецидивистов" (Потапов С М Роль методов криминалистики в доказательственном праве. Рукопись). Представляется, что Потапов несколько переоценил роль Бертильона в формировании теории идентификации, ибо его работы носили сугубо эмпирический характер.

[7] Криминаллистика М.,1938 С.4.

[8] Работы Зицера Е. У. этих лет: "Монодактилоскопия (система Семеновского)". М., 1930; "О судебной экспертизе документов" (Соц. законность. 1937. № 6); "Экспертиза мастичных пломб" (Соц. законность. 1939. № 5); "Экспертиза следов действия огнестрельного оружия" (Соц. законность. 1939. № 3); "Наиболее устойчивые признаки почерка" (Проблемы криминалистики. М., 1947) и др.

[9] Потапов С. М. Введение в криминалистику. М.: Изд. ВЮА СА, 1946.

[10] Терзиев Н, В. Идентификация в криминалистике // Сов. государство и право. 1948. №2. С. 44.

[11] Терзиев Н.В. Указ. Соч. С. 44-45. В процессе уточнения понятия родовой (видовой) идентификации большинство криминалистов склонилось к замене этого понятия другим- установление групповой принадлежности, поскольку объект может быть тождественен только самому себе.

[12] Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949.

[13] Там же. С. 121-122.

[14] Шевченко Б.И. Научные основы современной трасеологии. М., 1947.

[15] Шевченко Б.И. Указ.соч. С. 13-18.

[16] Там же. С. 19-50.

[17] Терзиев И.В. Эйсман А. А. Введение в криминалистическое исследование документов, часть 1. Часть 2 книги написана А. А. Эйсманом и имеет сугубо технический характер. Обе части вышли отдельными книгами в 1949 г. На обложках обеих книг указаны фамилии обоих авторов.

[18] См. статьи Митричева С. П. К вопросу о советской криминалистике (Соц. законность. 1938. № 1); Задачи советской криминалистической экспертизы (М., 1939); О техническом снаряжении следователя (Соц. законность. 1937. № 3); Расследование убийств (Соц. законность. 1938. № 4)

[19] См. статьи Митричева С. П.: Задачи советской науки криминалистики (Соц. законность. 1951. № 6), Предмет советской криминалистики и ее место в системе юридических наук (Соц. законность. 1952. № 3) и др.

[20] Предмет советской криминалистики и ее место в системе юридических наук. Обзор итогов дискуссии во ВНИИ криминалистики // Соц. законность. 1952. №3

[21] Содержание докладов и выступлений приводится по обзору "В совете Института криминалистики Прокуратуры СССР. Вопросы системы советской криминалистики и место в ней следственной тактики" // Сов. Криминалистика на службе следствия. Вып. 7. М.,1956.

[22] Подробное изложение этих положений доклада содержится в его статье "О сущности криминалистической техники и криминалистической экспертизы // Сов. государство и право. 1955. №8

[23] Содержание доклада А.Н.Васильева изложено в его статье "О тактике следствия" // Сов. криминалистика на службе следствия. Вып. 7. М., 1956.

[24] Соц. Законность. 1952. № 2. С. 83-86.

[25] Миньковский Г, Яблоков Н. Криминалистика Учебник для юридических высших учебных

заведений. Т 1. М . ВИЮН, 1950, Рецензия // Соц. законность. 1951. № 7. С. 81—87.

[26] Соц. законность. 1951. № 7. С. 83.

[27] Винберг А. И. Криминалистика. Лекции по криминалистике для слушателей ВЮА. Вып. I. М., 1950; Вып. П. М., 1950; Вып. III. М, 1951.

[28] См.. Васильев А. Н. Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях. М., 1954; Егоров П. П. Методика расследования по делам о хищениях, утрате и порче грузов на железнодорожном транспорте. М., 1951; Карпович Г. Б, Расследование аварий на водном транспорте. М., 1953; Розенблит С. Я. Расследование автотранспортных происшествий. М., 1953; Кочаров Г. И. Опознание на предварительном следствии. М., 1955 и др.

[29] Сапун А. П., Сегай М. Я. 50 лет деятельности Киевского НИИ судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 4. Киев, 1967. С. 41.

[30] Памяти Виктора Павловича Колмакова // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 10. Киев, 1973. С. 408.

[31] См.: Колмаков В. П. Сущность и задачи идентификации личности в советской криминалистике // Ученые записки Харьковского юридического института. 1955. Вып. 6; его же. Криминалистическая идентификация как способ доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве // Криминалистика и суд. экспертиза. 1966. Вып. 3; его же. Совершенствовать тактику производства идентификационных следственных действий // Радянське право. 1968. № 10 и др.

[32] Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя.
М. 1977.

[33] Колмаков В. П. Харьковский НИИ судебной экспертизы на службе социалистического правосудия // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 4. Киев, 1967. С. 60.

[34] Иванов В.П. Штейнгауз М.С. Состояние и перспективы развития судебной экспертизы в Белорусской ССР. Минск, 1963. С. 51-56.

[35] Булгакбаев А.Б. Судебная экспертиза в Казахской ССР, её развитие и нерешенные вопросы // Некоторые вопросы борьбы с преступностью. Алма-Ата, 1970. С. 188.

[36] Пинхасов Б. И. Из деятельности Ташкентского НИИ судебной экспертизы. Ташкент, 1974. С. 2.

[37] Рыбников И. Б., Соколов В. А. Возникновение и развитие криминалистических учреждений в Латвийской ССР // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1962. № 2. С. 133—134.

Глава 5. Накануне периода «бурь и натиска» (1955 — конец 60-х гг.)

5.1. В эти годы в кельях Ивановского монастыря.

Высшая школа МВД СССР, преемница Центральной высшей школы милиции (1930—1943 гг.) и Высшей школы НКВД — МВД, *а* впоследствии Высшей школы милиции КГБ (1943—1952 гг.), с 1951 г. размещалась в здании бывшего Ивановского монастыря на Солянке. Здание это к тому моменту, когда я перешагнул в конце 1955 г. его порог, много раз подвергалось перепланировке, перестройке, было надстроено; в монастырском храме размещался какой-то архив, а в небольшом флигеле во дворе — руководство школы, редакционно-издательский и научно-исследовательский отдел, вся научная часть которого была представлена в лице старшего научного сотрудника, т. е. меня. Здесь же находилась и маленькая типография.

В 1952 г. школа была преобразована в высшее юридическое учебное заведение с трехлетним сроком обучения. В 1955 г. состоялся первый выпуск ее питомцев с дипломами юристов.

Обстановка в школе была какая-то домашняя. Начальник школы — Аркадий Павлович Логвинов пришел на работу в школу из органов госбезопасности, его заместитель по научной работе Александр Семенович Соколов — с практической работы в органах милиции. Первый по образованию был историком, какое было образование у второго — не помню. Оба они были очень доброжелательными и жизнерадостными людьми, с ними можно было запросто поговорить "за жизнь" и в рабочее время. Если утром придешь с докладом к начальнику школы, то, как правило, у него уже сидит несколько человек; доложишь, да и остаешься в кабинете, вступив в общий разговор, нередко до обеда. После 15 лет службы в армии такая непринужденность в обращении начальника с подчиненными меня приводила буквально в восторг, тем более что и он и его заместитель успевали помимо этих дружеских "посиделок" очень серьезно и умно заниматься делами школы.

Начальником НИиРИО в те годы был С. И. Бабушкин, а его заместителем и главным редактором — Д. В. Гребельский, человек с большим опытом работы и в органах госбезопасности и в милиции. Впоследствии он стал одним из моих близких друзей, и я еще расскажу подробно об этом незаурядном человеке.

После нескольких месяцев довольно бесплодной работы в НИиРИО я был назначен на должность ученого секретаря школы, сменив И. М. Гуткина, готовившегося к защите кандидатской диссертации. Самым значительным моим достижением на этой должности было изготовление именных папок для членов созданного ученого совета школы. А между тем с организацией в середине 1955 г. кафедры криминалистики и приходом в качестве ее начальника из Военно-юридической академии моего бывшего научного руководителя профессора А. И. Винберга криминалистика в стенах Высшей школы стала заметно повышать свой авторитет. В середине 1956 г. мои просьбы *о* переводе на кафедру были наконец удовлетворены и я стал ее преподавателем.

К моему приходу на кафедре работали Петр Ефимович Титов, Галина Федоровна Звягина, Петр Яковлевич Корнеенков, Евгений Федорович Толмачев, Аркадий Павлович Моисеев, Дмитрий Васильевич Кочетков — все бывшие практические работники либо следствия, либо экспертных подразделений милиции. Никто из них не имел ученых степеней и званий, я был единственным кандидатом наук. Иногда к работе на кафедре Абрам Ильич привлекал еще одного бывшего ученика — Генриха Михайловича Миньковского, в те годы молодого научного сотрудника ВИЮН.

Работали сотрудники кафедры очень много и напряженно. Необходимо было за короткий срок подготовить множество лекций, учебных пособий, методических руководств для слушателей школы, отвечающих требованиям подготовки сотрудников МВД. Через пару лет, когда кафедра окрепла и пополнилась несколькими новыми работниками — Владимиром Петровичем Абросимовым, Николаем Ивановичем Герасимовым, Аполлоном Юрьевичем Пересункиным, пополнился и штат "остепененных" — адъюнкт Игорь Михайлович Лузгин под руководством А. И. Винберга успешно написал и защитил кандидатскую диссертацию и

стал кандидатом юридических наук; из Военно-юридической академии перешёл на работу в Высшую школу кандидат юридических наук Николай Степанович Полевой. С таким коллективом можно было подступиться к решению очень важной задачи: подготовке учебника по криминалистике для средних специальных школ милиции, которые испытывали острейшую нужду в учебниках, рассчитанных именно на их контингент обучающихся. В середине 1958 г. рукопись учебника объемом около 26 печатных листов была сдана в Государственное издательство юридической литературы, и в середине 1959 г. учебник вышел в свет. Это был первый учебник, созданный в стенах Высшей школы, что составляло предмет нашей гордости. С 1957 г. я стал все чаще подумывать о докторской диссертации. Меня привлекали проблемы криминалистической тактики, но хотелось, чтобы тема диссертации имела не только тактическое, но и методологическое звучание. Однажды, находясь в командировке в Харькове, поделился своими исканиями с друзьями — научными сотрудниками Харьковского НИИСЭ Львом Ефимовичем Ароцкером и Григорием Лазаревичем Грановским. Они надоумили меня пойти посоветоваться с личностью почти легендарной в юридической науке — профессором-процессуалистом Морисом Марковичем Гродзинским, помогли организовать встречу с ним.

Морис Маркович был уже в преклонном возрасте, он встретил меня как равного, очень дружески. Беседовали долго, перебрали несколько тем, а потом он и говорит: "А почему бы вам не поработать над проблемой экспериментирования в судопроизводстве? Ведь это не только так называемый следственный эксперимент, но, наверное, и многое другое?" Раздумывал над словами Гродзинского я долго, набросал с десяток планов работы, пробовал на разные лады сформулировать тему диссертации, пока не выбрал тот вариант, который и стал окончательным: "Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике". Начать решил с подготовки книги о следственном эксперименте.

Я уже упоминал диссертацию о следственном эксперименте Л. Е. Ароцкера (1951 г.). В 1958 г. вышла книжка Натальи Исидоровны Гуковской "Следственный эксперимент" — прообраз ее будущей кандидатской диссертации. Кроме этих двух работ да нескольких статей и глав в учебниках и руководствах, написанных пионером в этой области П. И. Тарасовым-Родионовым, другой литературы не было, не писал никто и о других приложениях экспериментального метода в судопроизводстве. В 1959 г. Высшая школа МВД издала мою монографию "Теория и практика следственного эксперимента", а через два года еще одну книгу — "Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе и криминалистике» (М., 1961). Контуры будущей докторской диссертации приобрели зримые черты. Но еще до защиты произошло подлинно судьбоносное для меня событие.

В марте 1960 г. А. И. Винберг с воодушевлением принял предложение Прокурора Союза занять пост директора ВНИИ криминалистики прокуратуры. Уходя из Высшей школы, он порекомендовал назначить меня начальником кафедры. Ситуация, надо сказать, складывалась пикантная, поскольку его заместителем по кафедре был уже Н. С. Полевой, я был доцентом кафедры, и меня назначали как бы через его голову. На беседе с руководством школы, предшествующей приказу о назначении, я обрисовал эту ситуацию, но, честно говоря, не очень спорил, когда мне разъяснили, что по некоторым причинам выбор остановили на мне. Забегая вперед, должен сказать, что Н. С. Полевой, возможно, в душе и испытал разочарование этим выбором, но никогда не проявлял этого в общении со мной и воспринял мое назначение доброжелательно. Мы потом работали очень дружно и слаженно, чему в немалой степени, очевидно, способствовало то, что оба были выпускниками ВЮА, учились на одном курсе. Если у него тогда и была надежда стать после ухода Абрама Ильича начальником кафедры, то она вскоре сбылась: после перевода меня на работу в НИИ милиции Полевой стал начальником кафедры. Это произошло в конце ноября 1961 г., через две-три недели после моей докторской защиты, но об этом расскажу подробнее.

В конце 1960 г. руководство школы предоставило мне месячный отпуск для завершения работы над диссертацией, и в начале 1961 г. я представил диссертацию к защите во Всесоюзный институт юридических наук. Диссертация шла по двум секторам: уголовного процесса, которым заведовал проф. И. Д. Перлов, и Центральной криминалистической

лаборатории, которую возглавлял Б. Л. Зотов.

Борис Леонтьевич Зотов, мой ровесник, родился в Ярославле и после окончания средней школы в 1940 г. поступил на учебу на юридический факультет МГУ. С первых месяцев войны и до ее конца он на фронте, а в 1945 г. продолжил учебу в Московском юридическом институте. После его окончания в 1949—1950 гг. работал экспертом-криминалистом в криминалистической лаборатории МЮИ, затем до 1953 г. учился в аспирантуре МГУ. Последующие два года он — преподаватель Всесоюзного юридического института (ВЮЗИ), а с 1955 г. и по 1962 г. заведует ЦЕЛ. После упразднения ЦКЛ в 1962 г. Борис Леонтьевич возвращается на работу в ВЮЗИ — доцентом, профессором кафедры криминалистики, а после ухода с заведования кафедрой С. П. Митричева, в 1972 г., становится заведующим этой кафедрой и работает в этом качестве почти до последних дней жизни в 1985 г.

Б. Л. Зотов

Я был одним из официальных оппонентов по докторской диссертации Бориса Леонтьевича, которую он защищал в 1965 г. Все шло гладко до того момента, как на кафедре появился член совета А. Я. Кудрявцев, в то время заместитель министра охраны общественного порядка России. Он с негодованием заявил: "О какой диссертации может идти речь, если мы диссертанта и в глаза никогда не видели, если он в ГАИ скорее всего и не бывал (диссертация Б. Л. Зотова была посвящена проблематике борьбы с дорожно-транспортными происшествиями. — *Р. В.).* Что это за ученый, который оторван от практики, да и не знает ее!" Это была бомба, взрыв которой привел к провалу диссертанта: он не досчитался нескольких нужных голосов. Через год, в 1966 г. тот же Кудрявцев с довольным видом разглагольствовал на повторной защите Зотова о том, как полезно было для диссертанта, сделав правильные выводы из критики, часто бывать в органах милиции, что и позволило ему подготовить качественную диссертацию... Борис Леонтьевич с этой второй попытки стал доктором

Возвращаясь к своей персоне, замечу, что в ЦКЛ работу мою рассмотрели довольно быстро и рекомендовали к защите, а вот в секторе И. Д. Перлова дело затягивалось: Илья Давыдович считал диссертанта неприлично молодым (39 лет!) и не торопился. Но вот в середине сентября и он дал "добро", и защита была назначена на 3 ноября 1961 г. Были назначены официальные оппоненты: член-корреспондент Академии наук Михаил Соломонович Строгович, заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики юридического факультета Киевского университета профессор Сергей Иванович Тихенко и профессор Степан Петрович Митричев. И день настал...

Нет, настал не день защиты, а ее канун, когда мне позвонил Илья Давыдович и встревоженным голосом сообщил, что у сотрудника его сектора профессора Романа Давидовича Рахунова есть очень серьезные замечания по моему автореферату, которые ставят под угрозу саму защиту: "Постарайтесь переговорить с ним до защиты во избежание нежелательных последствий..."

Тот, кто защищал диссертацию, легко представит себе мое состояние после такого сообщения. Звоню Рахунову домой. Он не очень охотно, но соглашается принять меня вечером.

О чем только я не передумал, отправляясь к нему куда-то, кажется, на юго-запад. Больше всего почему-то меня заботило объяснение с Сергеем Ивановичем Тихенко, который уже приехал на защиту, перенеся ради этого на другие дни свои лекции в университете.

Рахунов встретил меня с хмурым видом и с ходу начал говорить о серьезных недостатках работы, о недопустимых моих промахах. Потом перешел к конкретным замечаниям. И тут настроение мое стало меняться к лучшему: его замечания (да простит мне покойный профессор) свидетельствовали, что он просто не понял, не разобрался в работе, выхватил несколько мест и истолковал их превратно. Разговор наш продолжался более двух часов, расстались вроде мирно, о завтрашнем дне и его возможном выступлении на защите не

говорили, а я и не хотел его об этом спрашивать. Помню, что когда ехал обратно, жалел, что вообще этот разговор состоялся: уж очень эффектно можно было бы ему ответить на защите, если бы он вздумал выступить. Но он не выступил, хотя, по-видимому, голосовал против.

Итак, день настал. Небольшой зал ВИЮНа был полон, по подсчетам друзей, собралось человек 200, а может быть, и больше, стояли даже в проходе. Для того времени в этом не было ничего удивительного, поскольку докторские защиты были еще очень редки, каждая была целым событием, а тем более для криминалистов: моя защита была седьмой в истории отечественной криминалистики, до меня защитили докторские диссертации Н. В. Терзиев (1942 г.), И. Н. Якимов (1947 г.), А. И. Винберг (1949 г.), С. П. Митричев (1954 г.), С. И. Тихенко (1957 г.) и А. Н. Васильев, который защитил диссертацию на год раньше меня, а утвержден был ВАКом на год позже — в 1962 г. Да и по другим юридическим наукам докторских защит было очень немного: мой докторский диплом значится под номером 26.

Но продолжу. За столом президиума — председатель совета директор ВИЮН Константин Петрович Горшенин, бывший министр юстиции Союза, и его заместитель Иван Терентьевич Голяков, бывший председатель Верховного Суда СССР. Все идет своим чередом, оглашены мои биографические данные, партийно-служебная характеристика и прочее, выступил диссертант, перешли к выступлениям официальных оппонентов.

Очень лестные для меня оценки диссертации в целом и ее отдельных разделов дал М. С. Строгович. Упрекал он меня главным образом в том, что я не дал "отпора" неверным, по его мнению, взглядам на материальную истину М. А. Чельцова, С. А. Голунского, В. С. Тадевосяна, избежал критики А. Р. Ратинова за следственную интуицию, зато присоединился к сторонникам "выхода на место с обвиняемым или свидетелем". Говоря об этом "выходе", Михаил Соломонович дал волю своему гневу. Вот что он писал об этом в своем отзыве и повторил на защите: "Эта порочнейшая практика (выхода на место. — Р. Б.) родила "теоретическое обоснование" в глубоко ошибочной книжке А. Н. Васильева и С. С. Степичева "Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений" (1959 г.). Давно уже идет борьба за ликвидацию этого незаконного приема. И вот чрезвычайно огорчительно, что Р. С. Белкин, вообще стоящий на правильных позициях в вопросах социалистической законности, поддался влиянию сторонников этого измышленного нарушителями законности следственного акта и ввел его в свою докторскую диссертацию". Я ждал этой филиппики, но в своем ответе постарался не увлекаться контраргументами.

Замечания С. П. Митричева и С. И. Тихенко носили частный характер. Они не касались "выхода на место". Следом за ними выступил в качестве неофициального оппонента проф. М. И. Авдеев и неожиданно "из публики" народный судья Кировского района В. Кондратьев — оба в мою поддержку. Начинается голосование, зал по-прежнему полон, никто не уходит, все ждут результатов. Наконец они объявлены: 20 — за, 2 — против. Вот и все, начинается новая страница моей биографии, и началась она совсем не так, как мне бы хотелось.

Недели через три после защиты, в конце ноября, поздно вечером меня неожиданно вызвали к министру. Это был период, когда в 1960 г. было упразднено союзное Министерство внутренних дел, а республиканские переименовали в Министерства охраны общественного порядка — МООП. Российским министром был назначен Вадим Степанович Тикунов, ответственный работник ЦК КПСС, высокообразованный юрист, жесткий и решительный человек. К нему-то меня и вызвали.

Вызову предшествовал один эпизод. В составе комиссии министерства я участвовал в проверке работы НИИ милиции, а затем вместе с другими членами комиссии был приглашен на заседание коллегии, где обсуждались итоги проверки. В справке комиссии никаких серьезных недостатков в работе института отмечено не было, обсуждение на коллегии шло в мирных тонах, и никто не предполагал, что в заключение Тикунов вдруг поставит вопрос об освобождении от занимаемых должностей начальника института В. Н. Рощина (он пришел в институт с должности секретаря парткома Высшей школы) и его заместителя Курбатова. Все присутствующие оторопели, наступило минутное молчание, но вдруг все члены коллегии проголосовали за предложение министра. По-моему, никто из присутствовавших, в том числе и Рощин с Курбатовым, в первый момент так и не поняли, что произошло.

И вот в тот ноябрьский вечер, когда министру доложили, что я прибыл, и меня пригласили

к нему в кабинет, я увидел у него на столе папку моего личного дела. В кабинете был заместитель министра по милиции генерал Ромашков, пришедший в министерство из КГБ и вскоре откомандированный обратно туда же.

Попробую передать происшедший разговор, как он мне запомнился, не ручаясь за буквальную точность выражений.

Министр: Поздравляю с докторской защитой. Теперь пойдешь работать в НИИМ замом.

Я: Спасибо за поздравление и предложение, но я бы этого не хотел.

М.: Мало что не хочешь, надо. Мы сняли начальника и его зама. Начальником теперь будет крупный практический работник, а замом — ученый. По-моему, это то, что требуется.

Я: Но я не администратор, я преподаватель и хочу им оставаться. Да и зам ведь в институте не по науке, а вообще...

М. (Ромашкову): Переделай должность зама, пусть теперь будет зам по научной работе.

Я: Но я не могу без преподавания...

М. (перебивая меня, опять Ромашкову): Скажешь, чтоб оставили его в Высшей школе на полставке.

Я: И все-таки я бы очень просил не назначать меня и оставить на прежней работе.

М. Все. Завтра сдай кафедру и послезавтра выходи на работу в институт.

Я: Скажите хоть, кто будет начальником института...

М. Скоро узнаешь. Хороший человек. Иди.

Вот такой состоялся разговор по сути, хотя продолжался он несколько дольше: в его изложении я опустил многочисленные мои попытки отказаться от этого назначения.

Забегая вперед, скажу, что действительно должность заместителя была переименована и в Высшей школе я был оставлен на полставке, от которой через пару месяцев я был вынужден отказаться, потому что по министерству пошли разговоры, что Белкин получает денег больше министра.

О том, что произошло далее и как складывалась моя научная судьба, расскажу позже, а сейчас пора вернуться к тому, как и что происходило в это время в нашей науке.

5_2. Развитие экспертных и научно-исследовательских криминалистических учреждений

К началу 50-х гг., как уже говорилось, в стране существовали три общесоюзных экспертных и научно-исследовательских криминалистических центра: ЦКЛ Министерства юстиции (в структуре ВИЮН), НИИ криминалистики Главного управления милиции и ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза. Последний экспертным учреждением не являлся, хотя и вел работу по техническому оснащению следователей. Распределены были между ними и "сферы влияния".

Начавшийся в 1948 г. процесс организации в России областных криминалистических лабораторий к началу 60-х гг. поставил на повестку дня вопрос о создании официального экспертного центра, обладающего необходимыми правами в области научно-методического руководства периферийными лабораториями и координации их деятельности. 1 октября 1962 г. на базе Центральной криминалистической лаборатории и Московской лаборатории судебной экспертизы был создан Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз при Юридической комиссии СМ России. Директором института был назначен Александр Романович Шляхов, работавший начальником отдела экспертных учреждений Юридической комиссии.

В истории отечественных криминалистических экспертных учреждений, пожалуй, нет другого такого человека, который столько сделал бы для их организации и развития. Благодаря его инициативе и энергии в 50—60-х гг. в России создается разветвленная сеть периферийных экспертных учреждений органов юстиции, несмотря на нехватку подготовленных экспертных кадров и надлежащей материальной базы.

Александр Романович Шляхов родился в 1925 г. в с. Ново-Троинка Усть-Калманского района Алтайского края. В 1943 г. из десятого класса средней школы он был призван в армию, до июля 1943 г. учился в военном училище, а затем был направлен на фронт. В 1944 г. Александр Романович был тяжело ранен, потерял глаз, долго лечился и после демобилизации

в мае 1945 г. стал работать электросварщиком на московском заводе "Серп и молот".

В 1945 г. Шляхов поступает на учебу в Московский юридический институт, совмещая учебу с работой на заводе. После окончания института в 1949 г. его принимают в аспирантуру по кафедре криминалистики. Но прежде чем полностью посвятить себя научной деятельности, Шляхову пришлось потрудиться на организационном поприще. В 1952 г. его назначают начальником отдела криминалистических учреждений Министерства юстиции Союза, затем он возглавляет аналогичный отдел Юридической комиссии Российской Федерации. После создания Центрального НИИ судебных экспертиз Шляхов назначается его директором и одновременно еще некоторое время руководит отделом экспертных учреждений.

Кандидатскую диссертацию по проблемам планирования расследования удалось защитить лишь в 1958 г.: мешала большая занятость и частые командировки. Докторскую диссертацию он защищал в Ленинградском университете в 1972 г. теперь по проблемам судебной экспертизы, будучи уже широко известным автором многочисленных работ в этой области. Много лет спустя он наконец стал профессором: как директора института к званию его должно было представить Министерство юстиции, но министру не очень нравился самостоятельный, а порой и строптивый директор института...

В 1970 г. после воссоздания Министерства юстиции СССР институт стал именоваться Всесоюзным. Когда он создавался, в нем работала небольшая группа ученых-криминалистов, кандидатов юридических наук — В. С. Митричев, В. Ф. Орлова, А. И. Манцветова, А. А. Гусев, Х. М. Тахо-Годи, Б. М. Комаринец — и ряд опытных экспертов. Всего же штат института насчитывал немногим более 90 человек. В 1987 г., когда отмечалось 25-летие института, в его штате насчитывалось свыше 400 сотрудников. В этом же году А. Р. Шляхову предложили уйти на пенсию. Сделано это было уж очень как-то неделикатно, поспешно, создавалось впечатление, что кто-то в министерстве торопился освободить место директора для другого человека. Помню, как приехал заместитель министра по кадрам, собрал руководителей отделов и лабораторий и скороговоркой прочитал приказ об объявлении Шляхову благодарности и увольнении на пенсию. Все произошло в атмосфере какой-то неловкости, а на Шляхова было просто больно смотреть — так подействовало на него это неожиданное увольнение. Толком попрощаться с ним сотрудники института так и не смогли: проводить что-либо публичное коллективу "не рекомендовали", прощались приватно, кто как смог.

Отставка очень сильно повлияла на этого сильного и мужественного человека, он стал часто болеть, с каждым днем ухудшалось и без того плохое зрение, угасал на глазах и в 1997 г. скончался.

После преобразования ЦНИИСЭ во Всесоюзный институт он стал головным учреждением — научно-исследовательским и экспертным — для всей системы экспертных учреждений МЮ Союза. Расширение компетенции, повышение его роли как научно-методического и координационного центра общесоюзного значения повлекли за собой и изменение его организационной структуры. Забегая вперед и чтобы больше к этому не возвращаться, замечу, что в последующие годы структура института не раз претерпевала изменения: создавались новые лаборатории, сектора, изменялась направленность их деятельности. Весьма показательным было создание в институте отдела теории судебных экспертиз в составе двух секторов: сектора правовых и организационных проблем судебной экспертизы и сектора теоретических и общеметодических проблем криминалистики и судебных экспертиз. К работе в этом деле были привлечены видные ученые — криминалисты и процессуалисты доктора наук А. И. Винберг, Ю. Г. Корухов, В. Д. Арсеньев, Д. Я. Мирский, Ю. К. Орлов.

Помимо предметных в институте были организованы лаборатории химических, физических, математических и кибернетических и других методов исследования, специальная лаборатория почвоведческих исследований и др. В Брянске был открыт филиал института. В те годы в институте работали высококвалифицированные специалисты: В. Ф. Орлова, Г. Л. Грановский, Ю. Г. Корухов, Б. М. Комаринец, Х. М. Тахо-Годи, Н. П. Майлис, Е. И. Сташенко, М. Н. Ростов, В. И. Нусбаум, позже М. В. Кисин, И. В. Горбачев и многие другие. К их научной деятельности я еще вернусь.

Серьезные изменения произошли в эти годы и в республиканских центрах

криминалистических экспертиз.

В марте 1962 г. было введено в действие новое Положение о научно-исследовательских учреждениях судебной экспертизы МЮ Украины, которым вводилась новая структура институтов: 5 отделов — криминалистической идентификации личности, судебно-физических и трасологических исследований, судебно-химических исследований, судебно-биологических исследований, судебно-технических исследований; фотолаборатория, библиотека, научно-методический кабинет и хозяйственные подразделения; Одесская лаборатория отделов не имела.

Для более полного удовлетворения потребностей следственной и судебной практики в производстве судебных экспертиз были организованы Львовское отделение Киевского НИИСЭ и Донецкое отделение Харьковского НИИСЭ[1].

В 1956 г. на базе Минской НИКЛ был возрожден Белорусский НИИ судебных экспертиз, впоследствии переименованный в НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Первоначально институт состоял из трех отделов — криминалистического, фотофизического, биологических и химических исследований и сектора научных обобщений и информации. В 1961г. был организован еще один отдел — автотехнической экспертизы.

В соответствии с Положением об институте 1961 г. его основными задачами являлись:

а) обеспечение судов, органов предварительного следствия и дознания Белорусской ССР квалифицированной судебной экспертизой;

А. Р. Шляхов А. И. Манцветова Х. М. Тахо-Годи Е. И. Сташенко

б) дальнейшая разработка научных проблем в области криминалистики и судебной экспертизы".

Для выполнения этих задач на институт возлагалось помимо производства экспертиз участие сотрудников в следственных действиях по требованиям следственных и судебных органов, разработка новых методов и приемов исследования вещественных доказательств, вопросов теории судебной экспертизы, обобщение опыта следственных и судебных органов в области применения результатов судебной экспертизы и популяризация возможностей экспертизы. С момента организации институт выполнял все виды криминалистических экспертиз.

С годами совершенствовалась структура института. Место отделов заняли лаборатории и сектора, в том числе три криминалистические лаборатории: почерковедческая, технико-криминалистического исследования документов, трасологических исследований, в состав которой входил сектор баллистики [2]. Долгие годы директором института был В. П. Иванов. Позднее в институте работал доктор юридических наук И. Д. Кучеров, уехавший затем в Литву и вновь вернувшийся в институт уже в 90-х гг.

В 1957 г. на базе Алма-Атинской лаборатории судебных экспертиз создается Алма-Атинский НИИ судебных экспертиз, преобразованный в 1966 г. в Казахский НИИ судебных экспертиз МЮ Казахстана. Директором института в 1957—1975 гг. был Василий Андреевич Хван.

В апреле 1958 г. на базе Ташкентской научно-исследовательской криминалистической лаборатории создается Ташкентский НИИ судебных экспертиз. Одним из инициаторов создания института была председатель Юридической комиссии при СМ Узбекистана академик Х. С. Сулайменова, имя которой после ее смерти присвоено институту. Директором института стал В. Умаров, а с 1972 г. в течение

М. Н. Ростов М. В. Кисин

многих лет институт возглавлял доктор юридических наук профессор Б. И. Пинхасов.

Первоначально в штате института насчитывалось 28 сотрудников. По мере роста квалификации научных сотрудников, совершенствования методов исследования вещественных доказательств, оснащения отделов института новым оборудованием и в связи с возрастающими потребностями следственно-судебных органов институтом осваивалось производство новых видов экспертиз, организовывались новые отделы [3]. К началу он существенно укрепил свою научную и техническую базу. В уставе института 971 г.) уже указывалось, что он осуществляет исследование письма, трасологические исследования, технические исследования документов, баллистические исследования, отождествление личности по фотоизображениям, установление целого по частям и "исследование самодельных ножей, кинжалов и тому подобных вещественных доказательств для установления их принадлежности к холодному оружию". Уже в 1960 г. сотрудниками криминалистических подразделений института было исследовано свыше 17 тыс. объектов. Открываются отделения института в Гулистане, Самарканде, Фергане, Нукусе, Карши и Андижане.

Третьим по времени организации после войны республиканским институтом судебной экспертизы был Литовский.

До 1958 г. в Литве специализированного криминалистического учреждения не было. С 1951 г. экспертизы для литовских правоохранительных органов проводила Латвийская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория, которая не могла полностью удовлетворить растущие потребности органов следствия и суда в производстве судебных экспертиз. Поэтому в 1958 г. при

В. П. Иванов Б. И. Пинхасов И. Д. Кучеров В. А. Хван

Министерстве юстиции Литвы создается собственная лаборатория аналогичного типа. Сначала она выполняла только почерковедческие исследования и некоторые технико-криминалистические экспертизы документов. Но уже в 1959 г. в ней стали проводить и другие криминалистические экспертизы. В 1961 г. на базе этой лаборатории и Бюро судебно-бухгалтерской экспертизы Министерства финансов республики создается Научно-исследовательский институт судебной экспертизы, состоящий всего из трех отделов, в том числе и криминалистического. Директором института был А. Б. Чапас, впоследствии этот пост занял С. И. Стачёкас, а его заместителем по научной работе стал в 1962 г. П. К. Пошюнас, долгие годы после ухода Стачёкаса руководивший институтом.

В 1965 г. в институте создается отдел по изучению причин преступности, разработке мер предупреждения преступлений и совершенствования законодательства. Создание этого отдела превращало институт в многопрофильное учреждение. В 1966 г. отдел криминалистических исследований был разделен на два отдела — почерковедческих и трасолого-баллистических исследований; в 1977 г. создается самостоятельная лаборатория технической экспертизы документов; в 1985 г. лаборатория кибернетических исследований преобразуется в сектор и включается в лабораторию почерковедческих экспертиз.

1 июня 1956 г. была создана Бакинская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория Министерства юстиции республики со штатом... 3 человека. У руководителя

лаборатории Ф. Э. Давудова, впоследствии доктора юридических наук, профессора, несколько месяцев ушло на ознакомление с организацией работы экспертных учреждений других республик, создание необходимой технической базы. Но уже 15 ноября 1956 г. в лаборатории выполнена первая экспертиза по графическому и техническому исследованию документов. Затем лаборатория стала проводить

Ф. Э. Давудов

баллистические, а с **1957** г. и **трасологические исследования** [4]**. В** 1958 г. сотрудники лаборатории, которая к этому времени количественно значительно выросла, освоили производство портретно-криминалистических экспертиз. Заметно выросла и квалификация сотрудников. В 1957 г. лаборатория выполнила 333 экспертизы, а через три года, в 1960 г., уже 549. Практически возникли условия для создания на базе лаборатории экспертного учреждения более высокого уровня.

Постановлением СМ Азербайджана от 15 декабря 1960 г. был создан Азербайджанский научно-исследовательский институт судебной экспертизы при Юридической комиссии СМ республики. Ф. Э. Давудов стал директором института, а после его трагической гибели в 1983 г. руководство институтом возглавил И. А. Алиев.

Первоначально структура института состояла из трех отделов: криминалистических исследований; физических, химических и биологических исследований; судебно-бухгалтерских экспертиз и фотолаборатории. Впоследствии было создано 9 научно-исследовательских лабораторий, в том числе 4 криминалистические: судебно-почерковедческой экспертизы, судебно-технической экспертизы документов, судебно-трасологической экспертизы и судебно-баллистической экспертизы. В соответствии с уставом института г.) был организован отдел криминологических исследований, который затем переименовали в сектор экспертной профилактики и изучения причин и разработки мер предупреждения преступлений.

В других союзных республиках экспертные криминалистические учреждения были представлены республиканскими лабораториями судебных экспертиз.

Созданная в 1951 г. Рижская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория с 1959 по 1964 г. находилась в ведении Верховного суда республики, с 1964 г. — Юридической комиссии при СМ, а с 1970 г. — Министерства юстиции. В 1968 г. она была преобразована в Латвийскую научно-исследовательскую лабораторию судебных экспертиз и криминологии. Кстати, это была единственная в стране лаборатория,, в которой проводились судебно-психологические экспертизы.

Киргизская республиканская на1учно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз была создана в 1963 г. со штатом в 20 человек. В первые годы выполнялись преимущественно криминалистические экспертизы. В 1966-Mi, 1975-м и 1985 гг. были организованы филиалы лаборатории в *г.* Ош, Рыбачье и Талас; штат лаборатории к 1987 г. возрос до 80 человек.

Лаборатория судебных экспертиз Эстонии создана в 1964 г. К работе в ней были привлечены эксперты-криминалисты кафедры уголовного права и процесса Тартуского университета и некоторые сотрудники НТО МВД Эстонии. Первоначально в лаборатории было три отдела, в том числе отдел криминалистики. В 1969 г. был создан филиал лаборатории в Тарту. В марте 1972 г. лаборатория стала именоваться Научно-исследовательской лабораторией судебной экспертизы, были организованы новые отделы. В 1976 г. создается отдел криминалистической техники. Это было единственное подразделение подобного рода в системе судебно-экспертных учреждений Союза, которое занималось конструированием и изготовлением криминалистической аппаратуры.

В Туркмении научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз создается в 1965 г. и сразу получает статус республиканской. В ее составе образуются четыре отдела, в том

числе и криминалистический. Лаборатория *в* этот период была укомплектована работниками, не имеющими экспертной подготовки. Им пришлось пройти стажировку в Ташкентском, Алма-Атинском и Азербайджанском НИИСЭ и Таджикской республиканской НИЛСЭ, после чего уже на практике совершенствовать свою экспертную квалификацию[5]. Впоследствии в лаборатории сформировался квалифицированный научно-экспертный коллектив, выполняющий все виды криминалистической экспертизы!.

В Армении научно-исследовательская криминалистическая лаборатория создается в 1959 г. при научно-исследовательском секторе Ереванского университета. В 1966) г. лаборатория переходит в ведение сначала Юридической комиссии СМ, а впоследствии Министерства юстиции. Лаборатория к концу 60-х гг. выполняла уже все виды криминалистических экспертиз.

Таджикская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория судебных экспертиз организована в 1959 г. на базе проблемной лаборатории юридического факультета университета. Лаборатория состояла из двух секторов: криминалистических и физико-химических исследований. Заведовал лабораторией Я № Яковлев, а после него — Х. Салимов. При организации лаборатории, как и в других республиках, основная трудность заключалась в отсутствии местных кадров экспертов-криминалистов, поэтому ее штат комплектовался в основном выпускниками университета [6]. Все они прошли специальную подготовку на экспертных курсах в Москве, и уже на втором году существования лаборатории объем ее экспертной нагрузки вырос в два с половиной раза, хотя в лаборатории работало всего 8 экспертов (в 1960 г. выполнено 183 экспертизы).

В 1974 г. в Ленинабадской области был организован филиал лаборатории, где производились трасологические, почерковедческие и другие криминалистические экспертизы.

Кишиневская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория была организована в 1962 г. в составе Кишиневского университета.

В соответствии с Положением о лаборатории (1963 г.) руководство работой лаборатории осуществлялось ректором университета через ее заведующего; ректор же назначал заведующего и через него, по его представлению — других сотрудников лаборатории. Этим же Положением на лабораторию возлагалось производство всех видов криминалистических и некоторых иных экспертиз. После воссоздания республиканского Министерства юстиции лаборатория перешла в его ведение.

С начала 50-х гг. быстрыми темпами стала развиваться система периферийных экспертных учреждений органов юстиции России.

Я уже писал, что первым подобным экспертным учреждением была созданная в 1948 г. Ленинградская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория МЮ России. В 1959 г. в связи с расширением экспертных функций она была переименована в научно-исследовательскую лабораторию судебных экспертиз, а в Мурманске и Вологде создали ее отделения. Через два года отделение в Вологде было преобразовано в Вологодскую НИЛСЭ; в 1967 г. подобное преобразование было проведено в Мурманске: отделение стало самостоятельной Мурманской НИЛСЭ.

Структура и наименование Ленинградской лаборатории несколько раз менялись. В 1969 г. она вновь стала криминалистической и в ней были созданы два отдела: криминалистических и судебно-бухгалтерских экспертиз; криминалистический отдел состоял из специализированных групп, и при нем была организована петрозаводская группа лаборатории.

В 1970 г. на базе группы по производству экспертиз документов был создан отдел исследования документов, а затем сама лаборатория была переименована в Центральную Ленинградскую НИКЛ МЮ России.

Существенные изменения претерпела структура лаборатории в 1976 г. Было образовано 7 отделов, в том числе отдел трасологических и баллистических исследований, отдел исследования документов с двумя секторами — почерковедческих исследований и технического исследования документов. Организованы новые отделы: координации научных исследований и внедрения новой техники; отдел научной информации и технического

обеспечения.

В 1977 г. лабораторию вновь переименовали в Центральную Ленинградскую научно-исследовательскую лабораторию судебных экспертиз. В 1981 г. был образован Петрозаводский филиал лаборатории.

За годы своего существования Ленинградская лаборатория превратилась в высокоавторитетное научно-экспертное учреждение, в сущности давно переросшее рамки своего статуса. Несколько раз поднимался вопрос о ее преобразовании в институт — головной для экспертных учреждений России, однако должного решения так и не было принято. Много лет лабораторией руководил Г. П. Кучеренко, а впоследствии и в настоящее время — С. А. Смирнова. Здесь работали Р. М. Ланцман и М. Г. Любарский.

В соответствии с упоминавшимся распоряжением СМ СССР от 30 декабря 1950 г. Министерству юстиции было предписано организовать несколько периферийных лабораторий судебной экспертизы, в том числе в Ростове-на-Дону и Свердловске.

Ростовская лаборатория разместилась в помещении бывших киноремонтных мастерских, располагала на первых порах скудным техническим оборудованием. Пять человек оперативного состава должны были обслуживать колоссальную зону, в которую входили Дагестан, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, Кабардинская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская республики.

Первая экспертиза — почерковедческая — была проведена в октябре 1951 г. Т. И. Малхазовой. Тогда лаборатория могла выполнять только почерковедческие, трасологические и технические экспертизы документов. В 1958 г. лаборатория переходит в здание областного суда, где ей предоставили восемь небольших комнат, что по тем временам было существенным улучшением условий

М. Г. Любарский

работы. В 1959 г. создается Краснодарское отделение лаборатории, позднее ставшее самостоятельной НИЛСЭ. В 1961 г. в лаборатории создаются отделы исследования документов (зав. М. 3. Гатов) и трасолого-баллистических исследований (зав. В. В. Панкратов).

В 1971 г. лаборатория преобразуется в Центральную Северо-Кавказскую научно-исследовательскую криминалистическую лабораторию. К своему двадцатипятилетию, в 1976 г., она состояла уже из шести отделов, с ведущим отделом криминалистических исследований.

Если в 1952 г. в лаборатории было выполнено 548 экспертиз, то в 1975 г. — 3243.

Здесь начинали свой путь в криминалистику О. М. Глотов, Л. Г. Эджубов, В. В. Панкратов. Первым заведующим лабораторией был С. А. Головатый, с 1953 г. — М. Г. Мигалов, а с 1963 по 1986 г. — заслуженный юрист России Н. Б. Лягушин, который особенно много сделал для развития лаборатории и повышения ее научного потенциала.

Свердловская научно-исследовательская криминалистическая лаборатория была образована в июне 1951 г. со штатом в 6 экспертов. Выполняла она почерковедческие исследования, технические экспертизы документов и некоторые трасологические экспертизы. В июле 1969 г. лабораторию переименовали в Уральскую НИКЛ; в 1972 г. она стала Центральной Уральской НИКЛ, а с 1977 г. — Центральной Уральской НИЛСЭ. В 1963 г. был открыт Тюменский филиал лаборатории. Бессменным руководителем лаборатории со дня ее основания и до последних дней жизни (1981 г.) был Борис Федорович Кретов, заслуженный юрист России, внесший крупный вклад в развитие криминалистической экспертизы на Урале. В 70-х гг. лаборатории в Воронеже, Горьком, Казани, Новосибирске получили статус центральных, а две из них — новые наименования: Центральная Средне-Волжская (Казань) и Центральная Сибирская (Новосибирск).

К чему обязывал лабораторию статус центральной? Ответ на этот вопрос дает Положение о НИКЛ МЮ РСФСР 1973 г. В нем говорилось, что на центральные НИКЛ помимо общих для

всех лабораторий функций, таких, как производство экспертиз и ведение научных исследований в области судебной экспертизы, возлагается:

— оказание научно-методической помощи в освоении новой экспертной работе лабораториям зоны (у каждой центральной лаборатории есть такая зона, в которую входит по территориальной принадлежности ряд НИЛСЭ);

—организация и проведение в соответствии с установленной специализацией научно-практических семинаров, стажирования экспертов, научных сотрудников и рецензирования их заключений;

—координация экспертной и научно-методической деятельности лабораторий в пределах зоны;

—проверка и внедрение в практику новых методов производства экспертиз, разработанных в других научных и экспертных учреждениях;

—выполнение повторных и наиболее сложных первичных судебных экспертиз в соответствии с установленным профилем и зоной деятельности.

При определении научной и экспертной специализации центральных лабораторий принимались во внимание существующая экспертная практика, состав экспертов, возможности лаборатории, а также, естественно, реальные потребности судебно-следственных органов. Вот как описывает этот процесс Б. И. Алексеев, долгое время возглавлявший отдел экспертных учреждений МЮ России: "Так, при определении научной специализации для Централь ной Сибирской НИКЛ (г. Новосибирск) прежде всего было принято во внимание то, что в зоне этой лаборатории выполняется до 40% всех баллистических и трасологических экспертиз на территории РСФСР. На эту лабораторию возложена разработка методов баллистических и трасологических исследований. Это означает, что в процессе дальнейшего развития в этой лаборатории будет сосредоточена основная тематика научных исследований по баллистике и трасологии, а отдел баллистических и трасологических исследований станет наиболее крупным, профилирующим для данной лаборатории. Для Центральной Сибирской НИКЛ будут подготовлены высококвалифицированные кадры баллистов и трасологов для организации курсов усовершенствования ведущих трасологов и баллистов других НИКЛ. Однако такая узкая специализация не делает это учреждение односторонним. Как центральное учреждение Сибирская НИКЛ будет иметь все подразделения, отвечающие потребностям практики, и через них воздействовать на повышение научного уровня всех экспертных учреждений своей зоны" [7]. Не все из этих замыслов были реализованы, но центральные лаборатории в целом оправдали свое существование. Этим требованиям соответствовали и Горьковская, и Воронежская лаборатории, также получившие статус центральных.

Горьковская (ныне Нижегородская) лаборатория была организована в мае 1958 г. Вначале у нее не было ни помещения, ни аппаратуры. Но уже 28 июля 1958 г. заведующая лабораторией А. П. Беляева выполнила первую графическую экспертизу. К концу года было проведено 59 экспертиз, в основном графических, а с сентября стали проводить и технические экспертизы документов.

К концу первого года существования у лаборатории появилось свое, правда, маленькое помещение, штат ее насчитывал уже 11 человек. В 1959 г. резко выросло количество экспертиз — до 243, кроме экспертизы документов стали проводиться дактилоскопические, трасологические и баллистические экспертизы. В 1960 г. было выполнено уже 485 экспертиз.

В августе 1960 г. в лаборатории было создано 6 отделений, в том числе почерковедческих и технико-криминалистических исследований документов, трасологических и баллистических исследований, штат сотрудников увеличился до 15 человек. В 60-е гг. в лаборатории уже 27 сотрудников, но количество экспертиз остается постоянным — в пределах 700. Приборная база развивается весьма медленно. В 1969 г. в лаборатории образован отдел криминалистических исследований. К концу 70-х гг. в штате лаборатории насчитывалось 80 человек. После присвоения в 1974 г. лаборатории статуса центральной изменилась ее структура: были созданы отделы исследования документов, трасологических и баллистических исследований. Неуклонно растет количество экспертиз: в 1979 г. — 1887, а в 1987 уже 3617. В лаборатории формируется высококвалифицированный коллектив экспертов, среди которых кандидаты

наук Л. Г. Усова, Г. А. Сергаева, Т. В. Аверьянова, будущий доктор юридических наук, профессор, Г. В. Тулупов, Н. Н. Чижаевидр.

Воронежская лаборатория организована 15 декабря 1956 г. в количестве 8 человек. В 1972 г. она получила статус центральной, в ее зону вошли Волгоградская, Саратовская и Тульская НИЛСЭ, а также два филиала — Белгородский и Липецкий. В лаборатории были созданы отделы исследования документов, трасологических и баллистических исследовании и ряд некриминалистических экспертных подразделений. Начальником лаборатории стал кандидат биологических наук А. А. Козырев.

Остальные областные лаборатории были более или менее однотипны по своей структуре, во всяком случае применительно к криминалистической экспертизе: это либо отделы криминалистических исследований, либо секторы по видам экспертиз. Всего в России к концу 70-х гг. насчитывалось свыше 30 центральных и областных экспертных лабораторий, многие из них имели свои филиалы и иногородние группы экспертов.

Создание НИИ криминалистики Главного управления милиции МВД благотворно повлияло на развитие системы научно-технических подразделений милиции. Уже в 1947 г. штаты этих подразделений были увеличены на 400 единиц, а сами они приобрели известную самостоятельность в структуре органов милиции. В 1956 г. НИИ криминалистики преобразуется в НИИ милиции, что повлекло за собой расширение его функций: он начинает заниматься проблемами оперативно-розыскной и административной деятельности милиции. В 1964г. Министерство охраны общественного порядка России издает приказ об организации в органах внутренних дел оперативно-технических аппаратов. Отделения оперативной техники и связи объединялись с научно-техническими подразделениями в единые оперативно-технические отделы и отделения, имеющие в своем составе криминалистические и оперативно-технические подразделения. Для руководства криминалистическими подразделениями периферии в Оперативно-техническом управлении МООП РСФСР создается криминалистический отдел, который с этого времени становится методическим и организационным центром экспертно-криминалистической службы российской милиции взамен методического отдела НИИМ, который до этого занимался периферией. Почти повсеместно (за исключением Москвы, Алма-Аты и Тбилиси) научно-технические подразделения стали именоваться оперативно-техническими.

В июле 1966 г. вновь создается общесоюзное Министерство охраны общественного порядка СССР, которое в ноябре 1968 г. обрело свое исконное название — МВД. С его образованием НИИМ приобретает новый статус — Всесоюзного НИИ охраны общественного порядка, затем ВНИИ МВД. Роль института в развитии и укреплении экспертно-криминалистической службы в то время была весьма значительна, чему способствовало наличие в нем ряда криминалистических экспертных подразделений. Вот как пишет об этом А. И. Миронов: "На его базе ежегодно проводились стажировки экспертов периферийных НТО по различным видам криминалистической экспертизы, организовывались регулярные конференции и семинары по обмену опытом и повышению квалификации, уделялось внимание также проведению повторных и наиболее сложных экспертиз. Особо следует подчеркнуть заслуги института в научно-методическом обеспечении экспертно-криминалистической работы в органах внутренних дел. Его сотрудниками подготовлены и изданы сотни методических рекомендаций, пособий и брошюр по вопросам криминалистической техники и тактики, в том числе фундаментальные работы по таким актуальным проблемам, как идентификация оружия (Б. М. Комаринец), криминалистическое исследование тканей, крови (М. В. Кисин), следов обуви (Е. И. Зуев), словесный портрет (В. А. Снетков, А. М. Зинин), дактилоскопия (В. А. Андрианова), баллистика (А. Н. Вакуловский и А. И. Устинов), исследование замков (С. И. Поташник), техническое исследование документов (П. Г. Кулагин и В. Д. Зуев), осмотр места происшествия (А. И. Миронов) и др. Институт издает фундаментальную двухтомную монографию работавшего в те годы в институте профессора Г. Л. Грановского "Основы трасологии" (1965,1974). С начала 60-х гг. в научно-исследовательскую работу активно включаются наиболее опытные кадры экспертных областных и республиканских НТО: С. Ш. Касимова и Л. Е. Быстрова (Ленинград), В. П. Чижов (Горький), М. П. Шаляпин (Свердловск), П. И. Бушуев и Л. В. Виницкий (Алма-Ата),

И. Н. Лапченко (Смоленск), М. К. Каминский (Алтай), В. Д. Грабовский (Рига)" [8]. Добавлю к этому, что многие из названных впоследствии стали кандидатами и докторами наук, возглавили кафедры вузов и научно-исследовательские лаборатории.

5.3. Начало формирования частных криминалистических теорий

Конец 50-х и 60-е годы ознаменовались интенсивными исследованиями проблем всех разделов криминалистики и криминалистической экспертизы. Направленность этих исследований была двоякой: одни из них носили фундаментальный, в значительной части теоретический характер, другие представляли собой прикладные, практические приложения соответствующих формирующихся частных криминалистических теорий, играли методическую или чисто рекомендательную роль.

Общенаучное значение имели взгляды того времени на предмет и систему криминалистики. Определение предмета науки, предложенное А. И. Винбергом в учебнике 1950 г., было повторено им в упомянутых лекциях. Но, хотя против этого определения литературе никто не выступал, некоторые авторы посчитали его, видимо, несколько усложненным. В учебном пособии по криминалистике ВЮЗИ 1958 г. автор первой главы "Введение в курс советской криминалистики" С. П. Митричев предпочел более краткую формулировку предмета, фактически повторяя определение Е. У. Зицера из учебника 1938 г.: "Советская криминалистика является наукой о раскрытии и расследовании преступлений"[9], же определение он повторил в учебнике 1959 г. с небольшими вариациями: "Советская криминалистика является наукой о расследовании преступлений в целях их раскрытия и предупреждения" [10]. Несколькими строками далее он оговаривается, что вопросы расследования изучаются не только в криминалистике, но и в уголовном и в уголовно-процессуальном праве, чем вызывает недоумение читателя: если все эти науки изучают вопросы расследования, то чем они отличаются друг от друга и правомерно ли в этом случае таким образом определять предмет криминалистики?

В 1962 г. по этому поводу А. Н. Васильев писал: "Криминалистику часто называют наукой о расследовании преступлений. Это определение не является точным и полным и носит скорее образный, чем научный характер... Советская криминалистика есть наука о тактических приемах и научно-технических средствах, применяемых на основе уголовно-процессуального закона для расследования преступлений и их предупреждения"[11].

В сущности это был сокращенный вариант определения А. И. Винберга, который и сам его использовал в работе 1962 г.: "Советская криминалистика — наука о криминалистической технике и тактике собирания и исследования доказательств, методике расследования и предотвращения преступлений"[12].

Уже в 1963 г. С. П. Митричев возвращается к определению А. И. Винберга, несколько изменив его редакцию: "Советская криминалистика является наукой о технических средствах, тактических приемах и методах, применяемых для выполнения предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий по обнаружению, собиранию, фиксации и исследованию доказательств в целях. Это определение слов раскрытия и предупреждения преступлений[13]. Это определение слово в слово он повторяет и в учебнике 1966 г. [14]

Впервые отступление от привычного определения предмета криминалистики осмелился сделать я в учебнике по криминалистике для средних специальных учебных заведений МВД 1967 г рукопись учебника была передана в Госюриздат в середине 1966 г., в январе 1967 г. была сдана в набор, а в апреле учебник вышел в свет. Предложенное мною определение выглядело следующим образом: "Советская криминалистика — наука о закономерностях осуществления судебного исследования, о средствах и принципах его проведения, о методах использования этих средств и приемов как в целях раскрытия, расследования преступлений и объективного судебного разбирательства, так и принятия мер к предотвращению преступлений"[1]. Далее разъяснялся смысл выражения "судебное исследование"[15]: это собирательный термин, обозначающий всю деятельность органов дознания, следствия и суда по установлению истины по уголовным делам. В том же 1967 г. в апрельской книжке журнала "Правоведение" была опубликована написанная мною совместно с моим учеником Ю. И.

Краснобаевым статья "О предмете советской криминалистики". О том, каковы были последствия этой дерзкой попытки посягнуть на традиционное определение предмета нашей науки, я подробно расскажу отдельно.

Как помнит читатель, первые послевоенные пособия по криминалистике следовали системе, "внедренной" Б. М. Шавером: общая и особенная части. Но уже в пособии 1958 г. С. П. Митричев возвращается к прежней трехчленной системе: техника, тактика, методика.

Фундаментальные исследования рассматриваемого периода составили существенный вклад в формирование и развитие ряда частных криминалистических теорий.

Теория криминалистической идентификации. В развитие упомянутых работ С. М. Потапова, А. И. Винберга и Н. В. Терзиева, заложивших основы этой теории, появились работы, исследующие различные аспекты идентификации. Среди них заметную роль сыграла книга В. Я. Колдина "Идентификация при производстве криминалистических экспертиз" (М., 1957), первое в отечественной литературе систематизированное изложение теории криминалистической идентификации применительно к процессу экспертного исследования и оценке его результатов.

Книга содержала ряд новелл, внесенных автором в теорию криминалистической идентификации. Так, он выделил две формы идентификации: по материально-фиксированным отображениям и чувственно-конкретным представлениям в памяти человека (впоследствии утвердился термин "мысленный образ"). Автором были введены понятия "искомого" и "проверяемого" объектов: первый — тот, свойства которого изучаются по отображению — вещественному доказательству, второй — тот, который предполагается искомым, но может и не быть им. Весь процесс идентификации Колдин разделил на три стадии: раздельное исследование объектов идентификации, их сравнительное исследование и оценка результатов сравнения. Впервые обстоятельно рассмотрен вопрос об экспертном эксперименте.

На этом этапе своего развития теория криминалистической идентификации пополнилась рядом общих положений, наиболее существенные из которых заключаются в следующем.

1.Большинствокриминалистовпринялипоправку Г. М. Миньковского и Н. П. Яблокова, о которой я говорил ранее, и взамен термина "видовая или родовая идентификация" стали употреблять термин "групповая принадлежность". Приняв это замечание, сделанное по поводу его статьи, Н. В. Терзиев писал: "Некоторые криминалисты применяют термин "идентификация" в широком смысле, обозначая им как установление единичного объекта, так и определение групповой принадлежности. При этом исследования первого вида называют "индивидуальной", а второго вида — "групповой" идентификацией. Однако в криминалистике в настоящее время чаще принято ограничивать понятие идентификации установлением индивидуального объекта"[16]. Из определения процесса установления групповой принадлежности М. В. Салтевский даже предложил специальный термин "группофикация", который, однако, признания и распространения не получил.

В то же время в литературе этого этапа в большинстве случаев отмечается, что различие в терминологии — "установление тождества" и "установление групповой принадлежности" — не означает, что эти процессы изолированы, оторваны друг от друга; установление групповой принадлежности рассматривается в общей форме как первоначальная стадия идентификации[17]. И лишь в некоторых случаях — как самостоятельный процесс исследования[18].

2. То, что Потапов называл принципами идентификации, при ближайшем рассмотрении оказалось либо классификацией объектов исследования, либо приемами или условиями правильного мышления. По этому поводу А. И. Винберг писал: "Следует критически пересмотреть и установившуюся в криминалистике систему так называемых научных принципов идентификации... Все четыре так называемых научных принципа криминалистической идентификации, сформулированные С. М. Потаповым, по существу не являются специфическими и присущими именно процессу идентификации, а представляют собой непременные условия для осуществления любого научного исследования в любой области науки и техники. Очевидно, что без научной классификации объектов в любой науке, без применения правильного мышления, анализа, синтеза, обобщения, абстракции, без рассмотрения изучаемых явлений в их взаимосвязи вообще не может иметь место никакое

научное исследование. Правильнее будет указать на эти условия научного исследования как на условия, применяемые в криминалистической идентификации, и отказаться в дальнейшем от попыток возводить эти условия в специфические принципы криминалистической идентификации"[19].

3. Наряду с предложенными Н. В. Терзиевым родами идентификации стало употребляться понятие "формы отождествления" (В. Я. Колдин). Материально-фиксированное отображение всегда является непосредственным объектом исследования; чувственно-конкретное отображение воспринимается опосредствованно — через воспроизведение образов носителем отображения. Разграничение форм идентификации лежит в основе методики криминалистической идентификации[20].

4. Перечень объектов идентификации, предложенный Б. И. Шевченко и Н. В. Терзиевым (предметы, люди, животные), был поставлен под сомнение по ряду оснований.

Во-первых, по мнению ряда авторов, этот перечень следовало дополнить такими объектами, как трупы и участки местности; о последних писал и сам Н. В. Терзиев, хотя и не включил их в перечень объектов идентификации[21].

Во-вторых, родовое понятие "предметы" нуждалось в уточнении. Предмет — любое материальное тело, находящееся в любом агрегатном состоянии, обладающее любой степенью сложности. Но любое ли материальное тело может быть объектом идентификации? Здесь мнения криминалистов разделились.

Сторонники одной точки зрения пришли к выводу, что к числу предметов как объектов идентификации могут быть отнесены лишь твердые тела, обладающие явно выраженными внешними признаками, т. е. индивидуально определенные. "В отношении таких объектов, как материалы, ткани, краски, чернила и т. п., в большинстве случаев сама постановка вопроса об индивидуальном тождестве "предмета" невозможна. Речь может идти здесь лишь о выделении некоторого объема или массы материала"[22].

Авторы, придерживающиеся другой точки зрения, включили в перечень идентифицируемых предметов сыпучие, жидкие и газообразные тела[23]. Наряду с идентификацией предмета, разделенного на части, теперь фигурирует и идентификация сложного предмета путем установления принадлежности ему частей, а также установление принадлежности предмета комплекту[24].

5. Было высказано мнение, что попытка рассматривать все вопросы идентификации лишь в аспекте диалектической логики является неправильной. "Нам представляется, — писал А. И. Винберг, — что существенной ошибкой является отказ от использования законов формальной логики в тех вопросах установления конкретного тождества, в которых должны действовать именно эти законы... Формальная логика, являясь частью, моментом диалектической логики, отражает устойчивость объектов, их качественную определенность, что и является сущностью для всего процесса криминалистической идентификации, призванного доказать тождество данного конкретного объекта..." [25].

6. Расширился и обогатился понятийный аппарат теории идентификации. Помимо предложенных Колдиным понятий "искомый" и "проверяемый" объекты М. Я. Сегай ввел в научный и практический обиход понятие идентификационной — прямой и обратной связи [26]. Появились термины «идентификационный период» (В. П. Колмаков), "идентификационное поле" (А. А. Эйсман) и др.

7. Для рассматриваемого этапа развития теории криминалистической идентификации наряду с разработкой проблем идентификации по материально-фиксированным отображениям характерно углубленное исследование процессов идентификации по мысленному образу. Этот аспект теории идентификации, носящий преимущественно тактический характер, получил отражение главным образом в работах по тактике предъявления для опознания и других следственных действий. Это дало основание А. И. Винбергу писать о тактических основах криминалистической идентификации. Он предложил включить в содержание общих положений криминалистической тактики тактические основы криминалистической идентификации — учение об идентификации в следственной работе и идентификационные признаки, учитываемые следователем при установлении фактических

данных[27].

Характеризуя этот этап развития теории криминалистической идентификации, М. Я. Сегай писал: "...За двадцать пять лет, прошедших со времени опубликования работы С. М. Потапова "Введение в криминалистику", теория судебной идентификации, отражая закономерности развития всей науки криминалистики и используемых ею достижений естественных и технических наук, поднялась на качественно новую ступень развития"[28].

Криминалистическое учение о механизмах следообразования на этом этапе развития криминалистики приобретает четкие очертания. После работы Б. И. Шевченко 1947 г. уточняются некоторые понятия и термины. Объекты, участвующие в процессе следообразования, получил и названия следообразующих и следов получил и названия, следообразующих и следовоспринимающих[29.] Их перечень был дополнен еще одним — веществом следа[30]. Уточняется и развивается понятие следа. Вносятся предложения об изменении классификации следов. Так, например, Л. К. Литвиненко предложил дополнить следы механического воздействия следами разрыва-разлома, а подгруппу объемных следов— следами скольжения, распила и сверления[31]. Грановский предлагает детальную классификацию следов"[32].

Двухтомная монография Г. Л. Грановского "Основы трасологии" не только отразила состояние учения о механизмах следообразования и трасологии в целом, но и определила перспективы развития этого раздела криминалистики. По признакам следообразующего объекта Грановский выделил признаки:

а) гомеоскопические—отражающие в следе непосредственно свойства человеческого тела в целом и его отдельных частей;

б) механогомические—отражающие свойств человеческого тела и в то же время различных предметов (обуви, одежды), надетых на тело, или предметов, заменяющих части человеческого тела и выполняющих в определенной мере их функцию;

в) механоскопические — отражающие свойства орудий и механизмов;

г) признаки животных[33].

Углубленное изучение механизмов следообразования привело к постановке вопроса о перестройке особенной части трасологии, выделении таких ее разделов, как гомеоскопия и механогомеоскопическая трасология, механоскопия[34,] транспортная трасология[35], идентификационная трасология[36].

Продолжалось детальное изучение следов в зависимости от видов следообразующих и следов воспринимающих объектов и механизмов следообразования.

Исследованию следов рук посвящены работы В. А. Андриановой, многочисленные статьи Г. Л. Грановского, работы Е. И. Зуева, Г. А. Самойлова, А. И. Миронова, Л. Г. Эджубова и других авторов. Следы ног особенно детально рассматривались Е. И. Зуевым, зубов — А. И. Мироновым, следы орудий взлома и инструментов — С. И. Поташником и Ю. П. Голдованским, следы транспортных средств — М. Г. Богатыревым и Ф. П. Совой. Изучение процессов следообразования при трасологической экспертизе повреждений на одежде — Х. М. Тахо-Годи и Ю. Г. Коруховым.

На основе учения о механизмах следообразования развивалась и судебная баллистика — работы Б. М. Комаринца, А. И. Усти нова, Б. Н. Ермоленко, А. Н. Самончика и др.

Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации. О фиксации доказательств, элементе такой стадии доказывания, как собирание доказательств, впервые заявил А. И. Винберг в 1950 г[37]. В 1959 г. он писал: «Под собиранием доказательств, разумеется совокупность действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению различных доказательств”[38]. В криминалистической литературе акцент делался преимущественно на объекты, а так же на средства и методы фиксации. Было признано, что объектами запечатления при фиксации доказательств следуют фактические данные (доказательства), действия по их обнаружению и фиксации, условия их обнаружения и фиксации, средства и способы обнаружения и фиксации фактических данных и остальных объектов запечатления.

Исследования в области фиксации доказательственной информации ведутся в этот период в основном в двух направлениях: в области средств и методов наглядно-образной формы фиксации и в области фиксации вербальной информации. Первые представлены работами по судебной фотографии, вторые — по звукозаписи. Кроме того, ряд работ содержит рекомендации по применению различных средств и методов предметной формы фиксации. Назову некоторые из них: А. А. Леви "Применение научно-технических средств, содержащихся в комплекте для следователя" (М., 1968); С. Сорокин "Обнаружение и фиксация следов на месте происшествия" (М., 1966); Н. А. Селиванов, В. И. Теребилов "Первоначальные следственные действия" (М., 1956); "Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств" (М., 1962); А. И. Винберг, Н. А. Селиванов, В. С. Сорокин "Новые способы фиксации и изъятия следов с помощью полимеров" (М. , 1964); Н. А. Селиванов, А. А. Эйсман "Судебная фотография" (М., 1965); Н. С. Полевой, А. И. Устинов "Судебная фотография и ее применение в криминалистической экспертизе" (М., 1960); В. И. Гончаренко "Использование звукозаписи при расследовании преступлений" (Криминалистика и суд. экспертиза. Киев, 1967. Вып. 4); С. И. Тихенко, В. И. Гончаренко "Возможности и практика использования магнитофонных записей и киноматериалов в судебном разбирательстве" (Криминалистика и суд. экспертиза, Киев, 1970. Вып. 7) и др.

Проблемам фиксации был посвящён ряд кандидатских диссертаций[39]. Они затрагивались и в работах по общим вопросам работы следователя с доказательствами[40].

Учение о криминалистической версии и планировании расследования. Дискуссия о предмете криминалистической тактики 1955 г. послужила стимулом к активизации исследований в области проблематики криминалистических версий и планирования расследования. Появился ряд статей, глав в коллективных монографиях и учебниках преимущественно о следственной версии[41], планированию расследования и в том числе написанная на высоком научном уровне книга А. Н. Васильева, Г. Н. Мудьюгина, Н. А. Якубович "Планирование расследования преступлений" (М., 1957), — первое обстоятельное исследование подобной проблематики. По этой тематике были защищены кандидатские диссертации А. Р. Шляховым, А. Н. Колесниченко; рассматривались вопросы версии и планирования и в докторских диссертациях Л. Е. Ароцкера, А. Н. Васильева, В. Е. Коноваловой, И. М. Лузгина, Н. А. Якубович[42].

Криминалистическое учение о розыске и на этом этапе привлекало к себе явно недостаточное внимание ученых-криминалистов. Систематически этой проблематикой занимался лишь В. И. Попов[43]; в некоторых учебниках по криминалистике появились главы "Розыск"[44].

Существенную роль в формировании частных криминалистических теорий играли работы комплексного характера, в которых наряду с относящимися к этим теориям вопросами исследовались и более общие проблемы как криминалистики, так и процесса доказывания. К числу таких работ относятся упоминавшаяся книга А. М. Ларина "Работа следователя с доказательствами", коллективная монография "Теория судебных доказательств в советском уголовном процессе" (М., 1966, 1967), монографии Р. С. Белкина "Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы" (М., 1966), Р. С. Белкина и А. И. Винберга "Криминалистика и доказывание" (М., 1969), Р. С. Белкина "Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике" (М., 1964) и др.

Широким фронтом в этот период ведутся прикладные исследования в области судебной экспертизы в целом и разработки научных основ отдельных видов криминалистической экспертизы.

К числу общеметодологических и общеметодических работ относились монографии А. А. Эйсмана "Заключение эксперта (структура и научное обоснование)" (М., 1967); А. И. Винберга "Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе" (М., 1956) и кандидатские диссертации Т. А. Седовой, Ю. Г. Корухова, И.Д. Найдиса[45] и др.

Обширна литература и по применению в криминалистической экспертизе самых различных методов исследования[46].

5.4. Быть или не быть «судебной криминалистике»?

Именно так долгое время стоял вопрос, когда заходила речь о применении криминалистических рекомендаций судом при разбирательстве уголовных дел.

Впервые вопрос об использовании судом криминалистических методов и средств был поставлен В. А. Хваном применительно к гражданскому судопроизводству. Василий Андреевич Хван родился в 1911 г. в с. Лукьяновка Иманского района Дальневосточного края, в семье крестьянина-бедняка. В 1929 г. вступил в организуемый на селе колхоз и на следующий год по путевке профсоюза сельскохозяйственных рабочих поступил на рабфак. Долго учиться ему не пришлось: семья была в очень тяжелом материальном положении, ему пришлось оставить учебу и вернуться в колхоз. Но мысли об учебе он не оставил и, когда появилась возможность послал документы в Московский юридический институт, куда и был принят в 1933 г.

Учился хорошо, был одним из первых студентов на курсе, и по окончании института его оставили в аспирантуре со специализацией в области криминалистики. Правда, уложиться с защитой диссертации в срок не удалось: в 1940 г. его откомандировывают в Алма-Атинский юридический институт и назначают исполняющим обязанности доцента.

В ту пору нужда в квалифицированных кадрах юристов была очень острой, и молодому преподавателю пришлось с марта 1940 г. по 1951 г. по совместительству работать директором Алма-Атинского филиала ВЮЗИ.

В сентябре 1943 г. Василий Андреевич успешно защищает кандидатскую диссертацию, тема которой была несколько необычной для криминалистов в то время: "Криминалистическая экспертиза письма в гражданском процессе". Это был своеобразный прорыв в сферу, которой криминалисты не занимались.

В 1947 г. Хван становится деканом, некоторое время исполняет обязанности директора института, заведует кафедрой уголовного процесса и криминалистики.

В 1957 г. создается Алма-Атинский (позже — Казахский) НИИ судебных экспертиз и Василий Андреевич назначается его первым директором. До 1959 г. он продолжал и заведовать кафедрой в юридическом институте, пока обилие институтских дел не вынудило его оставить совместительство. Директором института Хван был около двадцати лет, до ухода на пенсию в 1975 г.

Тема диссертации определила научные интересы Василия Андреевича практически на всю жизнь: большинство его работ относилось к вопросам криминалистического обеспечения гражданского процесса: "Судебная экспертиза по гражданским делам" (I960 г.), "Значение и виды экспертиз по гражданским делам" (1961 г.), "Производство экспертиз в порядке обеспечения доказательств по ГПК союзных республик" (1965 г.), "Назначение судами экспертиз по гражданским делам и подготовка материалов, направляемых на исследование" (1967 г.) и др.

Скончался Василий Андреевич Хван 1 марта 1979 года.

Мне довелось несколько раз встречаться с Василием Андреевичем в свои приезды в Алма-Ату, где в те годы был заочный факультет нашей Высшей школы. Он производил впечатление очень деятельного, энергичного человека, занимательного собеседника, живо интересующегося столичными научными новостями, спокойного и очень доброжелательного. Его стараниями в институте был создан благоприятный психологический климат, хорошая деловая обстановка. В течение многих лет после его смерти сотрудники института и университетской кафедры криминалистики вспоминали о Василии Андреевиче с большой теплотой.

Хван был первым из криминалистов, проложивших "тропу" в гражданский процесс и вообще в стадию судебного разбирательства. У него нашлось немало последователей. Начиная с середины 50-х гг. публикуются статьи преимущественно по проблемам назначения и проведения в гражданском процессе судебных экспертиз[47], а в 1953 г. появилась и вторая по этой тематике кандидатская диссертация Л. В. Молочковой[48].

Следом за ней защитила кандидатскую диссертацию В. Б. Федосеева[49]. Пример В. А Хвана оказался настолько заразителен, что появились диссертации, посвященные использованию данных в административном процессе и деятельности нотариата[50].

В 60-х гг. "зараза" перекинулась и в уголовный процесс, на стадию судебного разбирательства. Пальма первенства здесь принадлежала Л. Е. Ароцкеру: на протяжении пяти лет появилось около десяти его публикаций по этой тематике[51], а в 1964 г. вышла в свет его фундаментальная монография "Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел" (М., 1964).

Расширение сферы использования криминалистических рекомендаций за счет судебного разбирательства уголовных и гражданских дел нашло не только сторонников, но и противников правда весьма немногочисленных. Одним из наиболее непримиримых из них был А. Н. Васильев.

Он писал: "Известно, что суд в процессе разбирательства уголовных дел, особенно *в* сложных случаях, применяет планирование судебного следствия, конструирование и проверку судебных версий, анализ показаний при допросах и т. д. Но требует ли это разработки особых приемов и средств, идущих от специальных наук или же достаточно точного соблюдения процессуального порядка рассмотрения уголовных дел и обобщения практики применения соответствующих норм закона? Нет, не требует... Для суда очень важно, чтобы предварительное расследование было произведено на высоком уровне и чтобы преступление было действительно раскрыто (на это и направлена криминалистика). Тогда суду не потребуются специально разработанные для судебного следствия ни особые тактические приемы, ни особые методы применения научно-технических средств"[52].

Возражения А. Н. Васильева, которые он высказывал и ранее, не получили поддержки, продолжались публикации по проблемам судебного следствия[53]. С 70-х гг. заметно оживились исследования криминалистической направленности и в области гражданского процесса, лидирующую роль в которых занимал В. Г. Тихиня, будущий председатель Конституционного суда Белоруссии[54]. В 1985 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: "Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве"

Л. Е. Ароцкер

(Л., 1985). Что же касается Л. Е. Ароцкера, то криминалистические проблемы судебного разбирательства оставались в центре его внимания до конца его дней. Пришло время рассказать подробнее об этом замечательном человеке, моем большом друге.

Лев Ефимович Ароцкер родился в 1927 г. в Харькове. В 1947 г. он окончил Харьковский юридический институт и был принят на работу в Харьковский НИИ судебных экспертиз на должность заведующего музеем института. С тех пор вся его жизнь, трудовая и научная деятельность были связаны с этим старейшим экспертным учреждением, где он прошагал по всем ступенькам научной карьеры: младший и старший научные сотрудники, заведующий отделом криминалистической идентификации личности и с 1964 г. — заместитель директора института по научной работе.

Через два года после прихода на работу в институт Лев Ефимович начал работать над кандидатской диссертацией. Тему выбрал новую, практически неразработанную — следственный эксперимент. Вся литература по теме исчерпывалась тремя-четырьмя публикациями П. И. Тарасова-Родионова, в УПК о следственном эксперименте еще ни слова. Но молодой талант справился с этой трудной задачей, и диссертация была блестяще защищена в 1951 г. Ароцкер стал кандидатом наук.

Шли годы. Талант и трудолюбие молодого ученого очень скоро завоевали ему и научный авторитет и уважение не только ближайших коллег. Диапазон его научных интересов был чрезвычайно широк: от проблем судебного почерковедения и применения в судебной экспертизе только рождавшихся тогда кибернетических методов исследования до вопросов

высокой теории. Став научным руководителем института, он сумел резко повысить эффективность проводимых научных исследований, тесно увязать их с потребностями следственной, судебной и экспертной практики. Ни одна научная работа сотрудников не выходила из стен института без того, чтобы ее не прочел Лев Ефимович, и не просто прочел, но и привнес что-то важное, что упустил автор, а то и просто переписал ее хорошим литературным языком. Когда на Украине стал выходить межведомственный сборник "Криминалистика и судебная экспертиза", он был непременным членом его редакционной коллегии, благожелательным, но и очень взыскательным.

В начале 60-х гг. Лев Ефимович увлекся проблемами "судебной криминалистики" — применения рекомендаций криминалистики при судебном разбирательстве уголовных дел. Сама жизнь подталкивала его к этому: сотрудники института, да и он сам нередко выступали в качестве экспертов в судебных заседаниях была возможность наблюдать работу суда как бы изнутри, в самом процессе, видеть, как незнание судьей элементарных тактических приемов выражалось в бессистемных, затянутых допросах подсудимых и свидетелей, неумении провести элементарный осмотр вещественных доказательств, определить вопросы эксперту. Из-за неумения или нежелания судьи предпочитали отправить дело на доследование, хотя ничего не стоило восполнить обнаруженные пробелы здесь же, в судебном заседании, проведя нужное судебное действие.

Тема исследования всецело захватила его, он публикует несколько статей, готовит большую монографию, которая и выходит в свет в 1964 г., ее я уже упоминал. Монография ложится в основу докторской диссертации, которую он с блеском защищает в 1965 г. в совете ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры Союза. В следующем году ему присваивают звание профессора.

В 1969 г. выходит еще одна монография Льва Ефимовича — "Тактика и этика судебного допроса", потом серия статей по вопросам почерковедческой экспертизы. В 1967 г. переходит на работу в Одесский университет директор института В. П. Колмаков, и на плечи Льва Ефимовича ложится и та доля научной работы, которую выполнял директор. Новый директор по своей научной специальности был далек от судебной экспертизы, так что свою ношу разделить с ним Ароцкер не мог. А ведь все эти годы он еще вел интенсивную преподавательскую работу на Харьковских курсах переподготовки прокурорских работников, а с 1970 г. и на курсах усовершенствования юристов МЮ Украины.

Все эти годы мы были очень близки, часто виделись, перезванивались, все планировали что-то написать вместе. Он был великолепным рассказчиком и еще лучшим слушателем, подлинным генератором идей и научных замыслов.

Но работать становилось все труднее: все чаще пошаливало сердце. Помню даже такой случай, который чуть было не закончился трагически. Как-то мы отдыхали вместе на Рижском взморье, у него случился сердечный приступ, и я повез его в Ригу в больницу. В приемном покое ему сделали укол, успокаивающее, и вдруг он потерял сознание. Хорошо, что за несколько дней до этого он рассказал мне о похожем происшествии с ним, о том, что он аллергик и как надо выводить его из такого состояния, если оно случится. Хорошо и то, что я в это время был рядом и смог позвать врача и сказать, что нужно делать.

Оказывается, он уже был в состоянии клинической смерти, г буквально несколько минут — и все было бы кончено. Спасли, но он еще долго потом не мог прийти в себя... Сердце и не выдержало в конце концов. В один печальный день 1980 года после взволновавшего его разговора с директором Лев Ефимович скоропостижно скончался на пороге своего кабинета. Его похоронили на кладбище рядом со зданием института, и теперь из окна его бывшего кабинета можно разглядеть строгое каменное надгробие на его могиле.

А "судебную криминалистику" теперь уже никто отменить или "закрыть" не сможет и не зря была отдана ей добрая часть жизни Ефимовича Ароцкера.

5.5 Шаг вперед или два шага назад — пусть рассудит история

Я уже писал, что в 1956 г. НИИ криминалистики был преобразован в НИИ милиции и криминалистике пришлось потесниться его стенах: требовалось разрабатывать очень важное направление работы органов милиции — оперативно-розыскную деятельность. Ее теоретические основы в то время были очень слабы, по существу она представляла собой

голую эмпирику, а этим уже не могла довольствоваться практика. И хотя криминалистика в институте еще была в полной силе, но вниманием к себе ей естественно пришлось поделиться с ОРД. А когда в 1968 г. восстало из пепла общесоюзное министерство и НИИМ превратился во Всесоюзный НИИ охраны общественного порядка, в планах института появилось столько новых направлений, что криминалистика фактически была оттеснена на второй план, она перестала определять лицо института.

1963 г. принес новые огорчения криминалистам. На базе ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза, нескольких секторов и отделов ВИЮН и Института государства и права Академии наук был создан Всесоюзный НИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Создание этого института в известной мере было данью моде: I введением в 1961 г. нового уголовно-процессуального кодекса, впервые предусматривающего обязанность следователя устанавливать причины и условия совершения преступления, с изданием Многочисленных партийных и ведомственных документов о профилактике преступлений стало просто неприличным не уделять подобной тематике внимания. Появились статьи, брошюры, монографии о предупреждении преступлений. Не избежали этого повального увлечения и некоторые криминалисты, которые стали объявлять криминалистическими любые меры по пресечению и предупреждению преступной деятельности. Один из них, В. Ф. Зудин, издал монографию, в которой криминалистическими объявлялись вообще все государственные, общественные и прочие меры предупреждения преступности[55]. В конкретных частных методиках расследования преступлений предписывалось обязательно иметь раздел о профилактической деятельности следователя по результатам расследования, и авторы ломали голову, какие особенности отыскать у вносимых по этим результатам представлений и какие еще придумать формы профилактики. Правда, раздавались и трезвые голоса, которые указывали на ограниченность возможностей криминалистики в деле предупреждения преступлений, но к этим голосам не очень-то и прислушивались.

Реорганизация института проходила не без конфликтов. А. И. Винбергу, директору ВНИИК, недвусмысленно дали понять, что придется освободить директорское кресло, хотя он и был одним из инициаторов "перестройки". Ему предложили остаться первым заместителем директора и возглавить криминалистическую работу института. Но надо было знать характер Абрама Ильича, чтобы заранее предвидеть результат: он был глубоко обижен и хлопнул дверью, уйдя на преподавательскую работу в Высшую школу КГБ. Директором назначили полковника милиции из Ленинграда Игоря Ивановича Карпеца, незадолго до этого защитившего докторскую диссертацию по проблемам, близким к криминологии.

Существенно изменилась и структура института. Теперь непосредственно проблемами криминалистики предстояло заниматься лишь двум секторам: криминалистической техники и предварительного следствия, которыми руководили Н. А. Селиванов и А. И. Михайлов. Центральной для института стала криминологическая проблематика, разработкой которой руководил А. А. Герцензон. Началось возрождение забытой криминологии, ранее преданной чуть ли не анафеме наподобие кибернетики и генетики.

Это был серьезный удар по криминалистической науке. Из трех общесоюзных центров 40-х гг. остался фактически лишь один — ВНИИ судебных экспертиз, но само его название обусловливало узкую, чисто экспертную направленность ведущихся в нем исследований.

Центр научных криминалистических исследований постепенно стал смещаться в сторону вузовских кафедр, коллективы которых, конечно, в силу своей относительной малочисленности и слабой технической базы не могли заменить собой криминалистические НИИ. Ограниченные технические и экспериментальные возможности кафедр обусловили и направленность их научных исследований: вузовские криминалисты обратились к разработке проблем теории криминалистики, криминалистической тактики и методики и только в некоторых случаях, в зависимости от прошлого опыта отдельных преподавателей, занимались вопросами криминалистической техники и экспертизы.

Ведущими кафедрами криминалистики в конце 60-х и начале 70-х гг. были кафедры Высшей школы МВД СССР (начальник кафедры профессор Р. С. Белкин), юридического факультета МГУ (заведующий — профессор А. Н. Васильев), Харьковского и Свердловского

юридических институтов (заведующие — профессор Н. Колесниченко и доцент И. Ф. Герасимов), ВЮЗИ (заведующий — профессор С. П. Митричев, затем профессор Б. Л. Зотов). Во "втором эшелоне" шли активно развивающиеся коллективы кафедр уголовного права и криминалистики юридического факультета Киевского университета (заведующий — профессор С. И. Тихенко), криминалистики Киевской Высшей школы МВД СССР (начальник — профессор М. В. Салтевский), Ленинградского института повышения квалификации следственных работников Прокуратуры СССР — криминалистической техники (заведующий — доцент О. М. Глотов), тактики и методики (заведующий, профессор И. Е. Быховский). Другие кафедры были представлены в науке одним-двумя своими представителями и были известны, собственно, лишь ими. Такой, например, была кафедра уголовного процесса и криминалистики ЛГУ, которой заведовал известный процессуалист Н. С. Алексеев. Для криминалистов это была просто кафедра, на которой работал профессор И. Ф. Крылов. В тени его имени оставались и два других криминалиста кафедры — рано Ушедшие из жизни доктор наук П. П. Цветков и доцент И. Х. Максутов.

О кафедре, на которой я работал, расскажу далее подробно, а вот о выдающихся представителях других названных кафедр, Пожалуй, есть смысл рассказать читателю сейчас, хотя о некоторых из них я уже писал в предыдущих главах и еще буду писать последующем.

Кафедра криминалистики МГУ и тогда, да, пожалуй, и сейчас, была невелика по численности, не блистала она и технической оснащенностью, но трудно было найти в Союзе еще такой же высококвалифицированный коллектив, давший криминалистической

И. Х. Максутов П. П. Цветков

науке столь выдающихся представителей. Здесь в те годы и впоследствии работали и работают А. Н. Васильев, Б. И. Шевченко, Н. П. Яблоков, В. Я. Колдин, Н. С. Полевой, В. А. Притузова, 3. Г. Самошина, Е. Е. Центров.

Александр Николаевич Васильев родился в 1902 г. в Астрахани, до 1942 г. работал в народном хозяйстве, потом был секретарем Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР, а в 1942 г. получил назначение заместителем прокурора РСФСР и в 1944 г. стал прокурором Москвы. На кафедру он пришел по конкурсу в 1960 г. из ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, где с 1952 г. заведовал сектором тактики.

Надо сказать, что Александр Николаевич был довольно жестким, я бы даже сказал авторитарным руководителем, обычно оставлявшим последнее слово в обсуждениях за собой. Пожалуй, только Б. И. Шевченко, который был лишь на два года моложе его, держался на кафедре довольно независимо. На кафедре им проводилась своеобразная изоляционистская политика: он не очень охотно шел на проведение каких-либо совместных заседаний с другими коллективами, да и к себе приглашал редко. Например, мне только однажды удалось организовать такое совместное заседание кафедр МГУ и Высшей школы МВД, что стало своего рода "историческим событием" и даже было запечатлено на общем снимке. В науке Васильев занимал активную, нередко бескомпромиссную позицию, доходившую порой до упрямства. Он много и плодотворно работал, часто издавался. Такие его работы, как "Следственная тактика" (М., 1976), "Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений" (М., 1978), "Тактика отдельных следственных действий" (М., 1981), совместная с Н. П. Яблоновым монография "Предмет, система и теоретические основы криминалистики" (М., 1984), вышедшая за год до его кончины в 1985 г., были весьма популярны среди научных и практических работников.

Не знаю, каков он бывал в неформальной обстановке, с друзьями (только раз побывал у него дома по какому-то деловому поводу), но обычно он был сдержан, в выступлениях иногда резок, но достаточно корректен. Была у него великолепная черта: он, насколько мне известно — а мне-то это известно лучше, чем кому бы то ни было, поскольку чаще всего наши научные

взгляды

А.Н.Васильев Н. П. Яблоков В. Я. Колдин Е. Е. Центров

не совпадали! — никогда не переносил научное противостояние на личные отношения. И устно и печатно мы не раз "громили" друг друга, но он всегда оставался вежливо доброжелательным при встречах и, как я знаю, так же вел себя и у меня за спиной. Были у него какие-то трудности с утверждением в докторской степени: защитил в 1960 г., а утвердили его лишь в 1962 г., зато уже в следующем, 1963 г., он был утвержден в звании профессора. За заслуги перед наукой и подготовку квалифицированных кадров в 1980 г. он был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки России. Скончался он в 1985 г.

Другой ветеран кафедры — Борис Иванович Шевченко в историю криминалистики вошел, в сущности, одной работой — "Научные основы современной трасеологии" (М., 1947), но зато вошел прочно, поскольку именно эта работа легла в основу этого важного раздела криминалистической техники.

Он родился в 1904 г. во Владикавказе, юношей участвовал в гражданской войне, а с 1923 по 1942 г. был сотрудником органов внутренних дел: до 1930 г. на оперативной работе, а потом в научно-технических подразделениях милиции. В 1938 г. вместе с Б. М. Комаринцем издал очень хорошее практическое руководство "Осмотр места преступления". О том, почему ушел из милиции, он не распространялся.

В 40-х гг. Шевченко работал в ЦКЛ, окончил вечернее отделение Московского юридического института, а в 1946 г. поступил на преподавательскую работу в Московский юридический институт, после слияния которого с юридическим факультетом МГУ получил назначение на должность доцента, защитил в 1946 г. кандидатскую диссертацию "Криминалистическая экспертиза следов при расследовании краж, совершенных с применением технических средств", был утвержден в 1952 г. в звании доцента, а в 1969 г. — в звании профессора.

Шевченко остался в моей памяти общительным, очень остроумным, порой даже язвительным человеком. Общались мы главным

Б. И. Шевченко

образом на защитах диссертаций в МГУ, где я несколько лет состоял членом ученого совета. Его реплики вполголоса в адрес преимущественно официальных оппонентов были очень точны и смешны, но публичных его выступлений слышать не довелось. Смерть его в 1975 г. была утратой не только для кафедры, но и для всех нас, кто его знал и уважал. Ему так и не довелось увидеть вышедшую уже после его смерти последнюю работу "Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике" — венец его научного творчества.

После смерти А. Н. Васильева кафедру возглавил Николай Павлович Яблоков и успешно продолжает руководить ею сейчас. Человек он совсем иного плана, нежели Васильев, — открытый, очень доброжелательный, коммуникабельный, добрый. Потеплел и климат на кафедре, она стала более открытой и демократичной. Он очень симпатичен и автору этих строк, который не стесняется публично признаться в своих к нему дружеских чувствах.

Родился Николай Павлович в 1925 г. в г. Фурманове Ивановской области. Учился в авиационном техникуме, потом в Московском юридическом институте. Работал в 1949—1950

гг. экспертом в криминалистической лаборатории МЮИ, а потом, в 1951—1952 гг. также экспертом в ЦКЛ. Несколько лет — с 1953 по 1956 г. — был начальником отдела криминалистических учреждений МЮ России. На этой работе защитил в 1954 г. кандидатскую диссертацию "Техническая экспертиза документов в криминалистике" и в 1956 г. перешел на преподавательскую работу — доцентом кафедры криминалистики ВЮЗИ. Через три года он перешел работать в МГУ, на кафедру криминалистики, здесь в 1972 г. защитил докторскую диссертацию, в 1977 г. стал профессором и заслуженным юристом России (1986 г.). Здесь же и проявился в полной мере его научный талант в разработке проблем криминалистической тактики и методики, а в последнее время и интересных вопросов оперативно-розыскной деятельности.

И еще один "долгожитель" кафедры и достойный представитель ее научной элиты — Валентин Яковлевич Колдин, ровесник Яблокова, работавший несколько лет в научно-технических подразделениях милиции Казахстана, потом учеба в аспирантуре МЮИ, защита в 1951 г. кандидатской диссертации "Основные вопросы теории и практики идентификации в советской криминалистике" и назначение заведующим кафедрой криминалистики МЮИ. Четыре последующих года — с 1954 по 1958-й — Колдин провел в зарубежной командировке в Китае и Албании и вернулся уже на кафедру криминалистики МГУ. Здесь он защитил докторскую диссертацию (1970 г.), получил звание профессора (1976 г.).

Несмотря на довольно широкий диапазон научных работ В. Я. Колдина, ядром его научных исследований была и остается теория криминалистической идентификации. Ей посвящены и обе его диссертации, и наиболее значимые работы. В наши дни такая целеустремленность ученого встречается не часто и заслуживает всяческого уважения.

В 1973 г. кафедра пополнилась еще одним известным криминалистом — Николаем Степановичем Полевым, но о нем я расскажу в другом месте, когда будет идти речь о нашей совместной работе в Высшей школе МВД.

На кафедре криминалистики МГУ работала Вера Андреевна Притузова — человек яркого дарования, великолепный преподаватель. Она ушла из жизни в 1971 г. в возрасте пятидесяти лет, оставив добрую память о себе и у коллег по кафедре, и у всех нас. Трудится на кафедре свыше 40 лет Зоя Георгиевна Самошина, "первопроходец" в области криминалистического исследования машинописных документов, чему была посвящена и ее кандидатская диссертация, защищенная в 1951 г. Она автор оригинальной работы "Исторический очерк развития криминалистики на юридическом факультете МГУ" (М., 1982). Нашел свое место в коллективе кафедры и молодой доктор наук Евгений Емельянович Центров.

Одно из ведущих мест среди родственных кафедр страны с конца 50-х гг. занимала кафедра криминалистики Харьковского юридического института (ныне Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого). Первым после Виктора Павловича Колмакова заведующим кафедрой был Алексей Никифорович Колесниченко (1923—1985 гг.), тяжело раненный в годы войны, но нашедший силы не только окончить институт, но и стать известным ученым-криминалистом. Он занимался проблемами методики расследования, первым защитил докторскую диссертацию "Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений" (1967 г.). При нем на кафедре сложился дружный коллектив ученых-криминалистов. После него заведующей кафедрой стала Виолетта Емельяновна Коновалова и несла эту нелегкую ношу около тридцати лет.

Виолетта Емельяновна родилась в Харькове, там же окончила юридический институт, работала следователем, училась в аспирантуре и в 1953 г. пришла ассистентом на кафедру криминалистики Харьковского юридического института. Здесь она защитила кандидатскую, а в 1966 г. докторскую диссертацию по теоретическим проблемам криминалистической тактики — первая женщина-криминалист, ставшая доктором юридических наук. В 1969 г. Виолетта Емельяновна становится профессором, а в 1981 г. — заслуженным деятелем науки Украины. Ныне она — академик Академии правовых наук Украины. Её работы широко известны научной общественности,

Г. А. Матусовский Г. А. Самсонов

она — высокоавторитетный ученый-криминалист, великолепный организатор, чуткий и душевный человек. Нас связывают давние дружеские связи и я питаю к ней глубокое уважение.

На этой же кафедре работает с 1968 г. другой известный ученый-криминалист — Григорий Абрамович Матусовский, доктор юридических наук (1981 г.), профессор (1983 г.), выдающийся специалист в области криминалистической тактики и методики расследования. Есть в его научной биографии и "зигзаг", когда он защитил докторскую диссертацию на неожиданную для всех, но очень важную, буквально "первопроходческую" тему — "Криминалистика в системе юридических наук и ее межнаучные связи". Эта диссертация стала заметным вкладом в общую теорию криминалистики.

В Свердловском юридическом институте в описываемый период кафедрой криминалистики заведовал Иван Федорович Герасимов, сменивший на этой должности Д. Я. Мирского. Он отдал кафедре тридцать лет жизни и только недавно передал ее молодому доктору наук В. Н. Карагодину.

Усилиями Ивана Федоровича, ставшего доктором наук в 1980 г., а в 1982 г. профессором, кафедра стала признанным лидером в области разработки таких важных проблем криминалистической тактики и методики, как криминалистическая характеристика преступления, следственная ситуация, тактические операции, взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками органов дознания и др. Здесь приобрели научную известность будущие доктора, профессора Л. Я. Драпкин и И. Н. Сорокотягин, возглавившие впоследствии самостоятельные кафедры.

Это был в известном смысле центр криминалистической мысли Урала и Сибири.

О кафедре криминалистики ВЮЗИ я уже писал, когда шла речь о научной деятельности С. П. Митричева и Б. Л. Зотова. Добавлю, что там тоже не было недостатка в квалифицированных кадрах: до своей кончины там работал и Г. А. Самсонов, специалист в области судебной баллистики, Ю. Г. Корухов, И. Ф. Пантелеев, руководивший кафедрой с 1980 по 1991 г.; позже на кафедру пришла А. С. Лазари — трасолог и баллист.

Такова характеристика ведущих кафедр криминалистики того периода. О том, какие подвижки произошли в корпусе вузовских криминалистов – речь впереди.

Примечания:

[1]В настоящее время на базе Одесской лаборатории и этих отделений образованы самостоятельные НИИ судебной экспертизы.

[2]См.: Иванов В. П., Штейнгауз М. С. Указ. соч. С. 60

[3]См.: Егоров В: Я. Экспертным учреждениям Министерства юстиции Узбекской ССР — 25 лет // Сб. 25 лет экспертным учреждениям МЮ УзССР. Ташкент. 1976. С. 5.

[4]Г Давудов Ф. Э. Дальнейшее развитие организационных и правовых проблем судебной экспертизы (10-летие Азербайджанского НИИСЭ) // Вопросы судебной экспертизы. Баку, 1967. № 4. С 4.

[5]Игдыров А. Некоторые вопросы практики организации Туркменской РНИЛСЭ // Вопросы судебной экспертизы. № 15. Баку, 1957. С. 200.

[6]Яковлев Я. М. Научно-исследовательская лаборатория судебной экспертизы при Таджикском госуниверситете им. В. И. Ленина и перспективы ее развития // Вопросы криминалистики и суд. экспертизы. Душанбе, 1962. № 2. С. 4.

[7]Алексеев Б. И. Организация научных исследований в судебно-экспертных учреждений.

Формы и методы их внедрения в практику // Судебная экспертиза. Л., 1977. С. 120.

[8]Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М.. 1994. С. 146.

[9]Советская криминалистика. М., 1958. С. 3.

[10]Криминалистика. М., 1959. С. 5 – 6.

[11]Криминалистика. М., 1963. С. 5.

[12]Винберг А.И. Криминалистика. Раздел 1. Введение в науку. М., 1962. С. 4.

[13]Криминалистика. М 1963. С. 5.

[14]Криминалистика. М 1966. С. 4.

[15]Кпиминалистика. М.. 1967. С. 3.

[16]Терзиев И. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. М., 1961. С. 4.

[17]Винберг А.И. Криминалистическая: экспертиза в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 36. ,

[18]Салтеевский М. В. Объекты идентификации и установления групповой принадлежности // Криминалистика и суд. экспертиза. Киев, 1965. Вып. 2. С. 93.

[19]Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. С. 42—43.

[20]Колдин В. Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М., 1957. С. 8—9.

[21]Терзиев Н. В. Указ. соч. С. 20.

[22]Винберг А. И. Эйсман А. А. Криминалистическая идентификация в теории судебных доказательств // Советское государство и право. 1966. № 2. С. 110.

[23]Митричев В. С. Установление источника происхождения, принадлежности единому целому предметов при расследовании преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. М. , 1964. Сб. 1. С. 6.

[24]Там же, п. 4 – 5.

[25]Винберг А. И. Некоторые вопросы теории криминалистической идентификации // Вопросы криминалистики. М., 1961. Сб. 1—2. С. 26—30.

[26]Сегай М. Я. Идентификационные связи и их использование в доказывании тождества // Криминалистика и суд. экспертиза. Киев. 1968. Вып. 5.

[27]Винберг А. И. О научных основах криминалистической тактики // Правоведение. 1965. № 3. С. 82.

[28]Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970. С. 5.

[29]Шевченко Б. И. Трасология / / Криминалистика. 1959. С. 78; Селиванов Н. А. Общие сведения о следах // Криминалистическая техника. М.,1959. С. 179.

[30]Грановский Г. Л. Основы трасологии. Общая часть. М., 1965. С. 16.

[31]Литвиненко Л. К. Понятие и классификация следов в трасологии // Материалы третьей расширенной научной конференции, посвященной памяти М. И. Райского. Киев, 1958. С. 97.

[32]Грановский Г. Л. Основы трасологии. Общая часть. М., 1965. С. 37 – 40.

[33]Грановский Г.Л. Там же. С. 27 – 28.

[34]Там же.

[35]Богатырев М. Г. О транспортной трасологии, ее предмете, системе // Рефераты докладов 2-й научной конференции Ташкентского НИИСЭ. Ташкент, 1961.

[36]Термин предложен Г. Л. Грановским в "Основах трасологии", 1965 г.

[37]Винберг А. И. Криминалистика. Вып. 1. Введение в криминалистику. М., 1950. С. 8; его же. Предмет и метод советской криминалистики. Криминалистика. М., 1950. С. 6.

[38]Винберг. А. И. Предмет, задачи и система науки советской криминалистики // Криминалистика. М., 1959. С. 6.

[39]Басалаев А. Н. Фиксация результатов осмотра места происшествия (средства, методы и доказательственное значение). Л., 1967; Сорокин В. С. Обнаружение и фиксация следов на месте происшествия. М., 1967; Гаврилов Л. Н. Применение специальных фотографических приёмов и методов при производстве следственных действий. Л., 1965 и др.

[40]См., например: Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966.

[41]См., Теребилов В. И. К вопросу о следственных версиях и планировании расследования // Сов. криминалистика на службе следствия. Вып. 6. М., 1955; Арцишевский Г. В. Понятие версии расследования // Вопросы криминалистики. Вып. 6—7. М., 1962; Александров Г. Н. Некоторые вопросы теории криминалистической версии // Вопросы криминалистики. Вып. 3. М., 1962; Голунскии С. А. Планирование расследования // Сов. криминалистика на службе следствия. Вып. 10. М., 1958; Белкин Р. С. Версии в доказывании // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1966 и др.

[42]Шляхов А. Р. Основные вопросы планирования советского предварительного следствия. М., 1956; Колесниченко А. Н. Планирование советского предварительного следствия. Харьков, 1952; Ароцкер Л. Е. Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1965; Васильев А. Н. Основы следственной тактики. М., 1960; Коновалова В. Е. Теоретические проблемы следственной тактики. Харьков, 1966; Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М., 1968; Якубович Н. А. Предварительное расследование. Методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы. М., 1977.

[43]См.: Попов В. И. Розыскная работа следователя. М., 1950; его же. Розыск обвиняемого // Криминалистика. М., 1950; его же. Розыскная деятельность в системе уголовного процесса и криминалистики // Уч. труды КазГУ. Т. 8. Сер. Юридическая. Вып. 8. Алма-Ата, 1967; его же. Розыскная деятельность при раскрытии преступлений. Докт. дисс. М., 1965.

[44]Криминалистика. М., 1959; Криминастика. М., 1963 и др.

[45]Седова Т. А. Проблемы судебной идентификации некоторых видов вещественных

доказательств. Л., 1967; Корухов Ю. Г. Криминалистическое значение следов крови на одежде. М., 1959; Найдис И. Д. Применение киносъемки при расследовании преступлений и использование кинодокументов как источников уголовно-процессуальных доказательств. М., 1967.

[46]Кирсанов З. И. Математические методы исследования в криминалистике. // Вопросы кибернетики и право. М., 1967; Шляхов А. Р., Эджубов Л. Г. Современное состояние и некоторые проблемы использования кибернетики в праве // Сов. государство и право. 1965. № 6 и др. Кандидатские диссертации: Родионов п. А. Статистические методы в криминалистике. Свердловск, 1970; Аубакиров А. Ф. Правовые, естественнонаучные и методические основы использования токов высокой частоты при криминалистическом исследовании вещественных доказательств. Алма-Ата, 1968; Глотов О. М. Криминалистическое исследование вещественных доказательств в ультрафиолетовых лучах. Л., 1964; Кизнер А. В. Процессуальные и естественнонаучные основы рентгеновских исследований вещественных доказательств в криминалистике. Алма-Ата, 1963; Лисиченко В. К. Криминалистическое исследование вещественных доказательств методами, основанными на применении радиоактивных изотопов. Киев, 1960 и др.

[47]См.: Апарникова Ц. М. Использование и проверка вещественных доказательств в гражданском процессе // Соц. законность. 1957. № 12. С. 112; Богдасарова М. А. Из практики криминалистической экспертизы документов по гражданским делам // Сб. науч. трудов Ташкентского НИИСЭ. Вып. 4. Ташкент, 1961; Федосеева В. Б. Экспертиза по гражданским делам // Сов. юстиция. 1962. № 5; Жуков Ю. М. Судебная экспертиза в гражданском процессе // Сов. Юстиция, 1964. № 24.

[48]Молочкова Л. В. Экспертиза как вид доказательств в советском гражданском процессе. Л., 1953.

[49]Федосеева В. Б. Криминалистическая экспертиза документов по гражданским делам. М., 1966.

[50]Крыгин Е. В. Криминалистическая экспертиза в административном процессе. Харьков, 1982; Васенков В. А. Правовые, организационные и технические основы применения криминалистических и иных специальных познаний в деятельности органов государственного нотариата. М., 1982.

[51]См.: Смотри статьи Ароцкера Л. Е. Возможности суда в использовании криминалистики при судебном разбирательстве уголовных и гражданских Дел // Рефераты докладов объединенной научн. конференции. Харьков, 59; Шире использовать в суде криминалистику // Сов. юстиция. 1960. №Ц; Внедрение криминалистических методов в судебное разбирательство — важное условие осуществления задач соц. правосудия // Рефераты научн. конференции. Тбилиси, 1962; Судебный осмотр места происшествия и вещественных доказательств // Сб. Практика применения нового Уголовно-процессуального законодательства. М., 1962; Тактические приемы судебного допроса // Криминалистика и суд. экспертиза. Киев, 1964, №1 и др.

[52]Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 19 – 20.

[53]Гарин К. П. Криминалистику на службу судебному следствию //Соц. законность. 1956. № 9; ДобровольскаяТ., Короткова Е. Опознание личности и вещей на судебном следствии // Соц. законность. 1956. № 6; Гарин К. П. Значение данных криминалистики при подготовке и проведении судебного следствия // Уч. записки ВЮЗИ. 1957. Вып. 3; Гуковская Н. И. Право суда на производство следственного эксперимента // Сов. юстиция. 1958. № 4; Мульюгин Г., Резник Г. Особенности судебного допроса по делам о насильственных преступлениях // Сов. юстиция.1974.№20.

[54]Работы Тихини В. Г. Особенности применения криминалистической тактики в гражданском судопроизводстве // Вестник БГУ. Сер. Ш. 1973. № 2; Некоторые вопросы тактики назначения судом экспертизы вещественных доказательств по гражданским делам // Вопросы криминалистики и суд. экспертизы. Минск, 1976; Применение криминалистической тактики в гражданском судопроизводстве. Минск, 1976; Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. Минск, 1983 и др.

[55]Зудин В Ф. Предотвращение и расследование преступлений. Саратов, 1963.

Глава 6. Предмет науки как арена сражений

6.1. Позиции сторон перед «разведкой боем»

Я уже упомянул о том, что в 1967 г. сначала в учебнике для средних школ МВД, а затем совместно с Ю. И. Краснобаевым в статье журнала "Правоведение" мною была предложена новая формула определения предмета криминалистики. Ситуация с определением предмета к этому моменту складывалась следующим образом.

Как помнит читатель, в учебнике 1950 г. свое определение предмета предложил А. И. Винберг, его позже поддержал С. П. Митричев; некоторые поправки *к* нему, не меняя его сути, внесли и другие криминалисты. Более радикальными были замечания П. И. Тарасова-Родионова. Он же считал, что А. И. Винберг, "давая несколько отличное от прежних определение советской криминалистики, сводит всю науку советской криминалистики к работе с доказательствами, совершенно не отражая в определении такие важные разделы советской криминалистики, как методика расследования отдельных видов преступлений, розыск, которые непосредственно не связаны с работой с доказательствами"[1]. По мнению Тарасова-Родионова, правильнее было бы считать, что "советская криминалистика является наукой о правовых тактических и технических приемах и методах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых против Советского государства и установленного им правопорядка, а также о научно-технических приемах экспертного исследования отдельных видов вещественных доказательств по заданиям судебных и следственных доказательств по заданиям судебных и следственных органов"[2]. Это определение не получило поддержки ученых-криминалистов. Да и упрек в адрес А. И. Винберга по поводу того, что последний в своем определении не отразил такие разделы криминалистики, как частная методика и розыск, был неоснователен. Было очевидно, что само существование частной методики обусловлено именно особенностями работы с доказательствами, на результатах которой, кстати, строится и розыск.

Аналогичных с Винбергом взглядов на предмет науки придерживался тогда и А. Н. Васильев, фактически на тех же позициях стояли А. А. Эйсман и М. П. Шаламов. Правда, последний включил в предмет криминалистики, помимо средств, приемов и методов работы с доказательствами, также и организацию деятельности органов следствия и дознания, направленную на раскрытие преступлений[3].

В 1967 г. А. Н. Васильев попытался отойти от ставшего традиционным определения А. И. Винберга, указав, что "лучше определить криминалистику как науку об использовании данных естественных и технических наук, в частности физики, химии, механики, биологии, как и психологии, логики, науки управления и других, в деятельности по расследованию и предупреждению преступлений, осуществляемой на основе уголовно-процессуального закона» [4]. Если читатель припомнит, нечто очень похожее содержалось в работах И. Н. Якимова 20-х гг., Васильев лишь "осовременил" перечень наук, достижениями которых пользуется криминалистика. Это его определение по сравнению с традиционным можно было рассматривать как шаг назад, ибо оно практически лишало криминалистику всяких границ, включая в ее предмет любые научные положения, используемые в борьбе с преступностью. Любая наука, коль скоро ее данные начинают использоваться в борьбе с преступностью, оказывалась частью криминалистики. При такой формулировке "исчезали" и различные виды судебных экспертиз; все они поглощаются криминалистической экспертизой, ибо использование данных любой науки в сфере судопроизводства объявлялось криминалистикой.

Если А. Н. Васильев попытался безгранично расширить пределы предмета криминалистики, то М. С. Строгович во втором издании своего курса уголовного процесса вновь выразил мнение об ограничении предмета криминалистики лишь совокупностью научно-технических средств и приемов работы с доказательствами. Все остальное содержание

криминалистики он включил в качестве специальной части или специального курса в науку уголовного процесса[5].

Определение криминалистики как науки о технических средствах, тактических приемах и методических рекомендациях, относящихся к собиранию и исследованию доказательств в целях расследования и предотвращения преступлений, отражало состояние криминалистики и ближайшие перспективы ее развития в то время, когда это определение складывалось. Оно несомненно сыграло свою положительную роль, и было бы ошибкой не учитывать этого, однако через двадцать лет, с позиций изменившихся представлений о науке вообще и о перспективах развития научного знания подобное определение представлялось уже неточным и неполным. Возникла необходимость попытаться по-новому определить предмет криминалистики в соответствии с этими новыми представлениями о сущности научного знания.

Такая попытка и была мною предпринята сначала в учебнике для школ милиции, а затем в том же, 1967 г., в совместной статье с Краснобаевым. Были в этих определениях и уязвимые места, которыми впоследствии воспользовались оппоненты. Но не эти просчеты первой редакции определения определяли его суть, и в конце концов это удалось доказать. Уже в 1969 г. в новой редакции определения эти просчеты были учтены.

Предложенное определение стало предметом научных дискуссий и в литературе, и на всесоюзных конференциях криминалистов в Харькове (1969 г.), Свердловске (1970 г.), Москве (1972 г.), Минске (1973 г.). Особенно жаркими были споры на свердловской конференции, в сущности именно тогда большинством участников было признано, что новое определение предмета криминалистики действительно отвечает реалиям переживаемого момента.

Страсти накалились сразу же после первого доклада, с которым выступил А. И. Винберг. Выступавший вторым А. Н. Васильев добавил в костер горючего, изготовленного по собственному рецепту. Остальные выступавшие по заранее объявленной программе либо предпочитали не касаться очага пожара, либо деликатно сообщали о необходимости поразмыслить по поводу этого очага. Настоящая дискуссия развернулась уже после того, как программа была исчерпана и возможность выступить была предоставлена всем желающим. Естественно, первым взял слово я, а потом выступило еще девять человек.

Чтобы читатель мог легче разобраться в позициях сторон, изложу их в очищенном от словесного обрамления виде.

Итак, основные оппоненты А. И. Винберг и А. Н. Васильев. Возражения А. И. Винберга сводились к следующему:

1) указание на систему приемов, методов и средств собирания и исследования доказательств — главное в определении предмета криминалистики;

2) закономерности объективной действительности, изучаемые криминалистикой, входят в содержание этой науки, а не в определение ее предмета;

3) в предложенном определении предмета криминалистики смешиваются понятия предмета науки и ее содержания;

4) закономерности возникновения доказательств относятся и к содержанию науки уголовного процесса и поэтому не могут включаться только в предмет криминалистики[6].

Возражения А. Н. Васильева:

Предложенное Р. С. Белкиным определение предмета криминалистики:

1) позволяет считать криминалистику частью доказательственного права (теория доказательств) и тем самым смешивает и даже сливает криминалистику с наукой уголовного процесса;

2) не раскрывает природы криминалистики, базирующейся на творческом использовании естественных и технических наук;

3) не упоминает о конкретном назначении криминалистики[7].

В ответе этим оппонентам пришлось прибегнуть к их собственным высказываниям, фактически опровергающим их замечания.

В выступлении А. И. Винберга на той же конференции он говорил: "Разработка системы, приемов, методов и средств криминалистики базируется как на общих законах развития

науки, так и на специальных законах науки криминалистики"[8].

— Если приемы, средства и методы вторичны по отношению к законам криминалистики, — отвечал я, — а последние вторичны по отношению к объективным закономерностям действительности, то едва ли можно считать это вторичное "главным" звеном в определении предмета науки. А если это так, то и указание на приемы и средства не может занимать первого места в определении предмета науки.

Приемы, методы и средства судебного исследования в самом деле являются "главным" в криминалистике, если рассматривать ее служебную функцию, т. е. ее роль в борьбе с преступностью. Они — итог познания наукой своей предметной области, ее "продукция", создаваемая на базе познания объективных закономерностей действительности, определяющих содержание науки, в том числе и содержание процесса "производства" данной "продукции". Но то, что является главным для практики, совсем не адекватно главному в структуре предмета научного познания, отражаемой в определении предмета науки.

По поводу того, что закономерности входят не в определение предмета, а в содержание науки, я заметил, что никакие объективные закономерности действительности не могут входить в содержание науки, так как отражаемое существует вне отражения, т. е. вне науки и независимо от нее. В содержание науки входят законы науки, а не отражаемые ими закономерности действительности, не объективные законы. Вот почему неоснователен и упрек в смешении определения предмета науки и ее содержания. Предмет науки — отражаемый объект, ее содержание — отражение предмета, результат его познания. Включение же объективных закономерностей действительности в содержание науки и будет означать смешение предмета науки с ее содержанием. К этому можно еще добавить, что вне содержания науки находятся и те объективные закономерности, которые определяют развитие данной науки. В содержание же науки войдет результат их научного познания, отражения — законы развития науки.

Все сказанное, продолжал я, полностью относится и к закономерностям возникновения следов преступления и преступника, которые не входят ни в содержание криминалистики, ни в содержание уголовно-процессуальной науки. Мнение о том, что эти закономерности изучаются не только криминалистикой, но и другими науками, ни в какой степени не может препятствовать упоминанию о них при формулировании предмета криминалистики. Совпадение объектов и частично предметов познания — не редкость в современной науке. Однако в данном случае нет даже такого частичного совпадения предметов познания. Обращаясь к практике, можно убедиться, что процесс судопроизводства начинается только тогда, когда доказательства события уже возникли, то есть закономерности этого процесса уже "сработали". Именно поэтому закономерности возникновения фактических данных лежат вне сферы уголовно-процессуальной науки и не являются ее предметом[9].

Отвечая А. Н. Васильеву, я заметил, что совпадение объектов исследования не дает основания считать, что тем самым смешиваются изучающие эти объекты науки. Кроме того, никакое определение предмета криминалистики (и это видно на примере традиционного определения предмета) не может жестко, "намертво" отделить криминалистику от уголовного процесса, ибо для них, как и для всех смежных наук, в наше время характерен процесс взаимопроникновения. И такое взаимопроникновение происходит как раз в первую очередь в рамках теории доказательств.

Несостоятелен и упрек в том, что предложенное определение не раскрывает природы криминалистики. Раскрытие природы криминалистики заключается как раз в определении изучаемых ею объективных закономерностей, в выявлении их особенностей, определяющих именно криминалистический характер тактических приемов, технических средств, методических рекомендаций. Объясняется это тем, что природа криминалистики проявляется не в источнике используемых ею и приспосабливаемых для своих целей данных (этот источник — наука в целом — одинаков в принципе для любой частной отрасли научного знания), а в "точке приложения" почерпнутого знания — в ее предмете.

Что же касается третьего возражения А. Н. Васильева, по этому поводу можно сказать следующее.

В традиционных определениях предмета криминалистики говорится, что средства и

приемы криминалистики используются в целях расследования и предотвращения преступлений. Но то же самое указывается и в новой редакции определения, причем более детально, если принять во внимание, что понятие судебного исследования, которым я оперирую, шире понятия расследования, так как включает в себя и деятельность органов дознания, которая, как известно, не вся охватывается расследованием в процессуальном смысле этого термина, и деятельность суда по установлению истины, и те аспекты содержания процесса экспертного исследования, которые не регламентируются законом[10].

Участники дискуссии — И. М. Лузгин, Е. И. Казаков, О. М. Глотов, И. Ф. Герасимов, А. Я. Гинзбург, Б. И. Дергай, П. П. Якимов — кто целиком, а кто и с некоторыми поправками и оговорками, согласились с моими доводами. Особенно обстоятельным было выступление И. М. Лузгина, который, поддерживая мое определение, подчеркнул, что оно "отображает закон интеграции и дифференциации знания, позволяет в научном плане выделить:

а) общее, устойчивое, относительно постоянное в явлениях, детерминированных преступлением;

б) на этом основании систематизировать и классифицировать эти явления, разработать и уточнить криминалистические категории;

в) искать новые пути формирования криминалистических средств и методов;

г) совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство как отражение наиболее устойчивого, постоянного *в* правоотношениях, образующих уголовно-процессуальную деятельность"[11].

Я не случайно уделил такое внимание этой дискуссии. Дело было в сущности не столько в новом определении предмета криминалистики, сколько в попытке преодолеть консерватизм в науке, сложившиеся шаблонные представления о путях ее развития, явно пришедшие в противоречие с потребностями потребителей научного "продукта" и с потребностями расширения самого научного знания. Это в сущности был сигнал к изменению ориентиров в развитии криминалистики, и как показали последующие процессы в науке, сигнал этот был воспринят подавляющей массой криминалистов — и ученых и практиков.

"Разведка боем" удалась, хотя, как водится, не означала победы.

6.2. Сторонники стремятся «улучшить» и «углубить» формулу определения предмета

В последующие несколько лет продолжалось оживленное обсуждение определения предмета криминалистики. В. И. Попов считал положительной стороной моего определения то, что "оно лаконично охватывает главное в содержании криминалистики с позиций материалистической философии". Однако он полагал, что в формулировке понятия криминалистики должны найти отражение главные элементы ее содержания. Руководствуясь этим соображением, он писал: "Советская криминалистика является наукой, которая на основе обобщения передовой практики советских органов борьбы с преступностью и привлечения достижений философских, естественных и технических наук разрабатывает в рамках уголовно-процессуального закона рекомендации по собиранию и исследованию доказательств, по установлению личности и розыску преступников, используемые предварительным следствием, дознанием, судом в целях выяснения истины и претворения ленинского принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление, а также в целях предупреждения преступлений"[12].

Это определение, в котором автор стремился и отдать мне должное, и тем не менее повторить давно пройденное, проигрывало даже по сравнению с традиционным определением предмета криминалистики, поскольку взамен указания на криминалистические средства и методы в нем шла речь о неких безликих рекомендациях. В таком виде определение можно было отнести к любой другой науке из группы "обслуживающих" судопроизводство: к судебной медицине, судебной статистике и т. п.

Ф. Ю. Бердичевский, выразив мнение, что предложенное мною определение предмета криминалистики наиболее удачно из всех существующих, посчитал целесообразным его

модифицировать. В его представлении предметом криминалистики "являются закономерности возникновения информации о преступлении и совершивших его лицах и основанные на познании этих закономерностей средства и методы обнаружения такой информации с целью использования ее в качестве доказательств по уголовному делу"[13]. Я посчитал, что Бердичевский сузил предмет криминалистики, исключив из него закономерности работы с доказательствами, что превращало криминалистику в науку только "поисковую", исключало весь арсенал средств и методов исследования и использования доказательств и фактически сближало его взгляды со взглядами тех, кто рассматривает криминалистику как некую вспомогательную науку.

В 1977 г. вышел в свет учебник криминалистики, подготовленный коллективом ленинградских авторов, под редакцией И. Ф. Крылова. Он был и автором главы 1 "Предмет, методы и система советской криминалистики", привел мое определение предмета, но воздержался от комментариев, заметив лишь, что "появление данного определения вызвало дискуссию, которая показала, что у него имеются как сторонники, так и противники"[14]. Такое уклончивое отношение заметили авторы рецензии на этот учебник Г. Воробьев и Ю. Ильченко: "Сейчас ученые-криминалисты разрабатывают теоретические проблемы криминалистики. В связи с этим авторы (рецензируемого учебника ЛГУ. — Р. Б.) указывают, что в литературе появилось принципиально новое (предложенное Р. Белкиным) определение криминалистики. Авторы учебника высказали свое отношение к этому определению лишь замечанием, что оно вызывало дискуссию. Авторскому коллективу следовало более четко определить свою позицию. Новое определение науки криминалистики в своей основе верно, и об этом нужно было сказать четко и Замечу попутно, что если в ученике ТУГГ УТ97Тг. определенно"[15].

автор первой главы А. Н. Васильев упомянул о моем определении, выразив к нему свое отношение (с. 7), то в учебнике 1980 г. он обошел этот вопрос молчанием, по-прежнему придерживаясь прежних взглядов, но в очередной раз редакционно изменив свое определение предмета.

В конце 1976 г. Ю. И. Краснобаев успешной защитой завершил работу над диссертацией, посвященной понятию предмета криминалистики. Совпадение в основном наших позиций в 1967 г. было недолговременным. В 1968 г., как я уже говорил, формулировку предмета я уточнил, включив в нее указание на средства и методы судебного исследования. В свою очередь В. И. Краснобаев, продолжая исследования, пришел в конечном счете к выводу, что "предметом советской криминалистики являются закономерности формирования и функционирования способа подготовки, совершения и сокрытия преступления, возникновения следов преступной деятельности, судебного исследования доказательств и закономерности ее развития как науки[16]. Очевидно, заметив, что выражёние "судебное исследование доказательств" может натолкнуть на мысль, что другие закономерности работы с доказательствами — собирания, оценки, использования — не являются предметом, Ю. И. Краснобаев в своей брошюре, увидевшей свет после безвременной кончины автора, опустил слово "доказательства"[17].

Это определение, базировавшееся на тех же методологических позициях, что и мое, вызывает тем не менее определенные возражения. Если называть в определении преступную деятельность как объект познания, что справедливо, то следует говорить не столько о способе преступления, сколько о механизме преступления, т. е. функциональной стороне преступной деятельности, в которой способ преступления — лишь одно из звеньев. Не входят, по моему мнению, в предмет науки и закономерности ее развития, строго говоря, это предмет науковедения, как и закономерности развития науки вообще.

В 1977 г. была опубликована интересная статья Н. А. Селиванова "К вопросу о понятии и системе криминалистики". Оспаривая в ней ряд замечаний Васильева по поводу моего определения, и, в свою очередь, критикуя предложенное Васильевым очередное определение предмета, Селиванов сформулировал свое определение: "Криминалистика — это наука о закономерностях возникновения судебных доказательств, а также общих методах, технике, тактике, методике их собирания и использования в целях расследования и предупреждения преступлений» [18]. У меня есть ряд замечаний по содержанию этого определения, но в нем следует видеть главное: принципиально правильный подход к определению предмета науки.

Думаю, что пришло время рассказать об авторе этой статьи, фамилия которого уже не раз встречалась в этой книге.

Николай Алексеевич Селиванов родился в 1923 г. в с. Ларине Каширского района Московской области в крестьянской семье. По окончании средней школы в 1942 г. был призван в армию и направлен на фронт. После демобилизации в 1945 г. поступил в Московский юридический институт, окончив его, некоторое время работал в криминалистической лаборатории этого института, а в 1951 г. перешел на работу во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР.

В институте Николай Алексеевич прошел все ступеньки научной карьеры: был младшим и старшим научным сотрудником, заведовал сектором, который сначала назывался сектором криминалистической техники, а потом несколько раз переименовывался: в сектор программирования расследования преступлений, отдел тактики и методики и, наконец, отдел прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием. С 1979 по 1984 г. Николай Алексеевич был директором этого института. Когда в прокуратуре стали размышлять, на какое место следует определить И. И. Карпеца, перешедшего в свое время в МВД и теперь изъявившего желание вернуться обратно, Николай Алексеевич сделал далеко не ординарный шаг: он предложил добровольно освободить директорское кресло, уступив его Карпецу. Можно полагать, что этот поступок вызвал вздох облегчения у высокого начальства: ситуация разрешилась, таким образом, как бы сама собой.

За полвека работы в области криминалистики Николай Алексеевич создал ряд первоклассных работ, составивших заметный вклад в нашу науку. Это такие монографии, как "Судебно-оперативная фотография" (М., 1955), "Вещественные доказательства" (М., 1971), "Математические методы в собирании и исследовании доказательств" (М., 1974), особенно удавшаяся ему книга "Советская криминалистика: система понятий" (М., 1982), многочисленные статьи по самым важным и актуальным проблемам криминалистики, ряд учебников и руководств, в которых он выступал соавтором и соредактором. В 1965 г. он защитил докторскую диссертацию "Научно-технические средства расследования преступлений (правовые, методологические основы применения, современное состояние и перспективы развития)", в 1968 г. был утвержден в звании профессора, а затем удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки России.

По характеру Николай Алексеевич человек сдержанный, на первый взгляд даже может показаться суховатым. Но впечатление это обманчиво, в чем неоднократно я мог убедиться и сам. Он тепло относится к друзьям и коллегам по работе, а в дружеской компании — просто душа общества. Он вообще очень талантливый человек, причем талантлив разносторонне: пишет великолепные остроумные спичи и эпиграммы в стихах, и, когда он появляется на каком-нибудь юбилее или ином дружеском сборище, мы все с нетерпением ждем его очередного поэтического сюрприза. На моем юбилее Николай Алексеевич продемонстрировал, как бы откликнулись на этот юбилей знаменитые поэты, очень точно скопировав их стиль, поэтический размер и тематику их стихов. Вот, что, например, у него получилось:

"Сергей Есенин:

О! Как приятно вспомнить мне
О юности и детстве милом,
Потолковать наедине

С криминалистом Рафаилом.
Люблю мечтать навеселе...
Ах, Рафаил, давай стараться,
Чтоб даже бабки на селе
Твой "Курс" читали вместо "Святцев".

Степан Щипачев:
Сказали мне, что ты — в науке бог,
И зависть светлая меня невольно точит:
Исследователь, знатный педагог,

В своих суждениях обычно очень точен.
И мне лишь остается пожелать,
Чтоб вновь ты лил идеи, как из лейки,
Чтоб до ста лет гулял ты при луне
И сиживал с любимой на скамейке".

И в таком же духе от имени Блока, Твардовского, Высоцкого, Бёрнса. Нетрудно представить, какой фурор производят подобные его выступления и как разительно отличаются они от казенных приветствий и поздравлений.

Вот таков Николай Алексеевич Селиванов — известный ученый, организатор науки и просто очень хороший человек.

В 1977 г. вышел в свет первый том моего трехтомного "Курса советской криминалистики". Размышляя над замечаниями рецензентов курса, комментариями, поправками и дополнениями к моему определению предмета криминалистики, сделанных авторами опубликованных после его издания работ, я пришел к выводу о необходимости уточнения этого определения предмета. Эти уточнения должны были относиться к отражаемому объекту и характеристике результатов отражения. Не скрою, что к этому меня побудило и упорное игнорирование некоторыми моими оппонентами оговорки, сделанной мною с самого начала, о том, что, говоря о закономерностях возникновения доказательств, я имею в виду, естественно, лишь те фактические данные, которые еще станут доказательствами в установленном законом порядке. В итоге определение стало выглядеть следующим образом:

Криминалистика — наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений.

И одно замечание.

Начиная с 1970 г., когда я обратился к методологии криминалистики и попытался сформулировать основы общей теории этой науки, я руководствовался отмеченным мною тогда впервые в литературе постулатом: гносеологической основой криминалистики служит материалистическая теория отражения, именно на ней базируется определение предмета криминалистики и все ее содержание. О том, что криминалистика изучает и использует в своих целях следы — "отпечатки" события преступления, говорилось уже в первых криминалистических сочинениях, отражавших чисто эмпирический подход к процессу следообразования. Лишь философское объяснение этого феномена позволило обеспечить должный теоретический уровень его исследования и объяснения.

Приведенное определение предмета криминалистики фигурирует во всех моих работах, вышедших в 80—90-е гг.[19] Но - сколько голов, столько и мнений. Естественно, что споры вокруг определения предмета криминалистики на этом не прекратились, и каждый автор, касаясь его, стремился внести в это определение и нечто свое.

Е. И. Зуев пришел к выводу, что "криминалистика — специальная юридическая наука о закономерностях возникновения информации, способствующей предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, ее собирания и использования с помощью разрабатываемых на основе познания этих закономерностей технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций" [20]. Перетасовав элементы моего определения и сократив

некоторые из них, Зуев, как мне кажется, только ухудшил определение: исчезло указание на источники информации, неясно, в чем заключается использование средств и приемов и т. п.

В. Е. Корноухов, очень перспективный и деятельный ученый-криминалист, приобретший в последнее время широкую известность интересными и многоплановыми работами, от которого можно ждать еще многого в развитии и общетеоретических начал криминалистики и ее частных теорий, в своем определении предмета на первый план поставил изучение объектов познания, а на второй — цель и результат этого познания. Определение предмета криминалистики в его интерпретации выглядит следующим образом: "Криминалистика — это наука, изучающая преступную деятельность и деятельность следователя (родовой объект) с целью познания закономерностей процессов отражения и познания и разработки на этой основе методов практической деятельности; стратегии и методики по расследованию преступлений, тактических приемов и их комбинаций по производству отдельных следственных действий; технико-криминалистических средств и технических приемов по обнаружению и фиксации следов преступления и методик по исследованию вещественных доказательств"[21].

Это определение вызывает ряд серьезных замечаний, не говоря о стилистических неряшливостях. Прежде всего, криминалистике вовсе незачем заниматься познанием закономерностей процессов отражения и познания — это цель вузовского курса философии, познание которой составляет цель обучения этой науке. Объектом криминалистики служит не вообще преступная деятельность и не вообще деятельность следователя (кстати, не только следователя), а лишь функциональная сторона этих видов деятельности. Поэтому в моем определении и идет речь о механизме преступления и деятельности по доказыванию. И, естественно, в соответствии со всем сказанным ранее, на первом плане фигурируют именно закономерности этих видов деятельности. Нет необходимости в определении приводить перечень (к тому же далеко не полный и неточный) тех направлений практической деятельности, для которых разрабатываются на основе познания этих закономерностей методы и средства криминалистики.

Наконец, — и это весьма существенно — закономерности отражения и познания, составляющие предмет криминалистики, не исчерпываются лишь закономерностями отражения и познания, они производны от закономерностей осуществления деятельности. Для рассматриваемой области действительности это опять таки закономерности механизма преступления и доказывания.

В литературе можно встретить еще и другие определения предмета криминалистики, их анализ сейчас не входит в мою задачу. Для истории криминалистики важно лишь одно: реформа представлений о предмете науки была своеобразным узловым пунктом в целеполагании направлений научных исследований, что стало заметно прежде всего в активизации разработки частных криминалистических теорий, появлении новых подходов к их методологическим основам. На базе этих представлений основывался ряд теоретических конструкций И. М. Лузгина, исследовавшего методологию процесса расследования[22], , разработавшего основы криминалистического учения о способе совершения преступления, М. Я. Сегая, построившего по типу моего определения предмета криминалистики определение предмета судебной идентификации[23]. В. Флорловой, основывающей на нем свою конструкцию теории судебно-почерковедческой идентификации[24], и ряда других авторов. На базе этого определения стали формулироваться определения предметов составных частей криминалистики.

Так, А. Р. Шляхов соответственно определял предмет криминалистической техники: "Предмет криминалистической техники составляют закономерности, обусловливающие происхождение и природу доказательств, а равно и методы их обнаружения, изъятия, фиксации и исследования"[25]. Аналогичную мысль высказал и *З.* И. Кирсанов, отметив, что "технико-криминалистические методы, средства и приемы базируются на специфических закономерностях, исследуемых наукой криминалистикой"[26]. Он пожалуй, точка в дискуссии о предмете криминалистики была поставлена в 1973 г., когда один из главных противников моего определения, А. И. Винберг, выступил вместе с Н. Т. Малаховской с предложением о формировании новой отрасли научного знания — судебной экспертологии, в определении

которой фигурировало указание на изучаемые ею закономерности. Позднее они прямо указывали, что в экспертологии исследуются "вопросы предмета и входящих в него закономерностей"[27]. Вот теперь можно было считать, что по-настоящему "лед тронулся, господа ученые-криминалисты"!

Примечания:

[1]Тарасов-Родионов П. И. Советская криминалистика // Соц. законность. 1951. №7. С. 12.

[2]Там же. С. 13.

[3]Эйсман А. А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук // Сб. научных работ. Вильнюс, 1963. № 1; Шаламов М. П. Некоторые проблемы советской криминалистики. М., 1965. С. 31.

[4]Васильев А. Н. Предмет криминалистики. // Соц. Законность. 1967. № 1.

[5]Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 101—102.

[6]Винберг А. И. О некоторых теоретических проблемах криминалистики // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики (Материалы научной конференции. Свердловск, сентябрь 1970 г.). Свердловск, 1972. С. 10.

[7]Указ, материалы конференции. С. 16—24.

[8]Там же. С. 10.

[9]Указ, материалы конференции. С. 154—160.

[10]Указ, материалы конференции. С. 160—166.

[11]Указ, материалы конференции. С. 171.

[12]Попов Б. И. Советская криминалистика и ее роль в претворении ленинского принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление // Некоторые вопросы борьбы с преступностью. Алма-Ата, 1970. С. 60 – 61.

[13]Бердичевский Ф. Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики (в порядке обсуждения) // Вопросы криминалистики. Вып. 24. М., 1976. С. 140.

[14]Криминалистика. Л., 1976. С. 5, 7.

[15]Воробьёв Г., Ильиченко Ю. Рецензия // Соц. законность. 1978. № 12. С. 86.

[16]Краснобаев Ю. И. Понятие предмета советской криминалистики (история и современное состояние проблемы) // Автореф. канд. дисс. М., 1976. С. 17.

[17]Краснобаев Ю. И. Совершенствование предварительного следствия и предмет советской криминалистики. Волгоград, 1979. С. 77.

[18]Селиванов Н. А. К вопросу о понятии и системе криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977. С. 100—109.

[19]См.: Белкин Р. С.-Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986; его же. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории. М., 1987; Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997 и др.

[20]Криминалистика (актуальные проблемы). М., 1988. С. 11.

[21]Корноухов Б. Е, и др. Основы общей теории криминалистики. Красноярск,1993. С. 18. Это же определение повторено в кн.: Курс криминалистики. Ч. 1. Красноярск, 1995. С. 17.

[22]См.: Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М., 1969; его же. Методические проблемы расследования. М., 1973.

[23]Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970.

[24]Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // Тр. ВНИИСЭ. Вып. 6. М., 1973.

[25]Шляхов А. Р.—Сущность криминалистической техники, ее структура и соотношение с криминалистической экспертизой // Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 1. М., 1969. С. 6.

[26]Кирсанов З. И. К вопросу о понятии технико-криминалистических методов и средств //

Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 10. Киев, 1973. С. 38; см. также: Корноухов В. Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений // Материалы научной конференции. Красноярск, 1972. С. 91.

[27]Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология — новая отрасль науки // Соц. законность. 1973. № 11. С. 49; они же. О закономерности научных основ судебных экспертиз // Соц. законность. 1976. № 1. С. 62.

Глава 7. На подступах к общей теории криминалистики

7.1. Труден первый шаг

Еще на этапе накопления эмпирического материала и при формировании первых частных криминалистических теорий время от времени возникала идея создания общей теории криминалистики. Мысль о необходимости разработки теории криминалистики была высказана Б. М. Шавером еще в 1938 г. в его неоднократно упоминавшейся мною статье о предмете и методе криминалистики. О теории криминалистики, основу которой составляет идентификация, неоднократно высказывался С. М. Потапов. Развивая взгляды, изложенные в своей статье 1940 г. "Принципы криминалистической идентификации", он придавал идентификации системообразующее в области теории криминалистики значение. В 1943 г. Потапов завершил работу над статьей "Роль методов криминалистики в доказательственном праве", которая, к сожалению, осталась неопубликованной. В ней он писал о "науке раскрытия преступлений" и замечал, что именно Бертильона "следует признать первым основоположником науки о раскрытии преступлений, которой десять лет спустя после первого приложения этой науки к потребностям расследования и суда было присвоено Гроссом название криминалистики. Ганс Гросс не был самостоятельным исследователем научно-технических приемов получения судебных доказательств для раскрытия преступлений"[1]. Позднее, в 1946 г. положения этой статьи он изложил во "Введении в криминалистику".

В 1949 г. С. М. Потапов завершил работу над монографией, которую он назвал "Теория советской криминалистики". В предисловии он писал: "Настоящая работа представляет собой первый опыт теории советской криминалистики. Она изложена по иной системе сравнительно с принятыми в руководствах разных авторов... Она захватывает, во-первых, основные положения, относящиеся к правовой природе и истории советской криминалистики; во-вторых, основные положения, относящиеся к ее методологии; в-третьих, основные положения, определяющие содержание науки о следствии и материальную обстановку для его производства как научного исследования; в-четвертых, основные положения, определяющие общую методику следствия в соответствии с учением об отношении, и, в-пятых, применение основных положений теории к отдельным следственным действиям, показанное на примере осмотра места преступления"[2].

В "Теории советской криминалистики" получили развитие идеи, положенные С. М. Потаповым в обоснование криминалистической идентификации. Автор добавил к ним аргументацию в пользу признания процесса расследования научным криминалистическим исследованием. Он предупреждал, что "основные положения, касающиеся методологии криминалистического исследования, представлены лишь с незначительными дополнениями по сравнению с опубликованным в небольшом тираже изданием под именем "Введение в криминалистику", имевшем в виду положить начало построению теории советской криминалис- тики"[3].

К сожалению, и эта работа Потапова не увидела свет и не могла способствовать процессу формирования общей теории криминалистики.

В 1947 г., выступая с докладом на VII совещании по криминалистике, созванном Всесоюзным институтом юридических наук, А. И. Винберг поднял вопрос о необходимости создания общей теории криминалистики. Он говорил: "Следует, однако, констатировать, что в результате как молодости советской криминалистики, так и известного увлечения экспериментально-исследовательскими работами ряд актуальных проблем, составляющих основы теории криминалистики, остались еще не разработанными. Криминалистика, накопив, несомненно, ценный опыт и значительный материал по частным вопросам научной техники и методики расследования, в то же время еще не создала общей теории криминалистики, в том числе такого важнейшего раздела, как методология криминалистической экспертизы. Таким образом, накопленные за прошедшие годы опыт и достижения криминалистов по частным проблемам не поднялись еще до такого теоретического обобщения, которое должно вывести криминалистику из ее нынешнего эмпирического состояния"[4].

В 1951 г. А. И. Винберг вновь писал, что "глубокое развитие советской теории криминалистики на основе марксистской методологии и вооружение ею следственных,

судебных и экспертных работников составляют важнейшую и ближайшую задачу ученых-криминалистов "[5].

В 1955 г., выступая на дискуссии о предмете криминалистической тактики, А. А. Пионтковский также употребил термин "общая теория криминалистики", обозначив им, правда, лишь общие положения тактики[6].

Но в те годы еще не созрели условия, необходимые для создания общей теории криминалистики. Эти условия возникли после разработки философских проблем криминалистики в середине 60-х гг., когда укрепилась ее собственная методологическая база. Набирал темпы и процесс формирования частных криминалистических теорий. Монографические исследования А. И. Винберга, С. П. Митричева, Н. В. Терзиева, С. И. Тихенко, А. Н. Васильева, Л. Е. Ароцкера, Г. Л. Грановского, А. Н. Колесниченко, В. Е. Коноваловой, В. Я. Колдина, Н. П. Яблокова, Б. И. Шевченко, М. Я. Сегая, И. М. Лузгина, Ю. Г. Корухова, В. К. Лисиченко, В. А. Снеткова, А. В. Дулова, А. Р. Ратинова, И. Ф. Крылова, Н. А. Селиванова, А. А. Эйсмана и многих других не только явились теоретическими предпосылками возникновения общей теории криминалистики, в них фактически содержались многие структурные элементы этой теории.

Нужно было сделать первый шаг...

В конце 60-х гг. я все чаще задумывался над тем, какой общефилософский принцип лежит в основе криминалистики, какая идея способна объединить все ее разделы, все ее теоретические концепции. Этим размышлениям в немалой степени способствовало тогдашнее мое увлечение такой философской проблемой криминалистики, как понятие метода — научного исследования и практической деятельности. Дело в том, что в середине 60-х гг. произошел известный прорыв в философских догмах, господствовавших в нашем сознании: марксистский диалектический метод лишился пьедестала единственно научного метода познания. Представители ленинградской школы философов, вопреки обязательной формуле о том, что этот метод — единственный научный метод всех наук, заявили, что это действительно единственный всеобщий метод познания, но не единственный научный метод.

Страна тогда готовилась торжественно отметить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, и все мы считали своим долгом, каждый в своей области, показать роль Ленина. Перечитывая в который уже раз его философские работы, я вдруг как бы заново увидел знакомые слова о том, что в самом основании материи лежит родственное ощущению свойство — свойство отражения. Впору было кричать "эврика"! Это было именно то, что требовалось: ведь действительно, именно это свойство лежит в основе всей криминалистики: следы преступления и преступника — это отражение его действий, показания свидетелей — отражение воспринятых фактов и явлений, план расследования — отражение замысла следователя и т. п. и т. д. И сразу вспомнилось многократно встречавшееся в литературе выражение "ленинская теория отражения". Родился и замысел юбилейной работы: отправляясь от нового определения предмета криминалистики как отражения ее сущности, попытаться на этой основе представить процесс возникновения будущих доказательств и работы с ними, определить, в чем заключается общее значение для криминалистики закономерностей, управляющих этим процессом, как он отражается в науке, т.е. попытаться сконструировать действительно общую теорию криминалистики, общую прежде всего в философском смысле. Естественно, при этом потребовалось рассмотреть ленинские работы уже в этом конкретном аспекте. К сожалению, ничего похожего на законченную теорию отражения я в них не нашел: было еще одно действительно очень важное высказывание о том, что отражение всегда беднее отражаемого, и два-три менее существенных замечания на полях "Философских тетрадей". Поскольку я задумал к каждой главе работы предпослать в качестве эпиграфа подходящее ленинское выражение, пришлось довольствоваться высказываниями более общего характера: о роли диалектики, о сущности мышления и т. п. К слову сказать, сомнений в том, что существует именно ленинская теория отражения, у меня и не возникало: так сильны были стереотипы нашего мышления, формировавшиеся под воздействием всепроникающих идеологам. И книга моя, вышедшая точно к ленинскому юбилею, получила название "Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики". Замечу по этому поводу, что и сейчас я считаю роль В. И. Ленина в

формировании теории отражения едва ли не решающей. Он не создал никакой теории отражения, но заложил ее фундамент, сформулировав два ее основных постулата, приведенных выше, из них и выросло здание этой теории усилиями многих ученых — и философов, и представителей самых различных областей знания. Какие-то кирпичики в это здание уложили и криминалисты.

Основной замысел книги состоял в том, чтобы попытаться сформировать методологические основы криминалистики, роль которых должна играть ее общая теория. В то время это была отнюдь не простая задача, потому что в юридических науках господствовало мнение о том, что никакой частнонаучной методологии не существует. Основывалась эта точка зрения на высказываниях некоторых философов, считавших, что сама постановка вопроса о методологии конкретной науки неправомерна: "Метод познания в конечном счете определяется самыми общими законами и отношениями материального мира. Из этого следует, что частно-научной методологии нет. Методология одна: она есть философско-логическая, ибо только философия и логика исследуют всеобщие законы бытия и мышления[7]. И хотя в этом случае понятие методологии совершенно необоснованно сводилось к понятию учения о
методах познания, т. е. толковалось лишь буквально, оставляя в стороне главное — мировоззренческий аспект познания, подобных высказываний было достаточно, чтобы некоторые специалисты в области общей теории государства и права, представлявшие свою науку как конкретизацию исторического материализма в правовой области, утверждали, что именно она "имеет методологическое значение для всей системы юридических наук. Она призвана разрабатывать методологические вопросы применительно ко всем отраслевым юридическим наукам. Общей же методологической наукой для всех общественных, в том числе и юридических наук, остается марксистско-ленинская философия"[8]. Во введении к книге поэтому пришлось специально остановиться на этих вопросах.

Я писал: "Связь с философией не является исключительной функцией какой-то одной юридической науки, даже такой, которая имеет наиболее общий характер по сравнению с другими юридическими науками. Каждая конкретная юридическая наука немыслима без своей методологической базы, основу которой и составляют основные положения марксистско-ленинской философии, конкретизированные применительно к предмету исследования данной юридической науки... До настоящего времени методологические основы науки иногда рассматривают как понятие, равное по содержанию понятию метода науки. Это неточно. Методологические основы науки — это ее общая теория, включающая в себя систему ее мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов"[9].

Руководствуясь идеей отражения как базовой для криминалистики и соображениями о существовании частнонаучной методологии, я выстроил и структуру книги. Она открывалась главой "Отражение и доказательства", за ней следовали главы "Отражение и доказывание", "Отражение и предмет советской криминалистики". В главе "Понятие методологии советской криминалистики" содержались представления о ней и определялись понятие, структура и содержание общей теории криминалистики. Далее следовали главы, посвященные некоторым структурным частям общей теории: учениям о ее языке, методах и систематике, ее прогностической функции как важнейшей функции любой науки и роли ш общей теории криминалистики критерия практики.

Были определены принципиальные требования, которым должна удовлетворять теория, чтобы играть роль общей теории конкретной науки:

1. Теория только тогда может претендовать на значение общей, когда она охватывает весь предмет науки, а не относится к одному из его элементов.

2. Концепция или система концепций, составляющих содержание общей теории, должны относиться не столько к явлениям, сколько к сущности предмета исследования, должны объяснять эту сущность.

3. Раскрывая сущность предмета исследования, общая теория должна выявлять то, что делает эту сущность устойчивой, — закономерность отношений или связей явлений, т. е. закономерность тех процессов, познание которых является целью данной отрасли знания.

4. Необходимо, чтобы общая теория базировалась на принципах ленинской теории отражения, имеющих значение научного мировоззрения и выражающих "диалектику вещей" как основу "диалектики идей" (здесь явно сказывалось мое стремление выпятить роль теории отражения как философской основы книги, тогда как общие теории других наук могут основываться на иных постулатах философии).

5. Общая система должна представлять собой систему понятий, тесно связанных и органически переплетающихся друг с другом, так что в ее системе не оказывается никаких обособленных или изолированных от других частей элементов.

Структура общей теории определялась, по моему мнению, структурой отражаемого объекта — предмета криминалистики. Исходя из предложенной мною в 1967—1969 гг. формулы предмета, структура общей теории была предложена в следующем виде:

а) криминалистическое учение о закономерностях возникновения доказательств;

б) криминалистическое учение о закономерностях обнаружения доказательств;

в) криминалистическое учение о закономерностях исследования доказательств;

г) криминалистическое учение о закономерностях оценки и использования доказательств;

д) учение о методах криминалистики;

е) учение о языке криминалистики;

ж) криминалистическая систематика (учение о криминалистических системах и классификациях).

Я полагал, что содержание этих разделов составляют общие положения, выражающие сущность, характер, направленность и формы проявления данной группы объективных закономерностей действительности, и система частных криминалистических теорий, опирающихся на эти положения и выражающих, во-первых, результаты познания перечисленных закономерностей и, во-вторых, формы, пути и цели использования этих результатов познания в плане решения задач, стоящих перед криминалистической наукой. В работе приводился примерный перечень таких частных теорий: учение о навыках, о способе совершения преступления, об идентификации, о механизмах следообразо- вания, о фиксации доказательственной информации и др.

Как мне представляется, значение этой работы в главном заключалось в утверждении того, что вся криминалистика базируется на теории отражения, что отражение — вот та категория, которая в различных своих ипостасях пронизывает всю криминалистику. Думаю, что эта идея далеко не сразу "овладела массами" и была оценена по достоинству, некоторыми криминалистами она игнорируется и сейчас, что и служит причиной появления время от времени искусственных и надуманных "теорий".

Идеи, обозначенные в этой книге, разрабатываются мною всю жизнь, во всех последующих работах, и все еще не исчерпаны. К слову сказать, рукопись книги я прежде всего дал для ознакомления своему учителю А. И. Винбергу. Вернулась она с вопросительными знаками, язвительными пометками и далеко не положительными замечаниями буквально на каждой странице. Не понравились моему научному "шефу" ни замысел книги, ни главная мысль об отражении как базе криминалистики, ни предложенная конструкция общей теории. Авторитет Абрама Ильича в моих глазах тогда, да и впоследствии, был очень высок, и такая его оценка моей работы привела в уныние. Самое же неприятное для меня заключалось в том, что я не мог принять практически ни одного его замечания, а зная его характер, мог предположить, чем для наших отношений обернется мое упрямство, как он расценит несогласие с его мнением. Но надо было выбирать: либо выбрасывать в корзину рукопись сразу или после учета его замечаний, что неизбежно привело бы фактически к ее замене другой работой, причем работой его, а не моей: моего в ней не осталось бы ничего, либо идти на риск будущего конфликта с учителем и отдавать рукопись в издательство. Но уж больно дорога мне была книга, слишком много, как говорится, было в нее вложено и ума и сердца, чтобы выбросить все, так сказать, коту под хвост. По существу вопрос стоял о моей самостоятельности как научного работника. И я решился, и работа увидела свет. Читатель может себе представить, с каким волнением я вручал экземпляр книги Абраму Ильичу. Через несколько дней он позвонил мне и... похвалил ее. От неожиданности я, кажется, даже забыл поблагодарить за весьма лестную оценку. А через три года ряд положений этой книги был

развит в нашей совместной работе "Криминалистика. Общетеоретические проблемы" (М., 1973).

Над структурой общей теории я продолжал работать и в последующие годы, и в конечном счете она приобрела тот вид, в каком она фигурирует в "Курсе криминалистики" 1997 г. с учетом всех замечаний и пожеланий, высказанных учеными за двадцать пять лет, прошедших с момента опубликования ее первого варианта. Правда, это уже не история, а так сказать, современность, но для полноты картины приведу структуру общей теории в том виде, как я ее вижу сегодня.

Ее основные элементы:

1. Положения, в которых формулируются представ- ления о предмете криминалистики, ее задачах, целях и месте в системе научного знания, о понятии и содержании ее общей теории. Это своеобразное введение в общую теорию.

2. Положения, отражающие объективные закономер- ности механизма преступления в аспекте криминалистики.

3. Положения, отражающие объективные закономер- ности возникновения информации о преступлении и преступнике, закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств и являющиеся базой для разработки криминалистичес- ких средств, приемов и рекомендаций по использованию доказательств в практике борьбы с преступностью. Эти положения можно свести в четыре раздела:

а) криминалистическое учение о закономерностях воз- никновения информации о преступлении и преступнике;

б) криминалистическое учение о закономерностях собирания доказательств;

в) криминалистическое учение о закономерностях исследования доказательств;

г) криминалистическое учение о закономерностях оценки и использования доказательств.

Содержание этих разделов составляют общие положения, отражающие сущность, характер, направленность и формы проявления данной группы объективных закономерностей действительности, и система частных криминалистических теорий, опирающихся на эти положения. Система таких теорий носит открытый характер[10]

Если сама идея общей теории криминалистики никем впоследствии не опровергалась, то ее структура и перечень составляющих ее частных теорий нередко оспаривались, о чем и будет идти речь в следующем параграфе.

7.2. «В целом можно согласиться, но...»

Замечания, относящиеся к структуре общей теории криминалистики в целом, в литературе 70—80-х гг. были немногочисленны. И. М. Лузгин еще раньше предложил иначе классифицировать теоретические обобщения в криминалистике:

1. В зависимости от уровня знаний и состояния разработки вопроса:

— теории (предмета, метода и системы науки, криминалистической идентификации и т. д.);

— учения (о способах совершения преступлений, о версии и планировании расследования, о следах, о внешних признаках человека и т. д.);

— научные положения, касающиеся отдельных направлений или проблем (о применении средств криминалистической техники, о соотношении приемов криминалистической тактики и оперативно-розыскной деятельности и т. д.);

— отдельные идеи — главным образом связанные с использованием и разработкой новейших технических средств и тактических приемов.

2. По структуре науки:

— теоретические обобщения, касающиеся общих вопросов науки (предмета, метода, системы) и отдельных ее частей;

— теоретические обобщения по методике преподава- ния криминалистики.

3. По "стыковым" проблемам в криминалистике можно выделить теоретические обобщения в зависимости от вида науки и содержания разрабатываемых проблем (методологические проблемы криминалистики, проблемы использования в криминалистике

данных психологии, логики и пр.)[11].

Но эти предложения И. М. Лузгина не привлекли внимания, у меня же они вызвали серьезные возражения. И. М. Лузгин высказал их при обсуждении моего доклада о структуре общей теории на заседании кафедры криминалистики Высшей школы МВД в начале 1969 г. В моей книге 1970 г. я эти предложения не рассматривал.

Игорь Михайлович Лузгин был человеком незаурядного ума и способностей. Он родился в 1919 г. в Москве, после окончания педагогического училища год работал учителем, в 1941 г. поступил в педагогический институт, откуда с первого курса был призван в пограничные войска на Дальнем Востоке. До 1943 г. Лузгин — красноармеец, а затем до 1947 г. был следователем контрразведки. В 1951 г. его переводят на оперативную работу в МВД СССР, в Москву. Понимая необходимость для него юридического образования, поступает на учебу в ВЮЗИ, который успешно оканчивает в 1954 г.

Прирожденный педагог по натуре, он не перестает думать о педагогической деятельности, и, когда в 1956 г. открывается адъюнктура в Высшей школе МВД, Игорь Михайлович в числе первых поступает в нее. Его научным руководителем стал А. И. Винберг, который порекомендовал Лузгину в качестве темы диссертации избрать проблематику следственных версий.

И. М. Лузгин

Диссертация была выполнена на высоком научном уровне, содержала много оригинальных соображений, полезных практических рекомендаций и свидетельствовала о научной зрелости автора. После ее успешной защиты И. М. Лузгин был оставлен на кафедре преподавателем, но уже вскоре он становится старшим преподавателем, а затем и доцентом.

В 1959 г. кафедра под руководством А. И. Винберга подготовила первый учебник по криминалистике для средних школ милиции. Перу Лузгина в нем принадлежит глава о расследовании разбоев. Это была для него проба пера в работе подобного рода. После этого он принимал участие во всех учебниках и крупных учебных пособиях, подготовленных кафедрой, был не только их непременным соавтором, но и нередко соредактором.

Начиная с 60-х гг. Игорь Михайлович стал исподволь собирать материал для докторской диссертации. Как уже знает читатель, в эти годы в криминалистике возрос интерес к методологическим проблемам, и Лузгин занялся проблемой методов криминалистики. Впоследствии наработки в этой области легли в основу специальной главы в его докторской диссертации — "Характеристика методов познания, используемых в расследовании преступлений".

Десять лет отделяли докторскую диссертацию Игоря Михайловича от его кандидатской работы. Теперь, в конце 1968 г., перед ученым советом Высшей школы стоял не новичок, а зрелый ученый, сделавший свой выбор в науке, и выбор далеко не простой, поскольку он заключался в анализе расследования как процесса познания: именно так именовалась диссертация. В следующем, 1969 г., материалы диссертации были опубликованы отдельной книгой, а в 1973 г. увидела свет еще одна очень серьезная его монография — "Методологические проблемы расследования".

В 1974 г. Лузгин назначается начальником вновь образованной кафедры криминалистики Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД. На этом посту он проявил все лучшие черты, отличающие настоящего руководителя творческого коллектива. Но он был не только организатором продуктивного учебного процесса и великолепным преподавателем, но и неутомимым исследователем. В последующие несколько лет из-под его пера выходит ряд оригинальных работ: "Логика следствия", "Моделирование при расследовании преступлений", "Реконструкция в

расследовании преступлений", в журналах и трудах вузов публикуются его статьи и выступления на конференциях.

В 1985 г., после 11 лет руководства кафедрой Игорь Михайлович по возрасту был уволен на пенсию и остался на кафедре в качестве профессора-служащего. Переход в иное качество он перенес без душевного надлома, не прекращая активной научной работы, продолжая руководить многочисленными учениками-адъюнктами. Даже уже будучи смертельно больным, в госпитале, он не прекращал работы над рукописями. Последний раз, когда я навестил его, застал его за чтением диссертации очередного ученика. Бледный, с заострившимися чертами лица, он полулежал с карандашом в руках и, только увидя меня, отложил на тумбочку увесистый фолиант рукописи.

Он умер в 1993 г. в расцвете творческих сил, достигнув вершины своего таланта, окруженный глубоким уважением своих коллег и учеников и их любовью. Почти сорок лет мы были близкими друзьями и подлинными единомышленниками, и у меня была возможность узнать этого замечательного человека, истинного интеллигента, очень честного и принципиального. И великолепного художника, профессионально владевшего и кистью и карандашом, несколько полотен которого — подлинное украшение моего дома.

Возвращаясь к теме своего повествования, о реакции научной общественности на предложенную конструкцию общей теории криминалистики, начну с мнения о ней А. А. Эйсмана.

Прежде всего он исключил из нее ту часть, которую я считаю введением в теорию, без чего теория сразу утратила характер общей, ибо лишилась такого элемента, как определение предмета отражения в целом, а также такого неотъемлемого элемента методологических основ науки, как учение о методах данной области знания. Теория, таким образом, утратила роль методологических основ криминалистики.

По конструкции А. А. Эйсмана, общая теория криминалистики представляет собой по преимуществу учение о методах раскрытия преступлений и доказывания. Но при такой трактовке из общей теории выхолащивалось базовое знание — отражение объективных закономерностей действительности, составляющих предмет криминалистики, и повисали в воздухе все составляющие ее частные криминалистические теории[12].

В некоторой степени повторил содержание общей теории криминалистики И. Ф. Пантелеев, назвавший этот раздел криминалистики И.Ф.Пантелеев, назвавший этот раздел криминалистики методологией криминалистики[13]. К методологии криминалистики он отнес научную концепцию ее предмета и системы, места в системе научного знания и соотношения с другими юридическими науками, общие и частные методы криминалистики, общие положения криминалистической техники, тактики и методики, криминалистическую характеристику преступления (общие вопросы), теорию идентификации, учение о следственных версиях и теорию взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами и общественностью при расследовании преступлений[14].

Эта конструкция никак не соответствовала представлению об общей теории криминалистики, да и названию раздела, предложенному Пантелеевым: в него оказались включенными положения, не имеющие никакого отношения к методологии науки.

Признавая правильными предложения А. А. Эйсмана о содержании общей теории криминалистики, Н. А. Селиванов в то же время высказал взгляды, близкие ко взглядам И. Ф. Пантелеева. В сущности он ограничил содержание общей теории учением о методах криминалистики, включив в него в качестве метода криминалистическую идентификацию, "такой прием, как версия", криминалистическую характеристику преступления и такие виды деятельности, "как организация расследования, использование помощи оперативно-розыскных аппаратов и взаимодействие с ними, изучение личности обвиняемых и потерпевших, привлечение общественности к расследованию преступлений"[15].

Е. И. Зуев, рассматривая содержание общей теории криминалистики, считал, что в нее входят "положения, определяющие смысл криминалистики, ее предмет, задачи, перспективы, а также отражающие достижения частных учений других разделов. Частные криминалистические учения... уточняют общую теорию криминалистики, пополняют ее новыми данными"[16].

Такая характеристика давала лишь самые приблизительные представления об общей теории криминалистики, оставляя неясным даже вопрос о ее соотношении с частными криминалистическими теориями.

Значительно более активными были попытки расширить перечень частных криминалистических теорий, входящих в общую теорию в качестве ее составных частей.

В конце 60-х и начале 70-х гг. выдвигались предложения о формировании теории криминалистической профилактики, теории реконструкции, криминалистического учения о личности, учения о следственных действиях и др. Однако на поверку все эти учения и теории не обладали (и не обладают) всеми необходимыми свойствами и качествами частных криминалистических теорий и представляли собой в лучшем случае только разного уровня теоретические построения, которые лишь в будущем, может быть, достигнут уровня частной теории.

В последнее время в литературе то и дело объявляется о создании, формировании новых учений и теорий; оживился заметно и интерес к общей теории криминалистики, но рамки этой книги не позволяют мне останавливаться на всех этих "открытиях": это уже не история, а современность.

7.3. Плоть от плоти криминалистики

Пересмотр определения предмета криминалистики и реализация идеи об общей теории этой науки стали одной из причин отделения от криминалистики и постепенного завоевания статуса самостоятельной области научного знания оригинального научного феномена — теории оперативно-розыскной деятельности.

Для того чтобы уяснить причины и разобраться в последствиях этого процесса, следует вкратце остановиться на истории профессионального уголовного сыска.

Розыскная, сыскная деятельность сопутствует правосудию на всем протяжении его истории. Зачатки сыскной деятельности можно обнаружить в эдиктах римских преторов, в инквизиционных процессах средневековых трибуналов, в практике дьяков российского сыскного приказа. Именно в функции сыскных органов входило раскрытие преступлений, установление и розыск виновных. Однако лишь в XVIII в. появляются подлинные профессионалы уголовного сыска, причем по иронии судьбы первых ощутимых результатов в этой области добиваются переметнувшиеся на эту сторону "баррикад" бывшие преступники. Такой, например, личностью, оставившей след в истории российского сыска, был вор-рецидивист Ванька Каин (кличка Ивана Осипова), подавший в 1741 г. в Сыскной приказ челобитную с просьбой принять его на службу "для сыску и поимки" 32 преступников, перечисленных в челобитной. Просьба его была удовлетворена, и он занимался "доносительством" до конца 40-х гг., когда обнаружилось, что Каин параллельно с "доносительством" сам совершал преступления в сговоре с чиновниками полиции Сыскного приказа. По повелению императрицы Елизаветы Петровны была образована следственнал комиссия, которая вела расследование дела Ваньки Каина до 1753 г. Следствие сопровождалось бесконечными допросами и пытками Ваньки Каина и его соучастников, затем было передано Сенатом в Сыскной приказ и здесь тянулось еще более двух лет. Только в июне 1775 г. Каину был вынесен смертный приговор, замененный затем битьем кнутом и ссылкой "в тяжкую работу". Предварительно, по обычаю того времени, у него были вырезаны ноздри и он был клеймен[17].

Более счастливой была судьба "французского Каина" — Франсуа Евгения Видока, родившегося в 1775 г. в семье булочника. Двадцати лет он уже был приговорен как рецидивист к 8 годам каторги. В 1799 г. он бежал с каторги, почти десять лет жил в Париже и подвергался шантажу бывших сокамерников, решив положить этому конец, отправился в полицейскую префектуру и предложил свои услуги для поимки известных ему преступников. Предложение было принято, и Видок сформировал специальную бригаду из уголовников, подбирая их по принципу: "Только преступник может побороть преступление". Бригада получила название "Сюрте" ("Безопасность"). Это была первая "розыскная бригада" в парижской полицейской префектуре, просуществовавшая до 1827 г., когда после смены префекта префектура подверглась реорганизации. С новым префектом у Видока не

складывались отношения, и 20 июня 1827 г. Видок подал прошение об отставке, просьба была удовлетворена, и он был уволен вместе со своей "бандой", как выразился префект. Сыскная полиция была сохранена, "но получила новую организацию, которая, собственно, и считается началом устройства парижской сыскной полиции, и с тех пор основою ее организации является правило, гласящее: "лица, привлекавшиеся к ответственности по обвинению в уголовных преступлениях, хотя бы судом и оправданные, — на службу в сыскную полицию не принимаются"[18].

Выйдя в отставку, Видок купил дом в пригороде Парижа и открыл небольшое частное сыскное бюро, оказывавшее "деликатные" услуги ревнивым мужьям и женам; попутно он немного занимался коммерцией и писал ставшие впоследствии знаменитыми мемуары, изданные им в 1828 г. В 1877 г. мемуары были изданы в России, а в 1991 г. переизданы в Киеве. Умер Видок в 1857 г.

Подобно России и Франции, в Англии у истоков сыскной полиции стоял преступник — главарь воровской шайки и скупщик краденого — Джонатан Уайльд, который довольно долго умудрялся совмещать свою преступную деятельность со службой в полиции в качестве тайного осведомителя, но был разоблачен и в 1725 г. публично повешен.

В Соединенных Штатах до XX в. сыском занимались либо любители типа Дюпена — героя рассказов Эдгара По, либо лица своеобразной "свободной профессии", представителем которой в литературе был знаменитый Шерлок Холмс, а в жизни — не менее знаменитый Роберт Аллан Пинкертон — основатель и многолетний руководитель частного сыскного бюро с центральным управлением в Нью-Йорке и представительствами во всех европейских столицах. Бюро Пинкертона помимо уголовного сыска занималось и охранной деятельностью, не гнушалось и поставлять во время стачек штрейкбрехеров. В качестве эмблемы бюро его агенты носили значок, на котором был изображен широко открытый глаз и девиз бюро "Мы никогда не спим". Любопытно, что аналогичный значок был и у агентов советского уголовного розыска первых лет советской власти.

В течение XIX в. в полицейских учреждениях разных стран возникает и развивается специальная сыскная часть, получившая название сыскной, или уголовной, полиции, "являющейся в настоящее время важнейшей отраслью службы государственной полиции безопасности"[19].

В России сыскная полиция была создана впервые в Санкт-Петербурге в 1866 г., вскоре после судебной реформы 1864 г., затем в 1881 г. в Москве, позднее — в Варшаве и Риге. 6 июля 1908 г. был принят закон "Об организации сыскной части", в соответствии с которым в 89 губернских и самых значительных уездных городах в составе полицейских управлений были созданы сыскные отделения. Осенью 1908 г. по распоряжению министра внутренних дел П. А. Столыпина все кандидаты на должность начальников сыскных отделений были командированы в Санкт-Петербург для слушания лекций на подготовительных курсах уголовного сыска, учрежденных при департаменте полиции. Программа курсов предусматривала изучение слушателями практики сыска и "такого необходимого для будущих деятелей судебной полиции и прокуратуры предмета, как введенная уже несколько лет в курс некоторых иностранных университетов наука, носящая название "криминалистики" в Австро-Венгрии и Германии и "научной полиции" - в Швейцарии, Бельгии, Франции и Италии"[20]. Именование этой молодой области знаний "научной полицией", или "полицейской техникой", имело в те годы глубокий смысл, олицетворяя собой научную вооруженность именно полиции, предназначенность этой науки для полиции в первую очередь.

Известно, что исторически одним из первых направлений развития криминалистики было исследование возможностей идентификации личности, разработка методов криминалистической (уголовной) регистрации. Эти методы предназначались в первую очередь для обеспечения эффективности розыскной деятельности, уголовного сыска и были приняты на вооружение именно сыскной полицией. В. И. Лебедев, один из первых российских криминалистов, отчетливо представлял, что "успешную борьбу с современными преступниками может вести только та полиция, которая вооружена по крайней мере равным или лучшим орудием новейшей техники и прикладных знаний и искусно ими владеет... По-прежнему — главным оружием большинства сыщиков служат старинные средства: 1)

хитрость; 2) случай; 3) деньги, — и много еще приверженцев этих старых средств, несомненно имеющих также известное значение в деле сыска... Но значение случая или счастья прежде всего характеризуется изречением, что всегда "везет только умелому", самая же меткая оценка "случая-счастья" заключается в суворовской поговорке: "Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог! Надо же когда-нибудь и уменье!" На одну хитрость также полагаться нельзя — преступник, особенно из рецидивистов, может легко и перехитрить, что же касается денежных средств, то не следует забывать, что самые важные доказательства виновности и улики добываются не за деньги, а путем систематического расследования, наиболее же ценные показания, часто сразу раскрывающие преступления, — дают так называемые "немые свидетели" из видимых или даже неразличимых простым глазом следов, оттисков, "лишних предметов", обнаруженных на месте преступления и по пути следования преступника. А эти "немые свидетели" в то же время и свидетели самые неподкупные!" [21]. В. И. Лебедев выразил общее мнение ученых-криминалистов того времени, считавших, что плоды их разработок предназначены прежде всего для вооружения уголовного сыска, сыскной полиции эффективными научными средствами установления и розыска преступников.

Приемы практического применения в сыске рекомендаций криминалистики, этой "полицейской техники", в своей совокупности составляли то, что криминалисты и практики сыска называли уголовно-полицейской тактикой. "Современная уголовно-полицейская тактика, опираясь на вышеизложенные научные методы криминалистики, является дальнейшим развитием этой последней в приложении к полицейской деятельности по обнаружению и расследованию преступлений, задача ее заключается в исследовании судебно-полицейских приемов борьбы с преступниками и преступностью, а равно в выработке как общих руководящих указаний, так и практических методов по предупреждению, пресечению, обнаружению и расследованию преступлений, изобличению и задержанию лиц, в них виновных, причем эта новая отрасль знания является необходимым руководством для каждого полицейского деятеля, ибо в ней объединяются и систематизируются методы деятельности "полиции безопасности"[22].

"Технизация" сыска не означала отказа от традиционных средств и приемов его осуществления: применения полицейских собак, наружного наблюдения, осуществляемого чинами сыскной полиции (агентами уголовного розыска), использования сообщений негласных осведомителей из преступной среды и иных лиц. Обусловлено это было, помимо прочего, и требованиями закона: в ст. 254 Устава уголовного судопроизводства указывалось, что "при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах". Комментируя это законоположение, П. В. Макалинский писал: "Ни одному из этих родов деятельности полиции не соответствует составление каких-либо актов при участии нескольких лиц: розыск предполагает такую быстроту действий, при которой немыслимо составление каких-либо актов; расспросы, делаемые полицией, без сомнения только потому и названы словесными, что они тотчас же не записываются, как это делается при допросах, которые также первоначально делаются непременно на словах (ст. 408 У. у. и, наконец, негласное наблюдение требует такой тайны, которая положительно не допускает составления актов... Полиция дознания свои должна облекать в форму не протоколов, а сообщений и кроме случаев замены судебного следователя полиция имеет право составлять протоколы только в тех случаях, когда это именно предписано законом"[23].

Разгул преступности в первые годы после Октябрьской революции побудил органы власти принять меры к организации службы уголовного розыска. По УПК 1923 г. органы уголовного розыска получили статус органов дознания, при производстве которого могли действовать негласно, не будучи обязаны "закреплять в письменных актах то, что не имеет значения для дела; словесные показания опрошенных свидетелей, которые ничего существенного для дела не показали, могут не записываться; первоисточники негласных сведений, из которых органы дознания добыли потом ценных свидетелей или обнаружили нахождение вещественных доказательств, могут в актах не указываться". Сохранены были, таким образом, правила действий сыскной полиции. И при новой власти уголовный розыск не

мог, да и не стал отказываться от услуг осведомителей, агентуры. Действующие инструкции вменяли в обязанность каждого агента уголовного розыска, как именовалась тогда должность штатного сотрудника розыска, вербовать негласных осведомителей и регулярно получать от них информацию.

Например, временное положение об агентах уголовного розыска в районных подразделениях милиции УССР 1925 г. содержало, в числе прочих, указание о том, что "в круг ведения агента розыска входит исключительно проведение осведомительной работы в районе округа, а именно:

а) насаждение осведомительной сети;

б) сбор и обработка донесений осведомов;

в) составление по материалам (донесениям) осведо- мителей агентурно-информационных сводок и направление их в Окрмилицию"[24].

Однако уже в первых послереволюционных криминалистических работах настойчиво проводилась мысль о том, что криминалистические средства и методы должны поступать на вооружение не только следователей и экспертов-криминалистов, но и оперативных сотрудников уголовного розыска. В сущности, речь шла о том, что существуют две сферы применения данных криминалистики: гласная и негласная, обе они охватываются предметом криминалистической науки; иными словами, оперативно-розыскная деятельность — такой же объект криминалистики, как деятельность органов предварительного следствия. Соответственно этому складывались представления о круге тех знаний и умений, которыми должен обладать сотрудник уголовного розыска. "В настоящее время, — писал И. Н. Якимов, — профессия агента есть не что иное, как искусство, основанное не только на практическом опыте, но и на специальных знаниях. Теперешний агент должен знать очень многое, и прежде всего уголовное материальное и процессуальное право, судебную медицину, элементарные курсы физики и химии, фотографию, дактилоскопию, ручное огнестрельное оружие и взрывчатые вещества и, конечно, весьма подробно уголовную технику и тактику"[25].

Приказом Центрального административного управления НКВД России от 19 марта 1926 г. № 45 во всех аппаратах уголовного розыска вводились внешкольные занятия с сотрудниками по уголовной технике, уголовной тактике и методологии, как тогда именовалась методика расследования отдельных видов преступлений. На уголовно-розыскных отделениях школ среднего начсостава милиции курс криминалистики читался в объеме, в несколько раз превышавшем объемы современных курсов даже в специальных учебных заведениях МВД. Так, уголовная техника преподавалась в объеме 529 часов, уголовная тактика и методология — в объеме 220 часов, а кроме того, судебная фотография — 88 часов и судебная химия – 88 часов[26]. Помимо этого изучались вопросы, связанные с использованием возможностей экспертизы — как при производстве оперативных мероприятий, так и следственных действий.

Широкому распространению криминалистических знаний способствовало представление о негласном розыске как части единой деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Поскольку же криминалисты считали свою науку областью знаний о раскрытии преступлений, руководства по криминалистике обязательно включали разделы о профессиональном преступнике, его языке, обычаях, поведении при совершении преступлений и обширные сведения о приемах и методах работы сотрудников уголовного розыска. Система всех этих данных входила в содержание криминалистики[27].

Криминалистическое обеспечение деятельности уголовного розыска включало в себя и еще один важный элемент, в значительной степени способствовавший (и способствующий поныне) эффективности розыскной деятельности — различные виды криминалистических учетов. Исторически первыми такими учетами были специальные реестры осужденных преступников-профессионалов, которые велись в учреждениях полиции и тюрьмах, а также систематизированные описания способов совершения некоторых преступлений — мошенничества, подлогов документов и пр. В 1774 г. Джордж Теодор Уилкинсон издал двухтомный "Справочник Ньюгейтской тюрьмы" (Англия) с подробным описанием наиболее тяжких преступлений, совершенных заключенными этой тюрьмы, и способов их совершения. Подобные справочники стали издаваться и другими тюрьмами. С изобретением фотографии в

практике органов уголовного сыска стали использоваться фотоальбомы преступников, а в 80-х гг. XIX в. А. Бертильон ввел в полицейский обиход сигналетическую фотосъемку, по системе которой и стали фотографировать задержанных и арестованных для полицейских розыскных фотоальбомов. Существенным подспорьем в сыске стали учеты по способу совершения преступлений, учеты преступного элемента по кличкам и прозвищам, по татуировкам и физическим особенностям. Учету подвергались и похищенные вещи. Использовался в сыскных целях и жаргон преступников, словарями которого снабжались сотрудники розыскных учреждений.

Таким образом, с возникновением криминалистики как самостоятельной области знаний о средствах и методах раскрытия преступлений, о профессиональном преступнике уголовный сыск обрел арсенал научных приемов и средств борьбы с преступностью в специфической, преимущественно негласной сфере этой деятельности. Понимание уголовного сыска как одной, особой, из форм дознания, а последнего — как одной из форм предварительного расследования, привело к включению в научном плане существовавших уже элементов теории оперативно-розыскной деятельности в содержание криминалистики.

Мнение И. Н. Якимова и некоторых других криминалистов 20—30-х гг. о том, что научные основы оперативно-розыскной деятельности — это положения криминалистики и именно последние составляют теоретическую основу как гласных, так и негласных действий органов дознания и розыска не подвергалось ревизии вплоть до Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания. Так, еще в 1950 г. ведущий отечественный криминалист А. И. Винберг писал: "Криминалистика существует и там, где вовсе нет уголовного процесса. Приемы криминалистики, в отличие от процессуальных действий, осуществляются еще до начала уголовного дела. Проверка личности по уголовной регистрации (дактилоскопии), использование в ряде случаев служебно-розыскных собак, применение оперативной фотографии, вопросы организации розыска без вести пропавших лиц и т. п. — все эти далеко не исчерпывающие отрасли криминалистики находят применение вне непосредственной связи с уголовным процессом"[28]. На тех же позициях стоял и М. П. Шаламов, автор впервые появившейся в учебнике криминалистики 1959 г. главы о розыске. Он многократно упоминает оперативно-розыскные мероприятия, содействующие розыскной деятельности следователя.

Уже в 50-х гг. стало очевидно, что замалчивать вопрос о научных основах оперативно-розыскной деятельности, ограничиваться отведением криминалистике роли лишь "арсенала" оперативных работников — непродуктивно. Криминалистам следовало более четко определять свои позиции в этом вопросе, ибо "вооруженческая" роль криминалистики не исчерпывала этих научных основ. Позиции эти были сформулированы А. И. Винбергом: "Теоретические обобщения оперативной работы, активного и общесоюзного розыска, научная постановка планомерной борьбы с преступностью в виде системы уголовной регистрации, вопросы организации задержания преступников (облавы, засады, обыски и т. п.) — все это является той специальной областью, которая составляет компетенцию только криминалистики"[29].

Правда, существовало мнение, что научные основы оперативно-розыскной деятельности должны формироваться на базе той науки — не криминалистики, которая изучает деятельность административных органов, к числу которых относится и милиция. Этот взгляд впервые был высказан С. П. Митричевым в 1958 г.: "Организация розыска и задержания преступников, постановки уголовной

регистрации и так далее регулируются административным правом[30]. Позже он обратился к этой проблеме с позиции связи криминалистики с другими науками: "Советская криминалистика находит применение и в оперативной работе органов милиции. В связи с этим криминалистика имеет отношение и к науке административного права. Организация розыска и задержания преступников, постановка уголовной регистрации регулируются административным правом"[31]. Аналогичную позицию занимал и другой видный ученый-криминалист Н. В. Терзиев[32].

Впервые о существовании специальной научной дисциплины, изучающей оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел, упомянул А. И. Винберг в первом учебнике

для школ милиции 1959 г. Он писал: "Криминалистика тесно связана и с дисциплиной, разрабатывающей комплекс вопросов оперативной работы учреждений внутренних дел. Как известно, в оперативной работе криминалистические и специальные оперативные средства и приемы используются для непроцессуальных действий по предупреждению преступлений, выявлению данных, могущих затем в ходе предварительного следствия быть использованными в качестве доказательств, в установлении и розыске преступника. Как криминалистика, так и дисциплина, специально разрабатывающая вопросы оперативной работы учреждений внутренних дел, служат целям борьбы с преступностью. Эта общность целей является основой их неразрывной связи. Криминалистика вооружает оперативных работников научно-техническими и тактическими приемами борьбы с преступностью, которые используются в оперативной работе. В свою очередь, указанная дисциплина, обобщая опыт оперативной работы, выявляет новые способы совершения преступлений, знание которых обогащает криминалистику... В криминалистической тактике и методике расследования учитываются оперативные возможности учреждений внутренних дел, решаются вопросы координации следственных действий и оперативных мероприятий, планирования расследования и разработки версий с учетом оперативных данных и т. п. " [33] Правда, переиздавая одну из своих прошлых работ 1950 г., Винберг повторил свое прежнее утверждение о том, что оперативная работа в научном плане — компетенция и прерогатива криминалистики[34].

Идея существования специальной дисциплины об оперативно-розыскной деятельности нашла своеобразное преломление в работах А. Н. Васильева 1963—1971 гг. По его мнению, проблемы оперативно-розыскной деятельности, связанные с процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, — область криминалистической науки, а некоторые виды оперативной работы, которые "отдалены от уголовно-процессуальной деятельности", должны составлять содержание специальных дисциплин[35].

Впоследствии он изменил свои взгляды и указал, что "оперативно-розыскные действия, используемые для предупреждения, обнаружения, пресечения преступлений, а также в процессе расследования, составляют особую дисциплину". Изменение своих взглядов он объяснил так: "Существовавшая ранее точка зрения о том, что оперативно-розыскные действия, используемые в расследовании, охватываются криминалистикой, объясняется, главным образом тем, что особая дисциплина, объединяющая все виды оперативно-розыскных действий, находилась в процессе становления. По мере того, как эта дисциплина заняла свое место в системе наук, вышеуказанная точка зрения изменилась"[36]. С этого времени он придерживался такого мнения, но не называл рассматриваемую область знаний наукой, а именовал "специальной дисциплиной,,[37] Взгляды Васильева разделил и С. П. Митричев[38].

Я также использовал этот термин, добавив слово "научная"[39]. До 1974 г. этот термин был в ходу у криминалистов системы МВД, но в учебнике для средних специальных учебных заведений МВД 1974 г. я писал уже о выяснении отношений между криминалистикой и теорией оперативно-розыскной деятельности: "В последнее время усилиями ряда советских ученых был заложен фундамент теории оперативно-розыскной деятельности и обоснована необходимость формулирования самостоятельного предмета этой науки, отличного от предмета криминалистики, хотя и тесно связанного с последним"[40]. В общевузовском учебнике по криминалистике, подготовленном нашим коллективом в 1976 г., вопрос о самостоятельном существовании теории оперативно-розыскной деятельности признавался решенным[41]. Аналогичные взгляды выражены ив других учебниках, подготовленных учеными системы МВД[42], было считать факт возникновения новой области знаний — теории оперативно-розыскной деятельности свершившимся, хотя и до сих пор иногда раздаются голоса о том, что оперативная работа — область криминалистики или что теория оперативно-розыскной деятельности — элемент теории криминалистики[43].

Процесс выделения теории оперативно-розыскной деятельности протекал аналогично процессу выделения криминалистики из процессуальной науки. Пока накапливающийся в рамках криминалистики эмпирический материал не противоречил представлениям о криминалистике как науке лишь о средствах и методах борьбы с преступностью,

зарождавшаяся теория оперативно-розыскной деятельности развивалась как часть этой науки, как элементы ее составных частей, разделов. Это был закономерный процесс, который прошла в свое время и сама криминалистика. Существо этого этапа развития теории оперативно-розыскной деятельности составляло преимущественное использование положений, приемов, средств криминалистики в непроцессуальной деятельности правоохранительных органов. И хотя тогда уже шел интенсивный процесс разработки практических методов ОРД, отличных от криминалистических средств и методов работы с доказательствами, теория этой деятельности в основном сводилась к сумме некоторых положений криминалистики и не выходила за рамки криминалистики в целом. Взаимосвязь криминалистики и зарождающейся теории оперативно-розыскной деятельности выступала как отношение целого и части.

Затем положение стало существенно меняться. Интенсивная разработка всех разделов теории оперативно-розыскной деятельности, чему главным образом на том этапе способствовало создание самостоятельной кафедры ОРД в Высшей школе МВД в середине 50-х гг. и циклов ОРД в средних специальных школах МВД, труды ученых этой кафедры стали тем фундаментом этой теории, который определил ее значение как самостоятельной науки.

История кафедры ОРД заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее.

Кафедра оперативной работы органов внутренних дел Высшей школы МВД СССР была создана приказом МВД СССР от 23 октября 1956 г. в составе около десяти человек. Все сотрудники кафедры были оперативными работниками МВД с большим практическим стажем. Возглавил кафедру Антон Григорьевич Лекарь, пришедший на кафедру с должности начальника следственного отдела Главного управления милиции.

Антон Григорьевич Лекарь родился в 1918 г. в с. Новая Игнатьевка Волновахского района Донской области. После окончания медицинского техникума в 1937 г. он поступил в Донецкий медицинский институт, но в 1938 г. по решению горкома комсомола был направлен на службу в органы госбезопасности, где находился на оперативной, а затем на следственной работе. Принимал участие в расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Донбассе и румынских захватчиков в Молдавии.

Совмещая работу с учебой, Лекарь в 1950 г. окончил ВЮЗИ, а в 1951 г. был рекомендован ЦК КП Молдавии на учебу в Академию общественных наук, где проучился всего четыре месяца — по решению ЦК КПСС был направлен на укрепление центрального аппарата МВД. Работал заместителем, потом начальником следственного отдела ГУМ, откуда и был переведен начальником кафедры Высшей школы. Он фактически явился ее основателем и до 1963 г. был ее начальником.

В 1963 г. Лекарь был назначен заместителем начальника Высшей школы, впоследствии работал первым заместителем начальника и начальником штаба МВД СССР, заместителем начальника ВНИИ МВД СССР.

В 1967 г. Лекарь защитил докторскую диссертацию — первую по проблемам оперативно-розыскной деятельности; в 1968 г. ему присвоили звание профессора.

Умер Антон Григорьевич после тяжелой болезни в 1992 г., находясь на пенсии.

В 1963 г. А. Г. Лекаря на должности начальника кафедры сменил его заместитель Дмитрий Владимирович Гребельский.

Дмитрий Владимирович Гребельский родился в с. Теплик Уманского уезда Киевской губернии. В 1932 г. окончил технологический техникум, работал на заводе, в 1935—1939 гг. учился в Инженерно-технической академии связи им. Подбельского. В мае 1939 г. был призван на службу в органы госбезопасности, затем до 1954 г. занимал ответственные должности в органах московской милиции.

В 1954 г. Гребельский перешел на работу в Высшую школу МВД, работал старшим, потом главным редактором редакционного и научно-исследовательского отдела школы, в 1961 г. стал старшим преподавателем кафедры оперативной работы, а вскоре заместителем начальника кафедры и в 1963 г. сменил Лекаря на должности ее начальника.

К 1963 г. коллектив кафедры проделал всю необходимую работу по становлению курса оперативно-розыскной деятельности: была разработана и утверждена министерством программа этого важного учебного курса, подготовлена вся необходимая учебно-методи-

ческая документация, разработаны основные лекции. Можно было приниматься за решение следующей задачи — написание учебников. Таких учебников до этого просто не существовало в природе, тем более ответственной представлялась задача их создания.

В 1965 г. первый такой учебник — "Предотвращение и раскрытие преступлений аппаратами БХСС" — увидел свет. В следующем, 1966 г., был издан еще один учебник — "Основы оперативно-розыскной деятельности".

В 1972 г. Дмитрий Владимирович переходит на должность старшего научного сотрудника для написания докторской диссертации. Он успешно справился и с этой задачей и в 1975 г. защитил докторскую диссертацию. Вернувшись на кафедру, работает профессором кафедры, а в 1976 г. вновь становится ее начальником, и в следующем году ему присваивают звание профессора, он — заслуженный юрист России. Обстановка была непростой: он ушел с должности начальника кафедры еще Высшей школы, а вернулся уже начальником кафедры Академии МВД, да и название у кафедры стало другим — управления оперативно-розыскными аппаратами МВД. К слову сказать, на названия этой кафедре явно не везло: за сорок лет существования название менялось девять (!) раз, кафедра то делилась на две, то вновь соединялась.

"Второе пришествие" Дмитрия Владимировича на должность начальника кафедры продолжалось около пяти лет: в 1980 г. по возрасту он увольняется на пенсию и остается работать профессором-служащим. В 1986 г. он скоропостижно скончался от болезни сердца.

70—80-е годы были годами очень плодотворной работы коллектива кафедры: по оперативно-розыскной проблематике защищают докторские диссертации Б. Е. Богданов (1970 г.), В. А. Лука-шов (1972 г.), В. Г. Самойлов (1975 г.), чуть позже докторами наук становятся Г. К. Синилов, В. В. Сергеев, А. Б. Утевский, кандидатами наук – С.А. Смирнов, В.М. Атмажитов, Э.И. Бордиловский, А. Ф. Волынский, В. В. Дедюхин, М. А. Рогов и многие другие. В эти годы выходят в свет такие важные для теории и практики учебники и учебные пособия, как "Предупреждение и раскрытие преступлений аппаратами уголовного розыска" (1987 г.), "Розыскная работа оперативных аппаратов органов внутренних дел" (1987 г.), "Основы оперативно-розыскной тактики органов внутренних дел" (1988 г.), монографические исследования В. Г. Боброва, В. Н. Омелина, А. Б. Утевского, В. В. Сергеева, И. Р. Евстигнеева, который руководил созданной при организации академии кафедрой ОРД на заочном филиале и др. Кафедре, прямо скажем, везло на начальников: ими неизменно были хорошие организаторы и талантливые ученые и педагоги. Упомяну еще троих.

Владимир Андреевич Лукашов. Почти пять лет он возглавлял кафедру (1972—1976 гг.), работал в центральном аппарате МВД, заместителем начальника ВНИИ, был и заместителем начальника Академии МВД около четырех лет (1979—1983 гг.). Его по праву считают одним из основоположников теории оперативно-розыскной деятельности, его труды (а их более 200) посвящены проблемам, решение которых определяет развитие этой области знаний.

Борис Ермолаевич Богданов. Работал следователем, прокурором района, заместителем прокурора Москвы, на следственной и оперативной работе в органах внутренних дел, более пяти лет — заместителем начальника Главного управления БХСС МВД СССР. 11 лет возглавлял кафедру организации охраны социалистической собственности Академии МВД, а потом еще десять лет работал профессором кафедры. Он умер в 1995 г., 73-х лет, после тяжелой и продолжительной болезни.

Семь лет — с 1980 по 1987 г. — начальником кафедры организации оперативно-розыскной деятельности был Виталий Георгиевич Бобров. Это один из самых ярких представителей теории ОРД "второй волны". На кафедре он прошел по всем ступенькам карьеры преподавателя: был адъюнктом, преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, заместителем начальника кафедры. В 1987 г. сделал смелый шаг: оставил должность начальника кафедры, перешел на должность старшего научного сотрудника, чтобы завершить работу над докторской диссертацией. Решил и эту задачу, стал доктором наук, вернулся на кафедру профессором и работает им поныне.

Виталий Георгиевич — автор свыше 150 научных работ по самым животрепещущим проблемам ОРД. Он создал свою научную школу, воспитатель и наставник многих своих научных "детей", член всяческих диссертационных советов, координационных бюро и прочая

и прочая, академик Международной академии информатизации и большой мой друг, чем я очень дорожу. Пожалуй, сейчас он один из наиболее авторитетных и уважаемых ученых в своей области, великолепный педагог, доброжелательный и просто очень добрый человек.

Достойным представителем среднего поколения "теоретиков ОРД" является Борис Павлович Смагоринский. Защитив в 1990 г. докторскую диссертацию на важную тему — "Теоретические и организационно-тактические основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по охране личной собственности от преступных посягательств", он посвятил себя педагогической деятельности, работал в Минской Высшей школе МВД СССР, затем заместителем начальника Волгоградской высшей следственной школы по научной работе, а сейчас — начальник Волгоградского юридического института МВД РФ. Недавно ему присвоено звание генерал-майора милиции. Борис Павлович — талантливый организатор, обладающий большим практическим опытом работы в органах внутренних дел, известный ученый, мудрый и доброжелательный руководитель и верный товарищ, пользующийся заслуженным и глубоким уважением и авторитетом и в своем коллективе, и у научной общественности.

Сейчас этой важной кафедрой Академии руководит молодой и многообещающий ученый Валерий Михайлович Атмажитов. У него большой опыт практической и научно-организаторской работы, десятилетний стаж начальника кафедры в вузах МВД и, как говорится, без пяти минут доктор наук. Уверен, что он будет достоин своих предшественников.

Я остановился только на работах кафедры ОРД Высшей шко-лы - Академии МВД[44]. Однако ими не исчерпывается научный багаж этой теории. Очень плодотворно работают одноименные коллективы Юридического института МВД (начальник кафедры профессор И. А. Климов), Московского юридического института МВД (начальник кафедры доцент Ю. С. Блинов), Волгоградского юридического института МВД, начальником которого работает воспитанник кафедры ОРД Академии профессор Б. П. Смагоринский, и других образовательных и научных центров МВД.

Но процесс формирования теории ОРД протекал не только "снизу", путем разработки ее специалистами основ этой теории. Он шел и другим путем, так сказать, "сверху", от материнской криминалистической науки. Этому способствовало новое представление о предмете криминалистики, в рамки которого уже не "вписывалось" содержание самой ОРД.

А. Г. Лекарь Д. В. Гребельский Б. Е. Богданов В. А. Лукашов

При определении криминалистики как науки о средствах, приемах и методических рекомендациях по раскрытию и расследованию преступлений оперативно-розыскную деятельность можно было с полным правом рассматривать как одну из областей применения этих средств и методов, а теорию ОРД, к тому же слабо разработанную, — как часть криминалистической науки. При определении же криминалистики как науки, изучающей обособленную специфическую группу объективных закономерностей действительности и основанные на познании этих закономерностей средства и методы судебного исследования и предупреждения преступлений, теория оперативно-розыскной деятельности, изучающая иные закономерности, в целях разработки иных средств и методов борьбы с преступностью уже не может рассматриваться как часть криминалистической теории. Отношения между криминалистикой и теорией ОРД, бывшие отношениями целого и части, сменились отношениями взаимодействия, сотрудничества равноправных партнеров.

Нечто похожее происходило и при возрождении судебной психологии.

Одним из следствий научно-технического прогресса явилось бурное развитие психологической науки и как результат — растущий интерес криминалистов и юристов разных специальностей к вопросам психологии личности преступника и преступной деятельности, психологии правоприменительной деятельности. На стыках между криминологией, исправительно-трудовым правом, криминалистикой, уголовным процессом — и психологией возродились такие специальные отрасли психологической науки, как криминальная психология, судебная психология [45].

В. Г. Самойлов В. Г. Бобров В. М. Атмажитов И. Р. Евстигнеев

Исторически процесс возрождения судебной психологии протекал преимущественно на основе эмпирического материала и отдельных теоретических положений криминалистики, в рамках которой в течение нескольких десятилетий рассматривались некоторые психологические явления, связанные преимущественно с тактикой отдельных следственных действий. Если к тому же учесть, что у истоков возрождения современной судебной психологии в нашей стране стояли преимущественно ученые-криминалисты — А. Р. Ратинов, А. В. Дулов, В. Л. Васильев, В. Е. Коновалова и др., — то становится понятным явно выраженный "криминалистический крен" первых судебно-психологических работ, приводивший порой к неправомерному "отторжению" от криминалистики и включению в судебную психологию некоторых чисто криминалистических положений. Это особенно ярко проявилось при изложении учеными-криминалистами психологических основ следственных

действий.

Пионером разработки судебно-психологических проблем деятельности следователя стал А. Р. Ратинов, работавший в конце 60-х гг. на кафедре криминалистики Высшей школы МВД по совместительству.

Александр Рувимович Ратинов родился в 1920 г. в Херсоне. После окончания средней школы в 1938 г. он поступил в Московский юридический институт, но в 1941 г. был вынужден прервать учебу: его направили помощником прокурора Северо-Казахстанской области. В 1942 г. Александра Рувимовича призвали в действующую армию, воевал до тяжелого ранения в мае 1944 г. После выздоровления работал военным следователем военной прокуратуры Московского гарнизона, демобилизовался и "пересел" в кресло следователя, а потом старшего следователя прокуратуры Москвы. О его следственном мастерстве рассказывали чуть ли не легенды: он был действительно мастером своего дела. Бывали в его жизни и прямо трагикомические случаи. Как-то он мне рассказывал об одном таком случае при расследовании дела о пожаре на складе канцпринадлежностей Совета Министров СССР в подвальном помещении Дома правительства, известном как "Дом на набережной" около кинотеатра "Ударник".

Б. П. Смагоринский

Ратинов приехал на место пожара и приступил к его осмотру. В это время он увидел расхаживающего там весьма презентабельного субъекта, к которому очень почтительно обращались работники склада. Ратинов, естественно, удалил всех присутствовавших с места происшествия и не очень деликатно попросил уйти и этого господина. Тот, не споря, ушел. Едва переступив после осмотра порог прокуратуры, Ратинов был вызван то ли к прокурору, то ли к его заместителю. Тот был крайне взволнован и трагическим голосом спросил Александра Рувимовича: "Ты хоть знаешь, кого выгнал из склада?" "Понятия не имею", — пока еще безмятежно ответил тот. "Самого управляющего делами Совмина!" — буквально вскричал начальник. Оказывается тот, уехав с места происшествия, позвонил прокурору города и недовольно осведомился, кто это "самовольничал" в складе. Правда, история эта продолжения не получила, зато я ее вспоминаю каждый раз, когда читаю лекцию об осмотре места происшествия.

В 1958 г. Ратинов переходит на работу во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. Работает младшим, старшим научным сотрудником, защищает кандидатскую диссертацию о тактике обыска и выемки, заведует сектором методики расследования особо опасных преступлений, а после реорганизации института во ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности — заведующим сектором судебной психологии, где работал до ухода на пенсию. В институте в полную силу проявился незаурядный талант этого выдающегося ученого. Он принимает участие в коллективном руководстве "Осмотр места происшествия" (М., 1960), где впервые формулирует рекомендации по психологии осмотра, издает очень хорошее методическое пособие для следователей "Обыски выемка" (1961 г.); в 1967 г. Высшая школа МВД издает его фундаментальное руководство "Судебная психология для следователей" — первая в отечественной литературе подобная работа. Она сразу приобрела без преувеличения огромную популярность: издательский отдел школы был буквально завален заявками из разных мест с просьбами выслать эту книгу, тираж которой даже при ограниченных возможностях нашего издательства был немал: свыше 14 тысяч экземпляров. Эта книга сразу сделала имя Александра Рувимовича широко известным.

В последующие годы выходят в свет такие значительные работы, написанные Ратиновым в соавторстве с Т. А. Скотниковой "Самооговор" (М., 1973) и с Ю. П. Адамовым "Лжесвидетельство" (М., 1976). Его перу принадлежит множество статей по самым принципиальным и актуальным проблемам судебной психологии и криминалистики, из числа

которых я упомяну лишь некоторые,
сыгравшие особенно важную роль в криминалистике. Это статьи:„ О следственной интуиции„[46], вызвавшая неоднократ- ные гневные отповеди М. С. Строговича, считавшего интуицию в следственной работе совершенно недопустимой; "Вопросы следственного мышления в свете теории информации" (правда, за нее я его потом критиковал, поскольку считаю, что нет никакого особенного "следственного мышления"[47]); Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике"[48], где дано глубокое обоснование возможностям применения при расследовании положений этой теории и показаны варианты такого применения. Вот уж что привело в ярость некоторых наших ортодоксов-процессуалистов!

В последнее время Александр Рувимович несколько отошел от дел: пошаливает здоровье, да и возраст сказывается. Но на лаврах (а их у него столько, что, образно говоря, можно было бы набить матрасы для целого взвода) не почиет и уверен, что еще не раз порадует нас, своих друзей и поклонников его таланта, своими статьями и книгами.

На шаг отстал от Ратинова по времени другой "столп" судебной психологии и тоже выдающийся криминалист — Андрей Васильевич Дулов, чья "Судебная психология" вышла в свет в Минске в 1970 г. Это удивительный ученый, подлинный "генератор идей", вызывающий восхищение оригинальностью и к тому же своевременностью идей, диапазоном своего научного творчества.

Андрей Васильевич родился в 1924 г. в Ленинграде. По окончании неполной средней школы вынужден был пойти работать, на завод "Красная заря", продолжая учиться в вечерней школе. Доучиться не успел, началась война, и он пошел на фронт добровольцем.

В конце 1941 г. Андрей Васильевич был тяжело ранен (он потерял руку). После выздоровления работал в Ярославле, окончил вечернюю школу, потом переехал на родину — в Ленинград и в 1944 г. стал работать народным следователем прокуратуры Ленинского района Ленинграда. С 1946 по 1952 г. он — старший следователь городской прокуратуры, студент ВЮЗИ, который окончил в 1950 г.

А. Р. Ратинов А.Б.Дулов Л. А. Соя-Серко

В 1952 г. Андрей Васильевич поступает в аспирантуру по кафедре уголовного процесса и криминалистики Ленинградского юридического института, в 1955 г. защищает кандидатскую диссертацию и до 1958 г. преподает в университете. В 1958 г. переезжает в Минск, где и проявился по-настоящему его талант ученого. Он — доцент, а с 1965 г. после защиты докторской диссертации — профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета БГУ.

В 1972 г. на факультете создается кафедра криминалистики и Дулов избирается ее заведующим. Более двадцати лет он руководит этим коллективом, а затем, по возрасту, переходит на должность профессора кафедры.

Трудно даже перечислить все книги и статьи, которые составляют научный багаж профессора Дулова. Это монографии в области судебной экспертизы — "Вопросы теории судебной экспертизы" (Минск, 1959), "Из истории криминалистической экспертизы" (в соавторстве с И. Ф. Крыловым, М., 1960), "Права и обязанности участников судебной экспертизы" (Минск, 1962), два издания учебника "Судебная психология" (Минск, 1970, 1975). Он разработал концепцию психологического анализа на предварительном следствии (книга "Основы психологического анализа на предварительном следствии", Минск, 1973), тактических операций (монография "Тактические операции при расследовании преступлений", Минск, 1979), по-иному сконструировал методику расследования должностных

преступлений (монография "Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами", Минск, 1985) и многое другое. Его по праву считают ведущим белорусским криминалистом.

Аналогично протекал процесс размежевания криминалистики и науки управления и такого ее раздела, как научная организация труда следователя (НОТ). Как и при возрождении судебной психологии, у истоков разработки проблем научного управления процессом расследования преступлений и НОТ следователя волею случая стояли криминалисты — Г. Г. Зуйков, Н. И. Порубов, Л. А. Соя-Серко, А. И. Михайлов и др. Естественно, что первые работы в этой области велись на базе криминалистики, где вопросы организации расследования издавна были неразрывно связаны и с тактикой, и с методикой; последняя, по существу, всегда представляла собой программирование действий следователя.

Энтузиасты новой науки на первых порах "аннексировали" значительную часть криминалистической тактики и криминалистической методики. Все рекомендации по организации труда следователя в области расследования преступлений оказались включенными в НОТ как раздел науки управления. К НОТ следователя стали относить все в его работе, что касается того, "как легче"[49] или "как лучше"[50] провести расследование. И хотя в некоторых работах акцент при разработке НОТ следователя правильно делался на рациональном использовании его рабочего времени, разработке и внедрении рациональных форм специализации и кооперации его труда, рационального режима рабочего дня и отдыха, организации технического обеспечения и рабочего места следователя и других вопросах, действительно относящихся к области научной организации труда[51] такая направленность научных исследовании представляла собой исключение, а не правило.

Своеобразной реакцией на эти "захватнические" устремления стала позиция некоторых криминалистов, поспешивших как бы в ответ включить все вопросы НОТ следователя в содержание криминалистической тактики[52]. Однако со временем все стало на свои места и произошло четкое размежевание криминалистики и науки управления и НОТ следователя[53].

Вопросы организации процесса расследования продолжают занимать криминалистов, теперь уже в плане использования формирующихся систем поддержки решений следователя с применением компьютерных технологий. Во главе этого направления стоял Лелиан Алексеевич Соя-Серко, возглавлявший в течение ряда лет специализированную лабораторию НИИ Генеральной прокуратуры РФ.

Родился Лелиан Алексеевич в 1928 г. в Москве. Много лет работал следователем в органах прокуратуры Москвы, а в 1961 г.
перешел на работу во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР младшим, а с 1965 г. старшим научным сотрудником. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию на весьма острую в те годы тему — "Проверка показаний на месте как самостоятельное следственное действие".

С конца 60-х гг. Лелиана Алексеевича привлекли вопросы организации расследования и НОТ следователя. Он публикует в соавторстве с А. И. Михайловым и А. Б. Соловьевым руководство "Научная организация труда следователя" (М., 1974) и в том же ключе в соавторстве с Л. А. Сергеевым и Н. А. Якубович "Планирование расследования" (М., 1975). Результатом интенсивных исследований в этой области стала его докторская диссертация "Криминалистические проблемы организации труда следователя", успешно защищенная в 1982 г. Логическим следствием явилось назначение Лелиана Алексеевича в 1983 г. на должность созданной лаборатории комплексного анализа и технического проектирования информационных систем НИИ Прокуратуры.

Жизненный путь этого великолепного человека и ученого, подлинного русского интеллигента, верного товарища и друга неожиданно оборвала скоропостижная смерть. В последний день 1997 г., 31 декабря, с глубокой скорбью мы хоронили нашего Леля, как называли его родные и друзья. Не было нужды клясться в вечной памяти, потому что эта память о Леле действительно сохранится до конца наших дней — ив его книгах и в наших сердцах.

Примечания

[1] Потапов С. М. Роль методов криминалистики в доказательственном праве // Рукопись (архив семьи Потаповых). 1943. С. 38.

[2] Потапов С. М. Теории советской криминалистики // Рукопись (архив 1949. С. 2.

[3] Там же.

[4] Проблемы криминалистики // Материалы научного совещания при ВИЮН. М., 1947. С. 11. Слова А. И. Винберга в известном смысле перекликались с высказываниями Локара о полицейской технике, как он называл криминалистику: "Я говорю "техника" и на этом слове настаиваю. Действительно, такая отрасль знания есть, собственно говоря, искусство, а не наука, так как ее содержание образуют методы (я чуть не сказал — рецепты), а не законы" (Локар Э. Руководство по криминалистике. М., 1941. Г 9).

[5] Значение советской криминалистики в работе следователя // Сов. криминалистика на службе следствия. Вып.1.М., 1951. С.103

[6] Сов. криминалистика на службе следствия. Вып.7.М., 1956. С.158

[7] Бынков А. К вопросу о системе методологии и методов в диалектической логике // Диалектика и логика научного познания. М. 1966. С. 322.

[8] Мокичев К.А. Предмет теории государства и права. М., 1970. С. 7.

[9] Белкин Р. С. Ленинская теория методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 4—5.

[10] Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х т. М., 1997. Т.1 С. 56-57.

[11] Лузгин И. М. Расследование как процесс познания М 1969 С. 65,66.

[12] Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. С. 27, 28. г

[13] Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 21.

[14] Пантелеев И. Ф. Предмет, система и задачи советской криминалистики. Методология криминалистики 1982. С. 12.

[15] Селиванов Н.А. Криминалистика: система понятий. М.,1982. С.17.

[16] Зуев Е. И. Предмет, задачи, методы и система советской криминалистики // Криминалистика (актуальные проблемы). М., 1988. С. 15.

[17] Есипов Г. Ванька Каин. Осьмнадцатый век. Кн.3. М., 1969. С. 280-335.

[18] Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. 1.Дактилоскопия. Спб., 1909. С. 9.

[19] Лебедев В.И. Указ. Соч. С. 9.

[20] Там же. С. 4.

[21] Лебедев В.И. Указ. Соч. С. 12.

[22] Лебедев В.И. Указ. Соч. С. 14.

[23] Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей Ч. 2. Вып. 1. Спб., 1901. С. 3,36.

[24] Руководство для работников милиции и уголовного розыска. Харьков, 1925. С. 63.

[25] Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступ- лений. М., 1924. С. 140.

[26] Т Действующие распоряжения по уголовному розыску. М., 1928, С. 35.

[27] См. например: Якимов И. Н. Уголовная тактика. М., 1929; Натансон В. М. Основы техники расследования преступлений. Харьков,1925 и др.

[28] Криминалистика. Ч.1. М., 1950. С. 14.

[29] Винберг А. И. Криминалистика. Вып. 1. Введение в криминалистику (лекции для слушателей ВЮА). М., 1950. С. 17.

[30] Советская криминалистика. М., 1958. С. 10.
[31] Советская криминалистика. М., 1962. С. 11.
[32] Терзиев Н.В. Лекции по криминалистике М., 1951. С. 17.
[33] Криминалистика. М., 1959. С. 13 — 14.
[34] Винберг А. И. Криминалистика. Разд. 1. Введение в науку. М., 1962. С. 40.
[35] Криминалистика. М., 1963. С. 275.
[36] Криминалистика. М., 1980. С. 11.
[37] Васильев А. Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 50.
[38] Криминалистика. М., 1975. С. 13.
[39] Криминалистика. М., 1968. С. 16,17. В 1973 я выступил с обоснованием необходимости признания теории ОРД самостоятельной наукой (Белкин Р. С. Криминалистика и новые области научного знания // Труды Омской ВШМ МВД СССР. Вып. 16. 1973. С. 3-15)
[40] Криминалистика. М., 1974. С. 14.
[41] Криминалистика. М., 1976. С. 15.
[42] Криминалистика. М., 1986,1987 и др.
[43] Криминалистика. М., 1993. С. 5.
[44] Кафедра оперативной работы. 40 лет. М., 1996.
[45] Ратинов А. Р. Судебная психология как наука // Сов. государство и
право. 1965. № 5. Некоторые авторы пишут о юридической психологии, объединяющей все эти отрасли психологии (См., например: Васильев В. Л., 1974).
[46] Соц. законность. 1958. № 4.
[47] Сб. Вопросы кибернетики и право. М,, 1967.
[48] Сб. Правовая кибернетика. М., 1970.
[49] Соя-Серко Л. А. Научная организация труда следователя // Сов. государство и право. 1970. №9. С. 107.
[50] Зуйков Г.Г. Предмет, задачи и система курса "Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел". М. 1971. С. 61.
[51] Порубов Н.И. Научная организация труда следователя. Минск, 1970. С. 50,51.
[52] Криминалистика. М., Изд-во МГУ, 1971. С. 250.
[53] См. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т.1.М., 1997. С. 215-220.

Глава 8. Частные криминалистические теории приобретают четкие контуры (70-80-е годы)

8.1. Реализация тенденций развития частных криминалистических теорий

В 1978 г. анализ состояния криминалистической науки дал мне основания выделить в качестве тенденций развития частных криминалистических теорий такие, как пополнение их системы, формализация и адаптация элементов этой системы, ее реакция на изменение окружающей среды, на развитие связей криминалистики с другими областями научного знания[1]. 70—80-х годах эти тенденции реализовывались очень отчетливо, приводя к существенным изменениям системы частных теорий. Наиболее явным было пополнение этой системы. Наряду с этим активно продолжался и процесс дальнейшего развития уже существующих теорий за счет новых разработок и новых структурных положений.

Пополнение системы частных теорий. В рассматриваемый период система частных теорий пополнилась криминалистическими учениями о навыках, о способе совершения преступления; продолжался активный процесс развития теории идентификации, учения о фиксации доказательственной информации и других.

В 1968 г. Г. А. Самойлов выступил с предложением положить данные о личности преступника в основу криминалистического учения о навыках, исходя из того, что "природа материально фиксирующихся свойств личности человека, совершившего преступление, может быть выяснена полностью только на основе научного понимания личности вообще и в частности на основе познания соматических (телесных), психических, отдельных социальных ее свойств и тех общих закономерностей, которые определяют особенности отображения этих свойств в материальных следах преступления"[2]. Самойлов ограничил пределы криминалистического изучения личности только теми ее свойствами, которые при взаимодействии с окружающей средой фиксировано отображаются на предметах и в сознании людей, и не касался тактического аспекта изучения свойств личности.

Исследования Г. А. Самойлова получили продолжение в работах Г. Г. Зуйкова, посвященных способу совершения преступлений. В 1970 г. он защищает докторскую диссертацию "Криминалистическое учение о способе совершения преступления", в которой определил содержание этой частной криминалистической теории и обосновал ее основные положения. Способ совершения преступления рассматривался автором с позиций учения о свободе и необходимости, на основе данных физиологии высшей нервной деятельности и психологии человека — как акт осознанного и волевого поведения. Он сделал вывод, что "волевое поведение человека детерминировано взаимодействием факторов внешней среды, опосредствованных внутренними психическими свойствами и состояниями"[3].

Эти объективные и субъективные факторы, участвующие в детерминации способов совершения преступлений, подробно исследовались в диссертации и позволили рассмотреть одно из наиболее важных понятий криминалистического учения о способе преступления — понятие повторяемости способа. Он пришел к важному для теории и практики выводу о том, что "повторяемость способов совершения преступлений может явиться основанием для предположения о совершении преступлений одним и тем же лицом только в довольно редких случаях: а) при наличии в способе действий совокупности видовых признаков, образующих сочетание, повторение которого в действиях других лиц маловероятно, и б) при наличии признаков, индивидуализирующих личность преступника"[4].

На основании проведенных исследований Зуйков сформулировал понятие способа совершения преступления: "система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени"[5]. Это определение выдержало проверку временем и является наиболее полным и точным.

Правда, в 1979 г. я пришел к выводу, что в определенных ситуациях может существовать самостоятельный способ сокрытия преступления, условием формирования которого является отсутствие единого преступного замысла, охватывающего собой все стадии преступной деятельности. Я писал о том, что "отсутствие единого преступного замысла может проявиться в том, что:

а) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления, либо относясь к ним безразлично, либо предполагая, что их все равно не удастся осуществить, а затем, после совершения преступления, в связи с неожиданно возникшим намерением или неожиданно появившимися благоприятными для него обстоятельствами, принимает меры к сокрытию преступления;

б) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления, рассчитывая, что его следы сами исчезнут под воздействием природных или иных стихийных факторов, а затем, обманувшись в своих ожиданиях, импровизирует меры по сокрытию преступления;

в) при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию преступления по тем же причинам, что и в первом случае, но эти действия предпринимаются помимо его желания иными лицами, заинтересованными в исходе дела. Такими лицами могут быть соучастники субъекта по прежним преступлениям, которым непринятие им мер к сокрытию преступления может грозить изобличением по связям. Ими могут быть друзья или родственники субъекта преступления, обнаружившие преступление и принимающие меры к сокрытию виновного;

г) при подготовке и совершении преступления субъект планирует осуществление действий по его сокрытию другими лицами (пособники, укрыватели), однако в связи с их неосуществлением по тем или иным причинам вынужден с разрывом во времени сам принимать меры к сокрытию, ранее им не планировавшиеся и не соответствующие единому преступному замыслу"[6].

Но придя к выводу о существовании самостоятельного способа сокрытия преступления, я считал ненужным менять определение способа, предложенное Г. Г. Зуйковым, а лишь дополнить его словами "...и объединенных общим преступным замыслом". Следует специально отметить, что в области этого криминалистического учения работ, равных по научному уровню и кругу рассматриваемых вопросов диссертации Г. Г. Зуйкова, пока не было. Г. Г. Зуйков был одним из наиболее одаренных моих учеников, и очень жаль, что волею наших начальников вся его дальнейшая деятельность протекала не в области криминалистики, а в сфере науки управления правоохранительной деятельностью и выполнения ответственных организаторских функций: сразу же после защиты докторской диссертации он был назначен начальником вновь образованной в Высшей школе кафедры управления и НОТ деятельности органов внутренних дел — первой подобной кафедры в системе вузов МВД, потом дважды занимал должность заместителя начальника Академии МВД. Скончался он в 1988 г. в результате скоротечно развившейся смертельной болезни, на пороге своего семидесятилетия.

Значительно пополнились в эти годы существовавшие частные криминалистические теории. В 1970 г. вышла в свет фундаментальная монография М. Я. Сегая "Методология судебной идентификации" (Киев), а спустя несколько месяцев он защитил докторскую диссертацию на ту же тему. Это была тогда одна из двух докторских диссертаций в области теории криминалистической идентификации: вторую в том же 1970 г. защитил В. Я. Колдин. Сегай своеобразно определил предмет судебной идентификации, который, по его мнению, "составляют закономер- ности возникновения, обнаружения, исследования и использования идентификационных связей, обусловленных взаимодействием и взаимным отображением свойств отождествляемого объекта и материальной среды события преступления"[7].

Диссертация была знаменательной вехой на творческом научном пути этого незаурядного ученого-криминалиста. Михаил Яковлевич Сегай давно уже признан одним из лидеров криминалистической науки на Украине. Он родился в 1923 г. в Киеве и после окончания средней школы был призван в действующую армию, все годы Великой Отечественной войны был на фронте.

В 1946 г. Михаил Яковлевич демобилизовался и поступил на юридический факультет Киевского университета. По окончании учебы с 1950 г. вся дальнейшая его жизнь была связана с Киевским НИИ судебных экспертиз, где он последовательно работал на должностях

младшего и старшего научного сотрудника, заведующего отделом и с 1963 г. в течение многих лет — заместителем директора по научной работе. Как научный руководитель института он внес неоценимый вклад в развитие научных основ судебных экспертиз коллективом сотрудников института, внедрение в экспертную практику новых методов исследования вещественных доказательств, воспитание молодых судебных экспертов. Он и сейчас полон творческих сил и замыслов, в 1993 г. ему присваивают почетное звание заслуженного деятеля науки и техники Украины и в том же году избирают членом-корреспондентом Академии правовых наук Украины. В библиографической справке, изданной к 75-летнему юбилею Михаила Яковлевича, говорилось: "Имя профессора М. Я. Сегая, криминалиста и судебного эксперта, хорошо известно широким юридическим кругам Украины и за ее рубежами. Высокий профессионализм, глубокая порядочность и доброжелательность завоевали М. Я. Сегаю заслуженное уважение и любовь его коллег и друзей". Под этими словами распишутся все, знающие Михаила Яковлевича, и я в первую очередь. Но если бы мне удалось побывать на его юбилее, я сказал бы об этом замечательном человеке и ученом гораздо больше, значимее и сердечнее.

В эти годы с радикальными предложениями в области криминалистической идентификации выступил В. С. Митричев. Цикл его работ был посвящен перспективам идентификации жидких, сыпучих и газообразных тел — принципиально новых объектов идентификации, что насторожило многих криминалистов. Он отправлялся в своих рассуждениях от тезиса о том, что любое тело можно рассматривать как "единое целое" и идентифицировать его при наличии достаточной совокупности индивидуальных признаков. Такие признаки могут быть установлены физическими и химическими методами, считая, что "идентификацией является также и установление принадлежности объекта к множеству ему подобных, каким-либо образом связанных с обстоятельствами расследуемого дела"[8].

Виталий Степанович Митричев (1930—1996 гг.) был достойным представителем этой славной семьи криминалистов. Он вошел в историю науки как пионер в области экспертных исследований материалов и веществ, разработав концепцию научных основ и общих положений криминалистических идентификационных исследований физическими и химическими методами. Его многочисленные работы в области исследования жидких и сыпучих тел легли в основу разработки ряда экспертных методик и получили широкое распространение в экспертной практике. Был широко известен и как автор ряда оригинальных идей в области общей теории криминалистики и общей теории судебной экспертизы. Обладая высоким авторитетом среди научных работников и практиков, он был одним из признанных лидеров отечественной криминалистики и судебной экспертизы, в качестве заместителя директора ВНИИСЭ немало сделал для повышения авторитета этого научного и экспертного центра.

Весомый вклад в развитие теории криминалистической идентификации внесли работы Т. А. Седовой, Н. А. Селиванова, В. Я. Кол-дина, В. А. Снеткова и других ученых.

Исследования в области криминалистической идентификации стали источником зарождения еще одной частной криминалистической теории — криминалистической диагностики. Начало ее формированию положила статьи В.А. Снеткова "Проблемы криминалистической диагностики"[9] и "Проблемы использования диагностики в криминалистике"[10].

Основной практической предпосылкой формирования этой теории послужила терминологическая путаница с определением сущности тех родов и видов судебных экспертиз, которые нельзя отнести к числу идентификационных и которые именовались не идентификационными. Название это позволяло лишь отделить решаемые ими задачи от идентификационных, но никак не проясняло их сущности и содержания, было весьма расплывчатым и неопределенным. Статьи В. А. Снеткова и дали толчок научному решению вопроса. Он употребил термин "диагностика" в значении распознавания, а саму криминалистическую диагностику определил как "...учение о закономерностях распознавания криминалистических объектов по их признакам"[11].

Термины "криминалистическая диагностика", "диагностические экспертные задачи" как-то незаметно вошли в научный и экспертный обиход. Считая, что традиционное деление

экспертиз на идентификационные и не идентификационные является весьма неопределенным ("все равно, что подразделять экспертизы на химические и нехимические"), а доводы в защиту такого деления неубедительны, А. И. Винберг констатировал, что на смену расплывчатому понятию "приходят более четкие и определенные по своим задачам, целям и методам понятия диагностической и ситуационной судебных экспертиз"[12]. Термин "диагностика" был использован В. Я. Петелиным, Г. Л. Грановским, С. В. Дубровиным и др.

Но первые работы в рассматриваемой области стали лишь набросками теории, главным образом в ее практических приложениях. Начало фундаментальной разработки проблематики криминалистической диагностики связано с именем Ю. Г. Корухова.

Юрий Георгиевич Корухов, ведущий ученый в области теории и практики судебной экспертизы и криминалистики, блестящий исследователь и педагог, родился в 1928 г. в г. Луганске. В 1953 г. он окончил юридический факультет МГУ, где ему довелось еще слушать лекции И. Н. Якимова, и пять лет работал научным сотрудником в НИИ судебной медицины. В 1958—1962 гг. он — старший научный сотрудник ЦКЛ ВИЮН, в 1962—1974 гг. — доцент кафедры криминалистики ВЮЗИ, а с 1974 по 1981 г. заведовал научно-исследовательской лабораторией трасологических исследований ВНИИСЭ и одновременно кафедрой криминалистики и судебной медицины Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции МЮ СССР. В 1978 г. защищает докторскую диссертацию, в 1980 г. ему присваивают звание профессора.

В 1981 г. кафедру в институте усовершенствования ликвидировали, и мне удалось уговорить Юрия Георгиевича перейти на работу в Академию МВД с дальним прицелом: я предполагал по возрасту перейти на должность профессора кафедры с тем, чтобы начальником кафедры криминалистики стал он. Первым этапом реализации этого плана должно было стать присвоение Юрию Георгиевичу специального звания полковника.

Когда пришло время решать вопрос со званием, я обратился к С. В. Бородину, который в то время был начальником академии, и попросил его лично решить этот вопрос в управлении кадров МВД. Уж не знаю, поленился ли он или по другой причине, но он разговаривать о Корухове не поехал, а послал письменное представление о присвоении ему звания. Корухову в это время шел 54-й год, по возрасту он был, как говорится, "на красной черте", но об этом был разговор с Бородиным, когда Юрия Георгиевича брали на работу, тогда Бородин сказал, что для Корухова добьется исключения из правила.

У Бородина в управлении кадров было достаточно недоброжелателей, в том числе и начальник управления генерал Дроздецкий. Получив представление на Корухова, он отправился к Чурбанову, заместителю министра по кадрам, обеспечил отрицательное решение и поставил Бородина перед этим фактом. Наш план лопнул. Юрий Георгиевич продолжал работать на кафедре профессором-служащим.

Вскоре я ушел с кафедры, и Юрий Георгиевич уступил настоятельным просьбам А. Р. Шляхова и в 1984 г. перешел на работу во ВНИИСЭ заместителем директора по научной работе. Через несколько лет он вернулся на работу в Академию МВД, оставшись по совместительству главным научным сотрудником ВНИИСЭ. Он остается им и сейчас, работая в Московском институте МВД профессором кафедры.

Я боюсь быть пристрастным: Юрий Георгиевич мой близкий друг уже много лет, мы единомышленники во многом и очень тесно сотрудничаем в ряде исследований. Но заслуги Юрия Георгиевича перед криминалистикой настолько очевидны, что они и не требуют пристрастных оценок. Сейчас же речь только о его вкладе в теорию криминалистической диагностики.

В 1983 г. он издал работу, сыгравшую решающую роль в становлении этой частной теории — "Трасологическая диагностика". Он показал, что термин "диагностика" имеет три значения — распознавание, различение и определение. Криминалистическая диагностика аккумулирует все эти значения и может быть определена как частный метод познания механизма преступления на основе его отражения на объектах материального мира.

Ю. Г. Корухов выявил различия между идентификационными, классификационными и диагностическими экспертными задачами и указал, что к числу последних относятся исследования: свойств и состояний объектов; отображений объекта; результатов действия (события); соотношения фактов (событий, действий) или объектов. Он определил главные направления развития теории криминалистической диагностики:

1) выделение и анализ признаков диагностируемых объектов, следов, событий, явлений;

2) разработка и реализация методов исследования признаков (логический аппарат, моделирование, математический анализ и т. п.);

3) накопление и классифицирование совокупности признаков (симптомокомплексов) событий, явлений, фактов; деление их на специфические, существенные, несущественные и т. д.;

4) накопление и классифицирование типичных ситуаций;

5) разработка методов и методик решения конкретных диагностических задач[13].

Эти положения Ю. Г. Корухов через несколько лет развил и дополнил в статье "Методологические основы криминалистической экспертной диагностики"[14]. В последние годы он работал над фундаментальным трудом по широкому кругу проблем криминалистической диагностики, который совсем недавно вышел в свет[15].

Проблемами диагностики продолжал заниматься и ее "отец-основатель" В. А. Снетков, появились публикации по этой тематике и других авторов[16]. Нашелся и решительный противник диагностики — Н. А. Селиванов, однако его доводы не произвели впечатления на научную общественность[17]. Теория криминалистической диагностики заняла прочное место в системе частных криминалистических теорий.

Пополнилось содержание учения о механизмах следообразования. В 1974 г. вышла особенная часть "Основ трасологии" Г. Л. Грановского, в которой он уделил значительное внимание моделированию в трасологии, применению математических методов в трасологической экспертизе и вообще перспективам развития трасологии как важнейшего раздела криминалистической техники. Ряд новых положений в эту теорию внесла Н. П. Майлис.

В области учения о криминалистической версии и планирования расследования появился ряд содержательных работ А. М. Ларина, Л. Я. Драпкина, И. М. Лузгина и Л. П. Дубровицкой и других авторов.

Пополнилось содержание и других частных криминалистических теорий.

Ю. Г. Корухов Л. П. Дубровицкая И. Я. Фридман Б. М. Комаринец

С рассматриваемой тенденцией развития системы частных криминалистических теорий связан вопрос о признании таковыми появляющихся время от времени в литературе деклараций о формировании новых частных теорий.

По мнению многих авторов (Ф. В. Глазырина, П. П. Цветкова, В. Ф. Зудина, А. С. Кривошеева[18] и др.) следует признать образование такой частной криминалистической теории, как криминалистическое учение о личности. По мнению других (а я в их числе), это в главном — область криминологии. Те свойства личности, которые могут интересовать криминалистов, рассматриваются в таких частных криминалистических теориях, как учение о навыках, учение о способе преступления, или являются предметом судебной психологии.

Высказывались в литературе предложения о формировании еще двух частных теорий: о криминалистической профилактике и о следственных действиях.

Предложение о конструировании самостоятельной теории криминалистической профилактики имеет давнюю историю. В 1961 г. В. П. Колмаков предложил выделить в криминалистике, наряду с техникой, тактикой и методикой, самостоятельный раздел и сосредоточить в нем все, относящееся к профилактике в криминалистической науке[19]. Сторонников у Колмакова не нашлось. Г. Г. Зуйков писал в 1967 г.: "Криминалистические средства, приемы и методы предотвращения и раскрытия преступлений находятся в неразрывном единстве. Разработка криминалистических средств предотвращения преступлений в каждом из разделов советской криминалистики рассматривается в настоящее время криминалистами как важнейшая и неотложная задача криминалистики"[20].

Вопрос казался решенным, но оказалось, что "жив курилка".

В 1971 г. И. Я. Фридман вновь высказался за формирование частной криминалистической теории профилактики. Он посчитал, что "перечень частных криминалистических теорий нельзя признать полным без включения в него учения о криминалистической профилактике, являющегося методологической базой исследования и разработки средств, приемов и методик предупреждения преступлений. Составляя вместе с другими частными криминалистическими теориями часть предмета криминалистики, раздел ее общей научной теории, криминалистическое учение о профилактике изучает закономерности возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям, их обнаружения, исследования, оценки и использования в предупредительных целях"[21], видимо, такое "оживление" криминалистической профилактики, теперь уже под флагом частной теории дало основание В. П. Колмакову снова поставить вопрос о признании криминалистической профилактики самостоятельным разделом криминалистики, требующим дальнейших теоретических исследований[22].

Выступления сторонников криминалистической профилактики дискуссии не вызвали. Мнение большинства ученых по этому поводу очень хорошо выразил А. Н. Васильев, который посчитал, что роль криминалистики в профилактической деятельности "порой понимается очень широко и неконкретно. Например, выявление в процессе расследования причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер для их устранения почему-то целиком относят к задачам криминалистики. Рекомендации о том, чтобы при допросе выяснять обстоятельства, способствовавшие преступлению, или при осмотре места происшествия обращать внимание на признаки, указывающие на условия, облегчившие преступление, и т. п. почему-то полностью считают криминалистическими"[23].Конструирование учения о криминалистической профилактике является примером подобной переоценки роли и значения криминалистики. Кстати, это был

редкий случай совпадения наших с Васильевым взглядов.

В 1989 г. И. А. Алиев защищает диссертацию по проблемам экспертной профилактики[24], а в 1991 г. "Проблемы экспертной профилактики", открывающаяся изложением его взглядов на содержание и структуру общей теории судебной экспертизы. Пятый блок этой теории носит название "Частные теории судебной экспертизы", и в нем среди других теорий называется теория экспертной профилактики[25].

Если применительно к криминалистике, с моей точки зрения, не следует вести речь о некоей теории криминалистической профилактики, то в контексте общей теории судебной экспертизы, объектом которой служит практическая экспертная деятельность, такая частная теория имеет, на мой взгляд, право на существование, поскольку отражает самостоятельное и к тому же весьма существенное направление экспертной практики, которое с полным правом можно назвать экспертной профилактикой.

Предложение о создании такой частной криминалистической теории, как учение о следственных действиях, было выдвинуто И. Ф. Герасимовым в 1970 г. Он считал, что необходимость создания такой теории обусловлена тем, что в литературе нет определения следственного действия, что приводит к игнорированию разработки тактики таких действий, как предъявление обвинения, избрание меры пресечения, ознакомление обвиняемого с материалами дела, составление обвинительного заключения[26].

Но Герасимов явно сгустил краски, поскольку понятие следственного действия неоднократно формулировалось в литературе, причем четко указывалось, что не все процессуальные действия следует именовать следственными: последними считаются только те, которые направлены на собирание, исследование и использование доказательств. С этой точки зрения те действия, которые называл Герасимов, следственными не являются, их проведение не требует применения положений криминалистической тактики. Идея И. Ф. Герасимова никакого развития в литературе не получила.

Наряду с попытками создать криминалистическое учение о следственных действиях, екатеринбургские криминалисты выдвинули идею формирования "общей теории раскрытия преступлений"[27]. По мысли Л.Я. Драпкина, содержание этой теории включает основы преодоления проблемных ситуаций в расследовании, эвристический процесс построения и проверки версий, логико-информационные этапы раскрытия преступления [28]. В 1991 г. И.Ф. Герасимов предложил структурную схему этой теории, включив в нее: 1) криминалистическое понятие раскрытия преступлений; 2) следственные и тактические ситуации; 3) систему деятельности по раскрытию преступлений; 4) организационные и тактические основы деятельности по раскрытию преступлений [29].

Детальное рассмотрение предложений названных авторов показывает, что ничего принципиально нового предлагаемая теория не содержит: все ее структурные элементы наличествуют в существующих криминалистических теориях либо служат базой для теорий формирующихся, например учения о следственных ситуациях.

Подобные вопросы возникают и в связи с предложением сформировать частную криминалистическую теорию классификации преступлений. Намек на нее содержался в статье В. Г. Танасевича и В. А. Образцова [30], а развернутое обоснование — в монографии В. А. Образцова [31]. И это предложение никакого дальнейшего развития не получило, что, видимо, объясняется рассмотрением всех составляющих его вопросов в уже существующей криминалистической систематике.

Формализация и адаптация элементов системы частных теорий. Формализация системы частных криминалистических теорий тесно связана с тенденциями развития языка криминалистики, математизацией науки и формализацией описания ею объектов исследования. Формализации способствовали работы Н. С. Полевого, 3. И. Кирсанова, Р. М. Ланцмана и других авторов по использованию в криминалистике и судебной экспертизе кибернетических и математических методов исследования [32].

Адаптация системы частных теорий проявляется главным образом в их обновлении и выражается в изменении содержания отдельных теорий. Так, например, изменение представлений о предмете криминалистики привело к пересмотру исходных посылок учения

о способе совершения преступления. Касаясь этого вопроса, Г. Г. Зуйков писал: "Криминалистика как наука о закономерностях возникновения, выявления, исследования и использования доказательств в целях разработки на их основе и познания средств, приемов и методов расследования и предупреждения преступлений включает способ совершения преступлений в предмет своего исследования в качестве одной из закономерностей процесса возникновения доказательств. Криминалистика изучает способ совершения преступления, по существу, как содержательное явление действительности, и на основе познания закономерностей его формирования, причин и форм повторяемости разрабатывает средства, приемы и методы обнаружения, собирания, исследования и оценки доказательств"[33]. Такой подход к сущности способа совершения преступления обусловил возникновение новых связей между учением о способе и теорией навыков, учением о регистрации криминалистических объектов и т. п.

Интенсивная разработка теории криминалистической идентификации привела в эти годы не только к изменению ее связей с другими частными криминалистическими теориями, но и к образованию в ее составе подсистем — теорий более низкого уровня. И здесь не обошлось без решающего влияния изменений представлений о предмете криминалистики. После того, как М. Я. Сегай, опираясь на предложенное мною определение предмета криминалистики, по-новому определил предмет теории идентификации ("закономерности возникновения, обнаружения, исследования и использования идентификационных связей, обусловленных взаимодействием и взаимным отображением свойств отождествляемого объекта и материальной среды события преступления"[34]), стало более четко просматриваться значение общих положений этой теории для развития, так сказать, "отраслевых" теорий идентификации более низкого уровня.

Такая "отраслевая" теория — графической идентификации — получила свое развитие в трудах В. Ф. Орловой[35]. Аналогичные изменения претерпела и другая "отраслевая" теория идентификации — теория судебно-баллистической идентификации, предметом которой, по определению Б. М. Комаринца, следует считать "закономерности выстрела и действия огнестрельного оружия в связи с совершением посредством него преступлений и возникновением судебных доказательств"[36]. Эта теория также вошла в число частных криминалистических теорий "второго порядка", образовав новые связи в системе частных криминалистических теорий.

Мне давно следовало рассказать о Борисе Максимовиче Комаринце, сыгравшем выдающуюся роль в развитии отечественной криминалистики, которому к тому же и я лично обязан: он был моим официальным оппонентом по кандидатской диссертации, и потом мы поддерживали довольно тесные дружеские связи.

Борис Максимович Комаринец родился в 1910 г. в г. Славянске (Донбасс). Его трудовая деятельность началась в 1929 г. с должности секретаря научно-технического подотдела отдела уголовного розыска НКВД России.

В 1930 г. Борис Максимович поступает на учебу на факультет работников уголовного розыска и научно-технических отделов Института административного строительства НКВД РСФСР. В 1932 г. институт реорганизуется в Высшую школу. В этом же году он ее оканчивает в числе первого выпуска экспертов-криминалистов, а в 1942 г. оканчивает ВЮЗИ.

С 1932 по 1943 г. Комаринец работает в научно-техническом отделе Главного управления милиции на должностях эксперта, старшего эксперта, заместителя начальника и начальника отделения. С 1943 по 1946 г. он заместитель начальника оперативного отдела ГУМ, куда входил и НТО.

После организации в 1946 г. НИИ криминалистики ГУМ МВД СССР Борис Максимович назначается его начальником и остается в этой должности до увольнения в отставку в 1959 г. Отставка сорокадевятилетнего полковника милиции была для всех нас загадкой: подлинных причин ее никто из известных мне людей не знал; ходили слухи, что это было связано с работой проверявшей деятельность института комиссии, у которой возникли претензии к начальнику института, но официально ничего объявлено не было, а сам Борис Максимович на эту тему не распространялся, спрашивать же его об этом было, конечно, неловко.

После отставки Комаринец не опустил руки, он работает в ЦКЛ, а после ее реорганизации в ЦНИИСЭ — в этом институте, сначала заместителем директора, а потом старшим научным сотрудником. К его шестидесятилетию, в 1970 г., он был удостоен почетного звания заслуженного юриста России.

Первой получившей известность научной работой Бориса Максимовича была брошюра "Дактилоскопическая идентификация на расстоянии" (М., 1937). В ней он рассказал о методах кодирования дактилоскопической информации для передачи ее по средствам связи на расстояние в целях оперативного использования при установлении личности задержанных. В 1938 г. вместе с Б. И. Шевченко он издает "Руководство по осмотру места преступления", книгу, не потерявшую своего практического значения и сегодня. Это действительно было такое руководство, которое содержало основные сведения о всех видах следов преступления и преступника, местах их наиболее вероятного образования, приемов работы с этими следами. Применительно к каждому виду следов авторы предлагали фрагменты протоколов осмотра, наглядно иллюстрирующих порядок и содержание фиксации следов.

Много лет Борис Максимович работал над проблемами идентификации огнестрельного оружия по стреляным гильзам и пулям. Классическими стали его фундаментальные работы "Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по стреляным гильзам" (М., 1955) и "Идентификация огнестрельного оружия по выстрелянным пулям" (М., 1961). Итогом этих исследований стала его докторская диссертация "Судебно-баллистическая экспертиза огнестрельного оружия", которую он успешно защитил в 1975 г. Его работы в этой области с полным правом дают основание считать Бориса Максимовича одним из основателей отечественной судебной баллистики.

Но не только любимая баллистика привлекала внимание Ко-маринца. Так, в 1957 г. он выступает с работой "Признаки письменной речи и их значение для розыска и установления авторов документов", а в 1964 г. одним из первых поднимает вопрос о необходимости и возможности производства криминалистических экспертиз непосредственно на месте происшествия, что должно позволить оперативно использовать их заключения для раскрытия и расследования преступлений по горячим следам[37].

Борис Максимович Комаринец пользовался глубоким уважением всех криминалистов Союза, а для экспертов-криминалистов он вообще был кумиром, образцом для подражания. Его колоссальный экспертный опыт, эвристический характер решения сложнейших экспертных задач буквально гипнотически действовали на молодых экспертов.

Последний период жизни Бориса Максимовича был отмечен периодическими серьезными недомоганиями, которые привели к смерти в 1979 г. — на пороге его семидесятилетия.

8.2. Перспективные теоретические концепции этого периода

В 70—80-е гг. возник ряд серьезных теоретических концепций, имеющих все основания в недалеком будущем достичь уровня частных криминалистических теорий. Это концепции криминалистической характеристики преступления, следственной ситуации, тактических комбинаций (операций), тактического решения и тактического риска. Остановлюсь вкратце на истории их формирования и развития.

Криминалистическая характеристика преступления. Первое упоминание об этой криминалистической категории встречается в работах А. Н. Колесниченко[38].В автореферате своей докторской диссертации он писал, что к числу наиболее существенных положений, общих для всех частных методик, относится "общая криминалистическая характеристика" данного вида преступлений, и далее, что "преступления имеют и общие черты криминалистического характера". Более подробно на этом вопросе он не остановился. Полное же развернутое представление о криминалистической характеристике преступления было дано Л. А. Сергеевым в его кандидатскойдиссертации[39].

Однако его соображения не были замечены и не нашли своего отражения в литературе. Вкратце упомянул о криминалистической характеристике и С.П. Митричев[40]. Интерес к проблематике криминалистической характеристики по-настоящему "проснулся" у

криминалистов во второй половине 70-х гг. В 1974 г. по рекомендации семинара руководителей кафедр криминалистического цикла, проведенного ВЮЗИ, проблема криминалистической характеристики была включена в программу вузовского курса криминалистики.

В 1975 г. И. Ф. Пантелеев предложил включить в криминалистическую характеристику преступления характеристику типичных ситуаций данного вида преступлений, наиболее распространенных способов их совершения и сокрытия, технических средств, применяемых преступниками, и источников их получения, типичных материальных следов преступления, тайников, преступных связей[41] . Свои взгляды на содержание криминалистической характеристики высказали В. Г. Танасевич и В. А. Образцов[42].

Проблема криминалистической характеристики затрагивалась на конференции криминалистов в 1976 г. в докладах А. Н. Васильева, И. Ф. Герасимова, А. Н. Басалаева и В. А. Гуняева, С. И. Винокурова и др. Расхождения между докладчиками состояли в основном лишь в перечне элементов криминалистической характеристики, но все наперебой превозносили ее значение для расследования преступлений. Такая явная переоценка криминалистической характеристики побудила меня выступить вместе с И. Е. Быховским и А. В. Дуловым со статьей "Модное увлечение или новое слово в науке?", в которой мы вынуждены были обратить внимание увлеченных криминалистической характеристикой авторов на ее подлинное практическое значение — одного из оснований для выдвижения версий по делу, да и то при условии выявления корреляционных зависимостей между элементами характеристики[43].

Это предостережение не возымело своего действия. По-прежнему в учебниках, монографиях и статьях по частной методике на разные лады велась речь о криминалистической характеристике преступления, на поверку оказывающейся набором уголовно-правовых, криминологических сведений. "Криминалистическим" в этом наборе оставалось, как правило, лишь одно — описание способов совершения преступлений данного вида. Не безгрешен в этом отношении и я сам: даже в 1997 г. во втором издании своего "Курса" не рискнул избавиться от рассуждений на эту модную тему, заглушив сомнения по поводу ее необходимости.

А такие сомнения возникали все чаще.

Криминалистическая характеристика в подавляющем большинстве случаев представлялась в таком виде, что невольно побуждала некоторых авторов включать помимо нее в структуру частных методик перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по данной категории уголовных дел. Возникало явное противоречие: правильно сформулированная характеристика должна органически включать в себя этот перечень и поэтому нет нужды повторять его в структуре частной методики. Однако включают, значит, что-то неладно с этой характеристикой. И действительно, внимательное рассмотрение предлагаемых характеристик показало, что они не оправдывают своего назначения. И уж, конечно, ни о каких корреляционных зависимостях между их элементами ни один из авторов не вел и речи, а без этого они вообще теряли всякий смысл. И возник естественный вопрос: не пора ли признать, что попытки создать подобные характеристики потерпели неудачу, не пора ли вернуться к оправдавшему себя перечню обстоятельств, подлежащих доказыванию, но снабжать этот перечень детальными комментариями, в которых и будет раскрываться их криминалистическая сущность? Все чаще начинаю склоняться к этому, но пока еще окончательно не решил, еще размышляю. Давай поразмышляем вместе, читатель!

Исследованием проблем криминалистической характеристики, кроме упомянутых авторов, занимались И. А. Возгрин, Н. А. Селиванов, В. К. Гавло, А. А. Эйсман и др. Эта теоретическая концепция еще далека от признания ее самостоятельной частной криминалистической теорией, даже если пренебречь высказанными сомнениями. Лично мне хотелось бы знать мнение о них ведущего петербургского криминалиста Игоря Александровича Возгрина, признанного лидера исследователей различных аспектов криминалистической методики.

Одно упоминание фамилии этого человека уже побуждает меня сказать несколько теплых слов по его адресу, чтобы выразить наше общее уважение и любовь к этому подлинно интеллигентному петербуржцу, о котором далее еще будет идти речь.

Игорь Александрович — общепризнанный авторитет в области криминалистической методики. Его суждения всегда очень продуманны и очень корректны. Но за корректностью скрывается высокая принципиальность, и я не знаю ни одного случая, когда бы Возгрин изменил свои взгляды в угоду какому-либо высокому оппоненту. В моем представлении он олицетворяет собой достойного представителя петербургской криминалистической научной школы.

Тут, пожалуй, я несколько покривил душой: о такой научной школе можно говорить только в образном смысле — есть несколько ярких имен, не объединенных общими научными интересами. В этом я упрекнул бы "последнего из могикан" — патриархов нашей науки — покойного Ивана Филипповича Крылова, который упорно, по одним ему ведомым причинам не подпускал к университетской кафедре талантливых молодых ученых-криминалистов — Игоря Быховского, Ольгерда Глотова, того же Игоря Возгрина и других. Наверное, это был единственный недостаток этого глубокоуважаемого ученого, несомненно заслужившего добрую по себе память.

Родился Иван Филиппович Крылов в 1906 г. в с. Закубежье Константиновского уезда Московской губернии. В 1923 г. окончил в
Тихвине школу второй ступени (как тогда называлась полная средняя школа) и в том же году поступил в Географический институт, но когда до его окончания оставался всего год, в 1926 г. его "бросили" на партийную работу. Только в следующем, 1927 году, ему удалось продолжить образование, но, видно, интерес к географии за это время остыл, потому что поступил он на учебу на юридический факультет Ленинградского университета, который благополучно и окончил в 1930 г.

В последующие годы Иван Филиппович работал в Правлении Ленинградского союза потребительских обществ, а затем председателем Президиума Ленинградской коллегии адвокатов.

В первые дни Великой Отечественной войны Крылов вступил в народное ополчение Ленинграда. С осени 1941 г. и до января 1948 г. он был на прокурорской работе в Советской Армии. Конец войны встретил в должности заместителя военного прокурора 3-го Белорусского фронта.

После демобилизации в 1949 г. он поступил на работу в Ленинградский университет, где с 1946 г. по совместительству преподавал уголовный процесс. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию "Преступления в области техники безопасности и их расследование". Пожалуй, на этом и был исчерпан его интерес к криминалистической методике. Две темы волновали его воображение: история криминалистики и следы преступника, им он и посвятил все последующие годы жизни и творчества. Он и вошел в историю отечественной криминалистики прежде всего именно как ее историк, равного которому я, пожалуй, назвать не смогу.

Уже в 1960 г. выходит первая историческая работа Ивана Филипповича, которую он написал вместе с Андреем Васильевичем Дуловым — "Из истории криминалистической экспертизы в России". Потом увидела свет обширная монография "Судебная экспертиза в уголовном процессе" (Л., 1963), в которой исторические вопросы также не были обойдены вниманием. Наконец появляется его широко известная книга "Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы" (Л., 1975) — прообраз его докторской диссертации "Криминалистическая экспертиза в России и СССР в ее историческом развитии" (Л., 1966). Ценность его исторических работ не в последнюю очередь заключалась в широком привлечении им обширных архивных материалов. Он вернул криминалистам имена многих незаслуженно забытых ученых и практиков, стоявших у колыбели отечественной криминалистики: Салькова, Русецкого, Фаворского и других.

Фундаментальные исторические исследования были для Крылова источником и занимательнейших случаев, как научных, так и житейских. Он мастерски использовал их в своих превосходных популярных книгах о криминалистике: "В мире криминалистики" (Л., 1980, 1989) и "Были и легенды криминалистики" (Л., 1987).

Не забывал он и о втором своем увлечении — учении о следах в криминалистике. В 1961 г. выходит его книга "Следы на месте преступления", а в !976 г. — серьезная монография "Криминалистическое учение о следах". Работал он буквально до последних дней

жизни. В апреле 1996 г., через пару месяцев после своего девяностолетия, за несколько дней до кончины, он обеспокоено справлялся, как идет подготовка задуманного им "профессорского" учебника, в авторский коллектив которого он включил только профессоров. Увидеть его ему не довелось.

Противоположностью Крылова была другая яркая звезда на ленинградском криминалистическом небосклоне — Игорь Евсеевич Быховский. Он родился в 1924 г. в Ленинграде, с начала войны до 1943 г. — в блокадном Ленинграде, боец Комсомольского полка противопожарной обороны, в 1943—1945 гг. — на Ленинградском фронте. В 1950 г. после окончания юридического факультета Ленинградского университета и до 1959 г. Игорь Евсеевич на следственной работе — народным следователем районной прокуратуры Ленинградской области, старшим следователем и прокурором следственного отдела областной прокуратуры.

В 1959 г. Быховскому удалось перевестись на преподавательскую работу. До 1965 г. он заведует циклом Курсов усовершенствования следователей, после преобразования их в Институт повышения квалификации, до 1970 г. — кафедрой тактики и методики расследования. Потом в течение сами лет "в опале", доцент той же кафедры, а с 1977 г. заведует кафедрой техники и тактики того же института. Он скончался скоропостижно 19 января 1988 г. в Москве, в расположении дивизии, куда приехал навестить сына-солдата.

И хоть я был у гроба Игоря Евсеевича, сейчас я вспоминаю его только живым, буквально брызжущим энергией, жизнелюбием, остроумием. Я не встречал больше такого остроумного человека, он был душой любой компании, верным и преданным другом. На него можно было положиться во всем — и в большом, и малом, его точность и пунктуальность просто поражали.

В 1977 г. он защитил превосходную докторскую диссертацию "Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий". Его статьи по вопросам криминалистической тактики и методики были лаконичны, образны и оригинальны. Он был непревзойденным лектором, любимым лектором искушенных студентов Института усовершенствования следователей, где преподавателю не так-то просто было завоевать авторитет. С кафедры говорил страстно, с шутками, с видимым интересом к тому, о чём рассказывал. Вот таким увлеченным, веселым и энергичным он и остался и в моей памяти и всех, кто его знал.

Другим ярким представителем нашей науки в Ленинграде был Ольгерд Михайлович Глотов (1931—1985). Он много лет работал экспертом-криминалистом и научным сотрудником в Ростовской и Ленинградской научно-исследовательских лабораториях судебной экспертизы, в течение двух лет стажировался в Берлине, в Университете им. Гумбольдта, а с 1966 года работал в том же институте, где и Игорь Быховский, до 1977 г. заведовал кафедрой криминалистической техники института, потом перешел на должность доцента.

Я познакомился с Ольгердом Михайловичем в начале 60-х гг., выступал официальным оппонентом на защите им кандидатской диссертации "Криминалистическое исследование вещественных доказательств в ультрафиолетовых лучах" в 1964 г. Он незадолго до этого пережил страшную трагедию: в пожаре погибла его мать, но жестко держал себя в руках, был собран и уверенно защищался. Мы по-настоящему подружились и встречались каждый раз, когда я бывал в Ленинграде. Он был очень близок с Быховским, доставляло большое удовольствие наблюдать их дружеские шутливые пикировки, проходящие под всеобщий хохот всех присутствующих.

В Ленинграде и тогда было, а в Санкт-Петербурге и сейчас, немало известных криминалистов. Это и А. А. Эксархопуло, и В. С. Бурданова, и М. Б. Вандер, и Г. А. Густов и В. И. Рохлин, и А. И. Бастрыкин и другие. О некоторых я еще расскажу.

Следственная ситуация. Отечественной криминалистике всегда был свойственен ситуационный подход к изучаемым фактам и явлениям. О ситуационности расследования, следственных, тактических ситуациях в 50—60-х гг. писали и я, и А. Н. Колесниченко, И. М. Лузнин, А. Р. Ратинов, да и другие. Колесниченко первым и предложил определение следственной ситуации: "Под следственной ситуацией принято понимать определенное положение в расследовании преступлений, характеризуемое наличием тех или иных

доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этими конкретными задачами его собирания и проверки"[44].

С середины 70-х гг. можно наблюдать явную активизацию исследований проблематики следственных ситуаций. Появляются ее определения В. Е. Корноухова, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина и др. Постепенно выкристаллизовались две основных точки зрения.

И. Ф. Крылов И. Е. Быховский О. М. Глотов В. И. Рохлин

Согласно первой из них, следственная ситуация — это те объективные, реальные условия, в которых в каждый данный момент осуществляется расследование (Р. С. Белкин, И. Ф. Герасимов и др.); согласно второй — это информационная модель обстановки, в которой ведется расследование (В. К. Гавло, Л. Я. Драпкин и др.). Выступившие впоследствии В. В. Клочков, Н. А. Селиванов, Д. А. Турчин и другие авторы в принципе разделяли одну из этих точек зрения.

В сущности, обе точки зрения не противоречили друг другу, поскольку познание следственной ситуации как объективной реальности и заключается в построении информационной модели, отражающей результаты этого познания.

Концепция следственной ситуации особенно детально и многопланово и в эти годы, и в последующем разрабатывалась Л. Я. Драпкиным. После публикации ряда статей по этой тематике он издал фундаментальную монографию "Основы теории следственных ситуаций" (Свердловск, 1986) и посвятил этой проблематике свою докторскую диссертацию.

Тактическая комбинация (операция). Идея тактической операции принадлежит А. В. Дулову. В 1972 г. он опубликовал статью

"О разработке тактических операций при расследовании преступления,,[45]. Основная мысль статьи заключалась в том, что в криминалистической тактике следует перейти к разработке специальных комплексов следственных, оперативно-розыскных, ревизионных и иных действий, направленных на решение задач расследования. Только на путях такого комплексирования можно добиться повышения эффективности расследования, разрозненные же следственные действия нередко не достигают цели. Такие комплексы и были обозначены им термином "тактические операции".

На основе этой идеи я пришел к выводу, что, во-первых, более точным является термин "тактические комбинации", и, во-вторых, что такие тактические комбинации могут состоять из системы тактических приемов, проводимых в рамках отдельного следственного действия, что позволяет отнести к ним и пресловутые "следственные хитрости" или "психологические ловушки", сами названия которых возбуждающе действовали на наших ортодоксов-процессуалистов и которые по сути представляют собой никакие не "хитрости" или "ловушки", а именно простые тактические комбинации[46].

Были предложены различные классификации тактических комбинаций (операций). Л. Я. Драпкин посчитал возможным существование различных оснований такой классификации: а) по содержанию — неоднородные тактические операции (состоящие из следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и т. д.) и однородные, состоящие только из следственных действий; б) по временной структуре — сквозные, осуществляемые на протяжении нескольких этапов расследования, и локальные, проводимые на каком-нибудь одном этапе расследования; в) по организационной структуре — осуществляемые работниками, объединяемыми в постоянное структурно-организационное звено (например, ОУР, БЭП), и работниками, объединенными во временное структурно-функциональное звено

(следственная бригада, следственно-оперативная группа) [47].

По моей классификации тактические комбинации подразделяются на сложные и простые — элементарные, первые — на одноименные, состоящие из одноименных действий, и разноименные, включающие и следственные действия, и оперативно-розыскные, и организационно-технические мероприятия; сквозные и локальные; вторые — на рефлексивные, обеспечивающие и контрольные[48].

Хотя в литературе неоднократно уже декларируется создание самостоятельной частной теории следственных ситуаций, полагаю, что эта концепция еще не достигла такого уровня и подобная теория находится пока в стадии формирования.

Тактическое решение. Концепция тактического решения начала формироваться в середине 70-х гг. О нем писали А. В. Дулов, С. И. Цветков, Г. С. Шостак, посвятил этой проблеме и я один из параграфов третьего тома "Курса советской криминалистики"[49]. Предлагались различные определения тактического решения. Так, например, А. В. Дулов и Ю. И. Новик посчитали, что "тактическое решение — это мысленная динамическая модель следственного действия, сформировавшаяся в сознании следователя на основе выбора, в рамках уголовно-процессуального закона, из научных рекомендаций криминалистической тактики, а также учета и применения регулирующих производство данного следственного действия уголовно-процессуальных норм, имеющих тактическое содержание „[50]. С моей же точки зрения, тактическое решение — это выбор цели тактического воздействия на следственную ситуацию в целом или отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы и определение методов, приемов и средств достижения этой цели"[51].

Проблематика тактического решения не столь популярна в литературе, как, например, проблематика следственной ситуации или тактической комбинации, работы в этой области единичны, и говорить о формировании теории тактического решения пока еще преждевременно.

Проблемы тактического риска. В 1974 г. в одной из своих работ я употребил термин "тактический риск", понимая под ним ситуацию, грозящую провалом замысла следователя при проведении следственного действия[52]. Идея необходимости учета тактического риска оказалась плодотворной, и в 1983 г. мой ученик В. П. Гмырко защитил кандидатскую диссертацию "Деятельность следователя в условиях информационной неопределенности в процессе расследования", одна из глав которой была специально посвящена тактическому риску. Тактическому риску впоследствии была посвящена диссертация другого моего ученика — Ю. Ю. Осипова (1992 г.).

Тактический риск обычно связан с деятельностью следователя в условиях конфликта, в конфликтной ситуации. Именно в условиях конфликта, активного противодействия установлению истины следователю приходится принимать рискованные тактические решения. Конфликтам в работе следователя, путям их предупреждения и разрешения посвящен ряд работ О. Я. Баева начала 80-х гг.

Олег Яковлевич Баев родился в 1941 г. в Воронеже. Ему рано пришлось начать свою трудовую деятельность: пошел рабочим на завод, заинтересовался юриспруденцией, поступил на вечернее отделение юридического факультета Воронежского университета и уже за два года до его окончания стал работать следователем прокуратуры в Калужской и Воронежской областях. Университет окончил в 1964 г., а следователем проработал целых 11 лет — до 1973 г. Тянуло в науку, и в 1973 г. он переходит на работу младшим научным сотрудником лаборатории при кафедре уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Воронежского университета; став преподавателем этой кафедры, защитил очень интересную кандидатскую диссертацию "Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон" (Минск, 1975), стал доцентом.

В начале 80-х гг. Олег Яковлевич всерьез заинтересовался проблематикой конфликтов на предварительном следствии. Этой проблематике он посвящает две очень содержательных монографии: "Конфликты в деятельности следователя. Вопросы теории" (Воронеж, 1981) и "Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Основы предупреждения и

разрешения" (Воронеж, 1984), а вскоре на их основе завершает докторскую диссертацию "Конфликтные ситуации на предварительном следствии и криминалистические средства их предупреждения и разрешения" (Л., 1985). В 1987 г. Баеву присваивают звание профессора, а когда на факультете создается самостоятельная кафедра криминалистики, он становится ее заведующим.

Обстоятельность и высокий научный уровень всех публикаций Олега Яковлевича — от маленьких статей до фундаментальных монографий — завоевали ему авторитет и глубокое уважение научной общественности. Сейчас его по праву считают одним из ведущих отечественных криминалистов страны, а руководимую им кафедру — одной из лучших вузовских кафедр этого профиля.

Процесс разработки важных теоретических концепций, еще не ставших самостоятельными частными криминалистическими теориями, но имеющими все основания с течением времени стать таковыми, продолжается и сейчас, за теми временными пределами, которыми я ограничил эту книгу, - это уже не история, а сегодняшний день, и поэтому речь о них я вел в своем "Курсе криминалистики", изданном в 1997 г

8.3. Важнейшие криминалистические работы этих лет

Выделить из множества публикаций, увидевших свет в 70— 80-х годах, наиболее важные — задача чрезвычайно трудная и неблагодарная, поскольку всегда рискуешь что-то, с точки зрения читателя, переоценить, а что-то недооценить. И, естественно, любая попытка подобного рода всегда будет субъективной, поскольку нет у нас каких-либо конкурсов на лучшую работу, не существует и такого критерия, как индекс цитируемости, чем имеют возможность руководствоваться ученые некоторых других специальностей. Поэтому заранее приношу самые искренние извинения за возможные обиды: не корысти ради сочиняю, а истины для — такой, как она мне представляется по моему разумению.

Многие из важнейших работ я уже в той или иной связи упомянул, некоторые из них я назову еще раз, упоминание же других посчитаю достаточным. Чтобы как-то объективировать дальнейшее изложение, буду называть работы в алфавитной последовательности их названий.

"Допрос в советском уголовном судопроизводстве", фундаментальная монография Н. И. Порубова (Минск, 1973), представляющая собой наиболее полное отечественное исследование допроса в процессуальном, криминалистическом, психологическом и этическом аспектах. Многоплановость работы позволила автору рассмотреть наиболее актуальные для науки и практики проблемы проведения допроса и оценки его результатов, выяснить их действительную ценность для процесса доказывания.

История допроса, его процессуальная регламентация и тактика проведения прослеживаются автором с древнейших времен. Выясняется роль показаний свидетелей и обвиняемых при обвинительном и инквизиционном процессах, в современном состязательном процессе. Детально разработаны психологические основы допроса, понятие, значение и пути установления психологического контакта с допрашиваемым, рассматриваются методы психологического воздействия на допрашиваемого.

В книге дается детальная классификация тактических приемов допроса, сформулированы правила использования при допросе оперативной информации.

Очень ценен имеющийся в книге обширный библиографический указатель дореволюционной современной отечественной и зарубежной литературы о допросе.

"Идентификация при расследовании преступлений", монография В. Я. Колдина (М., 1978) — своеобразный итог многолетних исследований автора в этой области.

Представляя криминалистическую идентификацию как частную методику доказывания тех или иных обстоятельств расследуемого дела, автор раскрывает сущность и задачи криминалистической идентификации в процессуальном доказывании, описывает объекты идентификации и анализирует связь процессов отражения и взаимодействия.

В книге дается пространственная и качественная трактовка идентифицируемого объекта, раскрываются проблемы целостности и задачи идентификации целого по частям, показана взаимосвязь следственных и экспертных методов идентификационного исследования.

Значительное место автор отводит процессу установления искомого факта, демонстрирует логическую структуру доказывания на основе установления тождества и структуру процесса доказывания с целью установления искомого объекта. Завершается работа главой об исследовании главного факта — его элементов и причинной связи между ними.

"Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий", монография Ф. В. Глазырина (Свердловск, 1973), одно из первых отечественных исследований по проблематике изучения личности проходящих по делу лиц в аспекте учета знаний о личности для формирования тактики следственных действий.

Личность подозреваемого, обвиняемого рассматривается автором как объект криминалистического изучения, что не исключает криминологического и судебно-психологического ее изучения. Личность неизвестного преступника изучается в целях его установления и розыска, известного подозреваемого (обвиняемого) — с целью получения информации о совокупности социальных и психологических свойств и качеств его личности. Особенности изучения личности в криминалистическом аспекте предполагают, что это

изучение носит ограниченный характер (интерес представляют лишь криминалистически значимые свойства и качества личности).

Изучение личности на предварительном следствии ограничено сравнительно небольшим сроком и самими условиями расследования; подозреваемый (обвиняемый) находится в необычной, часто конфликтной ситуации, что оказывает серьезное воздействие на его психику. Крайняя заинтересованность подозреваемого (обвиняемого) в исходе дела заставляет его стремиться затруднить изучение личности (маскировка своих антиобщественных взглядов, асоциальной направленности и т. п.).

Наиболее распространенными методами изучения личности на предварительном следствии являются наблюдение, анализ результатов преступной деятельности, беседа, метод обобщения независимых характеристик, анализ документальных данных, биографический метод. В книге подробно рассматриваются возможности получения данных о личности преступника путем осмотра места происшествия, при производстве обыска, а также использование этих данных при подготовке и проведении этого следственного действия.

Специальная глава книги посвящена получению и использованию данных о личности обвиняемого при подготовке и проведении его допроса, а заключительная глава — использованию данных о личности при проведении очной ставки.

Коротко об авторе этой книги.

Феликс Викторович Глазырин родился в 1932 г. в Свердловске. В 1956 г. окончил Свердловский юридический институт (ныне Уральская государственная юридическая академия), работал следователем, учился в аспирантуре по кафедре криминалистики, в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию "Расследование хищений, скупки и перепродажи промышленного золота", а через десять лет — докторскую диссертацию "Криминалистическое изучение личности обвиняемого". В 1975 г. стал профессором и принял заведование кафедрой судебной психологии и судебной экспертизы института.

В 1979 г. он принимает предложение перейти на работу в МВД и назначается заместителем начальника Высшей следственной школы МВД в Волгограде; сейчас — декан юридического факультета Волгоградского университета. Он известен в научных кругах как энергичный и инициативный организатор науки и способный исследователь, знаток психологии следственных действий, "слуга науке, отец студентам".

"Конфликтные ситуации на предварительном следствии (основы предупреждения и разрешения)" (Воронеж, 1984), монография О. Я. Баева, завершающая цикл его исследований по проблемам конфликтов в работе следователя — первых фундаментальных разработок в этой области в отечественной криминалистической литературе. В основе концепции автора лежит его представление о конфликтной ситуации как одной из разновидностей реальной следственной ситуации, о распространенности конфликтов на предварительном следствии. Баевым впервые выявлены стадии развития этих конфликтов и детально определены пути разрешения конфликтных ситуаций.

Рассмотрению понятия конфликтной ситуации автор предпослал выяснение понятия следственной ситуации в общем виде. Он исходит из того, что следственная ситуация — это реальность, с которой имеет дело следователь, а понятие следственной ситуации, которым оперирует криминалистическая наука,- модель реальной следственной ситуации, характеризующая ее особенности, наиболее существенные для определения тактики и методики различных этапов расследования как преступлений в целом, так и определенных видов преступлений в частности. Сюда относятся закономерности возникновения и сохранения информации о преступлении, возможности ее переработки и использования следователем и сущность потенциального конфликта между интересами следователя и лиц, привлекаемых в том или ином качестве к расследованию преступлений, а также связанные с этим виды и формы противодействия расследованию, действия следователя по преодолению этого противодействия.

Методами предупреждения и разрешения конфликтов служат убеждение и принуждение.

Убеждение следователем субъекта общения в необходимости изменить линию своего поведения достигается путем разъяснения ему обстоятельств, смягчающих ответственность; путем обращения к имеющимся по делу доказательствам, демонстрации возможностей

научных методов расследования; обращением к личным качествам субъекта; с помощью тактических комбинаций, представляющих собой маневрирование следователем имеющейся у него информацией.

Принуждение как метод воздействия на личность в уголовном судопроизводстве понимается автором как применяемая в установленном законом порядке компетентными государственными органами или должностными лицами система принудительных средств воздействия на участников процесса в случаях отклонения их поведения от предписываемого законом. Принуждению служат меры, обеспечивающие принудительное участие в следственных действиях (например, принудительное освидетельствование подозреваемого); выполнение законных требований (угроза уголовной ответственностью свидетелю за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний); меры пресечения; принудительная реализация следователем своих процессуальных прав (например, право произвести обыск, право вскрытия хранилищ и т. п.). Следует иметь в виду, что принуждение может привести к обострению конфликта, что требует от следователя осмотрительности при применении мер принуждения.

Автор полемизирует со сторонниками теории так называемого бесконфликтного следствия, с противниками применения ряда тактических приемов маневрирования информацией следователем.

"Криминалистика в системе научных знаний", монография Г. А. Матусовского (Харьков, 1976). Первое и пока единственное фундаментальное исследование природы криминалистики. Автор рассматривает процесс становления и развития криминалистической

науки, законы ее развития, некоторые направления науковедческих исследований в криминалистике, ее информационную сущность, организационные связи криминалистики со смежными отраслями знания, межнаучные связи. Место криминалистики в системе наук показано на схеме, из которой следует, что она наиболее тесно связана с науками уголовно-правового цикла — уголовным правом, уголовным процессом, исправительно-трудовым правом, уголовной статистикой, а также с оперативно-розыскной деятельностью органов дознания. Следующей по близости на схеме фигурирует группа иных правовых наук, а за ней — группа специальных дисциплин: судебная медицина, судебная психиатрия, автотехника, химия, физика, бухгалтерия, этика, психология, биология и др.

О Я. Баев Ф. В. Глазырин Н. С. Полевой Г. А. Зорин

Заключительная глава книги посвящена криминалистике в системе учебного процесса. Автор анализирует воспитательные функции курса криминалистики, показывает содержание следственно-криминалистической специализации обучающихся и место криминалистики в повышении профессионального уровня обучающихся — практических работников.

"Криминалистическая кибернетика. Теория и практика математизации и автоматизации информационных процессов и систем в криминалистике", учебное пособие Н. С. Полевого для студентов вузов (М., 1989), первый столь обстоятельный анализ современного состояния и перспектив использования математических и кибернетических методов в правоохранительной деятельности и судебной экспертизе.

Автор рассматривает использование в криминалистике данных математики и кибернетики как проявление общей закономерности взаимодействия различных отраслей научного знания. Есть все основания, считает автор, говорить о новом направлении в теории и методологии криминалистики — криминалистической кибернетике. Предмет её – общие закономерности и конкретные методы математизации и автоматизации информационных процессов и систем в сфере деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Н. С. Полевой вводит такие термины, как "криминалистическая информация", "криминалистическая деятельность" и т. п. Эти термины неоднократно подвергались критике в специальной литературе в связи с тем, что они весьма неопределенны, так как ими можно обозначить любую существующую информацию о событии преступления и его элементах, в том числе и такую, которую логично будет называть "уголовно-правовой" или "административно-правовой". Некорректен и сам термин "криминалистическая кибернетика", поскольку речь идет о применении в криминалистике и доказывании математических и кибернетических методов, что не является основанием для признания существования самостоятельной теории такого рода, а сами методы при этом не меняют своей природы и не становятся "криминалистическими".

Тем не менее работа Н. С. Полевого ценна обстоятельным обзором различных направлений использования в криминалистике и правоохранительной практике математических и кибернетических методов, начиная с описания существующих информационных систем, криминалистических задач и алгоритмизации их решения, включая разработку и применение соответствующих методик, и кончая рассмотрением правовых и организационно-методических вопросов применения математических методов, вычислительной техники и полученных данных в деятельности правоохранительных органов.

Автор этой книги Николай Степанович Полевой родился в 1921 г. в деревне Оболовка Калужской области, юношей ушел на фронт и в 1946 г. поступил в Военно-юридическую академию. Мы учились с ним на одном курсе, только я на сухопутном факультете, а он — на морском (был у нас в академии такой маленький факультет с набором, кажется, 25 человек).

После окончания академии Николай Степанович был оставлен в академии и работал в учебном отделе. Увлекался судебно-опера-тивной фотографией, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, а в 1956 г. перешел на работу в Высшую школу МВД, где работал наш общий учитель А. И. Винберг. Однако как и мне, ему не удалось сразу попасть на кафедру криминалистики, пришлось некоторое время поработать заместителем начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела школы и уже потом перейти на кафедру в качестве заместителя начальника. Вел он на кафедре технико-криминалистическое направление. Когда после ухода А. И. Винберга во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР я был назначен начальником кафедры, мы работали вместе, руководя кафедрой до моего назначения в НИИМ осенью 1961 г. Казалось бы, что после моего ухода с кафедры вопрос о назначении Полевого на должность начальника должен был решиться автоматически: у него не было конкурентов. Однако начальник школы Л. Д. Лукоянов, перешедший в школу с должности начальника политотдела управления учебных заведений МВД СССР, видимо, рассуждал иначе и тянул с назначением Полевого. Потребовались непростые усилия друзей Николая Степановича, в том числе и мои, убеждение разных деятелей министерства, чтобы доказать необходимость назначения Николая Степановича начальником кафедры, и наконец молчаливое сопротивление Лукоянова было преодолено и такое назначение (тогда это было прерогативой министерства) состоялось.

Начальником кафедры Полевой был отличным. Мягкий и деликатный по натуре, он

никогда не повышал голоса в разговоре с преподавателями, но всегда умел добиваться своего, мастерски вел занятия, активно занимался наукой. В 50—60-е гг. выходят его пособия "Судебно-оперативная фотография" (1957 г.), в соавторстве с А. И. Устиновым "Судебная фотография и ее применение в криминалистической экспертизе" (1960 г.), "Стереофотография в криминалистике" (1963 г.). Он много работает над докторской диссертацией по проблемам криминалистического исследования документов. Будущее представлялось в радужном свете, но пришла беда: весной 1964 г. Николая Степановича поразил тяжелейший инфаркт и он слег. После выздоровления, естественно, продолжать службу в МВД он уже не мог по медицинским показаниям, был уволен на пенсию и некоторое время работал на кафедре по совместительству доцентом-служащим, совсем недолго: в том же 1964 г. Николай Степанович переходит на работу во ВНИИ судебных экспертиз МЮ, где в должности начальника отдела научной информации работал до 1973 г.

С 1973 г. начинается самый плодотворный этап его научной деятельности — он доцент кафедры криминалистики МГУ. Затея с диссертацией о криминалистическом исследовании документов оставлена. Полевой серьезно увлекся кибернетикой и информатикой. В 1977 г. с его участием выходят в свет "Основы правовой кибернетики", через два года, в 1979 г., "Основы теории управления и кибернетики" и в 1982 г. первое издание "Криминалистической кибернетики". В университете он возглавляет это направление, ведет курс правовой кибернетики, инициирует использование возможностей кибернетики в диссертационных исследованиях аспирантов кафедры, работающих под его научным руководством.

Логическим итогом многолетних исследований стала докторская диссертация " Методологические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники", успешно защищенная Николаем Степановичем в 1984 г. Еще в 1982 г. за заслуги в области науки и подготовки научно-педагогических кадров Полевой удостаивается почетного звания заслуженного юриста России, а уже после защиты докторской диссертации, в 1988 г. ему присваивается звание профессора.

Пораженное инфарктом сердце Николая Степановича не смогло выдержать такой нещадной нагрузки, которую взвалил на него хозяин: он скоропостижно скончался в 1994 г., дома, сидя в кресле с рукописью диссертации очередного ученика.

Светлую память оставил по себе наш друг и боевой товарищ Николай Степанович Полевой. Эта память о незаурядном ученом, верном товарище, выдающемся воспитателе молодых ученых, об очень добром и хорошем человеке.

"Криминалистическая классификация преступлений", монография В. А. Образцова (Красноярск, 1988), единственная работа, посвященная всестороннему рассмотрению данной проблемы.

В книге обосновывается необходимость формирования самостоятельной теории криминалистической классификации преступлений, объект которой — деятельность по построению криминалистических классификаций преступлений и те аспекты преступной деятельности и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, которые существенны для решения классификационных задач и реализации полученных результатов. Предметом теории служат закономерности построения определенных систем криминалистических классификаций преступлений; теория имеет свой язык и обладает рядом функций. Принципами теории автор называет принцип целостности, деятельности и принципы общей теории классификации, а под конкретными объектами этой теории понимаются характеризуемые соответствующими уголовно-правовыми и криминалистическими понятиями определенные множества преступлений, расчленяемые (разделяемые) на взаимосвязанные части (подмножества) в целях оптимизации процесса решения познавательно-конструктивных задач в криминалистике и следственной практике. В качестве таких подмножеств могут фигурировать сходные группы преступлений (например, воинские преступления и др.).

Основанием для криминалистической классификации преступлений могут служить признаки преступления. Это комплексное понятие, объединяющее признаки преступника, мотив и цель преступления, признаки объектов преступления, средств преступления, процесса преступления и его результатов. Основаниями криминалистической классификации

преступлений могут быть и признаки систем, связанных с преступлениями: признаки обстановки совершения преступления (например, преступления, совершаемые в сфере труда, и преступления, совершаемые в сфере быта), признаки деятельности по выявлению и расследованию преступлений (признаки субъекта расследования, объекта расследования, задач расследования, средств, процесса, результатов расследования).

"Криминалистическая методика расследования преступлений", монография И. А. Возгрина (Минск, 1983). Содержит очерк истории криминалистической методики, показаны ее истоки и этапы развития. Автор определяет предмет криминалистической методики как закономерности организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения преступлений и цель познания этих закономерностей — выработка в соответствии с требованиями законности научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному проведению судебного исследования отдельных видов преступлений.

Система криминалистической методики, считает автор, состоит из двух основных разделов: общих положений и самих методик расследования отдельных видов преступлений. Общие положения, в свою очередь, содержат два раздела — введение в теорию криминалистической методики (понятие методики, ее история, место в системе научного знания, принципы и учение о структуре и содержании частных методик) и основы научной организации раскрытия, расследования и предотвращения преступлений (планирование расследования, розыскная и профилактическая деятельность следователя, использование помощи общественности при расследовании преступлений, взаимодействие следователя с оперативными работниками). Вторая часть системы криминалистической методики — частные методики — подразделяется на однотипные методики расследования и частные методики расследования.

Детально разработаны в книге вопросы классификации частных методик. Типичные методики автор классифицирует по видам преступлений в соответствии с уголовно-правовой классификацией преступлений. Следующим этапом классификации служит деление методик по уровню конкретизации криминалистических рекомендаций: на одноступенчатые, двухступенчатые и большей детализации. Например, методика расследования краж такова: общая методика расследования краж подразделяется на методику расследования краж личной собственности и методику расследования краж государственной и общественной собственности (первый уровень конкретизации), первая — на методики расследования квартирных краж, карманных краж, краж автомашин и др.; вторая – на методики расследования краж из магазинов, краж на предприятиях и учреждениях, краж почтовых отправлений и др. (второй уровень конкретизации). Методика расследования квартирных краж подразделяется, в свою очередь, на методики расследования по горячим следам и нераскрытых квартирных краж прошлых лет (третий уровень конкретизации). По мнению автора, структура конкретных частных методик состоит из следующих элементов: криминалистическая характеристика преступления; программа (алгоритм) расследования преступления; описание особенностей подготовки и проведения наиболее характерных для расследования данного вида преступлений следственных действий; описание особенностей подготовки и проведения предупредительной деятельности при расследовании данного вида преступлений. "Криминалистический риск: природа и методы оценки", учебное пособие Г. А. Зорина (Минск, 1990). Автор определяет криминалистический риск как "действие или бездействие по поводу расследуемого преступления, направленное на цель, отягощенную объективной вероятностью недостижения, субъективированное определенным лицом, предполагающим альтернативный результат". Он различает следующие виды криминалистического риска:

1) по степени локализации следственной деятельности: тактический риск, распространяющийся на отдельные следственные действия или тактическую операцию; стратегический риск, распространяющийся на длительный период следственной деятельности, на значительную сумму следственных действий или на все расследование по делу в целом;

2) по рискующему субъекту: риск представителей государственных органов (следователя, дознавателя, прокурора, судьи); риск участников уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемо го, потерпевшего, защитника, гражданских истца и ответчика);

3) риск субъектов процессуальных действий, привлекаемых для достижения целей судопроизводства (свидетелей, эксперта, специалиста, понятого, переводчика);

4) по содержанию риска: организационный риск (может иметь как тактический, так и стратегический характер); уголовно-право
вой риск, допускаемый при квалификации преступлений; уголовно-процессуальный риск, состоящий в нарушении норм УПК в надежде, что нарушение останется незамеченным;

5) по обоснованности мотивации рискованных действий: мотивированный риск, немотивированный риск, смешанный мотивированно-немотивированный риск.

Предложенная классификация вызывает определенные сомнения. Ряд указанных разновидностей риска никак не может быть назван криминалистическим, например, риск, именуемый уголовно-правовым или уголовно-процессуальным, последний вообще не подпадает под категорию правомерного риска, это должностное нарушение (а иногда и преступление). Обвиняемый (подозреваемый) и свидетель в процессе расследования могут рисковать: для первого риск заключается в опасности изобличения в преступлении, для второго — в опасности изобличения во лжи, но ни тот, ни другой не являются криминалистическим риском — для первого это категория нравственная, для второго -- правовая, в криминалистическом аспекте имеют значение лишь действия этих субъектов и средства преодоления оказываемого ими противодействия расследованию.

Критериями допустимости криминалистического риска автор считает соответствие вероятных негативных последствий требованиям норм морали, УК и УПК; положительную разницу между возможным "выигрышем" и тактическим "проигрышем" в результате рискованных действий; баланс затрат на обеспечение ожидаемых положительных результатов. Тактический проигрыш может заключаться в утрате тактически выгодного момента, в утрате оснований для формирования психологического контакта с участником следственного действия, утрате вещественных доказательств, показаний недопрошенных, утрате доверия к следователю. Величина риска, его характеристики определяются методом прогнозирования и зависят от степени достоверности опорных исходных данных, разработанности программы прогнозирования и соотношения возможных проигрыша и выигрыша при реализации прогнозируемых действий.

В работе приводятся некоторые эвристические методы выхода из тупиковых ситуаций, т. е. таких ситуаций, когда информационная неопределенность достигает своего пика, что может повлечь проведение следователем необоснованных рискованных действий. Перечень таких эвристических методов представляет интерес для читателя-профессионала. Работа привлекает внимание как новизной темы, так и неординарным решением ее основных вопросов.

С грустью приходится констатировать, что Георгий Алексеевич Зорин после известных событий конца 1991 г. стал для россиян иностранцем, а основные его работы как раз приходятся на 1992— 1996 гг., и выходит теперь, что по принятым на себя ограничениям я могу считать его причастным к развитию общей нашей криминалистики до этого рокового порога — 1991 г. И все-таки не могу удержаться, чтобы хоть очень коротко не охарактеризовать этого подающего большие надежды талантливого ученого-криминалиста.

Он родился в 1948 г., широкую известность получил с выходом работы, о которой речь шла выше, докторскую диссертацию успел защитить еще в СССР, в Москве, в мае 1991 г., на тему: "Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении «следственных действий", и официальными оппонентами у него были три москвича: Н. А. Селиванов, Н. С. Полевой, Ю. Г. Корухов. А вот уж все последующие его работы вышли в другом государстве — в Республике Беларусь и составляют гордость не российской, а (белорусской криминалистики. Это "Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности" (Гродно, 1991) и "Криминалистическая эвристика" в двух томах (Гродно, 1994) и др.

Сейчас Георгий Алексеевич заведует кафедрой Гродненского университета, профессор, один из ведущих ученых-криминалистов Беларуси, пользующийся уважением коллег-криминалистов в России. У него уже много учеников, котгорым он щедро дарит свои идеи и заботливо "выводит в люди".

"Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике",

монография Б. И. Шевченко, увидевшая свет уже после смерти автора (М., 1975).

Эта книга содержит развитие теории трасологической идентификации, в основе которой лежит работа Б. И. Шевченко "Научные основы современной трасологии" 1 947 г.

В работе пять глав. В первой главе формулируется понятие трасологии и излагается ее система. Во второй главе в сущности дается представление о базе трасологии — внешнем строении объекта как его индивидуальном свойстве. Далее излагаются положения трасологического анализа внешнего строения. Затем автор останавливается на особенностях трасологической идентификации предмета и на формах трасологической идентификации.

Заключает книгу глава о следах как отображениях внешнего строения объекта и их классификация.

"Криминалистическое учение о следах", монография И. Ф. Крылова (Л., 1976), развитие его книги "Следы на месте происшествия". По обыкновению И. Ф. Крылов начинает работу с истории развития криминалистического учения о следах, обращается к правовым источникам древности, авторам первых работ по работе со следами, архивным данным.

По мнению автора, ограничивать учение о следах лишь отображениями внешнего строения объекта неправомерно. Оно должно включать в себя два раздела: 1) учение о следах-отображениях (отпечатках, оттисках) и 2) учение о следах — остаточных явлениях. Общим для обоих видов следов служит их материальная основа. Восприняв выдвинутую мной идею о всеобщем значении для криминалистики свойства отражения, Крылов отмечает, что на этом свойстве и основываются закономерности образования следов, и присоединяется к моему мнению о том, что процесс возникновения следов носит ситуационный характер.

В книге подробно рассматриваются все виды следов человека, животных, транспортных средств и орудий взлома, следов биологического происхождения и микроследы, следы наложений и микрочастицы.

"Методологические основы расследования", монография И. М. Лузгина (М., 1973), одно из первых фундаментальных исследований методологии предварительного расследования, развивающее взгляды автора, изложенные им в более ранних работах. Под методологией расследования автор понимает совокупность теоретических положений о сущности расследования как частного случая познания в системе уголовного процесса. Автор считает, что методологию расследования не следует смешивать с методикой расследования. Разделяя мнение о единстве познания и доказывания в процессе расследования, Лузгин полагает, что они не всегда совпадают полностью, что предмет познания шире предмета доказывания. Расследование осуществляется на основе изучения связей, характеризующих сущность и содержание явлений, образующих преступление. Эти связи являются генетическими (причинно-следственными) или же корреляционными (связи сосуществования), пространственными и временными.

В работе исследуется природа доказательств в уголовном процессе, их информационная сущность и методы, используемые в расследовании для установления истины по делу. Все методы познания, применяемые следователем, автор именует криминалистическими, хотя из дальнейшего изложения ясно, что граница между криминалистическими методами и методами криминалистики проводится автором не всегда последовательно. Несомненный интерес представляет рассмотрение факторов, определяющих использование методов познания при расследовании. Такими факторами справедливо признаются:

а) комплексный характер приемов и средств познания в пределах каждого следственного действия;

б) ситуационный характер их использования;

в) целеполагающая ориентация при выборе средств и приемов;

г) зависимость средств и приемов познания и доказывания от содержания исходной информации и версий по делу и

д) зависимость методов от организационных форм расследования.

В заключительной главе книги рассматриваются некоторые проблемы оценки при расследовании преступлений, которая, по мнению автора, не должна сводиться лишь к оценке доказательств по делу. Объектами оценки должны быть: все обстоятельства, образующие состав преступления; ситуации, складывающиеся в процессе расследования; приемы и

средства обнаружения и исследования доказательств и т. п.

"Научно-технические средства в следственной практике", монография В. И. Гончаренко (Киев, 1984). Книга содержит обстоятельный анализ концепций использования научно-технических средств в следственной практике. Представляют несомненный интерес авторские определения таких понятий, как научно-технические средства, их допустимость, система судебной фотографии, методы работы с микрообъектами и др. Излагаются общие процессуальные и технические вопросы использования научно-технических средств в следственной работе. Он рассматривает эти средства как систему общетехнических, приспособленных и специально разработанных приборов, аппаратов, оборудования, инструментов, приспособлений, материалов, а также методов и приемов их применения в целях наиболее эффективного проведения предварительного расследования, дознания и предупреждения преступлений. Эти средства он разделяет на фотографические, акустические, механического выявления и моделирования следов, поисковые аналитические, поисковые простые и вспомогательные (обще употребляемые инструменты, письменные принадлежности, тара и т. п.). Допустимость научно-технических средств (НТС) определяется требованиями их научной обоснованности, законных оснований и этичности применения.

Критерий разграничения компетенций эксперта-криминалиста и следователя, по мнению автора, заключается в следующем: 1) экспертное исследование вещественных доказательств должно проводиться на основании специальных криминалистических знаний лица, проводящего это исследование; 2) результатом такого исследования вещественных доказательств должно быть оценочное суждение, которое имеет доказательственное значение только когда оно облечено в форму экспертного заключения.

В книге дается характеристика научно-технического снаряжения следователя, рассматриваются процессуальные и криминалистические правила оформления применения НТС и использования полученных результатов в судопроизводстве.

Значительное внимание автор уделил применению в следственной работе средств и методов судебной фотографии. Он предлагает свою систему судебной фотографии, подразделяя ее на запечатлевающую и исследовательскую. Первая делится на три вида: фотографирование места, лица и предмета, ее методы — обычный, панорамный, стереоскопический и измерительный; вторая подразделяется по методам: изменения контрастов, микрофотографический, фотографического совмещения, съемки в невидимых лучах спектра.

В книге рассматриваются также вопросы применения в следственной практике средств и методов, разработанных с использованием данных физических наук, видеозаписи, измерительных средств и методов, оптических средств и методов, поисковых средств, психоанализаторов.

Автор этой книги, Владлен Игнатьевич Гончаренко, теперь, к сожалению, иностранный ученый, хорошо известен российским криминалистам. Он родился в 1931 г. в г. Златополе Кировоградской области Украины, окончил Киевскую спецшколу ВВС, затем юридический факультет Киевского университета (1954 г.) и был направлен следователем в органы прокуратуры. Работал в районных прокуратурах, прокурором следственного отдела прокуратуры Черкасской области.

В 1957 г. резко изменяет свою жизнь и идет работать младшим научным сотрудником отдела трасологических и баллистических исследований Киевского НИИСЭ. С этого момента он вплотную занялся криминалистическими исследованиями, приобрел необходимый экспертный опыт, так пригодившийся ему в преподавании криминалистики на кафедре Киевского университета, куда он перешел работать. В 1968 г. Владлен Игнатьевич защищает кандидатскую диссертацию "Использование следователем фотографических и физических методов при расследовании и предупреждении преступлений". Активные исследования в области криминалистической техники, главным образом вопросов технико-криминалистического обеспечения процесса расследования, логически определили и тему его докторской диссертации — "Методологические проблемы использования данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве" (Киев, 1981). Через два года ему присваивают звание профессора. Он принимает от В. К. Лисиченко заведование кафедрой криминалистики, становится деканом юридического факультета университета.

Ныне Владлен Игнатьевич — один из наиболее авторитетных ученых-криминалистов Украины, вице-президент Украинской академии правовых наук. Но все эти чины и звания не отразились на его натуре: он по-прежнему прост и доступен в общении, по-прежнему охотно приходит на помощь друзьям и коллегам. Я, например, числю на его счету немалые хлопоты по организации и проведению докторских защит представителей тогдашних братских республик: Азербайджана — И. А. Алиева, Казахстана — А. Ф. Аубакирова, Белоруссии — Г. И. Грамовича. Я сам у него в неоплатном долгу: когда у моей дочери сложилась очень острая жизненная ситуация, о которой я ещё, может быть, расскажу позже, Владлен Игнатьевич принял к защите ее кандидатскую диссертацию. Тогда это был не только дружеский, но и весьма смелый шаг. И хотя нас сейчас разделяет государственная граница, для моего уважения и моей благодарности этому человеку никаких границ не существует.

"Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений", учебное пособие, а по существу монография С. И. Медведева (Волгоград, 1973). Это первая отечественная работа, в которой в различных аспектах и с достаточной полнотой рассмотрен феномен негативных обстоятельств.

По мнению автора, негативные обстоятельства можно рассматривать двояко: в широком смысле слова — это любые тактические данные, которые противоречат (до их логического разрешения) обычному объяснению факта в соответствии с определенной версией, в узком — доказательства, характеризуемые так же. Различие между этими определениями заключается в том, что второе имеет в виду такие негативные обстоятельства, которые удовлетворяют требованиям относимости и допустимости и служат доказательствами по делу. Причиной появления негативных обстоятельств являются действия, поступки, форма поведения людей и т. п. Иногда эти обстоятельства — результат воздействия посторонних сил, не связанных с действиями людей (стихийных сил природы, животных и др.). Рассматривая доказательственную природу негативных обстоятельств, автор полагает, что они могут быть как прямыми, так и косвенными доказательствами.

Выявление негативных обстоятельств при проведении каждого следственного действия имеет свои особенности. Для выявления негативного обстоятельства при осмотре места происшествия используется логическое объяснение его при сопоставлении со всей совокупностью выявленных обстоятельств, установление причины появления этого обстоятельства. Автор характеризует негативные обстоятельства, выявляемые при осмотре места происшествия по делам об убийствах и свидетельствующие об инсценировках несчастного случая или самоубийства, по делам о дорожно-транспортных происшествиях, изнасилованиях, при разоблачении инсценировок краж, грабежей и разбоев, пожаров и т. п.

Выявляемые при обыске негативные обстоятельства могут быть разделены на две группы. Первые противоречат выдвинутой версии: например, обнаружение предметов, без которых не мог обходиться якобы уехавший в неизвестном направлении человек — очков, личных документов и т. п.; вторые относятся к обстановке обыскиваемого объекта и способствуют обнаружению тайников, искомых объектов: следы свежей штукатурки, свеженаклеенные обои, изменение расположения поленницы дров и т.п.

Некоторой натяжкой выглядит мнение автора о том, что при допросе показания, не соответствующие истине, можно рассматривать как негативные обстоятельства. Сомнительно и положение, что путем следственного эксперимента не только устанавливается негативный характер обстоятельств, но и выявляются новые негативные обстоятельства. При экспериментальной проверке любого обстоятельства заведомо предполагается возможность отрицательного, т. е. негативного результата, негативной оценки этого обстоятельства, т. е. речь может идти о подтверждении уже предполагаемого, а не выявляемого таким путем негативного обстоятельства. Так же следует расценивать подтверждение экспертизой предполагаемого негативного обстоятельства, например, факта посмертного происхождения странгуляционной борозды на шее трупа. В данном случае негативное обстоятельство не выявляется, а удостоверяется. Однако автор справедливо указывает, что экспертным путем могут быть выявлены и новые для дела негативные обстоятельства, что может послужить основанием для корректировки следственных версий по делу.

"Основы теории следственных ситуаций", монография Л. Я. Драпкина (Свердловск, 1987), первое фундаментальное исследование проблематики следственных ситуаций,

послужившее впоследствии материалом для его докторской диссертации (М., 1987).

Автор рассматривает основы ситуационного подхода в криминалистике, понятия и характеристики следственных ситуаций. Последние он подразделяет на простые и сложные, которые, в свою очередь, разделяются на пять классификационных групп: проблемные, конфликтные, тактического риска, организационно неупорядоченные и комбинированные (смешанные). Все сложные следственные ситуации прямо или косвенно связаны с информационной неопределенностью, с недостатком исходных данных для принятия следователем оптимального решения. Обстоятельно проанализировав различные определения следственной ситуации и отвергнув понимание следственной ситуации как реальной обстановки, в которой осуществляется расследование, автор присоединился к точке зрения на следственную ситуацию как на своеобразную информационную модель. Однако в конечном счете он вынужден был все-таки обратиться к реальной следственной ситуации, чтобы показать варианты отношения между нею и ее информационной моделью.

Учитывая, что следственные ситуации представляют собой динамичные системы, изменяющие свое содержание, структуру и формы в результате воздействия различных факторов, автор подразделил их на исходные, промежуточные и конечные.

Автор останавливается также на проблемах общей теории раскрытия преступлений в связи со следственными ситуациями. Он анализирует высказанные в литературе предложения о формировании такой теории и формулирует основные ее положения, суть которых, по его мнению, заключается в следующем.

Все преступления (с известной долей условности) можно разделить на две категории: преступления, расследование которых связано с процессом их обязательного раскрытия, и преступления, которые нужно только расследовать. Обобщение и анализ следственной практики показывают, что существуют устойчивые группы уголовных дел, по которым наибольшая трудность в процессе раскрытия преступлений (основная проблемная ситуация) возникает либо при установлении виновных, либо при выявлении самого события преступления. Основным средством разрешения подобных ситуаций служит эвристический метод построения и проверки следственных версий, а сам процесс раскрытия преступления состоит из различного числа информационно-поисковых этапов, на которых строится, проверяется, перестраивается версионная система. Ситуационная природа процесса расследования делает невозможным создание единого для всех случаев метода раскрытия преступления.

Предложенная автором концепция общей теории раскрытия преступлений в сущности представляет собой развитие ранее высказанной идеи И. Ф. Герасимова. Это определенное направление развития не самостоятельной криминалистической теории, а криминалистического учения о версии и планировании расследования. Не случайно ни она, ни другие предложения подобного рода не получили заметной поддержки ни в науке, ни в следственной практике.

"От следственной версии к истине", монография А. М. Ларина (М., 1976), одно из наиболее полных в отечественной литературе исследований проблемы следственных версий. Всесторонностью и глубиной рассмотрения проблемы, принципиально новым подходом к рассмотрению ряда ключевых понятий учения о криминалистической версии, в том числе самого понятия следственной версии монография выгодно отличается от многих работ, посвященный той же тематике.

Автор выясняет сущность и значение следственных версий, предлагает свое определение следственной версии: строящаяся в целях установления объективной истины по делу интегральная идея, образ, несущий функции модели исследуемых обстоятельств, созданный воображением (фантазией), содержащий предположительную оценку наличных данных, служащий объяснением этих данных и выражений в форме гипотезы.

Автор делит версии на общие, частные и по элементам состава преступления. Деление это уже фигурировало в криминалистике, но было впоследствии упрощено, поскольку версии по элементам состава преступления — те же частные версии.

По многоэпизодным делам автор допускает существование системы общих версий. Допускается и классификация версий в зависимости от направления предварительной оценки фактических данных на версии об относимости доказательств и устанавливаемых ими фактов, о достоверности существования определенных обстоятельств, о допустимости доказательств. Могут быть и другие классификации версий: розыскные; по времени, к которому версии относятся — ретросказательные и предсказательные (прогнозные) и др.

Основаниями построения версий, считает автор, могут быть доказательства и лишь в отдельных случаях оперативные данные, когда они не вызывают сомнения в своей точности и согласуются с имеющимися доказательствами. Все остальные виды сведений — слухи, анонимные сообщения и т. п. — в качестве оснований для построения версий им отвергаются, поскольку неизвестен их источник. В литературе высказывается и иная точка зрения, согласно которой основанием версии могут служить любые правдоподобные данные, ибо версия — всегда лить предположение, подлежащее проверке. Что касается роли интуиции в формировании версий, то автор считает возможным превращение интуитивной догадки (поскольку она может быть "выражена языком логики") в следственную версию.

Проверка версий заключается в целенаправленном собирании доказательств, причем рекомендацию проверять при множественности версий в первую очередь наиболее вероятную (как предлагала Л. М. Карнеева) автор считает принципиально неверной, поскольку предположение, расцениваемое как маловероятное, может оказаться соответствующим

действительности. Вопрос о том, проверять ли версии поочередно или параллельно, представляется автору некорректным, ибо следователь должен постоянно держать в поле зрения все версии, вытекающие из обстоятельств дела. Пределы проверки версии совпадают с пределами доказывания. "Доказывание по уголовному делу завершается, когда версии, вероятные представления на основе всесторонней проверки, осуществленной в процессуальных формах, сменяются истинным, достоверным знанием исследуемого события во всех его существенных деталях и обстоятельствах".

"Предмет, система и теоретические основы криминалистики", совместная монография А. Н. Васильева и Н. П. Яблокова (М.,1984). В первой части работы, написанной Васильевым, рассматриваются природа и теоретические основы криминалистики, в том числе ее связи с науками уголовного права и процесса, проблемы общей теории криминалистики, формирование криминалистических методов, предмет, вопросы системы криминалистики. Автор резко отрицательно относится к предложению А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской о формировании судебной экспертологии, считая, что она как самостоятельная наука не имеет права на существование, поскольку экспертиз множество. Оспаривая определение предмета криминалистики, предложенное мною, Васильев считает, что различие между криминалистикой и уголовным процессом следует искать в различии их методов, а не в различии изучаемых закономерностей. Васильев также возражает против выделения учения о криминалистической экспертизе в самостоятельную часть науки, считая, что никакая экспертиза не может быть самостоятельной наукой, это лишь применение науки к разрешению возникающих специальных вопросов. Он критически оценивает предложение о создании общей теории раскрытия (расследования) и предупреждения преступлений, считая, что такая теория из элементов только криминалистики создана быть не может, а включение в эту теорию основ предупреждения преступлений не имеет смысла, поскольку теория предупреждения преступлений уже имеется в криминологии. Предмет криминалистики представляет собой, по мнению автора, "различные формы участия ее методов в регламентированной процессуальным законом деятельности по расследованию преступлений".

Во второй части монографии, написанной Н. П. Яблоковым, исследуются предмет и научные основы методики расследования отдельных видов преступлений, криминалистические характеристики, следственные ситуации.

В отличие от Васильева, отрицающего необходимость при определении предмета криминалистики указания на исследуемые ею закономерности, Яблоков считает такое указание обязательным и называет некоторые из этих закономерностей. Автор высказывается за отнесение к предмету криминалистики методики разработки приемов и способов решения задач профилактического характера, методического аспекта планирования расследования и НОТ следователя, теоретических основ криминалистических операций, методических основ взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами и некоторые вопросы криминалистического прогнозирования. Кроме того, он усматривает в предмете методики еще две группы элементов: познавательные (среди которых вопреки мнению Васильева фигурируют некоторые объективные закономерности) и конструктивные (в том числе различные приёмы и способы определения направлений расследования и т.п.).

Н. П. Яблоков предлагает общую схему научных основ методики: положения, раскрывающие суть, понятие, роль, значение и структуру методики, ее место в системе криминалистики, методологические и информационные начала. Рассматриваются возможности использования в методике расследования математических и кибернетических методов, информационно-поисковых систем, метода корреляции, теории операций, моделирования, алгоритмизации деятельности следователя и др.

Автор определяет криминалистическую характеристику как динамическую систему (совокупность) соответствующих взаимосвязанных общих и индивидуальных признаков преступления, ярче всего проявляющихся в способе и механизме преступления, обстановке его совершения и в отдельных чертах личности его субъекта, данные которой имеют важное значение для разработки методов расследования. Останавливается также автор и на проблематике следственной ситуации.

"Связь "жертва — преступник" и ее использование в раскрытии и расследовании

умышленных тяжких телесных повреждений", учебное пособие (фактически монография) В. В. Вандышева (Л., 1987). Представляет собой исследование криминалистических аспектов центральной проблемы виктимологии. Автором рассматриваются такие вопросы, как место информации о личности преступника и жертвы в криминалистической характеристике преступления, связь жертвы и преступника при оказании противодействия расследованию и использование сведений об этой связи при раскрытии и расследовании преступления. В работе прослеживаются зависимости между элементами характеристики преступника и аналогичные зависимости между элементами характеристики жертвы, описываются типичные ситуации, при которых проявляется или возникает связь между преступником и жертвой.

Серьезную опасность представляет побуждение преступником жертвы к оказанию противодействия расследованию. Эта проблема также обстоятельно рассматривается в работе. Формами такого воздействия являются уговоры, подкуп и физическое насилие. Наиболее распространенными способами противодействия расследованию со стороны жертвы служат несообщение о совершенном посягательстве, уклонение от явки в орган расследования, отказ от дачи показаний, дача ложных показаний.

Одним из способов противодействия расследованию со стороны преступника служит использование информации о жертве преступления. Активно используется информация, порочащая жертву: о ее пьянстве, антиобщественном образе жизни, агрессивности и т.п. – в целях оправдания или мотивировки своих действий.

В. И. Гончаренко Л.Я Драпкин В. В. Вандышев

Информация о связи преступника с жертвой используется при построении версий. При отсутствии на начальном этапе расследования сведений о лице, совершившем преступление, одним из важных направлений действий следователя следует считать изучение личности жертвы, с тем чтобы уже от нее выйти на преступника. Информация о жертве должна учитываться и при определении тактики производства следственных действий с ее участием. Особенно важным представляется всестороннее выяснение роли жертвы в механизме преступления: провоцирующий на преступление образ действий жертвы, манера поведения и т. п.

"**Советская криминалистика: система понятий",** монография Н. А. Селиванова (М., 1982). В книге в дискуссионной форме анализируется ряд основных понятий криминалистики и предлагаются авторские определения многих из них. К числу таких понятий относятся предмет криминалистики, ее система, метод. Криминалистику автор определяет как науку о закономерностях возникновения судебных доказательств, а также общекриминалистических методах, технике, тактике и методике их собирания, исследования и использования в целях расследования и предупреждения преступлений. Закономерные связи, управляющие процессом возникновения доказательств, автор классифицирует по признаку соотношения со временем совершения преступления (до совершения преступления, одновременно с ним, по его окончании); по характеру того, что охватывается закономерной связью, различает связи между способом совершения преступления и обусловившими его факторами, между способом и его следами, между предметом и оставленными им следами, между преступлением и его последствиями; с точки зрения особенностей восприятия возникших

доказательств — воспринимаемые непосредственно и опосредованно.

В системе криминалистики автор выделяет раздел "Введение в науку" (науковедческие вопросы: предмет, система, история науки, ее метод) и раздел ее общей теории (система общекриминалистических методов, версия, применение кибернетических и математических методов, криминалистическая характеристика преступлений, организация расследования, взаимодействие с оперативно-розыскными аппаратами, изучение личности обвиняемых и потерпевших, привлечение общественности к расследованию преступлений).

Криминалистическая идентификация рассматривается автором одновременно как цель познания, как процесс познания и как метод познания. Виды криминалистической идентификации различаются в зависимости от основания их деления: по типу идентифицируемых объектов (идентификация живых существ, предметов, явлений, понятий), по природе устанавливаемого тождества (индивидуальная и групповая идентификация), по характеру действий, в рамках которых она осуществляется (процессуальная и непроцессуальная). Характеризуются объекты идентификации и идентификационные признаки, понятие и виды идентификационных связей, принципы идентификации как метода исследования и стадии идентификации (осмотр, раздельное исследование объектов идентификации, экспериментальные действия, сопоставление идентифицирующих объектов, оценка признаков и формулирование выводов).

Автор дает определение криминалистической фиксации доказательств (отражение, в том числе запечатление доказательственной информации, повышение прочности вещественных доказательств, перенесение вещества следа на материальный носитель). Исследуются также научные вопросы криминалистической техники, судебной фотографии, трасологии и судебной баллистики.

В главе, посвященной основным понятиям следственной тактики, автор дает определение понятия тактического приема как линии поведения следователя, его действий (кроме технических), последовательности и условий их выполнения, наиболее целесообразных в определенной ситуации, обеспечивающих максимальную результативность расследования и выяснения истины по делу. По степени общности автор различает тактические приемы общего характера, применимые по всем делам и по всем видам следственных действий; приемы, осуществляемые по нескольким видам следственных действий; приемы проведения следственного действия одного определенного вида; по степени сложности — сложные и простые (элементарные).

В работе дается определение следственного действия, предлагаются и определения конкретных следственных действий (осмотра, эксперимента, обыска, допроса и др.). Автор предлагает определение следственной версии как обоснованного фактическими данными предположения следователя о факте, группе фактов, направленное на выяснение истины по делу, причем обоснованием версии могут быть не только доказательственные факты, но и оперативные данные.

"Судебная экспертиза: организация и проведение" (М., 1979), монография А. Р. Шляхова, фактически являющаяся методическим руководством для судей, работников правоохранительных органов, адвокатов и экспертов. Автор определяет судебную экспертизу как процессуальное действие, состоящее в исследовании обстоятельств дела, проводимом по поручению следователя и суда в предусмотренном законом порядке сведущими в науке, технике, искусстве или ремесле лицами для установления фактических данных, служащих в форме заключения эксперта средством судебного доказывания, а в конечном счете — установлению объективной истины по уголовным и гражданским делам. Каждый род (вид) экспертизы имеет свой предмет — своеобразные фактические данные, устанавливаемые путем исследования. Природу рода (вида) судебной экспертизы определяет комплекс признаков: предмет, объекты и методики исследования. С точки зрения субординации в системе судебной экспертизы следует различать классы, роды, виды и разновидности или группы судебных экспертиз. Автор выделяет девять классов судебных экспертиз: судебно-медицинские и психофизиологические; криминалистические; инженерно-транспортные; судебно-бухгалтерские и финансово-экономические; инженерно-технологические; судебно-технические; сельскохозяйственные; экологические; судебно-биологические.

В книге дается характеристика отдельных родов и видов экспертиз.

В отдельных главах рассматриваются система и функции экспертных учреждений, организационные начала их деятельности, а также некоторые спорные вопросы производства экспертиз, в частности вопрос о том, как должен поступить руководитель экспертного учреждения, если он не согласен с заключением эксперта и считает его ошибочным. Автор рекомендует в подобных случаях поставить заключение на обсуждение коллектива, а если эксперт не примет во внимание высказанные рекомендации или мнение руководителя, поручить производство экспертизы нескольким специалистам либо направить его следователю вместе с аргументированными замечаниями и выводами руководителя.

Автор анализирует процедуры назначения и производства экспертиз и права эксперта, особенности назначения и производства повторных, дополнительных, сложных и многообъектных экспертиз. Главная цель комплексной экспертизы, по мнению автора, — решение вопросов, относящихся к пограничным знаниям экспертов, причем провести её может и одно лицо, если оно владеет методикой комплексного решения вопросов. В книге дается характеристика процесса экспертного исследования, предлагается система методов экспертизы: общие (общепознавательные) методы, частные инструментальные методы и специальные методы, функции которых выполняют специализированные методики экспертного исследования.

"Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)" (Волгоград, 1979), монография А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской, выходу которой предшествовала публикация нескольких статей, в которых декларировалось формирование новой области научного знания — судебной экспертологии. Эта работа — первое систематическое изложение содержания и структуры предложенной науки.

В книге анализируются высказывавшиеся ранее предложения о разработке теории судебной экспертизы, которые не были реализованы. Условиями возникновения судебной экспертологии авторы считают накопление теоретических знаний о судебной экспертизе, развивающуюся деятельность судебно-экспертных учреждений, влияние научно-технического прогресса. Сущность же судебной экспертологии они видят в том, что она является формой достоверного знания о закономерностях и методологии формирования и развития научных основ судебных экспертиз. В книге дается характеристика этой новой для юридической науки отрасли. Доказывается, что экспертология носит синтетический характер, объединяя, помимо некоторых общих положений, ряд учений, представляющих собой научные основы отдельных видов судебных экспертиз. К числу таких учений авторы отнесли: морфологическое учение о симптомах, свойствах и признаках исследуемых объектов; учения о судебной субстанциологии; о методах наук в судебных экспертизах; о логике в судебной экспертизе; о структуре связей и отношений в судебной экспертологии; об экспертных задачах; об экспертных информационных фондах; о комплексных экспертных исследованиях; об экспертной этике, теорию экспертной профилактики.

Авторы считают, что в специальное учение должны быть выделены и организационные формы судебной экспертизы, научная организация труда в экспертной деятельности, координация судебных экспертных учреждений, должны получить свое развитие учения об объектах судебных экспертиз, судебной идентификации, методах экспертного исследования, о диагностике и ситуациях в экспертизе и др.

Рассматривая методологические проблемы судебной экспертологии, авторы указывают, что теоретическое объединение всех концепций предметных экспертных наук должно осуществляться на основе самой экспертологии на базе сравнительного экспертоведения, которое понимается как часть судебной экспертологии, основывающаяся на методе сравнения уровня общеметодологической концепции и занимающаяся сравнительным изучением различных отраслей знаний в области судебных экспертиз для выявления присущих им общих законов, принципов, структурных связей и отношений, общности их происхождения в аспекте гомологии (сходства). В книге дается общая характеристика методов экспертного исследования, их система. Они формулируют критерии оценки эффективности экспертных методов, считая, что наиболее важным из них является достоверность получаемых с помощью данного метода результатов.

В книге рассматриваются также некоторые вопросы теории систем применительно к судебной экспертологии и сама система этой науки. Основная идея авторов заключается в

том, что формирование научных основ предметных судебных экспертиз может идти двумя путями: либо они формируются непосредственно на фундаменте материнских (базовых) наук, как это произошло, например, с судебно-медицинской экспертизой и ей подобными, либо на базе материнской науки формируется судебная предметная наука, а уже на ее базе формируются научные основы предметной экспертизы. Второй путь характерен для криминалистических экспертиз: на базе криминалистики формируются такие судебные предметные науки, как судебное почерковедение, судебная трасология, судебная баллистика и др., а на их фундаменте — научные основы различных судебных экспертиз.

В книге дается схема системы судебной экспертологии, в которой обозначены четыре уровня знаний: фундаментальные базовые (материнские) науки; предметные судебные науки; отрасли предметных судебных наук; практическая деятельность — судебные экспертизы. Объединение в одной системе научных знаний и практической деятельности, естественно, вызвало в литературе сомнения в правомерности подобной конструкции.

Книга содержит анализ сущности предметных судебных наук и уровней экспертного исследования. Авторы уделяют внимание проблеме разграничения судебных экспертиз.

Уровни экспертного исследования рассматриваются на примере криминалистической экспертизы. Они называют четыре класса решаемых этой экспертизой задач: идентификационные, классификационные, диагностические и ситуационные.

"Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц", монография Н. П. Хайдукова (Саратов, 1984). Посвящена проблеме средств, методов и пределов допустимого воздействия следователя на участвующих в деле лиц: подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших. Такая тема обусловила междисциплинарный характер исследования с использованием науки уголовного процесса, криминалистики, общей и судебной психологии, теории информации и т. п.

Воздействие одного человека на другого может быть физическим и моральным. В монографии в основном рассматривается психологическое воздействие, которое может оказываться одним человеком на другого: а) в форме насилия, если оно противоречит воле и желанию данного лица и направлено на ограничение его прав, свободы выбора поведения, самостоятельности в принятии решения в той или иной жизненной ситуации; б) в форме согласия, если оно не противоречит интересам государства и общества, воле и потребностям человека, на которого оно оказывается, даже если ограничиваются права и свободы выбора поведения данного лица; в) в допустимо правомерной форме, когда оно не согласуется с волей и потребностями объекта воздействия, но не ограничивает его прав, свободы выбора поведения и не противоречит законности и нравственным принципам общества. Именно последняя форма чаще всего и находит применение в следственно-судебной деятельности. Следует иметь в виду, что процесс воздействия следователя в известной степени ограничен законом: недопустимы какое бы то ни было насилие, угрозы, невыполнимые обещания и другие незаконные меры. Информация, используемая для оказания воздействия, должна передаваться приемами и средствами, не противоречащими требованиям закона и моральным принципам. Она не должна носить наводящего характера, подсказывать, наталкивать на определенные ответы или реакции, ограничивать лицо, на которое оказывается воздействие, в свободе линии поведения или принятия решения.

Принципами допустимости воздействия следователя на участвующих в деле лиц являются строгое соблюдение законности, нравственная допустимость воздействия и индивидуальный подход при осуществлении воздействия.

Признавая существование профессиональной этики следователя, автор считает, что она выступает как внутренняя потребность профессионально необходимого поведения следователя в соответствии с выработанной моделью нравственных отношений. Нормы профессиональной морали образуют в сознании следователя ценностную ориентацию, что и служит основой оценки целесообразности выбора способа действия и критерием допустимости приемов и средств воздействия, причем если при таком выборе возникает противоречие между отдельными ценностями и сохранить их обе при достижении процессуально и тактически значимой цели невозможно, то целесообразным и морально оправданным будет нравственный компромисс, т. е. такое тактическое решение, которое направлено на сохранение наиболее значимой в данной ситуации ценности.

Индивидуальный подход при осуществлении воздействия предполагает учет индивидуальных особенностей личности человека, на которого оказывается воздействие, своеобразия условий формирования этих особенностей. Тактические приемы воздействия основаны на маневрировании информацией, направленной на выявление осведомленности о преступном событии и причастных к нему лицах у участника предварительного следствия. Это может быть достигнуто путем создания у него преувеличенного или преуменьшенного представления об осведомленности следователя и путем маскировки истинных целей следователя. Ни то, ни другое не должно быть обманом, эти цели достигаются с помощью тактических приемов, иногда именуемых "следственными хитростями" или "психологическими ловушками". Если они носят избирательный характер и не лишают участника следственного действия свободы выбора линии поведения, то их применение правомерно и нравственно оправданно. Кроме особенностей личности субъекта, на которого оказывается воздействие, при выборе приемов и средств воздействия следователь должен учитывать и особенности сложившейся процессуально-тактической ситуации, ее конфликтный или бесконфликтный характер.

Выбор следователем приемов и средств воздействия основывается на рефлексивных рассуждениях и рефлексивном управлении, с соблюдением необходимого такта по отношению к участнику следственного действия. Следственный такт — это соответствующая целям и задачам правосудия социально-психологическая сторона поведения следователя в общении с участниками судопроизводства с учетом их возрастных и индивидуальных особенностей, уважением их достоинства и пониманием их психического состояния, с постоянным соблюдением чувства меры и профессионального этикета.

"Тактические операции при расследовании преступлений", монография А. В. Дулова (Минск, 1979), подводящая определенный итог исследованиям этой важной проблемы, впервые привлекшей внимание к ней самим автором книги.

Автор аргументированно обосновал необходимость разработки тактических операций насущными потребностями криминалистической теории и практики, поскольку стало очевидным, что нельзя ограничиваться разработкой рекомендаций по проведению отдельных следственных действий, а необходимо применять их комплексы, которые во многом типичны и повторяются в своих основных параметрах. Разработка теории тактических операций облегчает решение таких проблем криминалистики, как алгоритмизация процесса расследования, учет и использование при расследовании складывающейся следственной ситуации, использование положений научной организации труда следователя, принятие действенных мер к преодолению противодействия расследованию. Тактическая операция представляется такой организационной формой, в рамках которой может быть правильно и полно реализован процесс взаимодействия с другими органами и учреждениями при расследовании преступления. Через тактические операции реализуются не только криминалистические методы расследования, но и методы других наук, в частности методы, разрабатываемые судебной психологией.

Автор считает тактической операцией совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий. Он не отрицает термина "тактическая комбинация", хотя, по его мнению, тактическая операция — понятие более широкое. Тактическая комбинация — это лишь разновидность тактической операции, где используется совокупность следственных действий (иногда с привлечением оперативных действий), направленных на реализацию отдельного тактического приема. Такая трактовка, с моей точки зрения, едва ли оправданна, поскольку сомнительна целесообразность приема, осуществление которого требует проведения целого комплекса следственных действий.

Определяя место тактических операций в системе криминалистики, А. В. Дулов предлагает включить их не в содержание криминалистической тактики, а в самостоятельный раздел науки, который следует образовать и назвать "организационные основы расследования". Это обусловлено тем, что тактические операции есть форма организации расследования, а их разработка — один из видов организационной деятельности по

расследованию преступлений. В то же время значительная часть вопросов разработки и применения тактических операций должна найти свое место в пределах конкретных методик расследования. Это выявление тактических операций, которые должны обязательно проводиться по данной категории уголовных дел; определение последовательности таких операций; выявление факторов, требующих специфической подготовки или проведения того или иного вида тактических операций по данной группе уголовных дел; выявление особенностей организации и проведения тактических операций в зависимости от различных типичных следственных ситуаций и др.

Автор подробно анализирует логические, психологические и организационные основы тактических операций, которые должны помочь найти оптимальное построение такой тактической операции, которая полностью ликвидирует противодействие преступника следствию.

Автор считает принципами проведения тактических операций:

1) индивидуальность разработки и проведения тактической операции;

2) обязательность проведения криминалистического анализа расследуемого преступления при организации тактической операции;

3) обязательное использование требований и рекомендаций научной организации деятельности;

4) принцип динамичности (оперативного изменения содержания и путей реализации тактической операции);

5) принцип сочетания коллегиальности и единоначалия при проведении тактической операции;

6) обязательность соблюдения этических норм;

7) обязательность завершения операции процессуальной фиксацией с целью получения доказательственных фактов.

Этапами тактической операции являются: принятие решения о ее проведении; моделирование тактической операции; подготовка операции; процессуальное оформление операции.

* * *

Я не смог подробно рассказать о других столь же значительных работах, созданных в 70—80-х годах. Это объясняется тем, что о некоторых из них я уже рассказал в предыдущих главах, о некоторых я еще расскажу далее, но в любом случае мне не удастся дать их исчерпывающий перечень и хотя бы вкратце изложить содержание: книга превратилась бы тогда из очерка истории в своеобразный дайджест криминалистической литературы.

Изобилие незаурядных работ в этот период объясняется тем, что это были годы значительного подъема криминалистики, если не сказать — ее расцвета. Несмотря на значительные трудности с публикациями научных работ, криминалисты ухитрялись издавать многочисленные монографические сочинения, которые, правда, иногда приходилось маскировать грифом "учебное" или "методическое" пособие, потому что без такого грифа вузы не имели права издавать литературу, а единственное специализированное издательство "Юридическая литература" физически не могло удовлетворить все заявки многочисленных авторов.

Но трудности преодолевались, защищались докторские и кандидатские диссертации, выходили интересные книги, и казалось, что ничто не может остановить поступательного развития нашей науки.

Казалось…

Примечания

[1] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 2. Гл. 1. М., 1978.

[2] Самойлов Г.А. Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968. С. 3.

[3] Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1970. С. 6.

[4] Там же. С. 8.

[5] Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1970. С. 10

[6] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. 1979, С. 231-232.

[7] Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Киев, 1970. С. 7—8.

[8] Матричев В. С. Научные основы и общие положения криминалистических идентификационных исследований физическими и химическими методами. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1971. С. 7.

[9] Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. М., 1972. № 23.

[10] Снетков В.А. Проблемы использования диагностики в криминалистике // Сб. Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в аспекте ликвидации преступности в СССР. Алма-Ата, 1974.

[11] Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики. С. 103-106.

[12] Винберг А.И. Идентификационная, диагностическая и ситуационная криминалистические экспертизы // Сов. государство и право. 1978. № 5. С. 71.

[13] Корухов Ю.Г. Указ.соч. С. 52-53.

[14] Корухов Ю.Г. Методологические основы криминалистической экспертной диагностики // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М., 1987.

[15] Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998.

[16] См.: Дубровин С.В. Криминалистическая диагностика. М., 1989; Майлис Н.П. Диагностика: система понятий // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Вып. 3. М., 1985 и др. работы.

[17] Селиванов Н.А. Нужна ли криминалистике такая «диагностика»? // Соц. Законность. 1988. №6. С. 58-60.

[18] См.: Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973; Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973; Кривошеев А.С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971 и др. работы.

[19] Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. // Сов. государство и право. №12.

[20] Зуйков Г.Г. Предупреждение криминалистики средствами криминалистики // Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. М., 1967. С. 107, 109.

[21] Фридман И.Я. Вопросы профилактики преступлений в системе криминалистики // Криминалистика и суд. Экспертиза. Вып. 8. Киев, 1971. С. 102.

[22] Колмаков В.П. Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973. С. 13-14.

[23] Васильев А.Н. Проблемы советской криминалистики // Соц. Законность, 1973. № 3. С. 30.

[24] Алиев И.А. Проблемы судебно-экспертной профилактики. Автореф. дисс..докт. юрид. наук. Киев, 1989.

[25] Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991. С. 33.

[26] Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы криминалистической тактики // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Материалы научной конференции 1970 г. Свердловск, 1972. С. 28.

[27] Герасимов И.Ф. Проблемы общей теории раскрытия преступлений // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1979. С. 51.

[28] Драпкин Л.Я. Проблемы общей теории раскрытия преступлений и криминалистическая тактика // Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981. С. 31-39.

[29] Герасимов И.Ф. О перспективах развития и структуре криминалистики // Перспективы развития криминалистики. Свердловск, 1991. С. 12.

[30] Танасевич В. Г., Образцов В.А. Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978.

[31] Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988.

[32] См.: Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М., 1989; Кирсанов З.И. Выделение и оценка количественных признаков в экспертизе фотопортретов // Правовая кибернетика. М., 1970. Ланцман Р.М. Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания. Автореф. дисс..докт. юрид. наук. М., 1970 и др. работы.

[33] Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления. М., 1979. С. 11-12.

[34] Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Автореф. дисс... докт. юрид. наук.

Киев, 1970. С. 7—8.

[35] Орлова В.Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации в советской криминалистике. Автореф. дисс..докт. юрид.наук. М.,1973. С. 17

[36] Комаринец Б. М. Судебно-баллистическая экспертиза огнестрельного оружия. Автореф. дисс..докт. юрид.наук. М.,1975. С. 7.

[37] Комаринец Б. М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной экспертизы. Вып. 1(11). ЦНИИСЭ. М., 1964.

[38] Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений // Автореф. дисс..докт. юрид.наук. Харьков, 1967. С. 10,14.

[39] Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ // Автореф. дисс.. канд. юрид.наук. М., 1966. С. 4-5.

[40] Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика и суд. Экспертиза. Вып. 10. Киев, 1973. С. 28.

[41] Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975. С. 9-10.

[42] Танасевич В. Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступления // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М., 1976.

[43] Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Соц. Законность. 1987. № 9.

[44] Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений. С. 16.

[45] Сб. 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972.

[46] Белкин Р.С. Проблемы определения последовательности следственных действий // Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Алма-Ата, 1974. С. 16.

[47] Драпкин Л.Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. Л., 1976. С. 54-55.

[48] Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т.3. М., 1979. С. 127-132.

[49] См.: Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. Минск, 1973. С. 52; Цветков С.И. Состояние и перспективы использования данных науки управления в криминалистике. // Автореф. дисс.. канд. юрид.наук. М., 1977. С. 116.; Шостак Г.С. Тактическое решение и его значение в работе следователя // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1978. С. 43-44; Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т.3. Гл. 5. М., 1979.

[50] Дулов А.В., Новик Ю.И. Понятие и структура тактического решения, принимаемого следователем при производстве следственного действия // Теоретические проблемы криминалистической тактики. Свердловск, 1981. С. 47.

[51] Курс советской криминалистики. Т.3. С. 91. Это же определение я повторил в 1997 г. (Курс криминалистики. Т3. С. 163.)

[52] Криминалистика. М., 1974. С. 366.

Глава 9. Научные и экспертные центры накануне «парада суверенитетов»
9.1. Дела и дни «научной полиции»

В 1966 г. было восстановлено общесоюзное Министерство охраны общественного порядка и централизована оперативно-техническая служба органов внутренних дел, в составе которой находились экспертные подразделения. Руководство оперативно-технической службой осуществляло Оперативно-техническое управление МООП СССР, структурное подразделение которого — криминалистический отдел — осуществляло организационное и методическое руководство местными криминалистическими подразделениями и заботилось об их материальном обеспечении. Научным обеспечением службы занимался НИИМ, переименованный в феврале 1969 г. во Всесоюзный НИИ МВД СССР.

Функции ВНИИ были значительно расширены. Наряду с теми задачами, которые выполнялись НИИК, а позже НИИМ, институт стал заниматься изучением "организации и методов работы органов внутренних дел, проблем исправительно-трудового права, форм взаимодействия органов внутренних дел с общественностью в борьбе с правонарушениями, совершенствования деятельности наружной службы и т. д. Это потребовало внесения соответствующих штатных изменений в структуру института. В его составе появилось несколько новых отделов"[1] все эти преобразования не могли не повлиять на роль института как центра экспертно-криминалистической службы МВД. Это направление работы, бывшее недавно главным и определяющим в деятельности института, постепенно оттеснялось на второй план, объем криминалистических исследований сотрудников института уменьшался, внимание к ним руководства института слабело. Резко ухудшилось и криминалистическое обеспечение служб центрального аппарата министерства. Последнее обстоятельство побудило руководство министерства создать при Оперативно-техническом управлении МВД СССР в 1969 г. Центральную криминалистическую лабораторию. Своим созданием лаборатория была в значительной степени обязана настойчивости начальника криминалистического отдела ОТУ П. Т. Скорченко, чья энергия и убежденность в правоте своих действий сыграли не последнюю роль в выделении впоследствии криминалистических подразделений ОВД в самостоятельную централизованную службу министерства во главе с Экспертно-криминалистическим управлением МВД СССР.

Петр Тихонович Скорченко родился в 1929 г. в с. Сибелевка Ростовской области. После окончания в 1947 г. Саратовской специальной средней школы милиции был направлен на работу в Московский уголовный розыск. В 1953 г. поступил на учебу в Высшую школу МВД, окончив которую вновь работал в уголовном розыске, а в 1957—1959 гг. учился в адъюнктуре школы по кафедре криминалистики. Успешно защитил кандидатскую диссертацию и был оставлен на кафедре на должности доцента. Это звание ему было присвоено в 1965 г.

В 1965 г. Петр Тихонович переходит на работу в ОТУ министерства — заместителем начальника управления и начальником криминалистического отдела. С этого момента и начинается его буквально каждодневная борьба за самостоятельное существование экспертно-криминалистической службы. Только в 1981 г. его усилия увенчались наконец успехом: криминалистический отдел выделяется из структуры ОТУ, и на его базе создается Экспертно-криминалистическое управление МВД СССР; аналогичные структурные изменения осуществляются и на местах. Петр Тихонович становится начальником ЭКУ, ему присваивается генеральское звание: криминалистическая служба становится действительно самостоятельной службой — теперь-то уже и со своим генералом!

Вклад П. Т. Скорченко в становление и развитие экспертно-криминалистической службы весьма значителен, он еще даже не оценен в полной мере. Пусть эти мои слова в какой-то мере означают признание этого вклада и выражают наше понимание заслуг этого человека.

По положению о ЦКЛ в ее составе функционировали четыре сектора: исследования документов, следоведения и баллистики, оперативной фотографии и химико-физических исследований. Начальником ЦКЛ был назначен опытный эксперт-криминалист Павел Георгиевич Кулагин. После окончания в 1941 г. экспертного отделения Высшей центральной

школы МВД он работал старшим экспертом НТО УМ Московской области, НТО УМ Литвы, а с 1951 г. — старшим научным сотрудником НИИК ГУМ. Под моим научным руководством подготовил и защитил без отрыва от работы в 1967 г. кандидатскую диссертацию в области криминалистического исследования документов. В последние годы своей трудовой деятельности, уволившись по возрасту из органов внутренних дел, работал ученым секретарем ВНИИ судебных экспертиз МЮ.

ЦКЛ быстро завоевала авторитет у практических работников следствия и оперативных аппаратов своими высококвалифицированными экспертными заключениями, действенной помощью в повседневной работе по выявлению, раскрытию и расследованию особо сложных дел, находящихся в производстве работников центрального аппарата министерства. П. Г. Кулагина на посту начальника лаборатории сменил столь же опытный эксперт-криминалист Г. Г. Царев, а лаборатория в 1977 г. была преобразована в Центральную научно-исследовательскую криминалистическую лабораторию МВД СССР, ее штат был увеличен с 49 до 65 человек. Фактически был создан новый НИИ криминалистики.

Существенно изменилась и структура лаборатории. На базе секторов ЦКЛ были созданы три экспертных отдела и редакцион-но-издательский отдел. В отделе криминалистических исследований было образовано три отделения — исследования документов, трасологических исследований и оперативно-судебной фотографии, в отделе специальных исследований — пять отделений и групп: химико-физических исследований; ботанических исследований; пищевых исследований; автотехнических исследований; пожарно-технических исследований и др. Был создан и принципиально новый отдел — реконструкции лица по черепу. Редакционно-изда-тельский отдел предпринял выпуск бюллетеня "Экспертная практика"[2].

В 1978 г. Г. Г. Царева сменил на должности начальника ЦНИКЛ А. Ф. Волынский. С этого времени начался поистине "золотой век" лаборатории — так умело, перспективно и со знанием дела руководил ее деятельностью молодой способный начальник.

Александр Фомич Волынский, о котором идет речь, родился в 1939 г. в с. Черниговка Шанского района Красноярского края. Окончил Омскую среднюю специальную школу милиции, работал оперуполномоченным уголовного розыска, а окончив отделение подготовки экспертов-криминалистов Высшей школы, — старшим экспертом НТО Красноярского края.

В 1969 г. начинается новый этап в жизни Александра Фомича: он переходит на научную работу в лабораторию при кафедре ОРД Высшей школы МВД СССР. Здесь в 1971 г. он защищает кандидатскую диссертацию по экспертной тематике. В 1974 г. новый поворот судьбы: назначение на ответственную работу в штабе министерства. И вот через четыре года — начальник ЦНИКЛ.

В административном отношении ЦНИКЛ до 1981 г. подчинялась ОТУ министерства. В 1979 г. решался вопрос о расширении прав начальника ЦНИКЛ, в частности предоставления ему права комплектования лаборатории. С этим правом связан один из эпизодов жизни моей семьи.

Моя дочь, Е. Р. Российская, окончив в 1972 г. Московский институт тонкой химической технологии им. М. В.Ломоносова, в течение семи лет работала в качестве инженера-химика во ВНИИ источников тока. Рутинная чисто техническая работа не приносила ей никакого удовлетворения, хотелось попробовать свои силы на таком поприще, где бы можно было проявить и творческую инициативу, и полученные в институте фундаментальные знания современных методов исследования. Толчком послужил и пример отца, и родилась идея попробовать свои силы в качестве эксперта-химика. А тут еще и благоприятный случай подвернулся.

В 1978 г. мне было присвоено специальное звание генерал-майора милиции. По традиции я должен был представиться в новой форме министру. Поскольку я единственный из всех удостоенных в этот год генеральских званий ничего не знал о готовящемся постановлении правительства, то в отличие от остальных заблаговременно не пошил новую форму одежды. Вся группа представлялась министру буквально на следующий день после постановления правительства, а я через несколько дней, когда была готова моя форма.

Министр Николай Анисимович Щелоков, который, как я от него узнал, лично включил меня в список представляемых к генеральскому званию, встретил меня весьма благожелательно, он вообще был очень добрым и доброжелательным человеком, чрезвычайно много сделавшим для милиции и в моральном, и в материальном отношении. Да к тому же в этот день он был в очень хорошем настроении: у него родился внук, и наш разговор сразу же пошел о детях и внуках. Стал расспрашивать меня о моей семье, узнал о желании моей дочери работать экспертом и тут же сказал мне, чтобы я передал его распоряжение о ее зачислении в ЦНИКЛ.

Во время нашей беседы Николай Анисимович рассказал мне об одном эпизоде, связанном с прохождением представления меня к генеральскому званию.

В то время процедура такого представления была весьма непростой. Имелась установленная правительством для МВД квота — 26 человек в год. Звания присваивались раз в год, накануне Дня милиции. Можно себе представить, какая "подковерная" борьба шла за то, чтобы попасть в список представляемых к генеральскому званию! Оказывается, я уже дважды бывал в этом списке, но на каком-то этапе меня вычеркивали, но в этот, третий раз, министр этого не допустил. Список проходил через коллегию и согласовывался лично министром с сектором МВД отдела административных органов ЦК КПСС, которым тогда заведовал некий Иванов. И вот между ним и министром при просмотре списка произошел, со слов Щелокова, такой разговор:

Иванов: Белкин? Знаю. Допустим, дадим звание, а он возьмет, да и уедет в Израиль?

Щелоков: А зачем ему туда ехать? Участник войны, патриот, всеми корнями здесь, ну чего ему там делать?

О чем еще они говорили, не знаю, но в списке я остался. А уже потом, в очередном разговоре со Щелоковым Иванов, видимо с чувством облегчения, заметил, что "народ хорошо принял присвоение звания Белкину, пожалуй, мы не ошиблись". И Щелоков сказал мне: "Видишь, как они следили, что из этого выйдет".

Так вот, получив такое указание министра о работе дочери, я в тот же день передал его начальнику ОТУ генералу Никитину. Лена быстро подготовила и отдала кадровику все необходимые документы, прошла медкомиссию, и мы стали ждать назначения. А приказа о назначении все не было... Мои напоминания неизменно встречали полное понимание и столь же неизменное обещание, что приказ скоро последует. Наконец, стало ясно, что это "скоро" может никогда не наступить, и я, собравшись с духом, пошел к первому заместителю министра по кадрам генералу Ю. М. Чурбанову с жалобой по поводу игнорирования распоряжения министра. Надо отдать ему должное: выслушав меня, он позвонил Никитину и в резкой форме потребовал немедленно отдать приказ о зачислении дочери в ЦНИКЛ.

Прошло еще дней 10—12, приказа все не было, и тогда я обратился в Александру Фомичу с просьбой о содействии. И он своим приказом зачислил Лену в штат ЦНИКЛ. Это был по тем временам очень смелый шаг: еще только решался вопрос о его праве самому решать вопросы найма и увольнения сотрудников лаборатории, он явно превысил свои полномочия и в чисто карьерном плане весьма рисковал. Всё обошлось, всё-таки было и указание министра, и распоряжение Чурбанова, но ведь непосредственному-то своему начальнику Александр Фомич явно наступил на мозоль. И вот за этот смелый шаг, сыгравший действительно судьбоносную роль в жизни моей дочери, я глубоко благодарен Волынскому и буду считать себя всегда его должником.

Но продолжу рассказ о нем.

Он был начальником ЦНИКЛ до 1983 г., когда лабораторию объединили с ВНИИ МВД, о чем речь далее. В 1983 г. по причинам личной, так сказать, несовместимости с бывшим в то время начальником ВНИИ Ю. В. Солопановым Александр Фомич вынужден был перейти на работу сначала заместителем начальника ЭКУ МВД, а потом в НИИ спецтехники министерства. В 1989 г. он возглавил кафедру криминалистики Высшей юридической заочной школы МВД СССР, где и работает в настоящее время, добавив к своему научному званию старшего научного сотрудника еще и звание профессора.

И снова - о ЦНИКЛ.

В начале 1982 г. куратор ЦНИКЛ заместитель министра внутренних дел генерал-полковник П. А. Олейник в докладной записке на имя министра Н. А. Щелокова писал: "В настоящее время специалисты ЦНИКЛ проводят более 20 видов криминалистических и других видов судебных экспертиз (в основном повторных, сложных, по заданиям ГСУ, ГУУР, ГУБХСС и др. служб Министерства); ведут всесоюзные криминалистические учеты поддельных денежных знаков, пуль, гильз, следов пальцев рук, изымаемых с мест происшествий; непосредственно участвуют совместно с сотрудниками линейных служб Министерства в раскрытии наиболее опасных преступлений. Одновременно ими осуществляется научно-исследовательская работа в целях совершенствования организации и методик использования криминалистической техники в борьбе с преступностью... Научно-

исследовательская работа в ЦНИКЛ направлена, прежде всего, на успешное решение возложенных на нее задач. В 1981 г. НИР велась по 18 темам (53 задания). При этом особое внимание уделялось проблемам комплексного использования следов и других вещественных доказательств, автоматизации всесоюзных криминалистических учетов. Необходимость последней вызывается значительно возросшим объемом сравнительных исследований объектов учета (в 1981 г. их было проведено более 60 тыс.)... Кроме того, в 1981 г. специалистами ЦНИКЛ опубликовано 28 методических материалов, подготовлено 4 проекта нормативных актов, получено 2 свидетельства на изобретения, проведена значительная организационно-методическая работа в целях повышения эффективности деятельности экспертно-криминалистических аппаратов МВД, УВД. "

Докладывая обо всем этом, П. А. Олейник высказал мнение, что пример эффективной работы ЦНИКЛ заслуживает поддержки. В ответ на это министр Н. А. Щелоков в резолюции на докладную написал: "1. Лаборатория криминалистики должна стать авторитетным институтом криминалистики. 2. Надо подобрать хорошее помещение. 3. Сделать институт как во всех странах". Но этой резолюции не суждено было реализоваться по неизвестным для меня причинам.

Рассказывая о работе ЦНИКЛ, А. И. Миронов пишет: "Уже в 1982 г. количество проводимых в лаборатории экспертиз и исследований удвоилось, достигнув почти 2 тысяч. Проведено более 30 тысяч проверок по централизованным картотекам, коллекциям следов рук, пуль, гильз, патронов, изъятых с мест происшествий, поддельных документов и денежных знаков. С помощью экспертных исследований раскрывались десятки тяжких межрегиональных преступлений... Сотрудники лаборатории наряду с производством сложных повторных и редких экспертиз активно вели научные разработки, результаты которых публиковались в регулярно издаваемом журнале "Экспертная практика". Их усилиями были разработаны и внедрены в практику автоматизированные системы некоторых видов криминалистического учета (В. Е. Локтев, В. П. Лютов), материалы исследований пищевых продуктов (Л. А. Круглий), горюче-смазочных материалов и лакокрасочных покрытий (Л. И. Кошелева), объектов почвенно-биологического происхождения (А. П. Петрюк), реконструкция внешнего облика человека по костным останкам (Б. А. Федосюткин), исследования волос животных (Ж. М. Никифорова) и др. Впервые в системе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел было организовано и методически обеспечивалось производство пожарно-технических, пиротехнических, автотехнических, почвенно-ботанических и минералогических экспертиз и исследований"[3]. Лаборатория набирала темпы во всех областях своей деятельности. И тут, как говорится, на полном ходу, эта деятельность была заторможена.

В 1983 г. было принято ошибочное решение об объединении ЦНИКЛ и ВНИИ МВД, причем ошибочность такого решения обнаружилась сразу же, но его последствия были устранены лишь в 1988 г., когда на базе криминалистической лаборатории института (НИЛ-6) было создано самостоятельное подразделение МВД СССР — Всесоюзный научно-криминалистический центр МВД (начальник — В. Ф. Статкус), преобразованный в 1992 г. в Экспертно-криминалистический центр МВД РФ, куда вошли управленческие отделы ликвидированного к этому времени Экспертно-криминалистического управления МВД СССР.

Начальник института в описываемый период, генерал Ю. В. Солопанов, с явным пренебрежением относился к деятельности криминалистической лаборатории института и ее сотрудников. Что же касается моей дочери, оказавшейся после слияния с институтом ЦНИКЛ в штате этой лаборатории, то она в полной мере испытала на себе те "теплые" чувства, которые совершенно неожиданно для меня, он, как оказалось, испытывал ко мне, хотя до этого момента я ни о чем подобном не подозревал.

А произошла с дочерью следующая история, для названия которой я в рамках нормативной лексики найти названия не смог.

Осенью 1984 г. дочь, будучи научным сотрудником НИЛ-6 института, завершила работу над кандидатской диссертацией "Комплексные криминалистические экспертизы с применением рентгеновских методов исследования вещественных доказательств". Диссертация была одобрена лабораторией и принята советом к защите. Оппоненты по диссертации и ведущая организация — Казахский НИИ судебных экспертиз дали положительные отзывы, и был назначен день защиты — 9 апреля 1985 г. Это должна была быть последняя защита, поскольку истекали полномочия совета и его состав должен был быть сформирован заново. Ничто не предвещало каких-либо осложнений, но случилось совершенно непредвиденное: начальник института отказался подписать письмо о размножении автореферата, заявив, что он хочет сам ознакомиться с диссертацией. Разумеется, знакомиться с работой он не стал, а тайно послал диссертацию на отзыв почему-то на биолого-почвенный факультет МГУ. Оттуда пришел положительный отзыв с тремя частными замечаниями, не относящимися к существу работы. После этого последовал прямой подлог: Солопанов приказал выбрать эти замечания и состряпать из них некое "Заключение специ-

алиста". На основе этого безымянного "Заключения" он потребовал, чтобы дочь забрала диссертацию из совета. Она отказалась и несколько раз пыталась попасть на прием к Солопанову, но тщетно, пока он прямо не передал через секретаря, что он ее не примет, а если она не заберет диссертацию, то соответствующая аппаратура будет передана из лаборатории на места, поскольку исследования дочери слишком "узки" для института, а сама она в этом случае может подыскивать себе работу. Пока продолжались эти "хождения по мукам" дочери, полномочия совета истекли и вопрос таким образом решился сам собой: диссертация вернулась к дочери.

Прошло два года. За это время дочь разработала ряд новых методик, на одну из них — исследование металлических проводников в зонах короткого замыкания и термического воздействия — получила вместе со своим соавтором авторское свидетельство; существенно обновила диссертацию и в 1987 г. представила ее на обсуждение двух лабораторий института. Работа была одобрена с высокой оценкой и рекомендована к защите. Начальник института, который был в это время в отпуске, вернувшись, был в ярости от этого решения и назначил служебное расследование подобного "самоуправства". Но тут уж у дочери переполнилась чаша терпения, и она подала рапорт в Управление учебных и научно-исследовательских учреждений МВД СССР и воззвала к справедливости. Рапорт, видимо, пришелся как нельзя кстати: управление давно уже присматривалось к деятельности этого самодура; последовал приказ о проверке работы института и его начальника, была сформирована авторитетная комиссия, которая в первые же дни изучения документации института обнаружила пресловутый отзыв биолого-почвенного факультета по диссертации дочери, не имеющий по своему содержанию ничего общего с состряпанным "Заключением специалиста". Солопанов был настолько уверен в безнаказанности своих действий, что даже не потрудился уничтожить этот отзыв, чтобы замести следы фальсификации, хотя и имел полную возможность это сделать.

Комиссия обнаружила ряд серьезных недостатков в работе начальника института, и он был снят с работы и уволен в отставку. Эпизод с фальсификацией отзыва по диссертации дочери нашел свое место в перечне его служебных злоупотреблений.

Пользуясь правом выбора места защиты, дочь представила диссертацию по совету нового начальника института В. Д. Резвых к защите не в совет института, а в совет юридического факультета Киевского университета, где в 1988 г. и защитила успешно диссертацию.

Начальником Всесоюзного научно-криминалистического центра был назначен заместитель начальника ВНИИ, он же начальник НИЛ-6 Владимир Францевич Статкус, один из лучших моих учеников, которым я по праву горжусь.

Владимир Францевич Статкус родился в 1929 г. в г. Камбарка в Удмуртии. После окончания Московского юридического института в 1951 г. в течение десяти лет был на следственной работе и в 1961 г. в должности следователя по особо важным делам Прокуратуры России перешел на научную работу во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. В 1963 г. в связи с созданием следственного аппарата в органах внутренних дел перешел на работу в это ведомство и до 1976 г. занимал различные должности в следственном управлении министерства, был заместителем начальника Главного следственного управления МВД СССР. С этой должности Статкуса перевели на работу в Академию МВД, и с 1976 г. он являлся заместителем начальника академии и начальником Научного центра исследования проблем управления академии. В 1983 г. в связи с упразднением центра перешел во ВНИИ, где, будучи заместителем начальника, возглавлял и НИЛ-6. С 1989 г. он — начальник Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД, а после ухода в отставку — главный научный сотрудник ЭКЦ.

А. Ф. Волынский П. Т. Скорченко В. Ф. Статкус П. Г. Кулагин

Значительный практический опыт в области расследования преступлений в сочетании с незаурядными исследовательскими способностями позволил Владимиру Францевичу создать ряд монографий и методических пособий по проблемам взаимодействия следователей и оперативных работников ОВД, организации и планированию работы следственного аппарата, прокурорскому надзору и ведомственному контролю на предварительном следствии. Он великолепный оратор, его выступления на дискуссиях и конференциях всегда отличаются образностью, логикой, всегда корректны и убедительны.

После ухода в отставку В. Ф. Статкуса Экспертно-криминалистический центр возглавил доктор химических наук генерал И. П. Карлин — опытный эксперт и известный ученый, выдающийся организатор науки и экспертной практики. Но рассказ о деятельности ЭКЦ — это уже не история, а современность, и поэтому, как говорится в сказках "Тысяча и одна ночь", я "прекращаю дозволенные речи".

С созданием Экспертно-криминалистического управления министерства, а затем и Экспертно-криминалистического центра на периферии активизируется работа местных подразделений экспертной службы ОВД. В республиках, краях, областях, крупных городах создаются экспертно-криминалистические управления и отделы, в иных административно-территориальных образованиях - отделы, отделения, лаборатории; формируются межрегиональные лаборатории специальных исследований, выполняющие специфические сложные исследования с применением широкого спектра различных методов естественных наук. Ведется работа по внедрению в экспертную практику компьютерных технологий, расширению и пополнению различных информационных фондов. К концу 1991 г. эксперты-криминалисты были в штате уже более половины горрайлинорганов внутренних дел, в ряде органов внутренних дел появились техники-криминалисты, оказывающие техническую помощь следователям и оперативным сотрудникам. Численность экспертно-криминалистической службы превысила 5 тысяч человек и продолжала увеличиваться. Возникла с достаточной остротой проблема подготовки экспертных кадров.

В 1961 г. наряду с экспертным отделением Московской специальной средней школы милиции, готовившим на достаточно высоком уровне специалистов со средним профессиональным образованием, открывается аналогичное отделение в Высшей школе МВД СССР, где эксперты готовились уже на базе высшего юридического образования. Я еще расскажу о работе этого отделения, когда дойдет очередь до рассказа о кафедре криминалистики Высшей школы. Отделение это существовало до конца 1973 г., когда было принято решение о создании на базе Высшей школы Академии МВД СССР. Оно не соответствовало профилю академии. В срочном порядке создается экспертный факультет в Высшей следственной школе МВД СССР в Волгограде, туда переводятся слушатели первых двух курсов этого отделения, передается аппаратура кафедральных лабораторий, специальная литература и предпринимается попытка заманить и преподавателей экспертных дисциплин. Как и следовало ожидать, попытка эта окончилась ничем: ни один преподаватель-москвич в Волгоград не поехал. Новый факультет испытывал значительные трудности в своем становлении и в первую очередь именно с комплектованием профессорско-преподавательского состава. Эмиссары школы выезжали в разные города, где вербовали на работу в школу преимущественно сотрудников НИИ судебных экспертиз и вузов. Так, из Харьковского НИИСЭ удалось "сманить" Евгения Ивановича Казакова, который ряд лет потом руководил этим экспертным факультетом. На факультет пришел Игорь Владимирович Кантор — с 1983 по 1986 г. бывший заместителем начальника факультета, а потом возглавивший кафедру трасологии и баллистики; начальником кафедры экспертно-криминалистических дисциплин специального факультета школы работал Александр Георгиевич Егоров — нынешний начальник Саратовского юридического института МВД РФ, готовящего экспертов-криминалистов. Работал на факультете Е. М. Светлаков и другие известные криминалисты, однако проблема преподавательских кадров там и сейчас еще не может считаться полностью решенной.

В 1988 г. допущенная упразднением экспертного отделения в Москве ошибка была частично исправлена: вновь создается отделение по подготовке экспертов-криминалистов в Московской специальной средней школе милиции, поскольку волгоградский факультет, выпускавший в год лишь около 100 специалистов, не мог покрыть даже естественную убыль в

экспертно-криминалистичес-кой службе. И только в 1992 г. наконец создается специализированная экспертная Высшая школа МВД в Саратове, переименованная ныне в юридический институт МВД.

После упразднения Экспертно-криминалистического управления министерства и передачи его функций научно-криминалистическому центру система экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел обрела наконец необходимую организационную устойчивость и тот вид, в котором она пребывает сегодня. Как водится, последним сошел с "корабля ЭКУ" его начальник Виктор Алексеевич Снетков, ставший главным научным сотрудником ЭКЦ.

Путь Виктора Алексеевича в криминалистике на схеме можно было бы показать восходящей прямой. Он родился в 1930 г. в с. Осташево Волоколамского района Московской области. После окончания в 1951 г. Московского юридического института был направлен в НИИ криминалистики ГУМ МВД, работал лаборантом, потом экспертом, младшим научным сотрудником и в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию "Основные вопросы экспертного отождествления личности по чертам внешности". Думаю, что тогда он не предполагал, что эта тема станет для него в буквальном смысле слова пожизненной.

Пожалуй, единственное стоящее дело, которое я мог записать в свой актив за время пребывания в НИИМ, — это назначение Виктора Алексеевича с должности младшего научного сотрудника через две ступеньки — старшего научного сотрудника и заместителя начальника отдела — в 1962 г. начальником одного из ведущих отделов института. Это назначение произвело тогда много шума: в те годы подобный взлет "из грязи в князи" в МВД был большой редкостью. Но будущее оправдало столь рискованный шаг.

В 1981 г. Игорь Иванович Карпец, "пересаженный" Щелоковым из кресла начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР в кресло начальника ВНИИ, предложил мне стать его заместителем и возглавить в институте криминалистическое направление. Но, обжегшись один раз аналогичным образом, о чем я еще расскажу, после некоторых раздумий я отказался, чем явно обидел Карпеца, по его собственному признанию. На эту должность был назначен Виктор Алексеевич, и это был правильный выбор. Он уже к этому времени стал доктором наук, профессором и признанным авторитетом в области портретно-криминалистического отождествления личности во всех его вариантах, автором многих монографий, пособий, руководств, разработчиком ИКР — идентификационного комплекта рисунков и пр. В криминалистике, пожалуй, немного таких ученых, которые бы посвятили все свое научное творчество исследованию одной идеи, разработке одного научного направления, Виктор Алексеевич — один из них. Он разработал теоретические основы и методики отождествления личности по внешним признакам, систему, методы и средства создания субъективных портретов, выдвинул и обосновал идею криминалистической диагностики, "приложил руку" к разработке криминалистической фоноскопии и видеотехники, к формированию криминалистических ИПС. Вклад В. А. Снеткова в криминалистическую науку и оперативно-розыскную практику, в судебную экспертизу по праву позволяет считать его одним из ведущих ученых-криминалистов России.

9.2. Криминология теснит криминалистику

С преобразованием в 1963 г. ВНИИ криминалистики во ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР (в народе популярно именовался НИИ пи-пи) криминалистика отошла на второй план в деятельности нового учреждения. Совершенно естественно, что главные усилия института приобрели теперь криминологическую направленность. Правда, некоторые "командные высоты" в институте криминалистам удалось сохранить: Н. А. Селиванов по-прежнему возглавлял сектор криминалистической техники, А. И. Михайлов — сектор тактики, сохранил свой пост заместителя директора института Георгий Иванович Кочаров, не последние места в институтской иерархии занимали С. С. Степичев, Г. Н. Мудьюгин, В. Г. Танасевич, А. Р. Ратинов.

Справедливости ради следует признать, что новое руководство института — И. И. Карпец и В. Н. Кудрявцев, никаких препятствий творчеству сотрудников-криминалистов не чинило. Во второй половине 60-х гг. и в 70—80-е годы институтом были изданы важные

монографии, методические и практические пособия по различным проблемам криминалистики и следственной деятельности.

В 1967 г. вышла книга одного из ветеранов института Алексея Александровича Эйсмана "Заключение эксперта (структура и научное обоснование)" — работа, положившая начало его исследованиям по проблемам логики доказывания. Автор впервые в отечественной литературе исследовал связи между фактами как объективные основания выводов эксперта, показал структуру этих связей, изложил приемы логического обоснования выводов эксперта из проведенного исследования. В 1971 г. выходит его "Логика доказывания", написанная по материалам прочитанного им новаторского лекционного курса в Высшей школе МВД СССР. Позже он не раз обращался к этой тематике в своих статьях.

Личность Алексея Александровича Эйсмана была далеко не ординарной. Он родился в 1915 г. в Москве, окончил Московский юридический институт в 1939 г. с отличием, работал народным следователем в районной прокуратуре Москвы, отслужил в армии и в 1940 г. стал младшим научным сотрудником Института права АН, одно время даже был помощником директора этого института. В эти годы он и приобщился к криминалистике.

Как помнит читатель, криминалистика недолго находила себе приют в Институте права, что побудило Алексея Александровича в 1948 г. перейти в ЦКЛ. Здесь он был старшим научным сотрудником до 1950 г.

Каковы были причины ухода Эйсмана из ЦКЛ я как-то при его жизни не поинтересовался, а теперь это останется навсегда неизвестным. Он был уже кандидатом наук: еще в 1944 г. защитил диссертацию "Судебная экспертиза документов при технических способах подделки", а в ЦКЛ в те годы кандидатов наук было не так уж много. Но, как говорится, факт остается фактом — Эйсман из ЦКЛ ушел, в течение пяти лет, до 1955 г., был старшим лаборантом в Институте вирусологии, преподавал на экспертных курсах и лишь в 1955 году обрел приличествующее его научному багажу место старшего научного сотрудника во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, где и проработал в этом качестве, избегая всяких административных постов, до конца жизни. Он скончался в 1993 г. после тяжелой продолжительной болезни.

Авторитет у Алексея Александровича в науке был огромный. Очень скромный и мягкий по натуре человек, он пользовался всеобщей любовью. Мне он запомнился почему-то сидящим за столом в своем кабинете в институте среди раскрытых книг и стопок рукописей. Рядом неизменный термос с бульоном (болезнь желудка принуждала его к домашней диете). Напротив него — собеседник, которого он внимательно слушает... Его смерть была глубоким горем для всех нас, его друзей и коллег.

Работали в эти годы в институте и другие талантливые ученые: В. П. Власов, В. В. Клочков, который одно время был директором института, трудится там и сейчас Н. П. Косоплечев. Расскажу о некоторых из них, которых знал довольно близко.

Первое в моей жизни выступление в качестве официального оппонента состоялось в 1957 г. по диссертации Сергея Сергеевича Степичева "Основные вопросы расследования разбоев". Именно тогда мы познакомились и поддерживали хорошие отношения все последующие годы.

Родился он в 1923 г. в г. Людиново тогдашней Западной области. В 1941 г. поступил в Московский юридический институт. Окончить учебу не довелось: с третьего курса в 1944 г. пришлось идти работать следователем прокуратуры Пролетарского района Москвы, а когда был организован ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, с августа 1949 г. Степичев — младший научный сотрудник этого института, потом — старший научный сотрудник и, наконец, заведующий сектором. Еще раньше, в 1945 г., доучился — окончил ВЮЗИ.

Занимался Сергей Сергеевич преимущественно проблемами криминалистической методики — преступлениями против собственности и против личности. Однажды выступил и в роли "возмутителя спокойствия", когда первым из отечественных криминалистов заявил о существовании такого самостоятельного следственного действия, как "выход на место", который сначала он посчитал тактическим приемом. Это случилось в 1955 г., когда он опубликовал в "Соц. законности" (№ 12) статью "Выезд на место как тактический прием проверки доказательств". После публикации совместно с А. Н. Васильевым брошюры "Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений" (М., 1959) он сполна испытал на себе тяжелую руку ортодоксов-процессуалистов, гневно объявивших

незаконными подобные криминалистические новации[4].

В 1961 г. Степичев выступил пионером еще в одной области. Совместно с М. Г. Коршиком он издает брошюру "Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии" (М., 1961), положившую начало криминалистическим исследованиям в этой области. Он неизменный участник коллективных монографий, справочных пособий и руководств, издаваемых институтом. Скончался Сергей Сергеевич скоропостижно в 1970 г. действительно в расцвете творческих сил.

А. Г. Егоров Е. И. Казаков В. А. Снетков

Плечом к плечу со Степичевым работал в институте еще один известный криминалист — Георгий Николаевич Мудьюгин, человек с нелегкой судьбой. Он родился в 1905 г. в Ленинграде, в 1927 г. окончил Ленинградский университет по факультету советского права, работал народным следователем в районах Ленинградской области, добиваясь перевода в Ленинград, где находилась его семья. И хотя обязательный после окончания вуза трехлетний срок службы по назначению он отработал, просьбы его о переводе неизменно отклонялись. Уволился он по болезни, через ВТЭК, в октябре 1930 г., уехал в Ленинград, два месяца был без работы и вынужден был пойти работать плановиком-экономистом на оборонный завод, где и работал во время блокады до февраля 1942 г., когда его, как дистрофика II степени, эвакуировали на восток страны. Дальше начались его скитания. Излечившись от дистрофии и тифа, поступил на должность старшего экономиста на Челябме-таллургстрой НКВД, "заработал" язву желудка, в июле 1944 г. попал на операционный стол с этой язвой. Этот этап жизни закончился переводом на инвалидность и переездом в Днепропетровск, где в октябре 1944 г. он был принят на следственную работу народным, а потом старшим следователем. В 1947 г. стал прокурором следственного отдела области. В 1948 г. его командировали в Москву на Всесоюзную конференцию лучших следователей прокуратуры, очень интересно выступил и, видимо, попал на заметку, потому что когда для Института криминалистики потребовалось пополнение, в Управлении кадров Прокуратуры вспомнили о Мудьюгине и перевели его в институт на должность старшего научного сотрудника. В июле 1957 г. снова попал на операционный стол, на этот раз в связи с опухолью на почке. После операции его перевели на инвалидность — сначала I, а потом II группы. Только в 1961 г. ему удалось вернуться в институт, работал старшим научным сотрудником сектора по борьбе с преступлениями против личности до 1975 г., когда по возрасту и состоянию здоровья вынужден был уволиться на пенсию. Через четыре года его не стало.

И с кандидатской диссертацией у Мудьюгина тоже было все не просто. Начал он работать над ней еще в 1953 г., даже подготовил первый вариант объемом в 640 страниц. Потом были вынужденные перерывы в работе, и защита состоялась только в 1962 г. Называлась диссертация "Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего". Эта тематика была "коньком" Мудьюгина. Его перу принадлежат две отличные книги: одноименная с диссертацией (М., 1967) и "Расследование убийств, замаскированных инсценировками" (М., 1973). И хотя кроме них его перу лично и в соавторстве принадлежит еще ряд интересных и важных работ, в отечественную криминалистику он вошел именно как автор этих оригинальных монографий.

Долг требует рассказать еще по крайней мере о двух сотрудниках института — С. Я. Розенблите и Г. И. Кочарове.

Соломон Яковлевич Розенблит родился сто один год назад, в январе 1898 г. в Риге, в

семье инженера. Там же окончил гимназию и поступил в Новороссийский (Одесский) университет, на юридический факультет. Учился с перерывом, потому что в 1916— 1918 гг. в качестве вольноопределяющегося служил в армии. В последующие два года работал и преподавателем иностранных языков, и заведующим колонией "для социально запущенных детей" Одесского губнаробраза. В ноябре 1920 г. началась его следственная деятельность в качестве военного следователя при военных трибуналах, а потом в военных прокуратурах разных корпусов и округов: Южного фронта, Одесского, Харьковского, Украинского, Киевского военных округов. В октябре 1937 г. Розенблит становится военным следователем по важнейшим делам Главной военной прокуратуры, с августа 1941 г. по июль 1946 г. он — заместитель начальника, начальник отдела, заместитель начальника управления ГВП и одновременно помощник, а потом старший помощник Главного военного прокурора. С августа 1946 г. по октябрь 1950 г. Розенблит — помощник, старший помощник для особых поручений Главного военного прокурора. Именно в эти годы он выполняет весьма важные задания: работает в следственной группе Международного военного трибунала в Нюрнберге, помощником обвинителя на Международном военном трибунале в Токио.

В октябре 1950 г. Соломон Яковлевич переходит на научную работу во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР. Здесь он — старший научный сотрудник сектора методики, исполняет обязанности заведующего сектором тактики, потом старший научный сотрудник этого сектора, около двух лет работает ученым секретарем института, а потом пять лет, с ноября 1956 по январь 1962г., старшим научным сотрудником на полставки. В 1962 г. увольняется на пенсию. Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, многими медалями. Умер Соломон Яковлевич 16 октября 1969 г.

А. А. Эйсман В В. Клочков В. П. Власов А. И. Михайлов

Кандидатскую диссертацию Розенблит защитил еще в сентябре 1941 г., а в июне 1945 г. ему было присвоено звание доцента. Научное наследие его богато интересными и актуальными работами. Так, в 1941 г. Военно-юридическая академия издает написанное им совместно с А. И. Винбергом и А. Г. Рахлиным пособие "Криминалистика для военных юристов", за ним следуют такие методические руководства, как "Методика расследования дел о дезертирстве" (ВЮА, 1945), "Методика расследования дел о невыполнении боевых приказов" (ВЮА, 1945), "Методика расследования дел о несчастных случаях в РККА" (ВЮА, 1948) и два оригинальных практических руководства, подобных которым в нашей литературе еще не было: "Методика расследования летных происшествий" (М., 1948) и "Расследование автотранспортных происшествий" (М., 1952). В эти же годы выходят две его фундаментальные монографии: "Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе" (М., 1948) — по материалам процесса над главными военными нацистскими преступниками в Нюрнберге, и "Международный процесс главных японских военных преступников" (М., 1950). Я не упоминаю многих других работ С. Я. Розенблита, мне кажется, что достаточно сказанного, чтобы признать его заслуги перед нашей наукой.

Теперь о Георгии Ивановиче Кочарове.

Это человек моего поколения: он родился в 1921 г., чуть позже того времени, когда Розенблит уже стал военным следователем. После окончания школы поступил в Московский юридический институт, но с началом войны прервал учебу и, несмотря на тяжелую болезнь, пошел работать следователем прокуратуры. Работал прокурором, а затем заместителем начальника следственного отдела прокуратуры Москвы. В 1949 г. его переводят на работу во ВНИИ криминалистики на должность сначала младшего, а потом старшего научного сотрудника. Он становится заведующим сектором, а потом и заместителем директора института. Эта должность за ним была сохранена и после реорганизации института в 1963 г. В 1956 г. Кочаров защищает кандидатскую диссертацию на новаторскую по тем временам тему: "Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии". Годом раньше вышла его работа по тактике опознания. Через 12 лет в 1968 г. он подвел итоги своих исследований в области методики расследования убийств, защитив в совете Высшей школы МВД докторскую диссертацию в виде научного доклада по совокупности работ "Борьба с умышленными убийствами в СССР". В том же году он был удостоен почетного звания заслуженного юриста России, а всего через год — 7 сентября 1969 г. скоропостижно скончался.

Талант Георгия Ивановича был многогранен. Он был автором десятков научных работ, участвовал в создании таких трудов, как "Расследование убийств" (М., 1954), "Теория доказательств в советском уголовном процессе" (М., 1966, 1967), был соавтором учебников по криминалистике и криминологии. В некрологе по поводу его кончины говорилось: "Прекрасный товарищ, чуткий и отзывчивый, он пользовался большим авторитетом в коллективе института и за его пределами". Через 10 лет, в 1979 г., памяти Г. И. Кочарова было посвящено специальное заседание ученого совета Института Прокуратуры, на котором с большой теплотой вспоминали об этом жизнерадостном, энергичном и талантливом человеке.

И еще об одном ровеснике — Александре Ивановиче Михайлове. В 1941 г. окончил трехмесячные курсы лейтенантов, фронт, тяжелое ранение в 1943 г. После госпиталя, в 1944—1946 гг. учеба в Московской юридической школе и работа в органах прокуратуры Москвы: помощник районного, прокурора, помощник прокурора города, начальник уголовно-судебного отдела, начальник следственного отдела прокуратуры Москвы.

В 1961 г. Михайлов переходит на работу во ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза — сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником. С 1963 г. и до конца жизни он заведует сектором, названия которого менялись, но суть оставалась одной и той же, — проблем предварительного следствия. В 1965 г. он защищает кандидатскую диссертацию "Процессуальные и тактические основы выявления и устранения следователем причин преступлений". Через 15 лет — защита докторской диссертации "Проблемы эффективности предварительного следствия". Одним из первых он обращается к вопросам научной организации труда следователя, вместе с коллегами публикуя монографию "Научная организация труда следователя" (1974 г.), занимается проблемами организации работы следственного аппарата, взаимодействия с органами дознания, изучения и предупреждения

преступности в районе, области. Последние годы Александр Иванович был смертельно болен и в августе 1997 г. скончался.

С. С. Степичев Г. Н. Мудьюгин С. Я. Розенблит

Хоть криминалистика и была в институте "на вторых ролях", но институт по-прежнему оставался научным центром разработки проблем криминалистической тактики и методики. Регулярно проходили заседания президиума координационного бюро по криминалистике под председательством Н. А. Селиванова; бюро организовывало научные конференции по проблемам криминалистики в разных городах Союза. Систематически до конца 80-х гг. выходили сборники "Следственная практика" и "Вопросы борьбы с преступностью", в которых публиковались и работы по криминалистической тематике. В эти годы были защищены докторские диссертации сотрудниками института А. М. Лариным (1970 г.), А. А. Леви (1978 г.), А. И. Михайловым (1980 г.), В. А. Образцовым (1985 г.), А. Б. Соловьевым (1985 г.), Л. А. Соя-Серко (1982 г.), Н. А. Якубович (1977 г.). К сожалению, все это лишь славное прошлое, не получившее достойного продолжения в настоящем.

9.3. Развитие судебно-экспертных учреждений органов юстиции

С организацией Всесоюзного НИИ судебных экспертиз, ставшего общесоюзным научным и методическим центром всей системы судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Союза, заметно активизировалась научная и экспертная деятельность республиканских экспертных учреждений.

В начале 80-х гг. Белорусский НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы имел в своем составе такие подразделения:

- лаборатория судебно-почерковедческих исследований;
- лаборатория технико-криминалистического исследования документов;
- лаборатория судебных трасологических и баллистических исследований с сектором судебной баллистики;
- лаборатория криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий с секторами физико-химических исследований,
исследования волокон и волокнистых материалов и биологических исследований;
- лаборатория судебных автотехнических исследований с секторами автотехнических исследований и технического исследования деталей и агрегатов транспортных средств;
- отдел научной информации.

Усилиями сотрудников НИИ были созданы ИПС учета и анализа экспертной работы института, действующего законодательства о судебной экспертизе, неопубликованных материалов (научных отчетов, диссертаций, переводов, депонированных рукописей) и др.

В лабораториях активно внедрялись в экспертную практику современные методы исследования. Так, в почерковедческой лаборатории были внедрены: вероятностно-статистический метод оценки совпадений групповых признаков почерка; методика вероятностной оценки совпадений признаков при идентификационных исследованиях смешанных записей; методика вероятностно-статистического исследования общих языковых навыков письменной речи для целей криминалистической идентификации; количественная методика сравнительного исследования частных признаков и оценки его результатов при идентификации исполнителя рукописи, выполненной намеренно измененным почерком. В лаборатории трасологии и баллистики внедрили методики определения вида металлорежущего аппарата, скорости резки, наличия у лица, производившего резку, профессиональных навыков; трасологических исследований механизма дорожно-транспортного происшествия, определения кинетической энергии снаряда и др. Был внедрен ряд новых для института методов исследования материалов и веществ: микроспектральный анализ с использованием лазерного анализатора, методики исследования чернил, паст, пигментов, волокон, бытовых красок, полимерных материалов и др.

Защита докторской диссертации Г. И. Кочаровым в совете Высшей школы МВД. Председатель совета проф. Н. И. Загородников (справа), зам. председателя проф. Н. А. Стручков

Г. И. Кочаров

Институт вел продуктивные исследования и в области криминологии и

совершенствования республиканского законодательства в области судопроизводства и судебной экспертизы[5].

В 80-е гг. существенно возрос научный и экспертный потенциал Ташкентского НИИ судебных экспертиз. С 1981 г. в институте проводятся пожарно-техническая и товароведческая экспертизы; в 1983 г. начали разрабатывать научные основы экологической экспертизы.

С 1985 г. институт проводит автороведческую экспертизу, осваивает фоноскопическую экспертизу узбекской речи. За это десятилетие 8 сотрудников защитили кандидатские диссертации. Совершенствовалась деятельность межобластных отделений института в Фергане, Самарканде и Нукусе. Активно велась экспертно-профилактическая работа и методическая работа со следователями и судьями[6].

Когда в 1983 г. директором Азербайджанского института НИИСЭ стал Идрис Алиевич Алиев, генеральным научным направлением института стала экспертная профилактика. Институт стал признанным центром разработки проблем этой деятельности, именно при нем был создан и функционировал методический совет по экспертной профилактике; отдел криминологических исследований института был преобразован в сектор экспертной профилактики по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Защита Г. И. Кочарова. В зале совета (слева направо): проф. С. В. Бородин, проф. И. Д. Перлов, проф. И. И. Карпец

Значительно возрос в 80-е гг. научный и экспертный потенциал Казахского НИИ судебных экспертиз, в чем заметную роль сыграл назначенный в конце 80-х гг. директором института профессор Александр Фидахметович Аубакиров. Сам специалист в области использования в судебно-экспертной деятельности сложных естественнонаучных методов исследования, он содействовал широкому их применению в практике института, всячески поощрял внедрение в практику компьютерных технологий. Институт расширялся и организационно — были открыты областные отделы (филиалы) института в Караганде, Чимкенте, Акмоле, Кустанае, Актюбинске и др. городах. Росла и экспертная нагрузка: если в 1980 г. было проведено 5845 экспертиз, то в 1986 г. — уже 10 496. В институте сложился коллектив высококвалифицированных кадров.

Александр Фидахметович Аубакиров родился в 1936 г. в Алма-Ате. Он окончил физико-математический факультет Казахского университета ив 1958 г. начал свою научную деятельность в качестве научного сотрудника Казахского НИИСЭ, затем был заведующим отделом института, заместителем директора, а с 1989 г. директором института. В 1997 г. по достижении установленного в Казахстане предельного возраста для руководящих работников Александр Фидахметович перешел на должность главного научного сотрудника. Вскоре институт был преобразован в Республиканский центр судебных экспертиз, а его директором назначена доктор юридических наук Светлана Федоровна Бычкова, долгое время работавшая заместителем директора института по научной работе. Известность институту принесли работы таких опытных экспертов — научных сотрудников, как Е. Д. Богодухова, Л. Н. Мороз, А. С. Калимова, Г. А. Мозговых и других.

Украинские судебно-экспертные учреждения в это десятилетие постоянно увеличивали количество проведенных экспертиз, повышали их качество. Киевский НИИСЭ стал признанным научным и экспертным центром исследования документов, в том числе и исполненных различными полиграфическими методами. Такие сотрудники института, как кандидаты юридических наук 3. С. Меленевская, 3. А. Ковальчук, С. А. Ципенюк, В. В. Липовский, С. Д. Павленко, своими трудами утвердили существование своеобразной научной школы в этой области криминалистики и судебной экспертизы. Работы М. Я. Сегая, В. Ф. Берзина, Г. М. Надгорного, В. К. Стринжи внесли существенный вклад в развитие общетеоретических проблем и судебной экспертизы, ее понятийный аппарат, логику экспертного исследования.

А. А. Леви

А. Б. Соловьев

И. А. Алиев

А. Ф. Аубакиров

В Харьковском НИИ судебных экспертиз сформировалась научная школа криминалистов-автороведов. Решающую роль в этом сыграли труды фактического основателя школы С. М. Вула, филолога по образованию, положившего начало судебному авторовед-ению.

О научном вкладе украинских криминалистов свидетельствует тот факт, что за десятилетие вышло свыше 20 выпусков межведомственного сборника "Криминалистика и судебная экспертиза".

Для лабораторий судебных экспертиз других союзных республик характерны тенденции развития, которые можно проследить на примере Грузинской НИЛСЭ.

Распоряжением СМ Грузии от 28 декабря 1981 г. лаборатория была преобразована в

Республиканскую научно-исследовательскую лабораторию судебных экспертиз МЮ Грузии. Довольно быстро стали расширяться возможности лаборатории: с 1980 г. стали проводиться автотовароведческие исследования, с 1982 г. — инженерно-технические экспертизы по делам, связанным с железнодорожным транспортом, с 1983 г. — фоноскопические экспертизы. Лаборатория издавала бюллетень "Экспертная практика", в котором публиковались материалы по становлению и развитию этих видов экспертных исследований.

Расширение возможностей лаборатории получило свое отражение и в ее структуре. В конце 80-х гг. в лаборатории имелось 12 подразделений:

1. Отдел почерковедческих исследований;
2. Отдел баллистико-трасологических исследований;
3. Отдел криминалистических исследований материалов и веществ;

Л. Н. Мороз С. Ф. Бычкова Е. Д. Богодухова А. С. Калимова

4. Отдел инженерно-технических исследований;
5. Отдел бухгалтерских исследований;
6. Отдел инженерно-технических исследований по делам на ж.-д. транспорте;
7. Отдел фоноскопических исследований;
8. Сектор по техническому исследованию документов;
9. Группа автотовароведческих исследований;
10. Абхазский филиал лаборатории (г. Сухуми);
11. Аджарская группа лаборатории (г. Батуми);
12. Юго-Осетинская группа лаборатории (г. Цхинвали).

В эти годы в лаборатории и ее местных подразделениях работало 75 человек, а непосредственно в области производства экспертиз и научных исследований — 52 человека, в том числе один доктор технических наук и 5 кандидатов юридических наук, трое из которых — О. В. Жгенти (начальник лаборатории), Л. Л. Кобу-лашвили и О. М. Мгеладзе защитили диссертации в 1982—1984 гг.

Лаборатория установила тесные научные связи с ведущими научными и образовательными центрами республики (университет, политехнический институт, академические институты металлургии и систем управления и др.).

Успехи республиканских судебно-экспертных центров во многом были обусловлены той ролью, которую играл в деле развития судебной экспертизы в стране Всесоюзный НИИ судебных экспертиз; 70—80-е гг. были периодом его подъема, пожалуй, даже можно сказать, расцвета. Институт не только по названию, но и по подлинной его роли стал действительным головным научно-экспертным учреждением системы Министерства юстиции страны. Об этом свидетельствовали и выполняемые им задачи. Он:

1) осуществлял научные и экспериментальные исследования на основе использования новейших достижений различных областей знания в целях разработки теоретических основ и методик различных видов судебных экспертиз;

С. Д. Павленко В. К. Стринжа С. М. Вул В. Ф. Берзин

2) выполнял все виды криминалистических и автотехнических экспертиз; судебно-почвоведческие, судебно-биологические,
судебно-бухгалтерские, планово-экономические, и инженерно-технологические (пожарно-технические и взрывотехнологические) экспертизы;

3) разрабатывал профилактические организационно-технические рекомендации по предупреждению преступлений на основе
изучения экспертной практики и выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений; вел большую пропагандистскую работу среди судей и следователей, разъясняя современные возможности судебных экспертиз, знакомя их с правилами и техническими средствами подготовки и оформления материалов на экспертизу, поскольку производство экспертиз занимало значительное место в работе института (за 25 лет — с 1963 по 1986 г. было проведено около 110 тысяч экспертиз). При этом следовало иметь в виду, что большую часть экспертиз составляли особо сложные, или экспертизы новых родов и видов. Так, с 1971 г. в институте стали проводиться экспертизы следов взрыва (исследования взрывчатых веществ и взрывных устройств), судебная фототехническая и судебно-фоноскопическая экспертизы[7].

Институт вел значительную научно-исследовательскую работу не только в области развития научных основ родов и видов судебных экспертиз, но и общенаучных проблем судебной экспертизы. Весьма показательным в этом отношении было создание в институте отдела теории судебной экспертизы в составе двух секторов: сектора правовых и организационных проблем судебной экспертизы и сектора теоретических и общеметодических проблем криминалистики и судебных экспертиз. К работе в этом отделе были привлечены крупные ученые — криминалисты и процессуалисты — А. И. Винберг, Д. Я. Мирский, В. Д. Арсеньев, Ю. Г. Кору-хов, Ю. К. Орлов. Довелось поработать в этом отделе и мне, но об этом чуть позже.

Помимо предметных лабораторий в институте были организованы в эти годы и так называемые "методные" подразделения: химических, физических, математических и кибернетических и других методов исследования. Численность сотрудников института к концу 80-х гг. превысила 400 человек.

Строго говоря, ВНИИСЭ, как и другие судебно-экспертные учреждения органов юстиции, давно уже к этому времени перестал быть специализированным криминалистическим учреждением и превратился в многопрофильный научно-экспертный центр. Поэтому, поскольку я веду речь об истории криминалистики, целесообразно рассмотреть деятельность в те годы лишь тех лабораторий, которые выполняли традиционные криминалистические экспертизы: исследования документов, трасологических и баллистических исследований.

В почерковедческой лаборатории исследовались тексты и подписи, цифровые записи, устанавливался пол исполнителя по тексту большого объема, выполненному почерком высокой и средней выработанности. Здесь же осуществлялись и автороведческие исследования.

Обширен был круг исследований в области технической экспертизы документов. Здесь производилась экспертиза реквизитов документов, оттисков печатных форм и устройств, машинописных текстов или текстов других буквопечатающих аппаратов, полиграфической продукции, материалов документов, подложки и вспомогательных веществ. В этой же лаборатории осуществлялась портретно-криминалистическая экспертиза во всех ее разновидностях, а также фототехническая экспертиза.

Фототехническая экспертиза стала возможной благодаря проведенным в институте целенаправленным исследованиям, в которых ведущую роль играл Д. Я. Мирский. В описываемый период она решала задачи идентификации съемочной аппаратуры и лабораторного оборудования, которые применялись для изготовления фотоснимка, распознавания фотомонтажа, негативной и позитивной ретуши, определения нарушений технологического режима при съемке и фотографической обработке, типа светочувствительных материалов и проявителя, использованных для изготовления данного снимка, и однородности фотографических материалов, использованных для изготовления нескольких снимков, определения размеров изображенных на снимке предметов и расстояний между ними и, наконец, восстановления выцветшего фотографического изображения.

Лаборатория трасологических исследований осуществляла все виды классических трасологических экспертиз: следов папиллярных узоров и кожного покрова, следов зубов

человека, ног человека (для идентификации обуви, чулок, носков и определения их диагностических свойств), транспортных средств, орудий взлома. Кроме того, здесь исследовалась одежда человека, следы крови, холодное оружие и иные орудия, которыми причинены телесные повреждения, узлы и петли, изделия массового производства, следы изменения (уничтожения) рельефных знаков, идентифицировалось целое по частям. Группа сотрудников лаборатории занималась фоноскопическими исследованиями по методике, разработанной в институте Г. Л. Грановским.

Весьма широкий круг задач решала лаборатория судебно-баллистической экспертизы:

1) исследование оружия: определение относимости предмета к огнестрельному оружию), определение системы, модели, образца огнестрельного оружия, технического состояния оружия и его частей, возможности производства стрельбы и выстрела без нажатия на спусковой крючок;

2) исследование боеприпасов: установление образца патрона и относимости пули, гильзы; вида, образца пули по отдельным частям; калибра пули, гильзы; единого источника происхождения сравниваемых боеприпасов; принадлежности двух или более групп дроби, картечи к продукции одного завода, факта изготовления боеприпасов разных групп с использованием одних и тех же инструментов или конкретного инструмента; определение поражающего действия снаряда;

3) идентификация оружия по следам на пулях, гильзах;

4) экспертиза следов выстрела и боеприпасов: определение факта выстрела, вида пороха, природы повреждений (огнестрельное или иное), входных и выходных повреждений, следов выстрела на теле и одежде стрелявшего, очередности (последовательности) производства выстрелов, каким по счету был выстрел с использованием данной пули, гильзы; установление калибра охотничьего ружья по следам на стреляной дроби;

5) экспертиза обстоятельств выстрела: определение возможности самоповреждения из данного экземпляра оружия; факта образования повреждений в двух различных объектах одним выстрелом (одним снарядом); времени (давности) производства выстрела из оружия (по картонной гильзе), расстояния выстрела и его направления; местоположения стрелявшего, взаиморасположения оружия и потерпевшего[8]

О. В. Жгенти Ю.К. Орлов Л. Г. Эджубов В.Д. Арсеньев

Экспертизы, проведенные во ВНИИСЭ, отличало безукоризненное качество, логичность и обоснованность выводов, применение самых современных методов исследования. Это было обусловлено профессиональным уровнем экспертов-исполнителей: в истории отечественной криминалистики и судебной экспертизы никогда, ни до, ни после, не было такого коллектива сотрудников, сочетавших в себе качества ученых и экспертов-практиков, какой был в эти годы во ВНИИСЭ. Я назову имена только некоторых из них: В. Ф. Орлова, Г. Л. Грановский, Н. П. Майлис, Л. Г. Эджубов, А. А. Гусев, Х. М. Тахо-Годи, Ю. Г. Корухов, А. И. Устинов, М. Н. Ростов, Т. В. Устьянцева, М. А. Сонис, Н. В. Володина, Е. И. Сташенко, А. С. Лазари, Э. Г. Сафронский, И. В. Горбачев, Д. Я. Мирский, З. С. Яблокова, Т. М. Самарина, Ю. Н. Погибко, В. Л. Шаршунский, Ш. Н. Хазиев, И. С. Таубкин, В. И. Нусбаум и многие другие. Институт выступал и в качестве организующего центра. Для апробации предлагаемых ко внедрению в экспертную практику методов и методик исследования и решения других научных и методических вопросов во ВНИИСЭ были

созданы методические советы по родам экспертиз, в состав которых наряду с работниками института входили и ведущие специалисты периферийных судебно-экспертных учреждений и экспертных учреждений других ведомств. Институт оказывал методическую помощь всем судебно-экспертным учреждениям органов юстиции путем проведения зональных научно-практических семинаров и школ, стажировки экспертов в институте, выездов специалистов института на места, рецензирования экспертных заключений, подготовки и переподготовки экспертов во Всесоюзном институте усовершенствования работников юстиции (ныне Правовая академия МЮ) и на заочных курсах при ВНИИСЭ. На этих курсах за время существования института было подготовлено около 3500 экспертов. Институт был и центром подготовки научных кадров высшей квалификации для экспертных учреждений системы Министерства юстиции СССР. Для этой цели в его составе имелась аспирантура и при нем функционировал диссертационный совет, присуждавший ученые степени кандидата юридических наук по специальности "криминалистика".

Обязанностью ВНИИСЭ была разработка координационных планов научных исследований и разработок; деятельность научных руководителей тем координационных планов регламентировалась специальным положением[9]. Вел институт и значительную издательскую деятельность. Ежегодно выпускались сборники трудов, методические пособия и иные работы общим объемом до 200 п. л. Специально для следователей и судей были изданы пособия по назначению и производству судебных экспертиз (М., 1976, 1987) [10].

В 1996 г. ВНИИСЭ реорганизован в Российский федеральный центр судебной экспертизы.

Настал момент поведать и о моей работе во ВНИИСЭ.

В начале 1985 г, мой друг Юрий Георгиевич Корухов стал настоятельно убеждать меня перейти на работу во ВНИИСЭ, где он в то время был заместителем директора по научной работе. В том году мне исполнялось 63 года, а поскольку по положению о прохождении службы генералу полагалось в 60 лет уходить на пенсию, в отставку, такую перспективу следовало иметь в виду, хотя на Московском филиале юридического заочного обучения при Академии МВД, где я тогда работал в должности профессора, о моей отставке никто не заговаривал, но возраст есть возраст, и увольнение могло последовать при любом повороте событий. Не скажу,

М. А. Сонис М. А. Сонис Т. М. Самарина З. С. Яблокова

что принять решение об уходе из МВД, где фактически прошла вся моя научная жизнь, было легким делом. Сомневался, колебался, вел разговоры и дома, и с товарищами по работе и много раз с Юрием Георгиевичем Коруховым. Речь шла о работе в качестве заведующего отделом теории судебной экспертизы ВНИИСЭ. Наконец принял решение: поговорю с директором института Александром Романовичем Шляховым и если почувствую, что он хочет моего прихода в институт, — перейду.

Разговор такой состоялся, и я понял, что Шляхов искренне хочет моего перехода в институт. Оказывается, он уже даже согласовал этот вопрос с начальником отдела судебно-экспертных учреждений Минюста Г. П. Аринушкиным. Разговор со Шляховым окончательно утвердил меня в решении перейти в институт, я тут же сказал ему об этом. Поскольку должность заведующего отделом замещалась по конкурсу, в "Вечерней Москве" было дано соответствующее объявление о назначении конкурса на эту должность, и по истечении положенного месяца совет института единогласно принял решение о моем избрании.

Обеспечив, таким образом, свое ближайшее будущее, я подал рапорт об отставке. Всякий поймет, что после 45 лет службы в погонах сделать это мне было ох, как не просто! Сослуживцы мои всячески пытались меня отговорить от этого шага, особенно веские аргументы старался подобрать в беседе со мной начальник филиала генерал В. П. Илларионов, человек в высшей степени интеллигентный, дворянских кровей, крупный в прошлом практический работник следствия, пользующийся моей глубокой симпатией и уважением (сейчас он доктор наук, профессор, по-прежнему работает там же: филиал был преобразован в самостоятельную Высшую юридическую заочную школу МВД, а теперь именуется Юридическим институтом МВД РФ).

Но решение было принято, и когда, выполняя формальную обязанность, начальник академии, держа в руках мой рапорт, спросил на заключительной беседе: "Вы хорошо подумали?", я только и ответил, что такие решения необдуманно не принимаются.

После приказа министра о моем увольнении в отставку по возрасту и выслуге лет (в пенсионной книжке мой стаж службы в армии и МВД с учетом лет, проведенных на фронте,

был определен в 51 год), надев штатский костюм, я в первых числах сентября 1985 г. явился в институт. Знакомство с сотрудниками отдела теории разочаровало: отдел невелик, кроме двух профессоров — Д. Я. Мирского и В. Д. Арсеньева, еще двух-трех человек, подающих, так сказать, надежды, работать фактически было не с кем. Через пару недель пошел к Шляхову и заявил, что отдел следует серьезно укрепить, да и численно увеличить. Он со мной согласился, но сказал, что задача это сложная, решать ее следует очень постепенно и осторожно. С тем и ушел от него.

Действительно, кое-кого из сотрудников удалось со временем заменить, удалось и на несколько человек увеличить штат отдела. Но вскоре после моего прихода умер В. Д. Арсеньев, и эта потеря была для отдела практически невосполнимой.

Прошел год, прошел второй, я подготовил несколько статей, но с каждым днем все больше убеждался, что взялся не за свое дело: все то общее, что я мог сказать в отношении теории судебной экспертизы, — я сказал, а для того, чтобы сказать свое слово в области самой экспертной "материи", самой экспертной практической деятельности, взгляда со стороны было явно недостаточно, нужно было быть самому экспертом, а не "варягом". Здесь моих знаний в области криминалистической науки и основ судебной экспертизы явно не хватало. Положение складывалось критическое: я чувствовал свою неполноценность в роли заведующего отделом и в то же время известную неловкость и перед Александром Романовичем Шляховым, и перед Юрием Георгиевичем Коруховым — моими, так сказать, поручителями при избрании меня по конкурсу на эту должность. Для того, чтобы оставаться честным перед самим собой, следовало уходить на другую работу, но куда?

И тут произошло событие, расставившее все по своим местам.

В январе 1988 г. я был неожиданно приглашен к министру внутренних дел Союза, который предложил мне вернуться в академию, испытывающую, по его словам, нужду в старых, опытных преподавательских кадрах, разогнанных во времена министра Федорчука и тогдашнего начальника академии Кудрявцева. Он позвонил начальнику академии генералу Н. А. Арестову и попросил его принять меня. Сказать, что я с охотой принял это предложение, — ничего не сказать. Буквально на следующий день я явился к Арестову с заявлением о приёме на работу, в считанные дни был оформлен мой перевод из института, и я был зачислен профессором на кафедру криминалистики специального факультета академии, начальником которой был мой добрый друг Виктор Георгиевич Коломацкий. У меня было такое ощущение, что я, как блудный сын, наконец вернулся домой. Потом я узнал, что Арестов, не зная меня, наводил обо мне справки у Коломацкого и, получив благоприятные отзывы, принял положительное решение. Так закончилась моя довольно бесславная служба в центре экспертной мысли, где я, по слухам, по-прежнему числюсь членом диссертационного совета — и зря, потому что в силу некоторых объективных причин бывать в совете мне трудно.

Но, как говорят французы, "вернемся к нашим баранам".

9.4. Разработка и совершенствование научных основ судебных экспертиз

Научные исследования 70—80-х гг. отличались широтой охвата проблем, которые требовали решения как для дальнейшего развития криминалистической науки, так и для совершенствования научных основ и практики производства различных родов и видов судебных экспертиз. Существенное значение для определения направлений этих исследований имели работы общетеоретического характера, новое определение предмета криминалистики, ее системы, учение о методах криминалистической науки и практики борьбы с преступностью[11]. Существенную роль играли и работы в области отдельных частных криминалистических теорий: криминалистической идентификации, диагностики, структурных элементов криминалистической техники[12].

Известно, что содержание криминалистической техники как раздела криминалистической науки составляют теоретические положения, описание возможностей и методов исследования трасологии, судебной баллистики, судебного почерковедения, технико-криминалистического исследования документов, отождествления личности по чертам внешности. Каждый из этих подразделов служит теоретической основой, базой соответствующего вида криминалистической экспертизы, в рамках которой и получает свое

дальнейшее развитие. Наряду с этим в криминалистической технике имеются и подразделы, носящие общий характер и оказывающие влияние на все виды криминалистических и других судебных экспертиз. Это судебная фотография, а в последующем и судебная видеозапись, подраздел, включающий сведения об используемых при криминалистических исследованиях методах, приемах, средствах. Учению о методах судебной экспертизы уделялось самое пристальное внимание. Оно включило общие методологические пути подхода к решению экспертных задач и изложение конкретных методов на уровне так называемых инструментальных. Последние были подразделены на четыре группы:

1) методы исследования морфологических признаков (микроскопические, фотографические, профилирование и др.);

2) методы исследования отдельных существенных физических и химических свойств (констант) объекта (определение плотности,
твердости, электропроводности, температуры плавления и т. п.);

3) методы исследования внутренней структуры (рентгеноструктурные, электронно-микроскопические и др.);

4) методы исследования атомного и молекулярного состава (атомный эмиссионный анализ, атомный абсорбционный, нейтронно-активационный, хромато-масс-спектрометрический, хроматографические методы и др.) [13].

Серьезное внимание уделяется моделированию, рассматриваются перспективы использования в экспертной практике голографии, профилографии [14] . Работа А.Н. Селиванова "Вещественные доказательства" (М., 1971) раскрывала возможности анализа вещественных доказательств для установления механизма, обстоятельств, времени совершения преступлений, использования полученных данных при установлении истины по делу.

Важное для судебной экспертизы значение имела работа И. Ф. Крылова "Криминалистическое учение о следах" (Л., 1976). След оведение, как он именует трасологию, включает в качестве составного элемента трактовку механизма следообразования. Последнее — краеугольный камень изучения следов, являющихся объектами не только трасологии, но и баллистики, технической экспертизы документов. Поэтому значение работы И. Ф. Крылова, равно как и монографии Г. Л. Грановского "Основы трасологии" (в двух томах, М., 1965, 1974), далеко выходило за пределы только трасологической экспертизы и оказывало позитивное влияние на другие виды криминалистических экспертиз. Ценность работы А. Р. Шляхова "Судебная экспертиза" состояла в том, что автор впервые раскрыл содержание понятий предмета и объекта экспертного исследования, предложил классификацию судебных экспертиз, определил пути формирования научных основ судебной экспертизы (ее общей теории), рассмотрел в деталях процесс экспертного исследования.

В эти же годы произошло еще одно важное для развития научных основ судебной экспертизы событие: было декларировано формирование новой отрасли научного знания — судебной экспертологии. Со статьями, а затем и с монографией по этому вопросу выступили А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская[15].

Как уже говорилось, идея самостоятельной науки об экспертизе зародилась в конце 50-х гг., но не получила тогда своего развития. Работы А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской сразу же обратили на себя внимание и вызвали различную реакцию ученых. Часть из них поддержала идеи этих авторов, другие отнеслись к ним сдержанно, а третьи — весьма скептически[16]. Р.А. Шляхов, который в 1959 г. выступал за выделение из криминалистики на правах самостоятельной области знаний теории криминалистической экспертизы, а впоследствии отказался от этого предложения, в 1974 г. сформулировал свои представления в этой области, которую он назвал теорией судебной экспертизы. Он разделил содержание этой теории на четыре части:

1) введение в теорию и практику криминалистической экспертизы;

2) общие положения теории и методики криминалистической экспертизы;

3) научные и теоретические основы криминалистических экспертиз;

4) использование криминалистической экспертизы в процессе доказывания по делу и

предупреждения правонарушений[17].

До середины 80-х гг. проблемами общей теории судебной экспертизы серьезно никто не занимался. Фундаментальные исследования в этой области были начаты директором Азербайджанского НИИ судебных экспертиз, проблем криминалистики и криминологии И. А. Алиевым в середине 80-х гг. в связи с разработкой им теории экспертной профилактики как части общей теории судебной экспертизы. В 1990 г. он защитил докторскую диссертацию о теории экспертной профилактики и изложил в ней концепцию общей теории судебной экспертизы.

Активные исследования в области общей теории судебной экспертизы начались уже после 1991 г. Их вели Ю. Г. Корухов, Т. В. Аверьянова, Е. Р. Российская и ряд других ученых, но это уже за теми хронологическими рамками, которыми я ограничил эту свою работу.
Поскольку моя работа посвящена истории отечественной криминалистики, а не судебной экспертизы, далее остановлюсь на развитии в этот период научных основ лишь традиционных криминалистических экспертиз.

Трасологическая экспертиза. Основополагающими работами в области трасологической экспертизы продолжают оставаться фундаментальные исследования Б. И. Шевченко и Г. Л. Грановского[18]. Их работы способствовали созданию теоретически обоснованной и практически приемлемой классификации изучаемых трасологической экспертизой следов по механизму воздействия при следообра-зовании, степени выраженности следа, способу передачи следом информации, виду следообразующего объекта.

Продолжалось развитие научных основ криминалистических исследований следов человека: рук, ног, зубов[19].В последнее десятилетие в практику криминалистической экспертизы следов человека вошли новые объекты. Это следы губ, носа, лба, ушной рако-вины, т. е. следы участков кожи, не имеющих папиллярных линий и узоров[20].

Существенное развитие получили исследования следов орудий, инструментов, производственных механизмов, совершенствовалась криминалистическая экспертиза механических повреждений одежды и следов, оставляемых самой одеждой. Чаще всего в качестве подобных объектов фигурируют следы на наружной лакокрасочной поверхности транспортного средства, возникающие при наезде на пешехода. Сопутствующими при подобных исследованиях являются материаловедческие исследования частиц лакокраски с одежды, волокон ткани, изъятых с транспортного средства[21].

Большую часть трасологических исследований составляли экспертизы следов взлома, повреждений предохранительных и запирающих устройств. Дальнейшее исследование следов взлома шло по пути как накопления новых данных для частных случаев идентификации, так и расширения круга диагностических задач и методик их решения. Появляется ряд работ, посвященных исследованию следов, возникающих на преградах из различных материалов[22].

Разрабатывались теоретические основы исследования изделий массового производства[23].

Развивалась транспортная трасология — исследование следов транспортных средств. Первой ласточкой в этой области было выступление М. Г. Богатырева "О транспортной трасологии, ее предмете и системе" на научной конференции в Ташкенте в 1961 г. В 1977 г. было издано методическое пособие для экспертов "Судебная транспортно-трасологическая экспертиза" (М., ВНИИСЭ), затем появились работы Ф. П. Совы, М. Г. Богатырева, Ю. Г. Кору-хова и других криминалистов. Разрабатывались и проблемы исследования следов предметов, замков, пломб и др., а также микрообъектов — микроследов и микрочастиц. Предлагалось даже выделить в трасологии специальный раздел — микротрасологию, но развития это предложение не получило.

Судебно-баллистическая экспертиза. Исследования шли по пути углубления теории и практики решения экспертных задач широкого спектра, как идентификационных, так и диагностических: установления исправности оружия, его пригодности для производства выстрела, пригодности для производства выстрелов боеприпасов, пробивной способности снаряда и др.[24] Решались вопросы установления давности выстрела, идентификации охотничьего оружия по следам на снаряде, разрабатывались методики по исследованию

продуктов выстрела при огнестрельных повреждениях. [25] Состояние судебно-баллистической экспертизы в эти годы получило свое полное отражение в методическом пособии для экспертов, подготовленном коллективом сотрудников судебно-экспертных учреждений органов юстиции в 1984 г. [26]

Р.М. Ланцман

Судебно-почерковедческая экспертиза. Важнейшей работой этого периода в области почерковедческой экспертизы была монография В. Ф. Орловой "Теория судебно-почерковедческой идентификации в советской криминалистике" (Труды ВНИ-ИСЭ, вып. 6. М., 1973). Она впоследствии легла в основу ее докторской диссертации.

Весьма важными были исследования идентификационных признаков почерка с позиций математической статистики, теории вероятностей и кибернетики. Значительный вклад в это направление внесли работы Р. М. Ланцмана, 3. И. Кирсанова, Л. Г. Эджубова и других криминалистов. Для Романа Михайловича Ланцмана это было основным полем деятельности.

Роман Михайлович Ланцман родился в 1924 г. в Ленинграде. В 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Воевал на Сталинградском, Северо-Западном, 3-м Белорусском фронтах помощником командира взвода 75-го армейского разведывательного отряда. Был неоднократно награжден.

Конец войны Роман Михайлович встретил в Германии, потом служил в Группе советских оккупационных войск. Поступил на заочный факультет Военно-юридической академии, который окончил в 1949 г., уже после демобилизации. В 1948 г. приказом министра юстиции России он назначается на должность научного сотрудника только что созданной в Ленинграде научно-исследовательской криминалистической лаборатории.

В апреле 1956 г. Ланцман в МГУ защищает кандидатскую диссертацию "К вопросу образования и изменения признаков почерка в свете судебной экспертизы документов". Оклады в лаборатории были маленькие, надбавки за ученую степень не платили, жить с семьей было трудно, и Роман Михайлович в апреле 1957 г. принимает предложение ректора Киргизского университета и уезжает преподавать криминалистику во Фрунзе (ныне Бишкек). Целых четыре года он путешествовал из Фрунзе в Ленинград, к семье и обратно, и эти бесконечные странствия вымотали его вконец. В 1961 г. он оставляет работу во Фрунзе, возвращается на работу в Ленинградскую лабораторию. Материальные неурядицы вновь заставили его хлопотать о выплате надбавки за ученую степень, но снова безрезультатно, и тогда он вынужден был принять предложение руководства Литовского НИИСЭ и переехал в Вильнюс на должность старшего научного сотрудника этого института: в институте надбавку за степень платили. В Вильнюсе и Ленинграде он развернул широкие исследования в области использования в почерковедении кибернетических методов исследования. Результаты этих исследований легли в основу его докторской диссертации "Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания", которую он защитил в 1971 г. в МГУ. В том же году после преобразования Ленинградской НИКЛ в Центральную лабораторию он вновь возвращается туда на работу уже в качестве заведующего отделом исследования документов и работает там до последних дней жизни. Скончался Роман Михайлович скоропостижно в 1988 г. от болезни сердца. В памяти он остался очень подвижным, энергичным человеком, верным и добрым другом и товарищем. Думаю, что мало кто знает, что он писал музыку к песням, иногда на собственные слова. Как-то в один из его приездов в Москву он спросил меня, нет ли у меня знакомых композиторов, которым он мог бы показать свои песни. Я одного такого знал — знаменитого

М. Г. Фрадкина, композитора-песенника, с которым я случайно познакомился, отдыхая в одном санатории в Юрмале. Позвонил Марку Григорьевичу, тот любезно согласился послушать Ланцма-на. Вернулся он от Фрадкина окрыленным: тот похвалил его песни и рекомендовал продолжать писать музыку. Было это незадолго до кончины Романа Михайловича, и, видимо, пожелание Фрадкина так и осталось нереализованным. А жаль: был бы у нас, криминалистов, свой композитор и не потребовалось бы заимствовать чужие мотивы к нашим песням!

Литература тех лет по почерковедческой экспертизе весьма обширна. Это работы Л. Е. Ароцкера, Б. И. Пинхасова, А. И. Мельниковой, В. Ф. Орловой, С. М. Вула, В. Г. Грузковой, 3. А. Ковальчук, 3. С. Меленевской, И. М. Можар и многих других. Почерковедческая экспертиза стала одним из наиболее научно разработанных видов криминалистической экспертизы.

Технико-криминалистическая экспертиза документов. Многолетние научные исследования в области этой экспертизы открыли ее новые возможности. Экспертиза развивалась по четырем направлениям:

- изучение объектов, в том числе новых, для определения того, какая криминалистически значимая информация может быть получена при их исследовании;
- разработка методов и методик получения такой информации;
- классификация экспертных задач с учетом постоянно расширяющихся возможностей технико-криминалистической экспертизы документов;
- теоретическое и методическое обеспечение проводимых экспертных исследований.

Идентификационным исследованиям таких объектов, как печати и штампы, пишущие машины, копировальные аппараты, электрографические установки, были посвящены многочисленные работы[27]. Новым видом исследования стали безрычажные пишущие машины, исследование документов, исполненных полиграфическими способами[28]. В ряде работ рассматриваются эффективные методы исследования документов: адсорбционно-люминесцентный, диффузно-копировальный, рентгенофазовый и др.[29]

Значительные успехи достигнуты в области исследования материалов документов[30]

А. М. Зинин

Судебно-портретная экспертиза. Здесь ведущую роль играли работы В. А. Снеткова, А. М. Зинина, З. И. Кирсанова, А. А. Гусева. Они составили прочную научную основу этого вида криминалистической экспертизы, позволили разработать методики составления композиционных и субъективных портретов, решения различных вариантов идентификационных и диагностических экспертных задач этого вида криминалистической экспертизы[31].

Резюмируя сказанное, можно заключить, что в эти годы все роды криминалистической экспертизы уже базировались на прочных научных основах, позволявших не только решать задачи сегодняшнего дня, но и с уверенностью прогнозировать их будущее развитие[32].

Немаловажную роль в развитии понятийного аппарата судебных экспертиз сыграло издание по инициативе ВНИИ судебных экспертиз ряда словарей судебно-экспертных терминов. Сначала вышел в свет "Словарь основных терминов судебных экспертиз" (1980 г.), затем словари терминов почерковедческой экспертизы (1981 г.), судебно-баллистической экспертизы (Е. И. Сташенко, 1984), фототехнической экспертизы (Д. Я. Мирский, 1985), судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз (1986 г.), экспертизы материалов, веществ и изделий (1987 г.), трасологической экспертизы (1987 г.), автотехнической экспертизы (1988 г.) и др.

Характеризуя развитие научных основ иных, кроме традиционных, криминалистических экспертиз, А. Р. Шляхов в юбилейный для ВНИИСЭ 1987 г. писал: "Создана научная база и разработаны методики экспертного исследования многих родов КЭМВИ — лакокрасочных материалов и покрытий, горюче-смазочных материалов и нефтепродуктов, волокон, волокнистых материалов и изделий из них, стекла, металлов, сплавов и изделий из них, полимерных материалов и пластмасс, наркотических веществ и ряда других. В самостоятельный класс выделилась судебно-почвоведческая экспертиза, ее теоретические и методические основы сформировались в рамках КЭМВИ. С 1986 г. расширены научные исследования спиртосодержащих жидкостей домашней выработки... В области судебно-автотехнической экспертизы наряду с исследованиями механизма ДТП и разработкой методик технической диагностики автотранспортных средств создаются теоретические основы и проводятся экспертизы по новым видам САТЭ — инженерно - психофизиологической и автодорожной... В перспективе планируется проводить финансово-экономические, экономико-трудовые и другие роды экономических экспертиз, предстоит разработать их теоретические и методические основы... Экспертиза поднялась на новый качественный уровень, расширились возможности исследования объектов; использование самых современных средств аналитической, инструментальной техники позволило исследовать вещественные доказательства в микроколичествах, в неповторимой их единичности; комплексный подход к экспертным исследованиям дал возможность в ряде случаев путем синтеза знаний из различных областей науки получать новое знание о фактах, необходимых для доказывания, он привел к решению интеграционных задач (например, указанные задачи решаются при установлении факта контактного взаимодействия орудия преступления, одежды и тела человека, комплектов одежды между собой и другими объектами), активное применение в экспертной практике математических методов и средств вычислительной техники повысило объективность выводов, дало возможность экспертам пользоваться полной базой данных при решении поставленных задач"[33].

Судебная экспертиза как процессуальный институт в эти годы явно была на подъеме, как и вся система судебно-экспертных учреждений.

Примечания:

[1] Миронов А. И. Возникновение и развитие криминалистических подразделений органов внутренних дел. М., 1979. С. 63.

[2] Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М., 1994. С. 147.

[3] Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М., 1994. С. 148.

[4] Александров Г., Строгович М. Неправильная практика // Соц. законность. 1960. № 3.

[5] Иванов В. П., Штейнгауз М. С. Состояние и перспективы развития судебной экспертизы в Белорусской ССР. Минск, 1983. С. 66-72.

[6] 40 лет Ташкентскому НИИСЭ им. Х.С. Сулаймановой МЮ Узбекской ССР. Ташкент, 1991. С. 11—12.

[7] Шляхов А. Р. Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы в свете ускорения научно-технического прогресса // Сб. науч. трудов ВНИИСЭ "Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы". М. , 1987. С. 6—8.

[8] Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М.. 1994. С 114—117.

[9] Инструкция об организации производства криминалистических экспертиз во Всесоюзном НИИ судебных экспертиз МЮ СССР. М., 1977; Положение о научных руководителях тем координационного плана НИР судебно-экспертных учреждений системы МЮ СССР. М., 1980.

[10] Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление… С. 117.

[11] Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3-х т. М., 1977-1979; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973; Шляхов А. Р. Судебная экспертиза (организация и проведение). М., 1979 и др.

[12] Седова Т. А. Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации. Л., 1986; Снетков В. А. Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. Вып. 27. М.. 1972; Корухов Ю.Г. Трасологическая диагностика. М., 1983 и др.

[13] См.: Общее учение о методах судебной экспертизы, М.,1977; Россинская Е. Р. Диагностика красителей, пигментов и наполнителей губных помад методами рентгеноанализа // Теория и практика криминалистических исследований и экспертиз. М., 1989; Силкин П. Ф. Судебно-исследовательская фотография. Волгоград, 1979 и др.

[14] Селиванов Н.А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств М., 1974; Лузгин И. М, Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981; Василевский А. Н. Профилография вещественных доказательств. М., 1983; Аубакиров А. Ф. и др. Возможности исследования вещественных доказательств методами голографической техники // Материалы Всесоюзной конференции. Ч.3. М., 1972 и др.

[15] Винберг А. И. Малаховская Н. Т. Судебная экспертология — новая отрасль науки // Соц. законность. 1973. № 11; они же. О закономерностях научных основ судебных экспертиз // Соц. законность. 1976. № 1; они же. Судебная экспертология. Волгоград, 1979.

[16] Судебная экспертология — новая отрасль науки (обзор откликов) // Соц. Законность. 1974. №8.

[17] Шляхов А.Р. Проблемы классификации в криминалистической экспертизе и её практическое значение // Труды ВНИИСЭ. Вып. 10. 1974.

[18] Помимо упомянутых работ имеется в виду работа Б. И. Шевченко. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975.

[19] Миронов А. И. Экспертиза следов зубов человека // Судебно-трасологическая экспертиза. М., 1972; Салтевский М. В. Следы человека и приемы использования их для получения информации о преступнике и обстоятельствах преступления. Киев, 1983; Грановский Г. Л. Следы ног. Киев, 1970 и др.

[20] Миронов А. И. Трасологическое исследование следов рельефа кожи человека. М., 1968.

[21] Тахо-Годи Х.М. Криминалистическое исследование одежды. М., 1971.

[22] См. например: Светлаков Е.М. Криминалистическое исследование объектов из стекла. Волгоград, 1981; Аугустинас Б. П. Криминалистическое исследование взломанных (разрушенных) металлических преград. Автореф. Дисс.. канд юрид. наук. М., 1985 и др. работы.

[23] См.: Методика трасологического исследования изделий массового производства. Киев, 1983.

[24] Тихонов Е. Н. Боеприпасы к ручному огнестрельному оружию. М., 1976; Савранов Л. Ф. Методика определения минимальной убойной силы стандартного и атипичного огнестрельного оружия и боеприпасов. М., 1979 и др.

[25] См.. Гущин В. Ф.О возможности идентификации гладкоствольных охотничьих ружей по следам на снарядах // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 7. Киев, 1970; Аверьянова Т. В. Теоретические и методические основы определения расстояния выстрела с учетом данных о метеоусловиях// Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1988; Ермоленко Б. Н. Теоретические и методические проблемы судебной баллистики. Киев, 1976 и др. работы.

[26] Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы // Метод. Пособие для экспертов. Вып. 1-4. М., 1984.

[27] Павленко С.Д. Седов Ю.И. Чепуркин С.Н. Подделка бланков документов, оттисков печатей, штампов и подписей электрофотографическим способом // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 7. Киев, 1970; Павленко С. Д. Криминалистические исследования оттисков печатных форм. Киев, 1970; Виницкий Л. В. Некоторые вопросы криминалистической экспертизы машинописных текстов. Караганда, 1975; Яковлев Я. М., Гусев А. А., Самошина 3. Г. Криминалистическая экспертиза машинописных текстов // Экспертная техника. Вып. 45. М., 1974 и др. работы.

[28] Гусев А. А., Сахарова Е.А., Данилович В. Б. Криминалистическое исследование текстов, отпечатанных на безрычажных пишущих машинах. М., 1986; Гусев А. А., Саванов Л. П. О некоторых особенностях проведения экспертизы документов, выполненных полиграфическими средствами // Экспертная техника. Вып. 31. М., 1970 и др. работы.

[29] Викторова Л.Н., Терской Я.Я. Применение адсорбционно-люминесцентного метода для выявления зачеркнутых и залитых записей // Экспертная техника. Выл, 35. М., 1971; Гусев А. А., Попов А. М. Применение диффузно-копировального метода при техническом исследовании документов // Методика криминалистической экспертизы. М., 1961. № 2; Семенова В. А. Дифференциация химическим путем красителей штрихов и выявление залитых (зачеркнутых) записей, выполненных одноцветными чернилами и пастами для шариковых ручек // Экспертная техника. Вып. 35. М., 1975 и др.

[30] Россинская Е.Р., Корольков А. Г. Рентгенофазовый анализ минерального состава бумаг. М., 1990; Криминалистическое исследование писчей и газетной бумаги. М., 1981 и др.

[31] СнетковВ.А., ВиниченкоИ. Ф., ШитниковВ. Зинин А. М. Криминалистическое описание внешности человека. М., 1984; Кирсанов 3. И. Выделение и оценка количественных признаков в экспертизе фотопортретов // Правовая кибернетика. М., 1970; Снетков В. А. Габитоскопия. Волгоград, 1979 и др. работы.

[32] См.: Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. М., 1994. С. 150-181.

[33] Шляхов А. Г. Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы в свете ускорения научно-технического прогресса // Сб. науч. трудов ВНИИСЭ. Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987. С. 8-9.

Глава 10. Многополюсный кафедральный мир

10.1. Научные будни университетских кафедр

В 70—80-е годы университетские кафедры криминалистики вели преимущественно теоретические исследования, поскольку не обладали собственной приборной базой, а их технический персонал обычно ограничивался одним-двумя лаборантами. Заметную роль в эти годы играли кафедры Московского, Белорусского, Киевского университетов, менее значимую — Ленинградского, Краснодарского, Красноярского и некоторых других университетов. На редких кафедрах существовало ядро ведущих ученых, обычно их представляли лишь сами заведующие, и в этом случае не приходилось вести речь о существовании выраженной научной школы, хотя и просматривалось определенное научное направление.

Я уже писал о кафедре криминалистики юридического факультета Московского университета. По своему составу эта кафедра была в тот период бесспорно ведущей среди университетских кафедр. После смерти в 1985 г. А. Н. Васильева заведующим кафедрой стал Н. П. Яблоков; на кафедре работали профессора В. Я. Кол-дин, Н. С. Полевой, позже Е. Е. Центров, доцент 3. Г. Самошина, другие опытные преподаватели. Доминирующего научного направления на кафедре не просматривалось, каждый из профессоров отдавал предпочтение своему направлению, в котором он был признанным авторитетом. Н. П. Яблоков специализировался в области преимущественно криминалистической методики. Это было заметно и в той доле его совместной работы с А. Н. Васильевым "Предмет, система и теоретические основы криминалистики", в которой его перу принадлежит раздел, посвященный в основном именно криминалистической методике. В 90-е гг. его привлекла оперативно-розыскная тематика, он опубликовал ряд интересных статей, посвященных, помимо прочего, и вопросам использования в расследовании оперативной информации. Одним из первых "цивильных" криминалистов он признал существование самостоятельной области научных знаний — теории оперативно-розыскной деятельности.

Его предшественник на посту заведующего кафедрой А. Н. Васильев в эти годы издал такие работы, как "Следственная тактика" (М., 1976), "Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений"(М., 1978), "Тактика отдельных следственных действий" (М., 1981), в которых выражал прежние взгляды на основные понятия тактики: тактический прием, соотношение криминалистической тактики, которую он упорно именовал следственной, с процессуальным законом. В работе 1984 г. он опять обратился к определению предмета криминалистики и не в первый раз предложил иное его определение.

Николай Степанович Полевой занимался проблемами и правовой кибернетики в широком плане, и применением кибернетических методов в криминалистике и судебной экспертизе. Двумя изданиями вышла его "Криминалистическая кибернетика" (М., 1982, 1989), под его редакцией была издана коллективная монография с участием иностранных ученых "Правовая кибернетика социалистических стран" (М., 1987), в соавторстве с В. Я. Колдиным монография "Информационные процессы и структуры в криминалистике" (М., 1985).

Валентин Яковлевич Колдин последовательно занимался теорией криминалистической идентификации. В 1978 г. выходит в свет его монография "Идентификация при расследовании преступлений", а в 1986 г. под его редакцией коллективная монография с участием ряда зарубежных ученых "Криминалистика социалистических стран".

Сравнительно новое направление в криминалистике открыл своими исследованиями Евгений Емельянович Центров, опубликовавший в 1988 г. монографию "Криминалистическое учение о потерпевшем" и защитивший по этой проблематике докторскую диссертацию.

Я уже упоминал работу 3. Г. Самошиной "Исторический очерк развития криминалистики на юридическом факультете МГУ" (М., 1982). Здесь же процитирую ее оценку монографии Н. П. Яблокова "Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда" (М., 1980), содержание которой, по ее словам, "вышло за пределы решения конкретных вопросов расследования и предупреждения данной категории преступлений. С учетом современных достижений криминалистики Н. П. Яблоков обосновал необходимость шире использовать в методике расследования системно-структурный анализ, кибернетику, математику, теорию информации. Им же разработаны предложения о содержании общих положений методики расследования отдельных видов преступлений" (с. 80). Преподаватели кафедры активно публиковались в периодических изданиях. В 1971 и

1980 гг. кафедра издала учебники для вузов по курсу криминалистики.

Выдающуюся роль в нашей науке играл заведующий кафедрой криминалистики Белорусского университета Андрей Васильевич Дулов. Его исследования шли в двух направлениях: в области судебной психологии и в области повышения эффективности криминалистической тактики и методики. Я уже упоминал его учебник "Судебная психология", работы по тактическим операциям и расследованию должностных преступлений, по психологическому анализу на предварительном следствии. Можно напомнить и относящиеся к более раннему периоду его исследования в области истории судебной экспертизы в России, также мною упоминавшиеся. На фоне этой яркой личности весьма бледно выглядят остальные члены этой кафедры, чьи имена практически не известны научной общественности.

Столь же яркую роль в развитии возглавляемой им кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета Воронежского университета играет Олег Яковлевич Баев. Основное направление его исследований — проблемы криминалистической тактики, где ему удалось раскрыть вопросы конфликтов на предварительном следствии. Но в отличие от кафедры А. В. Дулова, здесь активно проявили себя еще два представителя нашей науки — доктора наук В. Ф. Зудин, занимающийся вопросами следственной профилактики, и Вячеслав Иванович Батищев, разработавший методику расследования неоднократных преступлений отдельных лиц и преступных групп и опубликовавший по этой проблематике ряд работ, которые легли в основу его докторской диссертации (Воронеж, 1994).

В Киевском университете в эти годы сформировалась научная школа во главе с Виталием Константиновичем Лисиченко. Ее генеральная линия — криминалистическое исследование документов, параллельно — использование в криминалистике данных иных областей знания. Это второе направление возглавил принявший от Лисиченко заведование кафедрой криминалистики Владлен Игнатьевич Гончаренко. На кафедре возникли и "ответвления" от этих направлений: доктора наук В. П. Бахин, о котором речь еще впереди, занялся вопросами использования криминалистических рекомендаций в следственной практике, а Нина Ивановна Клименко — структурой профессиональной подготовки следователя. В коллективе кафедры такие высококвалифицированные преподаватели, как В. В. Циркаль, А. А. Фокина, более тридцати лет здесь работал Н. А. Сенчик.

В. Ф. Зудин В. И. Батищев С. И. Тихенко А. А. Эксархопуло

Своим авторитетом кафедра во многом обязана С. И. Тихенко.

Сергей Иванович Тихенко был в криминалистике личностью яркой, незаурядной. Он родился в 1896 г. в г. Шемахе Бакинской губернии, окончил в 1918 г. юридический факультет Петроградского университета и с 1921 г. начал преподавательскую деятельность в разных учебных заведениях: в Высшей военной школе в Киеве, на юридическом факультете Киевского института народного хозяйства и с 1944 г. в Киевском университете. В 1935—1941 гг. в преподавательской работе у него был перерыв: работал старшим научным сотрудником, а потом заведующим секцией криминалистической идентификации Киевского НИИ судебных экспертиз. С этого времени к его увлечению уголовным правом добавилось и увлечение криминалистикой.

Во время войны Сергей Иванович был военным следователем. Еще до демобилизации в 1945 г. с 1944 г. преподавал на юридическом факультете КГУ, а наряду с преподаванием в 1947—1952 гг. был членом Верховного Суда Украины.

С 1947 г. Сергей Иванович заведует кафедрой уголовного права и криминалистики университета. Это, наверное, была единственная подобная кафедра в Союзе, где объединение таких дисциплин определялось, как я думаю, личностью заведующего, равно компетентного и в области уголовного права, и в области криминалистики. В силу этого он занимался комплексной разработкой проблем этих наук в их взаимосвязи, уделяя особое внимание борьбе с хищениями государственной и общественной собственности и в связи с этим — исследованию документов, как средства совершения этих преступлений. В 1958 г. он защищает докторскую диссертацию "Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов", а в следующем году выходит одноименная монография. В 1949 г. ему присваивают ученое звание старшего научного сотрудника по специальности криминалистика и судебная экспертиза", а в 1960 г. — звание профессора по кафедре уголовного права, ему присваивается почетное звание заслуженного деятеля науки Украины.

Сергей Иванович подготовил около десяти кандидатов наук, он часто выступал в качестве официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, был он официальным оппонентом и по моей докторской диссертации, выступал очень доброжелательно и тепло поздравил меня с успешным результатом. Бывал я пару раз и у него дома, это был в полном смысле слова открытый дом, там частыми гостями были сотрудники кафедры и Киевского НИИСЭ, велись долгие дружеские беседы за чаепитием, а хозяин как-то очень незаметно направлял эти беседы в нужное русло и с улыбкой слушал порой горячие речи молодежи. Славный был человек и светлую память оставил по себе, когда в 1971г. на 75-м году жизни скончался.

Своеобразная ситуация складывалась на кафедре уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Ленинградского университета. Традиционно кафедрой заведовали процессуалисты, в описываемые годы — Н. С. Алексеев. Криминалистическое направление возглавлял И. Ф. Крылов; работавшая на кафедре профессор Т. А. Седова занималась узкоспециальной областью: применением естественнонаучных методов в криминалистике и судебной экспертизе, чему и были посвящены вышедшие в эти годы ее монографии: "Применение спектроскопии внутреннего отражения в судебной экспертизе" (Л., 1978) и "Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации" (Л., 1986). По своей роли на кафедре она, конечно, не могла составить конкуренцию И. Ф. Крылову. Тот же, как уже я говорил, очень ревниво относился к приходу на кафедру молодых способных ученых; профессор А. А. Эксархопуло пришел на кафедру уже тогда, когда Иван Филиппович фактически отошел от дел. Таким образом, кафедра была известна главным образом работами И. Ф. Крылова. В 1976 г. под его руководством и под его редакцией впервые ленинградские криминалисты издали свой учебник для юридических вузов, соавторами которого в большинстве были сотрудники Института повышения квалификации следственных работников Прокуратуры СССР, а из членов кафедры — рано ушедшие из жизни П. П. Цветков и И. Х. Максутов. Цветков в ту пору занимался исследованием личности обвиняемого, а Максутов — тактикой осмотра.

Интенсивно работала в эти годы кафедра криминалистики Казахского университета. Становление и развитие этой кафедры связано с именами Шакена Мажитовича Мажитова и Владимира Ивановича Попова.

Ш. М. Мажитов работал на кафедре с перерывами с 1949 г., одно время заведовал кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Но основная заслуга в деле становления кафедры как научного и педагогического коллектива принадлежит Владимиру Ивановичу Попову — сейчас старейшему криминалисту СНГ.

Родился Владимир Иванович в 1907 г. в Саратове, но детство и юность его прошли в Уральске и Гурьеве. Здесь до 1928 г. он работал в уральских губернских газетах "Красный Урал", "Юный большевик" и в гурьевской газете "Рабочая правда". В 1928 г. по путевке окружкома комсомола был направлен на работу в ОГПУ, участвовал в борьбе с басмачеством, был ранен.

В 1935 г. поступил на работу в органы прокуратуры, работал старшим следователем прокуратуры Западно-Казахстанской и Южно-Казахстанской областей и заочно учился в Саратовском юридическом институте, который окончил в 1938 г. В 1941 г. добровольцем

ушел в действующую армию, работал военным следователем бригады, 3-й ударной армии, помощником военного прокурора Калининского и 1-го Прибалтийского фронтов, Земландской группы войск. Был неоднократно награжден.

Незадолго до войны Владимир Иванович поступил в заочную аспирантуру ВИЮН, к И. Н. Якимову. Война прервала учебу, но после демобилизации в 1946 г. он продолжил учебу теперь уже в очной аспирантуре ВИЮН под руководством Н. В. Терзиева. В срок была закончена и защищена кандидатская диссертация "Процессуальные и криминалистические вопросы розыска скрывшихся преступников следственным аппаратом прокуратуры" (1948 г.). Эта работа определила основное направление будущих научных исследований Владимира Ивановича — розыскная деятельность следователя. Этой проблематике была посвящена и защищенная им в 1965 г. в совете МГУ докторская диссертация "Розыскная деятельность при расследовании преступлений", по которой мне довелось выступать в качестве официального оппонента.

Розыскная проблематика была главной темой его многочисленных работ, но отнюдь не единственной. Двумя изданиями — в Алма-Ате и Москве — выходит его руководство "Осмотр места происшествия" (1957, 1959 гг.), он разрабатывает проблемы взаимодействия следователей прокуратуры с органами милиции (1958 г.), соотношения криминалистики и судебной психологии (1970 г.), продолжает заниматься теорией розыска (1966, 1977 гг.). Его перу принадлежит впервые включенный в вузовский учебник раздел о розыске обвиняемого (1950 г.)

В 70-х гг. заметно вырос научный потенциал кафедры. На преподавательскую работу пришли Е. К. Джакишев (ныне заведующий кафедрой), А. М. Агушевич, Н. А. Джангельдин, Г. Г. Доспу-лов, Г. А. Мозговых, В. Е. Розенцвайг. Коллективом была подготовлена большая работа "Тактические основы следственных действий" в пяти выпусках (Алма-Ата, 1977), представлявшая собой учебное пособие по курсу криминалистики, и специальный практикум к спецкурсу "Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений" для студентов судебно-следственной специализации. Издаются работы Г. Г. Доспулова "Психология допроса на предварительном следствии" (Алма-Ата, 1976) и "Оптимизация предварительного следствия" (Алма-Ата, 1984), Е. К. Джа-кишева "Расследование хищений, совершаемых должностными лицами" (Алма-Ата, 1984), "Расследование хищений в торгующих организациях" (Алма-Ата, 1976, в соавт.), Г. А. Мозговых "Подготовка и назначение судебно-баллистической экспертизы" (Алма-Ата, 1975), "Судебно-трасологическая экспертиза" (Алма-Ата, 1988) и др. Кафедра заняла заметное место среди криминалистических кафедр университетов.

Остальные университетские кафедры были представлены в основном работами их заведующих и еще одного-двух сотрудников. Оснований для признания самостоятельных научных школ, пожалуй, в те годы не было. Эти заведующие — В. Е. Корноухов (Красноярский ГУ), А. А. Хмыров (Кубанский ГУ), Л. Л. Каневский (Башкирский ГУ), В. К. Гавло (Алтайский ГУ), В. И. Шиканов (Иркутский ГУ).

В. Е. Корноухов приобрел широкую известность уже после 1991 г. О нем я уже писал. Думаю, что сейчас можно с полным правом говорить о его научной школе, основная направленность исследований которой — общетеоретические проблемы криминалистики и в известной степени — теоретические вопросы судебной экспертизы.

Алексей Александрович Хмыров родился в 1925 г. в с. Донская Балка Ставропольского края. Участвовал в Великой Отечественной войне. После окончания в 1951 г. юридического факультета Ленинградского университета в течение почти десяти лет был на следственной работе, а с 1959 г. на преподавательской работе в ВЮЗИ. В 1972 г. он переходит на работу в Кубанский университет (г. Краснодар) и с 1983 г. заведует кафедрой криминалистики.

Предмет научных интересов Александра Алексеевича — область проблем на стыке уголовного процесса и криминалистики.

Он издает серьезную монографию "Косвенные доказательства" (М., 1979), после этого публикует не менее глубокое исследование "Основы теории доказывания" (Краснодар, 1981), активно участвует в разработке вопросов криминалистической методики, общетеоретических вопросов криминалистики. Его усилиями сформировался высококвалифицированный кафедральный коллектив, в котором работают профессор В. Д.

Зеленский, ведущий исследования в области организации предварительного расследования ("Следователь как субъект расследования", Краснодар, 1982; "Организация расследования преступлений", Ростов-на-Дону, 1989), несколько молодых доцентов. Сам очень доброжелательный, отзывчивый и добрый человек, Александр Алексеевич сумел установить на кафедре атмосферу дружеского коллективного труда. Моя дружба с этим человеком, которая насчитывает не один десяток лет, — предмет моей гордости, мы с ним единомышленники, и каждая встреча с ним — памятна.

В. И. Попов Е. Г. Джакишев Е. Г. Розенцвайг

Лев Львович Каневский хорошо известен в научных кругах. Он родился в 1924 г., как и Хмыров, участник войны, как и он, учился в Ленинграде, а потом свыше 10 лет был на следственной работе — биография, характерная для представителей моего поколения. С 1964 г. он — доцент Уфимского факультета Свердловского юридического института, а с 1982 г. — заведующий кафедрой, профессор юридического факультета Башкирского университета. Он — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России и заслуженный деятель науки Башкирии, очень уважаемый в наших кругах человек. Как В. Я. Колдин, В. А. Снетков и некоторые другие ученые, Лев Львович всю свою научную деятельность подчинил исследованию одной проблемы — борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Ей посвящены и основные его работы: "Организация расследования и тактика следственных действий по делам несовершеннолетних" (Уфа, 1978); "Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних" (М., 1982); "Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних" (Красноярск, 1991). Меня связывает с Львом Львовичем давняя крепкая дружба, это во всех отношениях достойнейший человек, глубоко порядочный и принципиальный.

В Томском университете свыше 30 лет плодотворно занимался исследованием проблем криминалистики Николай Трофимович Ведерников. Он родился в 1934 г. в г. Анжеро-Суджинске Кемеровской области. В 1958 г. окончил юридический факультет Томского университета и с ноября 1959 г. стал работать ассистентом кафедры уголовного права, процесса и криминалистики. В 1963 г. он поступает в аспирантуру по кафедре криминалистики МГУ. Под руководством А. Н. Васильева выполнил и в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию "Изучение личности преступника на предварительном следствии". В том же году, после выделения самостоятельной кафедры уголовного права, Ведерников избирается заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики. В 1980 г. он защищает в МГУ докторскую диссертацию "Личность обвиняемого и подсудимого в уголовном судопроизводстве (понятия, предмет и методика изучения)". В том же году после очередного разделения кафедры его избирают заведующим теперь уже самостоятельной кафедры криминалистики. В этой должности он проработал последующие 10 лет, уделяя по-прежнему внимание криминалистическому и криминологическому аспектам изучения личности в уголовном процессе.

В 1990 г. в жизни Николая Трофимовича произошли кардинальные перемены. Его избирают народным депутатом РСФСР, а затем членом Верховного Совета России. В октябре 1991 г. на Съезде народных депутатов РСФСР он избирается судьей Конституционного Суда и в этом качестве работает в настоящее время. В 1996 г. он был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки России.

Вениамин Константинович Гавло — единственный криминалист "докторского" уровня на Алтае. Он сменил в 1983 г. на посту заведующего кафедрой Евгения Николаевича Тихонова, известного специалиста в области судебной баллистики, скончавшегося в 1992 г. Известен своими работами в области криминалистической методики. В Иркутске кафедрой уголовного процесса и криминалистики в 70-х и середине 80-х гг. заведовал Владимир Иванович Шиканов. После работы 1983 г. "Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений" (Иркутск) значительных его работ не появлялось.

В других университетах публикация значительных работ по криминалистике была сравнительно редким явлением. Это работы Д. А. Турчина по трасологии (Дальневосточный университет), В. В. Тищенко по проблемам методики, И. В. Постики по криминалистике восточноевропейских государств (Одесский университет), В. И. Куклина по методике расследования разбойных нападений (Ивановский университет), А. Я. Палиашвили и Б. В. Харазишвили по проблемам судебной экспертизы (Тбилисский университет) и некоторых других авторов.

10.2. На старейших институтских кафедрах

В 70—80-х гг. наиболее сильные криминалистические коллективы сложились на кафедрах старейших юридических вузов страны — Всесоюзного юридического заочного института, Харьковского, Свердловского и Саратовского юридических институтов.

В 1972 г. С. П. Митричев оставил должность заведующего кафедрой криминалистики ВЮЗИ и перешел на должность профессора-консультанта. Заведующим стал Б. Л. Зотов, а его в 1980 г. сменил Илья Федорович Пантелеев, исполнявший по совместительству обязанности проректора института по научной работе. С 1991 г. кафедру возглавил В. А. Образцов (ВЮЗИ к этому времени был преобразован в Московский юридический институт, сейчас это — Московская государственная юридическая академия, а кафедрой криминалистики заведует Е. П. Ищенко).

Коллектив кафедры комплектовался преимущественно практическими работниками с большим стажем либо экспертной, либо следственной работы. Так, в 1961 г. из ЦКЛ на кафедру пришел Г. А. Самсонов, занимавшийся проблемами судебной баллистики, в 1984 г. — А. С. Лазари, работавшая перед переходом на кафедру заведующей сектором ВНИИСЭ, известный специалист в области трасологии и баллистики.

Многолетний заведующий кафедрой Илья Федорович Пантелеев родился в 1919 г. в с. Веселовка Пензенской области. Участник войны, долго работал в органах госбезопасности,

преподавал в Высшей школе КГБ, откуда и перешел на работу в ВЮЗИ. Он автор ряда работ по общетеоретическим проблемам криминалистики, по криминалистической методике. Выступал сторонником М. С. Строговича против признания возможности возникновения конфликтных ситуаций на предварительном следствии, против "следственных хитростей", одно время отстаивал определение криминалистики как науки о раскрытии преступлений. Он много сделал для повышения авторитета кафедры, способствовал научному росту ее сотрудников; при нем кафедра была своеобразным "опорным пунктом" Министерства высшего и среднего специального образования в области заочного обучения юристов. В 1973-м, 1984-м, 1988-ми 1993 гг. под его редакцией вышли в свет подготовленные кафедрой с участием некоторых посторонних авторов учебники по криминалистике для юридических вузов.

В. Д. Зеленский В. К. Гавло Е. Н. Тихонов Н. Т. Ведерников

Мои отношения с Ильей Федоровичем никогда не отличались теплотой, но всегда были корректны, хотя по очень многим вопросам наши позиции были диаметрально противоположны и во время устных и печатных дискуссий мы были по разные стороны "баррикады". Упрекать его в "переходе на личности" во время этих дискуссий у меня нет никаких оснований. Сейчас на этой кафедре работают бывшие члены моей кафедры Высшей школы МВД — доценты П. Т. Скорченко, М. П. Хилобок. С приходом к заведованию кафедрой в 1991 г. В. А. Образцова резко изменилась ориентация научных исследований, да и сама концепция преподавания криминалистики по его инициативе претерпела существенные изменения. Но все это — уже за хронологическими рамками моей книги.

Кафедра криминалистики Свердловского юридического института по праву считалась одной из ведущих в 70—80-е гг. Свыше 30 лет, с 1966 г., кафедрой заведовал Иван Федорович Герасимов, защитивший в 1982 г. докторскую диссертацию по проблемам криминалистической методики. На кафедре стали докторами наук Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин, который сейчас заведует кафедрой, Е. П. Ищенко. Здесь усилиями коллектива кафедры сформировалась своя научная школа, представители которой вели исследование проблем раскрытия преступления, следственных ситуаций и операций, преодоления противодействия расследованию и др. По этим проблемам кафедра систематически издавала сборники научных трудов, пользовавшиеся большой популярностью у криминалистов Союза. Впоследствии от кафедры отпочковались две другие специализированные кафедры, которые возглавили Л. Я. Драпкин и И. Н. Сорокотягин. Первый пополнил криминалистическую "копилку" обстоятельными работами по проблематике версий и следственных ситуаций, второй — по различным аспектам использования в судопроизводстве специальных познаний.

А. Я. Палиашвили Б. В. Харазашвили И. В. Постика В. В. Тищенко

Кафедра криминалистики Саратовского юридического института до 1973 г. возглавлялась известным ученым-криминалистом Дмитрием Павловичем Рассейкиным, а после его кончины попеременно профессором В. В. Степановым и профессором Л. А. Ивановым. На кафедре было выполнено несколько интересных работ Л. А. Ивановым по расследованию дорожно-транспортных происшествий и судебным экспертизам по этим делам, М. Н. Хлынцовым по моделированию при расследовании преступлений, В. И. Комиссаровым по проблемам криминалистической тактики, вышли в свет несколько содержательных сборников "Теория и практика судебной экспертизы". При активном содействии кафедры и в особенности Л. А. Иванова в 1986 г. в издательстве Саратовского университета вышла моя монография "Общая теория советской криминалистики".

Рассказ об этой кафедре будет явно не полон, если не вспомнить о ее первом заведующем, докторе юридических наук профессоре Дмитрии Павловиче Рассейкине и одном из старейших криминалистов — М. Е. Евгеньеве-Тише.

Д. П. Рассейкин родился в 1909 г. в бедной мордовской крестьянской семье в с. Атяшеве Мордовской АССР. Отец его погиб на русско-германской войне в 1917 г., мать-колхозница одна поднимала детей. Дмитрию Павловичу довелось поработать чернорабочим на строительстве Тейковской ГРЭС в Ивановской области, землекопом на строительстве Турксиба. В ноябре 1929 г. по комсомольской путевке стал работать секретарем народного суда Атя-шевского района Мордовии. Отслужив в 1931—1933 гг. в армии, Дмитрий Павлович вернулся на работу в суд и поступил на заочный факультет Казанского юридического института. В октябре 1938г. по рекомендации Государственной экзаменационной комиссии института НКЮ РСФСР направил его на учебу в аспирантуру Харьковского юридического института. Еще будучи аспирантом, начал преподавать криминалистику в этом институте, а в июне 1941 г., накануне войны, защитил кандидатскую диссертацию — первую подобную работу по проблемам криминалистической регистрации. 12 июля 1941 г. добровольцем ушел на фронт и до конца войны был военным следователем в действующей армии, лично участвовал в боях, был ранен, контужен, многократно награжден.

И. Ф. Пантелеев В. А. Образцов Е. П. Ищенко И.Ф.Герасимов

Демобилизовался Дмитрий Павлович в начале 1946 г. и был направлен НКЮ СССР в Ташкентский юридический институт, где проработал 12 лет доцентом, а с 1950 г. — заведующим кафедрой криминалистики. По состоянию здоровья дочери семье необходимо было выехать из Средней Азии. В ноябре 1957 г. Рассейкина переводят в Саратов, в юридический институт, где он становится заведующим вновь организованной кафедры криминалистики. С начала 60-х гг. Дмитрий Павлович начал собирать материалы для докторской диссертации по проблемам борьбы с преступлениями против жизни. В 1965 г. он публикует монографию "Расследование преступлений против жизни" (изд. Саратовского ГУ), а в 1967 г. — монографию "Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств" (то же издательство). В 1968 г. он успешно защищает докторскую диссертацию " Актуальные вопросы борьбы с умышленными убийствами". В следующем году его утверждают в звании профессора.

И. Н. Сорокотягин В. И. Комиссаров Л. А. Иванов Д. П. Рассейкин

Дмитрий Павлович уделял самое серьезное внимание подготовке научно-педагогических кадров. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации 15 человек, а уже к 1972 году штат кафедры насчитывал 21 преподавателя — в пять с лишним раз больше, чем тогда, когда он принял кафедру. При нем же и определилось основное направление научных исследований кафедры — методика расследования наиболее опасных преступлений и отдельные вопросы судебной экспертизы.

Скончался Дмитрий Павлович скоропостижно, в 1973 г., возвращаясь из Ростова-на-Дону, где он участвовал в приеме государственных экзаменов.

Марк Евгеньевич Евгеньев-Тиш (1892—1975 гг.) в 1918 г. окончил юридический факультет Киевского университета и с 1919 по 1938 г. был на практической работе в органах прокуратуры и юстиции. С 1938 г. он на преподавательской работе в Киевском университете, в годы войны — военный следователь. После демобилизации преподавал уголовный процесс и криминалистику в учебных заведениях Новосибирска, Казани, в ВЮЗИ, а с 1949 г. работал в Саратовском юридическом институте. Числился он на кафедре уголовного процесса, но все известные его работы — по криминалистике. Еще до войны он опубликовал несколько пособий по методике расследования хищений и получившее широкую известность руководство "Методика и техника расследования преступлений" под редакцией С. М. Потапова (М., 1940). В саратовском институте он опубликовал в "Ученых записках" статью "Введение в криминалистику" (1949 г.), работал над обширной монографией "Учение о допросе", которая так и осталась неопубликованной. В 1957 г. Марк Евгеньевич увольняется на пенсию и в последние годы жизни наукой не занимался.

Кафедра криминалистики Харьковского юридического института (ныне Национальная юридическая академия Украины) — старейшая из подобных кафедр. С 1952 г. ею заведовал В. П. Колмаков, затем А. Н. Кодесниченко, а после него В. Е. Коновалова. В 1997 г. кафедру принял ее достойный ученик В. Ю. Шепитько. На кафедре работает такой известный ученый, как Г. А. Матусовский.

Научная школа В. Е. Коноваловой хорошо известна. Она сама, ее ученики и последователи ведут исследования в области психологии и этики следственных действий, логических основ процесса расследования.

Сейчас на кафедре работает один из старейших наших криминалистов — Михаил Васильевич Салтевский, который вернулся в Харьков после многих лет работы в бывшей Киевской высшей школе МВД.

10.3. У военных криминалистов

Рассказ о военных криминалистах я вынужден начать издалека, с 1939 г., когда на базе военно-юридического факультета Всесоюзной правовой академии была создана Военно-юридическая академия, не имевшая, правда, ничего общего с одноименной Императорской военно-юридической академией царской армии.

В составе ВЮА была создана кафедра судебного права во главе с членом-корреспондентом Академии наук полковником юстиции Сергеем Александровичем Голунским. Этот известный ученый-юрист был не чужд криминалистики: в 1934 г. в соавторстве с Г. К. Рогинским он написал пособие "Техника и методика расследования преступлений", вышедшее в свет пятью выпусками, был соавтором учебника по криминалистике для юридических вузов 1938 г., вместе с Б. М. Шавером написал вторую книгу этого учебника, посвященную методике расследования преступлений, которая была издана в 1939 г. После войны занимался вопросами планирования расследования, ему принадлежит глава о планировании в учебнике 1959 г. Был он одно время и директором ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза, а потом главным редактором журнала "Советское государство и право".

Круг дисциплин, "приписанных" к кафедре, соответствовал существовавшим в то время представлениям о содержании судебного права: уголовный и военно-уголовный процесс, криминалистика, судебная медицина и судебная психиатрия, судоустройство. Криминалистика была разделена на две учебные дисциплины: технику и тактику читали А. И. Винберг, Ю. М. Кубицкий, А. И. Антонов и М. Г. Богатырев, методику расследования — М. П. Шаламов, М. Я. Савицкий, В. М. Никифоров. Судебную медицину преподавал М.И.Авдеев.

А. Н. Колесниченко М. Е. Евгеньев-Тиш М. В. Салтевский В. П. Бахин

В октябре 1941 г. академия была эвакуирована в Ашхабад. Сроки обучения были сокращены, занятия велись по 18 часов в день. Но даже в этих условиях преподаватели кафедры находили время для подготовки брошюр "Библиотечки военного юриста" — необходимого пособия для военных юристов действующей армии. В Ашхабаде были подготовлены такие ее выпуски: Ю. М. Кубицкий "Осмотр места происшествия по уголовным делам" (1942 г.), М. Г. Богатырев "Следы от автотранспорта и следы с места происшествия на нем" (1942 г.); Ю. М. Кубицкий "Криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза" (1942 г.); В. М. Никифоров "Обыск" (1943 г.); М. И. Авдеев "Пособие по судебной медицине для следователей и врачей" (1943 г.) и др.

В 1942 г. на кафедре была проведена дискуссия о предмете криминалистики с докладом М. С. Строговича. В ходе дискуссии определились две точки зрения: за трехчленную систему криминалистики и ее преподавание в едином учебном курсе и за отнесение криминалистической тактики и методики к науке уголовного процесса в качестве ее специальной части или курса. Стороны остались при своих мнениях, но когда после возвращения академии в 1943 г. в Москву в 1944 г. из кафедры судебного права выделилась самостоятельная кафедра криминалистики и судебной медицины, было принято компромиссное решение: техника и тактика отошли к новой кафедре, а методика осталась на кафедре судебного права. Там же преподавались логика, общая и судебная психология.

Михаил Иванович Авдеев работал в ВЮА с 1940 по 1954 г. В 1943 г. он был назначен Главным судебно-медицинским экспертом РККА по совместительству и также по совместительству начальником Судебно-медицинской лаборатории Главного военно-медицинского управления.

Харьковская криминалистическая элита (слева направо):
М. В. Салтевский, В. Е. Коновалова, В. Ю. Шепитько, зав. кафедрой криминалистики Национальной юридической академии Украины,
Г. А. Матусовский

В 1945 г. на кафедре работали М. И. Авдеев, доцент А. И. Вин-берг, преподаватель А. И. Антонов и адъюнкты Ю. П. Рагулье и И. И. Сафронов. На кафедре судебного права методику читали М. П. Шаламов, М. Я. Савицкий и В. С. Никифоров[1]. С кафедрой сотрудничал С. М. Потапов, читал некоторые лекции слушателям, был научным руководителем И. И. Сафронова, а ранее — А. И. Винберга.

М. Г. Богатырев в 1943 г. был откомандирован на следственную работу в действующую армию, и судьба его сложилась иначе, чем у остальных членов кафедры.

Михаил Григорьевич Богатырев родился в 1917 г. в Одессе. В 1939 г. с последнего курса Харьковского юридического института был призван в армию и направлен в ВЮА, которую и окончил в 1940 г. В 1942 г. он окончил адъюнктуру по кафедре криминалистики под руководством А. И. Винберга (это был его первый ученик-адъюнкт), но диссертацию защитил уже после войны, в 1946 г. в Харькове.

В 1945 г. Богатырев был откомандирован в судебно-медицинскую лабораторию Киевского военного округа, где до 1953 г. работал экспертом-криминалистом, потом еще четыре года работал старшим научным сотрудником Киевского НИИСЭ. В 1961 г. Михаил Григорьевич переходит на преподавательскую работу — сначала старшим преподавателем Киевского филиала ВЮЗИ, а с 1962 г. до ухода на пенсию — Киевской высшей школы МВД.

Михаил Григорьевич много сделал для совершенствования преподавания криминалистики работникам органов внутренних дел. Не прекращал он и научных исследований, главным образом в области транспортной трасологии, где по праву считался пионером. Он сформулировал предмет и систему транспортной трасологии (1961 г.), разработал методику расследования автотранспортных происшествий (1948, 1949, 1960 гг.). Его монография "Неотложные следственные действия при дорожно-транспортных происшествиях" (Киев, 1967) не утратила своей актуальности и в наши дни.

Небольшой по численности коллектив кафедры криминалистики и судебной медицины по своему профессиональному уровню превосходил многие родственные кафедры других вузов. Александр Иванович Антонов был блестящим знатоком фотографии — и общей и судебной. Он работал в ВЮА с 1940 по 1954 г., подготовил ряд пособий по судебной фотографии, вместе с известным специалистом в области фотографии Д. 3. Бунимовичем подготовил пособие "Применение следственного чемодана" (М., 1950, 1952).

Я по праву могу считать Ивана Ивановича Сафронова своим учителем: он вел занятия у нас на курсе, когда я учился в ВЮА. Он — превосходный преподаватель, как говорится, от Бога, поражал нас своей эрудицией и в области судебной медицины, и в области криминалистики.

Иван Иванович родился в 1913 г. в г. Скопин Рязанской губернии. После окончания в 1940 г. Московского медицинского института специализировался в области судебной медицины, был призван в армию и зачислен в адъюнктуру ВЮА. Вместе с академией был в эвакуации, и с тех пор вся его жизнь была связана с этим учебным заведением. В 1949 г. он защитил кандидатскую диссертацию по новой тогда теме: "Стереоскопия и измерительная фотография в криминалистике и судебной медицине", в 1951 г. ему было присвоено звание доцента. Вместе с А. И. Винбергом он руководил работой научного кружка слушателей при кафедре; я хорошо помню заседания кружка, они проходили живо и интересно, на них всегда было многолюдно, и не я один начал свой путь в науку г. этих заседаний.

Криминалистическую методику читал нам доцент полковник юстиции Всеволод Матвеевич Никифоров. Кандидатскую диссертацию он защитил в 1945 г. по проблемам судебной экспертизы, тогда же издал монографию о юридической природе экспертизы[2]. В 1950 г. издал пособие по расследованию воинских преступлений. Лекции его помню плохо, наверное, потому, что методика меня не особенно привлекала.

Именно на этой кафедре стали проводиться криминалистические конференции с участием практических работников, позже их возобновил А. И. Винберг во ВНИИСЭ, где они именовались семинарами — криминалистическими чтениями, а теперь их проводит кафедра управления органами расследования Академии МВД РФ.

И еще одна важная сторона деятельности кафедры ВЮА: с 1948 по 1956 г. на ней проводились криминалистические (почерко-ведческие, трасологические, технические

экспертизы документов, баллистические и портретные) экспертизы по поручениям органов военной прокуратуры и прокуратуры Москвы. Лаборатория при кафедре работала на общественных началах под непосредственным наблюдением заведующего криминалистическим отделением Центральной судебно-медицинской лаборатории Советской Армии Б. И. Шевченко и экспертов отделения Георгия Александровича Глассона и Николая Ивановича Герасимова (впоследствии старшего преподавателя кафедры криминалистики Высшей школы МВД).

В 1956 г. ВЮА была ликвидирована, а на ее базе создан военно-юридический факультет Военно-политической академии. Ликвидирована была и кафедра криминалистики и судебной медицины. Криминалистика как вспомогательная дисциплина преподавалась на кафедре судебного права, уголовного права и процесса, а затем на кафедре юридических дисциплин. Научные исследования в области криминалистики в это время практически не велись. В 1967 г. в связи с расширением военно-юридического факультета вновь была создана кафедра криминалистики; курс криминалистики теперь целиком был сосредоточен на этой кафедре, она же вела преподавание и судебной медицины, судебной психиатрии и судебной психологии. Начальником возрожденной кафедры был назначен В. Н. Абрамин.

Организация самостоятельной кафедры криминалистики благотворно сказалась и на преподавании читаемых на ней курсов и на развертывании научных криминалистических исследований. В 70—80-е годы преподавателями кафедры были защищены кандидатские диссертации: И. И. Мацкевичем "Применение научно-технических средств при расследовании и предупреждении преступных нарушений правил вождения и эксплуатации боевых, специальных и транспортных машин в ВС СССР" (1973 г.), С. Н. Чуриловым "Принципы разработки и построения частных криминалистических методик" (1981 г.); В. П. Антоновым "Обнаружение, закрепление и использование следов-наложений веществ (материалов) при расследовании преступлений" (1972 г.); В. В. Романовым "Расследование воинских преступлений против порядка подчиненности и воинской чести" (1972 г.); В. П. Антиповым "Теоретические и практические вопросы планирования расследования преступлений следователем военной прокуратуры в проблемных ситуациях" (1982 г.); А. И. Зиновкиным "Тактические операции при расследовании преступлений против порядка прохождения военной службы" (1984 г.); В. Н. Щукиным "Методика расследования хищений военного вещевого имущества, совершаемых путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением" (1986 г.); Н. М. Балашовым "Тактические решения следователя военной прокуратуры при расследовании хищений продовольствия, совершенных должностными лицами воинских частей" (1986 г.); В. А. Коз-ловцевым "Расследование и предупреждение хищений денежных средств, совершаемых должностными лицами финансовой службы воинских частей" (1987 г.); Р. Н. Климовым "Организация и тактика начального этапа расследования краж государственного имущества из складов и магазинов на территории воинских частей" (1988 г.).

Заметным событием в научной деятельности кафедры стало издание ряда учебников: в 1983 г. вышел учебник по разделу криминалистической методики, в 1991 г. — по разделу криминалистической тактики и в 1993 г. — вновь по разделу методики. По сравнению с учебником 1983 г. в этом издании учтены те новации, которые появились в криминалистике в отношении структуры частных криминалистических методик.

Военный институт, в составе которого функционировала кафедра криминалистики, был преобразован сначала в Академию экономики, финансов и права, а ныне — в Военный университет.

10.4. Криминалистика милицейских школ

После упразднения МВД СССР в 1960 г. на базе Киевского филиала и Минского факультета Высшей школы были образованы самостоятельные высшие учебные заведения МВД союзных республик, имеющие в своём составе кафедры криминалистики.

М. Г. Богатырев И. И. Сафронов В.Н.Абрамин В. П. Антонов

В 70—80-х гг. кафедра криминалистики Киевской высшей школы (ныне Академия внутренних дел МВД Украины) переживала заметный подъем.

В 1971 г. начальником кафедры был назначен профессор М. В. Салтевский, широко известный в кругах криминалистов как специалист в области криминалистической техники и судебной экспертизы.

Михаил Васильевич Салтевский родился в 1917 г. в дер. Григорьевка Новосибирской области. В 1940 г. он окончил физико-математический факультет Томского учительского института, работал учителем средней школы. В 1942 г. был призван в действующую армию; участник войны. После демобилизации идет работать в Харьковский НИИ судебных экспертиз и поступает на учебу в Харьковский юридический институт. В 1953 г. Салтевский становится заведующим отделом ХНИИСЭ. В этом качестве он защищает в 1955 г. кандидатскую диссертацию "Криминалистическая экспертиза замков и пломб". В 1962 г. переходит на преподавательскую работу в Харьковский юридический институт, готовит докторскую диссертацию "Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе (методологические и правовые проблемы)", которую успешно защищает в 1969 г. в своем же институте.

В 1971 г. Михаил Васильевич принимает предложение занять должность начальника кафедры криминалистики в Киевской высшей школе МВД и переезжает в Киев. Здесь он развернул поистине кипучую деятельность: одним из первых занялся проблемой программирования обучения, издает серию программированных пособий: "Криминалистическая техника и тактика (программированные задания)" (1973 г.), "Методика расследования отдельных видов преступлений (программированные задания)" (в соавт., 1975). В 1980 г. выходит написанная им оригинальная работа "Собирание криминалистической информации техническими средствами на предварительном следствии", он занимается проблемами фоноско-пических и одорологических исследований в криминалистике (1982, 1986 гг.). Михаил Васильевич — человек неуемной энергии, полный самых разных идей, которые он настойчиво стремится внедрить в жизнь. В 1979 г. Михаил Васильевич по возрасту перешел на должность профессора, а начальником кафедры стал В. П. Бахин, переехавший в Киев из Омска, где он был заместителем начальника Омской высшей школы МВД по научной работе. Для кафедры выпал счастливый билет: Салтевского заменил столь же деятельный, знающий и очень порядочный человек, о котором я еще скажу особо.

Проработав несколько лет профессором Высшей школы, Михаил Васильевич решил переехать в Харьков, к дочери. Решение это далось ему нелегко, он колебался, но наконец решился. В Харькове Салтевский начал работать на кафедре криминалистики Харьковского юридического института. Здесь в 1997 г. он издает оригинальную работу: "Криминалистика в современном изложении для юристов. Учебное и практическое пособие". Мне, выступающему сейчас в роли историка, вообще-то негоже, так сказать, "лезть" в современность, тем более теперь уже в независимую украинскую криминалистику, но я не могу удержаться, чтобы хотя бы в нескольких словах не рассказать об этой книге.

В книге пять разделов: теоретические основы науки криминалистики; технические средства и методы собирания криминалистической информации; криминалистическое следоведение; следы человека; следы средств совершения преступлений. Пересказывать содержание книги долго, упомяну лишь те главы, которые в других учебниках, как правило, не встречаются. Это — учение о механизме совершения преступления; следы — источники криминалистической информации; следы кожного покрова головы человека; следы звука; следы запаха человека;

следы физических явлений, сильнодействующих и ядовитых веществ, сил и явлений природы. Эта книга — итог многолетних исследований автора в области криминалистической техники и судебной экспертизы, отличный подарок, который автор преподнес себе ко дню своего восьмидесятилетия.

Михаил Васильевич — бесспорно один из ведущих криминалистов Украины. Но и российская криминалистика с полным правом может считать его своим: так много он сделал для нашей общей науки.

Преемник Салтевского на должности начальника кафедры Владимир Петрович Бахин — воспитанник кафедры криминалистики Высшей школы МВД. Он родился в 1932 г. в Ленинграде. В 1955 г. окончил юридический факультет университета Ростова-на-Дону, работал оперативным уполномоченным, следователем, а с 1959 по 1961 г. — преподавателем Новочеркасского республиканского учебного пункта МВД.

В 1961 г. Владимир Петрович поступает в адъюнктуру ко мне на кафедру. После успешной защиты кандидатской диссертации он назначается преподавателем Орловского отделения заочного обучения Высшей школы, но уже в следующем, 1965 г., — начальником кафедры криминалистики Омской высшей школы милиции. Почти десять лет он работал в этой должности и потом еще свыше пяти лет — заместителем начальника этой школы по научной работе. Состояние здоровья жены требовало смены климата, и Бахина в 1979г. переводят в Киев — начальником кафедры криминалистики Киевской высшей школы МВД. С этой должности он в 1985 г. уходит в отставку и переходит на работу на кафедру криминалистики Киевского университета, где и работает сейчас.

Владимир Петрович избрал в качестве основного направления своей научной деятельности необычную проблематику: изучение следственной практики в ее криминалистическом и науковедческом аспектах. Он публикует ряд работ, в которых раскрывается роль следственной практики и как критерия истинности криминалистических рекомендаций, и как объекта криминалистических исследований, рассматривает процесс внедрения в практику разрабатываемых криминалистикой средств и методов раскрытия и расследования преступлений, пути и формы обобщения и использования передового следственного опыта. Полученные данные позволяют ему раскрыть функции криминалистики в совершенствовании следственной практики. Этим же целям служат и науковедческие исследования Бахина: библиографический анализ диссертаций по криминалистике, наукометрический анализ в судебной экспертизе и др. Накопленный за эти годы огромный материал стал основой монографии "Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования" (Киев, 1991), а затем и одноименной докторской диссертации, которую он с блеском защитил в апреле 1991 г.

Владимир Петрович всегда составлял гордость той кафедры, которая дала ему путевку в науку, и он, по-моему, тоже всегда с теплотой относился и к своей "материнской" кафедре и к ее сотрудникам. У меня все эти годы сохранились самые теплые, дружеские отношения с этим глубокоуважаемым ученым и человеком, и я не стесняюсь признаться ему в любви и искренней привязанности.

Кафедра в пору руководства ею Бахиным была одной из лучших в системе учебных заведений МВД среди аналогичных кафедр. К сожалению, в последующие годы заметно ослаб и ее научный потенциал, и деловой авторитет.

Заметное место среди кафедр криминалистики высших учебных заведений МВД занимала кафедра криминалистики Минской высшей школы (ныне Академии МВД Республики Беларусь). Много лет кафедрой руководил мой первый адъюнкт, пришедший на учебу в адъюнктуру Высшей школы из транспортной милиции, Николай Иванович Порубов. Он сумел создать на кафедре высококвалифицированный коллектив и сам активно занимался научными исследованиями в области преимущественно криминалистической тактики. Его монографии по допросу по праву считаются наиболее глубокими исследованиями в этой области. Различным аспектам допроса посвящена и его докторская диссертация (1978 г.). Николай Иванович был первым из криминалистов, занявшимся проблемами научной организации труда следователя[3]. Много вни-мания уделял Николай Иванович и наглядности преподавания: он разрабатывал и издавал альбомы и практикумы схем по курсу

криминалистики.

Николай Иванович олицетворяет собой тип ученого, к которому по праву относятся эпитеты "творческий", "ищущий". Духом творчества пронизана вся его деятельность на поприще науки. Он не только обладает обостренным чувством нового, но и стоит в первых рядах тех, кто занимается этим "новым". Так было с научной организацией труда следователя, с методикой расследования преступлений на транспорте, с нравственными началами допроса и др. Теперь он одержим идеей разработки проблем судебной риторики — области, в которой "не ступала нога" ни одного из современных юристов. А у него на столе — уже первый вариант солидной рукописи на эту тему!

Когда Н. И. Порубов по возрасту вышел в отставку, его сменил на должности руководителя кафедры Гарольд Иванович Гра-мович, в прошлом — эксперт-криминалист с многолетним стажем работы в экспертной службе органов внутренних дел. В трудных постперестроечных условиях ему удалось сохранить основной костяк преподавательского коллектива и авторитет кафедры. Этот коллектив пополнялся и выпускниками адъюнктуры Академии МВД СССР, которую окончили Е. И. Котов, И. Л. Авраменко, А. В. Авсюк.

В отличие от Н. И. Порубова, Грамович занимается преимущественно вопросами криминалистической техники, которые и составили содержание его докторской диссертации, защищенной в 1990 г. Проблемы методики разрабатывает на кафедре профессор Н. И. Николайчик.

Н.И.Порубов Г. И. Грамович Н. И. Николайчик Л. В. Винницкий

В описываемый период успешно работала кафедра криминалистики Карагандинской высшей школы МВД СССР. Она была создана после реорганизации Алма-Атинского заочного факультета Высшей школы МВД СССР и ее первым начальником был Александр Яковлевич Гинзбург, которого сменил Лев Витальевич Виницкий.

Лев Витальевич Виницкий родился в 1939 г. в г. Ямполь Винницкой области. В 1958 г. окончил Алма-Атинскую специальную среднюю школу милиции, работал следователем, экспертом и учился на Алма-Атинском заочном факультете ВШ МВД СССР. В 1967 г. стал преподавателем Алма-Атинской ССШ милиции, а в 1969 г. поступил в адъюнктуру по кафедре криминалистики в Высшую школу МВД. После успешной защиты кандидатской диссертации вновь уехал в Казахстан, теперь уже в Карагандинскую ВШ, работал старшим преподавателем, заместителем начальника кафедры и с 1974 г. начальником кафедры криминалистики. Впоследствии переехал в Россию и сейчас работает профессором Смоленского факультета ЮИ МВД Российской Федерации. В 1991 г. Лев Витальевич защитил докторскую диссертацию по проблемам следственного осмотра, и вскоре после этого ему было присвоено звание профессора. Небезынтересно, что его докторская диссертация была лишь второй в истории отечественной криминалистики докторской диссертацией по следственному осмотру — через сорок с лишним лет после защищенной в 1947 г. диссертации И. Н. Якимова.

Лев Витальевич прекрасно руководил в свое время кафедрой. Этому, видимо, в немалой степени способствовали не только его глубокие научные знания, широкий кругозор, высокий личный авторитет, но и чисто личные качества: выдержанность, спокойствие в сложных ситуациях, умение достичь компромисса и уважительное отношение к подчиненным. Он отличный лектор, увлеченно ведет занятия. И помимо всего прочего — верный и надежный товарищ.

Волгоградская высшая следственная школа МВД СССР внесла заметный вклад в эти годы в отечественную криминалистику. Здесь ряд кафедр криминалистической направленности, обеспечивающих подготовку и следователей и экспертов-криминалистов. Перу профессоров и преподавателей-криминалистов принадлежит ряд монографий, учебных и методических пособий, изданных школой в 70—80-е гг. Назову лишь наиболее значимые из них; "Криминалистическое учение о розыске" (1988 г.) А. А. Закатова — профессора, заслуженного деятеля науки России, посвятившего розыскной деятельности следователя свою докторскую диссертацию (1988 г.); "Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений" профессора С. И. Медведева (1973 г.); "Совершенствование предварительного следствия и предмет советской криминалистики" Ю. И. Краснобаева (1979 г.); "Психология следственных действий" Ф. В. Глазырина (1983 г.); "Правовые и криминалистические вопросы экспертизы холодного оружия" А. Г. Егорова (1985 г.); "Судебная экспертология" А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской (1979 г.) и многие другие. Школа издала несколько фундаментальных учебников для экспертного факультета: "Судебно-исследовательская фотография" П. Ф. Силкина (1979 г.); "Габитоскопия" В. А. Снеткова (1979 г.); учебник по криминалистическому исследованию документов Л. А. Винберга и М. В. Шванковой, ряд работ И. В. Кантора по использованию метрологических методов и средств в трасологической экспертизе и др. В Волгоградской ВШ не возникло какой-то определенной научной школы, поскольку известные криминалисты, как правило, вели свои исследования единолично и в различных направлениях, но в целом их работы несомненно оказали серьезное влияние на развитие науки, особенно ее прикладных разделов.

Подобно тому, как в искусстве существует понятие театра одного актера, так и в науке

существуют такие кафедры криминалистики вузов МВД, которые известны одним-двумя своими представителями. Такой, например, мне представляется кафедра спецдисциплин бывшего Высшего политического училища МВД СССР, которой два десятка лет руководил Игорь Александрович Возгрин. Кафедра вела и преподавание курса криминалистики, известна она была именно своим начальником.

Игорь Александрович Возгрин родился в 1929 г. в Ленинграде. После окончания в 1953 г. Ленинградского юридического института до 1958 г. был на оперативной и следственной работе, потом преподавал в Ленинградской средней школе милиции, на Ленинградском факультете Высшей школы МВД СССР, а с 1969 г. руководил названной кафедрой.

А. А. Закатов И. А. Возгрин И. В. Кантор В. М. Плескачевский

Вся научная деятельность Игоря Александровича может быть обозначена двумя словами — криминалистическая методика. Начиная с 60-х гг. все его работы посвящены этому разделу криминалистической науки; пиком исследований стала докторская диссертация "Теоретические основы методики как раздела криминалистической науки" (1986 г.) и Курс лекций "Научные основы криминалистической методики расследования преступлений" в четырех частях, изданный Санкт-Петербургским юридическим институтом МВД РФ в 1992—1993 гг. Это первое подобное издание в отечественной криминалистике, высоко оцененное научной общественностью.

Игорь Александрович — с головы до пят петербургский интеллигент: отменно корректен, вежлив, однако в принципиальных делах — кремень. Он великолепный собеседник — умеет по-настоящему внимательно слушать, его реплики точны и доказательны. Я очень люблю этого человека, и каждая встреча с ним доставляет мне радость.

В Петербурге работают сейчас еще несколько известных криминалистов. Это — Валерий Васильевич Вандышев, автор интересных работ этих лет по проблемам криминалистических аспектов виктимологии, защитивший по этой проблематике в 1990 г. докторскую диссертацию. Это — Генрих Арсеньевич Густов, также доктор юридических наук, чей "конек" — моделирование в следственной практике и программирование деятельности следователя. Это — доктор юридических наук Виктор Иванович Рохлин, специализирующийся преимущественно на методике расследования хищений, и доктор юридических наук, профессор Михаил Борисович Вандер, крупный специалист в области криминалистической техники. Последние трое преподают в Петербургском институте Прокуратуры РФ.

Большой и квалифицированный коллектив криминалистов работал в Московской высшей школе милиции (ныне Московский) юридический институт МВД РФ). Кафедра криминалистики здесь существует со дня создания школы, ее возглавляли в описываемый период последовательно М. П. Хилобок и А. Г. Филиппов.

М. А. Петуховский Г. А. Абдумаджидов В. М. Быков В. В. Агафонов

Незаурядным исследователем показал себя профессор этой кафедры Вадим Михайлович Плескачевский.

Плескачевский - выходец с Кавказа. Он родился в Баку, в 1939 г., окончил юридический факультет Азербайджанского университета, более десяти лет работал на разных экспертных должностях в Азербайджанском НИИ судебных экспертиз, а в 1975 г. переехал в Волгоград, где несколько лет преподавал на факультете по подготовке экспертов-криминалистов Волгоградской высшей следственной школы МВД. В 1978 г. Вадим Михайлович переводится в Московскую высшую школу милиции, где последовательно занимает должности старшего преподавателя, доцента, заместителя начальника и начальника кафедры криминалистики, профессора кафедры. Его кандидатская диссертация называлась "Судебно-баллистические экспертные исследования на месте происшествия" (1970 г.). Этой своей научной "привязанности" он следовал и потом, а в начале 90-х гг. выступил с идеей формирования криминалистического оружиеведения, которому, насколько мне известно, собирается посвятить свою докторскую диссертацию. Это серьезный ученый, никогда не делавший поспешных выводов в своих работах, пользующийся высоким авторитетом среди криминалистов. Вадим Михайлович очень популярен и среди начинающих ученых: он, хотя и взыскательный, но очень доброжелательный и справедливый официальный оппонент, выступает в этом качестве часто и всегда с успехом: я не знаю случая, когда бы защиты с его участием оканчивались провалом.

На этой кафедре доцентом Н. А. Бурнашевым разрабатывались методики расследования преступлений, совершаемых в условиях большого города (1981, 1982, 1983 гг.), доцентом А. А. Проткиным – методики расследования хищений горючего и горюче-смазочных материалов (1986, 1989 гг.), доцентом М. Н. Овсянниковой — вопросы использования в практике криминалистического описания внешности человека (1982, 1984, 1988 гг.).

После назначения М. Н. Овсянниковой в 1996 г. заместителем начальника Московского юридического института МВД кафедрой криминалистики этого института было поручено руководить В. В. Агафонову.

Владимир Васильевич Агафонов — питомец этого института, который он окончил в 1984 г. Несколько лет работал следователем, затем поступил в очную адъюнктуру по кафедре криминалистики МЮИ МВД и в 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию "Методика расследования преступлений, связанных с ношением, изготовлением или сбытом холодного оружия". Этой же проблематике посвящены его работы, опубликованные как до, так и после защиты диссертации.

Агафонов молод, ему только исполнилось 40 лет. Он успел показать себя хорошим организатором и умелым преподавателем. Можно надеяться, что он со временем займет заметное место в криминалистической науке.

Кафедра криминалистики Горьковской высшей школы МВД со дня ее существования возглавлялась Маратом Константиновичем Каминским, а с 1986 г. — Владимиром Дмитриевичем Грабовским. Марат Константинович одним из первых в нашей науке предпринял успешную попытку деятельностного подхода к изучению процесса совершения преступления, разработал модель преступной деятельности и модель деятельности по выявлению и расследованию преступления и на их основе спроектировал курс криминалистики.

Вся деятельность кафедры была подчинена задаче подготовки оперативного состава аппаратов БХСС, и поэтому исследования кафедры были тесно связаны с проблемами оперативно-розыскной деятельности этих аппаратов. Каминским было разработано "Криминалистическое руководство для стажеров службы БХСС" (1987, в соавт.). Той же цели была подчинена и работа Грабовского о криминалистических знаниях в системе подготовки кадров службы БХСС (1984 г.). Ими в соавторстве с Н. А. Селивановым и А. А. Эйсманом была издана оригинальная работа "Идентификация и дифференциация в структуре деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений" в двух выпусках (1980 г.).

Работы криминалистов кафедр криминалистики Рязанской, Омской, Хабаровской, Ташкентской высших школ МВД менее известны. Доцент М. А. Петуховский (Рязанская ВШ)

опубликовал ряд работ по расследованию преступлений осужденных; доцент А. Ф. Облаков (Хабаровская ВШ) разрабатывал методику расследования преступлений на ж. д. транспорте; К. Е. Пятницин (Омская ВШ) опубликовал несколько статей об учете в расследовании фактора времени. Г. А. Абдумаджидов занимался проблемами расследования преступлений, а его коллега по кафедре Виктор Михайлович Быков, ныне профессор Саратовского юридического института МВД РФ, весьма успешно занялся исследованием криминалистических аспектов групповой преступности.

О том, чем занималась в эти годы еще одна кафедра криминалистики — Высшей школы КГБ СССР, практически научной общественности известно не было. Из всех криминалистов этого закрытого для наших глаз ведомства мы знали сначала одного З. И. Кирсанова, а потом, после перехода туда В. С. Митричева, — и его, причем последний вообще перестал не только печататься, но и даже "появляться на людях" вплоть до перехода на преподавательскую работу в Академию ФСБ уже в наши дни. За все годы моей научной и преподавательской работы лишь единожды я был удостоен внимания кафедры криминалистики Высшей школы КГБ. Это было, кажется, в начале 60-х гг., когда меня попросили дать рецензию на рукопись подготовленного этой кафедрой учебника по курсу криминалистики (не помню, был ли этот учебник по всему курсу или по одному из разделов). Учебник поверг меня буквально в изумление: на таком низком уровне и с такими ошибками он был подготовлен. Я дал резко отрицательную рецензию и выступил с нею на заседании ученого совета школы, когда решался вопрос об издании учебника. Единственное, что осталось в памяти — гробовое молчание членов совета. По-моему, точно не помню, после выступления меня вежливо попросили уйти, и я так и не узнал, какое решение принял совет. После этого моего дебюта меня никогда ни о чем эта школа не просила, и я впервые побывал в новом здании Академии ФСБ лишь года полтора-два назад по приглашению начальника кафедры криминалистики А. С. Подшибякина; при нем положение радикально изменилось, наверное, не в последнюю очередь в связи с общими изменениями в нашей жизни: возглавляемая им кафедра стала гораздо открытее и доступнее.

Несмотря на ограничения, существовавшие для сотрудников ВШ КГБ, Зиновий Иванович Кирсанов никогда не замыкался в стенах кафедры. Он бывал на многих научных конференциях и семинарах, выступал с публикациями в открытой печати, оппонировал по диссертациям. Уместно рассказать о нем хотя бы несколько подробнее.

Зиновий Иванович родился в 1929 г. в г. Чапаевске Куйбышевской области. В 1951 г. окончил Казанский юридический институт, затем курсы экспертов-криминалистов. Несколько лет работал в Могилеве, а с 1954 г. перешел на преподавательскую работу в Высшую школу КГБ. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1966 г. стал доцентом.

Генеральным направлением его научных исследований стали проблемы применения в криминалистике и судебной экспертизе методов математической статистики и теории вероятностей. Эти методы он с успехом применял для анализа следственной практики и получения данных, составляющих криминалистическую характеристику отдельных видов преступлений. Занимался он и распознаванием свойств личности по почерку, и разработкой учения о криминалистической взрывотехнике, как отрасли криминалистической техники, и информационными основами раскрытия преступлений. Находилось время и для работы с молодыми учеными: под его научным руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации 10 человек. Он — доктор наук (1977 г.), профессор (1980 г.), заслуженный деятель науки России.

В 1989 г. Зиновий Иванович возглавил кафедру криминалистики ВШ КГБ и несколько лет руководил ею, пока не пришло время по возрасту "снимать погоны". После перехода в "штатское" состояние остался на родной кафедре профессором-служащим.

Зиновий Иванович — серьезный и разносторонний ученый. Ему, гуманитарию по образованию, думаю, было непросто овладеть естественнонаучными методами исследования, причем овладеть и пользоваться ими профессионально, в ряде случаев нетривиально. Он прост и доброжелателен в общении, молодежь относится к нему с благоговением, а люди моего поколения — с глубоким уважением.

После Кирсанова руководство кафедрой принял А. С. Подшибякин. Это представитель уже следующей генерации: он родился в 1946 г. Как ученый формировался в среде саратовских криминалистов. В 1976 г. он защитил кандидатскую диссертацию "Теория и практика криминалистического исследования холодного оружия (уголовно-правовой и криминалистический аспекты)" и впоследствии остался верен этой проблематике: ей посвящена и его докторская диссертация. Правда, он не замыкается в кругу этих тем, у него есть работы и по криминалистическому прогнозированию, и по тактике допроса, обыска, и по вопросам криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности и др. Мне представляется, что в его лице кафедра приобрела умелого и инициативного руководителя, пытливого исследователя и опытного организатора.

За годы, прошедшие с момента распада СССР, когда криминалистика в нашей стране действительно стала российской и понятия "отечественная" и "российская" слились, в системе вузов МВД произошли значительные изменения: появились новые вузы, их число приближается к трем десяткам, открылись новые криминалистические кафедры и с новой остротой встал вопрос о подготовке научно-педагогических кадров для этих кафедр. Но это, как говорится, уже другая история, а не та, которую я пишу.

Примечания

[1] Здесь и далее см.: Антонов В.П., Сафронов И.И. Криминалистика в системе военно-юридического образования в СССР. М., 1987.; Зиновкин А.И. Военно-юридические исследования в области криминалистики: история, современное состояние, перспективы // Военный Краснознаменный институт. 50 лет. М., 1990.

[2] Никифоров В.М. Юридическая природа экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1945.

[3] Порубов Н.И. Научная организация труда следователя. Минск, 1970.

Глава 11. Кафедра, которую мы потеряли

11.1. Отец-основатель

15 июня 1952 г. постановлением Совета Министров СССР Высшая школа милиции была преобразована в высшее учебное заведение с правом выдачи выпускникам единого государственного диплома о высшем юридическом образовании по специальности "правоведение". С 1954 г. она стала именоваться Высшей школой МВД СССР. Первое время криминалистика преподавалась на кафедре специаль- ных дисциплин, но в начале 1955 г. была создана самостоятельная кафедра криминалистики, руководить кото- рой был приглашен профессор Военно-юридической акаде- мии А. И. Винберг.

Абрам Ильич Винберг родился в 1908 г. в Петербурге. В 1930 г. он окончил Ленинградский университет и последующие пять лет работал следователем и старшим следователем прокуратуры Саратова, прокурором НКЮ РСФСР, следователем прокуратуры Москвы. В 1935 г. он поступил в аспирантуру Института права АН и стал специализироваться в области судебного почерковедения под руководством С. М. Потапова. В 1938 г. Абрам Ильич защищает кандидатскую диссертацию "Криминалистическая экспертиза письма" (в 1940 г. диссертация была издана отдельной книгой под тем же названием).

В 1939 г. Винберг — помощник начальника ВЮА, а в следующем году — начальник научно-исследовательского отдела академии. В том же, 1940 г. исполнилось, наконец, его желание и он зачисляется старшим преподавателем кафедры судебного права ВЮА.

Началась война, академия была эвакуирована в Ашхабад, и в 1942 г. Абрама Ильича откомандировывают из академии в военную прокуратуру Балтийского бассейна помощником военного прокурора. В 1943 г. его переводят помощником прокурора в Главную военную прокуратуру морского и речного флота, где он и работает до конца войны. Ему приходилось часто выезжать в служебные командировки, бывал он и в блокадном Ленинграде.

А. И. Винберг

1958 г. Заседание гос. экз. комиссии, председатель — А. И. Винберг (3-й слева); 4-й слева — А. Г. Лекарь

В 1945 г. Винберг возвращается на преподавательскую работу в ВЮА: до 1954 г. работает старшим преподавателем кафедры криминалистики и судебной медицины вместе с М. И. Авдеевым, а затем еще год — заместителем начальника этой кафедры. В эти годы имя Абрама Ильича стало широко известным среди юристов. В 1947 г. он защитил докторскую диссертацию "Основы советской криминалистической экспертизы", ему было присвоено звание профессора. В 1949 г. материалы докторской диссертации были им изданы в виде монографии "Основные принципы советской криминалистической экспертизы".

В академии Винберг вел курс криминалистики. По инициативе его и Авдеева кафедра регулярно проводила своеобразные научно-практические конференции, на которых выступали практические работники следствия и прокуратуры, судебные медики с рассказами о конкретных уголовных делах, примененных методах раскрытия преступлений, интересных

случаях экспертной практики. Конференции собирали большую аудиторию, актовый зал, где они проходили, был всегда полон, мы, слушатели, не пропускали ни одной из них. Руководил Абрам Ильич и работой научного кружка слушателей академии при кафедре.

Уже в те годы Абрам Ильич зарекомендовал себя как блестящий оратор и великолепный лектор. Мне посчастливилось слушать его лекции, они, видимо, и сыграли решающую роль в избрании мною своего жизненного пути. Академия в те годы вообще была богата лекторами, но эти двое — Винберг и Авдеев — как лекторы были на голову выше других, даже таких подлинных мастеров, как М. С. Строгович, А. А. Герцензон, С. В. Юшков и др. Особенно хорош был Авдеев, когда он по ходу лекции позволял себе пошутить. Мы буквально покатывались со смеху, а у него было совершенно невозмутимое лицо, он даже не улыбался.

На криминалистических чтениях кафедры. Слева направо: П. Е. Титов, зам. начальника кафедры криминалистики, А. И. Винберг, А С. Соколов, зам. начальника ВШ по научной работе, А. Г. Лекарь. 1958 г.

Абрам Ильич был человеком честолюбивым и, думаю, должность заместителя у Авдеева его, конечно, удовлетворять не могла: его научный авторитет и имя требовали самостоятельности, и, когда такая возможность была предоставлена предложением занять кафедру в Высшей школе, думаю, что он с воодушевлением использовал эту возможность. Весной 1955 г. Винберг был назначен начальни- ком кафедры криминалистики школы. Фактически это и стало рождением этой кафедры, которая только незадолго перед этим была выделена из кафедры спецдисциплин. Винберг был первым профессором, пришедшим на работу в Высшую школу. За ним последовали А. К. Стальгевич и С. С. Студени- кин, ставший заместителем начальника по научной работе.

Я уже писал о первом составе кафедры. С приходом Абрама Ильича штат кафедры стал быстро увеличиваться: на кафедру пришел Н. С. Полевой, был оставлен преподавателем адъюнкт И. М. Лузгин, перешел из ЦСМЛ Н. И. Герасимов, а летом 1956 г. и мне выпало такое счастье.

Организационный период Абрам Ильич постарался сократить максимально, все мы засели за подготовку учебных пособий, лекций, практических упражнений. Но у начальника кафедры были и более значимые замыслы. В марте 1957 г. в редакционно-издательский отдел школы сдается рукопись пособия "Следственный осмотр", подготовленная А. И. Винбергом, его аспирантом по ВИЮНу Г. М. Миньковским, преподавателями Е. Ф. Толмачевым и А. Е. Трусовым. Книга вышла в том же году под общей редакцией начальника ГУМ М. В. Барсукова.

Кафедра криминалистики накануне перехода А. И. Винберга во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР, февраль 1960 г. В первом ряду (слева направо): И. М. Лузгин, Н. И. Герасимов, Д. В. Кочетков. Н. С. Полевой, А. И. Винберг, Р. С. Белкин, Е. Ф. Толмачев, Ф. П. Сова; второй ряд. Л. Н. Семененко, Г. Ф. Звягина. А. Н. Комков, В. С. Аханов; третий ряд: адъюнкты В. Г. Коломацкий, А. И. Устинов, А. С. Григорьян, Л. Н. Калинкович, Н. Н. Медведев, П. Т. Скорченко, Н. И. Порубов, лаборант В. Уваров, преподаватели. В. Е. Жарский, И. И. Пророков, В. П. Абросимов, М. П. Хилобок, А. П. Моисеев

Конечно, это была не первая работа по осмотру в нашей литературе, но первая после докторской диссертации И. Н. Якимова (1947 г.), в которой рассматривались все виды следственного осмотра, а не только осмотр места происшествия. После ее издания Винберг нам не дал передышки: взялись за подготовку учебника по криминалистике для средних специальных школ милиции. Опыт создания подобных учебников у Абрама Ильича уже был: в 1940 г. вместе с Б. М. Шавером он издал первый отечественный учебник для юридических школ, который к этому времени выдержал уже четыре издания. Но просто копировать этот учебник или как-то его было нельзя так как предназначался новый учебник совсем для другой аудитории, обучающейся по принципиально иной программе.

60-летие А. И. Винберга. Заседание кафедры криминалистики Высшей школы МВД, 1968 г.

Поздравляет Б. М. Комаринец

Выступает юбиляр

Весь коллектив кафедры принимал участие в подготовке учебника. На кафедре вместе с начальником было уже 15 человек и среди них, кроме меня, еще один кандидат наук — Н. С. Полевой. Винберг привлек к работе над учебником Г. М. Миньковского, ставшего к этому времени кандидатом наук и работавшего научным сотрудником ВИЮНа, начальника кафедры спецдисциплин ВШ А. Г. Лекаря и секретаря парткома школы кандидата наук В. Н. Рощина, будущего начальника НИИМа. В ноябре 1958 г. учебник был сдан в набор Государственным издательством юридической литературы, а во второй половине 1959 г. вышел в свет тиражом 30 тысяч экземпляров. Этим учебником пользовались и слушатели Высшей школы, поскольку в нем впервые была отражена специфика расследования преступлений органами внутренних дел, чего не было в вузовском учебнике 1950 г.

Но Абрам Ильич, естественно, не замыкался в рамках кафедры. Он готовит большую монографию "Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе", которая вышла в свет в 1956 г., публикует ряд принципиальных для науки статей, сотрудничает с ЦКЛ, которой одно время заведует по совместительству. Он возобновил — теперь уже в Высшей школе — традиционные для ВЮА криминалистические чтения, которые пользуются не меньшим, чем раньше, успехом у практических работников и слушателей школы. Работа кафедры явно шла в гору вплоть до того самого марта 1960 г., когда он стал директором ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза. Но до этого мы еще успели отметить пятидесятилетие нашего руководителя. В школьной многотиражке, инициатором издания которой тоже был Абрам Ильич, в номере от 19 сентября 1958 г. под заголовком "Юбилей ученого" была помещена статья об А. И. Винберге, в которой были такие строки: "Перу профессора А. И. Винберга принадлежит свыше 80 научных работ по различным вопросам советской криминалистики. Он — соавтор всех учебников по криминалистике для средних и высших учебных заведений, монографий и сборников по вопросам криминалистической техники, тактики и методики расследования преступлений. Имя профессора А. И. Винберга широко известно и за пределами нашей страны. Его работы переведены на китайский, немецкий, болгарский, румынский, чешский, сербский и другие языки... Абрам Ильич Винберг подготовил и воспитал многочисленные кадры научных работников и экспертов-криминалистов. По его трудам учились и учатся студенты-юристы, практические работники органов милиции, прокуратуры и суда. В связи с 50-летием со дня рождения и отмечая долголетнюю научно-педагогическую деятельность А. И. Винберга, министр внутренних дел СССР объявил ему благодарность и наградил именными наручными золотыми часами. Начальник Высшей школы объявил А. И. Винбергу благодарность и наградил ценным подарком. Слушатели, профессорско-преподавательский состав и все работники Высшей школы горячо поздравляют Абрама Ильича Винберга с пятидесятилетием и сердечно желают ему здоровья и новых творческих успехов".

С первых же дней пребывания на посту директора Института криминалистики Абрам

Ильич развернул бурную деятельность. Активно заработал ученый совет института, на работу в институт привлекались молодые талантливые сотрудники, по его инициативе коллектив приступил к подготовке фундаментальной моно графии "Теория доказательств в советском уголовном процессе". Винбергу было присвоено специальное звание Государственного советника юстиции III класса.

Преподаватели кафедры на физическом факультете МГУ (1960)

Министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков в кабинете криминалистики при посещении Высшей школы. На заднем плане нач. кафедры ОРД Д. В. Гребельский и зам. нач. управления учебных заведений МВД А. В. Серегин (1968).

Когда в начале шестидесятых годов стали активизироваться идеи предупреждения преступлений, у Винберга зародилась мысль о преобразовании института в многопрофильное научное учреждение, в котором была бы представлена и возрождающаяся криминология. Эта мысль получила поддержку в "инстанциях", но результат ее реализации оказался для Абрама Ильича и неожиданным, и оскорбительным. В 1963 г. институт преобразуется во ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, а директором его назначается не Винберг, а И. И. Карпец — сотрудник ленинградской милиции. Винбергу предлагают остаться первым заместителем директора и возглавить криминалистическое направление исследований института. Это был удар по его самолюбию, да и по его достоинству как ученого, тем более что в то время его научный авторитет был неизмеримо выше, чем авторитет мало кому известного Карпеца.

Там же. Слева направо: Д. В. Гребельский. Р. С. Белкин, зам. министра внутренних дел Б. Т. Шумилин, начальник Высшей школы Л. Д. Лукоянов, Н. А. Щелоков

Делегация немецкой полиции на кафедре (1972)

Винберг "хлопнул дверью" и ушел на преподаватель- скую работу в Высшую школу КГБ. Там он работал сначала на кафедре криминалистики, потом на одной из оперативных кафедр, но в условиях этого строго режимного учебного заведения и тех ограничений, в которых находились его сотрудники, он испытывал дискомфорт, и в 1968 г. он пере- ходит на работу в Институт государства и права АН, где занимается координацией НИР академических учреждений вместе с М. И. Авдеевым. В 1967 г. он удостаивается почетного звания заслуженного деятеля науки России.

Работа в ИГПАНе не могла его увлечь, и в 1972 г. Абрам Ильич переходит на работу туда, куда его много раз приглашали и где его с энтузиазмом встретили, — во ВНИИ судебных экспертиз. Здесь он возглавил сектор теории и общеметодических проблем криминалистики и судебной экспертизы. Годы давали себя знать, и в 1980 г. Абрам Ильич перешел на должность старшего научного сотрудника, а спустя несколько лет вовсе оставил работу, оставшись членом совета института.

Финал этой насыщенной событиями жизни был драматичен: 25 июля 1989 г., возвращаясь на дачу из Москвы, на Киевском вокзале он внезапно почувствовал сильное недомогание и скоропостижно скончался в медпункте вокзала. Насколько мне известно, при нем не было документов, но была то ли записная книжка, то ли еще какая-то запись с его домашним телефоном. По нему звонили, но все домашние были на даче... Тело Абрама Ильича несколько суток находилось в морге, пока его не разыскали родные. Потом были похороны, собравшие не очень много народа: люди были в отпусках, на дачах, и скорбная весть дошла далеко не до всех. И — гранитный памятник на могиле.

Таков был жизненный путь этого выдающегося ученого, замечательного организатора науки, воспитателя свыше ста кандидатов наук, многие из которых впоследствии стали докторами. Мои отношения с ним зародились еще тогда, когда я был слушателем ВЮА, потом он был моим научным руководителем по кандидатской диссертации, моим начальником кафедры. Позже они переросли в тесную дружбу и творческое сотрудничество. В соавторстве с ним мы написали монографии "Криминалистика и доказывание" (1969 г.) и "Криминалистика. Общетеоретические проблемы" (1973 г.), два выпуска "Истории советской криминалистики" (1982 и 1983 гг.), он привлек меня к участию в "Теории доказательств", к работе в совете ВНИИК Прокуратуры. Его рекомендации я был обязан назначением на должность начальника кафедры после его перехода в этот институт. Словом, он сыграл заметную роль в моей жизни.

Помню наши встречи во время моей работы над кандидатской диссертацией, когда я приезжал ненадолго в Москву для сдачи кандидатских экзаменов из Баку, где служил в военной прокуратуре. Иногда они проходили буквально на бегу: Абрам Ильич выгуливал свою очередную собаку — тогда колли Ральфа — на Цветном бульваре неподалеку от дома. Он бежал за собакой, рвущейся с поводка, я бежал за ним, что-то на ходу докладывая. Потом останавливались, и беседа продолжалась. В один из приездов я представил ему диссертацию без двух глав, которые предстояло еще написать. Он ознакомился с работой и сказал: "Хватит.

Эти главы не нужны". Так без них диссертация и была представлена к защите.

Характер у Абрама Ильича был далеко не простой. Он всегда умел настоять на своем, иногда брал человека буквально "железной хваткой". Помню такой эпизод. Когда я стал заместителем начальника НИИМ, он попросил меня организовать перевод его второй жены Н. Т. Малаховской из НТО города, где она тогда работала в методическом отделении, в НИИМ. Это оказалось почему-то совсем не простым делом, управление кадров никак не давало на перевод "добро". Винберг звонил мне буквально каждый день, он уже не просил, а требовал добиться этого перевода. Я обивал пороги у чиновников управления кадров, где давно считали эту женщину моей любовницей, потому что иначе они не могли объяснить моих столь упорных домогательств. Наконец-то удалось преодолеть сопротивление, и она была переведена в институт. Винберг настоял, чтобы я стал ее научным руководителем по кандидатской диссертации, а потом, стоило мне уйти из института, она избрала себе в тот же день другого руководителя, с подачи ли Абрама Ильича или по собственной инициативе, не знаю и потом не интересовался: в душе этому был рад.

У него был обидный недостаток: он верил любой сплетне, любому слуху о том, что кто-то, пусть даже близкий ему человек, в какой-то связи нелестно о нем отозвался. Он никогда не удосуживался проверить эту информацию, хотя бы поговорить с "заподозренным", он просто обрывал с ним всякие отношения. А иногда и очень резко реагировал на такое сообщение. Помню был такой случай. Мой ученик, преподаватель кафедры М. П. Хилобок представил в 1962 г. к защите кандидатскую диссертацию о методике расследования мошенничества. Н. Т. Малаховская сумела внушить Абраму Ильичу, что Хилобок списал свою работу с подготавливаемого ею пособия на эту тему. Абрам Ильич позвонил мне и потребовал принять самые решительные меры против научного вора. Моих возражений он просто не слушал. Но, поняв, что никаких мер я принимать не собираюсь, поскольку считаю обвинения в плагиате вздорными, сам принял меры: позвонил своему другу, заместителю нашего министра Б. А. Викторову, и потребовал отменить защиту Хилобоком диссертации.

Куратором Высшей школы тогда был заместитель министра генерал Ромашков, который и потребовал отмены защиты. Вместе с заместителем школы по науке Николаем Ивановичем Загородниковым и Хилобоком я приехал к Ромашову. Нам удалось доказать ему неосновательность претензий к диссертанту, и защита состоялась. После этого на целых четыре года Абрам Ильич прервал всякие отношения со мной, я перестал для него существовать. Примирение произошло как-то само собой, не помню, при каких обстоятельствах, кажется, во время случайной встречи где-то. Но он так и не изменил своего мнения о совершенном плагиате.

Об остроумии и находчивости Абрама Ильича ходило множество рассказов. Он много лет был членом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего и среднего специального образования и как-то, рассказывая мне об очередном заседании комиссии, бросил фразу, которая стала крылатой, перефразируя известное выражение Сталина о "годе великого перелома, когда в колхозы пошел середняк", он сказал: "Наступил год великого перелома: в доктора пошел середняк", а в другой раз заметил: "Мы по уши сидим в... докторах". Сообщая свое мнение о плохой работе, он любил говорить: "Она напоминает мне овес, пропущенный через лошадь". На дискуссиях, в спорах он буквально разил оппонентов метким остроумным замечанием, неожиданным оборотом речи.

Я гордился дружбой с этим человеком, но до самой его кончины не переставал чувствовать себя в наших отношениях младшим, так велик был в моих глазах его авторитет и так велико было его обаяние.

11.2. «Это лучшая кафедра в Союзе!»

Слова, которые я вынес в заголовок, — не плод моего воображения и субъективно преувеличенной оценки. Именно так оценил деятельность руководимой мною кафедры в 70-х годах один из ведущих советских криминалистов Виктор Павлович Колмаков, заведовавший в эти годы кафедрой криминалистики, уголовного права и процесса и бывший деканом юридического факультета Одесского университета, а до этого в течение более двадцати лет возглавлявший Харьковский НИИ судебных экспертиз. Он писал: "Наиболее плодотворной в учебно-методическом и научно-исследовательском плане является кафедра криминалистики

Высшей школы МВД СССР (зав. кафедрой проф. Р. С. Белкин). По своему научному оборудованию, уровню учебной и научной работы она стоит на первом месте среди всех кафедр криминалистики юридических вузов СССР"[1]. И это была справедливая оценка.

В сентябре 1962 г. мне удалось вернуться на кафедру после девятимесячного пребывания в качестве заместителя начальника в НИИ милиции. О причинах моего возвращения я уже, кажется, писал, да суть их в том, что эта работа оказалась не по мне и по-прежнему тянуло к вузовской кафедре. В марте 1964 г. в связи с отставкой Н. С. Полевого из-за тяжелой болезни начальник школы генерал Л. Д. Лукоянов, симпатий ко мне не питавший, но руководствовавшийся, видимо, деловыми соображениями, буквально заставил меня вновь принять руководство кафедрой, чего мне очень не хотелось: уж очень комфортно я чувствовал себя на должности профессора.

В 60—70-х годах кафедра переживала период расцвета. Росла численность преподавателей, активно шла подготовка кандидатов и докторов наук, публиковались десятки работ самого разного характера. Прежде чем рассказывать о людях кафедры, приведу скупые данные из последней справки о работе кафедры.

К моменту создания, в конце 1973 г. на базе Высшей школы Академии МВД СССР, кафедра криминалистики была крупнейшей кафедрой школы. Ее штат насчитывал 27 человек профессорско-преподавательского состава, а общая численность сотрудников кафедры вместе с учебно-вспомогательным персоналом, адъюнктами и старшими научными сотрудниками, готовящими докторские диссертации, составляла около 50 человек. На кафедре работали 4 штатных доктора наук, профессора, и 19 кандидатов наук, доцентов. Кроме того, по совместительству, на полставки работали доктора наук А. Р. Ратинов и А. А. Эйсман. Первый поставил и впервые прочел курс судебной психологии, второй — также поставил и также впервые прочел курс логики следствия. Именно кафедра представляла их в свое время к званию профессора.

Кафедра обеспечивала преподавание криминалистики на всех факультетах школы, а с 1959 г. осуществляла подготовку и экспертов-криминалистов на специализированном отделении школы, которое в течение 14 лет было единственным в стране учебным центром подготовки специалистов этого профиля с высшим юридическим образованием. По учебным планам Высшей школы курс криминалистики был одним из самых больших на факультетах подготовки оперативных работников милиции и исправительно-трудовых учреждений и основным на следственном факультете (500 часов) и отделении экспертов-криминалистов (1100 часов). Преподаватели были разбиты на четыре методические секции: экспертных дисциплин, криминалистической техники, криминалистической тактики и методики, заочного обучения. Группа преподавателей вела занятия на специальном факультете, где обучались иностранцы. Три первых секции возглавлялись заместителями начальника кафедры: доцентами Пророковым и Совой и профессором Лузгиным. Группой заочников руководил доцент Жарский, а за преподавание на спецфаке отвечал профессор Самойлов.

Научно-исследовательская работа характеризовалась такими цифрами: с момента предоставления совету ВШ права приема к защите диссертаций в 1959 г. и до упразднения кафедры криминалистики в 1975 г. (она была преобразована в кафедру управленческого профиля) кафедрой были подготовлены 4 доктора и 64 кандидата наук, в том числе 12 кандидатов наук для зарубежных стран. За этот же период было подготовлено 17 учебников, в том числе 2 общевузовских с грифом Министерства высшего и среднего специального образования СССР, 2 двухтомных — для вузов МВД, 9 — для экспертов-криминалистов, 3 — для средних учебных заведений МВД. В 1972 г. вышел в свет впервые подготовленный совместно учеными кафедры и Высшей школы МВД Болгарии учебник по криминалистике для болгарских коллег под редакцией профессоров Р. С. Белкина и И. Вакарелского. Учебник был издан в Софии. Была начата работа по созданию такого же совместного учебника для Высшей школы Корпуса национальной безопасности Чехословакии, о котором я расскажу немного позже.

За эти годы сотрудниками кафедры было опубликовано около 20 крупных монографий, 2 тематических сборника "Трудов Высшей школы", несколько десятков учебных пособий по отдельным разделам и темам курса криминалистики и экспертным дисциплинам,

методических пособий серий "Библиотека эксперта" и "Библиотечка следователя" и значительное число научных статей в центральных юридических журналах, "Трудах" ВШ и других вузов, периферийных сборниках, а также зарубежных изданиях. О научном авторитете кафедры свидетельствовало присвоение трем ее сотрудникам — И. И. Пророкову, Г. Г. Зуйкову и Г. А. Самойлову — почетного звания заслуженного юриста России, приглашение сотрудников кафедры для чтения лекций в Софийском, Пражском, Берлинском университетах, высших учебных заведениях МВД Чехословакии, Болгарии, Венгрии. В 1973 г. кафедре было присуждено звание лучшей кафедры школы и она была награждена вымпелом МВД СССР.

О судьбе кафедры после 1973 г. позже, а сейчас хочу рассказать хотя бы о некоторых ее преподавателях и истории создания отдельных работ и о важных в истории кафедры событиях.

Иван Иванович Пророков руководил работой экспертного отделения. Он родился в 1915 г. в Ивановской области, в крестьянской семье. В 1937 г. получил среднее техническое образование и специальность техника-механика, но трудовую жизнь начал журналистом: литературным сотрудником районной газеты, а с 1940 г. собственным корреспондентом краевой газеты "Орджоникидзевская (ныне Ставропольская) правда" по Карачаевской автономной области.

В начале Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, зимой 1941—1942 гг. участвовал в боях за Москву, был тяжело ранен и в 1942 г. демобилизован по инвалидности. В 1943 г. по партийной мобилизации его направили на работу в органы НКВД и назначили старшим следователем отдела борьбы с бандитизмом Ивановского областного управления НКВД. В том же году его направили на учебу в Высшую офицерскую школу НКВД в Москву, где он поступил на отделение по подготовке экспертов-криминалистов. Этой специальности он и остался верен всю последующую жизнь.

В 1945 г. Пророков закончил курс обучения в Высшей школе и был оставлен на работе во вновь организованном НИИ криминалистики ГУМ. С этого времени начинается и его преподавательская деятельность по профилю криминалистики и криминалистической экспертизы, сначала в качестве приватного, а с 1950 г. — штатного старшего преподавателя Высшей школы милиции. После преобразования школы в высшее учебное заведение экспертное отделение было переведено в Московскую среднюю специальную школу милиции, где Пророков возглавил цикл криминалистики. В 1955 г. заочно окончил Высшую школу МВД.

В 1958 г. после длительной, свыше трех лет, командировки за границу, в ГДР, где работал советником МВД, вернулся в Высшую школу, работал старшим преподавателем, доцентом, заместителем начальника кафедры криминалистики. Подготовил под моим научным руководством и успешно защитил в марте 1966 г. кандидатскую диссертацию "Криминалистическая техника в предупреждении преступлений", а в 1967 г. был утвержден в звании доцента. После создания академии работал на специи- альном факультете. Умер Иван Иванович 4 апреля 1979 г.

В науке он занимался проблемами трасологии. Его перу принадлежат почти все главы по трасологии в изданных кафедрой учебниках, а также ряд пособий по профилактической деятельности экспертных подразделений органов внутренних дел. В жизни это был человек немногословный, суровый с виду, что совершенно не соответствовало его подлинному характеру, очень пунктуальный и исполнительный. Преподавание было его стихией и любовью, не жалел ни сил, ни времени на работу со слушателями, пользовался искренним и всеобщим уважением.

Другим моим заместителем на кафедре был с 1971 г. Федор Пантелеевич Сова, человек несколько иного плана, нежели Пророков. Он был моим ровесником: родился в июне 1922 г. в с. Галагановка Чигиринского района Черкасской области, как и Пророков, в крестьянской семье. В 1939 г. окончил библиотечный техникум в Кременчуге, полгода работал заведующим библиотекой Ямпольского РК партии Сумской области, а в январе 1940 г. был зачислен курсантом Грозненского военного училища, которое и окончил в июне 1941 г. Был командиром зенитно-пулеметного взвода, командиром зенитно-пулеметной роты, тяжело контужен с повреждением стопы, полгода провел в госпитале, демобилизован по ин-

валидности в июне 1943 г., работал военруком в школе и РОНО и в сентябре 1944 г. был принят на работу начальником военно-учетного стола Чигиринского райотделения НКВД, а через год стал старшим экспертом оперотдела УМ Кировоградской области. Экспертом он был самоучкой, но постепенно набирался опыта, читал все, что мог раздобыть по криминалистике. В сентябре 1951 г. его послали на учебу на курсы экспертов в Высшую офицерскую школу в Москву. В июне 1952 г. он окончил курсы и наконец-то почувствовал себя настоящим экспертом. Последующие три года он работал старшим экспертом НТГ УМ Кировоградской области, а в 1954 г. поступил на учебу в Высшую школу МВД СССР. После окончания школы был оставлен преподавателем на кафедре криминалистики, последовательно занимал должности старшего преподавателя, доцента и, наконец, в сентябре 1971 г. был назначен заместителем начальника кафедры.

В 1967 г. под моим научным руководством он завершил и успешно защитил кандидатскую диссертацию "Использование следов автотранспортных средств в оперативно-розыскной и следственной практике органов охраны общественного порядка", издал ряд работ по этой проблематике. В хорошем смысле слова педант по натуре, он великолепно руководил методической секцией криминалистической техники. После ухода с кафедры мы потом работали с ним вместе на кафедре криминалистики спецфакультета, он и там был моим заместителем и отвечал за учебный процесс и делопроизводство кафедры. С ним я чувствовал себя как за каменной стеной: расписание занятий выполнялось пунктуальнейшим образом, вся кафедральная документация была в образцовом состоянии. Все это я смог по достоинству оценить уже после его скоропостижной смерти в 1981 г. от сердечного приступа. Его смерть была большим горем для всех нас и для меня особенно: так дружны мы были и так многое нас объединяло.

Одним из профессоров кафедры работал Геннадий Александрович Самойлов (1917—1997 гг.). Он учился вместе со мной в заочной адъюнктуре ВЮА, но диссертацию защитил много позднее, работая начальником цикла криминалистики Московской специальной средней школы милиции, откуда ему удалось перевестись в Высшую школу в 1962 г. На должности старшего научного сотрудника, работая буквально день и ночь, с нуля, сделал докторскую диссертацию по криминалистической теории навыков и защитил ее в 1970 г. Он был хорошим преподавателем и знающим криминалистом, но порой излишне амбициозным. Амбиции и сыграли с ним злую шутку. Когда после образования академии кафедра была разделена на три части, о чем я еще расскажу, он захотел работать только на специальном факультете, а там незадолго до этого у него случилась какая-то неловкость с одним из слушателей-иностранцев. Я предупреждал его, что он может попасть впросак, поскольку штат спецфакультета утверждался в последнюю очередь, все остальные должности на кафедре уже были заняты и при отказе в зачислении на спецфакультет он оставался без места. Но Самойлов не мог даже помыслить, что ему могут отказать и настаивал, что будет работать только там. И случилось то, что я предсказывал: его на факультет не взяли. Он был уволен в отставку и пошел работать на полставки в Московский педагогический институт иностранных языков. Все связи, с нами он сразу оборвал, чем он занимался все эти годы, никто из нас не знал, и лишь случайно стало известно о его смерти в 1997 году.

Успехи кафедры объяснялись тем, что каждый из ее преподавателей был творческой личностью, яркой индивидуальностью. У каждого из нас было свое "генеральное направление" в науке, олицетворяемое именно этим ученым. Для Г. Г. Зуйкова это были проблемы способа совершения преступлений, для И. И. Пророкова — профилактическая деятельность экспертных подразделений милиции, для И. М. Лузгина — расследование как процесс познания и т. п. А вот для А. И. Миронова таким "коньком" была история экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел. По архивным материалам он сумел воссоздать весь извилистый путь развития научно-технических, впоследствии оперативно-технических и, наконец, экспертных подразделений милиции; все основные исследования в этой области вышли из-под его пера, их использую и я в этой работе.

Анатолий Иванович Миронов родился в 1923 г. в дер. Лещихино Калининской области. Участник войны. В 1946 г. поступил на отделение экспертов-криминалистов Высшей офицерской школы МВД, после окончания которой был направлен в качестве эксперта в НИИ криминалистики ГУМ. Здесь он работал до 1972 г. — экспертом, старшим экспертом,

младшим и старшим научным сотрудником. В 1953 г. окончил ВЮЗИ, в 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Его экспертная специальность — трасология. Еще в 1952 г. он опубликовал работу об исследовании следов зубов человека, в 1961 г. — следов зубов животных, занимался трасологическими исследованиями следов рельефа кожи человека, ее микрорельефа. Но начиная с 70-х гг. основным направлением его изысканий стала история научно-технических подразделений милиции. Ее он исследовал досконально, описал не только процесс ее развития, но и проследил механизм управления этими подразделениями, определил перспективы и пути ее развития. Работы А. И. Миронова в этой области фактически ликвидировали белое пятно в истории отечественных экспертных учреждений, поскольку в большинстве существовавших работ речь шла лишь об экспертных учреждениях органов юстиции.

Анатолий Иванович пришел на кафедру в 1972 г., преподавал курс трасологической экспертизы на экспертном отделении. Некоторое время он работал и после реорганизации кафедры, но потом уволился в отставку, продолжая и сейчас свои исторические изыскания и возвращая нам имена незаслуженно забытых предшественников.

На экспертном отделении работал и такой высококлассный специалист-эксперт, как Анатолий Николаевич Самончик. Помимо занятий по судебной баллистике, он преподавал и курс технико-криминалистического исследования документов.

Анатолий Николаевич родился в 1914 г. в Москве, в 1945 г. окончил Московский авиационный институт, был направлен на работу в органы госбезопасности, а с 1954 г. работал в НИИ криминалистики ГУМ.

В 1960 г. он переходит на преподавательскую работу в Высшую школу МВД, в том же году защищает кандидатскую диссертацию, в 1962 г. ему присваивают звание старшего научного сотрудника, а в 1969 г. — доцента. В его научном "багаже" помимо работ по баллистике: "Осмотр и исследование следов выстрела" (М., 1958 г.), "Криминалистическое исследование холодного оружия" (М., 1959 г.), "Справочник по судебной баллистике" (М., 1963 г.) и ряда статей разработка приборов для определения скорости полета пули и фотографирования следов выстрела на пулях ("РФ-4"). В 1977 г. он уходит в отставку и поступает на работу доцентом во Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции (ныне Правовая академия МЮ РФ). Работали на кафедре и такие отличные преподаватели, как З. Е. Шиманова, П. Ф. Силкин, А.Г. Филипппов, И. В. Макаров, А. Ю. Пересункин, Е. М. Лифшиц, В.С. Аханов, А. И. Устинов, В. Е. Жарский и ряд других.

К сожалению, я лишен возможности рассказать о каждом сотруднике кафедры, хотя любой из них заслуживает не просто короткой справки, но полноценного очерка. О некоторых еще я расскажу, когда буду писать о своих учениках. Здесь же хочется вспомнить о такой незаурядной личности, как Александр Александрович Чувилев.

И. И. Пророков *Ф. П. Сова* *А. И. Устинов* *А. А. Чувилев*

Он родился в августе 1931 г. в Москве, в 1957 г. окончил юридический факультет

МГУ, свыше 12 лет был на следственно-прокурорской работе, а в 1969 г. пришел на работу в Высшую школу МВД начальником научно-исследовательской лаборатории кафедры уголовного процесса (по должности — заместителем начальника кафедры). В 1973 г., когда началась реорганизация ВШ, Александр Александрович стал доцентом на нашей кафедре, а потом в 1974 г. и моим заместителем. Он еще оставался на кафедре, когда я ушел на заочный филиал, до 1977 г., до защиты докторской диссертации "Правовые и организационные проблемы обеспечения законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия системы МВД СССР". Он процессуалист и по научным интересам, и по характеру прошлой деятельности, ему было неинтересно заниматься разработкой искусственного курса некоей организации расследования, и в 1977 г. он принимает предложение возглавить кафедру уголовного процесса Московской высшей школы милиции. Через три года Александр Александрович становится заместителем начальника школы по научной работе и до ухода в отставку в 1993 г. является научным руководителем этого вуза. Сейчас он руководит кафедрой прокурорского надзора в Институте повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ.

Александр Александрович из тех редко встречающихся ученых-процессуалистов, который не только профессионально владеет криминалистическими знаниями, но и всей своей научной деятельностью доказывает и показывает неразрывную связь процессуальной науки с криминалистикой. Все его работы носят именно такой комплексный характер, основанный на глубоком знании потребностей следственной практики. Его приход к нам на кафедру обеспечил плодотворную разработку процессуальных основ использования криминалистических рекомендаций в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, чего порой не хватало некоторым нашим научным исследованиям. Живой, энергичный, доброжелательный человек, он не просто "вписался" в наш коллектив, но очень скоро стал одним из его признанных авторитетов.

Я уже упомянул, что за время своего существования кафедрой было подготовлено 17 учебников для высших и средних учебных заведений МВД. Процесс их подготовки был не прост, мы не сразу вышли с вузовскими учебниками на всесоюзный уровень, сначала попробовали свои силы, так сказать, в домашних условиях. В 1962—1965 гг. кафедрой было издано четырехтомное учебное пособие по всему курсу криминалистики для слушателей Высшей школы. Это был пробный камень, и когда убедились, что "проба пера" вышла удачной, взялись за подготовку не только учебников для вузов МВД, но и для всех вузов страны.

По сложившейся традиции, правом издания учебников для всех вузов системы Министерства высшего и среднего специального образования обладали лишь две кафедры криминалистики: МГУ и ВЮЗИ. Они и чередовались согласно министерскому графику подготовки учебников и, естественно, не подпускали к этому графику "варягов" со стороны. Однако авторитет нашей кафедры к этому времени был уже настолько бесспорен, что нам удалось потеснить эту элиту и завоевать место под солнцем: в 1968 г. был издан наш учебник для вузов страны с грифом МВиССО под совместной моей и Г. Г. Зуйкова редакцией. Это была победа, но когда мы захотели ее повторить в 1975 г., наши конкуренты заявили, что поскольку в академии кафедры криминалистики нет (она была переименована в кафедру организации расследования преступлений — по академической моде на названия), то издавать такой учебник мы теперь не имеем права. Издательство "Юридическая литература" известило нас об этом и потребовало забрать готовую рукопись. Нужно было придумать какой-нибудь неординарный ход, чтобы спасти учебник. И я его придумал. Я пригласил в соредакторы учебника заместителя министра внутренних дел СССР Бориса Алексеевича Викторова, пользовавшегося непререкаемым авторитетом и в этом издательстве, и в МВиССО. Он согласился, и в 1976 г. учебник был издан.

Кафедра особенно гордилась девятитомным учебником для слушателей отделения по подготовке экспертов-криминалистов. Его тома издавались с 1966 по 1973 г. и высоко были оценены профессионалами. Так, например, такой общепризнанный авторитет в области трасологии, как Б. И. Шевченко писал в одной из своих работ: "Особого внимания в связи с четкостью изложения вопросов трасологической экспертизы заслуживает учебник, изданный Высшей школой МВД СССР "Криминалистическая экспертиза", вып. VI, раздел 8,

"Трасология". М., 1968"[2].

3. Е. Шиманова А. Н. Самончик А. Г. Филиппов П. Ф. Силкин

Я уже писал о том, что кафедра готовила второй совместный учебник криминалистики, на этот раз с криминалистами Высшей школы Корпуса национальной безопасности Чехословакии. Работа над нашей частью рукописи была завершена еще в 70-х гг., однако издание учебника задерживалось. Он вышел в свет лишь в 1984— 1985 гг., в трех томах, под моей и профессора Я. Пещака совместной редакцией, в Праге, на чешском языке.

Академик Ян Пещак, ученый-криминалист с европейским именем, внес свой вклад и в нашу отечественную криминалистику. Судьба этого выдающегося ученого и замечательного человека драматична и вызывает глубокую тревогу у всех нас, его российских друзей.

Ян Пещак родился в 1925 г. в с. Великий Липник района Стара Любовна Восточной Словакии в крестьянской семье. С 1942 по 1945 г. он участвовал в словацком сопротивлении, был в подполье, а после изгнания немецких оккупантов работал редактором радиовещания и учился на юридическом факультете Братиславского университета. После окончания в 1950 г. университета работал в органах военной прокуратуры, прошел все ступеньки служебной лестницы вплоть до начальника управления по надзору за следствием Главной военной прокуратуры. В 1960 г. Пещак защитил кандидатскую диссертацию в совете Университета Карла в Праге, спустя несколько лет стал доцентом. В 1966 г. он возглавил кафедру криминалистики юридического факультета этого одного из старейших в Европе университета и одновременно стал директором института криминалистики при юридическом факультете.

И. В. Макаров В. Е. Жарский Е. М. Лифшиц

Институт криминалистики университета был своеобразным учебным заведением, специально организован- ным для подготовки кадров Корпуса национальной безопасности. Обучение велось по очно-заочной системе: год в университете, год на практической работе и т. д. в течение пяти лет. Когда стараниями Пещака в 1974 г. была создана Высшая школа КНБ, институт был упразднен.

Я впервые был приглашен читать лекции в институте в 1967 г. и тогда же подружился с Яном, и эта дружба продолжается до сих пор. В ноябре 1969 г. Пещак был назначен заместителем министра внутренних дел ЧССР и одновременно с 1974 по 1976 г. был ректором Высшей школы. С 1970 г. он возглавил научную коллегию по вопросам государства и права АН ЧССР, был заместителем председателя ВАК; его избрали действительным членом Академии наук страны, и, несмотря на свою невообразимую загруженность по работе, он находил время для научных исследований. В 1974 г. в совете Академии МВД СССР Пещак защищает докторскую диссертацию "Общетеоретические проблемы криминалистики", в 1976 г. на русском языке выходит его капитальный труд "Следственные версии. Криминалистическое исследование" (М., изд. "Прогресс"), а в 1977 г. — монография "Общетеоретические проблемы криминалистики" (М., изд. Академии МВД СССР).

ЦК КПЧ продолжает "поднимать" Пещака по служебной лестнице, несмотря на его сопротивление и просьбы отпустить его на научную работу. Он становится министром юстиции Словакии, а затем, незадолго до "бархатной революции" — генеральным прокурором страны.

И вот власть в руках "бархатных" демократов. Пещака буквально выгоняют со всех постов, даже исключают из Академии наук, по смехотворному поводу возбуждают одно, потом другое уголовное дело. В лучших традициях нашего 37-го года выгоняют с работы обеих дочерей (одна была лаборанткой в вузе, другая, кандидат наук, преподавала уголовное право в университете), добираются даже до их мужей. Пещак переносит один инфаркт, потом второй... Когда начались гонения на него, мы, группа советских ученых, обратились с письмом к президенту Гавелу, просили его оградить ни в чем не виновного, кристально честного человека, истинного патриота своей родины и большого ученого от всех нападок и инсинуаций. Ответа мы не получили. Может быть, это письмо даже повредило Яну? Может быть.

Академик Ян Пещак

Пещак всегда был, да и остается сейчас, искренним другом нашей страны. За заслуги в деле организации совместной борьбы наших стран с преступностью он был награжден орденом Красного Знамени. На его боевом счету множество опаснейших операций по защите интересов своей страны. Об их характере и важности свидетельствует только один пример: он возглавлял операцию по вывозу в чрезвычайно сложной и опасной ситуации золотого запаса Чехословакии из одной нейтральной страны, в буквальном смысле рискуя жизнью.

Авторитет Пещака среди наших ученых не могли поколебать эти события последнего времени. Независимо ни от чего он остается для нас ведущим ученым-криминалистом своей страны.

В жизни кафедры произошли еще два события, о которых следует упомянуть. В 1973 г. с большим размахом мы отметили столетие со дня рождения С. М. Потапова, проведя посвященные ему очередные криминалистические чтения. Зал, где они проходили, был полон, выступали ученики Потапова: Винберг, Шевченко, Эйсман, писатель И. Андроников, дочь Потапова Мария Сергеевна, многие участники чтений. А годом раньше на кафедре прошло открытое партийное собрание по вопросу открытия в Высшей школе экспертного факультета взамен отделения, численность выпускников которого давно уже не удовлетворяла запросов практики. К этому собранию готовились исподволь и позаботились приглашением тех, от кого зависело решение проблемы. Присутствовали заместитель министра по кадрам К. И. Никитин, начальник Оперативно-технического управления министерства М. Г. Пискунов, его заместитель П. Т. Скорченко, заместитель начальника Управления учебных заведений А. В. Серегин, начальник Высшей школы школы Н.И. Загородников, секретарь парткома С.Т. Шорохов. Аргументы выступавших были столь убедительны, что склонили к положительному решению всех присутствующих, вопрос теперь заключался только в том, с какого момента открывать факультет. Но тут началась "бархатная революция" и в наших стенах...

Защита заместителем министра внутренних дел ЧССР генералом Я. Пещаком докторской диссертации в совете Академии МВД СССР (1974). За столом председателя совета С. М. Крылова (в центре) зам. министра внутренних дел СССР Б. Т. Шумилин (слева) и Б. А. Викторов

Создание академии, при которой был организован Московский филиал юридического заочного обучения, повлекло за собой прежде всего разделение нашей кафедры на три части: кафедру академии, кафедру филиала и группу преподавателей специального факультета. Я приглашал каждого преподавателя и выяснял, где он хочет работать. Первым был утвержден штат кафедры академии (она еще не сменила названия на этом этапе), затем штат кафедры филиала, начальником которой был назначен И. М. Лузгин, а его заместителем Е. М. Лифшиц, а последним утверждался штат спецфакультета. Наконец все утрясли, никто не остался без места, за исключением Г. А. Самойлова, о чем я уже упоминал. В 1975 г. кафедру переименовали, она стала называться кафедрой организации расследования, курс криминалистики стал постепенно сокращаться, и к августу 1976 г от него почти ничего не осталось в содержании комплексной дисциплины, носившей то же название, что и название кафедры. Работать стало неинтересно. Встал вопрос: куда переходить? Родилась идея: ввести на МФЮЗО должность заместителя начальника по научной работе (зам. по учебной работе там уже был) и попросить о назначении на эту должность.

Поговорил об этом с начальником академии С. М. Крыловым, который, к моему удивлению, с энтузиазмом принял это предложение, только потом я понял — почему. С его связями решить этот вопрос в оргштатном отделе управления кадров министерства ему не составило труда, требуемая должность была за считанные дни введена, и я был на нее назначен. А буквально на следующий день Крылов освобождает от должности одного из своих заместителей, которым в это время был Г. Г. Зуйков, и назначает его на еще "теплое" после меня место начальника покинутой мною кафедры. Вот тогда-то мне стало все ясно: ему очень кстати оказалась освобождаемая мною должность.

Очень скоро выяснилось, что моя новая должность — это классическая синекура. Главная моя работа, не считая составления всяких планов, заключалась в посредничестве между начальниками кафедр филиала и заместителем начальника академии по научной работе. На первых порах я пытался еще как-то влиять на научную работу кафедр, но тем же занимался и заместитель начальника академии по НИР К. И. Варламов. Когда через несколько месяцев я наконец понял, что никому моя должность и сам я фактически не нужны, я попросил предоставить мне творческий отпуск для завершения работы над курсом криминалистики, первый том которого вышел в 1977 г. Отпуск мне был охотно предоставлен, и я смог завершить написание сначала второго, а потом и третьего томов курса. И когда и эта работа была завершена, на мое счастье состоялся приказ об организации на специальном факультете самостоятельной кафедры криминалистики и начальник факультета Иван Михайлович Корячкин предложил мне стать ее начальником. Как выражаются дипломаты, предложение было с удовлетворением принято (а в скобках замечу — с радостью). Но это уже другая история, о которой я расскажу в следующем параграфе этой книги.

11.3. Дела и дни «дочерних» кафедр

Итак, "материнская" кафедра криминалистики, можно сказать, дала жизнь двум "дочерним" кафедрам — на МФЮЗО и специальном факультете. Кафедра заочного филиала была довольно многочисленной. Игорь Михайлович руководил ею умело, с большим тактом. Помимо учебной и методической работы, кафедра занималась весьма интересным комплексным исследованием способов сокрытия преступлений. Сам Игорь Михайлович в бытность

Партийное собрание кафедры с вопросом об открытии в Высшей школе факультета подготовки экспертов-криминалистов
на базе существующего отделения. В зале собрания (кабинет криминалистики). На переднем плане (слева направо): нач. Оперативно-технического управления МВД М. Г. Пискунов, зам. нач. управления учебных заведений А. В. Серегин, зам. министра внутренних дел СССР К. И. Никитин (1972)

I*В перерыве собрания (слева направо): доцент кафедры Е. М. Лифшиц, заместитель начальника оперативно-технического управления МВД П. Т Скорченко, А.В. Серегин, К.И. Никитин.*

Л. Г. Аристакесян

начальником издал такие работы, как "Методологические проблемы расследования" (М., 1974), "Логика следствия" (М., 1975), "Моделирование в расследовании преступлений" (М., 1981). В соавторстве с В. П. Лавровым вышла его книга "Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение"(М., 1980). Он и другие преподаватели кафедры участвовали в подготовке учебников и различных пособий. На эту кафедру в марте 1984 г. пришел профессором и л и работал там до сентября 1985 г.

В 1988 г. заочный филиал академии был преобразован в самостоятельную Высшую юридическую заочную школу МВД (ныне Юридический институт МВД РФ). Кафедра криминалистики, которой после ухода на пенсию И. М. Лузгина с 1986 г. руководил Владимир Петрович Лавров (Лузгин остался на кафедре профессором-служащим), продолжала занимать одно из ведущих мест в школе. В 1987 г. еще под грифом Академии МВД вышел первый том учебника для вузов МВД под редакцией моей, Лузгина и Лаврова, а в начале января 1989 г. был издан второй том этого учебника с теми же редакторами, но уже под грифом этой новой высшей школы. В учебный процесс включались новые способные преподаватели — Л. Г. Аристакесян, впоследствии трагически погибший, М. П. Гутерман и др.

В. П. Лавров недолго руководил кафедрой. В 1989 г. его назначают заместителем начальника школы по научной работе, а на кафедру приходит А. Ф. Волынский, который успешно руководит ею и сейчас. В 1989 г. на должность старшего преподавателя на кафедру переходит моя дочь Е. Р. Российская.

Сейчас эта кафедра — одна из лучших вузовских кафедр криминалистики в России, у нее высококвалифицированный коллектив. Именно на этой кафедре впервые по инициативе профессора А. Ф. Волынского стали разрабатываться проблемы технико-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел, фактически он и ввел этот термин в научный обиход. Об уровне кафедры свидетельствует один тот факт, что на ней работают четыре профессора: А. Ф. Волынский, В. П. Лавров, Е. Р. Российская, В. Н. Волков.

Кафедра криминалистики специального факультета академии была небольшой по численности, но состав ее преподавателей также отличался высокой квалификацией. Моим заместителем был назначен Ф. П. Сова, а после его скоропостижной смерти — Л. А. Винберг, сын Абрама Ильича Винберга. На кафедре работали Л.П. Дубровицкая, В.Е. Жарский, В.А. Жбанков, одно время Л. Г. Аристакесян и И. И. Пророков. Помимо чтения лекций на всех потоках, формирующихся по странам учащихся (Афганистан, Куба, Вьетнам, Чехословакия,

Болгария и др.), кафедра вела подготовку адъюнктов-иностранцев, служила базой для стажировки преподавателей, работающих с иностранцами в других вузах МВД. Несмотря на относительно небольшую численность, кафедра была полноценным вузовским коллективом.

С этой кафедрой связан решительный поворот в моей судьбе.

В 1980 г. Ивана Михайловича Корячкина сменил в должности начальника специального факультета академии Владимир Васильевич Найденов. Его появление было связано с драматической ситуацией: он был заместителем Прокурора СССР, участвовал в расследовании каких-то весьма темных дел, кажется узбекских, под нажимом неких властных лиц был освобожден от должности и уволен из органов прокуратуры. Поддержал его в трудную минуту Ю. М. Чурбанов. Чтобы сохранить преемственность в стаже, Найденова буквально на один день зачислили на какую-то должность в следственное управление министерства, присвоили звание полковника милиции и чуть ли не на следующий день переаттестовали в полковника внутренней службы (милиционером, видно, начальству быть не хотелось — второй сорт!) и назначили к нам начальником факультета. Для того, чтобы освободить Найденову место, придрались к какому-то ничтожному поводу в хозяйстве факультета и выгнали Корячкина.

Найденова мы встретили чуть ли не как героя, правдолюбца, пострадавшего за правое дело. Я его помнил еще по защите им кандидатской диссертации в нашем совете. Отношения установились у нас очень хорошие, даже чуть лучше, чем обычные деловые. Все шло хорошо вплоть до отчетно-выборного партийного собрания на факультете в конце 1984 г. Переизбирали партбюро, и кандидатом в секретари вновь был выдвинут прежний секретарь — человек ограниченный и никудышный организатор. Кандидатуру его настоятельно рекомендовал и активно поддерживал Найденов, которому, видимо, был удобен такой "карманный" секретарь. Я очень резко выступил против этого человека, заявил ему отвод и, очевидно, был достаточно убедителен, потому что при голосовании этого человека провалили с треском.

После собрания Найденова будто подменили. Тут же была назначена сплошная проверка работы кафедры, которую возглавил мой ученик Ю. П. Седых-Бондаренко, в будущем активный моссоветовский деятель, ныне неизвестно где обретающийся. Обсуждать результаты проверки Найденов решил не на совете факультета, как это обычно делалось, а прямо на оперативном совещании у начальника академии. Им был тогда А.Я. Кудрявцев, бывший заместитель министра внутренних дел РСФСР.

В. Г. Коломацкий

Время было смутное, федорчуковское, развертывались гонения на "старые кадры", и Кудрявцев тоже не прочь был отличиться по этой части, а я как раз и был "старым кадром". А тут еще произошло совершенно необычайное событие: Найденова возвращали на прежнюю должность, что по тем временам было совершенно немыслимо. Перед началом совещания он забежал на минуту, пошептался с Кудрявцевым и убежал, как говорили, в Прокуратуру СССР. Кудрявцев явно держался с ним подобострастно, как с большим начальником, а я понял, что разговор шел обо мне.

Не буду утомлять читателя описанием происходившего. Положение у моих судей было затруднительным; комиссия обнаружила только одну крамолу, названную семейственностью: моим заместителем был сын моего учителя, а тут еще совершенно некстати незадолго до этого в академической многотиражке появилась статья обо мне под претенциозным названием: "Ведущий криминалист страны". Как и следовало ожидать, совещание кончилось

ничем, Кудрявцев подошел ко мне, этак по-дружески полуобнял: "Ну, что, пошли обедать?" — "Нет, — отвечаю, — пойдемте в ваш кабинет". Он будто удивился, но пошел со мной. В кабинете я попросил лист бумаги и тут же написал рапорт с просьбой освободить меня от должности начальника кафедры. Вот когда Кудрявцев вздохнул с облегчением! И я снова, уже вторично, оказался на кафедре МФЮЗО, теперь уже профессором кафедры.

И снова вторично я попал на кафедру криминалистики специального факультета, когда вернулся в 1988 г. из ВНИИСЭ в академию. Начальником кафедры был Виктор Георгиевич Коломацкий, мой старый товарищ, который оказал мне самый теплый прием. О том, что произошло с этой кафедрой после 1991 года, писать не буду — это уже новое время, а не история. А вот о Коломацком считаю необходимым рассказать хотя бы кратко.

Родился Виктор Георгиевич на Украине, в г. Авдеевка Донецкой области в 1931 г. В 1954 г. окончил Ростовский университет и до 1959 г. был следователем, работал на межобластном учебном пункте милиции в Ростовской и Донецкой областях, а в 1959 г. поступил в адъюнктуру Высшей школы МВД СССР по кафедре криминалистики, по окончании которой работал в НИИ милиции. Тянуло преподавать, и он переходит в 1963 г. на военно-юридический факультет Военно-политической академии. Здесь проработал почти десять лет, до 1972 г., когда вновь вернулся в Высшую школу МВД — доцентом, заместителем начальника кафедры. Параллельно учился в нашей академии, которую окончил в 1978 г. После моего ухода с кафедры спецфака стал ее начальником, с этой должности и ушел в отставку.

Кандидатскую диссертацию Виктор Георгиевич посвятил стереофотографии, а вот для получения докторской степени он поступил необычно: представил к защите книгу, да и книгу необычную: "Курс криминалистики (дидактика и методика)" (М., 1991). Это был учебник, но не для студентов, а для преподавателей. Подобных работ в нашей отечественной литературе по криминалистике не было, да и докторская защита такого рода в академии проводилась впервые. Кое-кто отнесся к этой новации настороженно, скептически был настроен и председатель совета А. И. Алексеев. Однако опасения скептиков не оправдались: защита прошла в высшей степени успешно и интересно, а выступление одного из официальных оппонентов — доктора педагогических наук профессора Н. С. Кравчука, который обстоятельно проанализировал книгу именно с дидактической точки зрения, окончательно рассеяло опасения сомневающихся членов совета. Коломацкий стал доктором наук, а вскоре и профессором.

Виктор Георгиевич великолепно руководил кафедрой. Он из тех людей, с которыми очень легко работать. В его характере гармонично сочетаются принципиальность и мягкость в общении, умение постоять не только за себя, но и за своих товарищей. Это прирожденный педагог, который не мыслит себя вне вузовской кафедры, но с удовольствием выступает и перед школьниками, умея найти общий язык с любой аудиторией.

Кафедра, которой руководил Коломацкий, совершила своеобразный прорыв в практике подготовки учебников: в 1984 г. под редакцией В. Г. Коломацкого и Ю. Г. Корухова был впервые издан вузовский учебник по криминалистике для слушателей специального факультета Академии МВД — иностранцев — первый и теперь уже последний, поскольку нет теперь уже и самого специального факультета.

Примечания

[1] Колмаков В.П. Введение в курс науки советской криминалистики. Одесса, 1973. С. 27.

[2] Шевченко Б.И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975. С. 19.

Глава 12. Есть женщины в нашей науке...

12.1. «Гранд-дамы» криминалистики

Слегка измененная некрасовская строчка, ставшая названием этой главы, ничего не выражает: женщины, как известно, есть везде, что справедливо утверждается в другой стихотворной строчке: "Без женщин жить нельзя на свете, нет!" Я просто не сумел найти такое название, которое давало бы представление, о каких женщинах будет идти речь, о том, как много они сделали для нашей науки и ее практических приложений, что и прошу иметь в виду читателя.

Выражаясь языком историков, появление в криминалистике первых женщин-ученых зафиксировано в конце 40-х — начале 50-х гг., когда на научном небосклоне засияли имена Натальи Арсеньевны Якубович, Валерии Федоровны Орловой, Лидии Михайловны Карнеевой и Виолетты Емельяновны Коноваловой. О Виолетте Емельяновне я уже писал, теперь пришел черед первых трех.

Наталья Арсеньевна Якубович родилась в Таганроге. В 1942 г. она окончила Свердловский юридический институт и с 1942 г. работала в органах прокуратуры Уфы, а затем Москвы. В 1949—1952 гг. учеба в аспирантуре, и после защиты кандидатской диссертации Наталья Арсеньевна — старший научный сотрудник ВНИИ криминалистики Прокуратуры Союза; после реорганизации института она продолжает в нем работать и по сей день.

В 1977 г. Наталья Арсеньевна защищает докторскую диссертацию "Предварительное расследование. Методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы". Фактически вся ее научная деятельность как до, так и после докторской защиты протекает в русле проблем предварительного расследования, преимущественно его тактического аспекта. В 1954 г. выходит ее брошюра "Работа следователя по возмещению материального ущерба и розыску похищенного имущества". В 1957 г. при ее участии выходит отличная книга "Планирование расследования преступлений", затем в 1962 г. процессуально-криминалистическое исследование "Окончание предварительного следствия". В 1964 г. она соавтор пособия "Взаимодействие следователей прокуратуры и органов милиции при расследовании и предупреждении преступлений" — первой подобной работы, написанной на базе нового УПК. В 1967 г. при ее участии выходит актуальная в то время монография "Выявление причин преступлений и принятие предупредительных мер по уголовному делу".

С конца 60-х гг. Наталью Арсеньевну привлекают проблемы познания в следственной деятельности. Она публикует статью "Роль философских категорий в познании природы судебных доказательств, а позже другую статью: опознание в предварительном расследовании преступлений"[2].

Эти статьи легли в основу ее монографии "Теоретические основы предварительного следствия" (1971 г.), а она в свою очередь составила фрагмент ее докторской диссертации.

Наталья Арсеньевна активно участвует в подготовке "Теории судебных доказательств" (обоих изданий), "Руководства по расследованию преступлений" (1967 г.) и "Руководства для следователей" (1971 г.). В 1978 г. выходит коллективная монография "Советская криминалистика. Теоретические проблемы", в которой перу Якубович принадлежит глава "Общие проблемы криминалистической тактики". В ней она рассматривает содержание и систему криминалистической тактики, формулирует понятие и виды тактических приемов и определяет критерии их допустимости.

В работах Натальи Арсеньевны привлекают глубина и оригинальность мышления, великолепное знание материала, умелое сочетание вопросов теории и следственной практики. Не хочется употреблять громких слов, но это действительно образцы классической криминалистической литературы.

Валерия Федоровна Орлова родилась в г. Спасске Рязанской области. В 1943 г. поступила в Московский юридический институт, где увлеклась криминалистикой в студенческом научном кружке, которым руководил Е. У. Зицер. Это увлечение и определило всю ее будущую жизнь.

После окончания института в 1947 г. ее оставляют в аспирантуре и тот же Зицер

становится ее научным руководителем. После его ухода во ВНИИ криминалистики, руководителем Орловой стал Б. И. Шевченко.

Аспирантуру она окончила в 1950 г. по разным причинам без защиты диссертации, защищалась через три года, в 1953 г., а в эти годы поработала старшим преподавателем криминалистики в Саратовском юридическом институте.

В 1952 г. Валерия Федоровна возвращается в Москву, поступает на работу в ЦКЛ старшим научным сотрудником. И здесь по-настоящему раскрылся ее талант исследователя.

В 1954—1956 гг. Орлова исполняла обязанности заведующей ЦКЛ. Я впервые увидел ее летом 1955 г., когда, находясь в отпуске в Москве, интересовался перспективами своей работы после увольнения из армии, о чем уже вторично подал рапорт. Не помню точно, где тогда размещалась ЦКЛ, кажется, где-то на Садовом кольце. Орлова приняла меня, естественно, сдержанно, я коротко рассказал о себе, она задумалась, видимо, ломая себе голову, что со мной делать: было ясно, что в экспертизе я профан, а для чего еще я мог пригодиться? Да и я чувствовал себя весьма неловко, поскольку уже понял, что сани явно чужие.

После некоторого раздумья Валерия Федоровна не очень уверенно сказала, что может мне предложить лишь должность младшего научного сотрудника. Видимо, деликатность не позволяла ей прямо предложить мне убираться с глаз долой, за явной непригодностью. Помню, что, услышав это предложение, испытал облегчение: должность явно не соответствовала моим молодым амбициям (я же кандидат наук!), и в то же время предложение позволяло достойно удалиться, не теряя, так сказать, лица. Что я и сделал, поблагодарив за прием.

Не помню, когда в следующий раз увидел Валерию Федоровну, но имя ее постоянно было на слуху в нашей криминалистической среде. Она продолжала работать в ЦКЛ старшим научным сотрудником, а после реорганизации ЦКЛ — в ЦНИИСЭ — ВНИИСЭ руководителем НИЛ судебно-почерковедческой экспертизы, была руководителем специализированных секторов этой лаборатории, продолжает трудиться и сейчас — все там же и все тем же — признанным лидером отечественного почерковедения, "одной, но пламенной страсти" на всю жизнь.

В своей, написанной по моей просьбе два десятилетия назад, автобиографической записке Валерия Федоровна, отнеся себя к среднему поколению криминалистов, писала, что своими работами продолжает направление в судебном почерковедении, намеченное представителями старшего поколения — С. М. Потаповым, А. И. Винбергом, Н. В. Терзиевым, С. И. Тихенко, заложившими основы отечественного судебного почерковедения. На этом направлении плодотворно трудились такие криминалисты, как Б. В. Харазишвили, А. Р. Агушевич, Г. Д. Маркова, А. И. Манцветова, Р. М. Ланцман и другие, к числу которых она отнесла и себя. Она явно скромничала, потому что именно ее работам были свойственны те качества, которые выражали новые веяния в почерковедении: активное обращение к наукам естественного профиля — физиологии, двигательной анатомии, биомеханике, психологии. Именно ей во многом принадлежит инициатива привлечения представителей этих наук к решению проблем судебного почерковедения, развитию экспериментальных исследований в этой области знаний.

Основное содержание работ Орловой в эти годы составляло изучение закономерностей, составляющих сущность, идентификационные качества почерка как объекта криминалистического исследования, разработка методических рекомендаций для экспертной идентификации исполнителя рукописных документов — вещественных доказательств. Так, ее кандидатская диссертация "Основы идентификации личности по почерку в советской криминалистике" (М., 1953) была посвящена обоснованию идентификационных качеств почерка, его индивидуальности и устойчивости, а также основным положениям методики судебно-почерковедческой экспертизы. Она отражала активное использование фундаментальных положений отечественной физиологии высшей нервной деятельности (учение И. П. Павлова об условно-рефлекторном характере навыковой деятельности человека, о динамическом стереотипе), психологии обучения письму в целях выявления причин и выраженности индивидуальности и устойчивости почерка, существенных для разработки методики судебно-почерковедческой экспертизы. На базе обобщения экспертного опыта,

теоретических и некоторых экспериментальных данных Орловой в соавторстве с *А.* И. Манцветовой и Э. Б. Мельниковой было написано фактически первое столь полное пособие для экспертов-почерковедов по судебно-почерковедческой экспертизе[3].

Обращение к естественнонаучному эксперименту, приспособление его для изучения почерковых закономерностей неизбежно ставили вопрос о специальной подготовке для экспериментальной работы в области судебного почерковедения. В 1958—1959 гг. Орлова вместе с другими сотрудниками ЦКЛ прослушала лекционные курсы по физиологии высшей нервной деятельности на биологическом факультете и физиологии движений на факультете физического воспитания Московского областного педагогического института и даже сдала экзамены по этим курсам.

По инициативе Валерии Федоровны широким фронтом развернулись экспериментальные работы в области почерковедения.

Велись они, как правило, коллективно; наиболее тесно Орлова на протяжении многих лет сотрудничала с Антониной Ивановной Манцветовой. Экспериментальным путем исследовались: проблемы классификации высоковыработанных почерков[4], зависимости признаков почерка от биомеханических причин, закономерностей изменчивости и устойчивости почерка относительно "сбивающих" и привычно варьирующих факторов[5], проблема оценки координационной сложности движений пишущего[6] и др.

Развитие экспериментального направления в почерковедении привело к получению результатов, заинтересовавших космическую физиологию. С участием Орловой исследовались рукописи космонавтов в целях изучения координации движений руки как одного из показателей работоспособности в различных ситуациях, возникающих во время орбитальных полетов[7].

Теоретическим итогом многих, в том числе и экспериментальных, исследований стала монография, написанная Орловой и Манцветовой в сотрудничестве с физиологом кандидатом биологических наук Н. А. Славуцкой "Теоретические основы судебного почерковедения" [8], основанная на современных естественнонаучных данных."

Накопленный эмпирический и экспериментальный материал, результаты глубоких теоретических исследований стали базой для подготовки ряда методических пособий для экспертов-почерковедов, в которых Орлова принимала активное участие и как автор и как ответственный редактор. Успешно занималась она и проблематикой математического моделирования при производстве почерковедческих экспертиз.

Итогом многолетних трудов стала монография "Теория судебно-почерковедческой идентификации в советской криминалистике"[9], ставшая основой ее докторской диссертации. 26-го марта 1973 г. в совете ВНИИ Прокуратуры СССР состоялась великолепная защита этой диссертации, на которой я имел честь выступать официальным оппонентом вместе с А. А. Эйсманом и В. Я. Колдиным. Блестящий отзыв на диссертацию дал Киевский НИИ судебных экспертиз.

Еще до защиты докторской диссертации за Орловой прочно укрепилась репутация ведущего почерковеда страны, главы собственной научной школы в этой области экспертных знаний. Уже в те годы несколько учеников Орловой защитили кандидатские диссертации по почерковедческой тематике (Ф. Х. Тарханова, Н. И. Шахтарина, Н. Х. Абдусаттарова, Ю. Н. Погибко и др.). Валерия Федоровна была награждена орденом "Знак Почета", ей было присвоено почетное звание заслуженного юриста России, присуждено звание профессора. И в дни, когда я пишу эту книгу, она по-прежнему в строю, полна творческих замыслов и по-прежнему верна избранному полвека назад научному пути.

Тогда же, в конце 40-х гг. начинался трудовой и творческий путь другой замечательной женщины-криминалиста Лидии Михайловны Карнеевой. Она родилась в 1921 г. в Москве, в 1947 г. окончила ВЮЗИ и была принята на работу в Московскую городскую прокуратуру — старшим следователем, а потом прокурором отдела по надзору за органами милиции.

В 1955 г. Лидия Михайловна в совете МГУ защищает кандидатскую диссертацию "Процессуальные основания и порядок привлечения к уголовной ответственности в советском уголовном процессе". В этом же году она переходит на работу во ВНИИ криминалистики

Прокуратуры Союза старшим научным сотрудником, и с этого времени в сфере ее научных интересов помимо уголовного процесса оказывается криминалистическая тактика. Ее привлекла проблематика тактики допроса, и первая проба пера в этой области была весьма удачной: в 1958 г. выходит коллективное пособие "Тактика допроса на предварительном следствии" (авторы Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит). В работе подробно рассматривались психологические основы допроса; Карнеевой принадлежали в книге главы "Допрос обвиняемого и подозреваемого" и "Допрос несовершеннолетнего". Так возникло редкое сочетание научных интересов у одного человека: как процессуалист Лидия Михайловна занималась проблематикой привлечения к уголовной ответственности, положением подозреваемого и обвиняемого, а как криминалист — тактикой допроса последних во всех ее нюансах.

21 декабря 1970 г. во ВНИИ Прокуратуры Союза состоялась защита Л. М. Карнеевой докторской диссертации "Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву". Одним из оппонентов был криминалист А. Н. Васильев, другим — процессуалист В. И. Каминская, а третьим — следователь-профессионал высокого класса — Б. А. Викторов, заместитель министра внутренних дел СССР, а в прошлом — заместитель главного военного прокурора по следствию. Каждый из них нашел в диссертации что-то свое, поскольку, как определила свое исследование сама Лидия Михайловна, это была "попытка рассмотреть привлечение к уголовной ответственности по советскому праву комплексно, с уголовно-процессуальных, криминалистических и частично уголовно-правовых позиций" (Автореферат, с. 5). В диссертации было 8 глав, шесть из которых требовали привлечения криминалистических знаний, поскольку были связаны с процессом доказывания и установлением лица, совершившего преступление.

Диссертация была защищена с блеском, атмосфера на традиционном "постдиссертационном" банкете была удивительно дружеская, и даже довольно чопорный обычно Викторов не мог удержаться от улыбки, когда при его появлении (а он немного опоздал) оркестр заиграл тогда очень популярную песенку "Как хорошо быть генералом!". Лидия Михайловна выглядела ослепительно: королева да и только!

Вскоре после защиты она перешла на работу к нам в Высшую школу МВД, на кафедру уголовного процесса, которой руководил тогда В. Е. Чугунов.

Характер у Карнеевой был отнюдь не простой. Самостоятельности ей было не занимать, в суждениях бывала резка и безапелляционна, да и внешность позволяла ей высоко держать голову. Все чаще стали возникать у нее трения с Чугуновым, отношения их портились на глазах и, наконец, наступил такой момент, кажется в конце 1973 г., когда она решительно не захотела работать вместе с ним. К этому времени она уже стала профессором, авторитет ее был очень высок, но и Владимир Евгеньевич Чугунов по всем, как говорится, критериям ей не уступал, разве что не обладал ее обаянием. Назревал открытый конфликт, и тогда я предложил ей перейти ко мне на кафедру, где как раз освободилась должность профессора после ухода полставочников Эйсмана и Ратинова. Лидия Михайловна увидела в этом предложении выход из сложившейся ситуации и с радостью согласилась. Чуть больше года мы работали вместе. Она быстро освоилась с учебным курсом и с блеском читала лекции по тактике на следственном факультете.

В марте 1975 г. Лидия Михайловна назначается начальником кафедры уголовного процесса Московской высшей школы милиции. Событие-то в общем заурядное: профессор стал заведовать кафедрой, если бы не одно обстоятельство.

С момента перехода на работу в МВД Лидия Михайловна занимала офицерские должности. По положению она подлежала аттестованию для присвоения офицерского звания, но она упорно уклонялась "от погон", считая (и не без основания), что это угрожает ее самостоятельности. Удалось ей это сделать и на этот раз, так она и не надела нашу родную милицейскую форму. Она осталась "вольнонаемной" вопреки всяким правилам и в 1977 г., когда была назначена начальником отдела ВНИИ МВД.

Все эти годы Карнеева много работала, часто публиковалась. Помимо чисто процессуальных и криминалистических работ таких, например, как монографии "Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность" (М., 1971), "Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования" (М.,

1978), она непременный соавтор комплексных руководств и монографий: "Теории доказательств в советском уголовном процессе", обоих изданий; "Руководства по расследованию преступлений" (М., 1967), "Руководства для следователей" (М., 1979), учебников по уголовному процессу и криминалистике разных лет. Издается ряд ее работ по теории доказательств, в том числе с венгерским криминалистом И. Кертесом, на появившиеся изменения в судопроизводстве оперативно откликается изданием в соавторстве с Ю. Н. Белозеровым брошюры "Протокольная форма досудебной подготовки материалов органами дознания в советском уголовном процессе" (М., 1987). В 1988 г. Высшая следственная школа МВД в Волгограде издает ее работу "Доказательства в советском уголовном процессе".

В 1981 г. Лидия Михайловна была удостоена почетного звания заслуженного деятеля науки России. Это не вскружило ей голову, не изменило ее стиля общения с коллегами и учениками, работе с которыми она по-прежнему отдавала много сил и творческой выдумки. Она могла гордиться такими, например, учениками, как известные ныне ученые профессора А. А. Чувилев и Е. Е. Центров.

Последние годы жизни Лидия Михайловна работала профессором кафедры уголовного процесса Высшей юридической заочной школы МВД (ныне Юридический институт МВД). Уже будучи тяжело, неизлечимо больной, она не переставала живо интересоваться жизнью кафедры, делами ее сотрудников. В 1992 г. ее не стало. Через четыре года ее друзья и бывшие коллеги почтили ее память, проведя 28 февраля 1996 г. научно-практический семинар, посвященный 75-летию со дня рождения этого выдающегося ученого и замечательного человека.

К славной плеяде наших "грандам" принадлежит еще немало известных криминалистов — ученых и практиков, хотелось бы рассказать обо всех, чтобы утвердить бытующее мнение, что у криминалистики, слова в русском языке женского рода, действительно яркое "женское лицо". Но, увы, Козьма Прутков был прав, когда объявил, что "нельзя объять необъятное", и, как ни трудно сделать выбор, расскажу лишь о немногих.

Среди экспертов-криминалистов широко известны имена Софьи Абрамовны Ципенюк, Зинаиды Александровны Ковальчук и Зинаиды Семеновны Меленевской. Все трое — эксперты-почерковеды, кандидаты юридических наук, слава и гордость Киевского НИИ судебных экспертиз. Много лет они работают вместе и, говоря о любой из них, невольно вспоминаешь двух других. Экспертная область у них общая, а специализация у каждой своя. Софья Абрамовна занимается исследованием текстов, выполненных с подражанием печатному и специальным шрифтам левой рукой[10]. Зинаида Александровна ведет исследование психологии и оценочной деятельности судебного эксперта, занималась проблемами криминалистической экспертизы поврежденных документов[11]. Область научных исследований Зинаиды Семеновны — коллегиальная деятельность экспертов[12].

Почерковедение традиционно было одним из главных направлений экспертной деятельности не только Киевского, но и Харьковского НИИ судебных экспертиз. Именно в последнем работали такие известные ученые-почерковеды, как Валентина Гавриловна Грузкова и Ирина Михайловна Можар.

Валентина Гавриловна проработала в ХНИИСЭ свыше четверти века. Последние пять лет перед переходом на работу на кафедру криминалистики Харьковского юридического института в 1980 г. заведовала лабораторией судебно-почерковедческих исследований ХНИИСЭ. Она была одной из первых, кто занялся исследованием цифрового письма.

Биография Ирины Михайловны во многом аналогична. Она также выпускница Харьковского юридического института, в ХНИИСЭ работала также свыше четверти века, но не только в области почерковедения, а и научно-информационной деятельности; была и ученым секретарем института. Предложила интересное решение проблемы исследования подписей, выполненных с разрывом во времени[13].

Но не только женщинами-почерковедами богата украинская земля. Достаточно напомнить читателю имена Виолетты Емельяновны Коноваловой, о которой я уже рассказал, Аделаиды Александровны Фокиной — трасолога по призванию, увлекавшейся математическими методами исследования папиллярных узоров, моделированием в дактилоскопии[14], Нины Ивановны Клименко, исследовавшей природу криминалистических знаний, Марии Леон-

тьевны Мамотюк, решавшей задачи связи криминалистики и судебной биологии, чтобы представить диапазон научных интересов целой когорты женщин — ветеранов криминалистики. Грустно, что обусловленные хронологические границы этой книги не позволяют мне писать об их сегодняшних успехах, как не позволяют перейти границы независимых Украины и Казахстана, чтобы написать о Татьяне Викторовне Варфоломеевой, Светлане Федоровне Бычковой и многих других, достойных не упоминания, а специального детального рассказа. Но у них теперь своя отечественная криминалистика и найдется свой Нестор-летописец, а я возвращаюсь в родную Россию.

Рассказывая о кафедре криминалистики МГУ, я упомянул имя доцента Веры Андреевны Притузовой. Теперь уместно поведать о ней подробнее.

Родилась Вера Андреевна в 1921 г. в д. Московская Лево-Россошанского района Воронежской области. В 1942 г. окончила ускоренный в связи с военным временем курс Московского юридического института и до 1948 г. работала следователем прокуратуры Царицынского района Московской области. В октябре 1948 г. она поступает в аспирантуру ВИЮНа по криминалистике, под научным руководством

В. Ф. Орлова Н. А. Якубович Л. М. Карнеева С. Я. Ципенюк

А. И. Винберга готовит кандидатскую диссертацию, которую посвящает методике расследования дел о поджогах. В 1951 г. в совете ВИЮНа диссертация успешно защищена, и в том же году она начинает свою преподавательскую деятельность в качестве старшего преподавателя кафедры криминалистики Московского юридического института, а после его объединения с юридическим факультетом МГУ — доцента кафедры криминалистики юрфака. В 1955 г. ее утверждают в звании доцента.

Справедливо считая, что полноценным преподавателем вуза может быть лишь тот, кто не оставляет научных исследований, Вера Андреевна следовала этому принципу всю свою творческую жизнь. В 1959 г. выходит ее монография "Заключение эксперта как доказательство" (М.), принесшая ей известность в научных кругах. В подготовленных кафедрой криминалистики МГУ учебниках 1963 и 1971 гг. перу Веры Андреевны принадлежат по четыре главы в каждом. Она соавтор ряда учебных и методических пособий по криминалистике. В январе 1971 г. Вере Андреевне исполнилось пятьдесят лет, а через полгода, в июле она умерла.

Следователь Притузова в науке занялась проблемами экспертизы, а следователь Гуковская осталась и в криминалистике верна своему следственному призванию.

Наталья Исидоровна Гуковская родилась в 1914 г. в Петрограде. После окончания средней шкоды восемь лет работала в военных учреждениях, а в 1939 г. поступила в Московский юридический институт, где проучилась до 1941 г. Работала старшим следователем, прокурором следственного отдела, заместителем начальника этого отдела Прокуратуры Москвы, училась в ВЮЗИ, который окончила в апреле 1944 г. Продолжала работать теперь уже прокурором следственного отдела Прокуратуры СССР, потом там же следователем по важнейшим делам.

З. С. Меленевская З. С. Ковальчук В. Г. Грузкова А. А. Фокина

В 1954 г. Наталья Исидоровна переходит на научную работу во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР – сначала старшим научным сотрудником, а потом ученым секретарем института. С 1956 г. она начинает работу по подготовке кандидатской диссертации по проблемам тактики следственного эксперимента. В этой области в те годы кроме малоизвестной научной общественности кандидатской диссертации Л. Е. Ароцкера и статей П. И. Тарасова-Родионова работ не было, да и закон такого следственного действия еще не знал. В 1958 г. она издает книжку "Следственный эксперимент", а на следующий год защищает кандидатскую диссертацию "Теория и практика проведения следственного эксперимента на предварительном следствии". Еще до выхода названной книжки она в соавторстве с В. А. Свешниковым издает серьезное методическое пособие "Судебно-медицинская экспертиза по делам о насильственной смерти" (М., 1957).

После преобразования ВНИИК в 1963 г. Гуковская переходит в сектор проблем борьбы с преступлениями несовершеннолетних, которым тогда заведовал Г. М. Миньковский. Меняется и направленность ее научных исследований. В 1967 г. выходит ее работа "Деятельность следователя и суда по предупреждению преступлений несовершеннолетних" (М.). В 1972 г. она пишет главу в "Настольную книгу судьи" — "Особенности рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних", а в 1974 г. выходит работа трех авторов — Н. И. Гуковской, А. И. Долговой, Г. М. Миньковского "Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних", до сих пор одна из лучших работ в этой области.

Заслуженный юрист России Наталья Исидоровна Гуковская умерла в 1977 г. после тяжелой болезни. Я хорошо знал ее, мы много раз встречались и в институте, и иногда в дружеском кругу, она внушала окружающим глубокое уважение своим умом, огромным профессиональным опытом, дружеским расположением к людям.

Вместе с Гуковской во ВНИИ Прокуратуры СССР долгие годы работала Валентина Васильевна Братковская — младшим и старшим научным сотрудником, а в 1965—1973 *гг* — учёным секретарём

Н. И. Клименко М. Л. Мамотюк В. А. Притузова Н. С. Гуковская

института, затем до ухода на пенсию снова старшим научным сотрудником. Она в 1943 г. окончила ВЮЗИ, десять лет работала следователем прокуратуры Красногорского района Московской области, потом училась в аспирантуре по кафедре криминалистики МГУ, год была ассистентом кафедры, а в 1957 г. перешла на работу во ВНИИК.

В 1958 г. Братковская защищает кандидатскую диссертацию "Расследование хищений в торгующих организациях", и вся ее последующая научная деятельность была посвящена исследованию этой поистине неисчерпаемой проблематики борьбы с хищениями государственного и общественного имущества: на предприятиях общественного питания (1960 г.), в совхозах (1965 г.), на предприятиях торговли (1970 г.), в колхозах (1971 г.), на предприятиях бытового обслуживания (1978 г.); она соавтор серии брошюр по расследованию хищений в различных отраслях народного хозяйства, издававшихся ВНИИ Прокуратуры СССР, "Руководства по расследованию преступлений" (1967 г.), обоих изданий "Руководства для следователей" (1971, 1982 гг.).

Издавна пополнение кадров преподавателей-криминалистов происходило либо за счет экспертов, которым поручалось вести раздел криминалистической техники, либо за счет следователей, специализировавшихся на преподавании криминалистической тактики и методики. Такая специализация обеспечивала не только высокий уровень преподавания, но и тесную связь с практикой и своевременное отражение в учебном курсе всех появляющихся новинок в области судебной экспертизы и следствия. Очень редко среди нас можно встретить

преподавателей, за плечами которых лишь аспирантская скамья и никакого практического опыта. Типичный пример преподавателя-практика со значительным стажем экспертной работы — Алла Степановна Лазари, доцент кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии.

Родилась Алла Степановна в Москве, в 1951 г. окончила педагогическое училище; задумав стать юристом, поступила на юридический факультет МГУ, а после его окончания три года работала следователем-криминалистом. Не очень по душе пришлась ей эта работа, и в 1961 г., начав, как говорится, "с чистого листа", пошла лаборантом в ЦКЛ. Здесь она в буквальном смысле нашла себя: работала экспертом, старшим экспертом, младшим и старшим научным сотрудником, заведовала сектором ВНИИ судебных экспертиз, стала высококвалифицированным экспертом-баллистом и трасологом, признанным авторитетом в этих сложных областях судебной экспертизы. В 1969 г. защищает кандидатскую диссертацию.

Большая часть публикаций Аллы Степановны посвящена проблемам судебной баллистики. Одной из первых она раскрывает возможности использования в трасологии и баллистике новых полимерных материалов[15], занимается проблемой влияния некоторых условий внешней среды на определение дистанции выстрела[16], следованием огнестрельных повреждений на синтетических тканях[17]. Ее интересуют и общие теоретические и методологические вопросы судебно-баллистической экспертизы, в том числе и цели и пределы использования экспертом-баллистом материалов уголовного дела[18] и многое другое, что и не снилось нашим мудрецам. Показательно, что ряд публикаций Аллы Степановны относится к тому времени, когда она уже стала преподавателем кафедры криминалистики ВЮЗИ, куда перешла в 1984 г. Здесь в 1989 г. ей присваивают звание доцента. Сейчас она опытнейший преподаватель-криминалист.

Уверен, что существует четкий жизненный и профессиональный алгоритм, управляющий биографиями наших криминалистических "гранд-дам"! Вот еще один пример его реализации: Валентина Александровна Андрианова.

Родилась в д. Бычково Московской области, в 1951 г. окончила Московский юридический институт, некоторое время работала в Главном управлении милиции, а с 1952 г. в НИИ криминалистики ГУМ — ВНИИ МВД. И тот же алгоритм служебной карьеры: лаборант — старший лаборант — эксперт — младший и старший научный сотрудник — ученый секретарь института — заместитель начальника отдела криминалистических исследований института. Блестящий эксперт-дактилоскопист. В 1970 г. защищает кандидатскую диссертацию, в 1973 г. ей присваивают ученое звание старшего научного сотрудника. Многочисленные работы по дактилоскопии, в том числе и дактилоскопическим учетам: о сочетаниях папиллярных узоров на пальцах, различных участках ладоней (1967, 1973 гг.), об использовании корреляционных связей папиллярных узоров в целях совершенствования дактилоскопических учетов (1973 г.), об использовании дактилоскопических картотек криминалистических подразделений милиции для раскрытия квартирных краж (1980 г.) и др. И вдруг, неожиданно для всех нас, взяла да и ушла в отставку: "внуков нянчить", правда, воспитав замену — дочь-криминалиста Марину (о ней еще расскажу).

Северная наша столица также подарила истории нашей науки весьма заметных представительниц.

Тамара Алексеевна Седова в 1967 г. защищает кандидатскую диссертацию "Проблемы судебной идентификации некоторых видов вещественных доказательств (на основе экспериментального исследования методом инфракрасной спектроскопии)". Проблематика диссертации и определила выбор направления ее дальнейших исследований. В 1978 г. она издает работу "Применение спектроскопии внутреннего отражения в судебной экспертизе", а в 1986 г. — фундаментальное исследование "Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации". Ныне Тамара Алексеевна — доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского университета. В 1995 г. она принимала участие в издании вузовского учебника по криминалистике в качестве соавтора и соредактора.

В другом петербургском центре "криминалистической мысли" — Институте подготовки и

переподготовки кадров прокуратуры (современное его название после преобразований мне неведомо, именую его по смыслу деятельности) уже несколько десятилетий трудится ныне доктор наук, профессор Виринея Сергеевна Бурданова. Область её научных исследований - преимущественно методика расследования отдельных видов преступлений. Когда в 1992 г. она защищала докторскую диссертацию в форме научного доклада, по совокупности работ, их список насчитывал 84 названия. Помимо традиционной методической тематики в нем значились работы по виктимологическим аспектам криминалистики, понятию негативных обстоятельств, предмету доказывания по делам о доведении до самоубийства, использованию психологических знаний при расследовании ряда преступлений и др. Виринея Сергеевна — бесспорный авторитет в области криминалистической методики.

Я заранее презюмировал неполноту рассказа о старшем поколении наших женщин-криминалистов по независящим от меня причинам, но не прощу себе, если хотя бы в нескольких словах не упомяну еще два имени, возможно, мало известных в наших научных кругах, но мне весьма памятных. Это Софья Шариповна Касимова и Людмила Евгеньевна Быстрова. Обе они родные мне по духу милицейские эксперты, обе последовательно руководили экспертно-криминалистической службой Ленинграда и области, вторая была преемницей первой, да еще какой!

Софья Шариповна писала под моим руководством кандидатскую диссертацию на актуальнейшую в 60-х гг. тему об исследовании продукции массового изготовления. Она разрабатывает методику установления места и времени выпуска промышленных изделий (1961 г.), установления личности по трудовым навыкам (1967 г.), источника происхождения изделий по особенностям технологической обработки (1968 г.), параллельно занимается внедрением современных методов исследования в техническую экспертизу документов (1966, 1968 гг.). Много сил и времени уделяла Софья Шариповна совершенствованию деятельности экспертно-криминалистических подразделений города и области.

Уходя в отставку, Касимова рекомендовала в качестве своей преемницы эксперта-химика Людмилу Евгеньевну Быстрову. К рекомендации прислушались, и Быстрова "стала у руля" экспертной службы. Очень быстро она стала признанным руководителем всей системы этой службы ленинградской милиции. Необыкновенная энергия и настойчивость в достижении поставленных целей в сочетании с высоким профессионализмом и компетентностью выдвинули Людмилу Евгеньевну в первый ряд руководителей служб ГУВД, завоевали ей авторитет и в министерстве. Возглавляя экспертно-криминалистическую службу, она становится заместителем начальника ОТУ ГУВД и, что греха таить, умело использует высокое должностное положение для резкого улучшения материально-технической базы экспертной службы, ее кадрового состава. Не раз при встречах с ней я пытался подвигнуть её на научную

В. В. Братковская А. С. Лазари В.А.Андрианова В. С. Бурданова

работу, но в ответ слышал одно и то же: "Я — практик". Сейчас полковник милиции Быстрова в отставке, и хотя в этом не последнюю роль сыграла перенесенная ею тяжелая операция, я считал и считаю, что с "заслуженным отдыхом" она явно поторопилась.

12.2. Племя младое, знакомое и знающее себе цену

И снова я перед выбором: кого выбрать для своей "поэмы в прозе"? Слава Богу, выбор велик, достойных женщин в криминалистике гораздо больше, чем в органах российской власти, и среди этих моих молодых современниц есть немало заслуживших восторженные оценки. Но следовало решать, и тогда я придумал некий научно-служебный критерий отбора: упомяну всех докторов наук, а из кандидатов отберу начальниц, тех, кто временно сменил научную карьеру на научно-административную. А поскольку, как было условлено, речь будет

идти только о россиянках, не грех выйти за пределы 1991 года и довести рассказ до наших дней. Первая, о ком речь, — Надежда Павловна Майлис. Родилась она в с. Романове Ярославской области, окончила в 1965 г. медицинское училище, некоторое время работала в НИИ общей и судебной психиатрии им. Сербского и училась в ВЮЗИ, а когда его окончила, пришла на работу во ВНИИ судебных экспертиз. С 1974 г. она — эксперт-трасолог. Занялась она экспертизой зубов, и это оказалось ей "по зубам": в 1979 г. она защищает кандидатскую диссертацию "Криминалистическая экспертиза следов зубов человека", и в том же году ее назначают на должность старшего научного сотрудника. С 1984 г. Надежда Павловна руководит лабораторией трасологических и фоноскопических экспертиз ВНИИСЭ, а с 1989 г. она -

С. Ш. Касимова Л. Е. Быстрова

ученый секретарь этого института, а теперь уже и Российского федерального центра судебных экспертиз.

В 1992 г. Надежда Павловна представила к защите докторскую диссертацию в форме научного доклада "Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз". Материалом для доклада послужили около семидесяти публикаций по различным проблемам судебной трасологии, в том числе ряд монографий теоретического плана, на основе которых Надежда Павловна предложила свою систему трасологии, разделив эту область криминалистики на четыре отдела: гомоскопическую трасологию, механоскопическую трасологию, транспортную трасологию и материаловедческую трасологию. Теория трасологии как учение о следах и следообразовании включает в себя частные теории микротрасологии, моделирования, механизма следообразования, трасологической морфологии.

Надежда Павловна определила новый концептуальный подход к трактовке содержания трасологии, показала современное состояние и решающее влияние теории трасологии при использовании ее методов и подходов в различных родах (видах) криминалистических и иных судебных экспертиз, а также в других отраслях научных знаний, предложила и обосновала новый род экспертизы — материаловедческую трасологию.

Докторская диссертация подвела итог значительного периода научного творчества Надежды Павловны. Я расцениваю этот итог как промежуточный, наблюдая, с какой энергией она продолжает свой путь в криминалистике и судебной экспертизе, узнавая о ее замыслах и планах.

Через год после Майлис свою докторскую диссертацию также в форме научного доклада представила на суд научной общественности моя дочь Елена Рафаиловна Российская.

Я горжусь своей дочерью и не скрываю этого. Ее путь в науку был нелегок и отнюдь не устлан розами. Я уже упоминал о тех "волчьих ямах", которые устраивались ей на дороге к кандидатской степени. А между тем на первых порах все казалось таким безоблачным...

Диплом дочь делала в Институте элементоорганических соединений академика Несмеянова под руководством профессора

Н. П. Майлис Е. Р. Российская Т. В. Аверьянова Е. И. Майорова

А. И. Китайгородского. Она исследовала элементоорганическое соединение, синтезированное в лаборатории самого Несмеянова. Видимо, она вполне справилась с задачей, поскольку полученные ею результаты были опубликованы в Англии в журнале Королевского химического общества "Химические связи". Ее рекомендовали в аспирантуру, но этой рекомендации не суждено было реализоваться: история отца повторялась и с дочерью. Последовали годы рутинной работы, которые, правда, не прошли даром, поскольку им она обязана глубоким владением самыми различными рентгеновскими методами.

Но душу эта работа не грела, и потребовался резкий жизненный поворот, чтобы дочь наконец нашла свою стезю. Но об этом я уже писал.

Работа в ЦНИКЛ изобиловала по-своему драматическими эпизодами. Вот один из них.

В мае 1982 г. в Краснодаре сгорел новенький, только что открытый Центральный универмаг. Это была шестиэтажная коробка из стекла и бетона, которой очень гордились власти города и края. Краевой прокуратурой было возбуждено уголовное дело и назначена пожарно-техническая экспертиза, проведение которой поручили ЦНИКЛ. На место пожара выехали эксперты капитан С. И. Зернов и старший лейтенант Е. Р. Российская.

Эксперты быстро разобрались в причинах пожара. Механизм происшествия представлялся следующим образом. В ночь перед пожаром, т. е. с пятницы на субботу, в универмаге работала бригада Управления вневедомственной охраны УВД, монтировавшая систему пожарной сигнализации. Монтажники ушли, забыв обесточить сеть. На щите охранной сигнализации произошло короткое замыкание в приборе ФЭУП-М. От замыкания произошел выброс пламени, загорелась штора, огонь перебросился на окружающую обстановку, а приехавшие пожарные, разбив стекла и открыв доступ воздуху, способствовали быстрому распространению огня.

Ущерб, по самым скромным подсчетам, достигал огромной по тем временам суммы в пять миллионов рублей, причем в нее не входила стоимость сгоревших товаров. Краевое управление торговли предъявило иск к УВО УВД края.

Разработчиком злополучного прибора был ВНИИПО МВД СССР. Версия, которую выдвинули разработчики, отдавала черным юмором. По их мнению, все произошло так.

Легкий ветерок, проникавший через открытую форточку, колыхал висевшие на вешалках детские платьица 24-го размера, из которых высыпалась пыль. От разряда статического электричества эта пыль взорвалась, и возник пожар. "Прибор ФЭУП-М в принципе гореть не может", — заявили разработчики.

При слушании дела в суде эксперты подтвердили свое заключение. В зале суда было полно сотрудников УВД. Экспертов перебивали выкриками "Позор!", "Против своих идете", топали ногами, даже свистели. Но эксперты, как говорится, стояли насмерть. Дело направили на доследование.

По возвращении в Москву экспертов пригласили к начальнику главка пожарной охраны. В кабинете собрались несколько десятков больших чинов, наперебой с металлом в голосе убеждавших экспертов, что они ошиблись, но те продолжали настаивать на своем. И снова: "Эти приборы просто не могут гореть!" (А прибор исследовала Лена.) Волокита по делу продолжалась почти пять лет. И только тогда, когда за это время сменилось и руководство края, и руководство страны, да и МВД Союза, были проведены, наконец, необходимые модельные эксперименты, в ходе которых оказалось, что злополучные приборы великолепно горят. Эксперты подтвердили свою правоту, а приборы сняли с производства.

Случай с прибором ФЭУП-М был одним из многих, с которыми пришлось иметь дело Лене за время ее работы экспертом. Их исследование позволило ей разработать вместе с коллегами методические рекомендации по исследованию медных и алюминиевых проводников в зонах короткого замыкания и термического воздействия, разработать диагностику причин их разрушения. Три авторских свидетельства подтвердили приоритет разработчиков способов определения момента короткого замыкания металлических проводов по отношению к началу пожара. Докторская диссертация дочери была посвящена концептуальным основам теории неразрушающих методов исследования вещественных доказательств. Эта тема весьма актуальна для теории и судебно-экспертной практики, поскольку применение при экспертном исследовании неразрушающих методов позволяет сохранить в первоначальном виде для суда вещественные доказательства. Выводы

диссертанта опирались на многолетние исследования (в списке обобщенных работ значились 63 наименования), причем они относились не только к непосредственной теме диссертации, но и к представлениям диссертанта о структуре и путях развития общей теории судебной экспертизы. Была предложена и оригинальная система методов этой теории и методов практической экспертной деятельности.

Как я и надеялся, успешная защита докторской диссертации стала лишь этапом в научной деятельности дочери. В 1996 г. выходит ее очень удачная, на мой взгляд, книжка "Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе". Причем если об экспертизе в гражданском процессе хоть что-то, правда весьма мало, и было написано, то в части арбитражного процесса Лена действительно сказала первое слово. За этой книгой последовало участие в коллективной работе "Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования" (1997 г.), в подготовке фундаментального учебника по криминалистике для вузов (80 п. л.!) в соавторстве с Т. В. Аверьяновой, Ю. Г. Коруховыми мной, "Энциклопедии судебной экспертизы" и др. Теперь я могу, не греша перед истиной, признаться себе, что дочка удалась...

Не посрамила учителя и другая представительница этого младого племени профессоров-криминалистов — Татьяна Витальевна Аверьянова. Ее путь в науку тоже не был усыпан розами. Она родилась в г. Балхаше, в Казахстане, в 1975 г. окончила радиофизический факультет Горьковского университета, три года работала младшим научным сотрудником в Научно-исследовательском радиофизическом институте в Горьком, а затем в 1978 г. перешла на работу в Центральную Горьковскую НИЛСЭ МЮ России — младшим, старшим научным сотрудником отдела баллистики и трасологии. В 1981 г. поступила в заочную аспирантуру ВНИИСЭ. Тему выбрала экспериментальную — определение влияния метеоусловий на следы выстрела. Научным руководителем стал А. Р. Шляхов.

Работа над диссертацией прерывалась в буквальном смысле катастрофами для диссертанта. Уже были проведены все экспериментальные стрельбы, собралась целая гора стреляных мишеней в лабораторном тире, когда диссертантка поехала в Москву на консультации к баллистам. Вернулась на пепелище: в ее отсутствие в тире был пожар и все мишени, приборы и оружие сгорели. Пришлось все начинать заново. Но беда, как известно, не приходит одна: вновь проведены эксперименты, завершена диссертация, она доставлена в лабораторию баллистики ВНИИСЭ вместе со всеми полагающимися для защиты документами, но в ночь на субботу в лаборатории прорвало трубу, оба экземпляра диссертации и документы были безнадежно испорчены. Лишь в конце 1987 г. диссертация наконец была представлена к защите.

В те дни я "дорабатывал" последние недели во ВНИИСЭ перед возвращением в Академию МВД. Как и все диссертации, работа Аверьяновой проходила через мой отдел теории судебной экспертизы, который был чем-то вроде ОТК. Тогда я и познакомился с ней. Но за несколько дней до защиты Татьяне Витальевне был нанесен еще один, третий удар. Судьба на этот раз выступала в лице освободившегося из заключения бывшего начальника Горьковской лаборатории: он позвонил в ученый совет ВНИИСЭ и заявил, что все результаты Аверьяновой фальсифицированы и т. п. и т. д. Звонок не был анонимным, уже потом выяснилось, что он был спровоцирован "друзьями" диссертанта, убедившими звонившего, что она была в свое время чуть ли не инициатором его привлечения к уголовной ответственности.

Естественно, что в совете возникла легкая паника, но очень быстро выяснилось, что все эксперименты Аверьянова проводила либо под контролем, либо при участии баллистов института, и ни о какой фальсификации результатов не может быть и речи. Было решено ничего не скрывать от членов совета, и на защите было сообщено и о звонке и о результатах проверки этой кляузы.

Как и следовало ожидать, члены совета отреагировали на это сообщение, как говорится, адекватно: выступило восемь неофициальных оппонентов из числа самых уважаемых членов совета и голосование было единогласным.

После защиты Татьяна Витальевна перешла на работу на кафедру криминалистики Нижегородской высшей школы МВД СССР, работала преподавателем, потом старшим преподавателем, а в 1991 г. поступила в докторантуру академии; я дал согласие быть ее научным консультантом. В 1991—1994 гг. выходят три ее монографии: "Содержание и

характеристика методов судебно-экспертного исследования" (Алма-Ата, 1991), "Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы" (в соавторстве с И. А. Алиевым, Баку, 1993) и "Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебных экспертиз" (М., 1994). В марте 1994 г. состоялась защита ею докторской диссертации "Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития".

После защиты Татьяна Витальевна возвращается в Нижний Новгород, в Высшую школу. В конце 1994 г. ее включают в комиссию по проверке академии, и здесь на нее обратил внимание начальник академии Н. И. Демидов, который в мае следующего года предлагает ей перейти на работу в академию. После колебаний соглашается, и в августе 1995 г. семья переезжает в Москву. Криминалисты, лишившиеся своей кафедры после ликвидации спецфака, пользовались тогда гостеприимством кафедры ОРД. По этой кафедре она и получила звание профессора. В марте 1996 г. по инициативе Н. И. Демидова создается наконец самостоятельная кафедра криминалистического обеспечения деятельности ОВД и моя ученица становится моим начальником. В июле 1997 г. происходит очередная реорганизация в академии, нас объединяют с процессуалистами, и Татьяна Витальевна пересаживается в кресло начальника этой объединенной кафедры, и жизнь продолжается. Ее вклад в науку весьма существен: разработана концепция общей теории судебной экспертизы, предложена ее структура, дана классификация методов общей теории и практической экспертной деятельности, показана роль тенденций развития научного знания применительно к криминалистике и судебной экспертизе. Ее перу принадлежат работы в области использования возможностей криминалистики в борьбе с организованной преступностью и др. Как и моя дочь, она сейчас работает над "Энциклопедией судебной экспертизы", участвовала в качестве соавтора и соредактора учебника "Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования", соавтор упомянутого фундаментального учебника для вузов, готовит оригинальную работу "Экспертная практика в примерах". Думаю, что еще не раз она порадует нас и свежими идеями, и оригинальными их решениями.

В начале 1996 г. вышла в свет фундаментальная монография Елены Ивановны Майоровой "Проблемы судебно-биологической экспертизы", а в ноябре того же года диссертационный совет Юридического института МВД России по результатам защиты диссертации присудил Елене Ивановне степень доктора юридических наук. Научным консультантом работы была моя дочь.

Елена Ивановна родилась в Грозном; в 1951 г. семья переехала в Калининград Московской обл., в 1965 г. Елена Ивановна поступила в Лесотехнический институт по специальности озеленение городов. Окончила аспирантуру ЛТИ по кафедре селекции и дендрологии и в 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию, получив степень кандидата сельскохозяйственных наук. Ее пригласили во ВНИИСЭ сначала на должность старшего научного сотрудника, а затем заведующей сектором судебно-биологической экспертизы. В 1987 г. я убедил ее перейти в сектор теории института для систематизации накопленного материала и подготовки докторской диссертации с акцентом на криминалистику. Правда, пробыла в отделе она недолго, времена изменились, ей пришлось вновь вернуться к экспертизе. Но запал не пропал, работа над диссертацией исподволь продолжалась, начались систематические контакты с моей дочерью, увенчавшиеся успешной защитой докторской диссертации. Ныне Елена Ивановна, по праву считающая себя криминалистом, заведует кафедрой правового обеспечения природоохранительной деятельности в Московском государственном университете леса, успешно разрабатывает проблемы судебно-биологических и экологических экспертиз.

Несомненной заслугой Елены Ивановны является разработка учений о судебно-биологической классификации, судебно-биологической идентификации и судебно-биологической диагностике и методологии судебно-биологической экспертизы и предварительных исследований. Ее теоретические построения опираются на категории криминалистической науки и свидетельствуют о реальной интеграции знаний криминалистики и смежных естественных наук. Она определила компетенцию и пределы специальных познаний эксперта-биолога, показав, что эти познания представляют собой, с

одной стороны, доскональное знание общих теорий и положений биологии, умение ориентироваться в ее многочисленных областях, знакомство с новейшими достижениями науки и практики, а с другой — свободное владение основными положениями криминалистики, общей теории судебной экспертизы, уголовного, гражданского и арбитражного права и др. Она выявила закономерности формирования и выделения отдельных родов судебно-биологической экспертизы, показала особенности деятельности по собиранию и использованию криминалистически значимой информации биологической природы при раскрытии и расследовании преступлений и предложила пути компьютеризации процесса решения задач биологической экспертизы.

И еще об одном представителе славного поколения молодых докторов-криминалистов — Татьяне Станиславовне Волчецкой.

Татьяна Станиславовна родилась в Пскове, откуда семья переехала в Калининград, где будущий доктор наук сначала окончила музыкальное училище, а в 1987 г. юридический факультет Калининградского университета. В том же году Волчецкая поступает в аспирантуру МГУ, выражаясь языком музыкальной среды, по классу Николая Павловича Яблокова. В 1991 г. она защищает кандидатскую диссертацию "Ситуационное моделирование в расследовании преступлений". Преподает в Калининградском университете, работает над докторской диссертацией и в ноябре 1997 г. успешно защищает ее в том же совете юридического факультета МГУ. Защите предшествует издание трех монографий: "Моделирование криминальных и следственных ситуаций" (Калининград, 1994), «Криминалистическая ситуалогия” (М., 1997),

Т. С. Волчецкая И. Л. Александрова М. Н. Овсянникова

“Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике" (Калининград, 1997), свыше сорока статей по проблемам следственных ситуаций и криминалистического моделирования.

Волчецкая доказывает, что существуют реальные предпосылки формирования криминалистической ситуалогии как элемента общей теории криминалистики, предлагает определение этой частной криминалистической теории, ее предмета, объектов и структуры, разрабатывает алгоритмы криминалистического ситуационного моделирования. Выступая официальным оппонентом по ее диссертации, я, естественно, не мог согласиться с безапелляционным утверждением факта формирования еще одной новой теории, чем грешат в последнее время многие диссертанты. Это, правда, не помешало положительно оценить работу Волчецкой.

Я уже мельком упоминал, что среди заметных представителей славного "женского корпуса" криминалистов есть и начальники разного уровня, которые также заслуживают доброго слова. Одна из них — Марина Николаевна Овсянникова, дочь той самой Валентины Александровны Андриановой, о которой я писал в предыдущем параграфе этой главы.

Вообще, к слову говоря, семейственность в криминалистике, понимаемая в добром смысле слова, явление, как свидетельствует жизнь, весьма положительное. И у нас возникают династии, ничем не хуже династий врачей, писателей, сталеваров и прочих: отец и сыновья Митричевы, отец и сын Куклины, мать и дочь Аверьяновы, отец и сын Баевы и прочая и прочая, в том числе и я с дочерью, сыном, который все ближе и ближе подбирается к криминалистике из своего "физико-математического далека", и старшим внуком — следователем, который все чаще задумывается о примере деда и матери.

Так вот, о Марине Николаевне Овсянниковой. В 1978 г. она окончила МГУ, работала в ИВЦ МВД, поступила в адъюнктуру

С. А. Смирнова Е. А. Комкова М. Н. Сосенушкина

Московской высшей школы милиции, в 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию "Использование описаний внешности в раскрытии преступлений", работала научным сотрудником, преподавателем и старшим преподавателем, а с 1991 г. доцентом кафедры криминалистики МВШМ (ныне Московский юридический институт МВД России). С этого момента начинается стремительный служебный рост Марины Николаевны: 1993 г. — заместитель, а в 1995 г. — начальник кафедры криминалистики; в феврале 1996 г. Овсянникову назначают заместителем начальника этого института по учебной работе. Но служебная занятость не прерывает ее научной деятельности. Ее перу принадлежит целая серия работ 1982—1996 гг. по проблемам использования признаков внешности для криминалистической регистрации, установления и розыска преступников.

Моя ученица Ирина Леонидовна Александрова в 1983 г. окончила факультет по подготовке экспертов-криминалистов Волгоградской высшей следственной школы, свыше четырех лет работала экспертом-криминалистом в Литве, а в 1987 г. поступила в адъюнктуру по кафедре криминалистики Академии МВД. В 1990 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию "Формирование модели эксперта-криминалиста (теоретические и методические аспекты)" — первую работу подобного рода в нашей науке. Была оставлена на работе в академии, сначала в должности преподавателя кафедры криминалистики, а затем заместителя начальника учебно-научного комплекса криминалистики и уголовного процесса Московского института МВД РФ.

В 1995 г., с трудом уговорив руководство института, поступила в докторантуру академии, я стал ее научным консультантом. Однако вскоре была вынуждена прервать работу над докторской диссертацией, поскольку в 1996 г. ее отозвали на должность начальника кафедры криминалистики этого института. В этой должности она и трудится в настоящее время. В ее активе свыше 25 научных работ, преимущественно по экспертно-криминалистической тематике, исподволь продолжает заниматься докторской диссертацией на тему "Криминалистическая теория причинности и ее значение в следственной и судебно-экспертной деятельности". Надеюсь, что, несмотря на трудности, доведет эту работу до защиты.

Как известно, криминалистика "прирастает" и экспертными учреждениями, в чем немалая заслуга и наших женщин-руководителей. Из многих, заслуживающих упоминания, назову троих: Светлану Аркадьевну Смирнову, Елену Александровну Комкову и Марину Николаевну Сосенушкину.

Светлана Аркадьевна после окончания аспирантуры химического факультета Ленинградского университета и защиты диссертации работала младшим, старшим научным сотрудником, а с 1984 г. заведующей отделом координации научно-исследовательских работ Центральной Санкт-Петербургской лаборатории судебной экспертизы МЮ РФ. В октябре 1986 г. она назначается заместителем начальника, а в январе 1993 г. — начальником этой старейшей региональной лаборатории России. С этого времени все свои знания и силы она отдает развитию лаборатории, внедрению в ее практику современных наукоемких технологий криминалистических исследований состава и структуры веществ и их микроследов, сама овладевая этими методами и методиками как высококвалифицированный эксперт-материаловед. Она активно внедряет в практику современные методы научной организации труда судебных экспертов, руководит становлением и развитием новых видов экспертных исследований (экспертиза ювелирных изделий и ювелирных камней, кибернетическая экспертиза, оценка недвижимости и др.), решает проблему оснащения рабочих мест экспертов современной компьютерной техникой. Активно занимается разработкой научных проблем

междисциплинарной интеграции экспертных исследований.

Елена Александровна Комкова уроженка Саратова, где и окончила физический факультет университета и с 1974 г. работает в Саратовской лаборатории судебной экспертизы, ныне — заместителем начальника лаборатории.

В 1988 г. окончила аспирантуру ВНИИСЭ и защитила кандидатскую диссертацию по проблемам криминалистического исследования стекла. Этого направления научных исследований придерживается и в последующие годы. После защиты кандидатской диссертации вышли такие ее работы, как "Некоторые особенности криминалистического исследования технических (автомобильных) зеркал" (1994 г.), "Рекомендации по назначению судебных экспертиз" (1995, в соавт.), "Криминалистическое исследование сортовой посуды» (1997, в соавт.).

С Мариной Николаевной Сосенушкиной я познакомился, когда она работала экспертом ВНИИ МВД, а меня попросили быть ее научным руководителем по кандидатской диссертации. Она, юрист по базовому образованию, выбрала тему, требующую обширных знаний в области химических и физических методов исследования, — исследование сгоревших бумажных денег. Пришлось засесть за "чужие" для юриста руководства и осиливать эту естественнонаучную премудрость, что она и сделала, удивив даже своих коллег — химиков и физиков. В 1991 г., получив очень интересные экспериментальные результаты, Сосенушкина успешно защищает кандидатскую диссертацию и становится кандидатом юридических наук.

Она осталась на экспертной работе сначала во ВНИИ, а потом в Экспертно-криминалистическом центре. Как специалисту в области технико-криминалистической экспертизы документов, ей приходилось не только проводить сложные экспертные исследования, но и выполнять ряд ответственных правительственных заданий. Сейчас она главный эксперт ЭКЦ, ведущий специалист в области технической экспертизы документов. Такой ученицей по праву можно гордиться.

Я почти уверен, что читатель будет разочарован этим моим очерком о женщинах-криминалистах: у него наверняка на слуху много и других имен известных женщин-криминалистов, ученых и практиков. Меня может извинить только то, что докторов-женщин я назвал всех, а что касается кандидатов наук, старался в своем выборе руководствоваться пусть несколько произвольным, но хоть каким-то объективным критерием. Так что, пожалуйста, не обессудьте!

Примечания

[1]Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. № 5.

[2]Советское государство и право. 1970. № 11.

[3]Манцветова А. И., Мельникова Э. Б., Орлова В. Ф. Экспертиза почерка // Теория и практика криминалистической экспертизы. Сб. 6—7. М., 1961.

[4]Зотов Б. Л., Манцветова А. И., Мельникова Э. Б., Орлова В. Ф. Характеристика высоковыработанных почерков по степени сложности движений (строению почерка) // Методика криминалистической экспертизы. Сб. 2. М., 1961.

[5]Манцветова А. И., Мельникова Э. Б., Орлова В. Ф. Взаимозависимость признаков в высоковыработанных почерках // Проблемы суд. экспертизы. Вып. 2. М., 1961.

[6]Орлова В. Ф. и др. Оценка координационной сложности движений пишущего в судебно-почерковедческой экспертизе // Методика криминалистической экспертизы. М., 1962. № 4.

[7]Орлова В. Ф. и др. Исследование координации движений при письме в условиях космического полёта. // Космические исследования. Т. 3. Вып. 1. М., 1965.

[8]Труды ЦНИИСЭ. Вып. 1. М., 1967.

[9]Труды ЦНИИСЭ. Вып. 6. М., 1973.

[10]Ципенюк С. А. Оценка признаков почерка при криминалистической экспертизе текстов, выполненных с подражанием типографским шрифтам и специальными шрифтами. Киев, 1963; Исследование текстов, выполненных левой рукой, с целью решения диагностических и

идентификационных задач // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 36. Киев, 1988.

[11]Ковальчук З. А. Криминалистическое исследование повреждённых документов. Киев, 1969; Оценка признаков, противоречащих выводу, на заключительной стадии идентификационного исследования // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 37. Киев, 1988 (в соавт.); Установление факта контактного взаимодействия объектов (критический анализ экспертного исследования) // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 43. Киев, 1991 (в соавт.).

[12]Меленевская З..С. Теория и практика повторных почерковедческих экспертиз. Киев, 1974; Психологические особенности деятельности комиссии экспертов при производстве комплексных экспертиз // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 22. Киев, 1986 (в соавт.); К вопросу об оптимизации экспертной задачи // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 38. Киев, 1989 (в соавт.).

[13]Можар И. М. Особенности исследования подписей, выполненных со значительным разрывом во времени // Криминалистика и суд. экспертиза, Вып. 3. Киев, 1971; Объективные факторы, влияющие на оценочную деятельность эксперта-почерковеда // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 11. Киев, 1975; Пути повышения эффективности использования заключения судебного эксперта в уголовном и гражданском судопроизводстве // Криминалистика и суд. экспертиза. Вып. 20. Киев, 1980.

[14]Фокина А. А. Идентификация личности по папиллярным узорам рук с применением математических методов исследования. Киев, 1973; Использование моделирования в дактилоскопии // Современные проблемы суд. экспертизы. Киев, 1983.

[15]Лазари А. С. Использование полимерных материалов при проведении трасологических и судебно-баллистических исследований // Экспертная техника. Вып. 39. М., 1972.

[16]Лазари А. С., Сонис Ж А. Состояние экспертной практики определения дистанции выстрела и перспективы ее развития // Обзорная информация. Вып. 2. М., 1981; Лазари А. С., Сонис М. А. Влияние некоторых внешних условий на отложение продуктов выстрела на преградах // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики суд. экспертизы. Вып. 4. М., 1984; Лазари А. С. и др. Установление дистанции выстрела с учетом влияния некоторых метеорологических условий // Экспертная техника . Вып. 100. М., 1988.

[17]Лазари А. С. и др. Криминалистическое исследование огнестрельных повреждений некоторых видов синтетических тканей в целях установления расстояния выстрела // Экспертная техника. Вып. 100. М., 1988.

[18]Лазари А. С. И др. Использование экспертом-баллистом материалов уголовного дела // Экспертная техника. Вып. 69. М., 1981; Лазари А. С., Сонис М. А. Современное состояние и перспективы развития экспертизы огнестрельных повреждений // Труды ВНИИСЭ. М., 1987.

Глава 13. «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться»

Не помню, у кого я заимствовал эту фразу для названия главы, но думаю, что она великолепно выражает все то, что мы имеем в виду, когда разглагольствуем о подготовке научной смены.

Так же, как каждый из нас видит свое продолжение на этом свете в детях и внуках, так и в науке преемственность взглядов, само существование научных школ связано с воспитанием учеников, а если ученики, встав на твои плечи, заглянут дальше, чем мог заглянуть ты, — это ли не счастье для учителя! И отнюдь не стыдно поучиться у такого ученика, но, наоборот, испытываешь не только чувство исполненного перед наукой долга, но и личное удовлетворение от хорошо выполненной работы.

Итак, как пишут в отчетах, по состоянию на 1 мая 1998 года у меня было 107 учеников — кандидатов и докторов наук, которые пили за мое здоровье, как учителя, на своих постдиссертационных банкетах (а банкеты неистребимы, даже в пору алкогольных гонений, подпольно, но бывали всегда, их невозможно было искоренить, как нельзя запретить восход солнца). Для точности следует сказать, что не все нынешние доктора прямо обязаны мне своим рождением: многих я напутствовал своим шлепком при кандидатских родах, докторами они стали уже потом, иногда с моей помощью, иногда уже без таковой. Поэтому прежде чем рассказать о них, следует произвести надлежащую инвентаризацию.

Из 107 учеников — 21 доктор наук, 2 кандидата наук — профессора, остальные — кандидаты наук, многие доценты. Из 21 доктора при моем участии как научного консультанта готовили докторские диссертации 10 человек. Вот таковы итоги моих "прегрешений" перед наукой. Есть и другая, субъективная классификация. Лишь четверо "отблагодарили" меня за науку, по-разному и разными орудиями нанеся мне, как говорится, удар в спину. Согласитесь, что таких немного, другим учителям везло меньше.

Оставшихся 103 делю на две группы: большая — нормальные люди, кое-кто из них защитой диссертации закончил свои научные труды, кое-кто продолжает трудиться в науке, вузе. Кое-кто, подняв за меня бокал на диссертационном банкете, посчитал, что этим отношения с уже бывшим наставником можно и завершить, а кое-кто иногда напоминает о себе поздравительной открыткой к празднику или телефонным звонком, бывает, и какой-нибудь просьбой. Есть еще одна группа учеников, тех, с кем меня связывают искренние дружеские, теперь уже неформальные отношения. Таких не так уж и много, о некоторых из них я уже писал в предыдущих главах. Это Н. И. Порубов, В. П. Лавров, Т. В. Аверьянова, И. Л. Александрова, покойные Ф. П. Сова и В. И. Краснобаев, некоторые другие. О других пойдет речь теперь.

Одним из самых близких друзей стал еще давным-давно Александр Яковлевич Гинзбург. Родился он в Самаре в 1929 г. Семья переехала в Алма-Ату (отец был очень известным в городе врачом), и здесь он окончил Алма-Атинский юридический институт, после чего более восьми лет работал следователем, а потом преподавателем и начальником цикла криминалистики в Алма-Атинской специальной средней школе милиции. В 1965 г. он защищает кандидатскую диссертацию по проблемам предъявления для опознания и с 1966 г. — доцент Алма-Атинского факультета Высшей школы МВД СССР.

После преобразования факультета в Карагандинскую высшую школу МВД СССР Александр Яковлевич некоторое время работает там начальником кафедры криминалистики, затем возвращается на практическую работу и семь лет он — заместитель начальника штаба МВД Казахстана. С 1979 г. Гинзбург вновь на научной работе в качестве старшего научного сотрудника Центральной НИЛ МВД СССР (была такая по профилю службы БХСС), а после воссоздания в Алма-Ате Высшей школы МВД до последнего времени был начальником ее кафедры криминалистики, сумел сформировать на кафедре работоспособный коллектив, был инициатором организации подготовки кафедрой экспертов-криминалистов.

Александр Яковлевич автор единственной в своем роде монографии "Принципы криминалистики" (Караганда, 1974), ряда работ по тактике предъявления для опознания в следственной и оперативно-розыскной практике, по экспертному установлению личности и по многим другим актуальным для практики проблемам. Он великолепный педагог, очень ответственно относящийся к преподавательской деятельности.

Мы дружим уже очень давно, более тридцати лет. Он надежный и верный друг, на которого можно положиться в любой ситуации, в чём я имел возможность неоднократно убедиться. Ф помимо этого — мы единомышленники в науке, что не мешает иногда не "сходиться" в спорах. Общение с ним всегда доставляет мне истинное удовольствие.

Давние дружеские связи у меня еще с одним учеником — казахстанцем — Бакытом Молдатьяевичем Нургалиевым. Я был его научным руководителем по кандидатской диссертации (1987 г.), научным консультантом по докторской диссертации (1998 г.). Относится он ко мне как к отцу, да и зовет отцом, не добавляя слова "научный".

Бакыт — молодой человек (я сужу с высоты своего возраста), он родился в 1952 г. в с. Георгиевка Семипалатинской области. В 1976 г. окончил Карагандинскую высшую школу МВД и был на следственной работе, а в 1982 г. поступил в Академию МВД, а по ее окончании — в адъюнктуру академии. Работал старшим преподавателем, доцентом кафедры криминалистики Карагандинской высшей школы МВД, там же поступил в докторантуру, избрав в качестве предмета исследования проблемы борьбы с организованной преступностью. В 1997 г. издал содержательную монографию "Организованная преступная деятельность (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты)", которая легла в основу его докторской диссертации. Бакыт талантливый исследователь и отличный педагог, я убежден, что у него большое научное будущее.

Еще двое таких друзей-учеников у меня на Украине: Н. С. Карпов и Л. Н. Головченко. Это молодые люди. Никифор Семенович Карпов (обычно его зовут просто Колей) сейчас доцент Академии внутренних дел МВД Украины, а Людмила Николаевна Головченко, в недавнем прошлом эксперт-почерковед, а затем заместитель директора Киевского НИИСЭ по экспертной работе, сейчас возглавляет линию экспертных учреждений в МЮ республики. Оба очень тепло относятся ко мне, часто звонят, навещают в Москве. Оба очень заботятся о том, чтобы у меня была вся украинская криминалистическая литература. Оба самым радушным образом принимают меня в Киеве.

Когда Людмила Николаевна поступила за счет средств КНИИСЭ в заочную аспирантуру по кафедре криминалистики Киевского университета, я согласился с просьбой директора института В. К. Стринжи быть ее научным руководителем. Однако в университете нашлись люди, посчитавшие, что можно обойтись без "варяга", и ей предложили местного руководителя. Людмила Николаевна предъявила ультиматум: либо Белкин, либо она уходит из аспирантуры. История приобрела неприятный привкус, и возражающие уступили. Людмила Николаевна написала очень хорошую работу и заслуженно получила учёную степень. Но наши отношения после защиты не прервались

А.Я.Гинзбург Л.Н. Головченко Б. М. Нургалиев Н.С. Карпов

и сохраняются — уже чисто дружески — до сих пор.

Нечто похожее, правда в ином роде, произошло с моим бывшим учеником и другом, ныне доктором наук, профессором Таможенной академии Виктором Андреевичем Жбанковым.

В 1964 г. он, тогдашний эксперт НТО УМ Москвы, задумал поступить в адъюнктуру по кафедре криминалистики Высшей школы. Он потерпел фиаско на медкомиссии, которая посчитала, что по состоянию здоровья учиться в адъюнктуре он не может. Жбанков оспорил решение комиссии, которое в самом деле выглядело весьма сомнительным: работать экспертом может, на места происшествий выезжать может, в оперативных мероприятиях участвовать может, а учиться в адъюнктуре — нет. И добился пересмотра комиссией своего решения, и поступил в адъюнктуру, и написал диссертацию, получившую высокую оценку совета.

Мы долгие годы работали вместе, Виктор Андреевич собирал материалы по проблемам системного подхода в криминалистике, выпустил интересную монографию, но потом, очевидно, разочаровался в этой теме и стал заниматься проблемой более актуальной — установлением личности преступника. Написал диссертацию, но нашлись недоброжелатели, которые активно противодействовали прохождению работы. Так продолжалось несколько лет, но, как говорится, правда восторжествовала, и в 1995 г. докторскую диссертацию "Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике" он успешно защитил в совете Академии МВД. Сейчас он сменил милицейские погоны на погоны советника таможенной службы, став полномочным представителем нашей науки в этом ведомстве.

Если Жбанков темой своей докторской диссертации избрал комплекс сугубо практических проблем, то другой мой ученик и друг — Сергей Никифорович Чурилов "ударился" в теорию. В 1982 г. он защитил кандидатскую диссертацию о методологических основах формирования частных криминалистических методик, а в 1995 г. докторскую на тему: "Криминалистическое учение об общем методе расследования преступления", которой предшествовало издание монографии по этой проблеме.

Сергей Никифорович — военный юрист. Он окончил в 1971 г. военно-юридический факультет Военно-политической академии, в который тогда была превращена моя альма-матер — Военно-юридическая академия. Свыше семи лет работал военным следователем на севере, а с апреля 1977 г. преподает криминалистику на военно-юридическом факультете Военного института, который ныне именуется Военным университетом.

Работать с ним я начал из патриотических побуждений, вспоминая ВЮА, а потом, узнав его ближе, подружился и дружу до сих пор. Сейчас он уже маститый ученый, профессор, заслуженный юрист России, автор многочисленных учебников, пособий, статей. Кстати, на военно-юридическом факультете у меня было еще трое учеников: Н. М. Балашов, Р. Н. Климов и С. В. Дружинин, с которыми у меня также сложились дружеские отношения, особенно с последним, которого я "перетянул" на работу в Юридический институт МВД, когда у него истек срок армейского контракта.

Не все и всегда было гладко у моих докторантов. Очень интересную и перспективную проблему криминалистического прогнозирования разрабатывал докторант нашей академии Лев Георгиевич Горшеюш. В 1993 г. он издал монографию "Основы теории криминалистического прогнозирования", написанную на действительно высоком научном уровне и весьма оригинальную. Тему эту порекомендовал ему я, справился он с ней, насколько можно было судить по книге, отлично. Книга легла в основу диссертации, которая была представлена к защите осенью 1993 г. в совет академии.

На защите все шло гладко, да иначе не должно было и быть: и диссертация была хороша, и оппоненты были людьми весьма авторитетными: О. Я. Баев, И. А. Возгрин, А. В. Дулов. Правда, диссертант держался несколько скованно, был он не совсем здоров.

Несколько насторожили меня многочисленные вопросы, заданные диссертанту председателем совета явно недружелюбным тоном, но особенного значения я этому не придал, а оказалось — зря. Сразу же после выступлений официальных оппонентов и ответов Горшенина слова попросил один из членов совета, криминолог, который сходу заявил: "Я диссертации не читал, но, судя по автореферату, она не удовлетворяет надлежащим требованиям". Говорил он в сущности не по делу, но с апломбом и сел на место молчании совета. И тут, видимо, присутствовавшие сторонники диссертанта растерялись, никто не дал криминологу отпора, да и сам диссертант ответил не лучшим образом.

В. А. Жбанков Л. Г. Горшенин С. Н. Чурилов В. Н. Григорьев

Больше никто не выступил, проголосовали, и одного голоса не хватило.

Поскольку никакой необходимости в доработке диссертации не возникло, решили, что повторная защита должна состояться в другом совете, а, проанализировав возможные причины выступления этого криминолога (фамилию его не называю, так как позже стало ясно, что он совершал "заказное убийство", и даже "заказчика" вычислили), даже в другом городе. Диссертация в следующем, 1994 году была представлена к защите в Минске, в совет при НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебных экспертиз Минюста Белоруссии. Там она прошла буквально "на ура", единогласно, с другими, разумеется, оппонентами.

Лев Георгиевич после защиты некоторое время работал в Московском юридическом институте МВД, потом уволился в отставку и сейчас преуспевающий адвокат. А ВАК, когда после повторной защиты туда пришла диссертация, испытывал некоторые колебания при утверждении его в степени: он защитился чуть раньше положенного годичного срока после неудачной защиты. Но все-таки утвердили.

Защита другого моего докторанта и друга Виктора Николаевича Григорьева проходила без всяких осложнений. Это было тоже в 1993 г., путь к докторантуре у него был тернист: следователем ему довелось поработать во всех горячих точках того времени, особенно напряженно в Нагорном Карабахе и в Ошской области Киргизии. И тема была им избрана "в самое яблочко" — "Расследование преступлений в чрезвычайных условиях". Помимо личного опыта диссертант использовал значительный эмпирический материал: он изучил, в том числе с выездом на места, организацию работы ряда специализированных следственных групп, действовавших в чрезвычайных условиях в Степанакерте, Гяндже, Фергане, Душанбе, Оше, Цхинвали, Владикавказе, Назрани, проанализировал различную документацию их штабов, изучил материалы 832 уголовных дел, опросил 237 работников различных категорий (руководителей следственных бригад, следователей, оперативных сотрудников, экспертов, адвокатов, курсантов учебных заведений МВД и др.). В 1989 г. он издал методическое пособие по расследованию преступлений в подобных условиях, а в 1991 г. монографию "Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения". Перед советом предстал докторант, не только умудренный жизненным и профессиональным опытом и отлично знающий то, о чем он пишет, но и эрудированный ученый с широким научным кругозором. Единогласные результаты голосования были вполне закономерны и никого не удивили.

После защиты Виктора Николаевича оставили работать в Москве. Сейчас он ученый секретарь Юридического института МВД, член экспертного совета ГВАК по юридическим наукам, известный ученый... процессуалист. Недавно мне пришло в голову, что я, оказывается, "высиживал" не криминалиста, а "кукушонка", раньше я как-то не сравнивал, чего в диссертации больше: процесса или криминалистики. Но "кукушонок" вырос удачный, и жалеть мне не о чем, даже горжусь им.

Один из самых молодых моих друзей-учеников — Николай Григорьевич Шурухнов. Восемнадцати лет он начал службу в органах внутренних дел, окончил Рязанскую высшую школу МВД СССР (ныне институт) в 1975 г., работал, учился в адъюнктуре академии, потом

работал на кафедре организации расследования преступлений, поступил в докторантуру. Его специальность — расследование преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы. Опубликовав свыше двадцати работ по этой проблематике, он в 1992 г. издал обобщающую их монографию, а в апреле 1992 г. защитил в совете академии докторскую диссертацию "Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ".

Шурухнову удалось сформулировать теоретические и методологические обоснования построения общей методики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ, в основу которой была положена авторская гипотеза о том, что личностные свойства субъекта преступления — пенитенциарного преступника, обстановка совершения преступлений, социальные явления в местах лишения свободы, правовое и организационное положение субъектов расследования имеют специфику, которая предопределяет особенности процесса совершения преступления и ход его расследования. Структурно эта методика состоит из 3-х разделов

— организационно-методические основы раскрытия преступлений, совершаемых осужденными в ИТУ. Здесь выделяются особенности криминалистической характеристики таких преступлений, типичные исходные ситуации, складывающиеся на начальном и последующем этапах расследования, и программы деятельности следователя и дознавателя;

—организационно-тактические особенности проведения следственных действий и их комплексов при расследовании указанных преступлений;

—организационно-тактические особенности деятельности органов дознания и предварительного следствия по предупреждению и пресечению преступлений осужденных.

Разработанная автором общая методика служит базой для формирования частных криминалистических методик по видам и родам преступлений.

В диссертации много нового, интересного, например, неофициальная стратификация осужденных, на основе которой можно прогнозировать поведение осужденного на следствии, определять конкретные меры побуждения к даче правдивых показаний и пр.

После защиты Николай Григорьевич отверг лестные предложения работы в Академии и уехал на родину, в Тулу, где сейчас возглавляет филиал Юридического института МВД России.

Одним из моих старших по возрасту друзей-учеников является Марат Константинович Каминский. В 1957 г. он окончил физико-математический факультет Житомирского государственного педагогического института, а в 1959 г. отделение подготовки экспертов-криминалистов Московской средней специальной школы милиции, где давали великолепную по тем временам подготовку. С 1959 по 1972 г. Марат Константинович на экспертной работе на Украине и в Казахстане — экспертом, старшим экспертом, начальником отделения, отдела УВД разных областей. В 1972 г. он поступает в адъюнктуру по кафедре криминалистики Высшей школы МВД, в 1974 г. защищает кандидатскую диссертацию и уезжает в Нижний Новгород начальником кафедры криминалистики вновь созданной Высшей школы МВД СССР. В 1989 г. Каминский защищает докторскую диссертацию, продолжает руководить кафедрой, потом переводится на Ижевский факультет Юридического института МВД, а через некоторое время увольняется в отставку и переходит на работу в местный университет. Творчество Марата Константиновича несколько особого рода. Он фактически одним из первых применил в криминалистике деятельностный подход, определив, что объектом криминалистики служит деятельность — преступная и ее антипод — деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Но эту идею он реализовал главным образом в обучении криминалистике, построив на ее основе оригинальный учебный курс. У него нет крупных, фундаментальных работ, но зато масса самых различных новаций дидактического плана, он несомненно прирожденный педагог, любит, знает и умеет делать эту работу. Сейчас он увлечен созданием учебного курса с использованием компьютерных возможностей. Побывав недавно в Ижевске, я в который уже раз убедился в изобретательности и неистощимости педагогической фантазии этого человека.

После Каминского кафедру в Нижегородском институте МВД принял также мой ученик В. Д. Грабовский, который командует ею до сих пор. К этой кафедре у меня было особое отношение: фактически весь ее преподавательский состав, за редким исключением, — мои

бывшие ученики: С. В. Дегтярев, В. В. Бугай, С. Ю. Журавлев, А. Н. Олейник, Т. В. Аверьянова, В. М. Мешков, Н. Н. Лы-сов. Правда, Олейник, Аверьянова и Мешков уже на кафедре не работают, но факт, как говорится, остается фактом: вся кафедра прошла "через мои руки".

Владимира Михайловича Мешкова я, так сказать, заприметил, когда он защищал кандидатскую диссертацию, будучи адъюнктом кафедры криминалистики Киевской высшей школы МВД СССР. Было это, кажется, году в 1989-м и, по-моему, я даже был у него официальным оппонентом (а может быть, ошибаюсь?). Во всяком случае мне понравились и диссертант и диссертация, посвященная проблеме времени в криминалистике и доказывании. Подумалось, что эта проблема заслуживает более основательного исследования, пожалуй, даже на докторском уровне, что я и предложил Мешкову полгода спустя. Он загорелся этой идеей и стал работать над докторской, не посвящая в свои замыслы никого из руководства, даже начальника кафедры Грабовского. Не пользуясь никакими льготами, работать ему было нелегко, но желание пересиливало все трудности. И вот, когда он поздно вечером шел у себя в Дзержинске, что под Нижним Новгородом, на поезд с первым вариантом диссертации, который вёз мне на просмотр, на него напали сзади, сильным ударом по голове привели в бессознательное

М. К. Каминский В. М. Мешков В. Д. Грабовский Н. Н. Лысов

состояние, забрали все, что у него было с собой. Он оказался на больничной койке.

Можно сказать, что он счастливо отделался, правда, текст диссертации пришлось восстанавливать, ее преступники так и не подкинули. Фактически уже первый вариант работы мне показался вполне качественным. Оставалось кое-что доработать и подумать о серьезных публикациях. В 1994 г. Мешков опубликовал две монографии: "Основы криминалистической теории временных связей" — в академии, и "Теория и практика использования временных связей и отношений при расследовании преступлений" — в Нижнем Новгороде. Можно было выходить на защиту. И только тогда Мешков сообщил о реализации своего замысла коллегам и начальству. Нечего говорить, какой эффект имело это сообщение.

В 1995 г. Мешков успешно защитил докторскую диссертацию "Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений". Через некоторое время он переводится на работу в Калининградскую высшую школу МВД РФ, где и трудится сейчас заместителем начальника школы по учебной работе. А недавно защитила кандидатскую диссертацию его жена, у которой я также был научным руководителем...

Из того же Нижнего Новгорода "вышел" и еще один мой докторант — Николай Николаевич Лысов. Он работает в Нижегородском институте МВД с 1976 г.; кандидатскую диссертацию писал под руководством Михаила Васильевича Салтевского в Киевской высшей школе МВД СССР. И тогда, и после, и теперь занимается техническими средствами борьбы с преступностью. Диссертацию докторскую написал на предложенную мной тему — Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений", защита была в Академии МВД. В списке работ по теме диссертации у него значилось 59 названий. Его искренняя увлечённость наукой позволяет надеяться, что защитой диссертации его творчество в науке не закончится.

В. П. Лавров А. М. Кустов Г. М. Меретуков Г. К. Синилов

В год завершения Лысовым работы над докторской диссертацией в докторантуру поступил еще один мой будущий ученик — Анатолий Михайлович Кустов. Интересная у него биография: он начал рядовым милиционером в 1974 г., в 1983 г. заочно получил высшее юридическое образование, в 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию "Методика расследования хищений в гражданской авиации при выполнении авиационных работ", работал доцентом, заместителем начальника Ставропольского факультета Юридического института МВД по научной и учебной работе, а в январе 1995 г. поступил в докторантуру. Тему избрал весьма сложную — "Криминалистическое учение о механизме преступления". В 1997 г. он издает монографию "Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления" и в том же году защищает докторскую диссертацию. Его приглашают на работу в нашу академию, и сейчас мы на одной кафедре.

На Северном Кавказе работает еще один мой ученик, с которым у меня сложились теплые дружеские отношения. Это Гайса Мосович Меретуков, славный сын Адыгеи и первый (кажется, и единственный) в этой республике доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России и заслуженный деятель науки Кубани.

В 1973 г. Меретуков прошел все ступеньки милицейской службы: был милиционером, начальником паспортного стола, начальником отделения вневедомственной охраны, инспектором уголовного розыска по борьбе с наркоманией, заместителем начальника РОВД по оперативной работе. В 1984 г. окончил Академию МВД и перешел на преподавательскую работу — сначала преподавателем, а затем начальником цикла юридических дисциплин Краснодарской специальной средней школы милиции МВД. В 1990 г. он защищает кандидатскую диссертацию по проблемам борьбы с не законным оборотом наркотиков, а в 1995 г. — докторскую диссертацию по той же проблематике. Когда в Краснодаре на базе средней школы милиции была создана Высшая школа МВД, преобразованная впоследствии в Краснодарский юридический институт МВД, Гайса Мосович назначается заместителем начальника по научной работе. Он широко известен как автор ряда монографий и статей по уголовно-правовым, процессуальным и криминалистическим проблемам профилактики, выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере наркобизнеса, его методические рекомендации взяты на вооружение многими органами внутренних дел в России и за рубежом, где проблема борьбы с незаконным оборотом наркотиков приобрела особенную остроту.

Среди моих друзей-учеников, так сказать, старшего поколения седьмым по времени защиты стоит фамилия Владимира Петровича Лаврова. С ним меня связывают многие годы совместной работы и дружбы.

Владимир Петрович окончил юридический факультет Московского университета в 1955 г., до 1961 г. был на следственной работе, а в ноябре 1961 г. поступил в адъюнктуру по кафедре криминалистики Высшей школы МВД. Темой кандидатской диссертации он избрал основные положения методики расследования преступлений, совершенных рецидивистами. С защитой диссертации была некоторая заминка, он уже работал на кафедре криминалистики, когда в 1965 г. состоялась защита. С октября 1971 г. Владимир Петрович — доцент кафедры, потом некоторое время работал заместителем начальника Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД, в 1975 г. вернулся на кафедру, а в 1989 г. вновь заместитель МФЮЗО, теперь уже по научной работе. К этому времени Владимир

Петрович уже защитил докторскую диссертацию по весьма важной проблеме раскрытия преступлений прошлых лет, так называемых "старых дел". Работа была действительно уникальной и до сих пор фактически остается единственной подобного уровня работой в этой области. В 1983 г. Лаврову было присвоено звание профессора. По материалам диссертации им было издано несколько работ, пользующихся популярностью до настоящего времени.

Работая заместителем начальника МФЮЗО — Высшей юридической заочной школы — Юридического института МВД РФ, Владимир Петрович отдал много сил развертыванию научных исследований в вузе, лично выступал соавтором и научным редактором ряда крупных работ, в том числе коллективной монографии "Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития» (1994 г.), которая и издана была благодаря его активной поддержке. Ряд лет он руководил вместе с покойным И. М. Лузгиным очень интересным кафедральным исследованием проблем сокрытия преступлений.

За заслуги в научной деятельности и подготовке научно-педагогических кадров в 1997 г. Владимиру Петровичу было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки России. Сейчас он в отставке, профессор-служащий кафедры криминалистики Юридического института МВД. Нас по-прежнему связывают теплые дружеские отношения.

Рассказ о моих друзьях-учениках был бы явно не полон, если не упомяну еще об одном добром товарище, практически моем ровеснике, тоже докторе наук, профессоре, заслуженном деятеле науки России Григории Карповиче Синилове.

Он родился на год позже меня — в 1923 г., участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен и по инвалидности демобилизован. С 1944 г. Григорий Карпович на оперативной работе в НКВД — МВД. В 1965 г. защищает кандидатскую диссертацию "Предупреждение, раскрытие и расследование обмана покупателей" и переходит на научную работу во ВНИИ МВД. Здесь он прошагал по всем ступенькам научной лестницы, вплоть до заместителя начальника института. Все годы занимался проблемами борьбы с хищениями государственной и общественной собственности, стал признанным авторитетом в этой области.

В 1976 г. в МВД создается новая научная структура — Центральная научно-исследовательская лаборатория по экономико-правовым проблемам охраны соц. собственности и Григория Карповича назначают ее начальником. Лаборатория просуществовала до 1983 г. Сменивший Н. А. Щелокова Федорчук ликвидировал ее наряду с подобными "преобразованиями" МВД. Это было большой ошибкой, поскольку лаборатория уже зарекомендовала себя значительными успехами в области разработки многих действительно актуальных и важных для практики проблем по линии службы БХСС. Достаточно сказать, что на местах плодотворно работало свыше 40 подразделений лаборатории, дислоцированных во всех крупных центрах Союза.

Григорий Карпович после ликвидации лаборатории вернулся во ВНИИ МВД на должность начальника одной из лабораторий, которой руководил до 1994 г., когда, выйдя в отставку, перешел работать в Юридический институт МВД. Перед переходом во ВНИИ он защитил докторскую диссертацию "Правовые, информационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции" (1983 г.), в 1987 г. ему было присвоено звание профессора. Он — один из признанных лидеров теории оперативно-розыскной деятельности, автор 5 монографий, 15 глав учебников,

А. М. Качур А. К. Кавалиерис Е. Ф. Коновалов

19 пособий и многочисленных статей по предмету, системе и методологии теории

оперативно-розыскной деятельности, правовым, организационным и информационным основам деятельности субъектов ОРД по борьбе с преступностью, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства, по проблемам методики и тактики выявления, предупреждения и раскрытия преступлений в сфере экономики. За заслуги перед наукой и подготовку научных кадров удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки России.

Подарил мне, как своему научному "отцу", 27 научных "внуков" — уже своих учеников — кандидатов юридических наук. Сейчас он консультирует 5 докторантов.

В закордонной ныне Латвии в Академии МВД работают два моих ученика — доктор юридических наук, профессор Анрий Карлович Кавалиерис и кандидат юридических наук, доцент Евгений Федорович Коновалов.

В 60-х гг. Латвийский университет обратился ко мне с просьбой стать научным руководителем по диссертации аспиранта-заочника Кавалиериса, тема которой была на стыке криминалистики и теории ОРД. В университете им руководить было некому. Я согласился и никогда потом не жалел об этом.

Анрий Карлович родился в 1933 г. в Риге. Матушка его была прокурорским работником, и сын пошел по ее стопам: в 1957 г. он окончил юридический факультет Латвийского университета, семь лет был на следственной работе, с 1964 по 1969 г. работал заместителем начальника УВД Риги, а с 1969 по 1984 г. — заместителем министра внутренних дел Латвии. Получил генеральское звание, в 1977 г. защитил докторскую диссертацию, как и кандидатскую диссертацию, — в нашем совете, в 1982 г. стал профессором.

В 1984 г. Кавалиерис переходит на преподавательскую работу — начальником Рижского факультета Минской высшей школы МВД. На его базе после 1991 г. создаётся Академия МВД, где он и продолжает преподавать. Обе его диссертации были на стыке криминалистики и теории ОРД.

Вместе с ним работает второй мой ученик — Евгений Федорович Коновалов. Он на три года моложе Кавалиериса, уроженец Саратовской области. В 1958 г. окончил Саратовский юридический институт, был на следственной работе в органах внутренних дел, а затем поступил в адъюнктуру по кафедре криминалистики в Высшую школу МВД, ко мне "под крыло". В 1972 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам розыскной деятельности следователя. Это была первая работа после работ пионера в этой области — В. И. Попова. С 1972 по 1980 г. Коновалов работает в Свердловском отделении МФЮЗО при Академии МВД, а в 1980 г. переезжает в Ригу, на Рижский факультет Минской школы.

В 1988 г. он становится начальником кафедры этого факультета, а сейчас работает в Академии МВД Латвии.

Недавно Кавалиерис и Коновалов порадовали меня: я получил от них в подарок первую часть учебника по криминалистике, изданного Академией МВД Латвии, естественно на латышском языке. Порадовали потому, что это свидетельство продолжающейся их творческой и педагогической деятельности, несмотря на события, которые не могли их не задеть.

Л. Вайда Б. И. Дергай С.М.Крылов

Было у меня несколько учеников и по кафедре оперативно-розыскной деятельности. Как правило, темы их диссертационных исследований были на стыке криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности, такими, например, как тема кандидатской диссертации Александра Михайловича Качура "Организация розыска лиц, пропавших без вести" (1981). Именно комплексный характер его исследования обусловил его значение для обеих наук, хотя впоследствии он занимался лишь проблемами теории ОРД. Александр Михайлович проявил незаурядные способности к научной работе, но жизнь распорядилась иначе: сейчас он прези-

дент одного из внебюджетных фондов МВД, оказавшего мне существеннейшую помощь в издании этой книги. Моя благодарность этому фонду и его президенту не может выразить всей глубины моей признательности.

Перебирая мысленно длинный список своих учеников, я то и дело встречал фамилии тех, кто уже ушел из жизни. Мой долг назвать их всех поименно — моих покойных учеников, каждый из которых внес свой вклад в развитие нашей родной криминалистики.

Это:

Г. Г. Зуйков, Б. Г. Морохин, И. И. Пророков, Ф. П. Сова, В. П. Абросимов, А. П. Моисеев, Б.И. Дергай, Й. Гержманек, В. А. Пашковский, Ю. И. Краснобаев, Л. Вайда. Светлая им память. И здесь мне хочется вспомнить еще об одном человеке, сыгравшем известную роль в моей судьбе и судьбе моих товарищей. Он не был ни моим учеником, ни криминалистом вообще, но был такой момент, когда судьбы наши пересеклись. Это покойный первый начальник Академии МВД Сергей Михайлович Крылов.

Родился Сергей Михайлович в 1919 г. в д. Алешине Могилевс-кой области Белоруссии. После окончания средней школы в 1937 г. поступил в Саратовское училище пограничных войск и с 1939 по 1946 г. служил на командных должностях в войсках НКВД — МВД, участвовал в войне.

В 1946—1949 гг. Крылов учился в Военной академии им. М. В. Фрунзе, затем до 1950 г. работал в центральном аппарате МВД, а с 1950 г. — на научной и педагогической работе в Высшей школе КГБ. В 1956 г. защитил диссертацию и стал кандидатом военных наук.

Когда в 1966 г. было восстановлено МВД СССР, Н. А. Щелокову кто-то из его молдавских коллег порекомендовал Крылова для работы в министерстве. Крылов был назначен начальником контрольно-инспекторского отдела министерства, вскоре преобразованного в управление. Он был одним из инициаторов создания в МВД службы штабов и стал первым начальником Штаба МВД СССР. Он же был среди инициаторов создания на базе Высшей школы МВД Академии МВД СССР и в феврале 1974 г. стал ее начальником. В его назначении начальником академии не последнюю роль сыграла близость к министру, что вызывало ревность практически всех заместителей министра. Они-то и поспособствовали тому, чтобы отдалить Крылова от "шефа", хотя его и оставили членом коллегии министерства.

Став начальником академии, Крылов развил бурную деятельность. Реорганизации подверглось все — от кафедр до хозяйственных служб. Он добился освобождения для академии двух примыкавших к ее зданию корпусов-крыльев, при нем строились жилые дома, общежития, учебные корпуса, переоборудовалась загородная учебная база, было получено принципиальное разрешение на строительство летней базы в Крыму. Не обошлось, естественно, и без перегибов: он не жаловал правовую науку и считал, что она должна быть заменена циклом управленческих дисциплин; свою ошибку он осознал за несколько дней до трагического конца. Я помню, как за несколько дней до развязки он зазвал меня в свой кабинет и развернул схему новой структуры академии, где основные правовые кафедры вновь заняли достойные места.

Недруги "достали" Сергея Михайловича. В 1979 г. была назначена, как водится, сплошная проверка работы академии, в воздухе явно пахло грозой, и можно было с уверенностью прогнозировать отнюдь не лестные выводы комиссии, выполнявшей для всех понятный "заказ". Проверка продолжалась что-то около двух месяцев, и все это время министр, который до этого не мог буквально прожить без Крылова и дня, отказывал ему в приеме. Видимо, доведенный всем этим до отчаяния, Сергей Михайлович застрелился в рабочем кабинете. Так трагически закончился первый период существования академии. Были потом другие начальники академии, были и различные ее реорганизации, но старожилы академии поминают Сергея Михайловича добром, а академия и по сей день пожинает добрые плоды его деятельности.

Глава 14. Криминалисты, смеясь, расстаются со своим прошлым...

Не помню, кому принадлежат две крылатые фразы: "Человечество выжило, потому что смеялось" и "Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым". Криминалисты, что совершенно бесспорно, — часть человечества (И. Ильф и Е. Петров, полагаю, добавили бы — лучшая часть), и они расстаются со своим прошлым, смеясь, порой до упаду.

Много среди нас острословов, шутников, любителей различных розыгрышей и мистификаций. За многие годы у меня накопился значительный юмористический архив, и чтобы читатель закрыл книгу с веселым настроением, поделюсь с ним кое-чем из своих архивных запасов.

Шутят криминалисты в разных жанрах. Наиболее популярный — стихотворный: эпиграммы, поздравления друзей в стихах, тосты. Нередко сочиняют "под" известных поэтов или известные произведения: как бы, например, написал тот или иной корифей поэзии о ком-то или о том-то.

Один образчик такой поэзии, сочиненный Н. А. Селивановым, уже привел ранее. Л. А. Соя-Серко очень удачно в своих приветствиях использовал арифметические подсчеты, которые наглядно свидетельствовали, например, о том, что имярек физически не мог подготовить столько аспирантов или написать столько работ. Это уже была проза. Но используют криминалисты и свои профессиональные навыки, изготавливая забавные фотомонтажи по случаю каких-либо знаменательных событий, чаще всего к юбилеям коллег. Все это я и хочу продемонстрировать читателю. А начну с сочиненного как-то в веселую минуту мною гимна на мотив известной песни Окуджавы “Кавалергарды”.

ГИМН КРИМИНАЛИСТОВ

Музыка краденая. Слова народные.

Криминалисты, час нам дорог —
Ведь след не вечен под луной!
Не дремлет наш извечный ворог,
Идет преступною тропой.
Но начеку в
любую пору,
Творя на службе
чудеса,
Не обещайте
прокурору
Раскрыть
злодейство в два
часа!
Нас не обманет шулер хитрый,
Уловки вора нипочем,
Найдем и митру и макитру,
Отождествим и зуб и лом.
Но, изучив узлы
и поры,
Улики взвесив
на весах,
Не обещайте
прокурору,
Раскрыть
злодейство в два

часа!
Родной наукою владея,
С микрообъектами на "ты",
Мы знаем все и все умеем,
Хотя по виду и просты.
Но, подавив
души укоры
И не дрожа за
телеса,
Не обещайте
прокурору
Раскрыть
злодейство в два
часа!
Прочтем, как книгу, след кровавый,
Преступный почерк нам знаком,
Не ищем почестей и славы
И даже взяток не берем.
Суды выносят
приговоры,
А мы попросим
небеса:
Не сообщайте
прокурору,
Что нам
хватило полчаса!

А вот образчик "диссидентской" поэзии, бывший ответом на "военизацию" нашей академии, осуществляемую руководителями-“войсковиками”. Тут тоже влияние Окуджавы очень явственно:

...Вы слышите: грохочут сапоги —
Профессора шагают строевым.
Их трогать в сей момент ты не моги:
Сейчас они все заняты одним —
Как сделать, чтоб сустав не захрустел
И чтобы не ожил радикулит...
И зело пахнет от доцентских тел,
И потом от полковников разит.
А командир рычит: "Тяни носок!
Не сметь науку вспоминать в строю!"
А я иду и думаю: дай срок,
На докторской ужо тебя сгною!
За этот, блин, фельдфебельский урок,
За жизнь поломатую мою...

У нашего поколения очень популярны были стихи Маяковского и Симонова. Когда "под них" писали поздравления юбилярам, всем присутствующим было понятно, какое стихотворение этих поэтов лежало в основе подобного "шедевра". На банкете по случаю шестидесятилетия А. И. Винберга, страстного любителя и знатока собак, были прочитаны такие строчки на манер поэмы Симонова "Сын артиллериста":

Псу криминалиста

Был у профессора Винберга

Любимый пес Тимофей.
Был этот пес ученый,
К тому же чистых кровей.
Профессор собаку лелеял,
И холил ее, и учил,
Он деньги в нее, и душу,
И знанья в нее вложил.
И пес, повинуясь долгу,
Сполна за любовь воздавал:
В науке одорологии
Хозяину помогал.
По запаху диссертации
Учился сортировать,
И чуял, что можно одобрить,
А что экспертам послать.
И если, ногу поднявши,
Вдруг застывал над строкой,
Профессор знал, что от автора

На трибуне мавзолея — фотомонтаж к 60-летию В. Г. Коломацкого

"Пахан и его женское окружение" — фотомонтаж к 70-летию Р. С. Белкина

Дружеский шарж на А. Ф. Аубакирова — Бесменного президента Федерации баскетбола Казахстана.

У полиции каменного века

регистрация задержанного правонарушителя.

Проверка на наличие алкоголя в крови после дорожно-транспортного происшествия.

Запах зело плохой,
Что следует диссертацию
Расшить — а и псу под хвост —
Такой тут сложился обычай,
Он был немудрен и прост,
За восемь лет пребыванья
Хозяина в здании ВАК
Не раз угощал костями
Тимофей знакомых собак,
Любовь к кандидатским косточкам,
Конечно, псу не в укор,
Хоть старым докторским мясом
Брезгует до сих пор.

И в день юбилея хозяина
Как другу его не сказать:
— Пора, Тимофей, привычки
И вкусы пора менять,
Кончай поедать кандидатов,
А как наступит весна,
Берись глодать профессуру –
Ведь как расплодилась она!

А вот еще один образчик нашего творчества, с которым от имени В. В. Маяковского обратился А. Ф. Волынский к юбиляру — Владимиру Петровичу Лаврову:

Говорить заставляют
не лесть и не долг,
Годы – мгновения
сжаты
в шестидесятке туго:
Представьте в мыслях,
возьмите в толк —
Сегодня юбилей
коллеги и друга.
Разное время, но эпоха одна
И наше творчество —
не фиги листики,
В нем —
анатомия добра и зла.
Я, как известно, просто поэт,
Ты же — поэт криминалистики.
Я ванны воспел,
коммуны дома,
Бичуя пороки бюрократизма,
А ты в науке
преуспел весьма,
Заботясь о защите
развитого социализма.
Я рылся в тоннах
словесной руды
В поисках
нужного
слова-радия,
Ты фактов разных
перелопатил пуды
Микрочастичек
истины
ради.

ПИОНЕРЫ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИИ

"Пионеры судебной психологии" — фотомонтаж к 50-летию А. Р. Ратинова

В зуде упрека
вопит кто-то,
блеет:
"Страна погибает!
Преступность утроили!"
А я поздравляю друга с юбилеем —
Жаль, что общий памятник
мы не построили...

Еще один образчик "криминалистического фольклора" передал мне недавно В. Ф. Статкус:

Если ты на месте кражи
Обнаружишь запах пота
Или, взяв большую лупу,
На серванте след найдешь,
То, из СМИ узнав об этом
От Митковой иль Доренко,
Вор, дрожа всю ночь от страха,
Сам в милицию придёт.
А когда тебя увидит,
Как глядишь ты в окуляры
Микроскопа ММС-17,
То он, рухнув на колени,
Сам признается во всем.
А потом, сидя на нарах
В изоляторе Минюста,
На своем блатном жаргоне
Об экспертах ЭК Цетра
Будет оды сочинять.
Это все случиться может
Не во сне, а в самом деле,
Если ты на месте кражи,
В руки взяв большую лупу,
Пальца след и запах пота

Обязательно найдешь.

Прозаические выступления Лелиана Алексеевича Соя-Серко на юбилеях, о которых я упоминал, выглядели примерно так.

"Уважаемые коллеги и друзья! Совесть не позволяет мне столь же безоглядно и некритично присоединиться к хору восхваляющих юбиляра лиц и учреждений. Как сказал бы Станиславский: "Не верю!" Не верю, что юбиляр написал столько-то книг и подготовил столько-то учеников — кандидатов и докторов наук. Судите сами.

Юбиляр прожил 70 лет, или 25550 дней. Третью часть времени он провел во сне, т. е. 8516 суток. На бодрствование остается 17 034 суток, или 408816 часов. Из них потратил на учебу в школе и институте, не считая домашних занятий, 5110 дней, или 12 264 часа. На детские, а потом отроческие шалости, прогулки с любимыми девушками, а потом женщинами, дорогу на работу и обратно берем в среднем 4 часа в сутки, что составляет 68036 часов. Из 408 816 вычитаем 22 264 и 68 636, остается 328 516 часов. Поскольку он не очень обременял себя службой, будем считать, что он тратил на нее в среднем 3 часа в день, что составляет на круг 51 102 часа. Остается 277 414 часов чистого времени. Говорят, что он подготовил 100 кандидатов и докторов наук. Учились они в аспирантуре и докторантуре три года. По существующим нормам на каждого из них юбиляр должен был затратить за три года 150 часов, что составляет в сумме 15 000 часов, прибавьте к этому по 6 часов на каждый постдиссертационный банкет — еще 600 часов, остается 261 814 часов. Из этого времени следует вычесть служебные командировки, очередные отпуска, похмельное время, когда юбиляр никак не мог работать, прочие банкеты и юбилеи друзей, которых у юбиляра много. Работать он начал с 18 лет, стало быть, 52 отпуска минимум по 30 дней, или 37 440 часов, на все прочее минимум три часа в день, т. е., округляя, 80 000 часов. Остается 144 814 часов. Мог ли юбиляр за оставшееся время написать приписываемые ему 315 научных работ, в том числе 21 монографию в среднем по 15 листов каждая и 23 учебника? По моим самым скромным подсчетам, опять-таки исходя из установленных норм, на это требовалось затратить минимум 250 000 часов. Их, как видите, у него просто не было. Поэтому я и говорю: не верю! Не верю, что он столько написал, не верю в то, что он подготовил столько учеников, и вообще — не верю!"

Выступление Лелиана Алексеевича (он выступал в подобном роде дважды) прерывалось гомерическим хохотом собравшихся, было награждено и аплодисментами.

Готовясь к юбилею кого-нибудь из коллег, умельцы-криминалисты обычно изготавливали шутливые стенные газеты, профессионально сделанные фотомонтажи. Вот передо мной несколько таких фотомонтажей.

К пятидесятилетию А. Р. Ратинова была использована групповая фотография коллектива кафедры, но головы всех сфотографированных были заменены головой Ратинова. Снимок был сделан в кабинете криминалистики кафедры, где специально повесили плакат "Пионеры судебной психологии".

К шестидесятилетию В. Г. Коломацкого изготовили несколько таких фотомонтажей. На одном из них В. Г. Коломацкий на трибуне мавзолея вместе с Терешковой и Хрущевым. Был монтаж, где Коломацкий сидел за столом напротив Рыжкова.

К моему семидесятилетию меня порадовали монтажом, где я в виде некоего "пахана" сижу в окружении учениц. Я, как водится, покрыт татуировками: на правой руке "Ра — 92.70", на животе — "Не забуду мать рос[сийскую] кафедру криминали[стики] и своих учеников", на ноге: "они не устали". А в ногах громоздятся книги: "Потенциальные возможности гносеологического корня в криминалистике", "Теория омоложения в криминалистике", "Р. Белкин против воров в законе", "Белкин против Д. Бонда", "Сл. эксперимент в гаремах", а также чья-то книга "Влияние учения Р. С. Белкина на потенцию научных прогнозов в криминалистике". А в последний раз помимо монтажей и стенгазеты был изготовлен "Криминалистический рейтинг", согласно которому криминалисты значительно опередили известных политиков.

Как-то однажды, будучи в командировке в Алма-Ате, в экспертно-криминалистическом отделе городского УВД, я увидел два рисунка, с которых попросил сделать репродукции. Это были фрагменты, очевидно, целой серии рисунков о полиции каменного века, из которой

сохранились только эти два. На одном из них полицейский криминалист высекает на каменной плите профиль задержанного нарушителя. Рядом валяются подобные каменные "карточки" ранее зарегистрированных преступников.

На другом проверяют, есть ли в крови у нарушителя дорожного движения алкоголь: пламя в плошке с кровью свидетельствует, что есть.

Там же, в Алма-Ате, я раздобыл дружеский шарж на А. Ф. Аубакирова.

Специфическим видом юмора в нашей среде, его неиссякаемым источником служат ответы экзаменующихся. Е. Р. Российская набрала целую коллекцию таких ответов и поделилась со мной некоторыми из них. В основном это криминалистические "перлы", но встречаются подобные самородки и на экзаменах по другим юридическим дисциплинам.

Из ответов на экзамене по криминалистике:

Вопрос: Что является объектом наблюдения оперативного сотрудника, участвующего в производстве обыска?

Ответ: При обыске необходимо внимательно следить за погодными условиями.

В.: Как следует производить обыск?

О.: Обыск производится в корректной форме и по часовой стрелке.

В.: Как производится панорамная фотосъемка на месте происшествия?

О.: Панорамная съемка, например забора: приезжаешь на место происшествия и идешь по забору.

В.: В чем заключается значение реконструкции лица по черепу? О.: По черепу лица можно реконструировать внутренние признаки человека.

В.: В чем заключается концентрический способ осмотра места происшествия?

О.: Концентрический способ осмотра, это когда следователь сконцентрируется.

В.: Что можно установить по следам зубов? О.: По следам зубов можно установить характер человека и как что он кусает.

В.: Как производится предъявление для опознания трупа? О.: При опознании трупа берем еще два трупа, а если трупов нет, кладем живых лиц рядом с трупом.

В.: В чем заключаются материальный и интеллектуальный подлоги документов?

О.: Если преступник имеет от подлога материальную выгоду — это подлог материальный, если не имеет — интеллектуальный.

В.: Какими признаками характеризуется подчистка документа? О.: В этом случае исследованием документа устанавливается его лохматость.

В.: Каковы тактические приемы допроса?

О.: Один из приемов — это слегка придавить допрашиваемого.

В.: Каковы общие признаки почерка?

О.: Общие признаки почерка — это те, которые встречаются в повседневной жизни.

В.: Какие объекты следует представить эксперту при исследовании подписи?

О.: На исследование следует представить целый мешок подписей.

В.: В каких случаях назначается фоноскопическая экспертиза? Фоноскопическая экспертиза назначается по громким делам.

В.: Как следует обращаться со следами запаха на месте происшествия?

О.: Если на месте происшествия чувствуется запах парфюма, эксперт исследует этот запах, обнюхивая его.

В.: Как осуществляется идентификация личности по запаху? О.: Идентификация по запаху происходит в присутствии понятых: выходят три человека и собака и обнюхивают друг друга.

В.: Что является предметом криминалистической методики? О.: Криминалистическая методика разрабатывает методики
преступлений в смысле их совершения.
* * *

В.: Из каких частей состоит система криминалистики? О.: Из красной и коричневой (цвет обложек учебников).

Из ответов по уголовному процессу:

В.: Каковы задачи уголовного процесса?
О.: Задачи уголовного процесса — защита общества от конституционного строя и преступности.

В.: Когда выносится оправдательный приговор? О.: Оправдательный приговор выносится, если лицо, совершившее преступление, его не совершало.

В.: Какой приговор приводится в исполнение немедленно после вынесения?
О.: Приговор к высшей мере наказания.
* * *

В.: Что такое всесторонность исследования обстоятельств дела? О.: Всесторонность — это изучение дела со всех сторон.

Но все эти ответы бледнеют перед ответом на вопрос о том, что такое юридическое лицо: юридическое лицо — это лицо с высшим юридическим образованием!

А теперь представьте себе, какие могут подарить нам перлы эти "знатоки" криминалистики и уголовного процесса, когда они станут следователями. В. Л. Скрипко собрал из разных процессуальных документов подобные шедевры[1].

Из протоколов задержания:

"Мотивы задержания — необходимость воспрепятствовать установлению истины по делу и скрыться от следствия и суда".
"Задержан гражданин Петров, глухонемой... Причина задержания, публично выражался нецензурными словами".
"Ткаченко совершил кражу двух кур будучи в нетрезвом состоянии. Был задержан внутренними органами милиции".

Из протоколов допросов:

"Категорически отвергаю обвинение, что я будто мелкий хулиган, поскольку я человек с высшим образованием".
"Вопрос: Вы стояли спиной к случаю?"
"Вопрос: Сколько тела попало под стрелу?"
"Отец и мать Бориса на меня произвели хорошее впечатление: отец злоупотребляет алкоголем, а мать не работает".
"Перед нанесением удара потерпевшему, он к нему находился в задне-правобоковом положении".
"Он с силой ударил меня кулаком по лицу, после чего у меня начался массовый падеж зубов".

Из протоколов осмотров:

"Обнаружено два трупа — один мертвый, а другой еще живой".
"Установлено: труп является фамилия Трушин, в живности работал бухгалтером совхоза".
"При осмотре трупа никаких следов насилия, кроме свидетельства о регистрации брака, не обнаружено".

"Служебно-розыскная собака по кличке Альфа быстро взяла след, но возвращать его не намеревалась".

Из протоколов других следственных действий:

"Предъявленного мне гражданина я знаю, так как поймал его у себя в кармане".

"При обыске в сарае Наумова обнаружены баранья голова, ноги и овчина. При осмотре Дронов в бараньей голове опознал свою собственную голову".

Юмор — неотъемлемая черта характера криминалиста. Я не знаю, как и чем объяснить этот феномен. Наверное, это пошло еще с тех времен, когда "серьезные ученые" не принимали нашу науку всерьез, а мы, "выпуская пар", подшучивали друг над другом. Но способность к самоиронии — драгоценное качество, оно помогает нам не зазнаваться при успехах и не падать духом от неудач.

Примечания:

[1] Не только смеха ради, или Нарочно не придумаешь / Сост. В. Л. Скрипко. М., 1998.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судить читателю, насколько правомерно было объединять историю науки, а она документально точна, и за это я ручаюсь, с историческими экскурсами в биографию автора и его окружения. Я стремился не только проследить путь развития научных идей и теорий, категорий и институтов криминалистики, но и развития криминалистических учреждений, историю людей, олицетворяющих собой науку и практику. К сожалению, рассказать обо всех, действительно достойных представителях нашей нелегкой профессии мне не позволили ни объем книги, ни мой возраст, когда каждый день расцениваешь как подарок судьбы и хочется успеть сделать еще многое: на очереди, если доведется, еще несколько проектов, которые очень хочется реализовать. Время — это уже не деньги, а уходящая жизнь. И да простят меня те, о ком в этой книге лишь упоминание или даже нет и его: они все в моей памяти, я ценю их всех.

Рассказывая об эпизодах своей жизни, я старался избегать эмоций, смотреть как бы со стороны. Может быть, это получалось не всегда, не судите строго, я ведь тоже не только криминалист. Мне не следует сетовать на судьбу: так или иначе все, что задумывалось, удавалось осуществить, друзьями и детьми Бог не обидел, а на высокие посты никогда не стремился, даже с руководства кафедрой пару раз пытался уйти, поскольку "нет должности прекраснее на свете, чем быть профессором в университете", то бишь в вузе МВД, в чем я убедился сейчас окончательно.

Большую часть жизни я носил милицейские погоны, никогда не стеснялся этого, и когда Сергей Михайлович Крылов предложил мне переаттестоваться в "зеленого" (внутренней службы), я не последовал примеру некоторых сослуживцев и отказался. Так и дослужился до милицейского генерала.

Итак, очередная книга закончена, но пишущая машинка, "подруга дней моих суровых", не зачехлена, чистая бумага теперь не проблема и порох в пороховницах еще есть. До новых встреч, читатель!

Хронологияформирования и развития отечественной криминалистики, криминалистических экспертных и научных учреждений

1. Этап консолидации криминалистических знаний и конституирования криминалистики как самостоятельной области научных знаний

XV—XVI вв. — первые упоминания в судебных архивах об осмотре документов и сличении почерков при разбирательстве наследственных тяжб и спорных сделок купли-продажи.

XVI—XVII вв. — в Судебнике 1550 г. и Соборном Уложении 1649 г. предусматривается ответственность за подлог документов и описываются способы подделки печатей, царских грамот и приказных писем.

XVII в. — Повеление Василия Шуйского о сличении почерков дьяками и подьячими.

1832 г. — Введение в Своде законов правил судебной проверки подлинности документов путем сличения почерков секретарями присутственных мест.

30—60-е гг. XIX в. — издание ряда процессуальных руководств, содержащих криминалистические рекомендации следователям и судьям: Н. Орлова "Опыт краткого руководства для произведения следствий" (М., 1833), Я. Баршева "Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству"(СПб., 1841), А. Квачевского "Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г." (СПб., 1867) и др.

1889 г. — открытие Е. Ф. Буринским на собственные средства первой в России судебно-фотографической лаборатории при Пе80—90-е гг. XIX в. — разработка Е. Ф. Буринским фотографических методов исследования вещественных доказательств.

1890 г. — введение антропометрии в России.

1893 г. — открытие первой государственной российской судебно-фотографической лаборатории при прокуроре С.-Петербургской судебной палаты.

1895—1896 гг. — издание в Смоленске русского перевода книги Г. Гросса "Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции".

1903 г. — издание книги Е. Ф. Буринского "Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею" (СПб).

1909 г. — практическое руководство В. И. Лебедева "Искусство раскрытия преступлений" в трех выпусках (дактилоскопия, или пальцепечатание; антропометрия; судебно-полицейская фотография).

1909 г. (Варшава), 1911 г. (Одесса), 1912 г. (СПб., эксперт В. И. Лебедев) — первые дактилоскопические экспертизы в России.

30 декабря 1906 г. — циркуляр Главного тюремного управления России о введении дактилоскопирования во всех тюрьмах.

6 июля 1908 г. — закон о введении дактилоскопирования во всех уголовно-полицейских отделениях России.

1908 г. — издание в С.-Петербурге полного русского перевода 4-го издания книги Г. Гросса с уже измененным названием: "Руководство для судебных следователей как система криминалистики".

1911 г. — курс лекций по криминалистике, прочитанный Р. Рейссом в Лозанне (Швейцария) чинам русского судебного ведомства.

1911—1912 гг. — курс лекций, прочитанных по криминалистике ст. юрисконсультом Министерства юстиции С. Н. Трегубовым в Военно-юридической академии и Училище правоведения (СПб.).

1912 г. — издание С. Н. Трегубовым конспекта лекций Рейса под названием "Научная техника расследования преступлений" (СПб.).

1912 г. — российский закон об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре С.-Петербургской судебной палаты.

1913—1914гг. — организация кабинетов научно-судебной экспертизы в Москве, Киеве и Одессе.

1915 г. — издание С. Н. Трегубовым в С.-Петербурге книги "Основы уголовной техники", основное содержание которой составляли лекции Рейсса.

1916 г. — издание брошюры Б. Л. Бразоля "Очерки по следственной части. История. Практика" (Петроград) — первая отечественная работа, один из разделов которой был посвящен следственному осмотру различных объектов (подробно — документов).

1—9 июля 1916 г. — 1-й съезд экспертов-криминалистов в Пет- Доклады управляющих кабинетами судебной экспертизы:

Петроградским — А. Н. Попова, Московским — Н. М. Шабловского, Киевским — С. М. Потапова, Одесским — Н. П. Макаренко.

1918 г. — организация первого учебно-показательного криминалистического музея при Управлении уголовно-розыскной милиции Москвы.

1919 г. — организация при Центральном управлении уголовного розыска России кабинета судебной экспертизы, регистрационного и дактилоскопического бюро и уголовного музея. В 1921 г. Кабинет реорганизуется в научно-технический подотдел, а в 1922 г. — в научно-технический отдел УР НКВД с экспертным подотделом,начальником которого назначается С. М. Потапов.

1921 г. — статья Г. Ю. Маннса "Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания", в которой обосновывалась необходимость включения курса криминалистики в систему вузовского образования юристов.

1923 г. — организация кабинета научно-судебной экспертизы в Харькове.

1923 г. — первая отечественная монография по криминалистике П. С. Семеновского "Дактилоскопия как метод регистрации".

1924—1930 гг. — работы И. Н. Якимова, Н. П. Макаренко, В. И. Громова, В. М. Натансона, П. П. Михеева, Н. Н. Семенова и др., в которых излагаются их взгляды на природу криминалистики преимущественно как естественнотехнической науки. Получает распространение предложенное И. Н. Якимовым деление криминалистики на уголовную технику и уголовную тактику (1929).

1925 г. — пособие Н. С. Бокариуса "Первоначальный наружный осмотр трупа при милицейском и розыскном дознании" (Харьков).

1925 г. — преобразование кабинетов научно-судебной экспертизы на Украине в институты научно-судебной экспертизы.

1926 г. — книга С. М. Потапова "Судебная фотография" (М.). Впервые дается определение судебной фотографии и ее системы.

1926—1927 гг. — издание в Харькове сборников трудов "Архив криминологии и судебной медицины" со статьями по криминалистике.

1928 г. — первый выпуск слушателей Курсов для подготовки научно-технических экспертов милиции (Москва).

1929 г. — открытие Института криминалистики и судебной экспертизы в Минске.

1929 г. — В. И. Громов в книге "Методика расследования преступлений" предлагает выделить в системе криминалистики третью часть, которую он назвал "методикой расследования преступлений".

1930—1936 гг. — создание в Саратовском, Ленинградском юридических и Московском правовом институтах учебных криминалистических лабораторий, которые вскоре стали выполнять экспертизы для органов прокуратуры и суда.

1935 г. — организация криминалистической лаборатории в vro .noBHoft политики при Прокуратуре, Верховном суде СССР и НКЮ РСФСР. В 1938 г. лаборатория переводится в Институт права АН СССР, а в 1951 г. — в ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР.

1935—1936 гг. — первый отечественный двухтомный учебник криминалистики для юридических вузов, отражающий трехчленную систему криминалистики — техника, тактика, методика.

1937 г. — монография В. Ф. Червакова "Судебная баллистика" — первая отечественная фундаментальная работа в этой области.

1938—1939 гг. — второй вузовский двухтомный учебник криминалистики, где криминалистика определяется как наука о расследовании преступлений (Е. У. Зицер).

1938 г. — организация кафедры криминалистики и судебной медицины в Харьковском юридическом институте.

1938 г. — статья Б. М. Шавера "Предмет и метод советской криминалистики"//Соц. законность, № 6.

1940 г. — статья С. М. Потапова "Принципы криминалистической идентификации" (Сов. государство и право, № 1), содержащая исходные положения конструируемой им теории криминалистической идентификации.

1940 г. — монография А. И. Винберга "Криминалистическая экспертиза письма" — первая фундаментальная отечественная работа, положившая начало разработке теории графической идентификации.

1941 г. — кандидатская диссертация С. Г. Кривицкого "Основные вопросы тактики допроса в стадии предварительного следствия" (Московский юридический институт) — первая подобная работа по этой проблематике.

1941 г. — кандидатские диссертации А. И. Князева "Уголовная регистрация" (Московский юридический институт) и Д. П. Рассейкина "Уголовная регистрация преступников в СССР" (Харьковский юридический институт).

2. Этап формирования развитых криминалистических теорий

1944 г. — организация Центральной криминалистической лаборатории НКЮ; с 1946 г. входит в состав Всесоюзного института юридических наук, в 1962 г. на ее базе создается Центральный (с 1963 г. Всесоюзный) НИИ судебных экспертиз (ныне Российский федеральный центр судебной экспертизы).

1945 г., декабрь — организация НИИ криминалистики Главного управления милиции МВД СССР, а в 1960 г. Преобразование его в НИИ милиции, затем во Всесоюзный НИИ МВД СССР (ныне ВНИИ МВД РФ).

1945 г. — защита Б. М. Комаринцем первой кандидатской диссертации по судебной баллистике — "Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам".

1946 г. — организация Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов (в 50-х гг. перестало существовать).

1946 г. — брошюра С. М. Потапова "Введение в криминалистику", содержащая развернутое изложение основ его теории криминалистической идентификации.

1947г. — работа Б. И. Шевченко "Научные основы современной трасологии", заложившая основы криминалистического учения о механизмах следообразования и содержавшая первую развернутую классификацию следов-отражений.

1947г. — докторская диссертация И. Н. Якимова "Следственный осмотр".

1948 г. — организация Ленинградской научно-исследовательской криминалистической лаборатории, положившая начало созданию сети экспертных лабораторий в России.

1949 г. — монография А. И. Винберга "Основные принципы советской криминалистической экспертизы", положившая начало разработке правовых основ судебной экспертизы, содержания и стадий процесса экспертного исследования и проблемы оценки заключения эксперта следователем и судом.

1949 г. — организация ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР (ныне— НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ).

1949г. — книга Н. В. Терзиева "Введение в криминалистическое исследование документов", в которой впервые употребляется термин "техническая экспертиза документов".

1950г. — А. И Винбергом предложено первое развернутое определение предмета криминалистики ("Криминалистика", учебник для юридических вузов).

1951г. — концепция П. И. Тарасова-Родионова о двойственной — юридической и естественнотехнической природе криминалистики(статья "Сов. криминалистика" // Соц. законность, № 7).

1951 г. — кандидатская диссертация Л. Е. Ароцкера "Следственный эксперимент в советской криминалистике" — первое монографическое исследование проблематики следственного эксперимента.

1951 г. — выход в свет сборника ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР "Советская криминалистика на службе следствия" (№ 1—15), с 1961 г. он стал выходить под названием "Вопросы криминалистики" (№ 1—15), с 1965 г. под названием "Вопросы предупреждения преступности" (№ 1—4), а с № 5 под названием "Вопросы борьбы с преступностью". Всего вышло 47 вып. (последний — в 1988 г.).

1951—1955 г. — первые монографические исследования проблеем криминалистической экспертизы оттисков печатей и штампов (Э. Б. Мельникова), замков и пломб (М. В. Салтевский), машинописных текстов (3. Г. Самошина), портретной экспертизы (А. А. Гусев), тактики обыска (Е. М. Лифшиц), предъявления для опознания *(Т.* И. Кочаоов).

1951—1986 гг. — цикл работ В. Я. Колдина по проблемам теории криминалистической идентификации.

1952 г. — дискуссия во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР о предмете и природе криминалистики, обоснование ее юридической природы.

1953—1987 гг. — цикл работ А. Р. Шляхова по проблемам судебной экспертизы.

1954 г. — докторская диссертация С. П. Митричева "Основные теоретические вопросы советской криминалистики".

1954—1984 гг. — цикл работ В. А. Снеткова по проблемам идентификации личности по внешним признакам.

1955 г. — дискуссия во ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР о предмете следственной (криминалистической) тактики и ее месте в системе науки.

1957г. — организация НИИ судебных экспертиз в Алма-Ате.

1958 г. — организация НИИ судебных экспертиз в Ташкенте.

1958—1974 гг. — подготовка экспертов-криминалистов на базе высшего юридического образования в Высшей школе МВД СССР (Москва).

1959 г. — издание первого учебника по криминалистике для средних специальных школ милиции под ред. А. И. Винберга.

1959 г. — открытие НИИ судебных экспертиз в Минске.

1960—1969 гг. — цикл работ Л. Е. Ароцкера по проблемам применения криминалистических рекомендаций судом.

1960—1984 гг. — цикл работ А. Н. Васильева по общим проблемам криминалистики, тактики и методики.

1960—1987 — цикл работ И. Ф. Крылова по истории криминалистики, судебной экспертизы и экспертных учреждений.

1961 г. — докторская диссертация Р. С. Белкина "Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике" (ВИЮН).

1961 г. — образование Литовского НИИ судебных экспертиз.

1962г. — докторская диссертация В. П. Колмакова по проблемам борьбы с убийствами (Харьковский юридический институт).

1965 г. — публикация В. Безрукова, А. Винберга, М. Майорова, Р. Тодорова "Новое в криминалистике", положившая начало разработке проблем криминалистической одорологии.

1965 г. — докторская диссертация Н. А. Селиванова "Научно-технические средства расследования преступлений (правовые, методологические основы применения, современное состояние и перспективы развития)".

1965 г. — докторская диссертация В. И. Попова "Розыскная деятельность при расследовании преступлений" (МГУ) — первое фундаментальное исследование этой проблематики в отечественной литературе.

1965—1988 гг. — цикл работ А. А. Эйсмана по логике экспертного иссследования и доказывания.

1966—1973 гг. — учебник для экспертов-криминалистов "Криминалистическая экспертиза" в 8 т. (Москва, Высшая школа МВД СССР).

1967 г. — новое определение предмета криминалистики через указание на объективные закономерности действительности, изучаемые этой наукой (Р. С. Белкин, Ю. И. Краснобаев).

1967 г. — книга А. Р. Ратинова "Судебная психология для следователей", положившая начало возрождению отечественной судебной психологии.

1967 г. — докторская диссертация А. Н. Колесниченко "Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений" — первая работа по общим положениям криминалистической методики подобного уровня.

1968—1991 гг. — цикл работ С. М. Вула по проблемам автороведческой экспертизы.

1968—1981 гг. — цикл работ И. М. Лузгина по проблемам методологии и методов расследования.

1969 г. — организация Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории МВД СССР. Впоследствии на базе отделов ЦНИКЛ и ВНИИ МВД создается Экспертно-криминалистический центр МВД РФ.

1969 г. — докторская диссертация М. В. Салтевского "Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе".

1970 г. — дискуссия о предмете криминалистики (г. Свердловск).

1970 г. — учебник А. В. Дулова "Судебная психология" (г. Минск).

1970 г. — докторская диссертация Г. Г. Зуйкова "Криминалистическое учение о способе совершения преступления" — первое отечественное фундаментальное исследование этой проблематики.

1970 г. — монография и докторская диссертация Р. М. Ланцмана "Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания" — первое отечественное фундаментальное исследование в области применения кибернетических методов в криминалистике и судебной экспертизе.

1970—1988 гг. — цикл работ Р. С. Белкина по проблемам общей и частных криминалистических теорий. Издание трехтомного "Курса советской криминалистики" (1977—1979 гг.). Второе переработанное и дополненное издание "Курса криминалистики" вышло в 1997 г.

1971 г. — монография и докторская диссертация В. С. Митричева "Научные основы и общие положения криминалистических идентификационных исследований физическими и химическими методами", послужившие научным обоснованием экспертизы материалов и веществ.

1972—1979 гг. — цикл работ А. В. Дулова по теории тактических операций, положивший начало формированию этой частной

1972 г. — статья В. А. Снеткова "Проблемы криминалистической диагностики" (Тр. ВНИИ МВД СССР, № 23), положившая начало формированию этой частной криминалистической теории.

1972 г. — издание совместного советско-болгарского учебника "Криминалистика" под ред. Р. С. Белкина и И. Вакарелского (на болгарском языке, София).

1973 г. — открытие факультета по подготовке экспертов-криминалистов в Высшей следственной школе МВД СССР (ныне Волгоградский юридический институт МВД РФ).

1973 г. — монография Ф. В. Глазырина "Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий".

1973—1979 гг. — цикл работ А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской по проблемам судебной экспертологии.

1977 г. — докторская диссертация Н. И. Порубова "Научные основы допроса на предварительном следствии".

1977—1984 гг. — цикл работ О. Я. Баева по проблемам криминалистической тактики и теории конфликтов на предварительном следствии.

1978 г. — докторская диссертация Ю. Г. Корухова "Организация, нормативное регулирование криминалистических исследований в деятельности правоохранительных и правоприменительных органов", содержащая анализ использования данных криминалистики в иных, кроме судопроизводства, областях деятельности.

1978 г. — начало издания ВНИИСЭ серии словарей экспертных терминов.

1980 г. — докторская диссертация Г. А. Матусовского "Криминалистика в системе юридических наук и ее межнаучные связи".

1980 г. — докторская диссертация А. А. Хмырова "Теоретические основы и практика использования косвенных доказательств в уголовных делах (процессуальное и криминалистическое исследование)".

1982г. — монография Н. А. Селиванова "Советская криминалистика: система понятий".

1983г. — монография Ю. Г. Корухова "Трасологическая диагностика".

1984г. — докторская диссертация Н. С. Полевого "Методологические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники".

1984—1985 гг. — издание совместного советско-чехословацкого учебника "Криминалистика" в 3-х т. под ред. Р. С. Белкина и Я. Пегцака (на чешском языке,

Прага).

1985г. — докторская диссертация В. А. Образцова "Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений".

1986г. — докторская диссертация И. А. Возгрина "Теоретические основы методики как раздела криминалистической науки".

1987г. — докторская диссертация В. Е. Корноухова "Теория и практика комплексных криминалистических исследований свойств человека на основе использования специальных знаний".

1986г. — цикл работ и докторская диссертация А. А Закатова "Криминалистическое учение о розыске".

1987 г. — цикл работ и докторская диссертация Л. Я. Драпкина "Основы криминалистической теории следственных ситуаций".

1988 г. — монография В. А. Образцова "Криминалистическая классификация преступлений" (г. Красноярск).

1989 г. — цикл работ и докторская диссертация В. В. Вандышева "Теоретические и практические аспекты взаимосвязи криминалистики и виктимологии".

1989 г. — докторская диссертация Д. А. Турчина "Теоретические основы криминалистического учения о материальных следах".

1990—1995 гг. — активизация исследований в области общей теории судебной экспертизы (работы И. А. Алиева, Ю. Г. Корухова, Ю. К. Орлова, Е. Р. Российской, Т. В. Аверьяновой и др.).

1991 г. — докторская диссертация В. Ф. Робозерова "Теория и практика раскрытия имущественных преступлений, совершенных в условиях неочевидности".

1991 г. — докторская диссертация Л. В. Виницкого по проблемам следственного осмотра.

3. Развитие российской криминалистики

1992 г. — докторская диссертация и монография В. Н. Карагодина "Преодоление противодействия предварительному расследованию" (г. Екатеринбург).

1992 г. — докторская диссертация Н. П. Майлис "Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз".

1992 г. — докторская диссертация И. Н. Сорокотягина "Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений" (г. Екатеринбург).

1992 г. — докторская диссертация Н. Г. Шурухнова "Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях" — первое фундаментальное исследование подобной проблематики.

1992г. — докторская диссертация В. И. Рохлина "Проблемы совершенствования методик расследования преступлений в сфере хозяйственной деятельности".

1993 г. — докторская диссертация Е. Р. Российской "Концептуальные основы теории неразрушающих методов исследования вещественных доказательств".

1993 г. — монография С. Н. Чурилова "Проблемы общего метода расследования преступлений" и докторская диссертация по этой проблематике.

1993 г. — монография Л. Г. Горшенина "Основы теории криминалистического прогнозирования" и докторская диссертация по этой проблематике.

1993 г. — докторская диссертация В. Н. Григорьева "Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика)" — первое в отечественной литературе исследование данной

проблематики.

1994 г. — цикл работ и докторская диссертация В. М. Мешкова "Основы криминалистической теории временных связей".

1995г. — цикл работ и докторская диссертация В. А. Жбанкова "Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике".

1995—1996 гг. — коллективная монография "Курс криминалистики", т. 1, под ред. В. Е. Корноухова (г. Красноярск).

1993—1995 гг. — издание трехтомного учебника криминалистики для вузов МВД (М., Омск, Волгоград, Н. Новгород).

1994 г. — докторская диссертация Т. В. Аверьяновой "Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития".

1994 г. — международный симпозиум, посвященный 75-летию экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел России. Доклад Р. С. Белкина о современных взглядах на природу криминалистики (наука интегральной природы).

1995 г. — цикл работ и докторская диссертация Н. Н. Лысова "Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений".

1996 г. — авторский курс лекций В. А. Образцова "Криминалистика".

1996 г. — монография "Проблемы судебно-биологической экспертизы" Е. И. Майоровой и ее докторская диссертация "Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы".

1996 г. — монография В. Б. Вехова "Компьютерные преступления: способы совершения и методики расследования".

1996 г. — практическое пособие Е. Р. Российской "Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе".

1997 г. — книга Р. С. Белкина "Криминалистическая энциклопедия".

1997 г. — цикл работ и докторская диссертация А. Ф. Лубина "Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности".

1997 г. — цикл работ и докторская диссертация А. С. Подшибякина "Криминалистическое учение о холодном оружии".

1997 г. — монография Т. С. Волчецкой "Криминалистическая ситуалогия" и ее докторская диссертация по этой проблематике.

1997 г. — монография А. М. Кустова "Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления" и его докторская диссертация по этой проблематике.

1997 г. — монография А. А. Протасевича, Д. А. Степаненко, В. И. Шиканова "Моделирование в реконструкции расследуемого события. Очерки теории и практики следственной работы".

1997г. — цикл работ и докторская диссертация С. И. Зернова "Теоретические и прикладные проблемы применения специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений, сопряженных с пожарами".

1997г. — цикл работ и докторская диссертация И. А. Попова "Расследование преступлений, связанных с пожарами".

1998 г. — монография Ю. Г. Корухова "Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений".

1999 г. — справочное пособие Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, Ю. Г. Корухова, Е. Р. Российской "Энциклопедия судебной экспертизы" под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Российской.

1999 г. — Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Российская "Криминалистика", учебник для вузов, под ред. Р. С. Белкина.